

*БОСПОРСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ*

Вып. XXIII

**BOSPOROS
STUDIES**

Vol. XXIII

Симферополь - Керчь

2010

Simferopol - Kerch

*Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е.Крымского
Национальной академии наук Украины*

*Центр археологических исследований
Фонда «Деметра»*

Рекомендовано к изданию Ученым советом Крымского отделения
Института востоковедения НАН Украины

Редакционная коллегия:

А.И. Айбабин, д.и.н., проф. (главный редактор)
В.Н. Зинько, д.и.н. (зам. главного редактора)
М.Г. Крамаровский, д.и.н.
С.Д. Крыжицкий, чл.-корреспондент НАН Украины
А.А. Масленников, д.и.н., проф.
Л.В. Матвеева, д.и.н.
Е.А. Молев, д.и.н., проф.
В.А. Сидоренко, к.и.н.
И.Н. Храпунов, д.и.н., проф.

Состав редколлегии утвержден Ученым советом Крымского отделения
Института востоковедения НАН Украины (Протокол № 2 от 17.03.2009 г.)

Ответственные редакторы: д.и.н. В.Н. Зинько
к.и.н. Н.А. Сон

Ответственный секретарь к.и.н. А.В. Зинько

**М 34 Боспорские исследования. - Вып. XXIII. /Отв.ред. В.Н. Зинько, Н.А. Сон –
Симферополь-Керчь. – 2010. - 528 стр. + 2 вкл.**

В очередном томе «Боспорских исследований», посвященном памяти украинского археолога и историка В.М. Зубаря (1950-2009 гг.), представлены статьи по античной и средневековой истории Северного Причерноморья коллег и учеников из Украины, России, Германии, Польши и США.

Для археологов, историков, музейных сотрудников, преподавателей и студентов, а также всех, кто интересуется античной и средневековой историей и археологией Северного Причерноморья.

Свидетельство о гос. регистрации – серия КВ, № 8048, 23.10.2003 г.

© Крымское отделение Института востоковедения
им. А.Е.Крымского НАН Украины, 2010

© Центр археологических исследований
БФ «Деметра», 2010

С. Б. СОРОЧАН

МОЙ ДРУГ ВИТАЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ЗУБАРЬ

*Самая недостижимая скорость –
это скорость останавливающегося сердца*

Дмитрий Щеглов

В ночь с 19 на 20 марта 2009 г. ушел из жизни выдающийся украинский антиковед Виталий Михайлович Зубарь. Ушел, не достигнув своего приближающегося 60-летия, остановившись на ходу, не дописав, не договорив, не деспорив, полный планов, задумок, к которым всегда была склонна его неумная голова. Кто-то из древних, кажется, Плавт, сказал, что неожиданное случается в жизни чаще, чем ожидаемое. За несколько часов до смерти я еще слышал в телефонной трубке его глуховатый, усталый голос, ободрявший меня, сочувствовавший, уверявший, что никто не знает, где кончается здоровье и начинается болезнь, и что проблем хватает у всех... Неумолимый закон, распределяющий успех и неудачу в пределах одной человеческой жизни, работал безотказно и здесь. Судьба дала все, все, кроме старости. Впрочем, с моей точки зрения, это идеально законченная жизнь, ибо конец нас ожидает один. Разница лишь в том, с чем мы приходим к нему.

Не хочется писать о покойном без живого слова, казенно – «родился», «учился», «работал», «посвятил», «занимался». Слишком остры гнет несчастья, боль утраты, особенно для таких, как я, кто долгие годы не просто знал Виталия Михайловича, но был его другом, добрым товарищем, сотрудничал и делил с ним радости и ненастья. Есть много способов выразить любовь. Воспоминания, идущие сквозь сердце, один из них.

Судьба свела нас в Харькове, где Виталий уже заканчивал истфак Харьковского государственного университета, тогда еще имени пролетарского писателя А.М. Горького, а я только поступил на первый курс того же факультета в 1971 г. У нас оказался и общий научный руководитель, античник, крупный специалист по истории Херсонеса Таврического, доцент Владимир Иванович Кадеев, автор известных “Очерков истории экономики Херсонеса Таврического в I - IV веках н.э.”, работавший в те годы над докторской диссертацией. Я принялся под его руководством увлеченно заниматься изучением херсонесских светильников, тогда как Виталий, со школьных лет без памяти влюбленный в археологию, писал дипломную работу о херсонесском некрополе первых веков н.э. (Рис.1) Я был приезжим в Харькове, а мой повый друг – коренным харьковчанином, родившимся в интеллигентной семье, жившей в скромной квартире на первом этаже старого двухэтажного дома в самом центре Харькова (Рис. 2).

Помню длинную деревянную веранду с деревянной же лестницей и просторную, просто меблированную гостиную комнату с несколькими письменными столами. Отец Виталия, Михаил Иванович Зубарь (1907 – 1992), многие годы преподавал на должности доцента в Харьковском институте культуры (Рис.3), нынешней Академии культуры, где его помнят до сих пор, и имел прекрасную библиотеку, украшением которой был полный Брокгауз и Ефрон. Спустя годы я получил в подарок часть этого наследия в виде богатой коллекции открыток по истории искусства, которой пользуюсь в своей работе до сих пор.

Наша жизнь обозначена бакенами, как морской фарватер. Происходящее с нами образует единую цепь, и она, в свою очередь, сковывает нас, даже тогда, когда судьба, на первый взгляд, разводит. Мы тоже на время расстались, и на достаточно долгий срок, в 1973 г. Виталий поступил в аспирантуру Института археологии АН УССР в Киеве, где его научным руководителем стал такой известнейший специалист, как профессор Алексей Иванович Терножкин, а я остался учиться в Харькове. Но связи наши не прервались, мы часто писали друг-другу, обменивались добытыми научными новинками, советовались. Виталий со всем рвением и страстью работал над херсонесскими погребениями, каждое лето пропадал в Севастополе, обмеривая, перемеривая, расчищая херсонесские могилы, склепы, в чем ему, в частности, помогал другой наш общий хороший знакомый, тоже выпускник харьковского истфака и ученик В.И. Кадеева, Станислав Григорьевич Рыжов, работавший в Херсонесском музее (в соавторстве с ним появится первая научная публикация Виталия в “Археологических открытиях в СССР за 1975 г.”). Я, сам севастополец, принимал участие в раскопках Херсонеса, проходил там археологическую практику и наблюдал, как Виталий организует уже свои экспедиции по исследованию западной части херсонесского некрополя, самой малоизученной. В фондах и архиве музея мы трудились часто вместе, каждый над своим, я, будучи аспирантом В. И. Кадеева, собирал материалы по истории торговли Херсонеса в I в. до н.э. – V в. н.э., а Виталий готовил кандидатскую диссертацию по теме “Некрополь Херсонеса Таврического в I – IV вв. н.э.”, которую защитил в 1978 г. Помню, он рассказывал с задором, как отбивался от оппонентов, особенно от вездливой Татьяны Николаевны Дашевской из Крымского отделения Института археологии АН УССР, парируя ее многочисленные возражения цитатами-ссылками из текста собственной диссертации. Одним словом, мы были молоды и поэтому, смотря на мир, думали, что все возможно.

Наша харьковская экспедиция постоянно работала с 1981 г. в портовом районе Херсонеса и мы тесно общались с коллегами из Киева, девять лет подряд, с 1980 по 1989 гг., из сезона в сезон работавших на западной оконечности городища в поисках гробниц (Рис. 4). Запомнились некоторые моменты раскопок подземных склепов, Виталий, сидящий на корточках перед входом в очередную погребальную камеру, и мы, остальные, с азартом набрасываю-

щиеся на извлекаемые из сырой тьмы находки, включая мои любимые светильники. Виталий неизменно консультировался о них у меня и столь же неизменно указывал на это в своих отчетах и публикациях. Он вообще был исключительно порядочен, а поэтому до крайности внимателен к сделанному другими, и никогда не забывал отмечать чужой вклад в своих работах. Потом пошли совместные статьи, главным образом, о новых материалах из западного некрополя, где моим приоритетом были опять-таки светильники. Одна из наших статей о роли светильников в погребальном обряде, вышедшая в 1984 г., получилась особенно удачной и не потеряла своего значения до сих пор. Помню, как мы долго компоновали ее, обменивались частями текста. Благо, приезды Виталия в Харьков оставались частыми, здесь сына всегда ждали старики родители. К слову, в семье Михаил Иванович, прекрасно знавший русский язык, говорил на украинском и, видимо, это обстоятельство, так сказать, эффект личного общения, сказался в отношении Виталия к украинскому языку, который он любил и старался где возможно, особенно после обретения Украиной независимости, применять, пеняя тем, кто этого не делал. Забегая вперед, скажу, что его всегда интересовала политика, и среди пылко настроенного братства Майдана стоял и он, отраженный в мутных зеркалах времени, завожженный единым дыханием мечты, мечты, увы, не сбывшейся и поэтому заставившей со временем стать более пессимистичным. “Поживем – увидим”, проносимое им с надеждой, сменилось в последние годы на горькое “Бог с ними”.

Возвращаясь к описанию сделанного, замечу, что вклад молодого исследователя в изучение херсонесского некрополя, как показало время, оказался неоценим. Вышедшая в 1982 г. книга остается до сих пор актуальной и ценна не только максимально полной типологией погребений, чем археологов не удивишь, но и первыми попытками представить пространственную организацию кладбища первых веков н.э. Долгие годы она продолжает быть востребованной и актуальной, несмотря на отдельные недоработки, отчетливее видимые теперь из дали времени. Лишь незадолго до смерти Виталия Михайловича появился фундаментальный труд его коллеги, докторанта Аллы Валерьевны Буйских, о пространственной организации античного Херсонеса, где была сделана попытка внести уточнения и дополнения к тому, что было достигнуто к началу 80-х гг. прошлого века. Пожалуй, кроме Г.Д. Белова и А.Н. Щеглова, больше никто не приближался к этой тематике столь близко.

С 1976 г. началась работа Виталия Михайловича в качестве младшего научного сотрудника в отделе античной археологии Института археологии АН УССР, отделе, который долгие годы возглавляет доктор архитектуры, член-корреспондент АН УССР Сергей Дмитриевич Крыжицкий. Вспоминаются их совместные приезды в Севастополь и кипучая энергия, деловитость Виталия, все время озабоченного новыми научными проектами, расходными сметами, поисками транспорта, организацией поездок по археологическим памятникам, бесконечными хлопотами сначала по новостроечным экспедициям

Института археологии, а с 1980 г. – по херсонесской экспедиции. Последние вылились в Херсонесе в создание небольшой, но уютной собственной базы Института археологии с крохотными деревянными домиками, смотревшими на море. Теперь от них не осталось и следа, как и от самой базы, несколько лет просуществовавшей после того, как с 1990 г. прекратились регулярные археологические работы по исследованию западного некрополя.

Во время наших харьковских встреч мы могли общаться часами: Виталий любил за столом обсуждать результаты, скрупулезно, *pes plus ultra*, до мелочей строить планы работы, особенно совместной, оговаривать заранее наиболее спорные, дискуссионные места, по давней своей привычке скатывая при этом в тонкую трубочку листик фольги или целлофана от пачки сигарет. Так с этой трубочкой, перекатываемой в ладонях, он навсегда останется в моей памяти.

А обсуждать можно было многое. Виталий задумал и стал осуществлять проект своей докторской диссертации, которую он решил посвятить Херсонесу, но попытаться на сей раз на основании всех возможных источников охватить целиком его развитие от момента создания вплоть до поздней античности, причем рассмотреть все: политику, экономику, социальные отношения, этнический состав, идеологию, религию. Здесь было столько же по специальности “всеобщая история”, сколько по специальности “археология”. Замечу, что этой характерной особенностью будут отличаться все последующие труды Виталия Михайловича. Он старался смотреть на материалы любой научной проблемы максимально комплексно. Недаром образцом для него оставались труды корифея антиковедения Михаила Ивановича Ростовцева, светлой памяти которого он посвятил одну из своих книг.

На первый взгляд, задуманное было не просто велико, оно было дерзко, учитывая, что сравнительно не так давно была защищена докторская диссертация В.И. Кадеева и в 1981 г. на ее основе в Харькове вышла книга “Херсонес Таврический в первых веках нашей эры”, сразу же получившая признание специалистов. Первый вариант того, что сделал Виталий и дал на ознакомление мне, как и некоторым другим, в том числе Владимиру Ивановичу, не понравился. Помню, мы обменивались мнением с Кадеевым, который довольно резко отнесся к подготовленному. Но Виталий не сдавался, готовил новый вариант, улучшал текст, включал новые источники, ревидировал известные, особенно эпиграфические, перерабатывал горы новой литературы, западных изданий, к добыче которых он был особенно охоч. Диссертация на тему “Херсонес и Римская империя” была защищена в совете Института археологии в 1991 г., невзирая на отрицательное выступление В.И. Кадеева, члена совета, при ее защите. Это на долгие годы посеет отчуждение между бывшим учителем и его учеником, хотя со временем минет и это. Приезжая в Харьков, Виталий не избегал встреч, да похоже, и Владимир Иванович стал смотреть на сделанное несколько иначе.

Об этом сделанном можно было судить уже по книге “Херсонес Таврический в античную эпоху”, вышедшей в Киеве в 1993 г. Она охватила часть докторской диссертации и касалась изучения аграрных отношений, обмена и торговли, форм эксплуатации и социальной структуры, а также основных тенденций и особенностей социально-экономического развития этого античного центра с конца V в. до н.э. до второй половины V в. н.э. Видимо, в выборе верхней хронологической границы сказалась ориентированность моей кандидатской диссертации и монографии об экономических связях Херсонеса, вышедшей в 1989 г. в соавторстве с В.И. Кадеевым. В вопросах торговли упор действительно делался на выводы, материалы из этой книги и некоторые мои статьи, из которых наиболее удачной представлялась статья о торговле с населением Юго-Западной Таврики. Виталий Михайлович считал ее образцовой и неоднократно охотно использовал.

С этой книги, вышедшей в издательстве “Наукова думка” в мягкой обложке белого цвета, начинается плодотворный этап издания новых научных монографий по истории Херсонеса, которые даже у коллег-специалистов и всех, кто пользовался ими, получили условные названия по цвету обложек “черная”, “зеленая” и т.д. Уже в 1994 г. в Киеве появился “Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории”, а через четыре года “Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в.)”. До сих пор нет лучших книг, к которым можно было бы отправить желающих выяснить любые стороны военного присутствия Рима в Северном Причерноморье. Полемичные, написанные с большой эрудицией, они, при всех имеющихся недостатках, спорных местах, надолго заняли свое лидирующее место и не только в постоянно пополняющейся “Херсонесиане”. Это были все те же разработки научной проблематики, начатые в докторской диссертации, но созданные уже на новом уровне, с привлечением обильной западной историографии. Начались сравнительно регулярные научные командировки за рубеж, поездки на международные конференции, симпозиумы в Германии, Австрии, Франции. Виталий Михайлович становился признанным специалистом-античником международного уровня и, конечно, среди тех, кто изучал Херсонес, эту его “песню песни”, которой он остался верен на всю жизнь.

Он делал то, что мог, и больше, брался за все, энергично, напористо. Остаётся поражаться его плодовитости как автора. Около трех десятков книг и больше трех сотен статей, публикаций, тезисов докладов вышли из под его пера, точнее, печатной машинки, которую с начала 90-х гг. вытеснил компьютер. Не выдерживая объема растущей информации, один ПК сменял другой. Объем этого наследия, в том числе оставшегося в личном электронном архиве автора, еще предстоит определить, ибо одна библиография работ достойна уважения. И это при том, что Виталий Михайлович был обременен массой иных хлопот, поручений научного характера, которые непрерывно возлагались на него и сжигали значительную часть его рабочего времени.

С 1990 г. он стал старшим, а с 1993 г. ведущим научным сотрудником отдела античной археологии Института археологии, много лет, с 1988 г. беспрерывно, возглавлял редакционно-издательскую работу Института, до последних дней жизни был ответственным секретарем журнала "Археология", которому старался придать международный авторитет, удержать на научной высоте. В редакции журнала сменялись сотрудники, в основном молодежь, шедшая в науку, а Виталий Михайлович оставался неким символом постоянства, стабильности, прочности, надежности. На него всегда можно было положиться, зная о неукоснительной, до шепетильности обязательности этого человека, редкой во все времена. Он не понимал и не хотел понимать как можно подвести, вовремя не ответить на письмо, задержаться с обещанным и настойчиво требовал того же от других.

Останавливаясь у него дома во время приездов в Киев, я неизменно видел его уже в семь часов сидящим за компьютером, что-то набирающим, правящим, редактирующим. Отдыхающим не помню. Отдыхом становилась просто смена формы деятельности. Он непрерывно слал электронные письма своим многочисленным корреспондентам и, если в какой-нибудь из дней от него не было послания, это начинало удивлять и тревожить. Видимо, силу для такой работы давало не только собственное желание, но и отношения сердец, налаженный домашний быт, организованный во многом благодаря заботам Наталии Сон, коллеги по работе, ныне заведующей научными фондами Института археологии, тоже специалиста-античника, ставшей его женой 28 января 1976 г. Сначала жили в полученной от Института однокомнатной "гостинке", где 11 октября 1980 г. родился сын Миша, а потом в трехкомнатной квартире на окраине Троєщини, где у Виталия Михайловича уже был свой кабинет. Шла жизнь, умер в Харькове отец, переехала к сыну мать, Елена Витальевна Коробко (4. 08. 1910 - 16. 04. 1996), которая, прожив несколько лет в Киеве, умерла здесь, в новой квартире. Рос Миша, который хорошо помнил летние экспедиционные времена, проведенные в детстве с отцом, и который с отличием окончив в 2002 г. истфак Киевского национального университета, выбрал свою стезю журналиста. Даже житейские хлопоты не в силах были помешать работе, оставляли дом душевно теплым, вселяли самоощущение покоя, благополучия, постоянства, без которых успешное творчество крайне сложно. Счастье, как и здоровье, не замечаешь, когда оно есть. Теперь эти семейные фрагменты, такие яркие, полные красок, будут выцветать, блекнуть, сереть, уходить в даль прошедшей, невозвратимой жизни, среди которой я вижу себя во время очередного приезда за старинным круглым столом на небольшой уютной кухне, сидящим рядом с Виталием, и угасающий свет дня за окном с подступившими многоэтажками.

С конца 80-х гг. Виталий с головой ушел в давно интересовавшую его тематику истории христианства в Херсонесе. Уже в 1988 г. он написал вместе с Юрием Витальевичем Павленко, ныне известным доктором философии, по-

пулярную книгу “Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси”, которая стала своеобразной пробой пера. Будучи со студенческих лет дружен с Валерием Федоровичем Мещеряковым (1947 - 2002), очень талантливым человеком, доцентом кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского университета, участником наших экспедиций в Херсонес, Виталий Михайлович подхватил и развил его тематику исследований религий и культов Херсонеса. Так, в 1991 г. к XVIII международному конгрессу византистов он опубликовал в изданном в Киеве сборнике “Византийская Таврика” объемную статью об утверждении христианства в Херсонесе, ставшую для него в дальнейшем программной. Основные научные положения ее он неизменно отстаивал до конца своих дней, будучи убежденным сторонником позднего, не ранее конца IV в., принятия новой религии языческим в своей основе городом. Итогом этого направления исследований стала еще одна классическая научная и в то же время доступная по форме книга “От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.)”, написанная в соавторстве с Алексеем Игоревичем Хворостяным, спонсором издания книги, появившейся в Киеве в 2000 г. Она охватывала историю процессов христианизации как Западного, так и Восточного Крыма, то есть территориальные рамки этого исследования простирались от Херсонеса до Боспора. Следует учесть, что Виталий Михайлович с большим увлечением занимался историей античного Боспора, в раскопках малых городов которого, в частности, Мирмекия, участвовал уже школьником, работая в экспедиции прославленного античника Виктора Францевича Гайдукевича (в домашнем архиве сохранились письма Гайдукевича), написал о Боспоре несколько научно-популярных книг и брошюр, в том числе в соавторстве с коллегой по отделу в Институте археологии, доктором исторических наук Анной Станиславовной Русаевой, признанным специалистом по истории религии античных государств Северного Причерноморья (Боспор Киммерийский: история и культура. Николаев: Возможности Киммерии, 1998; На берегах Боспора Киммерийского. Киев: Стилос, 2004). Примечательно, что одной из последних опубликованных при жизни крупных работ стала академическая научная монография “Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории”, изданная в 12-м выпуске “Боспорских исследований” в 2006 г. в соавторстве с известным крымским археологом, доктором исторических наук Виктором Николаевичем Зинько, у которого в экспедиции на раскопках в Керчи он не раз бывал.

С 2000 г. Виталий Михайлович стал проявлять все больше внимания памятникам юго-восточного Крыма, не раз приезжал в Судак, помогал директору музея “Судакская крепость”, своему доброму другу Александру Михайловичу Фарбею и словом, и делом, в частности, организовать издание получившего признание среди специалистов “Сугдейского сборника”. Его третий выпуск увидел свет в 2008 г., будучи презентован в Судаке на сентябрьской

конференции, организованной Национальным заповедником "София Киевская", последней, на которой Виталий Михайлович побывал в Крыму. Во всем этом видны попытки исследовательским взором охватить всю панораму Северного Понта, "забираясь" не только на Боспор, но и в Ольвию, Тиру. К тому же раскопками и исследованием Тиры многие годы занималась его супруга, кандидат исторических наук, с которой он написал небольшую научно-популярную книгу "Греки и римляне в Нижнем Поднестровье", вышедшую в Киеве в 1996 г.

Вообще, интерес к популяризаторству научного наследия самого серьезного уровня у Виталия Михайловича присутствовал всегда, проявляясь в написании соответствующих статей в периодической печати, в выступлениях по радио, съемках телевизионных передач и фильмов о Херсонесе, изготовлении буклетов, карт археологических памятников, интерактивных электронных изданий, из которых наиболее удачными были посвященные памятникам Херсонеса, особенно редким херсонесским христианским расписным склепам, два из которых он раскапывал в 1998 - 1999 гг. в составе совместной экспедиции с австрийскими археологами во главе с Ренатой Пиллингер. В 1997 г. в издательстве "Наукова думка" с посвящением памяти своим родителям он выпустил для широкого круга читателей книгу "Херсонес Таврический. Основные этапы исторического развития в античную эпоху", которая на 120 страницах давала возможность любому, интересующемуся историей, представить всю античную эпопею Херсонеса в тысячелетнюю эпоху VI в. до н. э. – VI в. н.э. На следующий год в фундаментальном трехтомном коллективном труде "Давня історія України", изданном к 80-летию Института археологии АН Украины, во втором томе, посвященном скифо-античной эпохе, появились разделы о Херсонесе Таврическом, Боспоре и Ольвии в первые века н.э., написанные Виталием Михайловичем, а в престижной серии книг "Україна крізь віки" раздел, посвященный Херсонесу в популярной монографии "Античные государства Северного Причерноморья", созданной в соавторстве с С.Д. Крыжицким и А.С. Русяевой. Именно эти издания стали основой для задуманной вместе со мной и директором Национального заповедника "Херсонес Таврический" Леонидом Васильевичем Марченко оригинальной работы, вылившейся в итоге в пространную книгу "Жизнь и гибель Херсонеса", которая оказалась написана достаточно легко, я бы сказал, романтично, без академической мудрености, сухости и получила признание самого широкого круга читателей, начиная с любителей и кончая серьезными специалистами. К настоящему времени издательства "Майдан" и "Библекс", в Харькове и Севастополе, выпустили три ее издания в 2000, 2001 и 2006 гг., а также в киевском издательстве "Вища школа" остается сданной в печать еще одна подобная книга под заголовком "Херсонес Таврический. Путь через века", которая в отличие от предыдущих снабжена большим количеством цветных фото и иллюстраций.

Уже с первого издания стало ясно, что это не легкая беллетристика, но, напротив, первая попытка самым серьезным образом, максимально оставая-

ясь на научных позициях, охватить всю историю Херсонеса от возникновения апойкии до полного прекращения существования города в XV в., причем охватить с учетом современных достижений исследователей, новых концептуальных положений, гипотез, некоторые из которых к тому времени еще не были апробированы в серьезной, специальной научной литературе. Виталий предложил для развития успеха издать еще одну совместную книгу “Херсонес-Херсон-Корсун”, которую мы задумали как своеобразный путеводитель по городищу без экскурсовода, точнее, как книгу, заменяющую экскурсовода. Предполагалось, что в дальнейшем на ее основе будет создан видеофильм, распространяемый на электронных носителях. Книга появилась в Киеве в 2003 г., а уже через два года мы закончили еще одну совместную популярную работу “У истоков христианства в Юго-Западной Таврике: эпоха и вера”, изданную тем же издательским домом “Стилос”. Книга раскрывала основные этапы исторического развития Херсонеса и юго-западного Крыма в последней четверти III – VI вв., как и прежде, подав эти этапы через максимально непредвзятый авторский взгляд. Виталий особенно увлеченно работал над этой книгой, рылся в завалах собранных иллюстраций, подбирая фотографии, рисунки, теребил с поисками оригинальных эпитафий к главам и один из них, стихи нашего коллеги, участника херсонесских раскопок, директора харьковской Школы искусств Алексея Фомина, из сборника “Границы” с особым удовольствием вынес на обложку:

Мы стражи стен, построенных не нами.

Мы страшики по древним городам,

Где Слово Вечной Жизни сами

Апостолы провозвестили нам.

И братство наше больше дней земных

Мы археологи Евангелий святых.

Виталия Михайловича нельзя было отнести к числу людей горячо верующих. Он, скорее, подходил к христианской тематике как глубоко заинтересованный ученый, который пытается расколоть разумом веру, пройти по ней как по тонкому слою льда, не провалившись. Впрочем, может быть, это обстоятельство и спасало его от конфессиональной зашоренности, делало взгляд раскованным, помогало искать ответы на весьма деликатные вопросы. Он не признавал безоговорочные авторитеты и не хотел действовать, жить и умирать, так сказать, на веру, в кредит. В предисловии к этой книге остались следующие, как мне кажется, многое объясняющие слова: “...Мы хотим знать, как это было. Знать без гипноза фанатизма, без фальши, без ревности знать Истину, ту самую, что завещал свидетельствовать Иисус Христос; “...всякий кто от истины, слушает гласа Моего” (Иоанн, 18: 37)”.

Соавторство не останавливало работы над другими, собственными книгами, многочисленными статьями. Особо запомнился увлекательно написанный пространственный очерк “Херсонес - Херсон: от Ифигении до Христа”,

стоивший целой книги, опубликованный в одном из первых выпусков украинского культурологического альманаха “Хроніка” в 2000 г. Как первую часть к книге о христианстве в Херсонесе и Таврике IV – VII вв., Виталием Михайловичем был задуман и издан “Стилосом” в 2005 г. научно-популярный экскурс “Боги и герои Херсонеса”, который давал возможность взглянуть на сложный мир языческих верований обитателей этого античного центра, их представлений о жизни и смерти. И все это делалось на фоне самой активной работы над плановой научно-исследовательской работой, по которой киевским издательством “Шлях” в 2004 г. была издана монография “Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху” и которая была посвящена проблеме характера непростых взаимоотношений херсонеситов с варварским окружением, таврами, сарматами, германцами на протяжении V в. до н.э. – V в. н.э.

Но самым большим делом Виталия Михайловича и, пожалуй, не только его, но и всех, кто принял в нем участие, стал проект грандиозного издания, задуманный нами еще до того, как в 2000 г. появилась “Жизнь и гибель Херсонеса”. Собственно, эта судьбоносная для нас книга и подтолкнула к идее создать сугубо научный, весомый академический труд, который подвел бы итоги более чем столетнего исследования Херсонеса и по частям, по томам, дал бы максимально полное представление о достигнутом, помог бы наметить новые задачи, перспективы для дальнейших исследований и тем облегчил бы их. Идея казалась очень привлекательной, но страшила своей масштабностью, чудовищным объемом работы. Решено было, что Виталий будет курировать античную часть издания, а я средневековую. Разумеется, мы предполагали привлечь всех, заинтересованных в таком труде. Руководство Института археологии НАНУ не пришлось уговаривать, да и дирекция Национального заповедника “Херсонес Таврический” одобрила нас, а, значит, проект получил поддержку и Министерства культуры Украины, очень важную для финансирования такого уникального издания. Уникального не только для Херсонеса. В мире не так много памятников истории, которые удостоились такого полного научного освещения в сквозной серии фундаментальных книг, прослеживающих их судьбу с момента возникновения до полной гибели. Так, по мере готовности в свет стали выходить тома монографий “Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I в. до н.э.” (Киев: Академперіодика, 2005), “Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н.э.” (Харьков: Майдан, 2004)., “Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.)” (Харьков: Майдан, 2005). Все они имели одинаковый подзаголовок “Очерки истории и культуры”, отличались внушительным объемом, каждый раз колебавшимся в пределах 50 - 100 печатных листов, и были богато иллюстрированы. К работе были привлечены как сотрудники Института археологии НАНУ, так и сотрудники НЗХТ, российские коллеги. К настоящему времени осталось сдать в печать последний, подготовленный том, посвященный позднему Херсонесу - Херсону (вторая половина X - XV вв.), издание которо-

го состоится, видимо, в России. Его курирует профессор кафедры истории средних веков МГУ Андрей Владимирович Сазанов, привлечший к созданию этой завершающей монографии как крымских, так и московских специалистов, международный коллектив. В редакционный совет издания вошли свыше десятка известных специалистов под председательством директора Института археологии НАНУ академика Петра Петровича Толочко. Но душой всего мероприятия был, конечно, Виталий Михайлович Зубарь. Он не только писал текст своих разделов, но и редактировал все его части, подталкивал работу, все время настойчиво теребил ее участников, не давая ей остановиться ни на миг. Без его кипучей энергии, напористости и энтузиазма столь великий труд, вобравший в себя опыт творческой жизни массы историков, археологов, десятки лет занимавшихся исследованием Херсонеса, вряд ли оказался бы завершен. Это еще один памятник, который Виталий Михайлович возвел не только для себя, но и для того, чтобы помнили всех тех, кто посвятил себя Херсонесу, а, значит, памятник самому Херсонесу, его бессмертной душе.

Наверно, не случайно и то, что в последние годы все большее внимание Виталий Михайлович начал уделять историографии, оценке того, что было сделано предшественниками. Шло закрытие им еще одной глобальной исследовательской темы. Здесь первым объектом стала история раскопок и некоторые итоги изучения хоры Херсонеса на Гераклеяском полуострове с момента присоединения Крыма к Российской империи и до начала XXI в. Монография, выпущенная в 2007 г. издательством "Стилос", получилась на редкость полемичной, полной критического задора, указаний на недоработки коллег и вызвала неоднозначную реакцию у специалистов. Не место оценивать ее в очерке, который претендует быть скорее воспоминанием, чем исследованием. Время все расставит по своим местам, ибо для таких вещей нужна дальность зора. Как писал апостол Павел: "Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем. Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится".

Скажу лишь, что Виталий Михайлович мог бывать весьма тяжелым, сложным, недоброжелательным оппонентом, когда его искренность, открытость, принципиальность принимались за резкость, менторство, интриги, если не большее. Склад его ума и дарования располагал его преимущественно к критической работе. Именно это обстоятельство позволяло ему держать высокий уровень исследований античного Херсонеса, быть бескомпромиссным. Конечно, это не могло не раздражать. При всем том он умел дружить той дружбой, которая может простить все и которая никогда не опустошает сердце. Его юмор и повадки, привычку подтрунивать запомнили многие, и забавные, смешные или комические моменты, пережитые совместные приключения, выпивки еще долго будут темой для легендарных баек, мифов, чем-то похожих на анекдоты, воспоминаний с нежностью и тоской в кругу с годами все более редяющих знакомых. Перефразируя Марка Твена, можно сказать, что по характеру он был скорее молодым щенком, чем старой райской

птицей. Условность и коварство возраста не превратились в каменный мешок. Казалось, он порхал из возраста в возраст, оставаясь в некоей усредненной поре. Прожитые года не ложились гнетом. Даже лицо его, удивительно молоджавое, часто светилось лукавством глаз и как бы подзадоривало собеседника. Он бывало подолгу и со вкусом враждовал кое с кем из коллег, получал, вел затяжные войны на научном поприще войны, надо сказать, никогда не переходившие с его стороны на личности, на шельмование, на хамство. Сам Виталий не помнил обид. Он не был злопамятен. Его ершистый, необычайно въедливый, сложный и в хорошем, и в плохом смысле характер знали и не все выдерживали, как и вечную воркотню, так что порой вокруг образовывалась пустота из оскорбленных самолюбий, но, как ни странно, при этом круг общения не сужался, и даже обиженные со временем опять начинали если не сотрудничать с ним, то и не враждовать. Видимо, прав был Зигмунд Фрейд, когда заметил, что “всей правды о себе не вынесет никто”. Лучше не объяснять такие нюансы. Ясно лишь, что тот, кто мог проникнуть под эту затвердевшую личину неудобного человека, преодолеть ее замкнутый круг, увидеть сквозь слепок просвечивающую душу, начинал по настоящему, без фальши и лицемерия, понимать и любить его. Ясно и то, что таких не могло быть много.

Думаю, что последняя, посмертно изданная книга Виталия Михайловича, “Летопись археологических исследований Херсонеса - Херсона и его округа (1914 – начало 60-х гг. XX в.; 60-е гг. XX в. – 2005 г.)”, в которой и мне удалось поучаствовать как одному из первых ее читателей и рецензенту, тоже будет воспринята неоднозначно. Монография, задуманная как большая книга в двух томах, появилась весной 2009 г. в вып. 6 Supplementum к “Материалам по археологии, истории и этнографии Таврии”. Она оказалась своеобразным завещанием Виталия Михайловича, завещанием, оставленным всем нам, исследователям, продолжающим жить, работать и поэтому еще могущим сделать что-либо полезное на бесконечном пути изучения Херсонеса. Ведь счастлив не тот, кто достиг, счастлив тот, кто достигает. Виталий был именно таким достигающим, не останавливающимся. Человеком, который не жил за счет инерции успеха, шлейфа предыдущих побед. Симметрия этого успеха во всем и всегда оставалась полной и жидилась на готовности подставить плечо под любое новое дело.

Трудно перечислить всех, с кем он сотрудничал, работая над отчетами, публикациями, статьями, рецензиями. Он многие годы, начиная с 1996 г., помогал мне своими консультациями на раскопках херсонесской цитадели, вместе с Инной Анатольевной Антоновой (1927 – 2000), незадолго до ее смерти, успел обобщить сделанное здесь, не дать пропасть накопленным бесценным материалам, а с начала 2009 г., выполняя поручение дирекции Института археологии НАНУ, стал активно заниматься организацией комплексной экспедиции вместе с Керченским историко-культурным заповедником, чтобы в условиях новых требований Полевого комитета

координировать исследования украинских и российских специалистов в Восточном Крыму, договариваться о совместных археологических проектах. Можно лишь посочувствовать тому, кто в дальнейшем взвалит на себя эту хлопотную ношу, да и другие проблемы, которые Виталий Михайлович закрывал собой, энергично трудясь и требуя этого же от коллег, заводясь сам и заводя других. Жизнь всегда драматична и всегда состоит из сплетающихся и разбегающихся в стороны неиспользованных возможностей линий судьбы, бесчисленных “мог”, “должен был”, а в итоге выливается в спрессованные жесткими редакционными требованиями строки в некрологе или в библиографическом словаре, равнодушно суммирующих эти переплетения.

Я не берусь описывать иную многотрудную работу Виталия Михайловича, связанную с заседаниями в различных советах, включая экспертную комиссию ВАК Украины, с подготовкой аспирантов, их защитами, одна из которых состоится в Национальном университете им Т. Шевченко уже после его смерти (Рис.5). Начатая в молодости преподавательская работа, сначала учителем истории в харьковской школе №57 в 1972 – 1973 гг., а на следующий год преподавателем-почасовиком на кафедре древней истории и археологии Харьковского госуниверситета, потом, оборвавшись надолго, возобновилась и достаточно активно в зрелом возрасте. С 1998 г. Виталий Михайлович преподавал на должности профессора в Киевском национальном университете культуры и искусств (до 2002 г.), а также в Славистическом университете и особенно плодотворно в университете “Киево-Могилянская академия”, издавал рабочие программы, вел научно-исследовательский семинар, читал курсы по античному памятниковедению, методике музеефикации археологических памятников, специальным историческим дисциплинам, истории античных городов Северного Причерноморья, римскому присутствию в Северном Причерноморье, ежегодно возил археологические практики студентов-магистров в Херсонес, где они проходили на базе американской археологической экспедиции, возглавляемой профессором Техасского университета Джозефом Картером, ценившим и уважавшим Виталия Михайловича Зубаря. К слову, прославленную фамилию знали практически все участники экспедиций, включая школьников, шептавших друг другу: “А ты знаешь, кто это прошел? Зубарь!”. И даже прозвище “Слон”, которым острая на язык археологическая братия одарила обладателя отнюдь не слоновьей фигуры, звучало неким символом величия и неумной пробивной силы. Что сказать? Такая судьба не знает забвения даже среди тех, кто принимает то, что есть, и не догадывается о том, чего лишился.

Учебная работа Виталия Михайловича вылилась в пособие “Античний світ Північного Причорномор'я”, предназначенное для студентов исторических специальностей высших учебных заведений Украины, которое он издал под грифом Министерства образования Украины в 1999 г. в соавторстве с Наталией Сон и Евникой Линевой, в то время начальником отдела

инспекции Управления охраны культурного наследия Министерства культуры и искусств Украины. Довелось ему участвовать и в создании одного из первых, тоже рекомендованных Министерством образования Украины, пробных учебников по истории древнего мира для школьников 6 класса, который в соавторстве с известным археологом Екатериной Бунятян и учительницей Светланой Селицкой был издан в 1997 г. киевским издательством “Либідь” и оказался очень удачным как по содержанию, стилю, так и по иллюстративному оформлению. Всего не перечесть.

Этот вспомнившийся мне учебник завершается на обороте обложки словами Марка Туллия Цицерона: “История воистину свидетель времени, свет истины, жизнь памяти”. Той памяти, частью которой стал сам Виталий Михайлович Зубарь, оборвав свои земные труды. И только этой памятью, памятью любящих, мы можем отогреть холод той вечности, в которую он ушел.

Рис. 1. В.М. Зубарь на Всесоюзной студенческой конференции. Москва 1972 год.

Рис. 2. В. М. Зубарь в школьные годы.

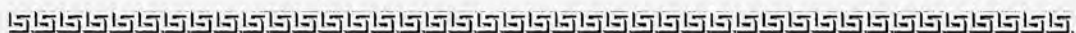

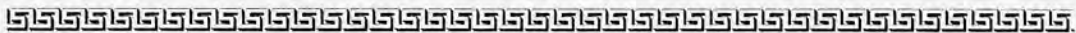
Рис. 3. М. И. Зубарь и Е. В. Коробко – родители В. М. Зубаря. Начало 50-х годов.

Рис. 4. В. М. Зубарь с сыном и коллегами в Херсонесе. 1987 г.

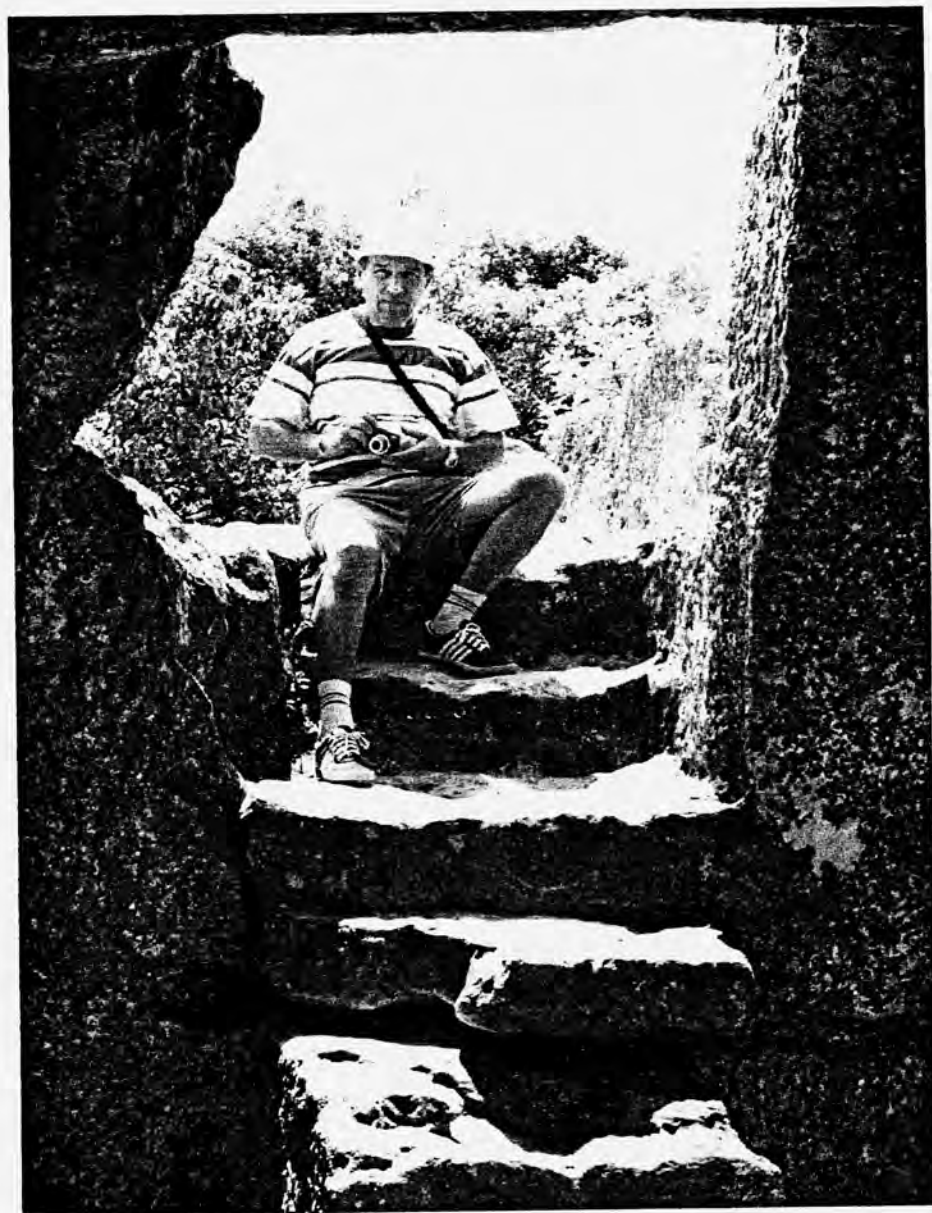
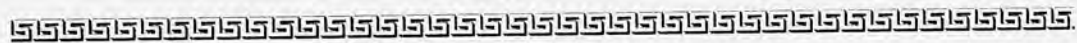
Рис. 5. В. М. Зубарь на защите кандидатской диссертации Э. А. Кравченко.

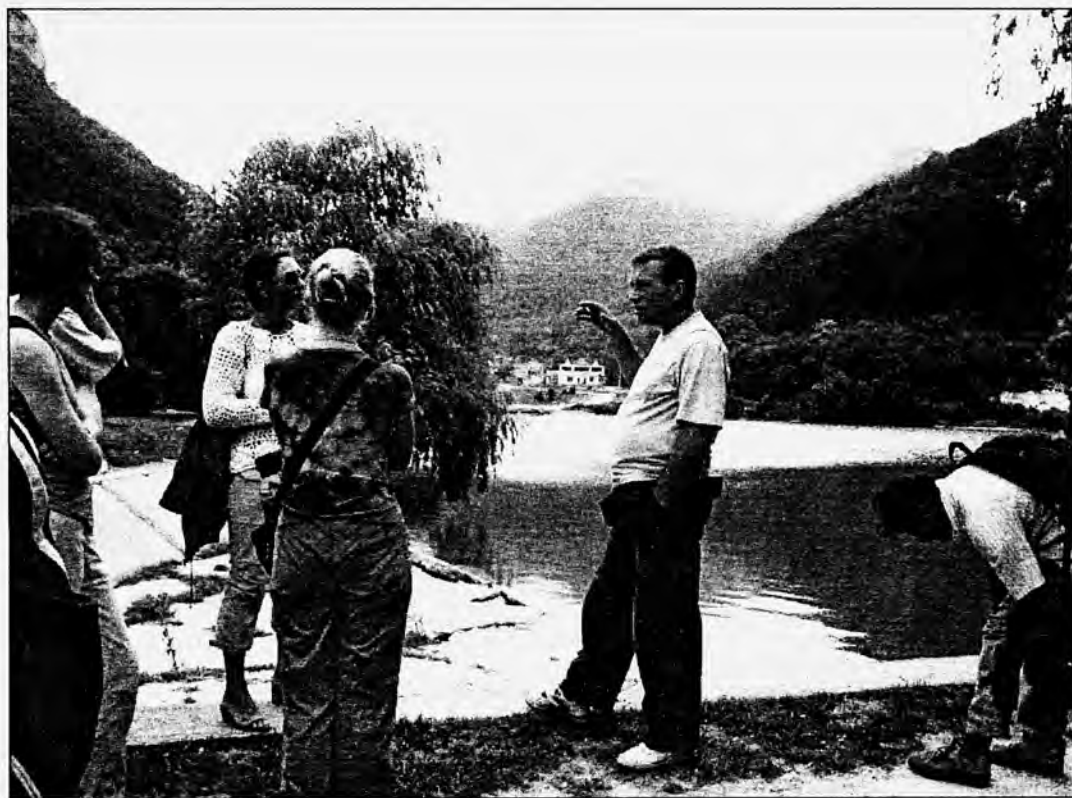
Студенты магистерской программы НаУКМА на археологической практике в Херсонесе. В нижнем ряду: Пол Артур, член Британского археологического общества, профессор университета г. Лече (Италия); Л. В. Седикова, заместитель генерального директора Херсонесского заповедника; В. М. Зубарь. 2001 год.

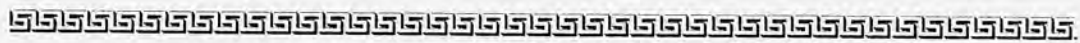
В. М. Зубарь проводит экскурсию по Херсонесу. 2006 год.

Мангун. 2007 год.

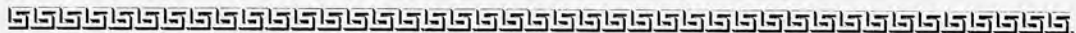
Инструктаж перед подъемом на Мангуп. 2006 год.

Раскопки склепа с полихромной росписью
на территории некрополя Херсонеса. 1999 год.

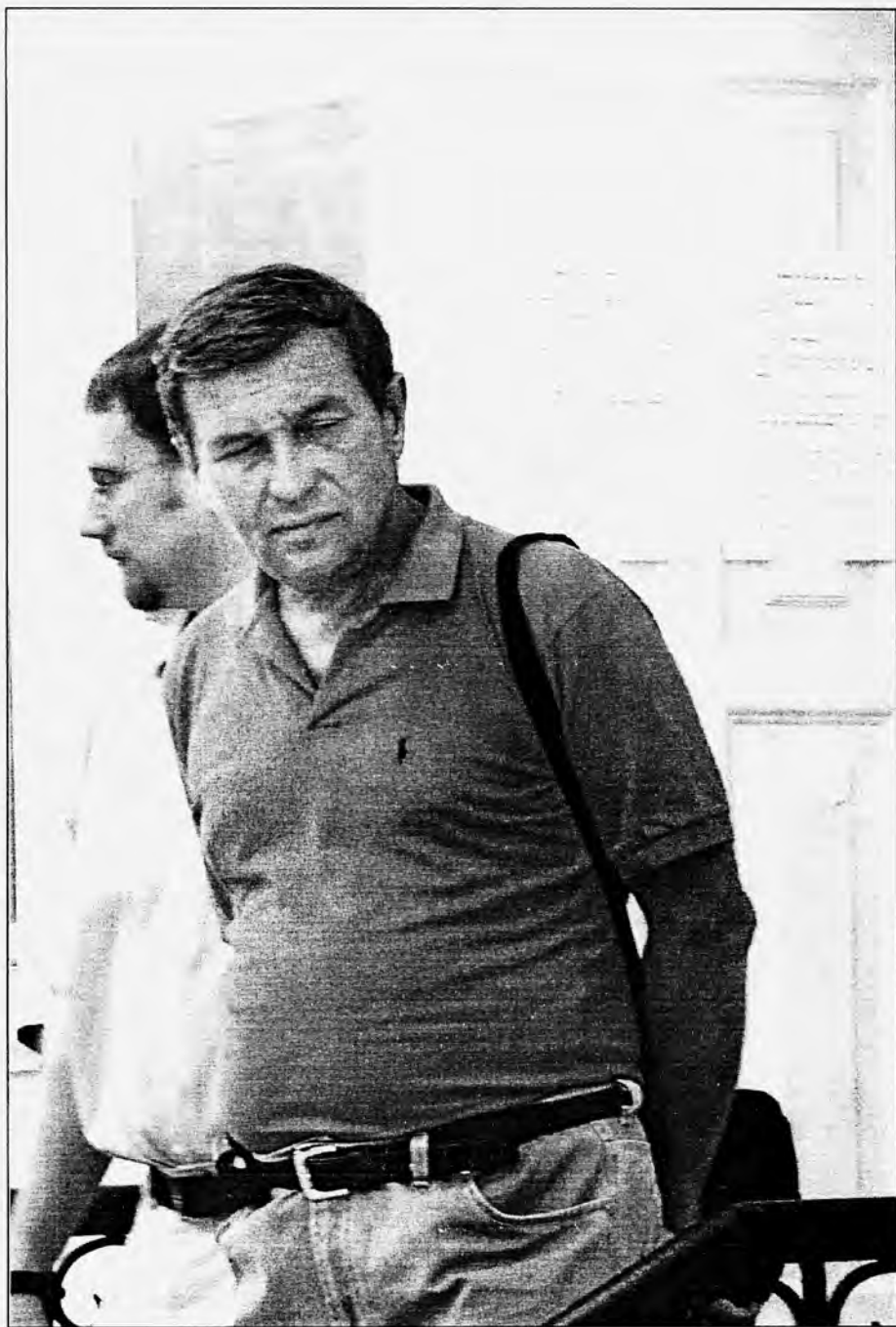
В. М. Зубарь. Херсонес. 2008 год.

В. М. Зубарь, В. Н. Зинько и Е. А. Зинько.
Керчь. Фонд «Деметра». 2008 год.

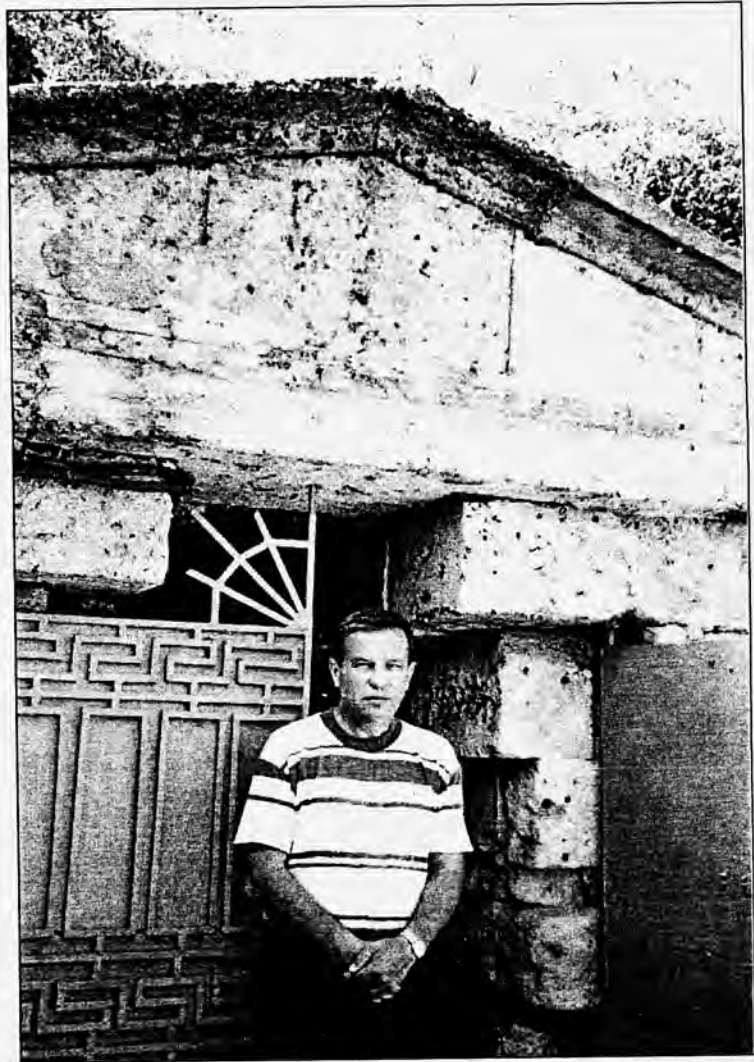
В. М. Зубарь и Крис Клир, консультант реставрационного проекта
Института классической археологии Техасского университета. Херсонес. 2006 год.

В. М. Зубарь и Адам Рабинович, заместитель директора Института классической археологии Техасского университета. Херсонес. 2008 год.

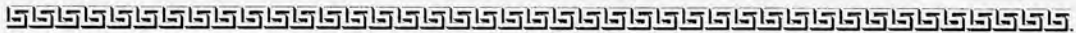
Хора Херсонеса. 2008 год.

Керчь. У входа в Мелек-Чесменский курган. 2002 год.

Любимая скамеечка. Херсонес. 2006 год.

Преподаватели магистерской программы
по археологии. НаУКМА. Выпуск 2002 года.

Л.Л. ЗАЛІЗНЯК

**ПРОФЕСОР КИЄВО-МОГИЛЯНСЬКОЇ АКАДЕМІЇ
ВІТАЛІЙ МИХАЙЛОВИЧ ЗУБАР**

Талановита людина проявляє талант у всіх галузях своєї діяльності. Тому видатний український археолог-античник Віталій Зубар лишив після себе не тільки велику наукову спадщину у вигляді багатьох статей та 35 монографій, підручників і популярних книжок про античне минуле Північного Надчорномор'я, але й численних учнів. Однією з важливих справ, який він присвятив останнє десятиліття свого життя, була підготовка нового покоління археологів України. З 2000 р. він викладав античну археологію у Києво-Могилянській академії студентам магістерської програми «Археологія та давня історія України». Відомий в Україні та за її межами академічний вчений опинився на викладацькій роботі не випадково. Другорядним фактором для нього була і професорська зарплата (загалом досить скромна). Принаймні вислів Віталія Михайловича: «Ми тут не за гроші працюємо» став крилатим на магістерській програмі.

Не останню роль у рішенні успішного, визнаного академічного вченого зайнятися викладацькою діяльністю, мабуть, відіграло його походження з сім'ї викладачів. У спадок від батька лишилася велика бібліотека, що містила численні видання з української історії, зокрема й заборонену тривалий час в Україні багатотомну «Історію України-Руси» Михайла Грушевського. Пам'ятав Віталій і про своє походження з козацького роду. Хоча свої політичні настрої афішував неохоче, усю Помаранчеву революцію простояв на Майдані Незалежності разом з іншими викладачами та студентами Києво-Могилянської академії.

Як археолог-антикознавець В.М. Зубар почав формуватися у Харківському університеті, який давно відомий школою дослідників Херсонесу. Сформувалася вона на базі античних старожитностей, евакуйованих під час Першої світової війни з Херсонеського музею до Харківського університету. З археологічної практики на розкопках Херсонесу в складі експедиції Харківського університету розпочав свою наукову діяльність студент-історик В.М. Зубар. Його вступ до аспірантури Інституту археології АН УРСР у Києві не перервав наукові зв'язки з батьківщиною: професор Харківського університету В.І. Кадеєв допомагав Віталію Михайловичу у роботі над кандидатською дисертацією «Некрополь Херсонеса Таврійського I-IV ст. н.е.», що була захищена у 1978 р. у Києві.

науки через жалюгідне фінансування, жорстке адміністрування та тривалу відірваність від західних колег, і замкнутість нечисленної частини українських археологів, що до того ж має надто слабкий зв'язок з університетською молоддю.

Як відомо, академічна форма організації науки поширилася у перші роки радянської влади з метою забезпечення народного господарства, зокрема індустріалізації країни, інтелектуальним потенціалом. Першорядним завданням науки стало негайне досягнення практичних результатів досліджень. Наукові розробки набули виразного господарського спрямування. Зоологи концентруються на боротьбі зі шкідниками полів, ботаніки – з бур'янами.

Жорстка вимога прямого економічного ефекту від археології породила езову формулу для спілкування з радянським чиновництвом усіх рангів: „Інститут археології АН УРСР шляхом археологічних розкопок курганів та поселень звільняє території для їх подальшого сільськогосподарського та промислового використання”. Виходило, археологія існує не для поглиблення знань людства про своє найдавніше минуле, а для звільнення колгоспних ланів від курганів.

Однак лев'яча доля бюджету Академії наук СРСР та союзних республік спрямовувалася на розробки в галузі військової техніки, на наукове забезпечення військово-промислового комплексу. Значну частину величезного прихованого військового бюджету СРСР складали кошти на наукові програми ВПК, що освоювалися через спеціально створені величезні інститути (електрозварки, надтвердих матеріалів тощо), які до академічної науки мали досить віддалене відношення.

Археологія та деякі інші екзотичні дисципліни в Академії Наук радянських часів, значною мірою, грала роль своєрідного фігового листка, який прикривав відверту військову спрямованість більшості розробок радянської академічної науки. Звідси ставлення до археології як другорядної наукової дисципліни, що не дає прямого економічного ефекту народному господарству, глибокі традиції фінансування археології за залишковим принципом та прямо зумовлена цим традиційна нечисельність замкнутої частини археологів.

До спадщини радянських часів можна віднести і відірваність науки від студентської молоді, що як не дивно, пов'язано саме з виникненням Академії Наук. Її створення призвело до концентрації науковців у відокремлених від університетів академічних установах, а освіта студентів була перекладена на плечі окремої верстви викладачів. Їх перевантаженість лекціями не давала можливості сконцентруватися на науковій діяльності. Зрозуміло, що така ситуація шкодила як науці, так і освіті. Молодь не мала можливості отримувати знання безпосередньо від його генераторів, а науковці втратили можливість залучати в науковий процес здібну молоддь. Отже відірваність від університетів академічної археології зумовила проблеми з комплектацією галузі здібною молоддю і врешті решт призвела до катастрофічного старіння наукових кадрів.

Археологія сучасної України зберігає старі академічні традиції. Тому більше половини фахових археологів України традиційно концентруються в Інституті археології НАНУ в Києві. Це найбільша не тільки в Україні, а й у всій Європі археологічна інституція, де зараз працює 120 наукових співробітників, переважна більшість яких доктори та кандидати наук. З 1990 р. практично припинено фінансування державою експедиційної та видавничої діяльності Інституту. Кошти виділяються лише на заробітну плату співробітників.

Разом з тим немає впевненості, що українська археологія і надалі буде існувати переважно в її сучасній академічній формі. Адже таких великих археологічних інститутів, як київський ІА НАНУ, в інших країнах немає. Та й сама Академія Наук НАНУ не має аналогів у розвинених країнах світу. В них археологія існує переважно при університетах, музеях, археологічних інспекціях, в складі невеликих дослідницьких інститутів, чисельність науковців в яких рідко перевищує два десятки. Не варто сподіватися, що сучасна Україна з її соціально-економічними проблемами може стати законодавцем світових стандартів організації археологічної науки.

Найгіршим сценарієм розвитку подій в ситуації, що склалася, була б передчасна дезинтеграція Інституту археології НАНУ, який незважаючи на всі негаразди, утримує високий рівень археології в країні. Його реструктуризація виправдана лише за умов попереднього створення життєздатних в умовах сучасних українських реалій археологічних структур європейського зразка. А це потребує значних додаткових коштів. Небезпечні експерименти з українською археологією при відсутності належного фінансування можуть взагалі відкинути її на задвірки сучасної європейської науки. Все ж археологів України, схоже, рано чи пізно чекає важке випробування, пов'язане з реструктуризацією науки в напрямку європейських зразків, в тому числі і в бік її наближення до університетів, а значить до студентської молоді.

Значні труднощі виникли із залученням здібних студентів в українську археологічну науку. Шлях романтичної молоді до завжди гостро потребуєної її археології ніколи не був легким. Однак ситуація ускладнилася різким падінням престижу науковця в очах громадськості. Сучасна епоха первинного накопичення капіталу з прикладами миттєвого фантастичного збагачення деяких співвітчизників, схоже, справила відповідне враження на молодь, яка хоче „всього, багато і зразу”. За даними соціології на кінець ХХ ст. рейтинг наукового співробітника у громадській думці знизився на пострадянських просторах з 6 на 26 місце за шкалою престижності професій і зайняв „почесне” місце у третьому десятку.

Усі ці глобальні проблеми пострадянської археології України постали перед фундаторами першої в історії української освіти магістерської програми з підготовки фахівців з археології та давньої історії України. Сподівання вирішити хоча б деякі з них, зокрема, проблему катастрофічного старіння

української археології, стали рушійною силою для відкриття у 2000 р. у Києво-Могилянській академії донедавна єдиної в Україні магістерської програми “Археологія та давня історія України”. В.М. Зубар був серед тих, хто не тільки усвідомлював усі ці проблеми, але й активно діяв для їх вирішення.

Експеримент по залученню здібної молоді в старіючу українську археологію виявився успішним. Згадана освітня програма створювалася з метою підготовки нового покоління фахових археологів та істориків первісності у відповідності з вимогами сучасної науки. Про ефективність цієї форми підготовки молодих археологів свідчить той факт, що майже половина з восьми випусків магістрів-археологів 2002-2009 рр., працюють над дисертаціями за спеціальністю “археологія”, в тому числі і в якості аспірантів НаУКМА та наукових співробітників Інституту археології НАНУ. В наш час 10-15% активно працюючих археологів України є випускниками згаданої магістерської програми НаУКМА, серед фундаторів і провідних викладачів якої був професор В.М. Зубар.

Безпрецедентне поєднання наукового потенціалу академічного інституту з новими освітніми технологіями сучасного університету дозволило готувати висококваліфікованих спеціалістів в галузі археології. Успішний досвід експерименту, що відбувся у Києво-Могилянській академії за активною участю професора В.М. Зубаря, може бути корисним у складній справі трансформації вищої освіти та академічної науки України.

В.М. Зубар мав власний своєрідний підхід до студентів, а його методи викладання суттєво різнилися від прийнятих у Києво-Могилянській академії. Втілені в університеті засади сучасної європейської освіти передбачають широку демократію в стосунках між студентами та викладачами. Віталій Михайлович дотримувався протилежних принципів. Надзвичайну вимогливість і крутий характер професора добре знали як студенти, так і його аспіранти, яким не раз доставалося від темпераментного викладача. Тому антична проблематика у студентів магістерської програми завжди була пріоритетною. Адже щоб успішно здати авторський курс «Антична цивілізація Північного Надчорномор'я» В.М. Зубаря мало було засвоїти матеріал, треба було ним вільно володіти, використовуючи його в дискусії з професором.

Склалася парадоксальна ситуація, коли при своїй суворості в стосунках зі студентами В.М. Зубар зацікавлював античною тематикою все більше молоді. Певну роль тут відіграла українсько-американська експедиція Інституту класичної археології Техаського університету США, яка тривалий час досліджувала Херсонес у Криму. Віталій Михайлович, як людина видатних організаторських здібностей, налагодив плідне співробітництво з її керівником професором Джозефом Картером. Кращі студенти-археологи отримали можливість проходити літню археологічну практику у привілейованих умовах у Херсонесі на березі моря, а дехто навіть з'їздив до Італії на розкопки античного центру Метапонт. Студенти отримали важливий досвід роботи

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ВИТАЛИЯ МИХАЙЛОВИЧА ЗУБАРИ

1975

1. Некрополь у Загородного храма в Херсонесе // Новейшие открытия советских археологов.- Киев,1975.- Ч. 2.- С.77-78 (соавт. В. Ф. Мещеряков).

1976

2. Раскопки некрополя Херсонеса // АО 1975 года. - М., 1976.- С.327-328 (соавт. С. Г. Рыжов).
3. Подбойные могилы херсонесского некрополя // Открытия молодых археологов Украины. - Киев, 1976.- С.39-40.
4. Про сарматський елемент у пізньоантичному Херсонесі // Археологія. - 1976. - Вип. 20.- С.42-46.

1977

5. Погребальные сооружения и погребальный обряд участка некрополя у Загородного храма в Херсонесе // Новейшие исследования археологических памятников на Украине. - Киев, 1977.- С.69-82.
6. Підбійні могили Херсонеського некрополя // Археологія. - 1977.- Вип. 24.- С.68-73.

1978

7. Подвески-апоτροпеи из некрополя Херсонеса первых веков н. э. // Археологические исследования на Украине в 1976-1977 гг.-Тезисы докладов.- Ужгород,1978.- С.84.
8. Склеп № 20 з некрополя Херсонеса // Археологія. - 1978. - Вип. 27.- С.58-61 (соавт. Т. И. Костромічова).
9. Некрополь Херсонеса Таврического I - IV вв. н. э.- Автореферат ... канд. ист. наук. - Киев, 1978.- 24 с.
10. Історія розкопок і топографія античного некрополя Херсонеса // Археологія. - 1978. - Вип. 25.- С.50-59.
11. Склепи з нішами-лежанками з Херсонесу // Археологія. - 1978.- Вип. 28.- С.36-45.
12. Раскопки большого скифского кургана в Приазовье // АО 1978 года. - М.,1979.- С.419-421 (соавт. Н. Н. Чередниченко и др.).
13. Разведки и охранные раскопки на Нижнем Днепре // АО 1978 года. - М., 1979.- С.332-333 (соавт. Я. В. Болдин, Я.В. Баран, Л.В. Литвинова).

1980

14. Об обряде трупосожжения в греческом обществе // Тезисы докладов все-союзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии».- Харьков, 1980.- С.13-14.
15. О новых явлениях в идеологии населения Херсонеса первых веков н. э. (по материалам некрополя) // Археологические исследования на Украине в 1978 - 1979 гг. - Тезисы докладов XVIII конференции Института археологии АН УССР. - Днепропетровск, 1980.- С.114-115.
16. Славяне и Русь // РЖ.- 1980. - Серия 5. - № 2.- С.199-202.

1981

17. Работы Широкобалковской экспедиции // АО 1980 года.- М.,1981.- С.250-251.
18. Об одном типе узды сарматского времени // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. - Тезисы докладов.- Киев, 1981.- С.68-69 (соавт. А.В. Симоненко).
19. Любимівське городище та кургани // УРЕ. - 1981. - Т.6.- С.198.
20. Нові дослідження середньовічних поховань Херсонеса // Археологія.-1981.- Вип.36.- С.71-77 (соавт. Б.В. Магомедов).

1982

21. Некрополь Херсонеса Таврического I - IV вв.н. э. - Киев: Наукова думка, 1982.- 144 с.
22. Раскопки Западного некрополя Херсонеса // АО 1981 года. - М., 1982.- С.261.
23. Розкопки Західного некрополя Херсонеса в 1975 р. // Археологія. - 1982.- Вип. 39.- С.77-87 (соавт. С. Г. Рижов).
24. Роботи експедиції «Славутич» у 1978 р. // Археологія. - 1982. - Вип. 38.- С.110 - 113 (соавт. Л. В. Літвінова).
25. О датировке нового погребального комплекса из некрополя Херсонеса // Материалы по хронологии археологических памятников Украины.- Киев, 1982.- С.113-125 (соавт. С. Г. Рыжов).

1983

26. Охоронні розкопки поблизу городища Золотий мис // Археологія. - 1983.- Вип. 44.- С.107-111 (соавт. Н. А. Гаврилюк).
27. Некоторые данные о верованиях населения Херсонеса (по материалам некрополя I - IV вв. н. э. // Население и культура Крыма в первые века н. э. - Киев, 1983.-С.96-114 (соавт. В. Ф. Мещеряков).

1984

28. Раскопки Западного некрополя Херсонеса // АО 1982 года. - М.,1984.- С.262-263.
29. Светильники в погребальном обряде античных городов Северного Причерноморья // Античная культура Северного Причерноморья.- Киев, 1984.- С.147-156 (соавт. С. Б. Сорочан).

30. Рец.: Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI-II вв. до н. э. - М., 1981 // СА. - 1984. - № 4. - С.266-269 (соавт. А. С. Русаева).
1985
31. О снаряжении боевых коней первых веков н. э. в Северном Причерноморье // Оружие скифов и сарматов. - Киев, 1985. - С.148-156 (соавт. А. В. Симоненко).
32. Про пізню дату деяких античних городищ ольвійської хори // Археологія. - 1985. - Вип. 49. - С.25-41 (соавт. Є. Л. Гороховський, Н. О. Гаврилюк).
33. Исследование Западного некрополя Херсонеса // АО 1983 года. - М., 1985. - С.278-279.
34. Новое латинское клеймо из Ольвии // Проблемы исследования Ольвии. - Тезисы докладов. - Парутино, 1985. - С.30-31.
1986
35. Некрополь Херсонеса Таврического античной эпохи // Археология УССР. - Киев, 1986. - Т.2. - С.348-353.
36. Позднескифское царство в Крыму // Археология УССР. - Киев, 1986. - Т. 2. - С.240-276 (соавт. П. Н. Шульц).
37. Некрополи хоры Херсонеса // Археология УССР. - Киев, 1986. - Т.2. - С.361-364.
38. Новый склеп II - IV вв. н. э. и некоторые вопросы экономического развития Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н. э. - Киев, 1986. - С.101-130 (соавт. С. Б. Сорочан).
39. Два нових склепа пізньоантичного часу з Херсонеса // Археологія. - 1986. - Вип. 54. - С.58-70 (соавт. С. Г. Рижов, А. В. Шевченко).
40. О свинцовых зеркалах из некрополя Херсонеса // Проблемы античной культуры. - М., 1986. - С.150-154.
41. Рец. Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первые века н. э. - Харьков, 1981 // УИЖ. - 1986. - № 3. - С.152-154 (соавт. В. Ф. Мещеряков).
42. Раскопки Западного некрополя Херсонеса // АО 1984 года. - М., 1986. - С.236-237.
1987
43. Дослідження Західного некрополя Херсонеса // Археологія. - 1987. - Вип. 58. - С. 100-102 (соавт. С. Г. Рижов, А. В. Шевченко).
44. Этнический состав населения Херсонеса Таврического в первые века н. э. // Материалы по этнической истории Крыма VII в. до н. э. - VII в. н. э. - Киев, 1987. - С.78-105.
45. Из истории Херсонеса Таврического рубежа н. э. // ВДИ. - 1987. - № 2. - С.118-129.
46. Новый участок эллинистического некрополя Херсонеса // КСИА АН СССР. - 1987. - Вып. 191. - С.34-38 (соавт. С. Б. Ланцов).
47. Погребальные комплексы рубежа н. э. из Нижнего Поднепровья // СА. - 1987. - № 4. - С.248-253 (соавт. А. И. Кубышев).

48. До питання про політичний статус Тіри середини I ст. до н. с. // Археологія. - 1987. - Вип. 59.- С.12-17 (соавт. Н. О. Сон).
 49. Раскопки Западного некрополя Херсонеса // АО 1985 года. - М., 1987.- С.332-333.
 50. Об интерпретации сюжетов росписи склепа, открытого в Херсонесе в 1893 г.// Десятая авторско-читательская конференция ВДИ АН СССР. - Тезисы докладов. - М., 1987.- С.161-162.
 51. Итоги и перспективы исследования Западного некрополя Херсонеса // Задачи советской археологии в свете решений XVII съезда КПСС. - Тезисы докладов. - М., 1987.- С.103-104.
 52. Херсонес Таврический и Скифия. По поводу одной точки зрения // Киммерийцы и скифы. - Тезисы докладов. - Кировоград, 1987. - Ч. 1.- С.62-64.
- 1988**
53. Херсонес Таврический и проникновение христианства на Русь. - Киев: Наукова думка, 1988.- 208 с. (соавт. Ю. В. Павленко).
 54. Новый погребальный комплекс Западного некрополя Херсонеса // Античные древности Северного Причерноморья.- Киев, 1988. - С.148-165 (соавт. С.Г. Рыжов, А.В. Шевченко).
 55. Два новых раннесредневековых склепа Западного некрополя Херсонеса // Вопросы социального и политического развития. - АДСВ. - Свердловск, 1988.- С.138-141 (соавт. А.В. Робустова).
 56. Новое латинское клеймо из Ольвии // ВДИ. - 1988. - № 1.- С.78-81.
 57. Исследование Западного некрополя Херсонеса // АО 1986 года. - М.,1988.- С.279.
 58. По поводу одного латинского надгробия из Херсонеса // Этнокультурные и этносоциальные процессы в конце I тыс. до н.э. - первой половине I тыс. н. э. - Тезисы докладов.- Львов, 1988.- С.26-27.
 59. Еще раз по поводу интерпретации захоронений в скорченном положении из некрополя Херсонеса IV в. до н. э. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888 - 1988 гг.- Тезисы докладов.- Севастополь, 1988.- С.52-54.
 60. Из истории Херсонеса Таврического IV - III вв. до н. э. // Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры».- Симферополь, 1988. - Ч. III.- С.244-245.
 61. По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса // Научно-атеистические исследования в музеях. - Л.,1988.- С.3-14.
 62. Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія. - 1988. - Вип. 63.- С.19-27.

1989

63. Рец.: Тачева М. История на българските земи в древността. Развитие и расцвет на рабовладельческого общества. - София, 1987. - Ч. II. - 284 с. // Археологія. - 1989. - № 4.- С.136-141 (соавт. С. Ю. Саприкін).

64. Нові дослідження Любимівського городища // Археологія. - 1989. - № 4. - С.131-136 (соавт. І.М. Храпунов).
65. К вопросу о канаве римского гарнизона Херсонеса // Проблемы исследования античных городов. - Тезисы докладов. - М., 1989.- С.50.
66. Бутероль из Тиры // СА. - 1989. - № 2.- С.250-252 (соавт. Е. В. Черненко, Н. А. Сон).
67. Западный некрополь Херсонеса (материалы раскопок 1983 - 1985 гг.). - Киев:Препр.,1989. - Ч.1.- 48 с.; Ч.2.- 48 с.; Ч.3.- 44 с.(соавт. А. В. Шевченко, С. А. Липавский).
68. К пониманию ІРЕ, І²,№ 550 // ВДИ. - 1989. - № 2.- С.123-127.
69. О государственном устройстве Херсонеса конца IV в. н.э. // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. - Київ, 1989.- С.82-83.
70. Сарматський могильник другої половини I - початку II ст. н.е. в південно-західному Криму // Археологія. - 1989. - № 2.- С.74-83 (соавт. О. Я. Савеля).

1990

71. З історії Херсонеса Таврійського другої половини IV - початку III ст. до н. е. // Археологія. - 1990. - № 1.- С.39-51.
72. Нотатки з латинської епіграфіки Херсонеса і Харакса //Археологія.-1990.- №2.- С.-107-115.
73. Некрополь Херсонеса Таврического // Материалы и исследования. Киев: Препр., 1990.- 48 с. (соавт. А. В. Шевченко, С.А. Липавский).
74. Западный некрополь Херсонеса Таврического (раскопки 1982 г.) // Киев: Препр.,1990.- 44 с. (соавт. С.М. Ивлев, В.Н.Чепак).
75. По поводу зависимости типа илотии в эллинистическом Херсонесе // Історія і культура античності. - Тези доповідей. - Львів, 1990.- С.28-31.
76. Новый ауреус из окрестностей Херсонеса // КСИА АН СССР. - 1990. - Вып. 197.- С.83-86 (соавт. Т.И. Костромичева).
77. О некоторых аспектах идеологической жизни населения Херсонеса Таврического в позднеантичный период // Обряды и верования древнего населения Украины. - Киев, 1990.- С.61-84.
78. Римский гарнизон Тиры и система защиты Нижнемезийского лимеса // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. - Тезисы докладов. - Белгород-Днестровский, 1990. - Ч. 2.- С.93-96 (соавт. Н.А. Сон).

1991

79. Новий латинський напис з Болгарії і деякі питання історії Таврики // Археологія. - 1991. - № 1.- С.118-126.
80. Об интерпретации и датировке клейм с аббревиатурой VEMI из Херсонеса // ВДИ. - 1991. - № 2.- С.80-88 (соавт. И.А.Антонова).
81. Новый участок детских погребений позднеантичного некрополя Херсонеса // СА. - 1991. - № 4.- С.228-240 (соавт. Е.П. Буянтян).
82. О датировке переписки по поводу проституционной подати из Херсонеса

- (IOSPE,I², № 404) // Проблемы истории Крыма. - Тезисы докладов. - Симферополь, 1991. - Вып. 1. - С.50-52.
83. По поводу надгробия Луция Фурия Севта // Древнее Причерноморье. П чтения памяти проф. П.О. Карышковского. - Тезисы докладов. - Одесса, 1991.- С.40-41.
84. Надгробок римського кавалериста з околиці Балаклави // Археологія. - 1991. - № 3.- С.102-107 (соавт. І.А. Антонова, О.Я. Савеля).
85. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. - Киев, 1991.- С.8-29.
86. Золотой медальон с изображением Фортуны и Гликона из некрополя Херсонеса // ВДИ. - 1991. - № 3.- С.76-84 (соавт. М.Ю. Трейстер).
87. Разведки в Юго-Западном Крыму // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. - Київ, 1991.- С.23-24 (соавт. В.Л. Мыц, С.Г. Колтухов).
88. Херсонес Таврический и Римская империя (середина I в. до н. э. - вторая половина 5 в.н.э.). - Автореферат ... докт. ист. наук. - Киев, 1991.-32 с.
89. Späte Skythen und Sarmaten // Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. - Schleswig, 1991.- S.209-214.

1992

90. Про римську військову організацію у Тавриці в другій половині II ст.н.е. // УІЖ. - 1992. - № 6.- С.57-63.
91. Рец.: Пиоро И. С. Крымская Готия. Очерки истории Крыма в позднесантичный период. - Киев, 1990 // Археологія. - 1992. - № 1.- С.127-131 (соавт. Д. Н. Козак).
92. Про пізньоскіфську державність // Археологія. - 1992. - № 1.- С.100-102.
93. Новий район хори Херсонеса елліністичного періоду //Археологія.-1992.- №2.- С.85-94 (соавт. В.Л. Миц, С.Г. Колтухов).
94. Из истории Юго-Западного Крыма на рубеже II - III вв. // Киммерийцы и скифы.- Тезисы докладов. - Мелитополь, 1992.- С.32-33.
95. Новые данные о римских войсках в Херсонесе // История и археология Слободской Украины. -Тезисы докладов. - Харьков, 1992.- С.117-118.
96. Из истории экономики Херсонеса Таврического конца II - первой половины I вв. до н. э. // Межполюсные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура.- Тезисы докладов. - Севастополь, 1992.- С.23-24.

1993

97. Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). - Киев: Наукова думка, 1993.-140 с.
98. Нові знахідки фрагментів римських шоломів у Тавриці // Археологія. - 1993. - № 1.- С.66-70.
99. Таврика и Римская империя во второй половине II - первой половине III вв.// Вторая Кубанская археологическая конференция. - Тезисы докладов. - Краснодар, 1993.- С.39-40.

100. Северное Причерноморье и Септимий Север // ВДИ. - 1993. - №4.- С.34-45.

101. Еще раз по поводу интерпретации захоронений в скорченном положении из некрополя Херсонеса IV в. до н. э. // First International Symposium; Sevtopolis... «Burial Mounds in South-East Europe». - Bulgaria, 1993. - С.74-75.

102. По поводу достоверности одного письменного источника по истории Ольвии середины II в. н. э.(SHA, Ant.Pius, 9,9) // РА. - 1993. - № 3.- С.185-189.

103. Римско-боспорская война и Херсонес // Древности степного Причерноморья и Крыма. - Запорожье, 1993.- С.225-230.

104. Нове свідощтво про римські війська в Херсонесі Таврійському // Археологія. - 1993. - № 4.- С.133-137.

105. Au pays d "Iphigenie: Chersonese Taurique // Les Dossiers d "Archeologie. - 1993. - №188.- P.26-33.

1994

106. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. - Киев: Институт археологии НАНУ, 1994.- 180 с.

107. Ольвія і Боспор у першій третині II ст. // Археологія. - 1994. - № 2.- С.148-152.

108. По поводу римской цитадели Ольвии // Тезисы докладов международной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья». - Запорожье, 1994.- С.62-64.

109. Про заключний етап античної епохи в історії Херсонеса Таврійського // Старожитності Русі-України. - Київ, 1994.- С.28-36.

110. Об интерпретации ольвийской надписи с упоминанием трех легионов // Ольвия - 200. - Тезисы докладов международной конференции, посвященной 200-летию археологического открытия Ольвии. - Николаев, 1994.- С.52-54 (соавт. Н.А. Сои).

111. По поводу так называемых малоазийских надписей из Херсонеса // Древнее Причерноморье. КСОАМ. - Одесса, 1994.- С.195-199.

112. Херсонес и Восточно-Римская империя в конце III - IV вв. // Тезисы международной конференции «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV - IX вв.)». - Симферополь, 1994.- С.21-22.

113. Ольвия, Рим и сарматы // ВДИ. - 1994. - № 3.- С.218-223.

114. A Gold Medallion representing Fortuna and Glicon from the Necropolis of Chersonesus // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1.3. - Leiden: E.J.Brill, 1994.- P.334-345 (соавт. М.Ю. Трейстер).

1995

115. Культ римских императоров в Северном Причерноморье // РА. - 1995. - №1.- С.57-64.

116. По поводу вопроса о Таврическом лимесе // Фортификация в древности и средневековье. - Материалы конференции ИИМК. - СПб., 1995.- С.62-63.

117. О характере ольвийско-позднескифских отношений в середине-второй половине II в. до н. э. // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. - Тезисы докладов. - Харьков, 1995.- С.61-62.
 118. Из истории Ольвии последней трети IV в. до н. э. // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. - Тезисы докладов.- Белгород-Днестровский, 1995.- С.22-24.
 119. По поводу интерпретации одной латинской надписи из Ольвии (IOSPE,I²,№ 322) // ВДИ. - 1995. - № 3.- С.181-187 (соавт. Н. А. Сон).
 120. Ще раз з приводу інтерпретації поховань в скорченному положенні з некрополя Херсонеса // Археологія. - 1995. - № 3.- С.137-146.
 121. Еще раз о так называемом ольвийско-херсонесском конфликте середины IV в. до н. э. // Старожитності Причорномор'я. - Одесса, 1995. - Вып.1.- С.17-21.
 122. Про ранню дату клейм Мезійського Флавієва флоту // Археологія. - 1995. - № 4.- С.136-138.
 123. О характере землевладения в Херсонесе Таврическом во второй половине IV - III вв. до н. э. // Хозяйство древнего населения Украины. - Киев, 1995.- С.132-164.
 124. Новые данные о положении Херсонеса Таврического в IV – первой половине VII вв. // Древности степного Причерноморья и Крыма. - Запорожье, 1995. – Т. 6.- С.123-131 (соавт. С. Б. Сорочан).
 125. Zur römischen Militärorganisation auf der Taurike der zweiten Hälfte des 2. und am Anfang des 3. Jahrhunderts // Historia. - 1995. - Band XLIV/2. - S. 192-203.
- 1996**
126. Новий фрагмент латинського напису з Херсонеса // Археологія. - 1996. - №1.- С.91-97 (соавт. И.А.Антонова).
 127. К вопросу о рабах в составе населения Березанско-Ольвийского полиса в архаический период // Мир Ольвии. - Памятник исследователю и исследование памятника. - Материалы юбилейных чтений, посвященных 90-летию со дня рождения профессора Л. М. Славина. - Киев, 1996.- С.122-124.
 128. Новое латинское надгробие из Херсонеса // Міжнародна конференція пам'яті професора А. О. Білецького (1911 - 1995) «Актуальні проблеми сучасної філології».-Тези доповідей. - Київ, 1996.- С.25 (соавт. Н. А. Сон).
 129. Рец.: S.J. Saprykin. Ancient Farms and Land-plots on the Khora of Chersonesos Taurike (Research in the Herakleian Peninsula 1974 - 1990) - Amsterdam.1994.-153 p.,65 pl. // Археологія.- 1996. - № 3.- С.145-148.
 130. Деякі питання історії Північного Причорномор'я наприкінці II - на початку III ст. // УІЖ. - 1996. - № 4.- С.115-123.
 131. О происхождении изображения павлина в раннехристианских мозаиках // Животные и растения в мифоритуальных системах. Материалы научной конференции. - СПб., 1996.- С.45.

132. Ще раз про етнічний склад населення Ольвії в перших століттях н. е. // Археологія. - 1996. - № 4.- С.127-136.
133. Ольвия и Скилур // РА. -1996. - № 4.- С.44-51.
134. Römische Besatzungstruppen auf der Südkrim und eine Bauinschrift aus dem Kastell Charax // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. - 1996. - Bd. 112.- S.229-234 (соавт. Т. Сарновский).
135. Die Schola Principium in Chersonesos // Il Mar Nero. - 1995/1996. - II.-P.129-143 (соавт.Ю. Г. Виноградов).

1997

136. Херсонес Таврический. Основные этапы исторического развития в античную эпоху. - Киев: Наукова думка, 1997.- 128 с.
137. Греки и римляне в Нижнем Поднестровье. - Научно-популярная книга. Киев: Институт археологии НАНУ, 1997. - 80 с. (соавт. Н. О. Сон).
138. Античные государства Северного Причерноморья. Краткий исторический очерк.- Буклет.- Киев: Институт археологии НАНУ, 1997.- 22 с.
139. Херсонес Таврический в античную эпоху. - Николаев: Возможности Киммерии, 1997.-24 с.
140. Боспорское царство. - Николаев: Возможности Киммерии, 1997.- 24 с. (соавт. А. С. Русяева).
141. Історія стародавнього світу. - Підручник для 6-х класів середніх шкіл України. Київ: Либідь, 1997.- 240 с. (соавт. К. П. Бунятян, С. І. Селіцька).
142. З приводу інтерпретації нового латинського напису з Херсонеса // Археологія. - 1997. - № 1.- С.120-129 (соавт. Н.О. Сон).
143. Религиозный синкретизм в Херсонесе и на Боспоре // Религиозный синкретизм: проблемы теоретического и исторического исследования. -Тезисы докладов. - СПб., 1997.- С.19-20.
144. Храм Юпитера Долихена в окрестностях Херсонеса // Проблемы истории и археологии Украины. - Тезисы докладов. - Харьков, 1997.- С.40-41 (соавт. Т. Сарновский, О.Я. Савеля)
145. Из истории Ольвии первой половины III в. н. э. // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. - Тезисы докладов - Одесса, 1997.- С.291-295.
146. О так называемой «тавро-скифской» войне в истории Ольвии // РА. - 1997. - № 2.- С.85-90.
147. По поводу интерпретации одного памятника первых веков н. э. из окрестностей Херсонеса Таврического // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. - Тезисы докладов. - Севастополь, 1997.- С.39-40.
148. Новые эпиграфические памятники из окрестностей Херсонеса Таврического // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. - Тезисы докладов. - Севастополь, 1997.- С.36-38 (соавт. Т. Сарновский, О.Я. Савеля).

149. Про так звань Таврійський лімес // Київська старовина. – 1997. - № ½. - С.163-174.
150. До інтерпретації одного письмового джерела (Luc. Alex.,57) // Археологія. - 1997. - № 4. - С.119-123 (соавт. М. В. Скржинська).
151. Нові латинські написи з римського храму в околицях Херсонеса Таврійського // Археологія. – 1997. - № 4. - С.67-89 (соавт. Т. Сарновский, О.Я. Савеля).
152. Культ Юпитера Долихена и римская армия // Новые страницы древней истории Южной Украины – Тезисы докладов международной конференции. – Николаев, 1997. - С.20-22.
153. Виникнення воєнного та релігійного союзу грецьких міст Боспору Кіммерійського // УІЖ. – 1997. - № 5. - С.41-52.
154. Новая латинская строительная надпись с Ай-Годора и некоторые вопросы римской военной организации в Таврике во второй половине II в. н. э. // ВДИ. - 1997. - № 4. - С.50-59 (соавт. Т. Сарновский).
155. Еще раз о боспорских манумиссиях // Чобручанский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (IV в. до н. э. - IV в. н. э.). - Материалы полевого семинара. - Тирасполь, 1997. - С.77-78.
156. The Nord Pontic Area and Septimius Sever // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2, 2. - Leiden: E. J. Brill, 1995. - P.182-250.
157. Das Dolichenum in Balaklava auf der Südkrim // 17-th International Congress of Roman frontier Studies. - Zalau, 1997. - S.168 (соавт. Т. Сарновский О.Я. Савеля).
158. The stationing of soldiers from the Iala of Aetorigiana in Tauris // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 4, 3. - Leiden: E. J. Brill, 1997. - P.101-108.
159. Concerning the Character of the Statehood in the Taurica Territory // Miscellanea Bulgarica. - 1997. – 11. - P.46-48.

1998

160. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н. э. - первая половина VI в. н. э.). - Киев: Институт археологии НАНУ, 1998. - 200 с.
161. Боспор Киммерийский: история и культура. - Николаев: Возможности Киммерии, 1998. - 110 с. (соавт. А. С. Русяева).
162. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом. Буклет. - Киев: Институт археологии НАНУ, 1998.
163. Херсонес Таврійський // Україна кризь віки. Античні держави Північного Причорномор'я. - Київ: Альтернативи, 1998. - Т. 2. - С.179-246.
164. З приводу інтерпретації житлово-господарських комплексів в ранніх шарах античних міст Північного Причорномор'я // Археологія. - 1998. - № 1. - С.129-136.
165. Проникнення християнства в античні держави Північного Причорномор'я // Християнство в контексті історії і культури України. - Матеріали першої міжнародної наукової конференції «Християнство в контексті історії та культури України». - Київ, 1997. - С.15-16.

166. Утворення Боспорської держави // УІЖ. 1998. - № 1.- С.62-69.
167. До історії Боспорського царства в III ст. н. е. // Археологія. - 1998.- №2.- С.148-151.
168. Новая римская вексилляция в Таврике // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. - Материалы Международной конференции. - СПб., 1998.- С.98-100.
169. Херсонес Таврійський наприкінці V - першій половині I ст. до н. е.// Давня історія України. - К., 1998. - Т. 2.- С.284-300.
170. Херсонес Таврійський в другій половині I ст. до н. е. - третій чверті III ст.// Давня історія України. - К., 1998. - Т. 2.- С.381-394.
171. Херсонес Таврійський в кінці III - першій половині VI ст.// Давня історія України. - К., 1998. - Т. 2.- С.460-465.
172. Боспорське царство в другій половині I ст. до н. е.- третій чверті III ст. // Давня історія України. - К., 1998. - Т. 2.- С.367-381.
173. Боспорське царство в кінці III - на початку VI ст.// Давня історія України. - К., 1998. - Т. 2.- С.456-460.
174. "Скіфські війни" та античні держави Північного Причорномор'я // Давня історія України. - К., 1998. - Т. 2.- С.452-456.
175. Пізні скіфи в Криму // Давня історія України. - К., 1998. - Т. 2.- С.180-192 (соавт. О.Є. Пуздровський).
176. О положении Херсона в конце V - VI вв.: политический и экономический аспекты // Хсб. - 1998. - Вып. IX.- С.118-132 (соавт. С. Б. Сорочан).
177. Про один тип археологічних пам'яток сільської території античних держав Північного Надчорномор'я IV - III ст. до н. е.// Музейні читання. - Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-літтю з дня народження видатного українського археолога О. І. Тереножкіна. - Київ, 1998.- С.36-39.
178. Об атрибуции коллективных усадеб раннеэллинистического времени // ВДИ. - 1998. - № 4.- С.102-117.
179. Zum religiösen Leben der Niedermoesischen Vexillationen auf der Südkrim. Inschriftenfunde aus dem neuentdeckten Dolichenum von Balaklava // Historia. - 1998. - Bd. XLVII/3.- S.321-341 (соавт. Т. Сарновский, О.Я. Савеля).

1999

180. Античний світ Північного Причорномор'я. Нариси історичного та соціально-економічного розвитку. - Навчальний посібник. - Київ: вид ім. О. Теліги, 1999.- 320 с.(соавт. Є. А. Ліньова, Н. О. Сон).
181. Античне пам'яткознавство.- Робоча програма для студентів спеціальності 6.02.01.03: "Музейна справа і охорона пам'яток історії і культури". - Київ: КНУКМ, 1999.- 22 с.
182. Методика музеєфікації археологічних пам'яток. - Робоча програма для студентів спеціальності 6.02.01.03: "Музейна справа і охорона пам'яток історії і культури". - Київ: КНУКМ, 1999.- 22 с.

183. Спеціальні історичні дисципліни. - Робоча програма для студентів спеціальності 6.02.01.03: "Музейна справа і охорона пам'яток історії і культури". - Київ: КНУКМ, 1999.-30 с.
184. Новый латинський напис з розкопок Ольвії 1998 року // Україна - Греція: історична спадщина і перспективи співробітництва. - Збірка наукових праць. - Маріуполь, 1999. - Т. 1.- С.71-73 (соавт. В.В. Крапивина).
185. Про атрибуцію пам'яток сільської території античних держав Північного Причорномор'я // Археологія. - 1999. - № 1.- С.25-34.
186. Schola principalium в Херсонесі // НЭ. - 1999. - Т. XVI.- С.72-81 (соавт. Ю. Г. Виноградов, И. А. Антонова).
187. Новые эпиграфические памятники из римского храма в окрестностях Херсонеса Таврического // ВДИ.- 1999.- № 2.- С.197-218 (соавт. Т. Сарновский, О.Я. Савеля).
188. Юпитер на быке. Римское военное присутствие в Крыму в свете новых археологических открытий // Родина. - 1999. - № 6.
189. Проникнення християнства в Херсонес Таврійський // Південна Україна: проблеми історичних досліджень. - Миколаїв, 1998. - Частина I.- С.35-41.
190. Про так звану Боспорську війну // УІЖ. - 1999. - № 1.- С.92-97.
191. Склепи з ранньохристиянським розписом з Херсонеса // Музей на рубежі епох: минуле, сьогодення, перспективи. - Матеріали ювілейної міжнародної науково-практичної конференції. - Київ, 1999.- С.54.
192. Некоторые особенности распространения христианства на Боспоре // Проблемы истории и археологии Украины. - Тезисы докладов. - Харьков, 1999.- С.37.
193. Боспорское царство и варвары в конце IV - первой половине III вв. до н. э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья - Запорожье, 1999.- С.107-111.
194. О некоторых особенностях денежного обращения Боспора в первые века н. э.// Античный мир. - Белгород, 1999.- С.104-111.
195. Некоторые особенности распространения христианства на Боспоре // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. - Материалы международной научной конференции. - СПб., 1999.- С.321-326.
196. О римской вексилляции Херсонеса в середине - второй половине II в. н. э.// Старожитності Північного Причорномор'я і Криму.- Запоріжжя, 1999.- Вип.7.- С.93-100.
197. О римском гарнизоне Ольвии в середине III в. // Vita Antiqua. - 1999. - № 2.- С.76-83. (соавт В. В. Крапивина).
198. Раскопки некрополя Херсонеса на западном берегу Карантинной бухты в 1998 - 1999 гг. // Археологічні відкриття в Україні. 1998 - 1999 рр. - Київ, 1999.- С.87-91 (соавт. Пиллингер Р., Сон Н. А., Туровский Е. Я., Фарсей А. М.).

199. Нові археологічні дані про римську залогоу Тіри // Археологія. - 1999. - № 3.- С.118-123 (соавт. Н. О. Сон).
200. Об основных тенденциях процесса христианизации населения юго-западного Крыма // Хсб. - 1999. - Вып. 10.- С.291-297.
- 2000**
201. Жизнь и гибель Херсонеса. - Харьков: Майдан, 2000.- 828 с. (соавт. С. Б. Сорочан Л. В. Марченко).
202. От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III - первая половина VI в.).- Киев: Институт археологии НАНУ, 2000.- 180 с. (соавт. А. И. Хворостяный).
203. Новые раннехристианские памятники юга Украины. - Буклет. - Киев: Институт археологии НАНУ, 2000 (соавт. А. М. Фарбей).
204. Херсонес – Херсон: від Іфігенії до Христа // Хроніка – 2000. –Виш. 33. 2000.- С.213-248.
205. Херсонес. - Карта в сериі «Археологические памятники Крыма». - Симферополь, 2000 (соавт. С. Б. Сорочан, Л. В. Марченко)
206. Новые данные о римском гарнизоне Херсонеса в первой половине III в.// ВДИ. – 2000. - № 1.- С.66-70 (соавт. И. А. Антонова).
207. Отчет о раскопках склепов с полихромной росписью на территории некрополя Херсонеса в 1998 - 1999 гг. // Зубарь В. М., Хворостяный А. И. От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III - первая половина VI в.). - Киев: Институт археологии НАНУ, 2000. - С.144-154 (соавт. Пиллингер Р., Туровский Е.Я., Сон Н.А., Русяева М.В., Фарбей А.М.).
208. Еще раз о Таврическом лимесе // РА. - 2000. - № 2.- С.52-60.
209. Надгробие солдата I Сугамбрской когорты из Херсонеса // ВДИ.- 2000.- № 3.- С.39-47 (соавт. Н. А. Сон).
210. О форме эксплуатации варварского населения Восточного Крыма Боспором во второй четверти IV - первой половине III в. до н. э.// Таманская старина. - СПб., 2000. - Вып. 3.- С.70-72.
211. До питання про реконструкцію храму Юпітера Долихена на території сучасної Балаклави // Археологія. - 2000. - № 1.- С.119-130 (соавт. С.Д. Крижицький).
212. О римских войсках в Херсонесе и его округе в середине II - первой трети III вв. // Сарновский Т., Савеля О. Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. - Warschau, 2000.- С.252-264.
213. Нові унікальні пам'ятки ранньохристиянського живопису в Херсонесі Таврійському // Ант. - 2000. - №№ 4 - 6.- С.12-15.
214. Смерть богов // Віра і розум. - 2000. - № 1.- С.106-168 (соавт. С. Б. Сорочан).
215. По поводу атрибуции заключительного этапа античной истории Ольвии

(третья четверть III - первая половина IV вв.). Старожитності степового Причорномор'я і Криму. - 2000. - 8.- С.281-287.

216. Ще раз про римську військову присутність у Херсонесі в другій половині III - на зламі IV - V ст. // Археологія. - 2000. - № 3.- С.83-97.
217. Римская крепость Харакс // Stratum plus. - 2000. - № 4.- С.176-200.
218. По поводу присутствия римских войск в Херсонесе во второй половине III - на рубеже IV - V вв. // Stratum plus. - 2000. - № 4.- С.291-302.
219. Новая латинская надпись и некоторые вопросы истории Ольвии в середине III в. н. э. // Stratum plus. - 2000. - № 6.- С.239-247 (соавт. В. В. Крапивина).
220. Новые латинские эпиграфические памятники II - середины III вв. н. э. из Херсонеса, Балаклавы и Харакса // Stratum plus. - 2000. - № 6.- С.220-238.

2001

221. О заключительном этапе античной истории Ольвии (третья четверть III - первая половина IV вв.) // ВДИ. - 2001. - № 1.- С.132-138.
222. До інтерпретації однієї споруди на території римської цитаделі Херсонеса // Проблеми історії та археології України. - Матеріали міжнародної конференції. - Харків, 2001.- С.61-62.
223. Бутероль ножен длинного римского меча из Херсонеса // РА. - 2001. - № 2.- С.122-125 (соавт. И.А. Антонова).
224. Еще раз по поводу местоположения «канабы» римского гарнизона Херсонеса // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. - Материалы Вторых Боспорских чтений. - Керчь, 2001.- С.47-50.
225. О времени и обстоятельствах возникновения так называемой цитадели Херсонеса // Бахчисарайский историко-археологический сборник. - Симферополь, 2001. - Вып. 2.- С.45-53 (соавт. И.А. Антонова).
226. Римські терми на території цитаделі Херсонеса Таврійського // Магістеріум.- 2001. - Вип. 6.- С.81087 (соавт. І.А. Антонова).
227. Римляне в Криму. О новых сенсационных открытиях // Древний мир. - 2001. - № 1.- С.34-38.
228. Об имущественном положении населения Ольвии архаического периода // Ольвія та античний світ. - Матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України. - Київ, 2001.- С.58-59.
229. Новая латинская надпись из раскопок цитадели и некоторые вопросы позднеантичной истории Херсонеса // Хсб. - 2001. - 11.- С.106-115 (соавт. Т. Сарновський, І. А. Антонова).
230. Женский скульптурный портрет римской эпохи // Древний мир.- 2001.- № 2.- С.64-67.
231. Кругла споруда на території римської цитаделі Херсонеса (з приводу інтерпретації) // Військово-історичний альманах. - Київ, 2001. - 2(3).- С.55-57.
232. Об одном типе боспорских керамических клейм // ВДИ.- 2001. - № 4.- С.146-149.

233. О так называемом алтаре на территории римской цитадели Херсонеса // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. - 2001. - 9. - С.206-208.
234. New Tombs with Early Christian Murals from the Necropolis of Tauric Chersonesos (Preliminary Note) // TALANTA. - 2000 - 2001. - XXXII-XXXIII. - P.123-130 (соавт. R. Pillinger).

2002

235. По поводу методики подсчетов численности населения сельской территории Нижнего Побужья в архаическую эпоху // Сучасні проблеми археології. - Київ, 2002. - С.84-85.
236. Armamentarium римского гарнизона Херсонеса // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. - Керчь, 2002. - С.106-112.
237. О работах в цитадели Херсонеса Таврического в 2001 г. // Археологічні відкриття в Україні 2000 - 2001 рр. - Київ, 2002. - С.246-247 (соавт. Сорочан С. Б., Сухинина С. Н., Иванов А. В., Крупа Т. Н.).
238. Из приводу інтерпретації й датування одного латинського напису з Херсонеса // Археологія. - 2002. - № 1. - С.132-136.
239. По поводу интерпретации и датировки некоторых памятников, связанных с римским военным присутствием в Херсонесе Таврическом // ВДИ. - 2002. - № 2. - С.85-91.
240. Нова епітафія римського легіонера з Ольвії // Археологія. - 2002. - № 2. - С.102-109 (соавт. Козуб Ю. І.).
241. Новые материалы к датировке раннехристианской росписи склепов некрополя Херсонеса // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы научной конференции. - Киев- Судак, 2002. - С.105-108.
242. Еще раз по поводу позднескифской государственности // МАИЭТ. - 2002. - Вып. 9. - С.501-518.
243. Еще раз по поводу интерпретации надгробия солдата Кипрской когорты Луция Волузия из Пантикапея // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. - СПб., 2002. - Ч.1. - С.55-57.
244. Итоги и перспективы изучения римских военных древностей Таврики // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. - V в. н. э.). - Тирасполь, 2002. - С.324-326.
245. О некоторых особенностях экономического развития Ольвии в I - середине III в. н. э. // Северное Причерноморье в античную эпоху. - К., 2002. - С. 57 - 66.
246. Некоторые вопросы истории тавров и Херсонеса в конце II-начале I в. до н.э. // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. - 2002. - 10. - С. 196 -215.
247. Римський слід на Півдні України // Україна incognita. - Київ, 2002. - С. 20 - 26.

248. По поводу этнической принадлежности так называемых вотивных плиток фракийского круга из Таврики // *Античный мир и археология*. - 2002. - Вып. 11. - С. 195 – 199.
249. Римское военное присутствие в Таврике // *Stratum plus*. - 2001-2002. - № 4. - С. 8 – 179.
250. A New Tombstone with Latin Epitaph from Olbia // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. - 2002. - Vol. 8. - № 3 - 4. - p. 199 - 210 (соавт. Kozub Yu.I.).
- 2003**
251. Херсонес-Херсон-Корсунь. Экскурсия через века без экскурсовода. - Киев: Стилюс, 2003. - 240 с. (соавт. С. Б. Сорочан, Л. В. Марченко).
252. Римское военное присутствие и население Таврики во II - первой половине III вв. н. э. // *Vita Antiqua*. - 2003. - №№ 5 - 6. - С. 150 - 166.
253. О методических вопросах исследования проблемы рабства в античных государствах Северного Причерноморья // *Наукові записки історичного факультету ЗДУ*. - Запоріжжя, 2002. - Вип. 15. - С. 195 - 205.
254. По поводу интерпретации одной постройки на территории римской цитадели Херсонеса Таврического // *ВДИ*. - 2003. - № 1. - С. 120 - 130.
255. Латинские эпиграфические памятники Пантикапея // *Боспорские исследования*. - Симферополь, 2003. - Вып 3. - С. 38 – 48.
256. По поводу датировки надписи из Преслава с упоминанием Боспорской войны // *БИ*.- Симферополь, 2003. - Вып 3. - С.198 – 203.
257. О характере боспорского ремесла в эллинистический период // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья*. - Материалы Четвертых Боспорских чтений. - Керчь, 2003. - С. 124 – 132.
258. О работах в цитадели Херсонеса Таврического в 2002 г. // *Археологічні відкриття в Україні 2001 - 2002 рр.*- Київ, 2003. - С. 266 (соавт. Сорочан С. Б., Сазанов А. В., Крупа Т. Н.).
259. О научной этике и статье Р. Карасевича-Щеперского, посвященной римской цитадели Херсонеса // *Археологічні відкриття в Україні 2001 - 2002 рр.*- Київ, 2003. - С. 267 – 270.
260. До історії Таврики II - I ст. до н. е. // *Археологія*. - 2003. - № 1. - С. 27 – 35.
261. Дві свинцеві пластини із зображеннями дунайського вершника з колекції Національного музею історії України // *Археологія*. - 2003. - № 1. - С. 104 - 109 (соавт. Трейстер М. Ю., Строкова Л. В.).
262. Римское военное присутствие и население Таврики во II - первой половине III вв. // *Vita Antiqua*. - 2003. - № 5 - 6. - С. 136 – 152.
263. Сарматы, населения Таврики і Херсонес у I ст. до н. е.// *Археологія*. - 2003. - № 2. - С. 25 – 41.
264. До етнічної атрибуції так званих вотивних плиток фракийського кола з Таврики // *Магістеріум*. - 2003. - Вип. 1. - Археологічні студії. - С. 33 – 36.
265. Некоторые итоги археологических исследований римской цитадели Херсонеса // *Хсб*. - 2003. - 12. - С. 31 – 68 (соавт. Антонова И. А.).

266. Рец.: L.Hannestad, V.F. Stolba, A. N. Ščeglov (Eds.). Panskøe I. Vol. 1 - 2. The Monumental Building U 6. Aarhus University Press, 2002. 368 P., 191 Pl. // Археология. – 2003. – № 4. – С. 140 – 146 (соавт. Буйских А. В.).
267. Еще раз о походе легата Мезии Тиберия Плавтия Сильвана в Таврику // Исседон.- Екатеринбург, 2003. – Т. 2. – С. 155 – 170.
268. Некоторые аспекты истории Северо-Западной Таврики в конце VI – на рубеже IV – III вв. до н. э. // ПИФК. – Москва - Магнитогорск, 2003. – Т. XIII. – С. 45 – 70.
269. Об одном аспекте греко-таврских взаимоотношений в окрестностях Херсонеса Таврического в середине IV в. до н. э. // ПИФК. – Москва - Магнитогорск, 2003. – Т. XIII. С. 70 – 77 (соавт. Кравченко Э. А.).
270. Interpretation of a Group of Archaeological Sites in the Vicinity of Tauric Chersonesos // Guldager Bilde, J.M. Højte, V.F. Stolba (eds.) The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A.N.Scheglov on the occasion of his 70th birthday - Aarhus, 2003. – P. 185-195 (соавт. Kravchenko E.A.).
- 2004**
271. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев: Шлях, 2004. – 312 с.
272. Таврика и Римская империя: римские войска и укрепления в Таврике.- К., 2004. – 232 с.
273. На берегах Боспора Киммерийского.- Киев: Стилос, 2004. – с.238 (соавт. А. С. Русяева).
274. Еще раз о датировке раннехристианской росписи склепа № 1, исследованного в 1998-1999 гг. на территории некрополя Херсонеса // Сугдэйский сборник.- Киев – Судак, 2004. – С. 75 – 82.
275. О характере культа Геракла в Херсонесском государстве в эллинистический период // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. – СПб., 2004. – Ч. 2. – С. 131 – 135.
276. Введение // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н.э. – Очерки истории и культуры. – Харьков, 2004. – С. 5 – 28.
277. Основные этапы исторического развития Херсонеса в середине I в. до н. э. - первой половине II в. // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н.э. – Очерки истории и культуры. – Харьков, 2004. – С.31 – 72.
278. Херсонес и римское военное присутствие в Таврике во второй половине II – третьей четверти III вв. // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н.э. – Очерки истории и культуры. – Харьков, 2004. – С. 73 – 182 (соавт. И. А. Антонова).
279. Экономическое развитие, социальный и этнический состав населения // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н.э. – Очерки истории и культуры. – Харьков, 2004. – С. 183 – 256 (соавт. Д. В. Журавлев, С. Б. Сорочан).

280. Религиозное мировоззрение // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н.э. – Очерки истории и культуры. – Харьков, 2004. – С. 333 – 430 (соавт. А. С. Русяева).
281. Историческое развитие Херсонеса в конце III – начале V вв. // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н.э. – Очерки истории и культуры. – Харьков, 2004. – С. 495 – 519 (соавт. С. Б. Сорочан).
282. Экономическая жизнь Херсонеса в конце III – VI вв. // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н.э. – Очерки истории и культуры. – Харьков, 2004. – С. 546 – 555 (соавт. С. Б. Сорочан).
283. Проникновение и утверждение христианства // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н.э. – Очерки истории и культуры. – Харьков, 2004. – С. 556 – 628.
284. Заключение // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н.э. – Очерки истории и культуры. – Харьков, 2004. – С. 629 – 646.
285. Фрагмент латинской надписи из Тиры // ВДИ. – 2004. - № 1. – С. 173 – 176 (соавт. Сон Н. А.).
286. По поводу раннехристианской базилики в Тире // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. – Керчь, 2004. – С. 164 – 169.
287. О семантике одной группы погребального инвентаря в некрополе Херсонеса эллинистического периода // БИ. – Симферополь-Керчь, 2004. – Т. 5. – С. 160 – 176.
288. З приводу інтерпретації однієї споруди, відкритої на території античної Тіри // Археологія. – 2004. – № 2. – С. 137 – 145.
289. Работы объединенной археологической экспедиции «Цитадель» в Херсонесе Таврическом в 2003 г. // Археологічні відкриття в Україні 2002 – 2003 рр. – К., 2004. – С. 290 – 302 (соавт. Сорочан С. Б., Крупа Т. Н., Сазанов А. В., Иванов А. В.).
290. Нові надгробки з латинськими епітафіями з Ольвії // Археологія. – 2004. - №3. – С. 23 – 33 (соавт. Козуб Ю. І.).
291. Государственное устройство Херсонеса в конце VI – середине I вв. до н. э. // Древности Северного Причерноморья и Крыма. – 2004. – Запорожье. – Т. 11. – С. 344 – 355.
292. Римские гарнизоны Таврики. Некоторые итоги и перспективы исследований // Памятники Южного берега Крыма: вчера, сегодня, завтра. – Материалы Всеукраинской научно-практической конференции 24 – 26 апреля 2002 г. – Ялта, 2004. – С. 8 – 13.
293. Еще раз по поводу интерпретации надписи в честь Агасикла, сына Ктесия (IOSPE, I², № 418) // ВДИ. – 2004. – № 3. – С. 89 – 99.
294. По поводу некоторых особенностей религиозного мировоззрения жителей Херсонеса Таврического // Проблемы истории и археологии Украины. – Материалы конференции. – Харьков, 2004. - С. 50 – 51.

295. Боспор Киммерийский: история и культура. – Николаев, 2004. – 208 с. (соавт. Русяева А. С.).
296. Рец.: С.Ю.Сапрыкин. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука, 2002.- 272 с. // ВДИ, – 2004, - № 4. – С.203 –207.
297. О римском гарнизоне Ольвии в середине III в. // ВДИ. – 2004. - № 4. – С.166 – 178 (соавт. Крапивина В.В.).
298. Из истории северо-западной Таврики рубежа IV – III вв. до н. э.// ПИФК. – Москва - Магнитогорск, 2004. – Т. 14.- С.195 – 208.
299. Two lead Plaques with Depiction of the Danubian Horseman from the Collection of the National Museum of the History of the Ukrain // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. – 2004. – Vol. 10. – N 1 – 2. – P. 67 – 75 (соавт. Treister M. Yu., Stroková L. V.).

2005

300. Боги и герои античного Херсонеса. – Киев, 2005. –188 с.
301. У истоков христианства в Юго-Западной Таврике: эпоха и вера.- Киев. 2005. –181 с. (соавт. Сорочан С.Б.).
302. Про характер землеволодіння в Херсонесі Таврійському // Археологія. – 2005. - № 2. – С. 19 – 27.
303. Остатки комплекса с апсидой в Тире (к проблеме атрибуции) // РА. – 2005. - № 1. – С. 100 – 108.
304. Рец.: Масленников А. А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. – Тула, 2003 // РА. – 2005. - № 2. – С. 167 – 171.
305. Херсонес і таври: протистояння чи взаємодія? // Археологія. – 2005. - № 1. – С. 16 – 28.
306. Об интерпретации антропоморфных надгробий Херсонеса // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф. – Керчь, 2005. - С. 128 – 132.
307. Еще раз о демографическом потенциале Херсонеса Таврического в середине - второй половине IV в. до н. э. // БИ. – 2005. – Т. 9. – С. 127 –137.
308. Места отправления религиозных культов в Херсонесе Таврическом и его округе в эллинистический период // МАИЭТ. – 2005.- Т 11. – С. 31 – 58.
309. Ще раз з приводу інтерпретації епітафії солдата I Сугамбрської ветеранської когорти з Херсонеса Таврійського // Археологія. – 2004. - № 4. – С.86 – 88 (соавт. Н. О. Сон).
310. Партенос – верховная богиня Херсонеса // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. – Запоріжжя, 2005. – Т. 12. – С. 202 – 219.
311. Об особенностях отправления культа Кибелы в Херсонесе Таврическом // Боспорский феномен. Проблемы соотношения письменных и археологических источников. - СПб., 2005. - С. 217 – 221.
312. Об археологических исследованиях и консервационно-реставрационных работах на территории «цитадели» Херсонеса Таврического в 2004 г. //

- Археологічні дослідження в Україні 2003 – 2004 рр. – К., 2005. – С. 283 – 286 (соавт. Сорочан С. Б., Крупа Т. Н., Сазанов А. В., Иванов А. В.).
313. Латинские лапидарные надписи римской крепости Хараке // НЭ. – 2005. – Т. 17. – С. 55 – 69.
314. Рец.: Кленина Е. Ю. (при участии В. В. Созник). Керамические сосуды II – III вв. н. э. из усадьбы «Близнецы» (Хора Херсонеса Таврического). *Poznan*, 2004. – 113 с., 31 рис., 7 табл. // *Археологія*. – 2005. – № 4. – С. 111 – 113.
315. Новые надгробия с латинскими эпитафиями из Ольвии // *Исследон.* – 2005. – Т. 3. – С. 177 – 195 (соавт. Козуб Ю.И.).
316. Введение // *Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I в. до н. э.* – К., 2005. – С. 7 – 28 (соавт. Кравченко Э.А., Буйских А.В., Русяева М.В.).
317. *Херсонес и Западная Таврика в последней четверти VI – середине IV в. до н. э.* // *Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I в. до н. э.* – К., 2005. – С. 59 – 120.
318. Формирование территориального государства в Западной Таврике и Херсонес во второй половине IV – в первой трети III вв. до н. э. // *Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I в. до н. э.* – К., 2005. – С. 121 – 208.
319. *Херсонес и северо-западная Таврика во второй четверти III – первой половине II вв. до н. э.* // *Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I в. до н. э.* – К., 2005. – С. 209 – 242.
320. *Херсонес во второй половине II – середине I вв. до н. э.* // *Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н. э.* – К., 2005. – С. 243 – 292.
321. Государственное устройство // *Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н. э.* – К., 2005. – С. 293 – 306.
322. Религиозное мировоззрение // *Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I в. до н. э.* – К., 2005. – С. 345 – 470.
323. Заключение // *Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н. э.* – К., 2005. – С. 521 – 534.
324. Етнічна історія південно-західної та південної Таврики за античної доби (6 ст. до н. е. – 6 ст. н. е.) // *Етнічна та етнокультурна історія України*. – К., 2005. – С. 149 – 190.
325. История и методика раскопок античного некрополя Херсонеса Таврического // *Сугдейский сборник*. – К., 2005. – Вып. 2. – С. 670 – 707.
326. О культе Геракла в системе религиозного мировоззрения населения Херсонесского государства // *Сугдейский сборник*. – К., 2005. – Вып. 2. – С. 70 – 87.
327. Антична цивілізація в Північному Причорномор'ї // *Археологія України*. Навчальний посібник. – К., 2005. – С. 274 – 343.

328. Про характер контактів Херсонеса і населення Таврики в другій половині III – IV ст. // Археологія у Києво-Могилянській Академії. - К., 2005. - С. 126 – 136.
329. The Crimean Campaign of Tiberius Plautius Silvanus // Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC – first century AD). – Exeter, 2005. – p. 176 – 180.
- 2006**
330. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории // БИ.- 2006. – 12. - 304 с. (соавт. Зинько В.Н.).
331. История изучения сельскохозяйственной округи Херсонеса в конце XVIII – в середине – третьей четверти XX в. // БИ. - 2006. – Вып. 10. – С. 295 – 360.
332. Час будівництва комплексу Західної базилики Херсонеса-Херсона // Археологія. – 2006. - № 1. – С. 25 – 41.
333. Об интерпретации некоторых памятников Маячного полуострова второй половины IV – начала III вв. до н. э. // БИ. – 2006. – 11.- С. 146 – 162.
334. Изучение сельскохозяйственной округи Херсонеса Таврического на Геракле-йском полуострове в 70-80-х гг. XX в. // БИ. – 2006. – 11.– С. 331 – 386.
335. Еще раз об атрибуции подбойных могил некрополя Херсонеса // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2006. - С. 154 – 159.
336. До типології та інтерпретації антропоморфних надгробків Херсонеса Тав-рійського // Археологія. – 2006. – № 2. – С. 12 – 23 (соавт. Буйських А.В.).
337. По поводу интерпретации памятников Маячного полуострова // МАИЭТ. – 2006. – Вып. 12. – С.7 – 42. (соавт. Буйских А.В.).
338. Еще раз о двух “варварских” типах погребальных сооружений в некро-поле Херсонеса первых веков н.э. // Готы и Рим. – К., 2006. – С. 16 – 25.
339. Некоторые итоги изучения усадебных комплексов хоры Херсонеса на Геракле-йском полуострове // БИ. – 2006. – Вып. 13. – С. 61 – 79.
340. Круглые постройки на Геракле-йском полуострове. По поводу датиров-ки и интерпретации // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. – Киев-Судак, 2006. - С. 145 – 152.
341. Об интерпретации остатков круглых построек на Геракле-йском полуос-трове // ПИФК. – Москва-Магнитогорск, 2006. - Вып. ХУ1/1. - С. 65-87.
342. Некоторые итоги изучения сельскохозяйственной округи Херсонеса Тав-рического на рубеже XX – XXI вв. // Старожитності степового Причерно-мор'я і Криму. – Запоріжжя, 2006. - Т. 13. - С. 83 – 117.
343. Ольвия и Римская империя: динамика и характер контактов между пев-кинами и фенами // Stratum plus. – 2003 – 2004. - № 4.- С. 436 – 468.
344. По поводу методики датировки склепов с раннехристианской росписью некрополя Херсонеса // РА.- 2006.- 4.- С. 131-136.
345. О некоторых особенностях погребального обряда некрополя Херсонеса

Таврического классического и эллинистического периодов // ВДИ. - 2006. - 3. - С. 47-60.

346. Из истории Херсонеса и населения Таврики во второй половине III - начале V в. // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н. П. Сорокиной. - Труды ГИМ.- М., 2006. - Вып. 159.- С. 76 – 93.
347. Zubar V. M. Classical States of the Northern Black Sea Coastland in the Third through the Sixth Centuries A.D. and the Arrival of Christianity // Akten des XIV. Internationalen Kongresses für christliche Archäologie (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Archäologische Forschungen. – Bd. 14). - Vaticano - Wien, 2006. – S. 809 – 813.

2007

348. Хора Херсонеса Таврического на Гераклеийском полуострове: история раскопок и некоторые итоги изучения.- Киев: Стилос, 2007. – 318 с.
349. Северо-западное Причерноморье в античную эпоху. - МАИЭТ. – Supplementum. – Вып. 3. – Симферополь, 2007. - 240 с. (соавт. Сон Н.А.).
350. По поводу интерпретации ритуальных конструкций поселения на западном берегу Казачьей бухты в окрестностях Херсонеса // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. – Керчь, 2007. -С. 37 – 45 (соавт. Буйских А. В.).
351. З приводу теменоса античного поселення на Західному березі Козачої бухти в околицях Херсонеса // Археологія. – 2007. - № 3. – С. 14 – 24 (соавт. Буйських А. В.).
352. О некоторых особенностях религиозной жизни населения Боспорского царства в первые века н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. – Керчь, 2007. - С. 161 – 165.
353. О семантике надгробных памятников некрополя Херсонеса классического и эллинистического периодов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: история, политология, экономика. – 2007. - № 3 (34). – С. 5 – 14.
354. Археологическое изучение Херсонеса Таврического и его окрестностей между двумя мировыми войнами (1914 – 1941 гг.) // БИ. – 2007. – Вып. 17. – С. 199 – 279.
355. Західний Крим // Крижицький С. Д., Зубар В. М., Крапівіна В. В. Античні держави Північного Причорномор'я. - Україна – хронологія розвитку з давніх часів до пізньої античності. – Л., 2007. – С. 412 – 423.
356. Східний Крим і береги Керченської протоки // Крижицький С. Д., Зубар В. М., Крапівіна В. В. Античні держави Північного Причорномор'я. - Україна – хронологія розвитку з давніх часів до пізньої античності. – Л., 2007. – С. 424 – 449.

357. Из археологической летописи Херсонеса Таврического: К. Э. Гриневич // МАИЭТ. – 2007. – Вып. 13. – С. 401 – 419.
358. По поводу попытки возрождения одной устаревшей исторической концепции: тавры и Херсонес // ВДИ. – 2007. – № 3. – С. 87 – 100.
359. Коропластика Боспора первых веков нашей эры и характер религиозных верований // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. – СПб., 2007. – Ч. 1. – С. 99 – 101.
360. Еще раз о локализации святилища и храма Партенос на Гераклеяском полуострове // Исседон. – Екатеринбург, 2007. – Т. 4. – С. 99 -106.
361. Некоторые вопросы интерпретации античной системы межевания земли на территории Европейского Боспора // Древности Боспора. – Вып. 11. – М., 2007. – С. 195-207.
362. Tauric Chersonesos : Aspects of Romanization // Une *koinu* pontique. – Bordeaux, 2007. – p. 342 – 347.
363. Tauric Chersonesus and the Roman Empire // Ancient Greek Colonies in the Black Sea .2. – BAR, 2007. – Vol. II. – P. 729 – 788.

2008

364. Основные этапы археологического изучения памятников на территории цитадели // БИ - 2008. – Вып 19. – С.156 – 249 (соавт. Сорочан С. Б.),
365. Херсонес-Херсон-Корсунь: памятник цивилизации // Кузик Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Северное Причерноморье – пространство взаимодействия цивилизаций.- М., 2008 – С. 402 – 408.
366. Директор Херсонесского музея В. Ф. Смолин // Кондаковские чтения – II. Проблемы культурно-исторических эпох. – Материалы международной конференции. – Белгород, 2008. – С. 186 – 189.
367. Некоторые итоги и задачи изучения Херсонеса // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. *Militaria*. Боспорские чтения 6. – Керчь, 2008. – С. 123 – 127.
368. Эпиграфика – главный стержень жизни (памяти Эллы Исааковны Соломоник) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 2008. – вып. 3. – С. 384 – 388 (соавт. Русява А.С.).
369. Памяти Людмилы Григорьевны Колесниковой // Бахчисарайский историко-археологический сборник.– Симферополь, 2008.– вып.3.– С. 396-399 (соавт. Буйских А.В).
370. Ще раз про мармурові саркофаги Херсонеса Таврійського // Археологія. – 2008. - № 2.- С. 13 – 21 (соавт. Буйських А.В.).
371. До 80-річчя з дня народження І. А. Антонової – невтомної дослідниці Херсонеса // Археологія. – 2008. - № 2.- С. 109 – 111 (соавт. Сорочан С.Б.).
372. Исследователи Херсонеса: В. В. Борисова // Проблемы истории и археологии Украины. – Материалы конференции. – Харьков, 2008. – С. 36 – 37.

373. К проблеме функциональной атрибуции памятников Маячного полуострова // Археологические вести. – 2008. – Т. 15. – С. 91 – 101 (соавт. Буйских А.В.).

2009

374. Летопись археологических исследований Херсонеса - Херсона и его окружи (1914-2005 гг.) // МАИЭТ.- Supplementum 6.- Симферополь, 2009. – 492 с.
375. Некоторые итоги археологического изучения Херсонеса Таврического и его окружи в 60-х гг. XX – начале XXI ст. // Старожитності степового Причорномор'я і Криму.- Т.XV.- Запоріжжя, 2009. – С. 37-42.
376. Склепи з християнськими розписами некрополя Херсонесу: проблеми датування // Археологія.-2009.- №1.- С.18-23.
377. Борисфен и некоторые проблемы греческой колонизации Нижнего Побужья // Stratum plus.- СПб.- Кишинев-Одесса-Бухарест, 2005-2009 - №3. - С.93-113.

СТАТЬИ

В. М. ЗУБАРЬ

ЕЩЕ РАЗ О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Ранние этапы истории Херсонеса Таврического – одного из крупнейших центров античной цивилизации на юге современной Украины изучены еще недостаточно из-за крайне ограниченной источниковой базы. С одной стороны, этим объясняется повышенный интерес к ним многих исследователей, а с другой, порождает острые дискуссии, особенно о времени основания Херсонеса. В конце XX и в начале XXI в. этому вопросу уделялось достаточно много внимания как в отдельных монографических исследованиях, так и специальных статьях. В связи со столь обширной библиографией уже назрела необходимость в объективной оценке степени аргументированности и достоверности ряда научных выводов по этой проблеме, что позволяет проанализировать уже сделанное и наметить направление дальнейшего ее изучения.

К вопросу о времени основания Херсонеса исследователи обращались давно [подр. см.: Тюменев, 1938, с. 245 – 248; Виноградов, Золотарев, 1999, с. 92 – 95]. При этом важно еще раз напомнить, что только в 1882 г. старший преподаватель гимназии в немецком городе Хайлигенштадте профессор Герман Шнайдервирт впервые попытался определить абсолютную дату этого события. Опираясь на сообщение автора перипла *Ad Nicomedem regem*, который приписывается Псевдо-Скимну [Ps. – Scymn, v. 826-831 Diller, 822 – 827 Müller], где сказано, что, согласно оракулу, Херсонес основали гераклеоты совместно с жителями небольшого острова Кикладского архипелага Делоса, и на основании анализа античной литературной традиции Г. Шнайдервирт соотнес это событие с 422 г. до н. э., когда с острова на год афинянами выселялись его жители. Эту идею, несмотря на то, что сам Г. Шнайдервирт от нее через 15 лет отказался, считая, что появление переселенцев в Таврике произошло в начале V в. до н. э. [Виноградов, Золотарев, 1999, с. 93], принял и развил академик А. И. Тюменев. Он внес ряд уточнений в выводы Г. Шнайдервирта и отнес основание Херсонеса ко времени Пелопонесской войны, а точнее к 422-421 гг. до н. э., когда делосским изгнанникам покровительствовали Дельфы и оракул дал необходимое для выведения новой колонии прорицание [Тюменев, 1938, с. 245 – 264; ср.: Жебелев, 1953, с. 74 – 81]. А И. Тюменеву тогда казалось, что эта дата хорошо согласовывается с обнаруженным на территории городища массовым археологическим материалом, в частности с захоронениями,

331; 1987а, л. 17 – 18; 1988, л. 11 – 12, 22 – 23; 1988а, с. 50 – 51; 1989, л. 12 – 13; 16 – 17; 1990, с. 68–76; 1991, с. 38–39; 1995, с. 150; 1995а, с. 101 – 103; Адаксина, Золотарев, Коробков, Мыц, Ушаков, 2001, л. 6, 9, 17 – 19; Золотарев, Ушаков, 2002, л. 6 -7, 9 – 11, 13 – 15; 2003, л. 7, 9 – 10, 13, 17; 2005, с. 137 – 138; Ушаков, 2006, с. 370; ср.: Boardman, 1998, p. 203 – 204] (рис. 1).

Материал того же времени был обнаружен и во время раскопок экспедиции Института археологии АН СССР под руководством И. Т. Кругликовой, которая с 1986 г. начала археологические исследования в VII квартале Северо-Восточного района, к северу от Владимирского собора. В результате исследования помещений, раскопанных ранее Р. Х. Лепером, зафиксирован слой V – IV в. до н. э. с единичными находками рубежа VI – V вв. до н. э., но строительных остатков того времени обнаружено не было [Кругликова, 1986, л. 47 – 48]. В 1989 г. раскопана цистерна и выявлен керамический материал, датирующийся временем не позднее второй четверти V в. до н. э. [Сазанов, 1989, л. 36 – 37, 45].

Одним из главных результатов исследований, проведенных в Северо-Восточном районе, М. И. Золотарев считал фиксацию остатков греческого позднесархаического поселения на месте основанного позднее дорийского Херсонеса, и выявление первого этапа его домостроительства, представленного заглубленными в скалу сооружениями [Золотарев, 1980, с. 49 – 50; 1988а, с. 50 – 51; 1990, с. 68 – 76; 1991, с. 38 – 39; 1995, с. 138; 1996, с. 37 – 47; 1998, с. 32 – 33; 1998а, с. 70 – 78; 2005, с. 17 – 18; Zolotarev, 2003, p. 607 – 609; ср.: Кутайсов, 1990, с. 143; 2004, с. 103]. Тем не менее следует еще раз подчеркнуть, что все-таки пока нет достаточных оснований выделять отдельный, «земляночный» этап в херсонесском домостроительстве, как это представлял М. И. Золотарев [Зубарь, 2004, с. 92 – 95; 2005, с. 68 – 72]. Хотя факт начала жизни греческих переселенцев в Северо-Восточном районе на протяжении всего V в. до н. э., установленный на основании анализа керамического комплекса [Золотарев, 1993; Журавлев, Хршановски, 1999, с. 50 – 52; Журавлев, Золотарев, Кобзева, 2005, с. 130 – 132] и материалов ранних погребений [Монахов, Абросимов, 1993, с. 118 – 159; ср.: Стоянов, 2007, с. 139 – 142], а, следовательно, возникновение Херсонеса ранее 422/421 г. до н. э. не подлежит сомнению и может считаться установленным [ср.: Буйских, 2006, с. 35 – 43; Буйских, 2008, с. 27 – 35; Тохтасьев, 2007, с. 110 – 125; Стоянов, 2007, с. 125 – 144]. Однако характер жизни его населения на начальном этапе остается во многом неясным [ср.: Braund, 2005, с. 53 – 58; Буйских, 2008, с. 35 – 43; Романчук, 2008, с. 148].

Результаты раскопок в Северо-Восточном районе Херсонеса сразу же обратили на себя внимание исследователей и обусловили необходимость возвращения не только к вопросу о времени основания Херсонеса, но и анализу ранней его истории. Среди богатейшего археологического материала, полученного в Северо-Восточном районе Херсонесского городища в последние

десятилетия XX в., особый интерес вызвала серия фрагментов керамики от начала V до начала IV вв. до н. э. с граффити. Эта категория памятников сначала атрибутировалась как бюллетени для голосования по выборам городских магистратов, а позднее – в качестве остраконов [Виноградов, Золотарев, 1990, с. 57 – 74; 1998, с. 37 – 38; Виноградов, 1995, с. 10 – 12; Vinogradov, Zolotarev, 1999, p. 79 – 97, Tav. I – IV; Vinogradov, 2001, S. 379 – 286; Суриков, 2006, с. 446 – 455, 464– 467]. На основании их изучения Ю. Г. Виноградов и М. И. Золотарев полагали, что задолго до основания дорийской колонии в 422 - 421 гг. до н. э. на месте Херсонеса уже существовала полисная поселенческая структура, а анализ просопографического материала свидетельствовал о неоднородном происхождении переселенцев, среди которых были дорийцы и ионийцы. Именно с этим поселением, как тогда считали исследователи, связан обнаруженный ранний археологический материал [Золотарев, 1986б, с. 9; Виноградов, Золотарев, 1990, с. 48 – 74; Vinogradov, Zolotarev, 1990, p. 85]. Но уже вскоре М. И. Золотарев, анализируя находки из раскопок, писал о возможности основания Херсонеса на сто лет ранее, чем считалось, хотя и не привел в пользу своей точки зрения развернутой аргументации [Золотарев, 1993, с. 20 – 21; 1995, с. 150 – 151; 1995а, с. 100; ср.: Пичикий, 1984, с. 140].

Рост количества раннего керамического материала и остраконы, датированные в основном V в. до н. э., из Северо-Восточного района в итоге привели к пересмотру предложенной А. И. Тюменевым и базировавшейся на сообщении Псевдо-Скимна абсолютной даты основания Херсонеса. Ю. Г. Виноградов при участии М. И. Золотарева, которому принадлежит атрибуция и датировка фрагментов керамики, на основе комплексного анализа имевшихся источников всесторонне рассмотрел этот вопрос и пришел к заключению, что Херсонес как полис был основан значительно раньше, чем считал А. И. Тюменев. В более ранних работах исследователей при определении даты начала жизни на территории Херсонеса главное внимание уделялось археологическому материалу и эпиграфическим памятникам [Золотарев, 1993, с. 20 – 21; 1995, с. 150 – 15; 1995а, с. 100]. Но в итоговой статье Ю. Г. Виноградов дал всесторонний анализ сообщения Псевдо-Скимна, как основного письменного источника о времени его основания. Он полагал, что дата основания Херсонеса, исходя из его сообщения, должна быть связана с тем историческим моментом, когда судьбы делосцев и гераклеотов пересекались [Виноградов, Золотарев, 1999, с. 91 – 129; ср.: 1998, с. 39 - 44]. В итоге всех рассуждений и сопоставлений считалось, что это произошло во время очищения Делоса, длившегося на протяжении года, но до смерти афинского тирана Писистрата (529/8-528/7 г. до н. э.). Именно такие действия стали побудительным мотивом для части жителей острова покинуть родные места и вместе с гераклеотами в 528/7 г. до н. э. основать в Таврике новый город, получивший название Херсонес [Виноградов, Золотарев,

1999, с. 113 – 122; ср.: 1998, с. 39 – 44].¹ По мнению Ю. Г. Виноградова и М. И. Золотарева, предложенная дата хорошо увязывалась с наличием на территории Херсонесского городища фрагментов керамики и остраконов, которые свидетельствовали о непрерывном существовании апойкии, по крайней мере, с последней четверти VI и на протяжении всего V в. до н. э. без каких-то заметных перерывов [Vinogradov, Zolotarev, 1990, p. 85 – 119; 1999, p. 79 – 97; Золотарев, 1993, с. 4 – 20; 1995, с. 138 – 150; 1995а, с. 100; Золотарев, 1994, p. 112 – 117; Виноградов, Золотарев, 1998, с. 36 – 39; 1999, с. 105; Золотарев, 2003, p. 604 – 608; Золотарев, 2005, с. 13 – 15].

Вывод Ю. Г. Виноградова и М. И. Золотарева поддержал И. Е. Суриков. Но он не считал возможным, основываясь на том, что третья тирания Писистрата в Афинах, когда произошло «очищение» Делоса, продолжалась только один год (с 529/8 по 528/7 г. до н. э.), относить основание новой колонии в Таврике именно к 528/7 г. до н. э. По данным большинства современных исследователей, И. Е. Суриков уточнил приход Писистрата к власти, который состоялся около 546 г. Следовательно, «очищение» Делоса и основание Херсонеса совсем необязательно следует сопоставлять с последним годом его тирании. Поэтому он полагает, что такая акция на Делосе произошла до 538 г. до н. э., и тогда же враждебный Писистрату Дельфийский оракул дал прорицание гераклеотам отправиться в Таврику совместно с изгнанными со своего острова делосцами [Суриков, 1999, с. 48 – 52].² Если это так, то Херсонес основан практически одновременно с Каллатисом и в составе переселенцев в Таврику, судя по именам на остраконах, имелась группа выходцев из гераклейских аристократических семей, а не демократов, потерпевших поражение в политической борьбе [Суриков, 2002, с. 73 – 74]. Но характер этой борьбы, в результате которой Гераклея Понтийская основала сразу две новые колонии, не следует объяснять исключительно стенохорией или противостоянием демократической и аристократической «партий» [ср.: Виноградов, Золотарев, 1999, с. 122 – 125; ср.: Блаватская, 1952, с. 30 – 32; Фролов, 1974, с. 125; Сапрыкин, 1981, с. 38; Пальцева, 1999, с. 203; Колесников, 2003, с. 82; Oppermann, 2004, S. 16; Ivantchik, 1998, S. 309 – 310; Иванчик, 2005, с. 145 – 146]. Появление новых апойкий, по мнению И. Е. Сурикова, было

¹ С. Ю. Сапрыкин со ссылкой на Плиния Старшего указывал, что Херсонес первоначально именовался Мегарикой (Plin., NH, IV, 85). В этом названии, по его мнению, как и в других известных случаях, проявилась связь с именем далекой метрополии Гераклеи Понтийской – Мегарами [Сапрыкин, 1995, p. 25 – 38; Сапрыкин, 2003, с. 21; ср.: Русяева, Русяева, 1999, с. 68 – 69; Зубарь, 2005, с. 59; Зубарь, Буйских, 2006, с. 25; Романчук, 2008, с. 158]. Но Ю. Г. Виноградов обратил внимание на чтение этого места у Плиния К. Брандисом, где Megaricae относится не к Херсонесу, а к его метрополии Гераклея Понтийской, основанной при участии жителей Мегар [Виноградов, Золотарев, 1999, с. 114 – 116].

² Считается, что это прорицание было дано знаменитой Пифией, вешавшей в святилище Аполлона в Дельфах [Виноградов, Золотарев, 1998, с. 41; 1999, с. 104; Пальцева, 1999, с. 209 – 229, особенно 224 – 225; ср.: Burkert, 1985, p. 116; Русяева, 2007, с. 88-89; Романчук, 2008, с. 158, 166].

обусловлено внешнеполитическими факторами, и в частности нежеланием части гражданского коллектива признать верховную власть Персидской державы. Исследователь не без основания полагал, что Каллатис и, по всей видимости, Херсонес основаны в третьей четверти VI в. до н. э. противниками подчинения Гераклеи Понтийской власти Ахеменидов, которых под давлением «проперсидской» группировки вынудили покинуть родные места и обосноваться на новом месте [Суриков, 2002, с. 74 – 79; 2006а, с. 48 – 72; ср.: Романчук, 2008, с. 165 – 167].

Новая дата основания Херсонеса, несмотря на скепсис некоторых сторонников традиционной точки зрения [Saprykin, 1990, p. 230 – 235; 1997, p. 57 – 71; 1998, p. 227, 236 – 237, 248; Сапрыкин, 1999, с. 222 – 223; Зедгендизе, 1993, с. 50 – 56; Oppermann, 2004, S. 17; Чурекова, 2007, с. 67 – 69; ср.: Кутайсов, 2004, с. 103 – 104], базируется на результатах комплексного анализа источников и поддержана целым рядом исследователей [Рогов, 1996, с. 74; Щеглов, 1997, с. 52; Зубар, Ліньова, Сон, 1999, с. 51 – 52; Русяева, Русяева, 1999, с. 68 – 76; Николаенко, 1999, с. 17; Пальцева, 1999, с. 204; Зубарь, 2004а, с. 7 – 8; 2005, с. 59 – 64; 2007, с. 91; Petropoulos, 2005, p. 12; Зубарь, Буйских, 2006, с. 15; Русяева, 2007, с. 85-88 и др.]. Однако в последнее время, практически одновременно в Украине и России, стали появляться работы, в которых отдельные составляющие концепции Ю. Г. Виноградова, М. И. Золотарева и И. Е. Сурикова стали подвергаться критике. За прошедшее время источниковая база не расширилась, поэтому для оценки степени аргументированности критики оппонентов целесообразно в первую очередь проанализировать методические подходы к интерпретации археологического материала и античной письменной традиции, которые использовались противниками новой концепции.

Среди критиков основания Херсонеса в третьей четверти VI в. до н. э., безусловно, выделяется А. В. Буйских, работы которой базируются на археологическом материале и на основании которых она пытается уточнить время появления греков и на месте будущего Херсонеса [Буйских, 2006; Буйских, 2006а; 2008; ср.: Зубарь, Буйских, 2006, с. 15]. Синхронно на украинском и на русском языках она сначала опубликовала статью, посвященную проблеме основания этого центра [Буйских, 2006, с. 35 – 43; 2006а, с. 263 – 277], а позднее свою точку зрения изложила в монографии [Буйских, 2008, с. 27 – 35]. Кратко охарактеризовав историографию вопроса, А.В. Буйских отметила, что археологическая сторона аргументации сторонников концепции Ю. Г. Виноградова, М. И. Золотарева и И. Е. Сурикова воспринимается как непоколебимый постулат [Буйских, 2006, с. 35 – 36; 2006а, с. 263 – 265; 2008, с. 27 – 29]. Но поскольку авторы, занимавшиеся решением проблемы времени основания Херсонеса, не работали с археологическим материалом, опора на предложенные датировки не отвечает современным представлениям о датировке античной керамики, а «исторические реконструкции необходимо подкреплять реальными археологическими фактами»

[Буйских, 2006а, с. 264 – 265]. Датировки конкретного археологического материала были предложены пятнадцать лет тому назад М. И. Золотаревым и именно на этой основе сделано заключение об основании Херсонеса ранее, чем считалось практически всеми исследователями до этого [Буйских, 2006а, с. 265]. Исходя из этого, сию предпринимается попытка пересмотра ранних херсонесских материалов и приведения их в соответствие с современными разработками их датировки, что в итоге позволит подтвердить или опровергнуть гипотезу об основании Херсонеса во второй половине VI в. до н. э. [Буйских, 2006, с. 36].

На основании анализа каталога фрагментов раннего амфорного материала, опубликованного М. И. Золотаревым (рис. 2), А. В. Буйских с использованием новой литературы и собственных наблюдений пришла к заключению, что ни один из опубликованных фрагментов нельзя датировать ранее первой четверти V в. до н. э. (до 490 – 480 гг. до н. э.), а основная масса находок этой категории, в том числе и из раннего некрополя, относится к первой половине этого столетия [Буйских, 2006, с. 36 – 37; 2006а, с. 264 – 266; 2008, с. 29 – 30].

Вслед за амфорами А. В. Буйских обратилась к восточногреческой или, как ее называют в Херсонесе, ионийской керамике [Золотарев, 1993, с. 14; ср.: Монахов, Абросимов, 1993, с. 139], считая, что лишь часть керамики, атрибутированной М. И. Золотаревым как восточногреческая, является таковой, но датируется временем не ранее первой четверти V в. до н. э. Знакомство с находками керамики из Херсонеса, которую принято именовать ионийской, позволило ей усомниться, что она действительно является импортной. Значительная часть таких сосудов, представленных фрагментами, могла быть продукцией местных керамических мастерских, которые изготовляли имитации хорошо известных восточногреческих типов посуды, либо привозились в Херсонес из Ольвии или других северопричерноморских центров. Но, естественно, настаивать на этом, с точки зрения, А. В. Буйских, нельзя, так как пока отсутствует обобщающая работа, посвященная простой столовой посуде Херсонеса, в том числе и местного производства [Буйских, 2006, с. 37 – 41; 2006а, с. 267 – 275; 2008, с. 30 – 33] (рис. 3).

Действительно, А. В. Буйских затронула важную проблему, связанную с разработкой классификации керамики из раскопок Херсонеса, которая, к сожалению, пока практически не ведется. Но вряд ли можно согласиться с тем, что только «на основе знакомства» с керамикой по публикациям и в фондах Национального заповедника «Херсонес Таврический», «многолетних наблюдений» над этим материалом в Ольвийской экспедиции Института археологии НАН Украины и выборочных керамических форм, пусть и достаточно показательных, можно напрочь опровергать имеющиеся в литературе заключения, в том числе и М. И. Золотарева, который много лет целенаправленно работал с этим материалом и не один год принимал участие в Березанской археологической экспедиции, дающей возможность действительно визуально

узнать, что собой представляет восточногреческая керамика. Вполне возможно, что наблюдения А. В. Буйских справедливы. Но без обработки и анализа всей совокупности образцов восточногреческой или «псевдовосточногреческой» керамики, обнаруженных в Херсонесе, а не только опубликованной Г. Д. Беловым и М. И. Золотаревым, а также без специального анализа состава ее глины, покрытия и орнамента неправомерно делать столь однозначные выводы. Это противоречит современной методике историко-археологических исследований.

А. В. Буйских отметила, что из раскопок Херсонеса происходит только четыре фрагмента чернофигурных сосудов, которые могут быть надежно датированы второй половиной VI в. до н. э. [Буйских, 2008, с. 33; ср.: 2006, с. 41; 2006а, с. 275]. Подавляющее же большинство фрагментов аттической чернофигурной посуды, обнаруженной в Херсонесе, относится ко времени после рубежа VI – V вв. до н. э. и к первой половине V в. до н. э. [Буйских, 2008, с. 34 – 35]. Однако, по мнению А. В. Буйских, фрагменты «нескольких чернофигурных сосудов, отделенные от основной коллекции полустолетней временной лакуной», «не определяют время основания апойкии». Но, в отличие от М. И. Золотарева, она не объясняет, как эти фрагменты могли попасть на территорию Херсонесского городища [ср.: Зедгендзе, 1979, с. 30], а приводит в качестве примера лишь количественные показатели находок ранней керамики из раскопок Березани и Ольвии [Буйских, 2008, с. 34] (рис. 4).

Первые известные сейчас в некрополе Херсонеса захоронения относятся А. В. Буйских ко времени не ранее середины V в. до н. э., а массовый археологический материал датируется первой четвертью V в. до н. э., возможно, после ее середины. Поэтому датой начала постоянной жизнедеятельности на территории Херсонеса следует считать середину первой четверти V в. до н. э. или после 490 – 480 гг. до н. э. [Буйских, 2006, с. 41 – 42; 275 – 277; 2008, с. 35]. От этой даты «и можно вести отчет массовой керамической коллекции и, следовательно, начало постоянной жизни в основанном поселении» [Буйских, 2008, с. 35]. В своих работах А. В. Буйских, как это ни странно, уделила основное внимание керамическому материалу и даже не упомянула о том, что концепция Ю. Г. Виноградова, М. И. Золотарева и И. Е. Сурикова строилась в первую очередь на анализе античной письменной традиции. Археологический материал привлекался ими в качестве дополнительного аргумента в пользу предложенной реконструкции событий, связанных со временем и обстоятельствами основания Херсонеса.

В 2007 г. два других оппонента, С. Р. Тохтасьев и Р. В. Стоянов, в специальных статьях также коснулись эпиграфических и археологических памятников, связанных с ранней историей Херсонеса [Тохтасьев, 2007, с. 110 – 125; Стоянов, 2007, с. 125 – 144]. С. Р. Тохтасьев отметил, что, благодаря работам Ю. Г. Виноградова и М. И. Золотарева, в настоящее время полностью отвергнута точка зрения Г. Шнайдервирта – А. И. Тюменева об основании Херсонеса в 422/421 гг. до н. э. На основании граффити, обнаруженных на территории

Херсонеса, установлено, что в составе первых колонистов были ионийцы и уже в самый ранний период жизни в среде его граждан имели место вспышки политической борьбы [Тохтасьев, 2007, с. 110]. Но не со всеми заключениями, сделанными Ю. Г. Виноградовым и М. И. Золотаревым на основе изучения эпиграфического материала, согласен С. Р. Тохтасьев.³ Проанализировав по публикациям найденные в Херсонесе остраконы, он внес ряд поправок в атрибуцию имен на них, уточнил этническую принадлежность их носителей и указал, что ряд имен свидетельствует об участии в основании Херсонеса греков-ионийцев с о. Делос [Тохтасьев, 2007, с. 110 – 114]. С. Р. Тохтасьев, всесторонне рассмотрев самые ранние остраконы, которые Ю. Г. Виноградов и М. И. Золотарев датировали временем около 480 г. до н. э. или второй четвертью V в. до н. э., пришел к заключению, что их дату следует «омолодить». Черепки, на которых прочерчены эти остраконы, не древнее 480 – 450 гг. до н. э., а по палеографии они относятся, скорее всего, ко второй половине V в. до н. э. [Тохтасьев, 2007, с. 114 – 124] (рис. 5). С точки зрения С. Р. Тохтасьева, именно с этого времени можно уверенно говорить о наличии в Херсонесе процедуры остракизма. Но он справедливо подчеркнул, что сделанные заключения в будущем необходимо уточнить на основании автопсии, так как по фотографиям невозможно проверить правильность некоторых сделанных выводов [Тохтасьев, 2007, с. 124], как и датировку фрагментов, на которых наносились граффити [Тохтасьев, 2007, с. 123, прим. 73].

В свою очередь Р. В. Стоянов целью своей статьи поставил дать «краткий критический обзор основных гипотез относительно времени и причин основания Херсонеса, а также комплексный анализ серии археологических источников по этим вопросам» [Стоянов, 2007, с. 125 – 126]. Приведя различные точки зрения исследователей о сообщении Псевдо-Скимна, но без специального анализа этого важного нарративного источника, он считает, что исходя из данных античной письменной традиции нельзя привязывать основание Херсонеса к какой-то определенной дате. А внутренние предпосылки для переселения части жителей Гераклеи Понтийской в Таврику имелись не только в конце VI, но и на протяжении всего V в. до н. э. [Стоянов, 2007, с. 126 – 131]. Поэтому Р. В. Стоянов полагает, что при определении даты основания Херсонеса следует опираться на археологические реалии, обнаруженные в процессе раскопок городища и его некрополя. Правда, при характеристике результатов изучения письменных источников, Р. В. Стоянов не упомянул точку зрения И. Е. Сурикова, который фактически примкнул к концепции Ю. Г. Виноградова и М. И. Золотарева [ср.: Суриков, 1999, с. 50 – 52; 2002, с. 73 – 74].

Проанализировав публикации, посвященные ранним группам керамики из Херсонеса и отметив ряд недоработок при их публикации, Р. В. Стоянов, как

³ О разногласиях среди специалистов по поводу методики работы с различными категориями эпиграфических памятников подр. см.: Яйленко, 1996, с. 175 – 221; 2000, с. 121, прим. 7.

и А. В. Буйских, считает, что назрела «необходимость ревизии всего массива раннего материала, происходящего из раскопок Херсонеса» [Стоянов, 2007, с. 134]. Используя опубликованный материал, Р. В. Стоянов указал, что пока в Херсонесе не обнаружено фрагментов амфор, которые можно датировать ранее первой четверти V в. до н. э. Самые ранние терракоты здесь относятся к первой половине V в. до н. э., а столовая посуда, в том числе и восточногреческая, в основном представлена образцами первых трех четвертей V в. до н. э. [Стоянов, 2007, с. 135 – 139; ср.: Шевченко, 1998, с. 66 – 68]. Но, в отличие от А. В. Буйских, Р. В. Стоянов не акцентировал внимания на находках в Херсонесе отдельных фрагментов сосудов, датировка которых не выходит за пределы VI в. до н. э. [Стоянов, 2007, с. 140].

Основное внимание этот автор уделит материалам древнейшего некрополя Херсонеса, наиболее ранние погребения которого должны были появиться через 25 – 30 лет после начала жизнедеятельности новой апойкии [Стоянов, 2007, с. 139 – 140]. Из общего массива он выделил пять погребальных комплексов, которые, соответственно современным датировкам, можно отнести ко времени от первой половины до третьей четверти V в. до н. э., а основание Херсонеса ко второй четверти этого столетия [Стоянов, 2007, с. 140 – 142]. Приняв датировки наиболее ранних херсонесских остраконов, предложенные С. Р. Тохтасьевым, он считает, что «вопрос о статусе поселения на Херсонесском мысу (sic!) на протяжении второй-третьей четверти V в. до н. э. остается открытым»; а в качестве наиболее верного показателя полисного статуса Херсонеса следует считать начало местной чеканки, которое С. А. Коваленко отнесено к концу V в. до н. э. [Стоянов, 2007, с. 143; ср.: Коваленко, 1999, с. 111 – 114]. Вместе с этим Р. В. Стоянов подчеркнул, что лаконичность письменных и археологических источников не позволяет безоговорочно настаивать на предложенном варианте, а будущие исследования позволят откорректировать его выводы относительно решения проблемы времени основания Херсонеса [Стоянов, 2007, с. 144].

Проведенный обзор разных точек зрения свидетельствует, что именно находки в Северо-Восточном районе Херсонеса ранней керамики натолкнули сторонников концепции основания Херсонеса в третьей четверти VI в. до н. э. на необходимость корреляции сообщения Псевдо-Скимна с вновь обнаруженной керамикой и граффити. Но все же сторонники этой точки зрения в первую очередь опирались на его сообщение и широко привлекали для его хронологической привязки античную письменную традицию. Археологический материал, как менее информативный, использовался в качестве дополнительного, с помощью которого проверялись сделанные заключения, и извлекалась дополнительная информация. Такой подход представляется вполне правомерным, так как отсутствие письменных источников заставляет обращаться к археологическому материалу, а при наличии сообщений древних авторов обе категории источников должны дополнять друг друга.

Такая методика прошла проверку временем и дала положительные результаты [Виноградов, 1983, с. 367 – 370; Кошеленко, Кузнецов, 1990, с. с. 34 – 35; 1992, с. 16, 18 – 19; Кузнецов, 1991, с. 33 – 34; Koshelenko, Kuznetsov, 1998, p. 254 – 261; Русяева, 1998, с. 160-170; Ivantchik, 1998, S. 309 – 312; Иванчик, 2005, с. 145 – 146 и др.]. Поэтому трудно согласиться с тем, что концепция раннего основания Херсонеса принята другими исследователями «в силу высокого научного авторитета авторов и, казалось, незыблемости привлеченных аргументов» [Буйских, 2008, с. 28], а не результатов комплексного анализа имеющихся на сегодняшний день источников. Проблема, видимо, заключается не в личностных достоинствах исследователей, а в подходе к источникам и их оценке, что в конечном итоге позволило Ю. Г. Виноградову, М. И. Золотареву и И. Е. Сурикову предложить свое оригинальное решение проблемы времени основания Херсонеса.

В противоположность комплексному подходу к оценке источников, продемонстрированному сторонниками ранней даты основания Херсонеса, А. В. Буйских в своих работах полностью элиминировала сообщение Псевдо-Скимна, что вряд ли оправдано [ср.: Ivantchik, 1998, p. 320 – 322; Иванчик, 2005, с. 135 – 152; 154 – 155], а Р. В. Стоянов ограничился лишь замечанием о невозможности на основании нарративных источников привязать основание Херсонеса к какой-либо определенной дате. Он также подчеркнул важное значение наблюдения С. Р. Тохтасьева о том, что, судя по именам на остраконах, в среде населения Херсонеса присутствовали выходцы с о. Делос [Стоянов, 2007, с. 143]. Но почему-то не отметил, что вывод С. Р. Тохтасьева позволяет не только детализировать состав жителей раннего херсонесского поселения, но и является весомым подтверждением исторической достоверности сообщения Псевдо-Скимна.

В своих научных построениях А. В. Буйских и Р. В. Стоянов опираются исключительно на археологический материал, причем, преимущественно амфорный, который, с их точки зрения, является единственно надежной основой для предложенных историко-археологических реконструкций. Но, анализируя его, они полностью исключают даже теоретическую возможность утраты вследствие целого ряда объективных обстоятельств за две тысячи лет непрерывной жизни на территории Херсонеса-Херсона какой-то части артефактов, отражающих древнейший этап истории Херсонеса.

Такой подход к материалу вряд ли можно считать методически оправданным. Каждому археологическому памятнику присуща определенная индивидуальность [ср.: Блаватский, 1961, с. 123; Кузнецов, 1991, с. 33]. Поэтому, анализируя керамический материал, необходимо учитывать факторы, которыми в конкретных условиях Херсонеса могла быть обусловлена сохранность вещественного материала или его утрата. Образно говоря, при работе с материалами из раскопок каждого античного центра следует максимально учитывать специфику «негатива» жизни прошлого с тем, чтобы на его основе

кварталов Северного берега, в районе античного театра и у юго-восточных ворот, т. е. там, где понижалась скала и лучше сохранились культурные напластования более раннего времени. Напротив, в Северо-Восточном районе, где локализуется древнейшее поселение и к дневной поверхности вплотную подходит скала, ее находок отмечено значительно меньше [Зедгендзе, 1979а, с. 75 – 76, рис. 5] (рис. 6). Такая ситуация зафиксирована не только в Херсонесе, но и на других многослойных античных памятниках, где строительство велось не на скальной, а на грунтовой основе [Блаватский, 1967, с. 48]. Исходя из сказанного, не следует ожидать, что количество ранней керамики, в том числе и позднеархаической, значительно возрастет в ходе будущих раскопок на территории Херсонеса.

А. В. Буйских отметила, что в настоящее время в Херсонесе известно лишь четыре фрагмента сосудов, дата бытования которых не выходит за пределы VI в. до н. э. [Буйских, 2008, с. 33; ср.: 2006, с. 41; 2006а, с. 275]. Но вряд ли можно полагаться на такие количественные показатели. Они определены не по результатам изучения коллекций, хранящихся в фондах Национального заповедника «Херсонес Таврический», а на основе только опубликованных материалов. В данном случае, вероятно, более правомерно использовать данные И. И. Вдовиченко, которая обработала керамический материал из дореволюционных раскопок К. К. Косцюшко и Р. Х. Лепера. По ее сводке в коллекции К. К. Косцюшко-Валюжинича, которая в основном происходит из Центрального и Северо-Восточного районов, второй половиной VI в. до н. э. датируется пять фрагментов только чернофигурных сосудов, а первой и второй четвертью V в. до н. э. – уже 31 [Вдовиченко, 2008, с. 66, 67 – 71; ср.: 2006, с. 118 – 143]. Из собрания Р. Х. Лепера, находки из раскопок которого точно привязаны к конкретным археологическим памятникам, наиболее ранние части расписных сосудов происходят также из Центрального и Северо-Восточного районов и ко второй половине VI – первой половине V в. до н. э. И. И. Вдовиченко отнесено 28 фрагментов [Вдовиченко, 2008, с. 71 – 78; ср.: 2006а, с. 151 – 154]. Общее количество обломков чернофигурных сосудов второй половины VI – первой половины V в. до н. э., как отметила И. И. Вдовиченко, в Херсонесе, в сравнении с более поздними хронологическими группами, невелико [Вдовиченко, 2008, с. 78]. Но их все-таки значительно больше, чем отмечено А. В. Буйских и Р. В. Стояновым, а несколько ранее А. А. Зедгендзе [Зедгендзе, 1979, с. 27; 1983, с. 12].

Говоря о наиболее ранней керамике, обнаруженной на территории Херсонесского городища, видимо, неправомерно безоговорочно опираться, как на весомый аргумент, на количественные показатели [ср.: Кузнецов, 1991, с. 32]. В этом отношении показательно, что, согласно сообщению Евсевия, греческое поселение на о. Березань основано в 647/646 гг. до н. э. [подр. см.: Копейкина, 1979, с. 107; Виноградов, 1983, с. 367; 1989, с. 33 – 35; Vinogradov, Kryžickij, 1995, S. 62 – 63; Boardman, 1998, p. 202 – 203; Буйских, 2005а, с. 146]. Но такую

дату подтверждают пока лишь находки незначительного количества керамики [Копейкина, 1979, с. 106; Ильина, 2000, с. 201 – 203],⁴ что, впрочем, не позволяет отвергать возможности существования здесь раннего поселения [ср.: Жебелев, 1953, с. 76 – 77; Кузнецов, 1991, с. 32 – 33]; относительно основания Ольвии [см. Русяева, 1998]. Исходя из этого, можно с высокой степенью вероятности предполагать, что часть этого материала, в силу различных обстоятельств, в Херсонесе погибла. А та, что дошла до наших дней и хранится в фондах Национального заповедника «Херсонес Таврический», однозначно свидетельствует в пользу даты основания Херсонеса, предложенной Ю. Г. Виноградовым, М. И. Золотаревым и И. Е. Суриковым, а не А. В. Буйских и Р. В. Стояновым. Это на основании результатов анализа чернофигурной расписной керамики специально подчеркнула И. И. Вдовиченко [Вдовиченко, 2005, с. 84; ср.: Романчук, 2008, с. 174]. В пользу такого же вывода свидетельствует небольшая группа фрагментов свстильников последней четверти VI – первой четверти V в. до н. э. из раскопок Северо-Восточного района Херсонеса, которая недавно введена в научный оборот [Журавлев, Золотарев, Кобзева, 2005, с. 129 – 130].

Рассматривая вопрос о датировке ранних керамических форм, обнаруженных на территории Херсонеса, вероятно, следует учитывать не только то, работал ли тот или иной автор непосредственно с материалом или использовал лишь публикации,⁵ но и субъективный фактор [ср.: Tsetskhladze, 1994, P. 123]. На это обратили внимание С. Ю. Монахов и Э. Абросимов, анализируя керамику, обнаруженную в некрополе на Северном берегу Херсонеса. Они специально подчеркнули, что Г. Д. Белов и А. А. Зедгенидзе явно занижали процент находок керамики конца VI и раннего V в. до н. э. [Монахов, Абросимов, 1993, с. 141, прим. 116], так как эти исследователи разделяли точку зрения А. И. Тюменева о времени основания Херсонеса и вольно или невольно искажали количественные показатели находок, которые противоречили разделяемой ими концепции [ср.: Белов, 1950, с. 283; 1981, с. 177; Зедгенидзе, 1993, с. 54].

А. В. Буйских указала, что первые захоронения, открытые в некрополе Херсонеса, датируются временем около середины V в. до н. э. [Буйских, 2006, с. 41 – 42; 275 – 277; 2008, с. 35], а Р. В. Стоянов пять наиболее ранних отнес к первой половине-третьей четверти V в. до н. э. [Стоянов, 2007, с. 140 – 142]. Но эти погребальные комплексы не могут рассматриваться в качестве безоговорочного хронологического индикатора для определения времени начала жизни на территории Херсонеса.

⁴ Единичные фрагменты керамики из раскопок на Березани относятся к первой половине VII в. до н. э. Подр. см.: Копейкина, 1973, с. 240 – 244.

⁵ Например, на основании материалов доклада, прочитанного Ю. Г. Виноградовым и М. И. Золотаревым в 1987 г. в Вани, В. Д. Кузнецов считал, что датировку самой ранней ионийской керамики из Херсонеса следует понизить и относить ко второй четверти VI в. до н. э. [Кузнецов, 1991, с. 34, прим. 42].

Как известно, участок некрополя на Северном берегу не позднее середины – рубежа третьей и последней четверти IV в. до н. э. был застроен жилыми кварталами [Антонова, 1990, с. 117 – 118; 1996, с. 108; Буйских, 2005, с. 150; 2008, с. 62 – 66]. Поэтому нет гарантии того, что в ходе активной строительной деятельности в это время наиболее ранние захоронения не были полностью разрушены [ср.: Белов, 1950, с. 273 – 274; 1981, с. 165]. Наиболее ранние комплексы участка некрополя Северного района, строго говоря дают лишь *terminus post quem* для начала его использования и, вероятно, для времени строительства оборонительной стены Херсонеса, часть которой исследована у северо-восточного окончания IX поперечной улицы в 2005 г. экспедицией под руководством С. Г. Рыжова [Рыжов, 2007, с. 20 – 30] (рис. 7).⁶

На основании всего изложенного можно заключить, что попытки с помощью ревизии датировок наиболее раннего археологического материала, обнаруженного на территории Херсонесского городища и погребений некрополя Северного берега, опровергнуть дату основания Херсонеса, предложенную Ю. Г. Виноградовым, М. И. Золотаревым и И. Е. Суриковым, нельзя признать успешными. Естественно, работа с использованием всех без исключения источников над углубленным анализом времени и причин основания Херсонеса Таврического не должна прекращаться. Но ее следует вести с учетом методических подходов к работе с источниками, выработанных современной историко-археологической наукой, и безусловным учетом конкретно-исторических условий, характерных для этого античного центра. Только в таком случае можно будет подтвердить или опровергнуть сделанные ранее выводы. А пока не будут получены хорошо аргументированные результаты, базирующиеся на скрупулезном и объективном анализе всех категорий источников, концепция об основании Херсонеса в третьей четверти VI в. до н. э., несмотря на имеющиеся в ней дискуссионные моменты, продолжает оставаться наиболее обоснованной и время списывать ее в архив еще не пришло. Новая точка зрения на проблему может завоевать сторонников и быть принята лишь в том случае, если она превзойдет старую глубиной комплексного анализа имеющихся источников и степенью аргументации исторических выводов.

ЛИТЕРАТУРА

- Адакшина С. Б., Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Мыц В. Л., Ушаков С. В. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 2001 г. // НА ИА НАНУ. – 2001. – 2001/146. – 68 л., 47 рис.
 Антонова И. А. Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен) // АДСВ. – 1990. – Вып. 25. – Византия и сопредельный мир. – С. 8 – 25.

⁶ Время близкое прекращению функционирования этой линии обороны определяют детские захоронения в амфорах, располагавшиеся непосредственно у этой стены [Рыжов, 2007, с. 22 – 23]. Это два сосуда хиосского производства с коническим туловом и колпачковой пожой (вариант V-B по С. Ю. Монахову), которые датируются концом V – третьей четвертью IV вв. до н. э. и уже встречались на этом участке некрополя [Монахов, 2003, с. 20 – 22].

- Антонова И. А.* Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки// *Хсб.* – 1996. – Вып. 7. – С. 101 – 131.
- Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. — Л., 1948. — 147 с.
- Белов Г. Д.* Некрополь Херсонеса классической эпохи//СА. — 1950. — Т. 13. — С. 272–284.
- Белов Г. Д.* Ионийская керамика из Херсонеса//Труды ГЭ. — 1972. — Т. 13. — С. 17–26.
- Белов Г. Д.* Амфоры из некрополя Херсонеса (V–IV вв. до н. э.)//История и культура античного мира. — М., 1977. — С. 17–23.
- Белов Г. Д.* Некрополь Херсонеса классической эпохи//СА. — 1981. — № 3. — С. 163–180.
- Блаватская Т. В.* Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. — М., 1952. — 264 с.
- Блаватский В. Д.* Рец.: Белов Г. Д. Херсонес Таврический. — Л., 1948//ВДИ. 1949. — № 3. — С. 145–148.
- Блаватский В. Д.* Архаический Боспор//МИА. — 1954. — Вып. 33. — С. 7–44.
- Блаватский В. Д.* Античная полевая археология. — М., 1967. — 208 с.
- Буйских А. В.* Рец.: The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archeology. — Stuttgart, 1998//ВДИ. — 2002. — № 1. — С. 201–208.
- Буйских А. В.* К хронологии и атрибуции сооружений у юго-восточных ворот Херсонеса Таврического//БИ. — 2005. — С. 138–158.
- Буйских А. В.* Некоторые полемические заметки по поводу становления и развития Борисфена и Ольвии//ВДИ. — 2005а. — № 2. — С. 146–164.
- Буйских А. В.* До питання про час заснування Херсонеса Таврійського//Археологія. — 2006. — № 3. — С. 35–43.
- Буйских А. В.* Херсонес Таврический в VI в. до н. э.: реальность историческая или археологическая?// АМА. — 2006а. — Вып. 12. — С. 263–277.
- Буйских А. В.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху//МАИЭТ. — Supplementum. — Вып. 5. — Симферополь, 2008. — 424 с.
- Вдовиченко И. И.* Архаическая керамика из собрания Национального заповедника «Херсонес Таврический»//Хсб. — 2005. — Вып. 14. — С. 81–90.
- Вдовиченко И. И.* Расписная керамика из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича в собрании Национального заповедника «Херсонес Таврический»//ПНИФК. — 2006. — Т. 14/1. — С. 118–143.
- Вдовиченко И. И.* Коллекция древностей Херсонеса Таврического. Расписная керамика из раскопок Р. Х. Лепера//Культура народов Причерноморья. — Симферополь, 2006а. — № 74. — Т. 2. — С. 151–154.
- Вдовиченко И. И.* Античные расписные вазы в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). — Симферополь, 2008. — 352 с.
- Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье//Античная Греция. — М., 1983. — Т. 1. — С. 366–420.
- Виноградов Ю. Г.* Понт Евксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика//Античные полисы и местное население Причерноморья. — Севастополь, 1995. — С. 5–56.
- Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII – I вв. до н. э. Историко-эпиграфическое исследование. — М., 1989. — 286 с.
- Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н.* Образование территориального Херсонесского государства// Эллинизм: экономика, политика, культура. — М., 1990. — С. 310–371.
- Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Древнейший Херсонес//Причерноморье в VII—V вв. до н. э. Письменные источники и археология. — Тбилиси, 1990. — С. 48–74.
- Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Год рождения Херсонеса Таврического//Хсб. — 1998. — Вып. 9. — С. 36–46.
- Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Херсонес изначальный//Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. — М., 1999. — С. 91–129.
- Гайдукевич В. Ф.* Рец.: Белов Г. Д. Херсонес Таврический. — Л., 1948//ВДИ. 1949. — № 3. — С. 140–144.
- Гайдукевич В. Ф.* История античных городов Северного Причерноморья (Краткий очерк)// АГСП. — М. — Л., 1955. — С. 23–147.
- Гришевич К. Э.* Северо-Восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р. Х. Лепера//Хсб. — 1930. — вып. 3. — С. 7–139.

- Доманский Я. В.* О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья (к постановке вопроса в советской археологической литературе)// АСГЭ. — 1965. — Вып. 7. — С. 116—141.
- Жебелев С. А.* Возникновение Херсонеса Таврического//Северное Причерноморье. — М. — Л., 1953. — С. 74—81.
- Журавлев Д. В., Христановски Л.* Группа греческих светильников из Херсонеса//Хсб. — 1999. — Вып. 10. — С. 50—59.
- Журавлев Д. В., Золотарев М. И., Кобзева А. А.* Светильники из Северо-Восточного района Херсонеса: позднэархаического, классического и эллинистического времени//Хсб. — 2005. — Вып. 14. — С. 129—140.
- Зедгендзе А. А.* О времени основания Херсонеса Таврического//КСИА. — М., 1979. — Вып. 159. — С. 26—34.
- Зедгендзе А. А.* К вопросу о причинах основания Херсонеса//ПГКСВП. — 1979а. — С. 89—94.
- Зедгендзе А. А.* Херсонес Таврический в классический период. — Автореф... канд. ист. наук. — М., 1983. — 26 с.
- Зедгендзе А. А.* К вопросу о древней дате основания Херсонеса Таврического//РА. — 1993. — № 3. — С. 50—56.
- Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в Северо-Восточном участке Херсонеса в 1974 г.//НА ИА НАНУ. — 1974. — Д. № 1974/104. — 29 л., 38 илл.
- Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1979 г.//НА ИА НАНУ. — 1979. — Д. № 1979/137. — 23 л., 35 рис.
- Золотарев М. И.* Об этапах жилой застройки Северо-Восточного района Херсонеса в конце V — IV вв. до н. э.//Тезисы докладов областной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 60-летию со дня рождения профессора Б. Н. Гракова. — Запорожье, 1980. — С. 49—50.
- Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1983 г.//НА ИА НАНУ. — 1983. — Д. № 1983/70. — 32 л., 73 рис.
- Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1984 г.//НА ИА НАНУ. — 1984. — Д. № 2480/1-2. — 28 л., 53 рис.
- Золотарев М. И.* Раскопки в Херсонесе//АО 1983. — М., 1985. — С. 277—278.
- Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1985 г.//НА ИА НАНУ. — 1985а. — Д. № 1985/98. — 28 л., 53 рис.
- Золотарев М. И.* Раскопки в Северо-Восточном районе Херсонеса//АО 1984 г. — М., 1986. — С. 235—236.
- Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1986 г.//НА ИА НАНУ. — 1986а. — Д. № 1986/36а. — 34 л., 44 рис.
- Золотарев М. И.* Херсонес и Ольвия в конце VI — II вв. до н.э. (Проблемы взаимоотношений). — Автореф. ... канд. ист. наук. — Л., 1986б. — 17 с.
- Золотарев М. И.* Раскопки в Северо-Восточном районе Херсонеса//АО 1985 г. — М., 1987. — С. 330—331.
- Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1987 г.//НА ИА НАНУ. — 1987а. — Д. № 1987/70. — 29 л., 39 рис.
- Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1988 г.//НА ИА НАНУ. — 1988. — Д. № 1988/49. — 57 л., 107 рис.
- Золотарев М. И.* Северо-Восточный район Херсонеса в античное время (По материалам раскопок 1976—1986 гг.)//Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888—1988 гг. — Тезисы докладов. — Севастополь, 1988а. — С. 50—52.
- Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1989 г.//НА ИА НАНУ. — 1989. — Д. № 1989/227. — 35 л., 79 рис.
- Золотарев М. И.* Про початковий етап будівництва в античному Херсонесі//Археологія. — 1990. — № 3. — С. 68—76.
- Золотарев М. И.* Формирование архитектурно-планировочной структуры Северо-Восточного района Херсонеса в античное время//Древне Причерномор'я. — Тезисы докладов. — Одеса, 1991. — С. 38—40.
- Золотарев М. И.* Херсонесская архаика. — Севастополь, 1993. — 98 с.

- Золотарев М. И.* Херсонесская архаика//ВДИ. — 1995. — № 3. — С. 138—151.
- Золотарев М. И.* К хронологии древнейшего Херсонеса//Античные полисы и местное население Причерноморья. — Севастополь, 1995а. — С. 100 — 106.
- Золотарев М. И.* О двух этапах строительства в Северо-Восточном районе Херсонеса в IV в. до н. э.//Хсб. — 1996. — Вып. 7. — С. 37 — 47.
- Золотарев М. И.* Ранние этапы градостроительства в Херсонесе Таврическом//Хсб. — 1998. — Вып. 9. — С. 26—35.
- Золотарев М. И.* Древнейший этап жилого строительства в дорийском Херсонесе//Древнее Причерноморье. — Одесса, 1998а. — С. 70 — 78.
- Золотарев М. И.* Херсонес Таврический: основание и становление полиса//Хсб. — 2005. — Вып. 14. — С. 13 — 44.
- Золотарев М. И., Ушаков С. В.* Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 2002 г.//НА ИА НАНУ. — 2002. — 2002/53. — 22 л., 82 рис.
- Золотарев М. И., Ушаков С. В.* Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 2003 г.//НА ИА НАНУ. — 2003. — 2003/102. — 172 л., 128 рис.
- Золотарев М. И., Ушаков С. В.* Исследования в Северо-Восточном районе Херсонеса//АДУ 2003 — 2004 рр. — Київ, 2005. — С. 135 -138.
- Зубар В. М.* З історії Херсонеса Таврійського другої половини IV — початку III ст. до н. е.//Археологія. — 1990. — № 1. — С. 39—50.
- Зубар В. М.* Херсонес Таврійський наприкінці V — у першій половині I ст. до н. е.//Давня історія України. — 1998. — Т. 2. — С. 284—300.
- Зубарь В. М.* По поводу «земляничного» этапа домостроительства в Херсонесе в V — начале IV вв. до н. э.//Старожитності степового Причорномор'я та Криму. — Запоріжжя. — 2004. — Вып. 11. — С. 92 - 95.
- Зубарь В. М.* Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. — К., 2004а. — 312 с.
- Зубарь В. М.* Херсонес и Западная Таврика в последней четверти VI — середине IV вв. до н. э.//Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I вв. до н. э. — К., 2005. — С. 59 — 120.
- Зубарь В. М.* Хора Херсонеса Таврического на Гераклеийском полуострове. История раскопок и некоторые итоги изучения. — К., 2007. — 318 с., илл.
- Зубар В., Липова Є., Сон Н.* Античний світ Північного Причорномор'я. — К., 1999. — 320 с.
- Зубарь В. М., Буйских А. В.* По поводу интерпретации памятников Маячного полуострова//МАИЭТ. — 2006. — Вып. 12/1. — С. 7 - 42.
- Иванчик А. И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII — VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. — М., Берлин, 2005. — 312 с.
- Ильина Ю. И.* О новых находках восточногреческой керамики на острове Березань//Сборник памяти Ю. В. Андреева. — СПб., 2000. — С. 201 — 209.
- Коваленко С. А.* О монетном деле Херсонеса Таврического в классическую эпоху//НЭ. — 1999. — Т. 16. — С. 108—131.
- Калестиков М. А.* Греческая колонизация Средиземноморья (Опыт анализа миграционного механизма). — К., 2003. — 158 с.
- Копейкина Л. В.* Самый ранний образец расписной древнегреческой керамики из раскопок на о. Березань//СА. — 1973. — № 2. — С. 240 — 244.
- Копейкина Л. В.* Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колонизационного процесса//ПГКСВП. — Тбилиси, 1979. — С. 106 — 113.
- Кошеленко Г. А., Кузнецов В. Д.* Греческая колонизация Боспора//Причерноморье в VII — V вв. до н. э. — Тбилиси, 1990. — С. 30 — 47.
- Кошеленко Г. А., Кузнецов В. Д.* Греческая колонизация Боспора (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации)//Очерки археологии и истории Боспора. — М., 1992. — С. 6 — 28.
- Кругликова И. Т.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1986 г. экспедиции Института археологии АН СССР//НА ИА НАНУ. — 1986. — Д. № 1986/75. — 72 л., 211 рис.
- Кузнецов В. Д.* Ранние апойки Северного Причерноморья//КСИА. — 1991. — Вып. 204. — С. 31 — 37.
- Кутайсов В. А.* Античный город Керкинитида VI—II вв. до н. э. — К., 1990. — 176 с.

- Кутайсов В. А.* Керкинитиды в античную эпоху. — К., 2004. — 325 с.
- Лалин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья (критический очерк отечественной теории колонизации). — К., 1966. — 240 с.
- Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. — М., Саратов, 2003. — 352 с., илл.
- Монахов С. Ю., Абросимов Э. Н.* Новое о старых материалах из херсонесского некрополя//АМА. — 1993. — Вып. 9. — С. 118—159.
- Николаенко Г. М.* Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV—III вв. до н. э. — Севастополь, 1999. — Ч. 1. — 83 с.
- Пальцева Л. А.* Херсонес Таврический в V—I вв. до н. э. Учебное пособие. — Л., 1988. — 86 с.
- Пальцева Л. А.* Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. — СПб., 1999. — 302 с.
- Пичикян И. Р.* Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. — М., 1984. — 296 с.
- Рогов Е. Я.* Экология Западного Крыма в античное время//ВДИ. — 1996. — № 1. — С. 70—84.
- Романчук А. И.* Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 1. Античный полис. — Тюмень, 2008. — 720 с., 88 илл.
- Русяева А. С.* Религия и культуры античной Ольвии. — К., 1992. — 256 с.
- Русяева А. С.* К вопросу об основании ионийцами Ольвии // ВДИ. — 1998. — №2. — С. 160-180.
- Русяева А. С.* Проблеми питання інтерпретації культу Партенос — верховної богині Херсонесської держави // БИ. — 2007. — XVI. — С. 82-111.
- Русяева А. С., Русяева М. В.* Верховная богиня античной Таврики. — К., 1999. — 208 с.
- Рыжов С. Г.* Оборонительная стена V в. до н. э. в Северном районе Херсонеса//МАИЭТ. — 2007. — Вып. 13. — С. 20-30.
- Савеля О. Я.* О греко-варварских взаимоотношениях в Юго-Западном Крыму в VI—IV вв. до н. э.//ПГКСВП. — 1979. — С. 166—176.
- Сазанов А. В.* Отчет о работах Херсонесской экспедиции в 1989 г.//НА ИА НАНУ. — 1989. — Д. № 1989/64. — 84 л., 181 рис.
- Сапрыкин С. Ю.* Предпосылки основания Херсонеса Таврического//АДСВ. Античный и средневековый город. — 1981. — С. 35—49.
- Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии в VI—I вв. до н. э. — М., 1986. — 248 с.
- Сапрыкин С. Ю.* Херсонесские прокесии и пути плавания по Понту//ПИФК. — 1999. — Вып. 8. — С. 217—229.
- Сапрыкин С. Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии//ВДИ. — 2003. — № 1. — С. 11—35.
- Стоянов Р. В.* Несколько замечаний о времени и причинах основания Херсонеса Таврического//ВДИ. — 2007. — № 2. — С. 125—144.
- Суриков И. Е.* Остракизм в Мегарах и Херсонесе Таврическом//Проблемы антиковедения и медиэвистики: Межвузовский сборник научных трудов. Нижний Новгород, — 1999. — С. 48—52.
- Суриков И. Е.* О некоторых факторах колонизационной политики Гераклеи Понтийской//ПИФК. — 2002. — Вып. 12. — С. 72—82.
- Суриков И. Е.* Остракизм в Афинах. — М., 2006. — 640 с.
- Суриков И. Е.* Черноморское эхо катастрофы в Сардах (Персидское завоевание державы Мермнадов и колонизационная политика Гераклеи Понтийской)//Античная цивилизация и варвары. — М., 2006а. — С. 47—72.
- Тохтасьев С. Р.* К ономастикону и датировке херсонесских остраконов//ВДИ. — 2007. — № 2. — С. 110—125.
- Тюменев А. И.* Херсонесские этюды. I. К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса//ВДИ. — 1938. — № 2. — С. 245—264.
- Тюменев А. И.* Херсонесские этюды. II. Херсонес и Делос//ВДИ. — 1938а. — № 2. — С. 265—275.

- Ушаков С. В. Исследования в северо-восточном районе Херсонеса в 2004-2005 гг.//АДУ 2004 – 2005 гг. – Київ, 2006. – С. 368 – 371.
- Фролов Э. Д. Тирания в Гераклее Понтийской//АМА. — 1974. — Вып. 2. — С. 117—139.
- Чурекова Н. Б. Модель взаимоотношений метрополии и колонии: Гераклея и Херсонес//Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы XII международной научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 67 – 69.
- Шевченко А. В. Культовые терракоты раннего Херсонеса (V – первая половина IV в. до н. э.)//ВДИ. – 1998. – № 3 – С. 53 – 68.
- Щеглов А. Н. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: III. Следы архаического поселения в вершине Казачьей бухты//Бахчисарайский историко-археологический сборник. — Симферополь, 1997. — Вып. 1. — С. 42—54.
- Яйленко В. П. Псевдоэпиграфика античного Северного Причерноморья//История и культура древнего мира. – М., 1996. – С. 175 – 221.
- Яйленко В. П. К дискуссии о херсонесском декрете в честь Т. Аврелия Кальпурниана Аполлониды (1)//ВДИ. – 2000. – № 1. – С. 118 – 135.
- Boardman J. Olbia and Berezan: the Early Pottery//The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archeology. – Stuttgart, 1998. – P. 201 - 204.
- Braund D. Notes on the History of Chersonesus before 422 BC and after//Хсб. – 2005. – Вып. 14. – P. 53 – 58.
- Burkert W. Greek Religion: Archaic and Classical. — Oxford, 1985. — 493 p.
- Burstein S. An Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. — Berkeley, Los Angeles, 1976. — 143 p.
- Hind J. Megarian Colonisation in the Western Half of the Black Sea 6 Sister- and Daughter-Cities of Heraclea//The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archeology. – Stuttgart, 1998. – P. 131 – 152.
- Ivantchik A. I. Die Gründung von Sinope und die Probleme der Anfangsphase der griechischen Kolonisation des Schwarzmeergebietes//The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archeology. – Stuttgart, 1998. – S. 297 – 330.
- Koshelenko G. A., Kuznetsov V. D. Greek Colonisation of the Bosphorus//The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archeology. – Stuttgart, 1998. – P. 249 – 263.
- Oppermann M. Die westpontischen Polis und ihre indigenes Umfeld in vorrömischer Zeit. — Langenweißbach, 2004. — 397 S., 82 Taf.
- Petropoulos E. K. Hellenic Colonization in Euxeinus Pontos. – Oxford, 2005. – 181 p.
- Saprykin S. Ju. Khersonesos Taurike: New Evidence on a Greek City-State in the Western Crimea//The Hellenic Diaspora from Antiquity to Modern Times. — Amsterdam, 1990. — Vol. 1. — P. 227—244.
- Saprykin S. Ju. Kersonesos Taurike: New Evidence on a Greek City-State in the Western Crimea//The Hellenic Diaspora from Antiquity to Modern Times. – Amsterdam, 1991. – Vol. 1. – P. 229 – 244.
- Saprykin S. Megarice — Heracleia — Chersonesus: Three Names of a Greek City-State in South-Western Taurica//Orbis terrarum. — 1995. — Vol. 1. — P. 25—38.
- Saprikin S. J. Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman Domination (VI—I centuries BC). — Amsterdam, 1997. — 336 p.
- Saprykin S. Ju. The Foundation of Tauric Chersonesus//The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archeology. – Stuttgart, 1998. – P. 227 – 248.
- Tsetsckhladze G. R. Greek Penetration of the Black Sea//The Archaeology of Greek Colonisation. – Oxford, 1994. – P. 111 – 135.
- Tsetsckhladze G. R. Greek Colonisation of the Black Sea Area: Stages, Models, and Native Population//The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archeology. – Stuttgart, 1998. P. 9 – 68.
- Vinogradov J. G. Ostrakismos als strange Kampfmittel für Demokratie im Lichte der neuen Funde aus Chersonesos Taurike//Gab es das Griechische Wunder? Griechenland zwischen dem Ende des 6. und der Mitte des 5. Jahrhunderts v. Chr. – Mainz. – 2001. – S. 379 – 286.
- Vinogradov Ju. G., Zolotarev M. I. La Chersonèse de la fin de l'archaïsme//Le Pont-Euxin vu par les Grecs: Sources écrites et archéologie. — Paris, 1990. — P. 85—119.

- Vinogradov J. G., Kryžickij S. D.* Olbia. Eine Altgriechische Stadt im Nordwestlichen Schwarzmeerraum. – Liden, New York, Köln, 1995. – 168 S., 116 Abb.
- Vinogradov J. G., Zolotarev M. I.* L'ostracismo e la storia della fondazione di Chersonesos Taurica//Minima epigraphica et papyrologica. – 1999. – Vol. 2, 2. – P. 79 – 97, Tav. I – IV.
- Zolotarev M. I.* Boeotian Lekanis from Chersonesus//ACSS. – 1994. – Vol. 1. – P. 112 – 117.
- Zolotarev M. I.* Chersonesus Tauricus. The Foundation and the Development of the Polis//Ancient Greece Colonies in the Black Sea.— Thessaloniki, 2003. — Vol. 1. — P. 603 — 644.

В. М. Зубар

ЩЕ РАЗ ІЗ ПРИВОДУ ЧАСУ ЗАСНУВАННЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРІЙСЬКОГО

Резюме

У статті розглядається ступінь аргументованості і достовірності низки наукових висновків, зроблених опонентами концепції Ю.Г. Виноградова, М.І. Золотарьова й І.Є. Сурикова, про заснування Херсонеса Таврійського в третій чверті VI ст. до н.е., а також окреслюються шляхи подальшої роботи з цієї теми. Проаналізувавши спроби А.В. Буйських і Р.В. Стоянова переглянути дату заснування Херсонеса і запропонувати своє бачення часу цієї події, автор вважає, що не можна визнати їх успішними.

Робота з використанням усіх без винятку категорій джерел над поглибленим аналізом часу і причин заснування Херсонеса Таврійського повинна тривати. Її слід проводити з урахуванням методичних підходів до роботи з джерелами, вироблених сучасною історико-археологічною наукою, і конкретно-історичних умов, характерних для цього античного центру. Тільки в такому разі можна буде підтвердити чи заперечити висновки, зроблені раніше. Та поки не буде отримано добре аргументовані результати, базовані на скрупульозному і об'єктивному аналізі всіх категорій джерел, концепція про заснування Херсонеса у третій чверті VI ст. до н.е. продовжує залишатися найбільш обґрунтованою і час списувати її в архів іще не настав. Нова точка зору на проблему може завоювати прихильників і бути прийнятою лише в тому разі, якщо вона перевершить стару глибиною комплексного аналізу джерел і ступенем аргументації історичних висновків.

В. М. Зубарь

ЕЩЕ РАЗ ПО ПОВОДУ ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Резюме

В статье рассматриваются степень аргументированности и достоверности ряда научных выводов, сделанных оппонентами концепции Ю. Г. Виноградова, М. И. Золотарева и И. Е. Сурикова об основании Херсонеса Таврического в третьей четверти VI в. до н. э., а также предлагаются пути дальнейшей работы по этой теме. Рассмотрев попытки А. В. Буйских и Р. В. Стоянова пересмотреть вывод об основании Херсонеса в третьей четверти VI в. до н. э. и предложить свое видение времени этого события, автор считает, что нельзя

Рис. 1. Северо-Восточный район Херсонесского городища.
Фото с воздуха В. А. Филиппова.

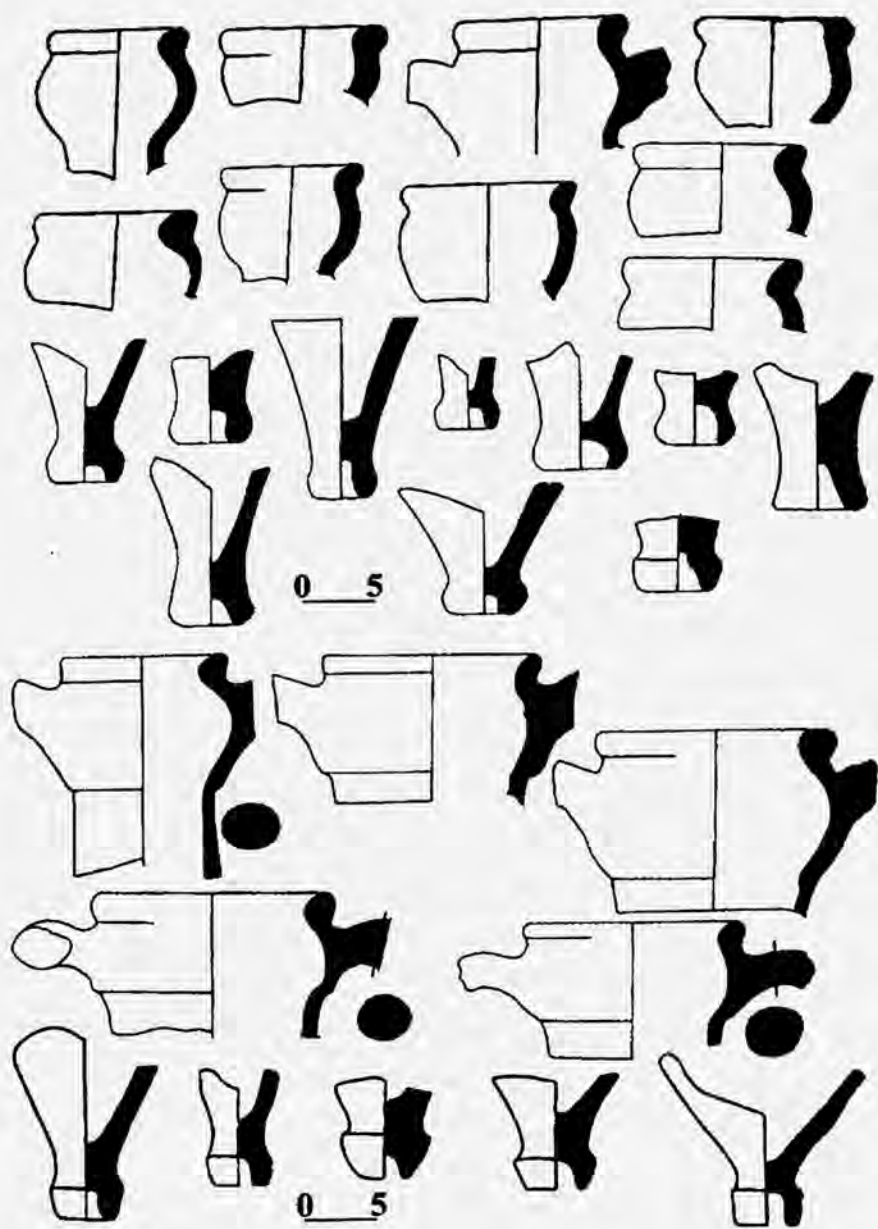

Рис. 2. Фрагменты архаических амфор по М. И. Золотареву.

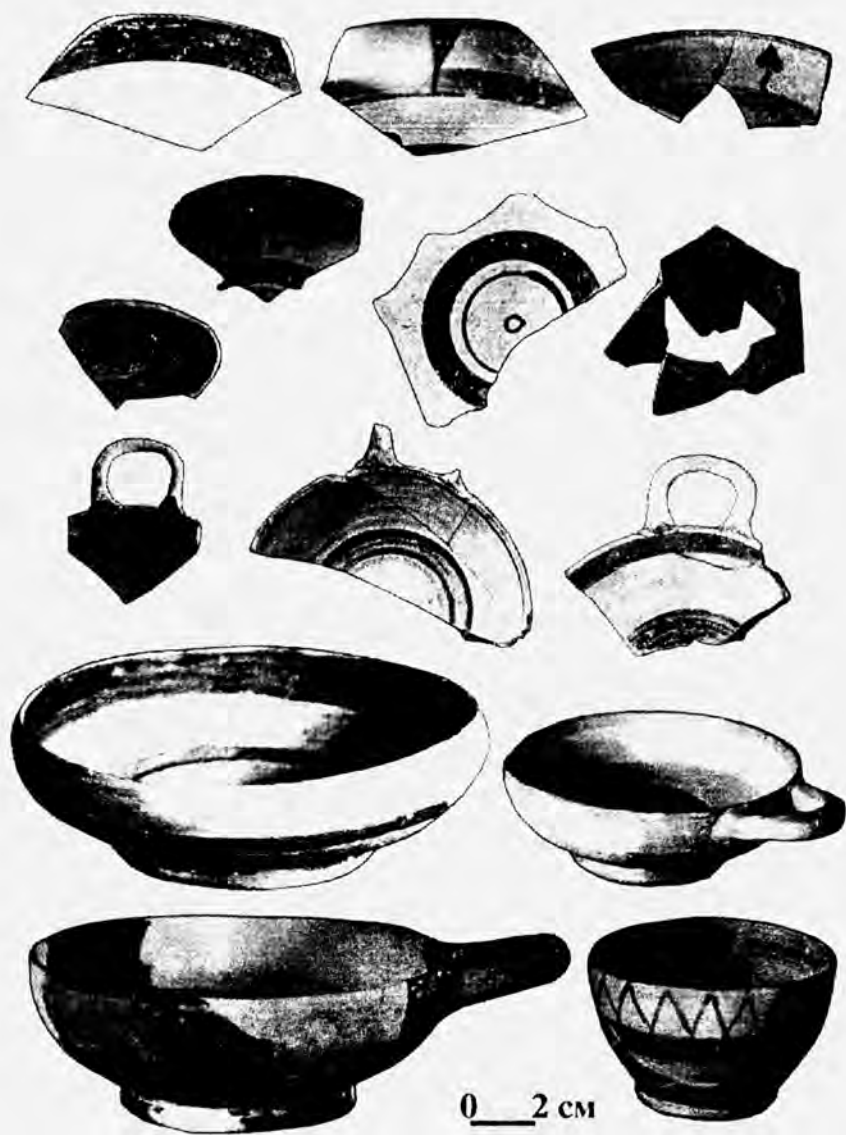

Рис. 3. Восточногреческая (ионийская) керамика из Херсонеса по М. И. Золотареву.

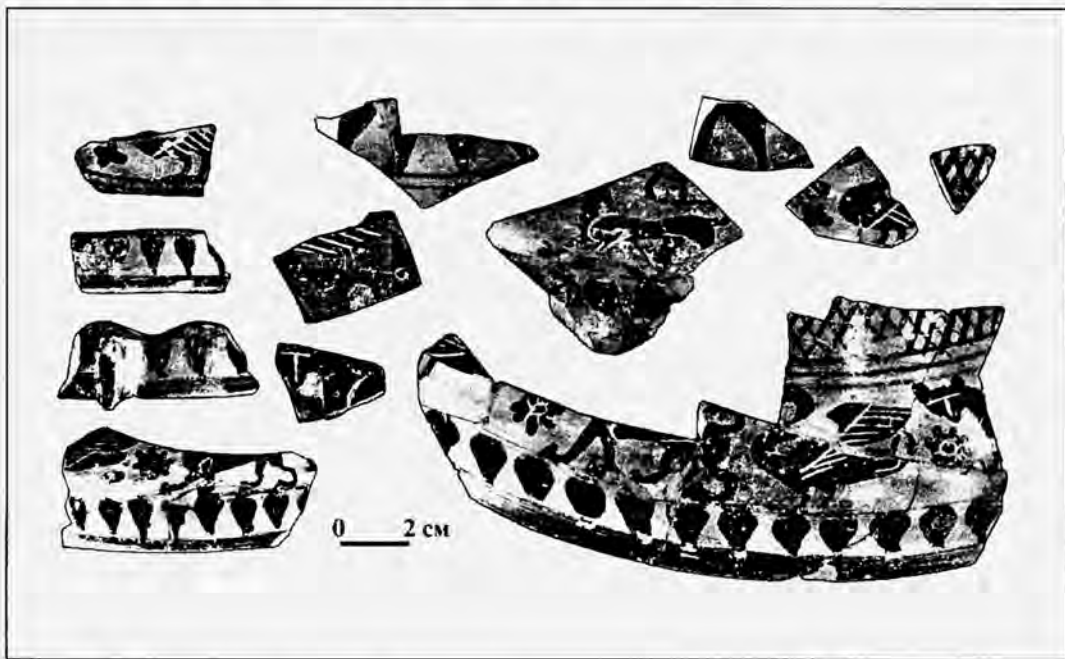

Рис. 4. Фрагменты чернофигурной керамики из Херсонеса по М. И. Золотареву.

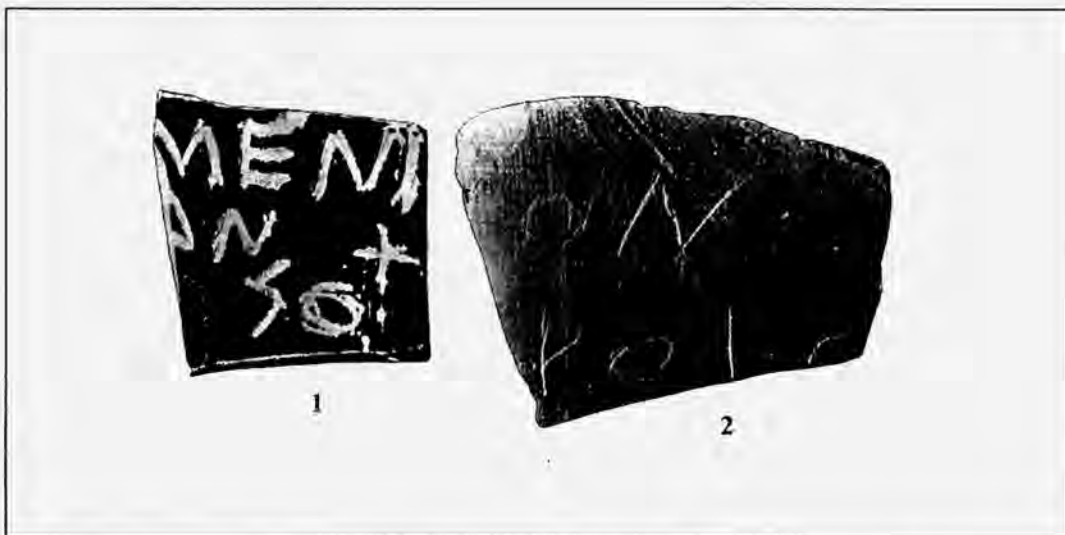

Рис. 5. Фрагменты самых ранних остраконов по Ю. Г. Виноградову и М. И. Золотареву.

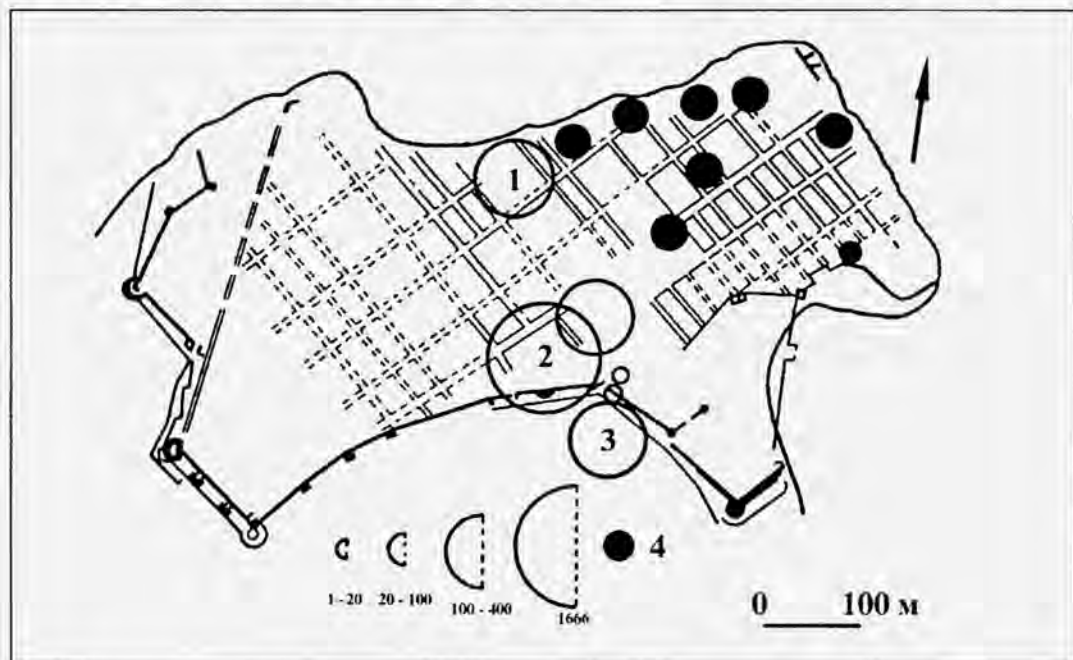

Рис. 6. Находки аттической краснофигурной керамики на территории Херсонесского городища по А. А. Зедгенидзе.

1 – кварталы XV – XVIII Северного района; 2 – район античного театра; 3- район юго-восточных городских ворот; - восточная часть Северного и Северо-Восточного района городища.
 За основу количественных показателей взят диаметр полукруга, его сравнительная величина пропорциональна количеству находок керамики.

Рис. 7. Остатки северной части оборонительной стены Херсонеса, открытой у окончания IX поперечной улицы. Раскопки С. Г. Рыжова 2005 г.

А. В. БУЙСКИХ

О РАННЕМ АТТИЧЕСКОМ ИМПОРТЕ В ОЛЬВИИ

При рассмотрении самых разных вопросов начального периода существования Ольвии, как и любого другого античного центра, основанного в Северном Причерноморье в первой половине VI в. до н. э., обращение к массиву восточногреческой керамики уже давно является нормой. Это вполне оправданно, так как именно этот вид массового керамического импорта, являясь наиболее ранним, позволяет надежно устанавливать, а при необходимости и корректировать датировки самых ранних и потому наименее исследованных слоев и сооружений, а также делать выводы об основных направлениях торговых связей со Средиземноморскими центрами.

На этом фоне общим является и мнение, что аттический импорт столовой и дорогой парадной посуды в города региона подключается к восточногреческому позднее, в основном, после середины VI в. до н. э., а находки фрагментов сосудов первой половины этого столетия представляют собой большую редкость. Как правило, неизвестны они и в ранних погребениях некрополей. Причем, в настоящее время большая часть документированных находок ранних аттических чернофигурных ваз, представленных преимущественно фрагментами кратеров и киликов рубежа первой – второй четвертей VI в. до н. э., происходит из раскопок Березани и боспорских городов [Березань: Скуднова, 1957, с. 48-49; Горбунова, 1970, с. 199-201; 1982, с. 36-39; Борисфен – Березань, 2005, № 129, 133, 153; Пантикапей: Сидорова, 1984, с. 71-72; 1992, с. 173-174; 1992 а, с. 204; Гермонасса: Сидорова, 1987, с. 111]. Что же касается Ольвии, то находки в ней чернофигурных аттических сосудов этого времени традиционно считаются чрезвычайной редкостью, а представлены они в абсолютном большинстве изделиями более поздними, ближе к середине столетия [Леви, 1972, с. 49, рис. 14, 5; Копейкина, 1976, с. 137; Козуб, 1987, с. 59; Русяева, Назарчук, 2006, с. 169].

Результаты работ Ольвийской экспедиции ИА НАН Украины последних лет дают основание внести существенные коррективы в это распространенное мнение. В юго-восточной части Ольвии, под культурными напластованиями римской цитадели II-III вв. н. э., в настоящее время планомерно исследуются остатки ранних сооружений на уровне материка, среди которых выявлено уже несколько десятков полуземлянок и различного

рода ям и углублений¹. Их изучение дало значительную коллекцию керамических материалов позднеархаического времени. Предварительная и еще не законченная обработка этой коллекции уже позволила выделить наиболее ранний аттический импорт в Ольвии. Это заставило нас обратиться и к материалам раскопок прошлых лет, хранящимся в фондах Института археологии НАН Украины, Музея археологии Института археологии НАН Украины и Национального заповедника «Ольвия» НАН Украины, в собрании которых также удалось обнаружить неизвестные фрагменты ранних аттических чернофигурных сосудов.

Настоящим украшением ольвийской керамической коллекции являются крупные фрагменты кратеров (рис. 1. 1-3), соотнесенные нами с афинским мастером второй четверти VI в. до н. э. Оба сосуда и небольшой фрагмент третьего имеют идентичную схему композиционного построения в виде крупных одноярусных фризовых изображений животных. Невозможно утверждать наверняка, принадлежали ли они все типу колонных кратеров, популярных в первой половине VI в. до н. э., поскольку у одного из них над ручкой отсутствует характерная площадка, соединявшаяся с краем венчика. На первом кратере, под венцом из язычков, изображены пантера с туловищем, повернутым в профиль вправо и головой в фас, наклоняющая лапой голову стоящего перед ней в профиль барана (рис. 1, 1). Венчик этого сосуда украшен орнаментом в виде зигзагов, расположенных под углом к краю. Детали морд животных, отдельные части тел и мускулатура подчеркнуты гравировкой. Используются накладные краски – густой пурпур на туловищах животных и для чередования лепестков розеток и язычков под горлом, а также белая краска, которой переданы точки на шее пантеры.

На другом сосуде имеется крупное изображение пасущегося козла влево и незначительный фрагмент от стоящей напротив фигуры, судя по фрагменту, ноги, такого же копытного животного. Язычковый орнамент под горлом этого кратера отсутствует, по венчику – тонкий лучевой орнамент (рис. 1, 2). Не совсем ясно изображение под ручкой, чаще всего, это была птица со сложенными или расправленными крыльями, хотя в нашем случае утверждать это однозначно невозможно – сохранившийся завиток лака не позволяет уверенно трактовать сюжет изображения. Детали переданы гравировкой, использован пурпур. От третьего сосуда сохранился небольшой фрагмент стенки с изображением рогов пасущегося козла, переданных в фас и раздвоенных на концах (рис. 1, 3), идентичных соответствующему изображению на втором сосуде. На первом и третьем фрагменте имеются также восьмилепестковые заполнительные розетки, лепестки и центры которых акцентированы гравировкой. Роспись всех трех сосудов выполнена тусклым светло-коричневым неравномерно обожженным лаком, сплошным, более темным и блестящим

¹ Участок P-25, раскопки В. В. Крапивинной и автора.

по горлу, нанесенным прямо на глину. Стилистические особенности передачи деталей на двух крупных фрагментах сосудов, в частности, гравировка, подчеркивающая анатомические детали на крупах, переданная одной, а не двойной, линией, сочетание гравировки и рисунка пурпуром на ребрах животных, прорисовка копыт – свидетельствуют о том, что ольвийские кратеры наверняка вышли из одной мастерской. Более того, несомненно, что эти сосуды расписаны одной рукой и по своим стилистическим характеристикам не выходят за пределы второй четверти VI в. до н. э.

Живописная манера афинских мастеров второй четверти VI в. до н. э., начиная от Софила, его современников и ближайших последователей, хорошо известна [Papasyridi-Karusu, 1937, S. 112 f.; Beazley, 1964, p. 19; Bakir, 1981, S. 39 ff.; Boardman, 1997, p. 18-19 ff.]. Небезосновательно считается, что формирование композиций их одно- или двухъярусных живописных фризов, особенно с крупными изображениями копытных животных и кошачьих хищников, водоплавающих птиц и сирен, точная передача мелких деталей анатомического построения, использование многолепестковых заполнительных розеток – происходили под ощутимым влиянием развитой чернофигурной вазовой живописи Коринфа, преимущественно среднекоринфского времени. Прежде всего, это характерные особенности иконографии животных, включая акцентированные гравировкой детали – пантеры в профиль с головой, развернутой в фас, с неизменной и характерной гравировкой по морде и губам расположенными белыми точками на шее, барана с наклоненной головой, льва и барана в той же позе, пасущегося козла влево с треугольной бородой и рельефными рогами, раздвоенными на концах [Амух, 1956, p. 73 ff., pl. 28, b-c; 29, a-d; Амух, Lawrence, 1975, pl. 6, Nr. 45; pl. 36, Nr 186-187; pl. 90, An 216; pl. 95, An. 142; 1996, X 39, Pl. 46, b; Stillwell, Benson, 1984, pl. 16, Nr 321; pl. 21, Nr 397; pl. 31, Nr 668, 677, 685; Pemberton, 1989, pl. 26, Nr 245].

У коринфских мастеров второй четверти VI в. до н. э. был заимствован и тип крупного колонного кратера с двухрядной фризовой росписью, в которых нижний фриз имел характерные парные изображения кошачьих хищников с пасущимися козлами или баранами [Bakir, 1974, Taf. 2, 1-2]. Ранние афинские мастера были великолепными художниками-анималистами, поскольку при сравнительной немногочисленности сюжетов и композиций, их многократном копировании и массовом тиражировании, передача индивидуальных особенностей каждого животного, особенно массивных крупов на изящных тонких ногах, часто выполненных силуэтом, или птицы, как правило, отличалась высокой точностью и качеством исполнения, а гравировка и накладные краски умело дополняли силуэтный рисунок. При этом афинские вазописцы часто используют однофризовую роспись, при которой основной композиционный акцент ставится на парные или одиночные изображения животных.

Перечисленные стилистические признаки были характерными для целой плеяды мастеров, работавших в Афинах во второй четверти VI в. до н.э.

[Boardman, 1997, p. 19 ff.; Beazley, 1964, p. 13 ff.; 1971, p. 14 ff.]. Речь идет о стиле-вом направлении, доминировавшем в аттической чернофигурной вазописи, которая уже была массово ориентированной на импорт. Об этом можно заключить из значительного географического разброса находок фрагментов сосудов этого времени на разных памятниках Средиземноморья и Причерноморья [см. напр.: Schaeffer, Ramage, Greenewalt, 1997, Att 36; Bakir, 1981, S. 45-48; Felten 1982, S. 23 ff., Taf. 12-16; Alexandrescu, 1974, Nr. 291 ff.; Горбунова, 1982, с. 39; Сидорова, 1992, с. 212 сл.]. Скорее всего, мощное стилистическое влияние коринфской вазовой живописи на аттических мастеров было ограничено временем существования среднекоринфского стиля, в котором и доминировали все перечисленные сюжеты, т. е. серединой 570-х гг. до н. э., хотя реминисценции этого стиля продолжали существовать и на начальном этапе позднекоринфской вазописи, и у синхронных с нею афинских мастеров [Bakir, 1974, S. 60 f.].

По мнению Дж. Бизли, один из самых поздних афинских вазописцев, работавших в коринфизирующей манере, – это Лидос (560-540 гг. до н. э.). Именно с начальным периодом его длительной и плодотворной карьеры он связывал изготовление крупных ваз и, в том числе, колонных кратеров с одноярусными фризовыми изображениями животных [Beazley Archive, 310255; 310256; 310257; 310259; Beazley, 1964, p. 43 ff.; 1971, p. 47; Boardman, 1997, p. 54]. Близкими стилистическими аналогиями ольвийскому кратеру с изображением пасущегося козла являются кратеры, найденные в колодеце под стоей Аттала на Афинской агоре и два кратера из музея Фессалоник. Авторы публикаций афинского сосуда и всей коллекции чернофигурной керамики Афинской агоры, правда, не соотнесли его с Лидосом так уверенно, как позднее Дж. Бизли, отметив лишь, что он выполнен «в его манере» [Thompson, 1956, p. 57-58, pl. 16, a; Moore, Philippides, 1986, Nr 436, p. 85]. Ценно также то, что сосуд был обнаружен на агоре в закрытом комплексе, датированном по содержащимся в нем материалам не позднее середины 60-х гг. VI в. до н. э.

С кругом Лидоса связываются и кратеры из музея Фессалоник [Zaphiropoulou, 1970, p. 392 ff., fig. 21, 24-26], хотя, исходя из общей живописной манеры, они выполнены значительно проще в плане проработки деталей анатомии животных и заполнительных розеток, чем афинский и ольвийский кратеры. Нельзя исключать, что они являлись анонимными копиями популярных работ известного вазописца, дополняя тот список, который уже известен [Beazley, 1964, p. 49]. Следует отметить, что фрагменты кратера с близким изображением пасущегося козла во фризе найдены в Истрии и, П. Александреску, отметив его стилистическую близость с мастерской Лидоса, также предположил, что это может быть копия его работ [Alexandrescu, 1974, Nr 311]. Весьма близкими по манере прорисовки деталей мускулатуры пантеры и пасущегося копытного животного являются изображения на плечевом фризе гидрии из Лувра (E 804), также соотносимой с этим мастером [Tiverios, 1976, Taf. 6, b]. Поэтому иконография изображения пасущегося козла является своего рода

определителем живописной манеры Лидоса [Kreuzer, 1998, S. 258, Abb. 7-9]. К этому же типу кратеров примыкает и фрагмент еще одного сосуда с частью фризового изображения утки или лебеда вправо (рис. 1, 4). Скорее всего, такому же кратеру мастерской Лидоса, только колонному, принадлежит еще одна ольвийская находка – ручка – пластина с изображением лебеда со сложенными крыльями влево (рис. 2, 7) [ср.: Felten, 1982, Nr. 208; Tuna-Nörling, 2002, Nr 109; Iacobazzi, 2004, Nr. 47].

Еще несколько новых находок пластинок над ручками от колонных кратеров с изображением мужских профилей влево (рис. 2, 13-14) также связаны с именем Лидоса. Интересно то, что эти и другие фрагменты ранних аттических ваз происходят из жилых и хозяйственных комплексов Ольвии, поскольку ранее они были известны только по немногочисленным находкам на обоих теменосах [Леви, 1964, с. 164-165, рис. 37; Русяева, Назарчук, 2006, с. 169] и интерпретировались как дорогие вотивные подношения, или в районе агоры [Горбунова, 1964, с. 297]. Теперь же есть возможность констатировать их использование в быту в утилитарных целях. Более того, следует обратить особое внимание, что речь идет о строительных комплексах, расположенных на окраинной заселенной части Ольвии. Находки таких кратеров, как правило, весьма многочисленны и хорошо известны по разным памятникам как собственно Греции, так и северопричерноморских колоний [см. Пантикапей: Сидорова, 1984, с. 77-78, рис. 4; Сидорова, 1992, с. 173, рис. 1, А]. Ручки ольвийских сосудов, судя по стилистическим особенностям прорисовки мужских профилей и деталей причесок, датируются не позднее середины VI в. до н. э. [Moore, Philippides, 1986, Nr 441, 446, 448].

Скорее всего, стилистически близким сосудам принадлежат и другие мелкие фрагменты стенок кратеров с аналогично прорисованными заполнительными розетками (рис. 2, 6, 8). С этим же стилистическим направлением, доминировавшим в ранней чернофигурной аттической вазописи, соотносится, скорее всего, еще один фрагмент кратера с изображением лап и части крыла водоплавающей птицы или сирены (рис. 2, 3), хотя в силу фрагментарности привязывать его только к мастерской Лидоса рискованно. Тем не менее сюжет изображения, использование пурпурных полос по широкой полосе лака под фризом подсказывают, что и этот сосуд не выходит за пределы середины VI в. до н. э. Более поздней реминисценцией коринфизирующего стиля являются фрагменты стенок закрытого сосуда с изображением части крыла птицы и ног копытного животного с разделительными рядами точек (рис. 2, 11). Стилистические особенности изображения, манера прорисовки крыла и копыта позволяют датировать такой сосуд уже после середины, третьей четверти этого столетия.

Кроме кратеров с изображениями животных, со стилистической манерой раннего Лидоса или его современников уверенно связывается еще ряд фрагментированных сосудов. Фрагменты двух стенок принадлежали крупным кратерам с изображениями воинов в полном вооружении, в коринфских шлемах

и со щитами (рис. 2, 9-10). Изобразительная манера, густой пурпур на шлемах, статичная композиция стоящих в полный рост фигур, головой касающихся фриза из язычков под горлом, находят близкие аналогии в работах мастеров этого времени [см. напр.: Alexandrescu, 1974, Nr 301; Felten, 1982, Nr 204]. И, наконец, работе мастеров того же круга принадлежит стенка еще одного кратера или амфоры с изображением обнаженного всадника влево с характерной ниспадающей на плечи прической, касающегося головой язычков под горлом (рис. 2, 12) [Alexandrescu, 1974, Nr 304; Zaphiropoulou, 1970, fig. 30-31].

В репертуар работ афинских живописцев второй четверти VI в. до н. э. входили леканы с крышками [Moore, Philippides, 1986, Nr 1330-1336], которые также являлись важной статьей аттического импорта в Причерноморский регион [см., напр. в Истрии: Alexandrescu, 1974, Nr 340-343; 2005, С 84; на Березани: Горбунова, 1982, рис. 2, 6; в Пантикапее: Сидорова, 1984, с. 83, рис. 7; 1992, с. 213, рис. 8]. Крышки имели несколько живописных фризов, в которых чередовались копытные и кошачьи животные, водоплавающие птицы и сирены. К крышкам такого типа относится ольвийский экземпляр (рис. 2, 1) с корзиной лучей у основания ручки и частью фриза с изображением пантеры вправо и головой в фас, а также лебедя в фас с расправленными крыльями. Детали подчеркнуты гравировкой и накладными красками. От другой подобной крышки сохранился низ нижнего фриза с изображением крупных лап водоплавающей птицы (рис. 2, 4). Аналогичные в стилистическом отношении фрагменты крышек лекан с сиренами и кошачьими хищниками были найдены на ближайшем к Ольвии поселении ее сельской округи – Широкой Балке-I (рис. 2, 5) [см. также крышку еще одной леканы: Рабичкин, 1951, рис. 34]. Обе эти крышки, исходя из манеры проработки крыльев, относятся ко времени не ранее середины VI в. до н. э.

Отдельного внимания заслуживает фрагмент вертикального венчика парадной амфоры-лутрофоры (рис. 2, 2) с изображением пояса из близко расположенных крупных одиннадцатилепестковых розеток, лепестки которых вписаны в две окружности, очерченные циркулем. Центры розеток прочерчены рукой. По лаку лепестки через один покрыты пурпуром, причем нечетное количество лепестков повлекло сбой ритма их чередования. Высокое качество прорисовки розеток, предварительная разметка, сам тип расписной парадной амфоры с высоким узким горлом позволяют видеть в этом фрагменте работу более раннего мастера, чем Лидос, для которого сосуды с такими морфологическими признаками нехарактерны. Утверждать наверняка это сложно из-за небольших размеров фрагмента, однако близкие аналогии по манере выполнения розетты, вписанной в предварительно вычерченный круг, можно видеть во фрагменте, найденном на Афинской агоре и датированном концом первой – началом второй четверти VI в. до н.э. [Moore, Philippides, 1986, Nr 605, ср. также: Nr 6]. Фрагменты сосудов с подобными техническими и живописными характеристиками многолепестковых розетт, как правило, относятся к тому же времени [Alexandrescu, 1974, Nr 300; Felten, 1982, Nr 144, 152; Kreuzer, 1998 a, Nr 18-19].

К сказанному можно добавить, что амфоры-лутрофоры с аналогичным вертикальным венчиком, по которому густо посажены многолепестковые розетты, соотнесены с мастерскими мастера Горгоны и Софила [Papaspnyridi-Karusu, 1937, Taf. 60; Scheibler, 1961, Abb. 1, 2; Bakir, 1981, A 14. Taf. 49-51; B. 4: Taf. 71; Boardman, 1997, fig. 27; см. также: Tuna-Nörling, 2002, Nr 67]. С кругом Софила, причем его поздней фазы, ок. 580-570 гг. до н. э. связан динос из Гортина с аналогично посаженными многолепестковыми розетками по венчику, вписанными в предварительно прочерченными циркулем окружности [Bakir, 1981, B 2, Taf. 80]. Поэтому и предположение о вероятной принадлежности ольвийского фрагмента одной из этих мастерских, несмотря на всю смелость, вполне реально, учитывая, что фрагменты ваз, атрибутированных с Софилом, уже известны среди материалов Березани [Скуднева, 1957, с. 48-49].

Кроме того, при исследованиях Восточного теменоса Ольвии были найдены несколько фрагментов парадных амфор с изображениями львов [Леви, 1964, с. 163-164, рис. 37]. Е. И. Леви не ставила своей задачей точное определение найденных фрагментов, верно указав лишь только на их общую принадлежность ранним афинским мастерам. Однако стилистические особенности прорисовки морды льва с оскаленной пастью, высунутым языком и зубами, проработанными белыми точками, на одном фрагменте и гривы льва с использованием длинных прядей пурпура на другом (не исключено также, что оба фрагмента принадлежали одному сосуду), позволяют соотнести их с мастером Горгоны [Scheibler, 1961, S. 6 ff.; Boardman, 1997, p. 17]. Этот мастер, как и Софил, работал в первой – рубже первой и второй четвертей VI в. до н. э. В настоящее время находки сосудов обеих мастерских являются самыми ранними среди известного аттического импорта в Ольвию.

Среди привозных аттических сосудов второй четверти VI в. до н. э., кроме закрытых форм, значительное место занимают килики Сиана, соотнесенные с несколькими афинскими живописцами [Beazley, 1964, p. 21; Boardman, 1997, p. 31 ff.]. В Ольвии их импорт вплоть до настоящего времени практически неизвестен, хотя в березанской коллекции они имеются [Скуднева, 1955, с. 35-37; Борисфен-Березань, 2005, № 133]. Между тем, среди ольвийских находок последних лет имеется несколько интересных экземпляров, позволяющих корректировать и эту устоявшуюся точку зрения. Это, прежде всего, археологически целый килик на высокой полый ножке с изображением скачущих всадников вправо и бегущих фигур (сохранилась мужская фигура в длинном хитоне, написанном пурпуром) (рис. 3, 1). Абсолютной аналогии нам найти не удалось, но кавалькады всадников, правда, развернутых преимущественно влево, типичны для двух наиболее известных мастеров этого типа сосудов – мастеру С и Taras. Кавалькады были характерны в основном для среднего периода творчества мастера С, охватывавшего первую половину 560-х гг. до н. э., а также раннего и среднего периодов мастера Taras, которые целиком охватывают 560-е гг. [Brijder, 1983, pl. 16, b: 28, 1].

Всадник на вздыбленном скакуне в центральном медальоне также является редкостью, стилистически он близок мастеру Taras [Brijder, 1983, pl. 36, b]. Для обоих мастеров характерны внутренние медальоны в обрамлении круга из язычков, внешний контур которых украшен точечным декором.

Второй крупный фрагмент килика содержит изображение батальной сцены (рис. 3, 2), также весьма популярной у обоих упомянутых мастеров, причем такие сцены характерны и для поздних периодов их творчества, охватывающих 550-е гг. до н. э. [Brijder, 1983, pl. 14, d, e; 23, a; 33 a]. Другому килику с аналогичной батальной сценой принадлежат еще несколько фрагментов (рис. 3, 3). Один фрагмент принадлежит килику с изображением пирующих симпосиастов (рис. 3, 4), причем поза симпосиаста с подогнутой правой рукой на фоне подушки характерна для работ мастера Taras второй половины 560-х – 550-х гг. до н. э. [Brijder, 1983, pl. 316, b]. Еще один небольшой фрагмент килика содержит изображение изогнутого в танце женского торса в хитоне, покрытом густым пурпуром (рис. 3, 5). В силу небольших размеров фрагмента определить живописную композицию сосуда невозможно, однако наверняка это был дионисийский сюжет, такой как, например, на позднем килике Сиана из Геттингена [Isler-Kerényi, 1999, S. 561, Abb. 6-7]. И, скорее всего, работе мастера С первой половины 560-х гг. до н. э. принадлежат фрагменты центрального медальона килика с характерным язычковым орнаментом и точками в наружном кольце (рис. 3, 6) [Brijder, 1983, pl. 34, a; см. также: Iacobazzi, 2004 № 25]. Второй медальон с фрагментированным изображением вздыбленного скакуна (рис. 3, 7), скорее всего, также принадлежит сосуду типа Сиана, однако в силу фрагментарности, точное определение мастерской затруднено. Несомненно лишь то, что характеру проработки язычков, заключенных в овоидный контур, этот сосуд не выходит за пределы середины VI в. до н. э.

Говоря о раннем аттическом импорте в Ольвии, нельзя пройти мимо наблюдения Дж. Бордмана относительно основных направлений торговли аттическими вазами во второй четверти VI в. до н. э. в Средиземноморье. Исследование больших музейных коллекций с целыми формами, происходящими в основном из некрополей, позволило ему высказать предположение, что в торговле аттическими расписными вазами известных мастеров этого времени наблюдалась определенная специализация рынков сбыта. При этом для мастерских, производивших килики Сиана, в отличие от мастерской Лидоса, в качестве рынка преимущественно использовалось западногреческое направление [Boardman, 1997, p. 33]. Однако детальное изучение северопричерноморских материалов показывает, что этот рынок не менее перспективен для исследования динамики импорта ранней керамической продукции из Аттики. Публикуемые находки сосудов Сиана из Ольвии, при очень небольшой выборке коллекции и высокой степени ее фрагментарности, тем не менее, вместе с уже известными материалами из других памятников региона, и в первую очередь, Березани [Скуднова, 1955, с. 37], позволяют уверенно включить

северопричерноморский регион в один из активных рынков сбыта этой высококлассной продукции. А вместе с находками в Ольвии фрагментов сосудов других ранних афинских мастерских [напр.: Леви, 1964, с. 163-164, рис. 37], они позволяют уже на новом уровне вернуться к теме начала поставок аттического импорта в Черное море, его количественного и качественного состава. Кроме того, уже очевидно, что распространенная в отечественной историографии общая точка зрения об общем невысоком имущественном уровне первопоселенцев греческих апойкий региона также подлежит корректировке, принимая во внимание высокий художественный уровень публикуемых фрагментов сосудов, принадлежащих лучшим афинским вазописцам своего времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Борисфен – Березань*. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. Каталог выставки. – СПб.: ГЭ, 2005. – 152 с.
- Горбунова К. С.* Чернофигурный кратер мастера Лидоса // *СА*. – 1964. – № 3. – С. 297-301.
- Горбунова К. С.* Килик с комастами из раскопок на Березани в 1966 г. // *СА*. – 1970. – № 4. – С. 199-201.
- Горбунова К. С.* Аттическая чернофигурная керамика из раскопок 1962-1971 гг. на участке «Г» о. Березань // *Художественные изделия античных мастеров*. – Ленинград: Искусство, 1982. – С. 36-49.
- Козуб Ю. И.* Аттическая керамика // *Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время*. – К.: Наукова думка, 1987. – С. 57-71.
- Копейкина Л. В.* Некоторые итоги исследования архаической Ольвии // *ХКААМ*. – М.: Наука, 1976. – С. 131-142.
- Леви Е. И.* Материалы ольвийского теменоса // *Ольвия. Теменос и агора*. – М.-Л., Наука, 1964. – С. 131-174.
- Леви Е. И.* Архаическая керамика из раскопок Ольвийской агоры 1968-1969 гг. // *КСИА*. – 1972. – Вып. 130. – С. 45-52.
- Рабичкин Б. М.* Поселение у Широкой Балки // *КСИИМК*. – 1951. – Вып. 40. – С. 114-124.
- Русяева А. С., Назарчук В. И.* Аттическая чернофигурная керамика // *Древнейший теменос Ольвии Понтийской*. – Симферополь, 2006. – С. 169-173 (МАИЭТ. – Suppl. 2).
- Сидорова Н. А.* Чернофигурная керамика из Пантикапея (раскопки 1959-1969) // *СГМИИ*. – 1984. – Вып. 7. – С. 71-110.
- Сидорова Н. А.* Архаическая керамика из раскопок Гермонассы // *СГМИИ*. – 1987. – Вып. 8. – С. 110-125.
- Сидорова Н. А.* Чернофигурная керамика из раскопок Пантикапея 1945-1958 гг. // *СГМИИ*. – 1992. – Вып. 10. – С. 173-203.
- Сидорова Н. А.* Чернофигурная керамика из Пантикапея (раскопки 1969-1984 гг.) // *СГМИИ*. – 1992 а. – Вып. 10. – С. 204-236.
- Скуднива В.* Аттические чернофигурные килики из Березани // *СГЭ*. – 1955. – Вып. 8. – С. 35-37.
- Скуднива В.* Обломки чернофигурных сосудов мастера Софилоса из Березани // *СГЭ*. – 1957. – Вып. 12. – С. 48-49.
- Alexandrescu P.* La céramique d'époque archaïque et classique (VIIe – IVe s.) (Histria IV). – București, Paris, 1978. – 143 p., 71 pl.
- Alexandrescu P.* La zone sacrée d'époque grecque (fouilles 1915-1989) (Histria VII). – București, 2005. – P. 329-411.
- Amux D. A.* The Celedakis Painter // *Hesperia*. – 1956. – Vol. XXV. – P. 73-77.
- Amux D. A., Lawrence P.* Archaic Corinthian Pottery and the Anaploga Well. – Princeton, N. Jersey, 1975 (Corinth. – Vol. VII. – P. II). – 178 p., 112 pl.
- Amux D. A., Lawrence P.* Studies in Archaic Corinthian Vase Painting. – Princeton, 1996. – 164 p., 64 pl. (Hesperia. – Suppl. 28).

- Bakir T.* Der Kolonnenkrater in Korinth und Attika zwischen 625 und 550 v. Chr. – Würzburg: Konrad Triltsch, 1974. – 81 S., 16 Taf.
- Bakir G.* Sophilos. Ein Beitrag zu seinem Stil. – Mainz a. Rhein: Philipp von Zabern, 1981. – 84 s., 194 Abb.
- Beazley J. D.* The Development of Attic Black-Figure. – London: Cambridge University Press, 1964. – 127 p., 49 pl.
- Beazley J. D.* Paralipomena. – Oxford: University Press, 1971. – 680 p.
- Beazley Archive* – Pottery. Painters and Potters: [електронний ресурс] / J. Beazley // Точка доступа: <http://www.Beazley.ox.ac.uk/Pottery/default.htm> (10. 11. 2009).
- Boardman J.* Athenian Black Figure Vases. – London: Thames and Hudson, 1997 (Repr. 1991). – 252 p.
- Brijder H. A. G.* Siana Cups I and Comast Cups (Allard Pierson Series. – Vol. 4). – Amsterdam, 1983. – 316 p., 104 pl.
- Iacobazzi B.* Le ceramiche attiche a figure nere. – Vol. I. – Bari: Edipuglia, 2004. – 276 p. – (Gravisca. – V).
- Isler-Kerényi C.* Frauen um Dionysos vom 7. Jahrhundert bis um 540 v. Chr. // AA. – 1999. – S. 553-566.
- Kreuzer B.* Eine lekane in Florenz – zwei Maler teilen sich die Arbeit // AA. – 1998. – S. 253-270.
- Kreuzer B.* Die attisch-schwarzfigurige Keramik aus dem Heraion von Samos (Samos XXII). – Bonn: Rudolph von Habelt GmbH, 1998. – 230 S., 14 Bl., 58 Taf.
- Felten W.* Attisch-schwarzfigurige und rotfigurige Keramik // Alt-Ägina. – II, 1. – Mainz/Rhein, 1982. – S. 23-55.
- Moore M. B., Philippides M. Z. P.* Attic Black-Figured Pottery. – Princeton, N. Jersey, 1986 (The Athenian Agora. – Vol. XXIII). – 382 p., 124 pl.
- Papaspnyridi-Karusu S.* Sophilos. Die Pinakes des Sammlung Vlastos // AM. – 1937. – Bd. 62. – S. 111-135.
- Pemberton E. G.* The Sanctuary of Demeter and Kore. The Greek Pottery. – Princeton, N. Jersey, 1975 (Corinth. – Vol. XVIII. – P. I). – 236 p., 61 pl.
- Schaeffer Ju. S., Ramage N. H., Greenewalt C. H.* The Corinthian, Attic, and Lakonian Pottery from Sardis. – Cambridge/Mas., London, 1997. – 152 p., 66 pl.
- Scheibler I.* Olpen und Amphoren des Gorgomalers // JdA. – 1961. – Bd. 76. – S. 1-47.
- Stillwell A. N., Benson J. L.* The Potter's Quarter. The Pottery. – Princeton, N. Jersey, 1975 (Corinth. – Vol. XV. – P. III). – 434 p., 126 pl.
- Thompson H. A.* Activities in the Athenian Agora: 1955 // Hesperia. – 1956. – Vol. XXV. – P. 46-68.
- Tiverios M. A.* HO ΛΥΔΟΣ und sein Werk. – Αθήναι, 1976. – 160 S., 100 Taf.
- Tuna-Nörbling Ya.* Attische Keramik aus Phokaia (Eski-Foça) // AA. – 2002/1. – S. 161-231.
- Zaphiropoulou Ph.* Vases peints du musée de Salonique // BCH. – XCIV. – 1970. – II. – P. 361-435.

А. В. Буйських

ПРО РАННІЙ АТТИЧНИЙ ІМПОРТ В ОЛЬВІЇ

Резюме

В статті публікуються нові знахідки фрагментів парадного чорнофігурного посуду, що належать раннім афінським майстрам першої половини VI в. до н. е., які походять з розкопок Ольвії переважно останніх років. Разом із нечисленними фрагментами посудин, що були відомі раніше, виділені поки ще поодинокі фрагменти вазописців першої – рубежу першої-другої чвертей цього століття, які співвіднесені с майстрами Горгони та Софілом. Численням вже можна вважати імпорту другої чверті VI в. до н. е., представлений фрагментами кратерів, найбільш близьких стилістично майстерні Лідоса, а також киліків Сіана, переважно майстрів С і Taras. Ольвійські знахідки дозволяють по-новому розглядати питання, пов'язані з торгівлею Афін і північнопричорноморських центрів, зокрема Ольвії в першій половині VI в. до н. е.

А. В. Буйских

О РАННЕМ АТТИЧЕСКОМ ИМПОРТЕ В ОЛЬВИИ

Резюме

В статье публикуются новые находки фрагментов парадных чернофигурных сосудов принадлежащих ранним афинским мастерам первой половины VI в. до н. э., происходящие из раскопок Ольвии в основном последних лет. Наряду с теми немногочисленными фрагментами сосудов, которые были известны ранее, выделены единичные пока еще фрагменты вазописцев первой – рубежа первой-второй четвертей этого столетия, соотносимые с мастерами Горгоны и Софилом. Многочисленным уже можно считать импорт второй четверти VI в. до н. э., представленный фрагментами кратеров, стилистически наиболее близких мастерской Лидоса, а также киликов Сиана, преимущественно мастеров С и Тагас. Ольвийские находки позволяют по-новому рассматривать вопросы, связанные с торговлей Афин и северопричерноморских центров, в частности, Ольвии в первой половине VI в. до н. э.

A. V. Buisikh

ON EARLY ATTIC IMPORTS IN OLBIA

Summary

New fragments of gala black-figured vessels belonging to the early Athenian masters of the first half of the 6th century BC, originating from the excavations of Olbia in recent years mainly are published in the article. Along with those new fragments of vessels, which were known previously, single fragments of the vase painters of the first and the first-second quarter of this century, as related to the masters of Gorgon and Sofily, have been identified.

Import of the second quarter of the 6th century BC, which shows fragments of craters, stylistically closest to the workshop of Lidos, and also kylikes of Sian, mostly of S and Taras masters can be considered as multiple. Findings from Olbia allow us to consider questions, related to the trade relations of Athens and north Pontic area centres, Olbia in particular, in the first half of the 6th century BC in a new way.

Рис. 1.

1-4 – кратеры. 1) O-2007/P-25/2916; 2) O-2009/P-25/3013; 3) O-2005/P-25/2670; 4) O-88/P-25/1581.

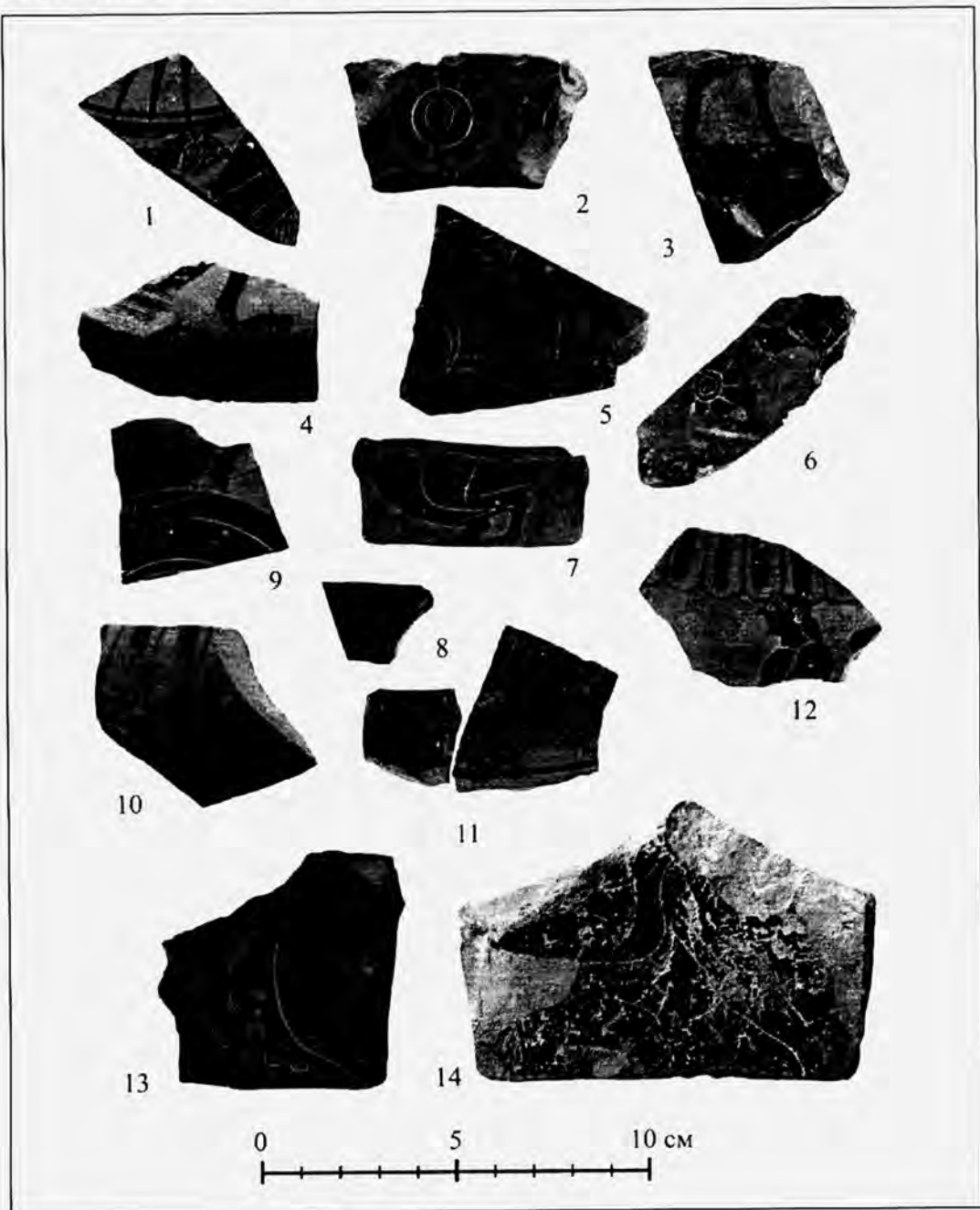

Рис. 2.

1, 4-5 – крышки лекан; 2, 3, 6, 8-9, 11 – амфоры; 7, 10, 12-14 – кратеры. 1) O-47/1131; 2) O-64/1187; 3) O-50-69/6и; 4) O-66/1824; 5) OШ-49/875; 6) O-57/1394; 7) O-2009/P-25/212; 8) O-2007/P-25/1919; 9) O-2009/P-25/2135; 10) O-66/858; 11) O-2008/P-25/178; 12) O-99/P-25/1087; 13) O-2009/P-25/2980; 14) O-2007/P-25/1977.

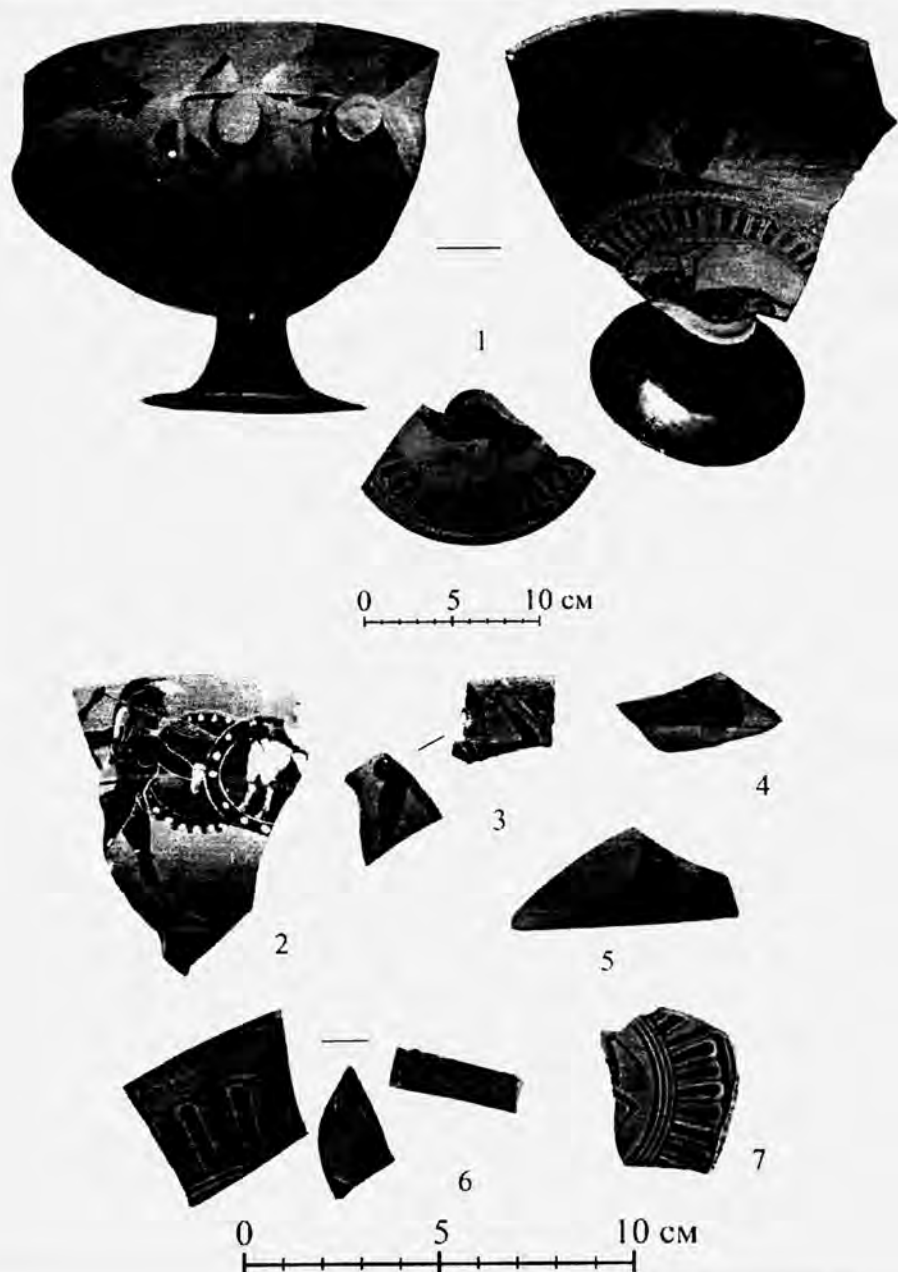

Рис. 3.

1-7 – чаши Сиана. 1) O-89/P-25/1337; 2) O-96/P-25/1616; 3) O-96/P-25/1446-1503; 4) O-2008/P-25/283; 5) O-2008/P-25/1072; 6) O-96/P-25/1398; 7) O-99/P-25/2563.

Ю.В. БОЛТРИК, Е.Е. ФИАЛКО

СКИФСКИЙ КУРГАН С РАННЕЙ УЗДОЙ ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИАЗОВЬЯ

В конце восьмидесятых годов 19-го века работами Н.И. Веселовского на Шульговке начались раскопки скифских курганов в северо-западном Приазовье [ОАК, 1889, с.19-20; 1890, с.14; 1891, с.69-70]. Следующую страницу в изучении скифских древностей этой территории открыли лишь в 1954 году, когда А.И. Тереножкин и Е.Ф. Покровская исследовали Мелитопольский курган. В восьмидесятых годах минувшего века силами Херсонской и Приазовской экспедиций Института Археологии АН Украины было исследовано 15 групп курганов, где доминировали скифские насыпи. После этих широкомасштабных работ стало очевидным, что в степях нижнего течения Молочной и на водоразделах трех малых рек (Ташенак и Утлюки) находилось сосредоточение цепочек курганов (рис. 1), маркирующих здесь следы некоего регионального центра Скифии. Из исследованных в северо-западном Приазовье памятников меньшая доля введена в научный оборот¹, основная же их часть все еще пребывает в архивной «тени». Изменению этой диспропорции и призвана послужить настоящая статья.

В 1984 году в зоне мелиоративного строительства Приазовская экспедиция ИА АН Украины² исследовала цепочку курганов. Курганы находились в 6 км к юго-западу от районного центра Акимовка Запорожской обл. Эта цепочка, состоявшая из 15 насыпей (из них исследовано 13), протянулась на 3,0 км по гребню водораздела, образованного пересыхающими речками Большой и Малый Утлюк (Утлюг)³. Цепь курганов дробилась на четыре небольших звена. Высшую точку гребня водораздела занимал самый высокий курган группы (№ 13, единственный раскопанный) и три меньших кургана близ него. В 1,0 км к СЗ от него находились еще три кургана (№№ 9, 10, 11), а после полукилометрового интервала в том же направлении вытягивались вереницей еще восемь небольших насыпей. Из исследованных

¹ Опубликованы курганы: Мелитопольский [Тереножкин, Мозолевский 1988], Кара-Тюбе [Болтрик 1993]; группа у с. Новое [Фиалко 1987], три группы курганов Утлюкского междуречья [Поллин, Кубышев 1997].

² Руководил экспедицией Ю.В. Болтрик.

³ Ниже по этому водоразделу в 1980-1981 гг. Херсонской экспедицией ИА АН Украины были исследованы курганные группы у сел Владимировка, Волчанск и Юровка.

насыпей четыре относились к эпохе бронзы, девять – возведены в скифское время. Наиболее примечательным из скифских оказался комплекс кургана №11. Эта насыпь занимала центральную позицию в группе, располагаясь в 140 м к ССВ от четырехметрового кургана эпохи бронзы (№ 9).

Курган № 11 подвергался распахке и к моменту раскопок представлял собой плоскую округлую насыпь диаметром 45-50 м, высотой 1,1 м. Насыпь сооружена в один прием из черноземных вальков над скифской могилой V в. до н.э. Помимо этого, в кургане открыты погребение скифянки и могила коня, сопровождавшие главного погребенного (рис. 2).

Кольцевой ров диаметром 36 м, шириной 1,1-1,5 м на уровне материка и глубиной до 0,6 м, в западном и восточном секторах имел перемычки шириной соответственно 1,0 и 1,3 м. У восточной перемычки сечение рва было трапецевидной формы, в других местах - полусферической. В северной части рва в заполнении встречены кости животных.

Центральная могила (№ 3) находилась в центре кургана. Представляла собой входную яму с обширным подбоем (рис. 3). Сооружение ориентировано по линии СЗ-ЮВ. Таким образом, основная ось могилы являлась одновременно основной осью всего кургана. На этой же оси находились: проходы-проемы в материковом выкиде, перемычки ровика и конская могила.

Входная яма округлая в плане диаметром 2,1 x 2,2 м, дно ее на глубине 2,5 м от уровня погребенного чернозема. Под северной стенкой устроена погребальная камера, овальная в плане, размерами 4,05 x 3,25 м. Свод камеры рухнул еще в древности. Пол на глубине 3,4 м от уровня погребенного чернозема. Погребение парное.

Скелет № 1. Почти по центральной оси камеры, с небольшим смещением к восточной стенке, находился скелет женщины, положенной на спину в вытянутом положении головой на Запад. Руки вытянуты вдоль тела, кисть левой руки перекрыта крылом таза. В области таза костяк несколько изогнут, ноги вытянуты, стопы ног скрещены (правая стопа поверх левой). Скелет покрывали тонкие деревянные плахи, по-видимому, от гробовища (вполне вероятно, плетеного с решетчатой основой⁴). В головах погребенной стояло овальное деревянное блюдо с напутственной мясной пищей (костями коня) и железным ножом (1) и рядом деревянная чаша с золотым декором (2). Среди костей коня, лежащих на блюде, обнаружена сильно окислившаяся оплетка в виде узкой серебряной ленты (3), подобной золотой, скрепляющей деревянные сосуды. Однако определить, скреплял предмет блюдо или еще один сосуд, проблематично. У скул погребенной найдены две золотые серьги (4) (рис. 4). Справа от нижней челюсти, от виска к шее, лежали в ряд 4 золотые бляшки (изображением вверх) (5). Выше этого ряда, от виска к середине плеча, тянулась

⁴ Остатки подобного типа плетено-гнутого гробовища были прослежены в погребении девочки из Вишневой Могилы [Прилипка, Болтрик 1991, рис. 3–4].

полоса маленьких золотых полусферических пуговок (6), а далее, от плеча к позвоночнику, полосой 4-5 см, шли вместе пуговики с бляшками, лежащими изображением вверх и вниз. Несколько бляшек встречено в районе левой ключицы и выше левого плеча. В ногах погребенной (южнее стоп) лежало бронзовое зеркало (7), обращенное деревянной рукояткой к стопам.

Скелет № 2. Вдоль северной стенки камеры, параллельно скелету женщины (в 0,5 м от него) находился скелет мужчины, сильно пострадавший при ограблении. Погребенный лежал головой на Запад в деревянной колоде или долбленом гробовище (зафиксированная толщина 2,0-3,0 см). Не потревоженными оказались лишь часть таза и берцовые кости ног скелета, ниже которых встречались сильно окислившиеся кусочки разбитых бронзовых поножей. В области сохранившихся на месте фаланг пальцев левой ноги лежало два железных подтока. Еще два подтока и наконечник копий (8) обнаружены в заполнении над скелетом и около него. У левой берцовой кости лежал железный меч (9), фрагменты клинка которого вместе с обломками других железных предметов зафиксированы между изголовьем скелета № 2 и деревянным блюдом в заполнении камеры. С левой стороны, на костях таза, встречены два наконечника стрел (10), и еще восемь экземпляров в изголовье. В головах погребенного обнаружены фрагменты железного ножа (1) и железная ворварка (11) под деревянным гробовищем. Оба скелета лежали на меловой подсыпке, перекрытой растительной подстилкой.

В камере, за пределами подстилки, под восточной стенкой находились: кости овцы (высыпанные горкой из бронзового котла, унесенного грабителями); чуть к северу от них лежали кости коня, в 0,5 м одна кость ноги коня и костяное сложносоставное веретено (12) под ней. Поверх костей коня находились остатки сильно коррозированного железного ножа (1). У входа в камеру, ближе к юго-западному сектору, лежал комплект бронзовых элементов узды (13 а-д) и обломки железных удиц (13 е) рядом с ними.

Описание находок:

1. Железные ножи фрагментированные – 3 экз.

Ручки всех ножей двухсоставные с обломками лезвий и железными заклепками, плохой сохранности. Ширина 2,0 см, сохранившаяся длина – 6,0 и 4,0 см, третья в мелких обломках. Обломки двух клинков с горбатой спинкой. Длина – 4,2 и 4,0 см, ширина 2,0 и 1,6 см.

2. Чаша деревянная с золотыми аппликативными пластинами – 1 экз. (рис.5, 1-2) *Деревянная основа* истлела. По расположению пластин фиксировались ее размеры: диаметр – 12,5 см, высота – около 5,0 см, толщина венчика – 0,3-0,4 см.

а) Пластины-обкладки – 4 экз. Подпрямоугольной формы, чуть выпуклые (повторяют изгиб стенки чаши), с загнутым вовнутрь верхним краем. Всю поверхность пластин покрывает профильное изображение фигуры грифона, повернутого влево, выполненное в невысоком рельефе. Голова с раскрытой пастью приподнята. На ней выделены круглый глаз под тяжелым выгнутым

надбровьем и два подтреугольных торчащих уха. Передняя часть морды как будто смазана, но на ней виден закругленный книзу острый клюв. Распахнутое поднятое крыло, переданное шестью параллельными рубчиками, загибается вперед. Передняя часть туловища с подчеркнутой мускулатурой плеча лежит на когтистых лапах, расположенных одна над другой. Торс словно вывернут так, что задние лапы оторваны от плоскости и упираются в боковой край пластины. Концы задних лап образуют некое подобие то ли птичьего, то ли рыбьего хвоста. Использовалась, очевидно, одна матрица. На всех пластинах изображение местами разорвано и помято.

Размеры пластин: 5,1 x 5,5; 4,7 x 5,5; 4,0 x 5,5; 4,0 x 5,4 см, загиб на венчик – 0,7-0,8 см.

б) Гвоздики золотые – 130 экз.

Ножки свернуты из тонких пластинок (в форме кулечка) с загнутым под прямым углом кончиком. Сверху припаяна полусферическая шляпка. Длина ножки – 0,6-0,7 см, диаметр шляпки – 0,3-0,35 см. Значительная часть гвоздиков сохранилась без шляпок. Гвоздики служили крепежом к деревянной основе, а их полусферические шляпки, вбитые по периметру каждой пластины (от 19 до 23 отверстий), смотрелись дополнительным декоративным элементом аппликативных пластин чаши.

Обращает на себя внимание несоответствие общего количества гвоздиков (130 экз.) и отверстий на четырех пластинах (82). Объяснение этому факту помогает найти небольшой обрывок золотого листа, висящий на гвозде под загнутой частью пластины. «Лишние» гвозди (без шляпок) и обрывок пластинки остались от первоначальной скромной обивки чаши, поверх которой наложили новый декор. Состояние пластин (помятости и утраты) и то обстоятельство, что нить оплетки скреплена с одной (ближайшей) из четырех накладных аппликаций свидетельствуют, что уже в таком виде чаша какое-то время была в употреблении.

в) Лента-оплетка золотая фрагментированная – 2 экз.

Представляет собой тонкую узкую полоску, свернутую в виде сплюснутой спирали. Лента «сшивала» трещину в стенке чаши в двух местах. Зона сшивания – 0,6-0,7 см. Сохранившаяся длина швов – 2,0-3,0 см. Ширина ленты 0,6-1,5 мм. Сохранилась в 14 фрагментах. Следы ремонта косвенным образом указывают на длительное использование чаши.

3. Фрагменты оплетки серебряной – 2 экз.

Аналогична предыдущей.

Длина – 0,8 см. Очень плохой сохранности (не сохранились). Вероятно, от другого деревянного сосуда.

4. Серьги золотые – 2 экз. (рис.6, 4)

Ладьевидные, полые, украшенные сканью. Оба конца ограничены обоймами из двух проволочных горизонтальных поясков с цепочкой между ними. На один конец напаяны вертикальные петельки, образующие розетку,

из центра которой поднимается изогнутая дужка из тонкой золотой проволоки. Противоположное окончание шаровидное. Поверхность каждой серьги украшают три продольных пояса из цепочки, ограниченной продольно напаянными проволочками.

Высота серёг – 2,0 и 1,9 см (с дужкой соответственно 3,4 и 3,2 см), толщина – 1,0 и 0,9 см, ширина – 1,7 и 1,65 см.

5. Бляшки золотые нашивные – 64 экз. и 5 обломков (рис.6, 1).

Прямоугольной формы, ажурные, с профильным изображением грифона, выполненным в невысоком рельефе. Фигура развернута влево. В схематичном изображении угадывается львиноголовый грифон с округлым глазом, разинутой пастью, пышной гривой и вытянутым параллельно спине небольшим овальным крылом. На обратной стороне напаяно по две серебряных петельки (не сохранились). Все бляшки имели по одному грубо сделанному подтреугольному отверстию под брюхом животного.

Размеры – 0,95 x 0,7 см.

6. Бляшки-пуговицы золотые – 619 экз. (рис.6, б).

Полусферической формы с петлей из золотой проволоки на обратной стороне. Диаметр – 0,25-0,3 см, высота 0,15-0,2 см.

7. Зеркало дисковидное бронзовое – 1 экз. (рис.6, 7)

Сложносоставное с боковой ручкой. На диске у края два отверстия для крепления деревянной ручки (не сохранилась). Сохранность зеркала плохая. С двух сторон на диске видны следы чехла – ткани прямого плетения, по фактуре напоминающей мешковину, и кожи поверх нее.

Диаметр – 13,8 см, толщина – 0,3 см.

8. Фрагменты копий железных – 6 экз. (рис.6, 3,8):

а) перо наконечника с отбитой втулкой, сохранившаяся длина – 27,0 см, ширина – 3,5 см;

б) втулка, длина – 12,0 см, диаметр – 3,0 см;

в) 4 подтока длиной – 7,0; 6,0; 5,5; 5,5 см и диаметрами соответственно – 2,8; 2,3; 2,5; 2,3 см. Внутри трех подтоков сохранились вбитые клинья: в одном бронзовый трехгранный наконечник стрелы длиной 3,7 см, в другом фрагмент бронзовой пластины треугольной формы длиной 1,5 см, в третьем ромбовидный в сечении железный клин (близкий по форме к наконечнику стрелы) длиной 2,5 см.

9. Меч железный фрагментированный – 1 экз. (в двух фр-тах) (рис.6, 2).

Меч с бабочковидным перекрестием, чуть расширяющаяся в средней части рукоять оканчивается ажурным антенным навершием. Клинок двулезвийный, линзовидный в сечении, с нервюрой.

Длина сохранившейся верхней части – 25,5 см, ширина лезвия – 6,5 см, длина рукояти – 13,5 см, ширина рукояти в средней части – 4,8 см, ширина перекрестия ≈ 8,5 см; размеры фрагмента нижней части лезвия: длина – 5,8 см, ширина – 2,5 см. Общая длина меча ≈ 46 см.

На обоих фрагментах клинка сохранились следы деревянных ножен.

10. Наконечники стрел бронзовые – 10 экз. (рис.6, 5). Двух типов:

а) трехлопастные с концами лопастей, опущенными до края короткой выступающей втулки, и ложком на всю длину наконечника. Длина – 3,1 см – 3 экз.;

б) трехгранные с выступающей короткой втулкой, ложком доходящим до середины грани. На одной грани – литая метка в виде косоугольного креста. Длина – 3,3-3,7 см – 7 экз.

11. Ворварка железная – 1 экз.

Полусферической формы. Высота – 1,3 см, диаметр – 2,0 см, диаметр отверстия – 0,6 см.

12. Детали сложносоставного костяного веретена – 6 экз. (рис.5, 3):

а) навершие фрагментированное конической формы в виде шахматной фигуры. Верхняя часть обломана. Орнаментирована рельефными кольцевидными поясками – в нижней части одним, в средней и верхней двойным пояском из трех врезных линий в каждом. Высота сохранившейся части – 3,2 см, диаметр основания – 1,5 см;

б) насадки фигурные – 5 экз.:

- дисковидная (фрагментированная) – 1 экз. Орнаментирована врезными концентрическими окружностями – одной, тремя и четырьмя, размещенными соответственно у центра, в средней части и у края диска. Диаметр – 6,4 см, толщина – 0,5 см;

- в форме усеченного конуса – 1 экз. Высота – 2,0 см, диаметр – 2,8 см;

- цилиндрической формы – 3 экз. Высота – 1,1; 1,0; 0,9 см, диаметр соответственно – 1,8; 1,6; 1,1 см.

13. Комплект деталей уздечного набора:

а) напосник бронзовый литой – 1 экз. (рис.5, 6)

В виде протомы сайгака (?) с высокими торчащими ушами, рельефно выделенными глазами и закрытым ртом. В основании шеи животного круглое отверстие для поперечного ремня. С обратной стороны основание полое. Высота – 4,5 см, длина основания – 5,5 см, ширина – 1,2-1,8 см, диаметр отверстия – 0,8 см.

б) нащечники бронзовые литые – 2 экз. (рис.5, 4, 10).

Плоские фигурные пластины Г-образной формы. Один конец каждой заканчивается профильным изображением головки грифона с закрученным клювом с выделенной восковицей, большим круглым выпуклым глазом и небольшим округлым ухом, переходящим в рельефный вертикальный валик. Нижний край оформлен рядом овальных фестонов. Противоположный конец, имитирующий хвост, развернут вверх и оформлен рельефными вертикальными валиками и завитками, напоминающими пальметку. На обороте (смещенные ближе к хвосту) – по одной прямоугольной петле из прямоугольного в сечении стержня (обломаны). У одного экземпляра обломана верхняя часть.

Длина – 6,8 см, ширина – 3,0-1,4 см. Внешние размеры петли – 1,9 x 1,2 см, внутренние – 0,9 x 0,8 см.

в) фалары бронзовые литые – 2 экз. (рис.5, 5,11).

В виде округлой, чуть выпуклой 9-лепестковой розетки. По краю оформлены рельефной цепочкой из овалов с точкой в центре каждого звена. На оборотной стороне – по одной подпрямоугольной петле (на одном обломана).

Диаметр – 3,9 см, высота – 0,5 см. Размер петли – 1,9 x 0,6 см.

г) ворварки бронзовые литые – 2 экз. (рис.5, 7).

В форме усеченного конуса, вытянутых пропорций, вставлены одна в другую с целью заклинивания ремней, «скипелись». Сохранность плохая, в нескольких местах бронза вертикально разорвана коррозией.

Высота – 2,3 см, диаметр – 2,5-1,5 см, диаметр отверстия – 0,7 см.

д) псалии бронзовые литые – 2 экз. (рис.5, 8-9).

Стержневидные, Г-образной формы, в средней части двойное расширение с двумя отверстиями. Концы слегка расширены и уплошены, один прямой, другой загнут под прямым углом. На псалии между отверстиями «прикипело» железное кольцо – завершение удила.

Длина псалий 15,5 см, толщина 1,0-1,1 см, на конце 1,5 см, длина загнутой части 2,9 см. Диаметр отверстий 0,7-0,8 см.

е) удила железные фрагментированные – 1 экз.

Двухчленные из округлого в сечении стержня с загнутыми в кольцо концами. Железо очень плохой сохранности, сохранилось три фрагмента. Длина звеньев не восстанавливается. Толщина стержня – 1,0-1,2 см, диаметр наружных колец – 3,8 и 4,1 см, диаметр колец на сочленении – 3,1 и 3,3 см.

Боковая могила (№ 2) была устроена в 8,5 м к ЗЮЗ от центра, на глубине 0,85 м от уровня погребенного чернозема (1,55 м от современной поверхности). Форма могилы - подбой (рис.7). *Входная яма* овальной формы ориентирована по линии С-Ю, размерами 0,48 x 1,9 м. Под ее восточной стенкой устроена овальная в плане *камера* размерами 0,77 x 2,15 м. Пол камеры ниже дна входной ямы на 0,35 м.

Молодая женщина 18-20 лет лежала вдоль восточной стенки камеры на спине, головой на Север. Правая рука вытянута вдоль туловища, кисть левой руки покоится под тазом. Согнутые в коленях ноги развернуты вправо, ступни упираются в стенку камеры. Рост погребенной около 1,5 м. Погребенная находилась в плетено-гнутом гробовище, от которого на костяке сохранились продольные тонкие плашки. Под костяком сохранились остатки дерева, ниже растительная подстилка и меловая подсыпка (толщиной 0,4 см).

В головах погребенной лежали напутственная пища (ребра овцы) с железным ножом (1) и каменная плита (2). У предплечья левой руки находились бронзовое зеркало (3), поставленное на ребро, и деревянное веретено со свинцовым пряслицем (4). В ногах (под южной стенкой) стояла истлевшая деревянная пиксида, наполненная веществом белого цвета (очевидно, «белилами»). Рядом находились железное шило (5) и сильно окислившийся железный

предмет, форма которого не восстанавливается. Здесь же находился фрагмент расщепившегося алебастрового диска и чуть севернее один за другим лежали кусочки трех минералов – желтого (2,5 x 2,1 см), красновато-малинового (3,0 x 1,8 см) и белого (2,0 x 2,0-1,2 см) цвета со следами затертостей (рис.8, 5).

Описание находок:

1. Нож железный с костяной ручкой фрагментированный – 1 экз. (рис.8, 3).

Клинок с прямой рабочей частью и горбатой спинкой, кончик обломан (в двух фрагментах). Ручка цельная, шестигранная в сечении, крепилась к черенку тремя железными заклепками.

Размеры: общая сохранившаяся длина – 22,8 см; ручки: длина – 14,8 см, ширина – 1,4 см; лезвия: длина – 8,0 см, ширина – 2,2 см, толщина – 0,2 см.

2. Плита каменная – 1 экз.

Плоская, трапециевидной формы. Служила для растирания краски и, по-видимому, дерева. На одной из сторон сохранились следы от растирания белого, желтого и красного минералов (соответствующие по цвету тем, что лежали в ногах погребенной).

Размеры – 25 x 44-28 см.

3. Зеркало бронзовое – 1 экз. (рис.8, 2).

Цельнолитое с боковой ручкой. С одной стороны вдоль края диска шел небольшой рельефный бортик. В верхней части край диска обломан. Плоская ручка с овальным в плане окончанием, с круглым отверстием в центре. Ручка дважды отломана в древности (в первый раз ее скрепляли железными заклепками; второй раз ее просто прислонили к диску), по краю диска зеркала.

Диаметр диска – 19,8 см, длина ручки – 12,5 см.

4. Пряслице свинцовое – 1 экз. (рис.8, 4)

В форме усеченного конуса, с продольными гранями. В отверстии сохранились следы дерева от стержня.

Высота – 1,2 см, диаметр основания – 2,0 см.

5. Шило железное фрагментированное – 1 экз. (рис.8, 1).

Стержень круглый в сечении, с заостренным концом и со следами деревянной ручки на противоположном конце.

Длина – 4,2 см, диаметр – 0,3 см.

Конская могила (№ 1) находилась в 1,4 м к Западу от центра (и соответственно от могилы «хозяина»), на западном «проходе – проеме» или рядом с ним. Узкая щелевидная яма (рис.9, А) размерами 2,47 x 0,45-0,6 м вытянута по линии СЗ-ЮВ. В центральной части по всей ее ширине оставлена материковая перемычка длиной 0,6 м и высотой 0,35 м от дна. В восточной стенке ямы для головы коня были сделаны два уступа шириной по 0,25 м: первый на глубине 0,6 м от уровня погребенного чернозема, второй на 0,35 м глубже. Для ног коня сделано два углубления размерами 0,65 x 0,45 м каждое, для передних ног глубиной 1,35 м, для задних – 1,25 м от уровня погребенного

чернозема. На стенках ямы сохранились параллельные следы орудий типа тесла, шириной 6,0-8,0 см.

Взвезданный конь был погребен стоя, головой на Восток в сторону могилы хозяина. Сохранность костяка очень плохая, череп завалился в углубление, а затылочная его часть находилась выше уровня второго уступа. В погребении сохранились металлические детали уздечки (1-8). Первоначальное расположение большинства деталей нарушено (со временем они сползли с черепа), на своем месте оказались лишь нащечные бляхи.

Описание находок:

1. Удила железные, фрагментированные.

Двучленные. Подпрямоугольные в сечении стержни заканчиваются кольцами, в крайние кольца вставлены псалии.

Сильно корродированы, обнаружены в обломках. Размеры не восстанавливаются.

2. Псалии бронзовые – 2 экз. (рис.9, 4)

S-видные, двудырчатые, круглые в сечении. Верхний конец оформлен в виде скульптурного изображения головы сайгака (?) с длинными торчащими ушами, нижний – в виде уплощенной пальметки (или бутона) с овальным отверстием в основании. В средней части восьмерковидное утолщение с двумя круглыми отверстиями.

Длина 16,5 и 16,3 см; диаметр стержня – 0,7 см, размер лопасти 5,1 x 1,6 и 4,5 x 1,8 см соответственно.

3. Наносник бронзовый литой – 1 экз. (рис.9, б)

В виде протомы сайгака с высокими торчащими ушами, горбоносой головой с рельефно выделенными глазами и приоткрытым ртом. В основании шеи круглое сквозное отверстие. Нижняя часть пластины-основания обломана. На плоском, подтреугольном в сечении, основании продольное углубление.

Высота – 4,3 см, сохранившаяся длина основания – 2,2 см, ширина – 1,2 см, диаметр отверстия – 0,7 см. Очевидно, делался в комплекте с псалиями.

4. Бляхи нащечные бронзовые литые – 2 экз. (рис.9, 1,8)

Плоские фигурные пластины Г-образной формы. Один конец каждой заканчивается профильным изображением головки грифона с закрученным клювом с выделенной восковицей, большим круглым выпуклым глазом и небольшим округлым ухом, переходящим в рельефный вертикальный валик. Нижний край оформлен рядом овальных фестонов. Противоположный конец, имитирующий хвост, развернут вверх и оформлен рельефными вертикальными валиками и завитками, напоминающими пальметку. На обороте (ближе к хвосту) – по одной прямоугольной петле из прямоугольного в сечении стержня (обломаны). Отлиты в разных формах, но при этом обе бляхи развернуты в одну сторону.

Длина – 5,9 и 5,8 см, ширина соответственно – 1,8-1,4-2,9 и 1,8-1,4-2,6 см, толщина 0,3-0,4 см, длина петли ≈ 1,5 см.

5. Фалары бронзовые литые – 2 экз. (рис.9, 3,10)

В виде округлой, чуть выпуклой розетки. По краю оформлены рельефной цепочкой из овалов с точкой в центре каждого звена. Орнамент небрежный, с нарушенным ритмом звеньев. На оборотной стороне – по одной подпрямоугольной петле (на одном обломана). Отлиты в разных формах. Диаметр – 3,6 и 3,6 x 3,4 см, высота – 0,5 см. Размер петли – 1,7 x 0,5 см, высота – 1,3 см.

6. Обоймы бронзовые ременные – 2 экз. (рис.9, 2,9)

В виде массивного кольца с плотно сомкнутыми концами и ромбовидным четырехгранным шитком.

Размеры 2,5 x 1,4 и 2,8 x 1,5 см, высота – 1,8 и 20 см, отверстие – 1,5 x 1,0 и 1,4 x 0,9 см.

7. Ворварки бронзовые литые – 2 экз. (рис.9, 7)

В форме усеченного конуса, граненые, с «растянутым» основанием.

1 – шестигранная, высота – 1,9 см, диаметр – 1,7-1,9 x 1,1-1,2 см, диаметр отверстия 0,7 см;

1 – семигранная, высота – 1,9 см, диаметр – 1,8-2,1 x 1,2-1,4 см, диаметр отверстия 0,7 см.

8. Кольцо бронзовое литое – 1 экз. (рис.9, 5)

Круглое в сечении со слабо выделенным ребром.

Диаметром – 2,6 см, толщина – 0,5-0,6 см, диаметр отверстия – 1,5 см.

В виду небольшой высоты *насыпи* профили бровок содержали минимальную стратиграфическую информацию. Благодаря размещению линз материкового выкида фиксировался (точнее угадывался) первоначальный вал -ограда, охватывающий основное погребение. Соотношение высоты насыпи - 1,1 м и диаметра кольцевого рва 36 м, не говоря о диаметре самой насыпи, явно необычно для курганов Северного Причерноморья. Вполне вероятно, это характерная черта скифского погребального обряда, присущая его раннему периоду развития. Подобные, относительно невысокие, уплощенные насыпи при больших диаметрах имеют курганы Тувы (Аржан 1 и 2), близкую картину дает и Филипповский курган на Южном Урале.

Стратиграфия насыпи и схема организации подкурганного пространства свидетельствуют о одновременности погребального комплекса. Не исключаем, что древние строители кургана использовали определенный модуль, поскольку боковая могила отнесена от центральной на две длины погребальной камеры последней. К тому же погребальная камера боковой могилы в два раза меньше длины центральной камеры.

Ориентация погребенных центральной могилы и коня тождественны ориентации главной оси кургана. Поперечная ось боковой могилы относительно главной оси кургана находится под углом 30°, т.е. эту могилу разместили строго на запад по направлению от центра кургана. Эти совпадения вряд ли могут быть случайными и косвенно подтверждают первоначальную

разметку подкурганного пространства, а соответственно и одноактность всего сооружения.

Могилы подбойного типа, представленные в кургане, датировать достаточно сложно в силу их универсальности и широкого распространения. Но в целом можно считать временем их бытования вторую половину V в. - начало IV в. до н.э. Подбой занимают промежуточную позицию между квадратными ямами (первая половина V в. до н.э.) и катакомбами, использование которых характерно для всего IV - начала III в. до н.э. Впрочем, следует заметить, что подбой как форма могильного сооружения для лиц, сопровождающих главного погребенного, сосуществуют с катакомбами. Но как центральное погребальное сооружение подбой перестают строить уже во второй четверти IV в. до н.э.

Обряд человеческих захоронений типичен для скифского населения. В центральной могиле оба покойника лежали вытянуто на спине, головой на Запад (с небольшим отклонением к северу). Служанка из боковой могилы, в соответствии с местом могилы относительно прохода-дорожки, лежала головой на Север, на спине с легким разворотом нижней части тела к входу в могилу. Все покойники находились в гробовищах, но разной конструкции. Мужчина – в более основательной долбленной колоде, в то время как обе женщины помещены, судя по сохранившимся деталям, в легкие плетено-гнутые каркасные гробовища. Пол под деревянными ложами во всех трех случаях посыпан мелом и перекрыт растительной подстилкой. Каждого из погребенных сопровождал набор необходимых предметов, в том числе и заупокойная мясная пища, поставленная в изголовье (а в центральном погребении еще и в изножье).

Обряд конского захоронения тоже хорошо известен в скифских памятниках. Так называемые могилы с материковыми перемычками [Болтрик, 1980, с. 61] относятся к наиболее распространенному типу конских могил Скифии. Они представляют собой своеобразный узкий футляр, фиксирующий стоячее положение коня. Такие могилы имеют близкие параметры и отличаются, главным образом, наличием или отсутствием уступов или ниш под голову коня. Наиболее близки акимовской по конструкции могилы из кургана № 20 у с. Б. Белозерка, кургана № 13 у с. В. Знаменка, кургана № 7 у с. Гюновка и др. [Болтрик, Фіалко, 2005, с. 239-241]. В основе традиции погребения коней стоя, в специальных шелевидных ямах, кроме ритуального контекста, лежит, очевидно, физиологическая особенность этих животных спать стоя. Надо думать, скифы – знатоки коней, учитывали это обстоятельство не только в повседневной жизни, но и в обрядовом действе. Таким образом конь отправлялся в загробный мир в «рабочем состоянии», еще и взнузданным.

Относительно *материального комплекса* хочется отметить следующее. В *боковом захоронении* инвентарь всецело соответствует женскому набору. В его состав входят предметы туалета (зеркало, каменная плитка с комплектом красок, к которому относится и деревянная пиксида) и характерные для скифянок орудия труда (веретено и шило). Интересны здесь две его составляющих.

Прежде всего, это большой *косметический набор*. Такие находки в степных комплексах, безусловно, относятся к разряду редких [Ковпаненко, 1967, с. 156; Ильинская, 1968, с. 150-151; Фиалко 1991, с. 12]. Причем, если каменные плитки со следами красок на поверхности сохраняются в могилах, то деревянная пиксида – находка практически исключительная. Примечателен и относительно широкий цветовой спектр косметики, и импортная пиксида.

Стоит остановиться и на *веретене*. С одной стороны оно вполне обычно – деревянный стержень с простой стандартной свинцовой насадкой. С другой стороны его выделяет широкая дисковидная алебастровая насадка. Последняя деталь позволяет причислить этот экземпляр к небольшой группе наборных веретен с дисковидными насадками из скифских памятников. К числу прямых аналогий относится единственная алебастровая насадка из кургана № 21 Рогачикского курганного поля [Болтрик, Фиалко, 2007, рис. 1]. Практически все диски представляют собой образцы индивидуальных изделий, отличающихся размерами, конфигурацией и характером отделки. Как правило, внешняя поверхность их покрыта гравированным орнаментом (Мамай гора, курганы №№ 6 и 100; Рогачикское курганное поле, курган № 21; Денисова Могила и др.). Иногда диски носят следы красной краски, как три экземпляра из недавно раскопанного кургана Блинец-2 [Ромашко, Скорый, 2009, рис. 61, 2-3, 62, 1-2]. Качество материала (дерево, кость, алебастр, серебро, золото) и оформления этих деталей означает, что такими веретенами пользовались представительницы различных социальных рангов скифского общества. В то же время этнографические параллели и находка костяного наборного веретена в мужском погребении Соболевой Могилы свидетельствует, что эти веретена имели не только явно утилитарное, но и сакральное назначение. Место могилы в подкурганном пространстве явно указывает на подчиненное положение помещенной в ней молодой женщины. Импортные дорогие предметы в ее вещевом наборе, вполне вероятно, свидетельствуют о высоком статусе главных погребенных, к загробному сопровождению которых и относится сама девушка.

Ситуация в *центральной могиле* несколько размыта ограблением. Грабителям удалось проникнуть в могилу через входную яму, очевидно, тогда, когда свод камеры уже рухнул, этим и объясняется частичное ограбление могилы. Захоронение парное, в соответствии с антропологической принадлежностью погребенных, инвентарь распадается на две группы.

Бесспорно к *женскому набору* (по расположению) относятся бронзовое зеркало с деревянной ручкой и золотые украшения. С некоторой долей сомнения, к нему возможно отнести и костяное наборное веретено (поскольку оно лежало в небольшом отдалении от женского костяка, среди костей животных от напутственной пищи и высыпанных из котла). Веретено (более изящное и легкое, чем то, что лежало у служанки) и зеркало обычны для скифских памятников относительно широкого хронологического диапазона. Отметим

лишь, что *зеркала* (в боковом и центральном погребениях) разного типа и находятся в разных частях могил. Но в обоих случаях они как будто закрыты – в центральной могиле кожаным чехлом, в боковой могиле оно спрятано за плечом погребенной. Таким образом способность зеркал отражать, а следовательно их магические свойства, были заблокированы на время погребальной церемонии.

Мелкие *золотые штампованные бляшки* относятся к декору женского костюма. Место их в могиле указывает как будто на то, что ими обшили горловину платья. В то же время их расположение – короткие полоски, образованные прямоугольными пластинами, которые к тому же лежали и вверх, и вниз изображениями, зона их скученности в виде широкой дуговидной полосы и, наконец, относительно большое количество (619 пуговок и минимум 69 прямоугольников) – позволяют предположить здесь расшитый головной убор, сползший с головы при падении свода камеры. Говорить о его форме и ритмических особенностях орнамента не приходится.

Наиболее интересной в наборе представляется пара золотых *калачиковидных* (или как их еще называют ладьевидных) *серег*. Они принадлежат к одной из наиболее популярных в памятниках Северного Причерноморья групп серег импортного производства в виде полого калачика и высокой проволочной дужки. При этом пары разнятся размерами, пропорциями и деталями оформления. По разработанной В.Г. Петренко классификации, акимовские экземпляры относятся к четвертому варианту 9 типа ушных украшений. Серьги этого варианта появляются в Скифии в начале V в. до н.э. и бытуют до конца IV в. до н.э. [Петренко, 1978, с. 29-30]. Такие ушные украшения можно рассматривать как своеобразные маркеры представителей скифской знати среднего уровня [Бессонова, 2007, с. 16, 22]. По форме тулова-калачика наиболее близки акимовским пары серег из кургана № 4 у с. Волковцы, кургана № 5 у с. Осняги и кургана № 6 у местечка Круполь [Петренко, 1978, табл. 19, 3,7-8]. По характеру филигранной орнаментации – серьги из кургана № 383 у с. Грушевка и кургана у с. Балабаны [Петренко, 1978, табл. 19, 2,10]. С одной стороны акимовские серьги отличает относительная простота орнамента – здесь нет зерни, характерной более для отделки серег конца V-IV в. до н.э. С другой стороны окончания в виде крупного шарика, венчающего один конец калачика, делают их уникальными. Аналогов этому элементу на серьгах рассмотренного типа нет. Круг соответствий и особенности орнамента позволяют определить время наших украшений второй половиной V в. до н.э.

К *мужскому набору* мы склонны причислить элементы вооружения, явно (по их месту в могиле) связанные с мужским костяком – бронзовые поножи, железные копья и меч, и колчаный набор. Входил в него, вероятно, и унесенный грабителями бронзовый котел. Все известные бронзовые *кнемиды* (около трех десятков) в памятниках степи и лесостепи скифского времени однотипны, греческого происхождения. К числу наиболее ранних относятся найденные в украинской лесостепи поножи из кургана близ с. Ромейковки (раскопки

В.В. Хвойки), датирующиеся началом V в. до н.э. Большинство находок относятся к IV-III вв. до н.э. [Мелюкова, 1964, с. 75-76].

Судя по количеству железных подтоков первоначально в могиле было четыре *копья*. Единственный сохранившийся *наконечник* (длиной около 39,0 см) относится ко второму типу 2-го отдела (по Мелюковой) – наконечники с остролистным пером без ребра. Отношение между длинами втулки и пера $\approx 1 : 2$ позволяет определить его во второй вариант – с узким длинным пером. Копья с наконечниками 2-го отдела появляются в V в. до н.э., а начиная с конца V в. и в IV в. до н.э. становятся преобладающей формой этого вида оружия в Северном Причерноморье [Мелюкова, 1964, с. 40-42]. Все четыре *подтока* обычной формы – в виде цилиндра с несомкнутыми концами. В трех из них сохранились металлические клинья – бронзовый наконечник стрелы, бронзовая и железная пластины близкой формы (рис. 6, 8). Подобный способ расклинивания нижних концов древков отмечен в курганах №№ 3 и 12 Стеблевского могильника, где также использовались железный клин и бронзовые наконечники стрел. Комплексы датируются соответственно 1-ой и 2-ой половиной V в. до н.э. [Скорый, 1997, с. 30; рис. 16, 6-7, 42, 4-7].

Не считая наконечника из подтока, от колчанного набора в могиле сохранилось 10 *бронзовых наконечников стрел*. Они, видимо, относятся к третьей хронологической группе, представляя разные типы 2-го и 3-го отделов, дата которых определяется в широких пределах V-IV вв. до н.э. [Мелюкова, 1964, табл. 8; III; рис. 1]. Серия аналогичных наконечников стрел происходит из курганов №№ 3, 6, 7, 12 Стеблевского могильника, дата которых определяется преимущественно второй половиной V в. до н.э. [Скорый, 1997, рис. 21, 31, 34, 43]. Тем не менее, рассматривать наконечники стрел в качестве хроноиндикаторов мы поостережемся.

Наиболее интересной и важной для нас в наборе паноплии является находка *меча*. Он относится ко второму подотделу 2-го отдела по классификации А.И. Мелюковой и представляет скорее 2-ой тип – мечи с простым антенным навершием и бабочковидным перекрестием. К сожалению, низкая сохранность металла не позволяет уточнить форму навершия, а потому и привлечь определенные аналогии. Однако этот тип мечей и кинжалов, к которому принадлежит и наш экземпляр, датируется VI - первой половиной V в. до н.э. [Мелюкова, 1964, с. 54-55].

В могиле сохранилась *деревянная чаша* с золотым декором. Она найдена рядом с деревянным блюдом с мясом, поставленным в изголовье, между двумя гробовищами. Поскольку такие чаши всегда соотносятся с мужскими могилами, и здесь мы рассматриваем этот предмет как составляющую мужского набора. Относительно этой находки стоит отметить два момента. Во-первых, длительность ее использования. Вначале ее декор составляли тонкие пластины, закрепленные небольшими гвоздиками. Часть из них, судя по сохранившемуся обрывку, видимо, была утрачена; скорее всего, облетели

и шляпки крепежных гвоздиков. Позднее декор обновили и, как видно, усилили. А со временем починили и треснувшую стенку. Все эти манипуляции подчеркивают значимость этого атрибута в среде скифского воинства.

Второй момент, на котором стоит остановиться – это характер золотого декора чаши. Все четыре пластины украшены профильным изображением фигуры грифона влево. Образ грифона обычен для декора воинских атрибутов. Однако обкладки чаш, как правило, украшали изображения голов или протом этих фантастических существ [Манцевич, 1966, рис. 4, 6-7]. Полные фигуры грифонов на них встречаются крайне редко. Орлиноголовые грифоны изображены еще на пластинах чаш из кургана № 33 у с. Бобрица, кургана № 12 Стеблевского могильника и центральной могилы Бердянского кургана [Петренко, 1966, табл. 16, 2; Скорый, 1997, рис. 2-4; Болтрик, Фиалко, Черденченко, 1994, рис. 5]. Однако иконография их совершенно отлична и друг от друга, и от наших экземпляров. Примечательна компоновка изображаемого на акимовских пластинах грифона. Фигура фантастического существа практически полностью занимает поверхность пластины. При этом она как будто вписана в ее форму. Любопытна и манера передачи тулова – каплевидная мускулатура плеча, неестественно развернутая задняя часть тела. Мотив животного с перекрученным туловищем редко встречается на территории Северного Причерноморья и Кавказа, зато он характерен для скифо-сибирского звериного стиля кочевников скифского мира Азии [Баркова, 1995, с. 74-76; Вольная, 2004, с. 60; Королькова, 2006, табл. 7, 4; 14, 8; 18, 1,3,5; 29, 3]. Нижняя часть тела животного на таких изображениях повернута на 180° по отношению к верхней. Характерными чертами их являются длинное вытянутое туловище S-видного очертания с прижатыми к спине задними лапами и вытянутыми передними. Тело животного практически приобретает форму сплюснутой восьмерки. Фигура акимовского грифона отлична от классической позы животного с перекрученным туловищем. Голова его не опущена, а поднята вверх, пасть раскрыта, задняя часть не прижата к земле, а как бы приподнята. При этом окончания лап не размещены под брюхом, как при классической передаче фигуры животного, не прижаты к спине (или выпростаны над ней), как у животных с перекрученным туловищем, а неестественно вывернуты, принимая причудливую форму то ли хвоста, то ли пальметки. Эта поза скорее напоминает неистово нападающего зверя в сцене терзания, чем поверженную жертву, к числу которых, видимо, относятся животные с перекрученным туловищем в искусстве ранних кочевников Азиатской Скифии.

Стилистические особенности изображений акимовских аппликаций (моделировка и передача отдельных частей тела уха, глаза, плеча зверя; степень заполнения поверхности орнаментом) и круг определенных параллелей позволяет отнести их к V в. до н.э. (вероятнее, второй его половине).

Наибольший интерес для нас представляют *два уздечных набора*. Один из них (попроще) лежал у входа, в камере центральной могилы. Вторым (более

нарядный) украшал узду коня из отдельной могилы (№ 1). Следует подчеркнуть, что в обоих гарнитурах практически тождественны нащечные бляхи, фалары и ворварки. *Наносники* близки, но не идентичны. При этом наносник из конской могилы по форме повторяет окончания псалиев из своего гарнитура, но превосходит их по размерам. Полных соответствий акимовским наносникам не известно. Хотя украшения оголовья коня в виде рельефных протом различных животных хорошо известны в ареале скифской культуры. *Фалары* акимовского типа встречаются не часто. Такие бляхи известны в курганах №№ 2 и 4 у с. Волковцы и Малой Лепетихе [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 161, 324-325]. *Ременные обоймы* с ромбовидным щитком, как правило, входят в состав ранней узды. Они известны в курганах: № 499 у с. Басовка, № 7 в ур. Скоробор, № 9 и 24 у с. Перещепино, № 5 у с. Колбино, № 411 у с. Песари и др. [Могилов, 2008, рис. 84, 90-91]. Все они датируются в пределах четвертой четверти VI – четвертой четверти V в. до н.э. В связи с обеими парами акимовских *нащечников* следует вспомнить единственную известную нам полную аналогию – нащечник из ограбленного погребения в небольшом кургане группы Огуза, раскопанном в 1979 г. (рис.10, 7). Кроме нащечника, в небольшой могиле подбойного типа никаких вещей больше не уцелело.

Акимовские гарнитуры разнятся только псалиями. При этом обе пары *псалиев* относятся ко второй группе второго подкласса (по классификации А.Д. Могилова) – бронзовые двудырчатые псалии [Могилов, 2008, рис. 39]. *Псалии из конской могилы* более изящны – S-видные, верхние их концы оформлены в виде головки сайгака, а нижние – в виде ажурного бутона (или как их еще называют, копыта). Полного соответствия этим псалиям нам не известно. Наши экземпляры входят в небольшую группу этих деталей конского оголовья с оригинальными фигурными окончаниями различной модификации. К ним относятся следующие находки: Аксютинцы, курганы № 1 и 2 (1883-1885 г.); Волковцы, курган № 4; Стеблев, курган № 3; Первомаевка, курган № 2, погребение 1; Скифская Могила; курган группы Цимбалки; Северная Осетия (рис.10, 8-17); Шумейковский курган [Ильинская, 1968, табл. 18, 2; 14, 2-3; 43-44; Скорый 1997, рис. 22, 1; Евдокимов Г.Л., Фридман М.И., 1987, рис. 11; Скорый, Хохоровски, 2008, рис. 3; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 48, рис. 5; Могилов, 2008, рис. 64].

Все они входят в первую и вторую среднескифские группы (по Могилову), которые датируются в пределах четвертой четверти VI – V в. до н.э. [Могилов, 2008, рис. 193]. *Псалии из центральной могилы* массивнее и проще по дизайну – Г-образные с загнутым под прямым углом верхним окончанием. Такой тип псалиев хорошо известен в памятниках Кавказа, Причерноморья и лесостепи. Среди них можно упомянуть экземпляры из: некрополя Нимфея; кургана № 11 Ульских курганов; 1-ой Завадской Могилы; 4-ой Испановой Могилы; (рис.10, 1-5) кургана № 15 Перещепина; кургана № 3 Протопоповки и др. [Соколова, 2006, рис.6; Габуев, Эрлих, 2001, рис.4; Мозолевский, 1980,

рис.36-38, 83; Могилов, 2008, рис. 66-67]. Круг приведенных аналогий относит нашу находку к V в. до н.э.

Обе уздечки различаются лишь оформлением псалиев. Такое стилевое тождество конских уборов убеждает, что они принадлежали одному хозяину, а соответственно коням из одной «конюшни». Надо думать, что в центральной могиле узда относилась к коню, предназначавшемуся для женщины. Взданный же конь из сопровождения соотносится с мужским захоронением.

В заключение отметим, что форма и параметры насыпи, тип погребальных сооружений и ряд вещей из набора сопровождающего инвентаря, в том числе серьги, декор деревянной чаши, меч и в особенности уздечные уборы, позволяют отнести комплекс кургана № 11 у пгт. Акимовка ко второй половине V в. до н.э. Погребенного в кургане воина следует рассматривать как представителя скифской элиты среднего уровня с соответствующим сопровождением.

ЛИТЕРАТУРА

- Баркова Л.Л. О хронологии и локальных различиях в изображении травоядных и хищников в искусстве ранних кочевников Алтая // АСГЭ. – 1995. № 32. – С. 60-76.
- Бессонова С.С. Калачиковидные серьги и греко-варварские контакты 7-4 вв. до н.э. // Боспорские исследования. – Вып. XVI. – Симферополь-Керчь, 2007. – С. 3-30.
- Болтрик Ю.В. О конских могилах с материковыми перемычками // Археологические исследования на Украине в 1978-1979 гг. – Днепропетровск, 1980. – С. 92.
- Болтрик Ю.В. Курган Кара-Тюбе // Древности Степного Причерноморья и Крыма. – Вып. IV. – Запорожье, 1993. – С. 183-197.
- Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є. Кінь як складова поховальної церемонії скіфів // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. – Вип. XII. – Запоріжжя, 2005. – С. 236-258.
- Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є. Веретена з дископодібними насадками зі скіфських пам'яток // Археологія. – 2007. № 3. С. 42-47.
- Болтрик Ю.В., Фіалко Е.Е., Чередищенко Н.Н. Бердянський курган // РА. – 1994. № 3. – С. 140-156.
- Вольная Г.Н. Мотив животного с перекрученным туловищем в скифо-сибирском зверином стиле Кавказа // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. – Вип. XI. – Запоріжжя, 2004. – С. 60-64.
- Габуев Т.А., Эрлих В.Р. Два погребения V в. до н.э. из Предкавказья (Из материалов Государственного музея Востока) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. – М., 2001. – С. 112-125.
- Евдокимов Г.Л., Фридман М.И. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине // Скифы Северного Причерноморья. – К., 1987. – С. 85-115.
- Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. К., 1968.
- Ильинская В.А., Теренозкин А.И. Скифия VII-IV вв. до н.э. – К., 1983.
- Ковпащенко Г.Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. – К., 1967.
- Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII-IV вв. до н.э.). – СПб., 2006.
- Мащевич А.П. Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. – 1966. № 2. – С. 23-38.
- Мелюкова А.И. Вооружение скифов (САИ. – Вып. Д1-4). – М., 1964.
- Могилов О.Д. Спорядження коня скіфської доби у лісостепу східної Європи. – Київ – Кам'янець-Подільський, 2008.

- Мозолевский Б.Н.* Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972-1975 гг.) // Скифия и Кавказ. – К., 1980. – С. 70-154.
- ОАК за 1889 г.* – СПб., 1892.
- ОАК за 1890 г.* – СПб., 1893.
- ОАК за 1891 г.* – СПб., 1893.
- Петренко В.Г.* Правобережье Среднего Поднепровья в 5-3 вв. до н.э. (САИ. – Вып. Д1-4). – М., 1966.
- Петренко В.Г.* Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. (САИ. Вып. Д4-5). – М., 1978.
- Полин С.В., Кубышев А.И.* Скифские курганы Утлюкского междуречья. К., 1997.
- Прилико Я.П., Болтрик Ю.В.* Опыт реконструкции скифского костюма на материалах погребения скифянки из Вишневої Могили // Курганы Степной Скифии. – К., 1991. – С. 18-33.
- Ромишко В.А., Скорый С.А.* Близнац-2: скифський аристократический курган в Дніпровском Правобережном Надпорожжє. – Дніпропетровськ, 2009.
- Скорый С.А.* Стеблев: скифский могильник в Поросье. – К., 1997.
- Скорый С.А., Хохоровски Я.* Конское снаряжение из кургана Скифская Могила // Проблемы археологии Восточной Европы. К 85-летию Б.А. Шрамко. – Харьков, 2008. – С. 132-141.
- Соколова О.Ю.* Некоторые результаты раскопок Нимфея (1991-2000 гг.) // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII-I вв. до н.э. – СПб., 2006. С. 147-155.
- Тереновский А.И., Мозолевский Б.Н.* Мелитопольский курган. К., 1988.
- Фіалко Е.Е.* Скифские курганы у с. Новое // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. К., 1987. С. 171-187.
- Фіалко Е.Е.* Погребения женщин с оружием у скифов // Курганы Степной Скифии. – К., 1991. – С. 4-18.

Ю.В. Болтрик, О.Є. Фіалко

СКІФСЬКИЙ КУРГАН З РАННЬОЮ ВУЗДОЮ ІЗ ПІВНІЧНО-ЗАХІДНОГО ПРИАЗОВ'Я

Резюме

Статтю присвячено публікації скіфського кургану № 11 із двома могилами та похованням коня, що було розкопано у 1984 р. поблизу с.м.т. Якимівка Запорізької обл. Головне поховання кургану, що належало вершнику, частково зруйновано при давньому пограбуванні центральної могили. Вціліли обидва поховання залежних жінок – в боковій могилі та центральній катакомбі. Інвентарь, що зберігся – два комплекти кінської зброї, меч, кнеміди, дерев'яна чаша із золотим окуттям, прикрашеним фігурами грифонів, люстра, веретена та золоті прикраси, дозволяє датувати комплекс у межах другої половини V ст. до н.е. За схемою устрою та супровідним інвентарем комплекс близький до курганів №№ 3 та 4 Іспанових могил, за особливостями прикрас вуздечкового набору – до кургану № 3 Стеблівського могильника. Акимівський комплекс, як і коло близьких до нього пам'яток, маркує могилу представника середньої ланки скіфської аристократії перед-Атеївського часу.

Ю.В. Болтрик, Е.Е. Фиалко

СКИФСКИЙ КУРГАН С РАННЕЙ УЗДОЙ
ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИАЗОВЬЯ

Резюме

Статья посвящена публикации скифского кургана №11 с двумя могилами и захоронением коня, раскопанного в 1984 г. у пгт. Акимовка Акимовского р-на Запорожской области. Главное погребение кургана, принадлежавшее верховому воину, частично разрушено при древнем ограблении центральной могилы. Уцелели погребения зависимых женщин, как в боковой могиле, так и в центральной катакомбе. Сохранившийся инвентарь, среди которого два комплекта конской узды, меч, поножи, деревянная чаша с золотыми аппликациями, украшенными фигурами грифонов, зеркала, веретена и золотые украшения, позволяет датировать комплекс в пределах второй половины V в. до н.э. По схеме погребального устройства и сопровождающему инвентарю комплекс близок к курганам № 3 и № 4 Испановых могил, а по особенностям украшений уздечного набора – к кургану № 3 Стеблевского могильника. Акимовский комплекс, как и круг близких ему памятников, маркирует могилу представителя среднего звена скифской аристократии до-Атеевского периода.

Yu.V. Boltryk, E.E. Fialko

SCYTHIAN BURIAL MOUND WITH AN EARLY BRIDLE
FROM NORTH-WESTERN AZOV SEA AREA

Summary

This article is devoted to the publication of the Scythian kurhan n.11 with two graves and the burial of a horse, excavated in 1984 near Yakymivka village Zaporizhia region. The main burial mound belonging to a riding warrior, was partially destroyed during the robbery of the central tomb. The burials of dependent women, both in the side grave and in the central catacombs survived. Equipment, among which there were two sets of a horse's bridle, a sword, greaves, a wooden bowl with gold appliqué, decorated with figures of griffins, mirrors, spindles, gold jewelry, allow us to date within the range of the second part of the 5th century BC survived. According to the scheme of the burial arrangement and accompanying equipment the complex is close to the kurhans n.3 and n.4 of Ispanovy graves, and according to the peculiarities of bridles – to the kurhan 3 of Steblev ancient cemetery. Akimov complex along with other complexes, which are close to it, marks the grave of the representative of the middle social level of the pre-Ateius time Scythian aristocracy.

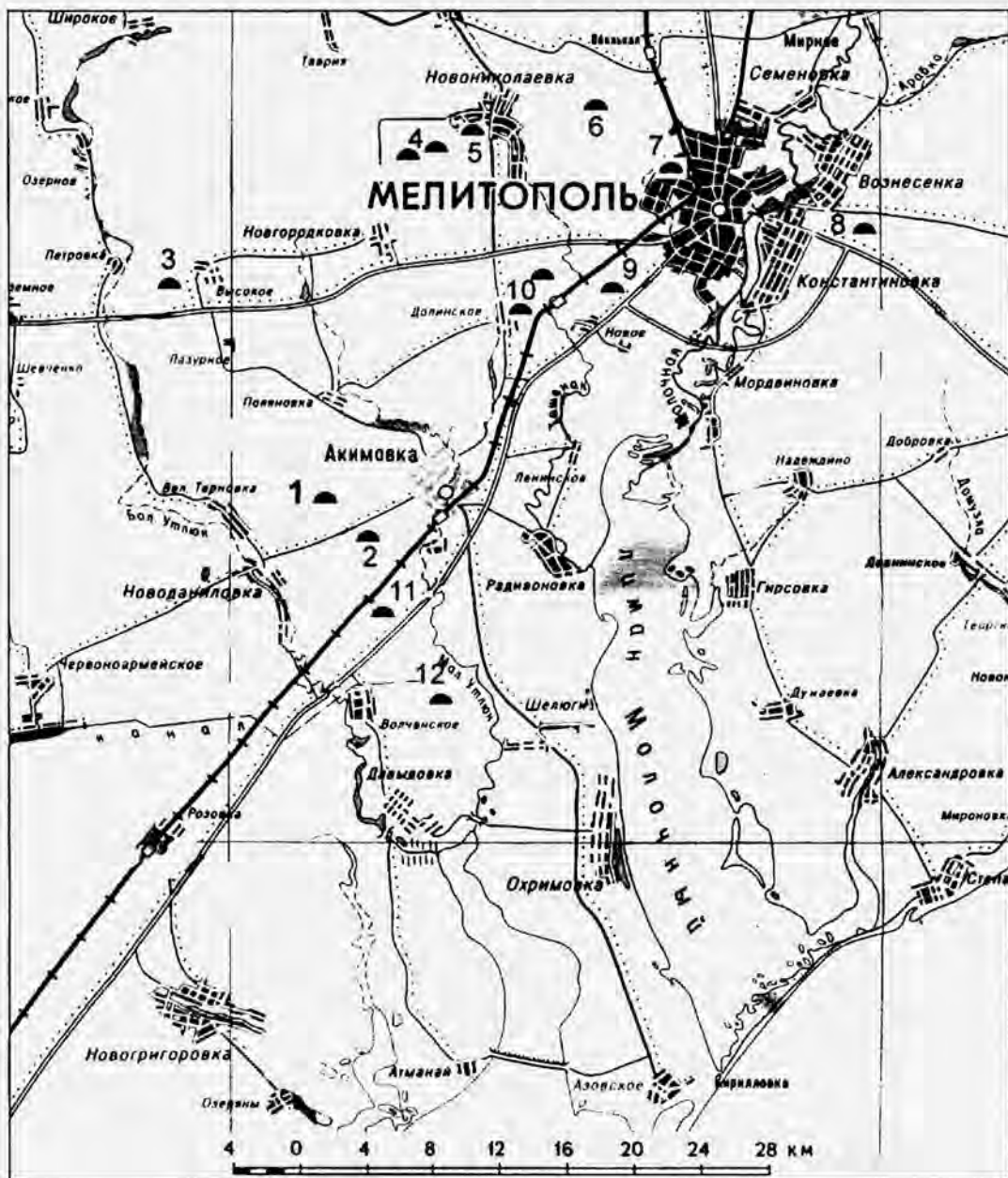

Рис.1. Местоположение кургана № 11 у пгт. Акимовка среди скифских погребальных памятников Северо-Западного Приазовья.

1 – курган № 11 и северная часть группы у пгт Акимовка; 2 – южная часть группы у пгт. Акимовка; 3 – курганы у с. Высокое; 4 – группа курганов у с. Новониколаевка; 5 – курган Шульговка и длинный курган возле него; 6 – курган Ташенак и группа «Заячи Могилы»; 7 – Мелитопольский курган и его курганная группа, скрытая в усадьбах микрорайона Юровка; 8 – курган Кара-Тюбе; 9 – курганы у с. Новое; 10 – курганы на краю правого берега Ташенака у сс. Удачное и Долинское; 11 – курганы у с. Владимировка; 12 – две курганные группы у с. Волчанск.

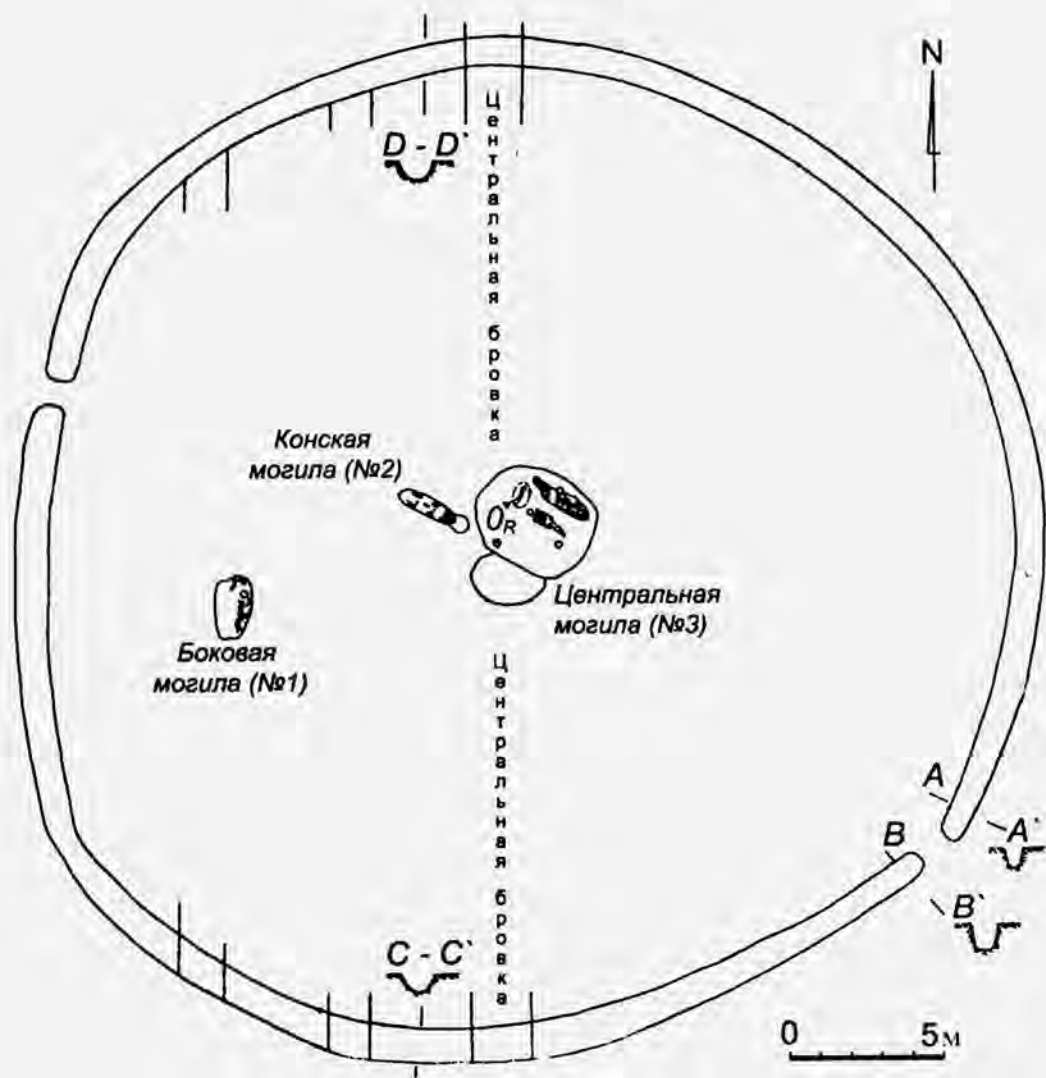

Рис.2. Общий план кургана № 11 у пгт. Акимовка.

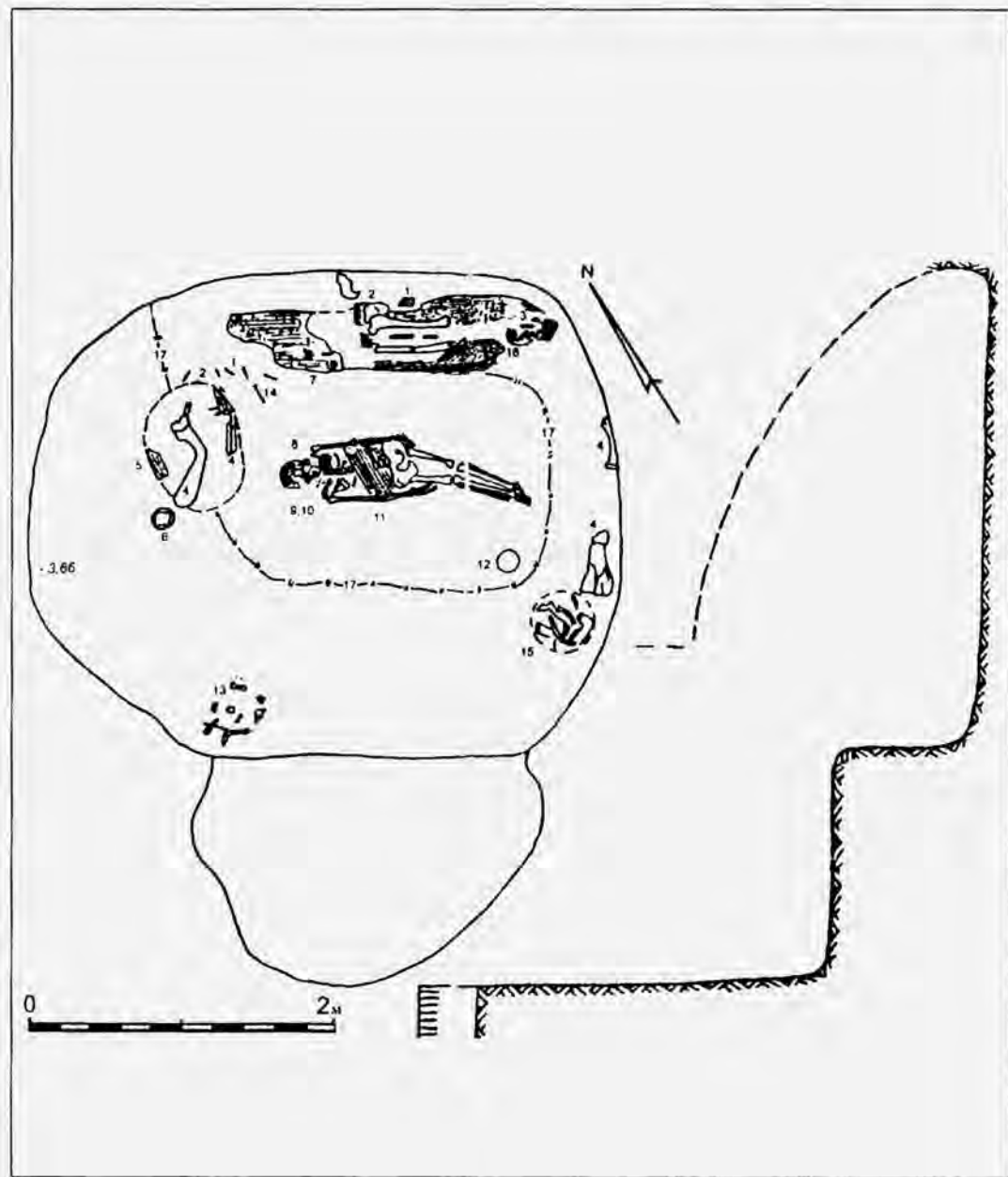

Рис.3. План и разрез центральной могилы (№ 3).

1 – фрагменты железного меча; 2 – наконечники стрел бронзовые; 3 – вток копыа железный; 4 – кости животных; 5 – блюдо деревянное; 6 – чаша деревянная; 7 – гробовище долбленное; 8 – серьги золотые; 9 – бляшки золотые с изображением грифона; 10 – пуговицы золотые; 11 – остатки плетеного гробовища; 12 – зеркало бронзовое; 13 – комплект конской узды; 14 – фрагменты железных предметов; 15 – скопление костей овцы, выкинутых из бронзового котла; 16 – остатки бронзовых поножей; 17 – зона растительной подстилки.

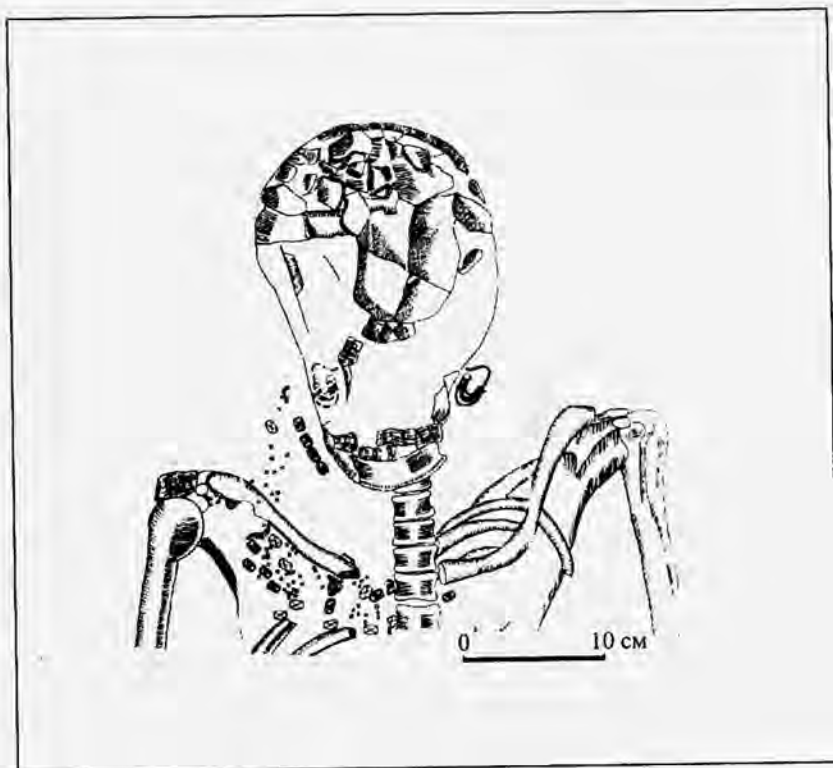

Рис.4. Фрагмент плана центральной могилы.

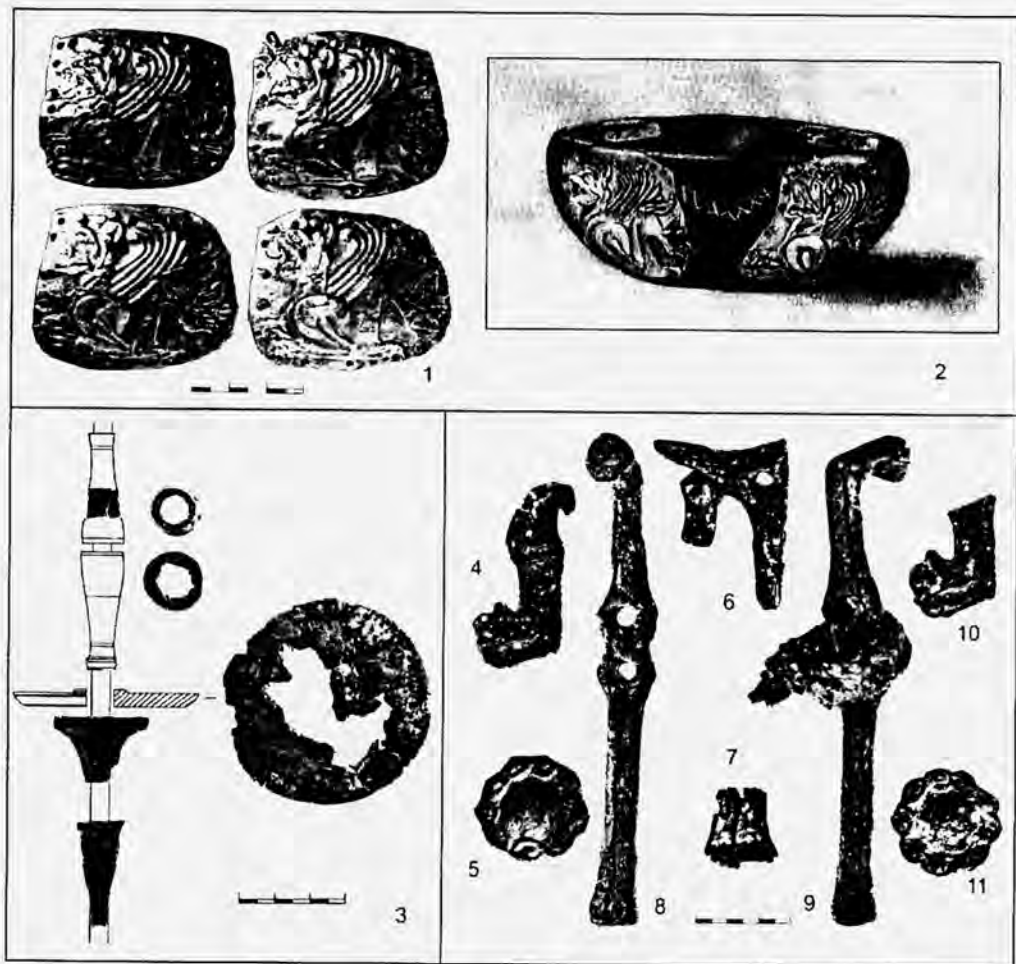

Рис.5. Находки из центральной могилы (№ 3):

1 – золотые обкладки деревянной чаши; 2 – реконструкция деревянной чаши; 3 – детали и реконструкция костяного наборного веретена; 4-11 – детали узды бронзовые: 4, 10 – нащечники; 5, 11 – фалары; 6 – наносник; 7 – ворварка; 8-9 – псални.

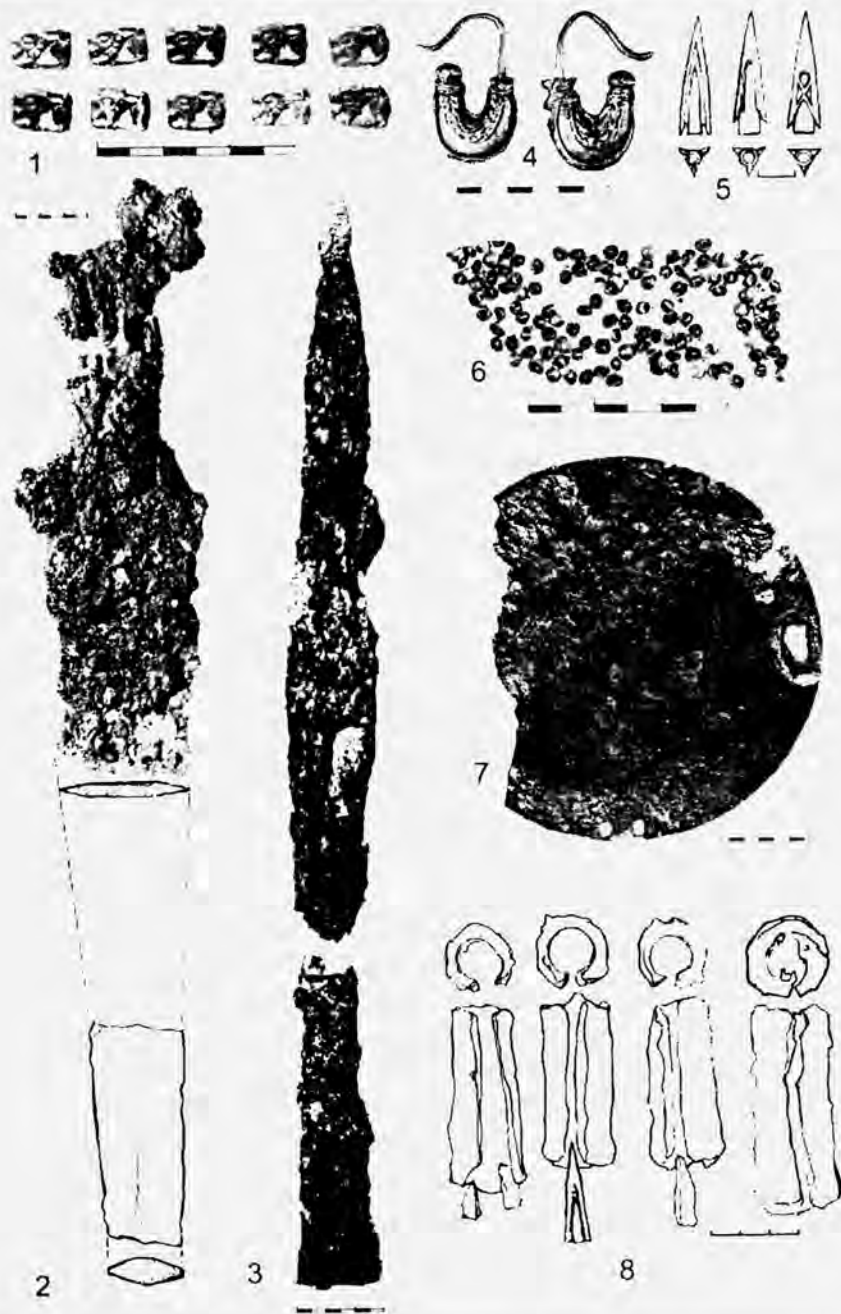

Рис.6. Находки из центральной могилы (№ 3):

1 - бляшки нашивные золотые; 2 - меч железный; 3 - наконечник копьа железный; 4 - серьги золотые; 5 - наконечники стрел бронзовые; 6 - бляшки-пуговицы золотые; 7 - зеркало бронзовое; 8 - подтоки железные.

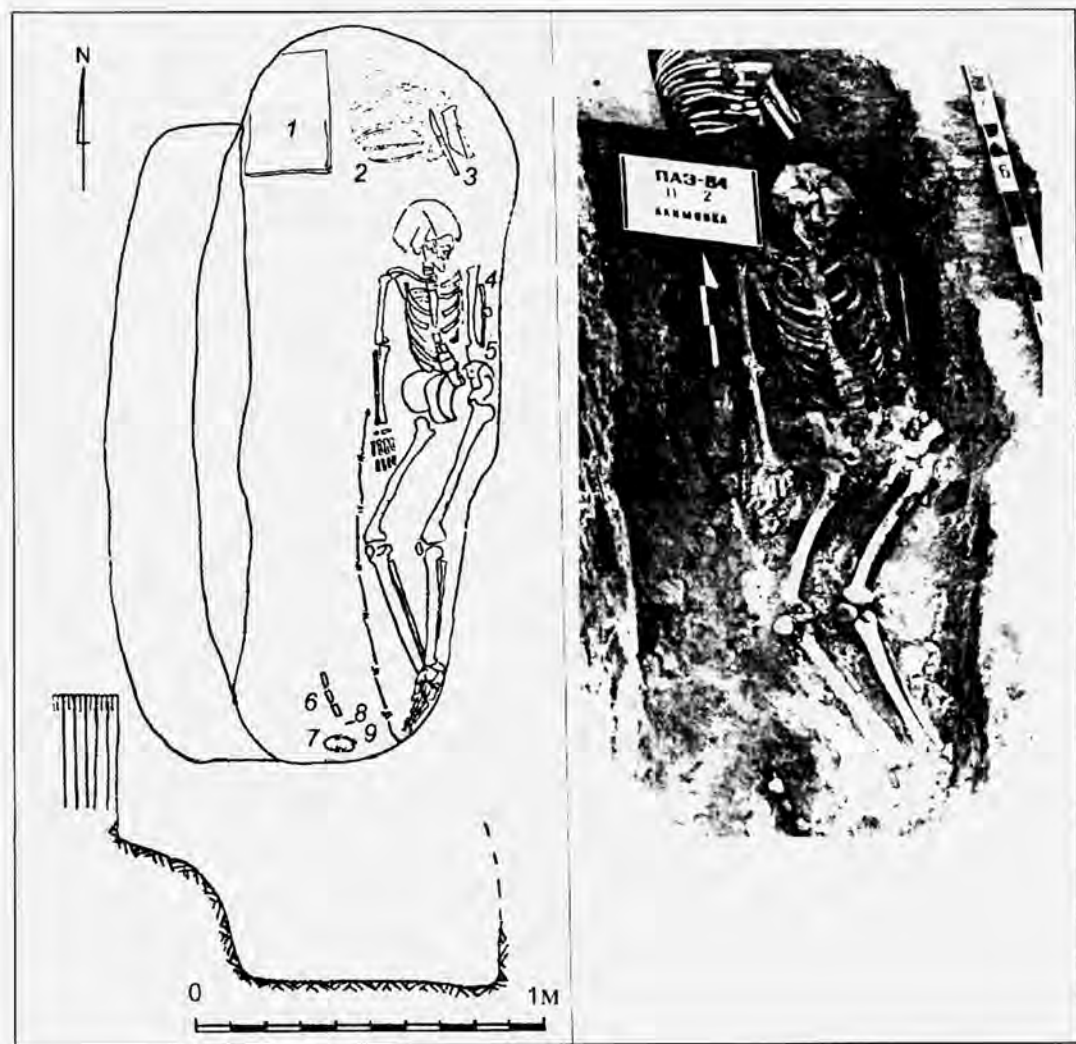

Рис.7. План и разрез боковой могилы (№2).

1 - каменная плита; 2 - напугственная пища; 3 - нож железный; 4 - свинцовое пряслице; 5 - бронзовое зеркало; 6 - кусочки минеральных красок; 7 - остатки деревянной пиксиды с «белилами»; 8 - шило железное; 9 - диск алебастровый.

Рис.8. Находки из боковой могилы (№2):

1 – шило железное; 2 – зеркало бронзовое; 3 – нож железный с костяной ручкой; 4 – пряслице свинцовое; 5 – кусочки цветных минералов.

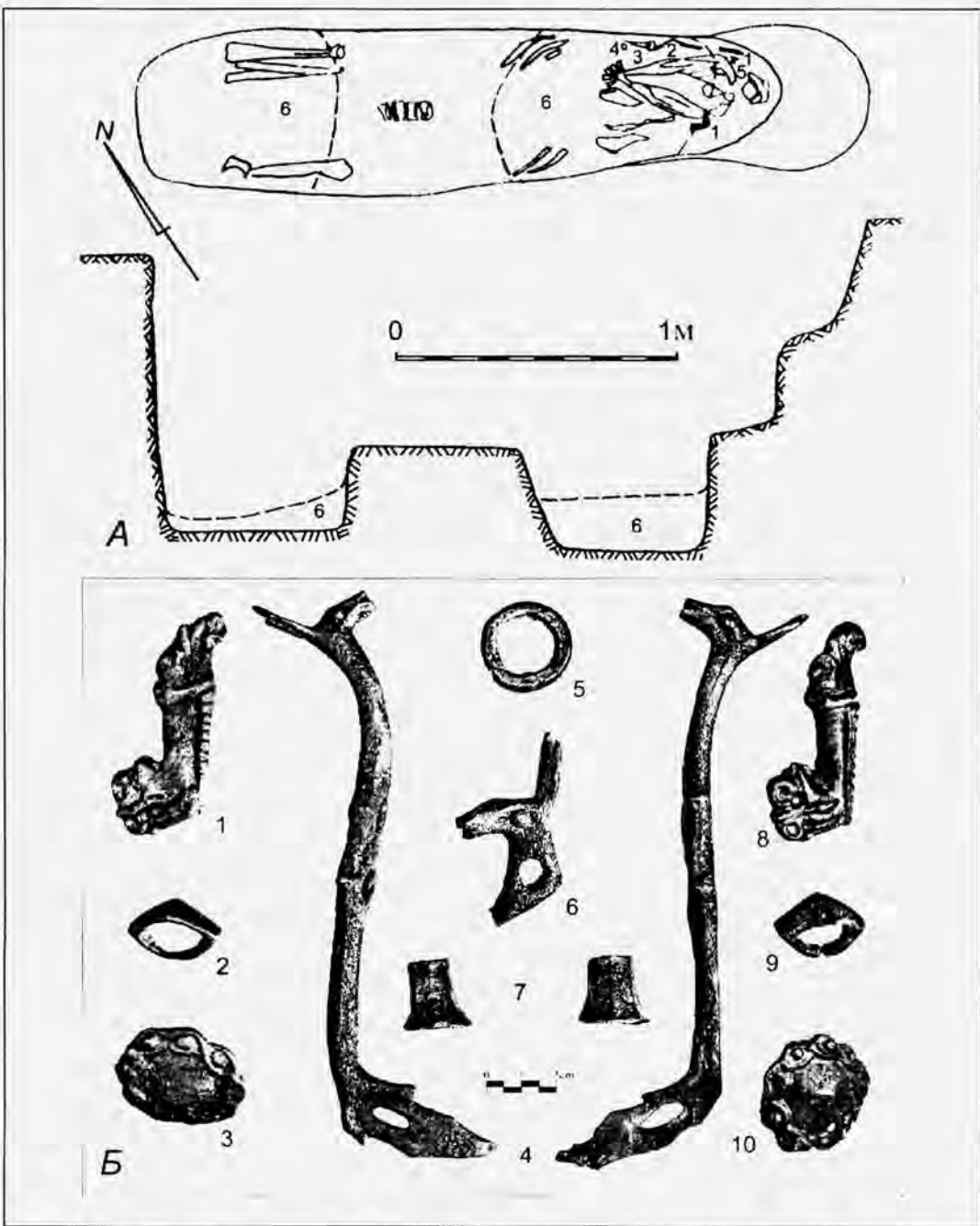

Рис.9. План и разрез конской могилы (№1) и бронзовые детали уздечного убора.

А. 1 – нащечник бронзовый; 2 – псалии бронзовые; 3 – удила железные; 4 – кольцо подпружное бронзовое; 5 – ворварка бронзовая; 6 – подсыпка глиняная.

Б. 1,8 – нащечники; 2,9 – обоймы; 3,10 – фалары; 4 – псалии; 5 – кольцо; 6 – наносник; 7 – ворварки.

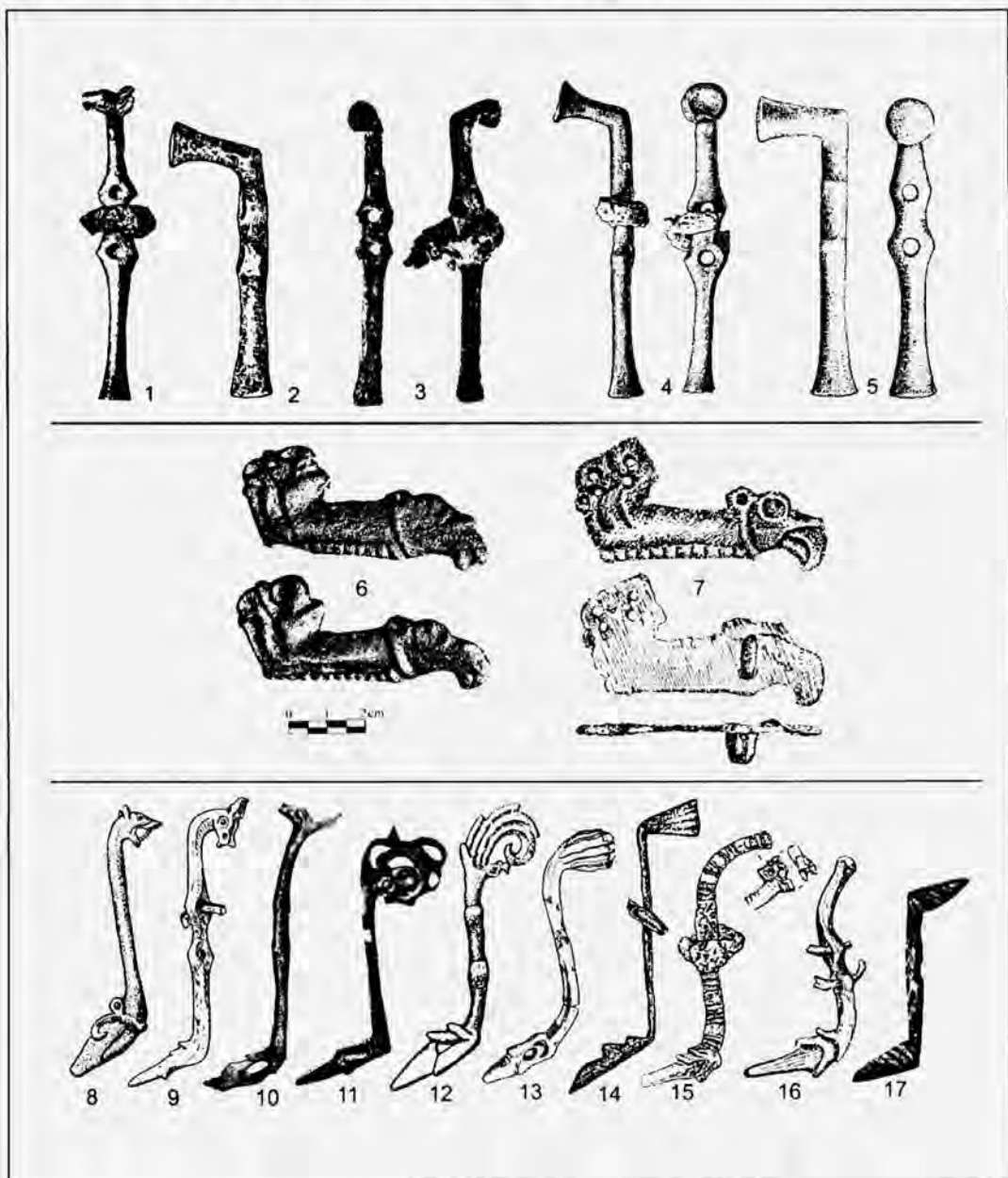

Рис.10. Псалии (1-5, 8-17) и нашечники (6-7):

1 – некрополь Нимфея; 2 – Ульские курганы, курган № 11; 3 – Акимовка, курган № 11, центральная могила; 4 – 1-ая Завадская Могила; 5 – 4-ая Испанова Могила; 6 – Акимовка, курган № 11, конская могила; 7 – курган группы Огуза (1979 г.); 8 – Северная Осетия; 9 – Аксютинцы, курган № 1 (1883-1885 г.); 10 – Акимовка, курган № 11, конская могила; 11 – Волковцы, курган № 4; 12 – Стеблев, курган № 3; 13 – Первомаевка, курган 3 2, погребение 1; 14-15 – Скифская Могила; 16 – Аксютинцы, курган № 2 (1883-1885 г.); 17 – курган Малая Цимбалка (могила V в. до н.э.).

Е.А. КРАВЧЕНКО

ДО ІСТОРІЇ ВИВЧЕННЯ ТУБІЛЬНОГО НАСЕЛЕННЯ КРИМУ ДОБИ РАНЬОГО ЗАЛІЗА

Зацікавлення старожитностями доби пізньої бронзи та раннього заліза Криму тісно пов'язане із дослідженням античних пам'яток. Античні студії мали особливий вплив на формування наукових поглядів щодо археології та давньої історії народів Гірського Криму на ранньому етапі досліджень. Його можна назвати *етапом мегалітичних могильників*, оскільки з кінця XVIII ст. (коли з'явилися перші описи цих старожитностей) і до початку XX ст. (до 1926 р., коли була виділена кизил-кобинська культура і сформульовано її основні ознаки) уявлення про матеріальну культуру й історію кримських тубільців складала по античним писемним джерелам і розкопкам кам'яних скринь, які тоді називали дольменами. Антична історія та культура, що були добре відомі ще до початку цілеспрямованих археологічних досліджень, надихали на пошук легендарних відомих за писемними джерелами місць як учених, так і мандрівників, захоплених пошуками скарбів аристократів і шукачів-аматорів. Перші спроби наукових описів старожитностей Криму з'являються ще у XVIII ст.

Академік П.С. Паллас під час своєї подорожі Кримом у 1793 р. описав залишки давніх укріплень на Гераклеїському п-ві і кілька могильників кам'яних скринь [Паллас, 1881]. З ім'ям французького вченого Фр. Дюбуа де Монпере пов'язані намагання співвіднести з реальним населенням залишки матеріальної культури, яка ототожнювалась тоді з мегалітичними могильниками гірської зони. Він після подорожі по Криму в 1833 р. висловив думку про належність мегалітичних пам'яток Гірського Криму таврам і поставив ці пам'ятки в подібність до дольменів Кавказу та Бретані [D. de Montpereux, 1839]. В XIX ст. російські аристократи, що захоплювались давниною і були добре обізнані в давньогрецькій літературі, та вчені-краєзнавці впродовж своїх подорожей Кримом накопичили певний емпіричний матеріал по „доісторичних” культурах Криму. Це дозволило розгорнути першу наукову дискусію по проблемі місцезнаходження храму Партенос, описаного Еврипідом, який шукали на південному узбережжі Гераклеїського п-ова або на Південному узбережжі Криму. Дискусія привернула увагу до старожитностей саме Західного Криму у невід'ємному зв'язку із античним Херсонесом [Паллас, 1881, с. 217; Мурав'єв-Апостол, 1823, с. 89; Бларамберг, 1831, с. 298], інтерпретуючи матеріальні залишки варварського вигляду на основі єдиної

тоді гіпотези, що пов'язувала варварів Криму з таврами античної легенди про Іфігенію. Півною мірою поштовхом до цього були чотири рядки в поезії О.С. Пушкіна, присвячені легендарному храмові, тому і дискусія була оповита романтизмом, модним в вищих верствах тогочасної Росії [Лесков, 1965, с. 10].

У XIX ст. було висунуто безліч гіпотез щодо походження легендарних таврів, що пов'язувалися з гірськокримськими мегалітичними могильниками або, як їх тоді визначали, дольменами Криму, від кавказької до кельтокімерійської [Брун, 1868, с. 238; Minns, 1913, с. 101; Уваров, 1887, с. 33]. В Криму під час археологічних розкопок XIX ст. антропологічний матеріал майже не збирався, або збирався безсистемно. Відомо лише кілька підсумків обробки краніологічних серій з кам'яних скринь Гірського Криму, зроблені В. Кеппеном, А.П. Богдановим і Н.І. Лижиним [Кеппен, 1837; Богданов, 1886; Лыжин, 1890].

Не вдаючись у детальний історіографічний аналіз робіт XVIII та XIX ст., оскільки такий було останнім часом здійснено і опубліковано І.В. Тункіною, відзначимо вагомий внесок в дослідження пам'яток Західного Криму Імператорської академії наук. Збереглася низка описів старожитностей, що їх здійснювали науковці під час подорожей Кримом, але ідея створення детального єдиного опису, яка належала імператору Олександрю I, після його смерті була забута [Тункіна, 2002, с. 88]. Після створення у 1839 р. Одеського імператорського товариства історії та старожитностей (ООІД) систематизація і вивчення принаймні візуальне пам'яток – мегалітичних могильників отримало відповідну підтримку держави і потужну наукову базу. Під егідою ООІД проводилися також найбільші за обсягом розкопки в Херсонесі і у його окрузі [Тункіна, 2002, с. 256–280]. З 1859 р. дослідженнями в Криму починає займатися Імператорська археологічна комісія (ІАК) зі штаб-квартирою в Санкт-Петербурзі [Золотарев, 1998, с. 4; Тункіна, 2002, с. 254]. На той час археологічні розкопки західнокримських старожитностей проводили О.С. Уваров, К.К. Косцюшко-Валюжинич, А.Л. Бертъе-Делагард, Е.А. Штерн, Ю.О. Кулаковський, М.І. Репніков, Л.О. Моїсеєв та ін. Ці дослідження проводилися, у тому числі, на самому Херсонесі, на землях, зайнятих його хорою, і в безпосередній його околиці, тобто на тих територіях, з місцевим населенням яких зустрілися греки на час заснування Херсонесу. Проте у більшості досліджувалися античні пам'ятки, розкопки могильників кам'яних скринь – єдиних пам'яток ККК, які були відомі на початку XX ст. – вели лише М.І. Репніков і Ю.О. Кулаковський [Репников, 1909, 1909а, 1910, Кулаковський, 1898]. Проведені на початку XX ст. польові дослідження кам'яних скринь Байдарської долини Західного Криму дозволили М.І. Репнікову визначити ці пам'ятки хронологічно і датувати VII–V ст. до н.с., підтвердивши припущення О.С. Уварова про їх віднесення до пізньобронзового – ранньозалізного часу. [Уваров, 1887; Репников, 1910; 1927]. При цьому поселенські комплекси, належні населенню, що лишило могильники кам'яних скринь, достеменно відомі не були.

Наприкінці XIX ст. побачила світ робота філолога-класика В.В. Латишева „Scythia at Caucasia”, яка певним чином вплинула на визначення культури варварів, відкритої у Криму, як таврської [Latyshev, 1893]. Принаймні, вже у 1927 р. М.І. Репніков цілком впевнено ототожнив кам'яні скрині Криму із похованнями таврів [Репников, 1927].

Дослідження античних писемних джерел до історії таврів і Таврики починається ще від епохи середньовіччя. Античних авторів інтерпретували пізньоантичні, яких, у свою чергу, пояснювали пізньосередньовічні схоласти, дослідники нового і новітнього часу. Це слугувало формуванню не лише наукових концепцій, але й певних стереотипів інтерпретаційної моделі. У другій половині XIX і на початку XX ст. було сформовано основні підходи до вивчення та інтерпретації античних джерел. Підвалини у вивченні писемних джерел до давньої історії Надчорномор'я було закладено В.В. Латишевим [Латышев, 1889; 1890; 1893; 1895; 1909], основні наукові підходи до них сформовано у межах петербурзької класичної школи [дет. див.: Толстой, 1918, с. IV]. Ці роботи стали базовими у подальших розробках у тому числі і питань, пов'язаних із варварами Криму. З'явилися і нові напрями у наукових дослідженнях у галузі античної філології та філософії. Г.Г. Шпет – один із фундаторів російської герменевтики, звернув увагу на розуміння античних текстів у контексті античної культури і суспільства [Шпет, 1990, с. 232]. Основна дискусія розгорнулася між І.І. Толстим і М.І. Ростовцевим [Толстой, 1918; 1958; порівн.: Ростовцев, 1918, с. 196]. І.І. Толстой на основі аналізу широкого кола писемних та епіграфічних джерел дійшов висновку про міфічне первинне значення назви „таври” і прямий її зв'язок із легендою про Іфігенію, грецькою за суттю [Толстой, 1918, с. 117; порівн.: с. 118, примітка 1]. Свідченням того, поміж іншим, є існування цієї легенди не лише у причорноморському регіоні, але і в інших областях тогочасної ойкумени [Толстой, 1918, с. 126–134, 145–147]. Розглядалась також і низка тотемних культів орфічних товариств античного світу [Толстой, 1918, с. 126; див. також: Зубар, 1995, с. 137–146]. Точка зору І.І. Толстого була піддана різкій критиці М.І. Ростовцевим, який вважав, що назва „таври” є адаптованою у грецькій мові самоназвою народу Кримських гір [Ростовцев, 1918, с. 197]. На основі їх робіт ґрунтуються напрями дослідження і дотепер. Треба також зазначити, що у міжвоєнний період у дослідженнях античних текстів відбувався певний застій, пов'язаний із еміграцією, а пізніше і примусовою висилкою “владою рад” більшості провідних учених Російської імперії, що, з одного боку, врятувало їх від репресій 1930-х рр., а з іншого, надзвичайно збіднило радянську науку. Наукові пошуки у цій сфері поновилися лише після війни, коли почало працювати нове покоління науковців-філологів.

Теза І.І. Толстого про легендарність назви “таври” у 1960-ті рр. була піддана критиці Е.І. Соломонік [Соломонік, 1976, с. 48]. Дослідниця дійшла висновку про її походження від назви гір “Тавр”, тим самим виробивши

антитезу до концепції І.І. Толстого і підтримавши думку М.І. Ростовцева про місцевий характер божества Партенос, за Геродотом – таврської богині [Ростовцев, 1918, с. 196]. Цю думку підтримали Н.В. Пятишева, О.М. Лесков, О.М. Щеглов, В.С. Ольховський та інші дослідники [Пятишева, 1947, с. 218; 1949; Лесков, 1965, с. 7, 203; Щеглов, 1996, с. 28; Ольховський, 1981, с. 55]. У роботах В.Ф. Мещерякова, а останнім часом у роботах А.С. і М.В. Русяєвих та М.В. Скржинської, основна ідея, спрямована на аспект етнічної належності божества Партенос, ґрунтується на концепції І.І. Толстого [Мещеряков, 1973, с. 65–73; 1980, с. 64–72; Скржинская, 1977; 1991, с. 42; Русяева, Русяев, 1999, с. 8]. Однак О.М. Щеглов наголошував на концепції про місцевий етнічний характер виникнення не лише назви “таври”, але й назв інших народів, що зустрічаються в античних джерелах про Крим [Щеглов, 1996, с. 30; пор. Зубар, 2005, с. 16–28, 2007, с. 87–100].

Одним із перших звернув увагу на знахідки кераміки переважно „варварського типу” ентузіаст і аматор, морський офіцер у відставці, полковник Н.М. Печьонкін, старожитності із зборів якого в окрузі Херсонесу (у р-ні Стрілецької і Карантинної бухт, Маячного п-ова) стали основою колекцій первісної епохи у фондах Херсонеського музею [Стржелецкий, 1951, л. 57]. Значний матеріал по варварському населенню Гераклеїського п-ова було зібрано також пошуковцем-ентузіастом Д.О. Шпаком на півдні Гераклеїського п-ова у районі м. Фіолент [Каталог..., б/г]. Однак культурне визначення такі старожитності отримали тільки у роботі дослідника первісності Г.А. Бонч-Осмоловського [Бонч-Осмоловский, 1926, с. 74–94], що проводив роботи разом із М.Л. Ернстом та С.І. Забніним біля печер Кизил-Коба та Кош-Коба і поселення Нейзац у Гірському Криму, дослідження яких починають черговий етап – вивчення *великих поселень*, який продовжився до початку 1960-х рр. Основним критерієм культури, названої по місцю першої знахідки кизил-кобинської, Г.А. Бонч-Осмоловський визначив своєрідну кераміку: „блискуче лисковане череп'я переважно чорного кольору і грубіше із хрупаватою поверхнею” з домішками подрібненого вапняку і піску у тісті, погано випалені. Лискований посуд представлений сферичними округлодонними формами, невеликими за об'ємом, орнаментованими врізаними лініями, що спускаються донизу від кайми, виконаної наколами з інкрустацією білою пастою. ККК він атрибутував також верхній шар печери Кош-Коба, дві стоянки на р. Альма, місцезнаходження біля сел. Нейзац, мегалітичний могильник біля с. Кипчак (Тау-Кипчак), підйомний матеріал біля с. Ягмурча, знахідки біля м. Сімферополь, у Зміїній ущелині біля сел. Сюрень. Слід також зазначити, що дослідник розумів під поняттям культура тип матеріальних решток і визначав результати дослідження як попередні, оскільки матеріал на час написання статті, відомої у історіографії як атрибуція ККК, ще не був оброблений [Бонч-Осмоловский, 1926, с. 91, 92, переклад укр. мовою – Е. К.].

У сучасній історіографії укорінилася думка, що Г.А. Бонч-Осмоловський не лише виділив ККК, а і аргументовано пов'язав її з таврами. Але в його роботі таврська належність ККК аж ніяк не констатується, що варто навести дослівно: „Усі викладені дані вказують на існування у Криму чисельного народу з бідною, порівняно, культурою, що не гребували проживанням у печерах. Мимоволі приходить припущення про тотожність його із легендарними кримськими троглодитами-таврами, про яких згадує Геродот” [Бонч-Осмоловский, 1926, с. 94, переклад укр. мовою – Е. К.]

Фактично Г.А. Бонч-Осмоловським було визначено матеріальні рештки культур передскіфського та ранньоскіфського часу Криму, а наприкінці 1920-х років поховальні пам'ятки – могильники кам'яних скринь, що на той час вже були пов'язані із таврами писемних джерел, було синхронізовано із матеріалом поселень, об'єднаним у археологічну культуру, що отримала назву кизил-кобинської.

Щоправда, це питання у той час можна було б вирішити на матеріалі досліджуваного у 1931–1933 рр. поселення і могильника біля 2-го кордону Севастополя (невдалік татарського селища Черкез-Керман), що здійснювалося спільною радянсько-американською експедицією на чолі із С.О. Семеновим-Зусером [Семенов-Зусер, 1931, с. 29–41; Ніколаєнко, 1999, с. 10]. Проте, усі матеріали розкопок разом із частиною документації було вивезено до США відразу після проведення розкопок, за повідомленням О.М. Лєскова зараз вони зберігаються у Пенсильванському університеті в м. Філадельфія (США). Частина документації за неперевіреними даними зберігається у архіві Інституту матеріальної культури у Санкт-Петербурзі.

Той факт, що довгий час поховальні пам'ятки і поселення, віднесені до ранньозалізного часу, розглядалися окремо, і, як наслідок, отримали різну інтерпретацію (могильники були визначені етнічно, як таврські, а поселення – за культурним типом і об'єднані у археологічну культуру), визначив подальші напрями дослідження населення Криму ранньозалізного часу. Багато в чому основною причиною існування двох абсолютно різних методичних підходів у вивченні цих старожитностей стало те, що при їх інтерпретації брали за основу античні писемні джерела.

Повертаючись до історії археологічних досліджень, треба зазначити, що значний внесок у дослідження негрських пам'яток Західного Криму зробив співробітник Севастопольського музею краєзнавства Л.М. Солов'єв, який з 1922 по 1927 рр. проводив розвідки в околицях Севастополя, і саме йому належить відкриття більшості відомих пам'яток того регіону, у тому числі і поселення Уч-Баш [Солов'єв, 1922]. Досліджуватися поселення почало ще у 20-і роки ХХ ст. В 1925–1926 рр. Л. М. Солов'єв дослідив місцевість на лівому стрімчастому березі р. Чорної, відому тоді як «Чортове городище». Тоді ж він провів там збори підйомного матеріалу, колекційний опис якого зараз зберігається в архіві НЗХТ, а також вказав на існування могильника поблизу

поселення [Соловьев, б/г а, инв. №№ 131 – 148.]. Його шоденники розвідок лишилися неопублікованими і лягли в основу незахищеної дисертації С.Ф. Стржелецького [Стржелецкий, 1951, 1951а].

Чимало пам'яток, у тому числі три кизил-кобинських поселення в околицях Севастополя, було відкрито О.К. Тахтаєм з 1935 по 1949 рр., коли дослідник працював у Херсонському музеї, аж поки його не репресували [дет. див.: Граб, Супруненко, 1991, с. 24—53]. Крім того він розкопав частину великого ним же відкритого раннього поселення кизил-кобинської культури біля Балаклави (Балаклавське). Під час арешту було конфісковано усі його звіти і архів. Матеріал із розкопок і розвідок О.К. Тахтая, що зберігається у фондах НЗХТ, наразі неможливо ідентифікувати з-за відсутності інвентарних номерів. Оскільки його рукописи досі зберігаються в архіві Управління СБУ АР Крим, введення у науковий обіг цих матеріалів буде можливим лише після передачі цих рукописів у науковий архів [Тахтаї, б/г].

1930-і роки для радянської науки, у тому числі і археологічної, стали кардинально переламними з огляду пануючих концепцій. Основним чинником такого підходу стала пряма залежність особистої характеристики вчених і наукової концепції, що ними розроблялася або підтримувалася. Один за одним у надрах ГУЛАГу опинилися Г.О. Бонч-Осмоловський, Г.І. Петров, К.Е. Гриневич, М.І. Репников, Л.М. Ернст [Формозов, 2006, с. 188]. Потім без наукового обґрунтування таврів писемних джерел ототожнили із кизил-кобинською археологічною культурою. Слабка спроба В.М. Дьякова піддати сумніву цю тезу, оскільки матеріальні рештки, знайдені біля печери Кизил-Коба, не відповідали уявленню про таврів, основаному на аналізі писемних джерел [Дьяков, 1939, с. 72–86], не вплинула ні на висновки Г.Д. Белова стосовно поховань в некрополі Херсонеса класичного часу [Белов, 1950, с. 272–284], ні на інтерпретацію С.Ф. Стржелецького. Останній відразу ототожнив досліджені ним біля Севастополя поселення з пам'ятками ранніх таврів і запропонував взагалі відмовитися від терміну ККК [Стржелецкий, 1951, л. 45]. При цьому слід також зауважити, що зроблені В.Н. Дьяковим висновки стосуються більшою мірою уявлення греків про місцеві кримські народи, аніж інтерпретації археологічних матеріалів. Але його робота побачила світ ще до того, як почалося масштабне археологічне дослідження пам'яток тубільного населення у Криму.

Ґрунтовні дослідження антропологічного матеріалу Західного Криму, у тому числі і ККК, належать Г.І. Петрову, який опублікував антропологічний матеріал Ескі-Керменської експедиції 1931 – 1933 рр., пов'язавши пізньобронзові антропологічні типи Криму і Кавказу [Петров, 1935]. Проте його висновки про германську (готську) належність серій ескі-керменського могильника, зроблені паралельно із аналізом кизил-кобинських краніологічних серій, призвели до масштабних репресій усіх учасників експедиції і формуванню заполітизованої концепції про місцеве стадіальне формування готського

антропологічного типу, що автоматично було поширено і на таврів та їх археологічний сквівалент [Формозов, 2006, с. 194]. Після закінчення Великої Вітчизняної війни 1941 – 1945 рр. концепція локального розвитку місцевих антропологічних типів отримала ще більше політичне підґрунтя. Є.В. Жиров вважав таврів нащадками місцевої мезолітичної людності, Г.Ф. Дебец, визначаючи превалюючим елементом в антропологічному складі ранньосередньовічної людності Гірського Криму місцевий, доводив, що в складанні основного морфологічного типу населення середньовічних міст Гірського Криму брали участь таври, що, ймовірно, вплинуло на пізніші висновки П.М. Шульца [Жиров, 1949; Дебец, 1949; Шульц, 1959, с. 270].

Широкі польові дослідження пам'яток Західного Криму доби раннього заліза, відомих з 1920-х рр. [Соловьев, 1922] і відкритих наприкінці 1939 та у 1940 р., розгорнулися після закінчення Великої Відчизняної війни [Стржелецький, 1947, с. 283–288; Тахтай, 1947, с. 122]. У 1952 р. С.Ф. Стржелецький розпочав археологічні розкопки великих поселень ККК біля устя р. Чорна – Уч-Баш і Сахарна Головка. Цими дослідженнями він планував підтвердити висновки своєї кандидатської дисертації, яку тільки-но подав до захисту. Проте, дисертація лишилась незахищеною, а досліджувані поселення дали надзвичайно репрезентативний яскравий матеріал, не зовсім відповідаючи висновкам вченого [Стржелецкий, 1952; 1953; Стржелецкий, Веймарн, 1952]. У ході Великої Відчизняної війни північно-східна частина мису скелі, на якій розташоване поселення Уч-Баш, була зруйнована потужним вибухом і, обвалившись, оголила лінзи господарчих ям. Розкопки відкрили тільки частину площі поселення, проте дали надзвичайно репрезентативний матеріал і певним чином намітили напрями майбутніх розкопок, але в подальшому розкопки на поселенні не відновлювалися. С.Ф. Стржелецький не ввів у науковий обіг матеріали своїх розкопок. Вибірково вони залучалися дослідниками до узагальнюючих робіт [Щепелев, 1927, с. 42–46; Кацур, 1963, с. 9, № 2(30)].

У 1952 р. при розкопках поселення Сахарна Головка виявилось, що воно майже повністю знищене будівельними котлованами, і його дослідження було припинено. У 1953 р. було призупинено розкопки на Уч-Баші із наміром продовжити їх у наступному році, але у наступні кілька років вони не поновились, а після підпорядкування території поселення Міністерству оборони СРСР у 1959 р. і створення на його території військового полігону археологи туди не допускалися. Проте чітка фіксація матеріалу і польових спостережень у звітах, методика розкопок по комплексам, а не штикам, як зазвичай тоді робилося, використання ножів, а не лопат під час роботи з археологічним комплексом, – усе це дозволило на сучасному етапі закриті комплекси, досліджені С.Ф. Стржелецьким, інтерпретувати як еталонні. На жаль, автор розкопок Уч-Башу так і не ввів до наукового обігу матеріали поселень ККК, досліджених ним в околицях Севастополя, хронологічно визначивши учбаське поселення X – VIII ст. до н. е. з припущенням, що воно могло існувати до VI ст.

до н. е., і пов'язав його з ранніми таврами [Стржелецкий, 1951, л. 120]. При ознайомленні з матеріалами звітів таке датування справляє враження інтуїтивного, бо не підкріплено чіткими хронологічними визначеннями, хоч треба віддати належне С.Ф. Стржелецькому: він був ближчим до істини, аніж його не лише сучасники, але й наступники. У щоденнику розкопок зберігся запис, зроблений після ознайомлення О.І. Тереножкіна із матеріалами, де вказано, що він зауважив подібність матеріалу цієї пам'ятки до білогрудівської культури, але визначив його як самотутнє культурне явище [Стржелецкий, 1952, зошит 1, л. 11]. Слідом за Уч-Башем С.Ф. Стржелецький відніс до ранньотаврських поселення Сахарна головка, Балаклавське та припустив існування синхронного їм поселення на місці Херсонського городища [Стржелецкий, б/г, табл.]. Формування ранньотаврської культури дослідник відсував до середини II тис. до н. е., а фінал визначав V ст. до н. е. [Стржелецкий, б/г, л. 10].

Розкопки пам'яток ККК поновилися і в інших регіонах Криму. Дослідження низки пам'яток на сході Кримських гір було розпочато П.М. Шульцем у 1949-му – 1950-му рр. і 1957 р., визначених як кизил-кобинські (таврські), у тому числі укріплень на г. Кошка і Караул-Оба – пам'ятках, кизил-кобинська атрибуція яких досі дискусійна [Шульц, 1949, 1957].

Відкриття некрополя класичного часу на північно-східному березі Херсонеса із зібганими похованнями, які Г.Д. Беловим, С.Ф. Стржелецьким та згодом Н.В. Пятишевою були визначені як таврські, стали черговим поштовхом у формуванні постановки проблеми варварських впливів на античну культуру Херсонеса [Белов, 1938, с. 191; Пятишева, 1946, с. 178; 1947, с. 213; Стржелецкий, 1948, с. 96]. Вона згодом отримала свій розвиток, спираючись на розроблену С.Ф. Стржелецьким на основі концепцій А.І. Тюменева і Г.Д. Белова схему формування маргінального греко-варварського Херсонеського поліса на ґрунті спільних інтересів активної торгівлі греків і тубільців [Тюменев, 1938; Белов, 1948, с. 55; Стржелецкий, 1959, с. 63]. Знахідки ліпної кераміки із Херсонеського городища також інтерпретувалися як належні ККК або таврам, що проживали у Херсонесі [Белов, 1948, с. 92; 1953, с. 11–32; Белов, Стржелецкий, 1953, с. 47, Белов, Стржелецкий, Якобсон, 1953, с. 162, 170; Белов, Якобсон, 1953, с. 110].

Причиною тому було не стільки бажання дослідників античності інтерпретувати за допомогою артефактів античні тексти, скільки стаття І.В. Сталіна “Марксизм и вопросы языкознания”, у руслі ідей якої на об'єднаній науковій сесії Відділення історії і філології АН СРСР і його Кримської філії було безапеляційно і абсолютно необґрунтовано визначено напрям наукових пошуків. Науковцям надійшла вказівка – шукати конкретні етноси, а отже було покладено початок формуванню наукових напрямів, спрямованих на ототожнення етносів писемних джерел із певною археологічною культурою. Політика втрутилася також і в питання давнього господарства Криму: визначено було шукати землеробство, як прояв слов'янських культур.

Причиною цих метаморфоз у кримській археології було так зване „готське питання” [Айбабин, Герцен, Храпунов, 1993, с. 211, 212; дет. див.: Колтухов, Юрочкин, 2004, с. 107–119].

Деякі важливі пам'яток ККК було відкрито у 1950-х рр. у Центральному Криму. З 1954 р. дослідження кизил-кобинських старожитностей у долині р. Салгір (Сімферопольський р-н) почав проводити А.О. Щепинський, який крім низки пам'яток в околицях Сімферополя продовжив розкопки на спонімній пам'ятці — поселенні Кизил-Коба разом із О.І. Домбровським. О.Д. Дашевська у 1951 р. розпочала дослідження Сімферопольського поселення ККК на місці Неаполя Скіфського [Дашевська, 1951, 1958а; Щепинский, 1957, 1963]. Вона на основі власних польових спостережень синхронізувала матеріал із поселень Західного Криму з матеріалами нижнього шару Неаполя Скіфського і інших гірських поселень, виділивши два етапи у техніці нанесення гребінцевого штампу: VI – першої половини IV ст. до н. е. (прокреслений орнамент) і другої половини (середини) IV – III ст. до н. е. (орнаментация насічкою). О.Д. Дашевська фактично, першою звернувши увагу на етапність орнаментальних схем і сюжетів кизил-кобинської культури [Дашевская, 1958; 1963].

Починаючи з 1947 р. Х.І. Кріс проводила археологічні польові дослідження поселень ККК у Західному Криму – у Бахчисарайському р-ні у балці Ашлама-Дере і на території Севастопольської міськради, у тому числі поселення на правому березі р. Чорна під фортецею Каламіта в Інкермані. Воно також надало чисельний археологічний матеріал, не лише ККК, але і античний, що дозволило датувати поселення від VI ст. до н. е. до елліністичного періоду [Крис, 1955, с. 36–52; 1957, с. 40–49; 1957а]. Ці матеріали стали основою її кандидатської дисертації [Крис, 1975].

У другій половині 1950-х років розвідки і розкопки низки поховальних пам'яток Гірського Криму, у тому числі і кам'яних скринь провів тоді ще аспірант Інституту археології АН УРСР О.М. Лесков. Він одним із перших звернув увагу на велику кількість античної кераміки у тризні деяких могильників кам'яних скринь [дет. див.: Лесков, Кравченко, 2007].

Після розкопок кінця XIX – середини XX ст. накопичився значний матеріал для узагальнення всього атрибутованого як ККК. На той час після дослідження пам'яток ККК цього та інших районів Гірського Криму з'явилася джерельна база для формування наукових підходів стосовно її складання, датування і етнічної належності. Наприкінці 1950-х та на початку 1960-х років з'являються перші узагальнюючі роботи по ККК і починається новий етап вивчення кизил-кобинських старожитностей – *етап аналізу і систематизації* – припиняються стаціонарні широкомаштабні польові дослідження, проте починається формування основних наукових концепцій щодо походження, хронології і етнічної належності ККК.

Одна із перших спроб узагальнення досліджень по ККК, таврах і періодизації культури належить П.М. Шульцу. Він уперше охарактеризував

матеріальну культуру поселень кизил-кобинської культури, спробував їх типологізувати і визначити їх хронологічні рамки [Шульц, 1959]. Однак його аргументи на користь ототожнення цієї культури із таврами Геродота не мають під собою достатньої фактичної бази.

Він спирався на відповідність території поселень ККК із кордонами Таврики і тотожність поховального звичаю кизил-кобинців таврам. Однак могильники Гірського Криму ранньої залізної доби на той час детально проаналізовані не були, а генетичний зв'язок таврської кераміки із кизил-кобинською просто проголошувався, бо попередніх досліджень керамічного комплексу не проводилося. Констатувався поступовий стадіальний розвиток населення, що лишило ККК, до пізньоантичного часу на основі стратиграфічних спостережень нашарувань на г. Караул-Оба та г. Кошка [Шульц, 1959, с. 235, прим. 1].

Слід зауважити, що для цих пам'яток з яскраво вираженим скельним рельєфом на 400–500 м над рівнем моря термін „стратиграфія” використовувати взагалі не можна, і тут, вірогідно, головним фактором, що вплинув на позицію П.М. Шульця, була внутрішня політика держави у кінці 1940-х – на початку 1950-х рр., оскільки його висновки при повній науковій необґрунтованості, що виглядає дивним для цього визначного дослідника, цілком узгоджуються із післявоєнними завданнями партії радянській археологічній науці [дет. див.: Колтухов, Юрочкин, 2004, с. 110]. Зроблене П.М. Шульцем географічне районування побудовано за топографічним принципом, що взагалі має сенс, але при цьому основні характеристики матеріалу з пам'яток не враховувались і не розглядались [Шульц, 1959, с. 236]. Такий підхід до систематизації археологічного матеріалу, що, ймовірно, став наслідком впливу у дослідженні маррівського вчення, призвів до складання періодизації стадіального розвитку так званих таврів від початку I тис. до н. е. до раннього середньовіччя [Шульц, 1959, с. 243–258]. ККК П.М. Шульц відвів перший етап (перша половина I тис. до н. е.), визначивши вирішальну роль ранніх таврів у складанні цієї культури [Шульц, 1959, с. 243]. При цьому археологічні пам'ятки, що належать раннім таврам, взагалі не згадувались. Проте одне його спостереження підтвердилося у хронологічній схемі. Це виділення окремої групи поселень у важкодоступних місцях. Дійсно, як показав розподіл пам'яток доби раннього заліза Західного Криму, поселення на мисах куест зі скельними урвищами та інші, що мають природний захист, із слідами нівелювань, підрізок схилів і т. ін. виділяються в окрему групу раннього періоду. Треба також підкреслити, що датування ККК (за П.М. Шульцем – ранній етап таврської культури, перша половина I тис. до н. е.), яке було здійснено по матеріалам розкопок С.Ф. Стржелецького, попри відсутність фактологічної бази у обох археологів, є найближчим за інші до сучасної хронології культур Надчорномор'я.

Перші дослідження суто кизил-кобинських краніологічних серій після розгрому петербурзької антропологічної школи і арешту Г.І. Петрова були проведені К.Ф. Соколовою [Соколова, 1960; 1963]. Проте, і вона не змогла

відійти від аксіоми про спадковість місцевих антропологічних типів, але констатувала подібність похованих у кам'яних скринях кизил-кобинської культури (Черкес-Кермен, Неаполь Скіфський, Інкерманське поселення, могильники Альмінської долини, кам'яні скрині Таш-Джаргану, Уч-Башу, Байдарської долини (могильники Бага і Мал-Муз)) із краніологічними серіями Північного Кавказу і Балкан. Основу краніологічної колекції склали матеріали могильників Західного Криму [Соколова, 1960]. Ці дослідження продовжила Т.Л. Назарова, яка підтвердила висновок К.Ф. Соколової про багатоваріантність антропологічних типів, досліджених по матеріалам кам'яних скринь ККК [Назарова, 1997, с. 68–74].

В 1965 р. побачила світ монографія О.М. Лескова, написана по матеріалам, що лягли в основу його кандидатської дисертації, в якій було вперше зібрано значний матеріал попередніх розкопок, у тому числі і 1950-х рр., що дозволив охарактеризувати кизил-кобинську культуру. Автор підтримав гіпотезу, висловлену О.О. Йессеном і Є.І. Крупновим, про подібність культур Гірського Криму і Північного Кавказу, згодом підтриману В.В. Бобиним, яка фактично підтвердила висновок антропологів Г.І. Петрова і К.Ф. Соколової [Петров, 1935; Йессен, 1951, с. 102; Бобин, 1957, с. 54–60; Крупнов, 1960, с. 347; Соколова, 1960; Лесков, 1965].

О.М. Лесков також уперше розробив типологію кераміки ККК, поділивши культуру на три етапи і визначивши її у хронологічних межах IX–II ст. до н.е. [Лесков, 1965, с. 45–51]. Однак його аналогії керамічних комплексів кизил-кобинської з посудом кобанської культури не завжди аргументовані. Кераміка ККК оглянута ним загально, до типологічного аналізу залучений далеко не весь відомий на той час археологічний матеріал. Що ж стосується Західного Криму, то О.М. Лесков згадує у роботі поселення Уч-Баш, Сахарна Головка, Балаклавське, Інкерманське, Херсонське, а аналізує матеріал лише з Учбаського та Інкерманського поселень.

У монографії О.М. Лескова одній із ключових пам'яток ККК – Уч-Башу присвячено недостатньо уваги, щоправда, у його розпорядженні був лише той матеріал, що був отриманий для ознайомлення від автора розкопок – С.Ф. Стржелецького, який мав надію продовжити дослідження цього поселення сам. Тому стратиграфічні спостереження враховані не були, матеріали поселення не ідентифікуються з матеріалами колекції [Лесков, 1965, с. 20]. О.М. Лесков відніс Уч-Баш до найраніших поселень ККК, датуючи його IX – VIII ст. до н. е. за трьохдірчатим псалієм з підпрямокутними отворами, розташованими на одній вісі, і кістяними стрілами чорногорівських типів. Але при визначенні хронології він не вдався до аналізу ширшого кола матеріалів за комплексами, які на нашу думку, можливо й не мали хронологічного розриву, але навіть за стратиграфічними спостереженнями, не кажучи про типологічні ознаки матеріалу, слідували один за іншим [Лесков, 1965, с. 19, 114]. Проте, попри недоліки, дослідження О.М. Лескова не просто узагальнили значний матеріал

і просунули наукове знання по ранній залізній добі Гірського Криму, але і інтегрували його матеріальну культуру у загальноісторичну надчорноморську схему, синхронізувавши її за предметами зброї і кінського обладунку із культурами Надчорномор'я, Передкавказзя і Кавказу.

В 1971 р. Х.І. Кріс, яка не підтримувала позицію О.М. Лескова про належність ККК раннім таврам, опрацьовуючи матеріали ККК Західного Криму, спробувала розділити матеріальну культуру на ККК і саме таврську культуру Південно-Західного Криму, тим самим підтвердивши тезу В.М. Дьякова, а також виділила 4 варіанти культури Гірського Криму на матеріалах могильників [Крис, 1967, с. 23–30; Крис, 1971; порівн.: Лесков, 1965, с. 93]. Однак відмінності в керамічному комплексі виявилися незначними [Крис, 1961; 1975].

У 1981 р. Х.І. Крис опублікувала роботу, в основі якої лежали її дослідження 1950-х років, де дійшла висновку, що ККК належить не історичним таврам, а невідомому писемним джерелам етносу. Таврську культуру вона виділяла територіально із масиву кизил-кобинської на матеріалах могильників по поховальним конструкціям Південно-Західного Криму, вважала синхронною кизил-кобинській і датувала VII – V ст. до н. е. Х.І. Кріс постулювала, що кизил-кобинці воювали з таврами і руйнували їх могильники кам'яних скринь. Подібність керамічного комплексу таврської і кизил-кобинської культур вона пояснювала привнесенням його до Криму кочовими скіфами, які у свою чергу запозичили його у населення Лісостепу. Верхньою хронологічною межею і таврської культури, і ККК дослідниця визначала V ст. до н. е., після чого населення, що їх полишило було асимільоване скіфами [Крис, 1981, с. 52–56]. Як це не дивно, в цих суперечливих висновках, причиною чого був панівний в той час у науці автохтонізм, дослідниця інтуїтивно визначила правильний шлях дослідження кримських пам'яток рубежу бронзової – початку залізної діб. Їй також належить ґрунтовний доробок в галузі класифікації і типологізації кераміки ККК [Крис, 1981, с. 17–33]. Х.І. Кріс опрацювала та вперше опублікувала значну частину керамічного матеріалу із поселень Західного Криму, у тому числі і з Учбаського поселення [Крис, 1981, див. табл.]. Але матеріал на рисунках, представлених у монографії, також важко ідентифікується з реальними речами, причому, найхарактерніше викривлення – це невідповідність діаметра і висоти посудин. Орнаментацию промальовано схематично і примітивно. Немає суттєвих викривлень лише у матеріалі пам'яток, які Х.І. Кріс досліджувала сама. Причину такого подання матеріалу зараз з'ясувати складно. Можна лише припустити, що це залежало від автора рисунків і креслень.

Віддаючи належне висновкам дослідниці стосовно неправомірності отожднення понять “ККК” і “таври”, критиці роботи О.М. Лескова стосовно неповних аналогій та недостатньої розробки питання типології кераміки, її зауваженням стосовно важливості аналізу орнаментики кизил-кобинської кераміки, важливості розробки дрібної відносної хронології окремих поселень

і могильників і аналізу суцільних керамічних комплексів у контексті [Крис, 1981, с. 5–9; порівн.: Лесков, 1965], треба зазначити, що у її роботі періодизація звелася до типологічного аналізу кераміки. Не враховувався контекст знахідок, не розглянуті умовно-закриті комплекси. Ці недоліки пояснюються тим, що в основі роботи лежать результати досліджень 1950-х рр., коли методи аналізу матеріалу були налаштовані на об'єднання великого масиву знахідок у археологічні культури, і типологія не ставила перед собою конкретні цілі виокремлення дрібних груп матеріалу за сукупністю ознак. Ймовірно, тому, попри зазначення подібності кераміки кизил-кобинських і придністровських пам'яток раннього заліза, відсутня їх синхронізація [Крис, 1981, с. 32]. Проте, цим не можна пояснити факт, що, при зазначенні подібності керамічних комплексів Криму та Подністров'я і визначенні першого етапу ККК На В, а другого На С, дослідниця констатує культурну ізоляцію (?) племен Передгірного Криму, що закінчується із появою скіфів на початку другого етапу [Крис, 1981, с. 12]. Таким чином, питання іншокультурних впливів, дрібної хронології та етнокультурної належності (чи напряду зовнішніх впливів, під які підпадав регіон) лишилися нерозв'язаними. Крім того, відкритим лишилося питання етнічної атрибуції кизил-кобинських пам'яток.

Висновки Х.І. Крис щодо різної етнічної належності виділених груп могильників і співіснування таврів із кизил-кобинцями є результатом помилкової хронологічної шкали, коли різночасові, як показує аналіз, старожитності, цілком закономірно розділяються на кілька таксономічних одиниць, що мають відмінності стадіального характеру, отже можуть свідчити про поступ у суспільному житті народу або зміну племінних груп. Натомість, зробивши висновок про синхронність усіх груп могильників, Х.І. Кріс вимушена була пояснювати недоречності, що виникли. Наприклад, могильник Черкес-Кермен було розділено без будь-яких топографічних пояснень на два, і його частини віднесено до північно-байдарської і передгірної груп. Дослідниця пояснила таке співіснування невідомою джерелам війною між таврами і кизил-кобинцями, які нищили могильники один одного.

У пошуках етнічного визначення ККК А.О. Щепинський спробував реанімувати вже напівзабуту гіпотезу кінця XIX – початку XX ст. [Жебелев, 1938, с. 150; Дьяков, 1939, с. 77 с лит.] про належність цих старожитностей пізнім кімерійцям, яких скіфи відтіснили у гори [Щепинский, 1977, с. 34].

В другій половині XX ст. питання відносної хронології ККК тісно пов'язалося із дослідженнями по співвіднесенню культур надчорноморського регіону доби пізньої бронзи – раннього заліза. Ранній етап ККК О.І. Тереножкін синхронізував із першим етапом чорноліської культури [Тереножкін, 1961, с. 196]. Пізніше він відніс поселення Уч-Баш до кімерійського часу по знахідці фрагменту тридірчатого псалія та кістяних вістер стріл чорногорівських типів. [Тереножкін, 1976, с. 98]. Пізніші дослідження В.В. Отрошенка, який відсунув початок раннього етапу ККК до білозерського часу на основі серії

радіовуглецевих дат поселення Тау-Кипчак [Фирсов, 1976], підтвердили та розвинули цей висновок [Отрощенко, 1986, с. 117, 150]. У той же час синхронізація цих двох культур і знахідки на найраніших поселеннях, до яких належить і Уч-Баш, речей чорногорівського типу поставили питання періодизації першого етапу ККК і виділення комплексів пізньої бронзи.

Треба зазначити, що після досить активного періоду археологічних досліджень кизил-кобинських пам'яток 1950-х рр. систематичні розкопки на них припиняються. Із кінця 1960-х рр. і дотепер ці пам'ятки розкопуються епізодично, протягом кількох польових сезонів. Вивчення пам'яток Західного Криму майже повністю припинилося і проходило лише на місці новобудов м. Севастополя. У 1980 р. В.О. Колотухіним було розкопано могильник Капак-Таш на сході Кримських гір, дослідження якого проводив у 1950-х роках О.М. Лесков [Лесков, 1956; Колотухин, 1981]. У 1990-х рр. він здійснив охоронні розкопки майже повністю знищеного будівельним котлованом поселення Карагач, дослідив поселення і могильник Дружне, Таш-Джарган та низку інших у басейні Салгіру [Колотухин, Пуздровский, 1993; Колотухин, 1996, с. 25–28]. Ці матеріали і колекції попередніх розкопок пам'яток центральної і східної груп ККК увійшли до джерельної бази кандидатської дисертації В.О. Колотухіна, що лягла в основу його монографії [Колотухин, 1996].

В.О. Колотухін спробував відділити пам'ятки пізньої бронзи від саме кизил-кобинських, а останні розподілив по трьох етапах: IX – перша половина VII ст. до н. е.; середина VII – рубіж V/IV ст. до н. е.; кінець V – II ст. до н. е., однак матеріали Південно-Західного Криму в загальному обсязі ним розглянуті не були [Колотухин, 1996, с. 72]. Слідом за О.М. Лесковим він визначив ККК як належну історичним таврам [Колотухін, 1987, с. 25; 1996, с. 22]. В.О. Колотухін відніс виникнення Учбаського поселення до середини IX ст. до н. е., припустивши можливість його існування аж до VI – V ст. до н. е., але не відкидав можливості виділення ранішого комплексу [Колотухин, 1996, с. 56]. Матеріал цієї пам'ятки у монографії не розглянуто, автор приймає точку зору інших дослідників, у тому числі О.М. Лескова і Х.І. Кріс та доходить висновку про можливість існування поселення у VI – V ст. до н. е. [Кріс, 1981]. Старожитності з пам'яток Західного Криму до роботи не увійшли, ймовірно, з об'єктивних причин. Проте, виокремлення ранніх матеріалів, попри їх усіх віднесення до доби пізньої бронзи, стало кроком вперед у дослідженні старожитностей доби раннього заліза Гірського Криму.

У 1970-х – 1990-х рр. новобудівними археологічними дослідженнями відкрито значну кількість пам'яток в Інкерманській долині і на Гераклеїському п-ові. О.Я. Савеля у 1972 р. провів розвідки на плато Сапун-гори, відкривши низку різночасових поселень ККК – Октябрьське, Энергетик, Кавказ, Чорна річка, на яких протягом 1979, 1981, 1987 та 1989 рр. були проведені розкопки [Савеля, 1979, с. 398; 1987, с. 5–8; 1989, л. 13]. З 1980 до 1986 рр. у зв'язку з будівництвом водогону проводилися розкопки поселення Чорна річка [Савеля,

1986]. У 1990 р. було частково розкопано поселення Мартинівська балка [Савеля, 1990, л. 22–27]. Протягом 1992 і 1993 рр. проводилися дослідження поселення Сарандинакіно [Савеля, 1992, с. 235–236; 1993, с. 37–46]. У 1973 р. О.Я. Савеля дослідив відкрите Н.М. Печенкіним кизил-кобинське поселення під полою Шверінського кургану [Печенкин, 1914, Савеля, 1996, с. 13–17, №5/А-15]. Крім того ним було відкрито і частково досліджено ще 20 поселень і 6 могильників на Гераклеїському п-ові, Північній стороні, в Інкерманській, Балаклавській, Каракобинській і Байдарській долинах і у гірських масивах Мікензіві гори, Хан-Йол, Федюхіні висоти, Гасфорта, Сем'якіні висоти, Псілерахі, Каранські висоти, Хлама, Орбона Даучжи, Мегало-яло. Частина матеріалу була введена до наукового обігу, але загалом він був представлений коротко у інформаційних виданнях [Савеля, 1970; 1996, с. 13–17; 1997, с. 88–95].

Г.М. Ніколаєнко у 1997 р. під час розкопок античної садиби відкрила два поселення ККК – у балці Бермана і у Мраморній балці [Николаенко, 1999, с. 21]. У 1986 р. розкопки поселення пізнього етапу ККК Карань-2, відкритого і частково дослідженого С.Ф. Стржелецьким у 1953 р., провів С.Н. Сенаторов [Сенаторов, 1998, с. 8–16]. У 2005 р. кизил-кобинське поселення VI ст. до н.е. Трактирний Міст було відкрито і частково досліджено А.В. Філіппенком у Каракобинській долині [Филиппенко, Кравченко, Ушаков, 2006, с. 317–322].

С.Н. Сенаторов, що проаналізував частину матеріалів з розкопок на території давньої хори та з Північно-Східного району Херсонеса, залучивши матеріал із інших пам'яток Криму, здійснив дисертаційне дослідження ліпної кераміки кизил-кобинської культури [Сенаторов, 2002]. Керамічний комплекс ККК він поділяє на чотири етапи: XII – IX ст. до н. е.; VIII – перша половина VI ст. до н. е.; друга половина VI – перша половина IV ст. до н. е.; друга половина IV – перша третина III ст. до н. е. і констатує відмінність типів зі Східного Криму від матеріалів Кримських гір і передгір'їв [Сенаторов, 2002, с. 14–15]. Дослідник також проаналізував керамічний матеріал ККК пізнього етапу з орнаментациєю дрібнозубим гребінцем із пам'яток Південно-Західного Криму [Сенаторов, 1998, с. 12, 13]. С.Н. Сенаторов дійшов ґрунтового висновку, приєднавши виділений В.О. Колотухіним масив матеріальних залишків пізньобронзової доби до основного раннього масиву ККК. Таким чином він узгодив періодизацію перехідного часу Надчорномор'я, намічену В.В. Отрошенком, пов'язавши кизил-кобинські старожитності із, принаймні, сабатинівсько-білозерськими матеріалами, а не пізньозрубними, як це визначено у В.О. Колотухіна [Колотухин, 1996, с. 78]. Також він виокремив із кизил-кобинського масиву кераміки типи Східного Криму [Сенаторов, 2002, с. 14]. Проте, при визначенні хронології і культурної належності кераміки першого етапу ККК автор змішує сабатинівські і білозерські старожитності і при цьому чомусь датує “синхронний” ним перший етап кизил-коби XII – IX ст. до н. е., визначаючи усе приналежністю до “пружкового горизонту” культур пружкової кераміки Євразії.

Прив'язка усього раннього етапу ККК до дати тридирчатого псалію з Уч-Башу у роботі С.Н. Сенаторова невірне, оскільки псалій було знайдено не у закритому комплексі, як зазначено у дисертації, а над ним [Сенаторов, 2002]. Це не унеможливорює його використання для датування, але вказує на асинхронність псалія комплексам, приведеним у дисертації в якості раннього етапу культури. Виділення третього та четвертого етапів ККК відбулося внаслідок неврахування матеріалів поселень ККК Гераклеїського півострова і Інкерманської долини, де кераміка із обома видами гребінцевого орнаменту – раннім і пізнім, на основі хронології яких виділяються періоди, зустрічається разом у закритих комплексах, що підтверджується і новими матеріалами [Філіппенко, Кравченко, Ушаков, 2006]. Окремо охарактеризовані типи Східного Криму (айвазовський тип) цілком вірно співвіднесені з іноетнічними впливами і виокремлені з масиву кизил-кобинських пам'яток. При цьому констатується окремий східнокримський варіант ККК, який виділяється за цією ж керамікою айвазовського типу і робиться висновок про співіснування населення Східного Криму, що лишило пам'ятки із керамікою типу Айвазовського поселення із населенням, пов'язаним із пам'ятками східного варіанту ККК. Сам собою виникає висновок, що Східний Крим, ймовірно, не весь, а його частина, не входить до ареалу ККК, або ж може бути до нього включений, якщо йдеться не про відмінний від кизил-кобинського матеріальний комплекс, а про кілька відмінних типів посудин із специфічною орнаментациєю із перевалюванням кераміки ККК.

Викликає запитання використання автором терміну “жаботинський тип” при описі кераміки, оскільки ККК масово не містить специфічної жаботинської кераміки [порівн.: Daragan, 2004, S. 55–146] – ані тюльпаноподібних горщиків із проколами під вінцем у умовно-кухонному посуді, ані специфічної складної орнаментациї із застосуванням штампу умовно-столового посуду. Крім того, культурно та хронологічно посуд, названий жаботинським, до насправді жаботинського типу ніяк не відноситься. Отже, і виділення жаботинського етапу у хронології кизил-коби не є аргументованим. Оскільки початком цього етапу автор починає другий етап ККК, його виділення також втрачає аргументацію. Необгрунтовано виглядає приведення аналогій гребінцевого орнаменту із посудин келермесських курганів із орнаментациєю кизил-кобинського посуду VI – IV ст. до н. е. – типологічної схожості між цими видами орнаменту нема.

Таким чином історія вивчення кизил-кобинських старожитностей, у тому числі і Західного Криму, складається з трьох етапів: мегалітичних могильників, великих поселень, та етапу аналізу і систематизації, що триває досі.

В результаті багаторічної роботи вчених-археологів, істориків, антропологів, мовознавців, краєзнавців, а також пошуковців-ентузіастів було накреслено основні напрямки дослідження матеріальної культури Західного Криму часу раннього заліза, визначено основні ознаки її культурного типу і

намічено лінії історичного розвитку регіону в I тис. до н. е. Зараз в науці існують дві базових концепції походження населення Західного Криму, що лишило ККК. Перша базується на теорії автохтонізму та культурної замкненості. Друга дотримується основних постулатів міграціонізму, що унеможливило поширення етноніму „таври” на весь масив пам’яток ККК.

Дискусія про характер зв’язків навколишніх варварів з античним Херсонесом також не вичерпалася. Обидві позиції – мирний і ворожий характер контактів – мають своїх прибічників і опонентів.

Відповіді на поставлені питання певною мірою були отримані в результаті дисертаційного дослідження автора статті [Кравченко, 2008]. Проте всі наведені проблемні питання і концептуальні підходи отримали новий імпульс із поновленням археологічних розкопок на поселенні Уч-Баш у 2006 р., здійснюваних автором статті. Отримані матеріали дозволяють подивитися на населення, що лишило ККК за Молодшого дотаврського періоду, як таке, що знало металургію заліза. Важливий матеріал по ККК також було отримано у ході досліджень римського укріплення Альма-Кермен, побудованого на місці кизил-кобинського поселення (розкопки Ю.П. Зайцева) [Кравченко, 2007, 2007a]. Тому поновлення стаціонарних розкопок на пам’ятках ККК, використання сучасних методик дослідження, залучення фахівців з інших галузей знання, і, відповідно, отримання якісно нової наукової інформації, як вже зараз можна передбачити, може відкрити новий етап у вивченні старожитностей ККК.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабін А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н.* Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. Вып. 3. — Симферополь: Таврия, 1993. — С. 211—222.
- Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—36 гг. — Севастополь: ГХИАМ, 1938. — С. 163—195.
- Белов Г.Д.* Херсонес Таврический. — Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — 147 с.
- Белов Г.Д.* Некрополь классической и эллинистической эпохи // СА. Т. 13. — 1950. — С. 272—284.
- Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф.* Кварталы XV и XIV (раскопки 1937 г.) // МИА СССР. Вып. 34. — М.—Л.: Наука, 1953. — С. 32—105.
- Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Яковсон А.Л.* Квартал XVII (Раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.) // МИА СССР. Вып. 34. — М. — Л.: Наука, 1953. — С. 160—236.
- Белов Г.Д., Яковсон А.Л.* Квартал XVII (Раскопки 1940 г.) // МИА СССР. Вып. 34. — М.— Л.: Наука, 1953. — С. 109—159.
- Бларамберг П.О.* О предполагаемом местоположении Дианнина храма в Тавриде // Одесский альманах. — Одесса, 1831. — С. 12—15.
- Бобин В.В.* Черты сходства культур древнего населения Крыма и Северного Кавказа времени перехода от бронзы к железу // ИАДК. — К.: Наукова думка, 1957. — С. 58—63.
- Богданов А.П.* О черепахах крымских могил и донских курганов // Антропологическая выставка. Т. IV. Ч. 1. — С.-Петербург, 1886. — С. 98—112.
- Бонч-Осмоловский Г.А.* Доисторические культуры Крыма // Крым. — М.: Госиздат, 1926. — №2. — С. 74—94.
- Брун Ф.О.* О киммерянах Геродота и о переселениях кимрского племени // ЗООИД. Т. VII. — 1868. — С. 235—256.

- Граб В.І., Супруненко О.Б.* Археолог Олександр Тахтаї.— Полтава: Полтавський краєзнавчий музей, 1991.— 86 с. Бібліогр.: С. 64—78.
- Дашевская О.Д.* Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры // КСИИМК. Вып. 39.— Л.: АН СССР, 1951.— С. 52—54.
- Дашевская О.Д.* Лепная керамика Неаполя и других скифских городов Крыма // МИА СССР. №64.— М.: Наука, 1958.— С. 248—271.
- Дашевская О.Д.* Симферопольское раннетаврское поселение // СА.— 1958а.— № 3.— С. 201—206.
- Дашевская О.Д.* О таврской керамике с гребенчатым орнаментом // СА.— 1963.— №4.— С. 205—210.
- Дебец Г.Ф.* Антропологический состав населения средневековых городов Крыма // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XII.— М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1949.— С. 49—51.
- Дьяков В.Н.* Древняя Таврика до римской оккупации // ВДИ.— 1939.— № 3.— С. 72—86.
- Жебелев С.А.* Народы Северного Причерноморья в античную эпоху // ВДИ.— 1938.— №1.— С. 126—148.
- Жиров Е.В.* Костяки из каменных ящиков Крыма // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. X.— М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1949.— С. 79—87.
- Золотарёв М.И.* Предисловие к выпуску IX “Херсонесского сборника” // Хсб. Вып. IX.— Севастополь: НЗХТ, 1998.— С. 4—6.
- Зубарь В.М.* По поводу попытки возрождения одной устаревшей исторической концепции: Херсонес и тавры // ВДИ.— 2007.— № 3.— С. 87—100.
- Иессен А.А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА СССР. Вып. 23.— М.—Л.: Наука, 1951.— С. 127—169.
- Каталог первобытного человека. Музей Шпака // НА НЗХТ, д. 222.— б/н.— 89 л.
- Кацур Н.П.* Археологічна карта Інкерманської долини // АП УРСР. Т. 13.— К.: Наукова думка, 1963.— С. 3—12.
- Кеттен П.* О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических.— СПб., 1837.— 409 с.
- Колотухин В.А.* Раскопки могильника у плато Капак-Таш // АО за 1980 г.— М.: Наука, 1981.— С. 220
- Колотухин В.А.* Население предгорного и горного Крыма в VII—V вв. до н.э. // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э.— VII в. н.э.— К.: Наукова думка, 1987.— С. 6—27.
- Колотухин В.А.* Горный Крым в эпоху поздней бронзы — начале железного века.— К.: Южногородские ведомости, 1996.— 157с. Бібліогр.: с. 90—97.
- Колотухин В. А., Пузоровский О. С.* Кизил-кобинське поселення Карагач у Криму // Археологія.— 1993.— № 4.— С. 130 — 133.
- Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю.* От Скифии к Готии.— Симферополь: Сонат, 2004.— 248 с. Бібліогр.: С. 203—236.
- Кравченко Э.А.* К вопросу об изменениях в материальной культуре населения Горного Крыма в предскифское время // Revista archeologica. SN. Vol. III. № 1—2.— Chisinau: ASM, 2007.— P. 282—294.
- Кравченко Э.А.* Керамика поселения кизил-кобинской культуры Альма-Кермен // Ранній залізний вік Євразії: до 100-річчя від дня народження Олексія Івановича Тереножкіна. М-ли Міжнародної наукової конференції (м. Чигирин, 16—19 травня 2007 р.).— Київ — Чигирин: Формат, 2007а.— С. 92—95.
- Кравченко Е.А.* Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Автореф. дис. ... канд. іст. наук.— К., 2008.— 17 с.
- Крис Х.И.* Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане // КСИИМК. Вып. 58.— Л.: Изд-во АН СССР, 1955.— С. 35—44.
- Крис Х.И.* Раннетаврское поселение в Инкермане // ИАДК.— К.: Наукова думка, 1957.— С. 47—53.
- Крис Х.И.* Поселение кизил-кобинской культуры в балке Ашлама-Дере // ИАДК.— К.: Наукова думка, 1957а.— С. 40—46.
- Крис Х.И.* К вопросу о переодизации кизил-кобинской культуры // СА.— 1961.— №4.— С. 66—77.
- Крис Х.И.* Классификация таврских каменных ящиков // КСИА СССР. Вып. 112.— М.: Наука, 1967.— С. 23—30.

- Крис Х.И.* О таврах и кизил-кобинской культуре // ВДИ.— 1971.— №4.— С. 156—169.
- Крис Х.И.* Памятники Юго-Западного Крыма VIII—V вв. до н.э. (Кизил-кобинская культура и тавры): Автореф. дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.06 / Институт археологии АН СССР.— М., 1975.—20 с.
- Крис Х.И.* Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. Вып. Д 1-7.—М.: Наука, 1981.—128 с. Библиогр.: с. 77—79.
- Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа.—М.: Изд-во АН СССР, 1960.—520 с.
- Латышев В.В.* Загадочные ольвийские надписи // ЗООИД. Т. XV.—1889.—С. 39—72.
- Лесков А.М.* Отчет Таврской группы Крымской первобытной экспедиции ИА АН УССР за 1956—1957 гг. // НА ІА НАНУ, д. 1956—57/12д.— 1956.— 18 л., 12 рис.
- Лесков А.М.* Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры.—К.: Наукова думка, 1965.—200 с.
- Лесков О.М., Кравченко Е.А.* Гряда А могильника кизил-кобинської культури Уркуста I у Південно-Західному Криму // Археологія.— 2007.—№ 4.— С. 11—22.
- Лыжис Н.И.* Отчет о поездке в Крым в 1890 г. с антропологической целью // ИОЛЕАЭ. Т. IX.— 1890.—Вып. 9.—С. 76—89.
- Мещеряков В.Ф.* Про походження культури Діви у Херсонесі Таврійському // Вісник ХДУ. Історія, № 94. Вип. 7.— Харків: В-во ХДУ, 1973.— С. 65—73.
- Мещеряков В.Ф.* Державні культури Діви і Херсонас у Херсонесі Таврійському I—III ст. н.е. // Вісник ХДУ. Історія, № 201. Вип. 12.— Харків: В-во ХДУ, 1980.— С. 64—72.
- Муравьев-Апостол И.М.* Путешествие по Тавриде в 1820 г.—СПб., 1823.—310 с.
- Назарова Т.Л.* К вопросу об антропологии тавров // Хсб. Вып. VIII.—Севастополь: НЗХТ, 1997.— С. 68—74.
- Николаенко Г.М.* Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV—III вв. до н.э. Ч. 1.— Севастополь: Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 1999.— 83 с. Библиогр.: с. 76—81.
- Ольховский В.С.* Население Крыма по данным античных авторов // СА.— 1981.— №3.—С. 52—65.
- Отрощенко В.В.* Белозерская культура // Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Щарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины.—К.: Наукова думка, 1986.—С. 117—152.
- Паллас П.С.* Путешествие в Крым // ЗООИД. Т. XII.—1881.—С. 102—153.
- Петров Г.И.* Об антропологических материалах Эски-Керменской экспедиции 1931—1933 гг. // ИГАИМК. Вып. 17.—Л.: Изд-во АН СССР, 1935.—С. 206—224.
- Печёнкин Н.М.* “Шверинский” курган // ИТУАК.— Симферополь, 1914.—С. 192.
- Пятьшьева Н.В.* Античное влияние на культовую скульптуру Причерноморья // ВДИ.— 1946.— №3.—С. 175—182.
- Пятьшьева Н.В.* Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе // ВДИ.— 1947.— № 3.— С. 213—219.
- Пятьшьева Н.В.* Тавры и Херсонес // КСИИМК. Вып. XXIX.—Л.: Изд-во АН СССР, 1949.—С. 122—124.
- Репищев Н.И.* Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г. // ИАК. Вып. 30.—СПб., 1909.—С. 99—126.
- Репищев Н.И.* Каменные ящики Байдарской долины // ИАК. Вып. 30.—СПб., 1909а.—С. 127—155.
- Репищев Н.И.* О новейших раскопках крымских “дольменов” // ИГАИМК. Вып. 117. Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931—1933 гг.—Л.: Изд-во АН СССР, 1935.—С. 126—134.
- Ростовцев М.И.* Новая книга о Белом острове и Таврике // ИАК. Вып. 65.—Пг., 1918.—С. 15—18.
- Русяева А.С., Русяева М.В.* Верховная богиня античной Таврики.—К.: Шлях, 1999.—208 с. Библиогр.: с. 187—205.
- Савеля О.Я.* О керамике с резным орнаментом из Херсонеса // КСИА СССР. Вып. 124.— М.: Наука, 1970.— С. 48—50.
- Савеля О. Я.* Раскопки и разведки у Сапун—горы // АО за 1978 г.— М.: Наука, 1979.— С. 398.
- Савеля О. Я.* Работы Севастопольской экспедиции // АО за 1984 г.— М.: Наука, 1986.— С. 408.

- Савеля О. Я.* Раскопки поселения в урочище Таш-Куле на Сапун-горе // Отчет севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в Балаклавском районе г. Севастополя в 1987 г. // НА НЗХТ, д. 2766.— 1987.— 15 л.
- Савеля О. Я.* Поселение кизил-кобинской культуры в устье Мартыновской балки в Инкермане (по материалам охранных археологических исследований на территории жилого массива ПО «Севморзавод им. С.Орджоникидзе» по ул. Погорелова в 1990 г.) // НА НЗХТ.— Д. 2976/1.— 1990.— 36 с.
- Савеля О. Я.* Эпизодические охранные исследования в г. Севастополе в 1992 г. // Отчет севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в 1992 г. // НА НЗХТ, д. 3123.— 1992.— 21 л.
- Савеля О. Я.* Охранные исследования поселения кизил-кобинской культуры на 5 км Балаклавского шоссе в 1993 г. Археологическая разведка на Мизкензиевых горах // Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1993 г. // НА НЗХТ, д. 3187.— 1993.— 5 л.
- Савеля О. Я.* Археологические материалы к истории Гераклейского полуострова доколониального периода // Хсб. Вып. 7. — Севастополь: НЗХТ, 1996. — С. 13—18.
- Савеля О. Я.* Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990—1995 гг. // Хсб. Вып. 8. — Севастополь: НЗХТ, 1997. — С. 88—95.
- Савеля О. Я., Кравченко Е. А.* Отчет Севастопольской археологической экспедиции об охранно-спасательных исследованиях Инкерманского отряда на поселении Уч-Баш (2006) // НА ИА НАНУ, д. 2006/2.— 2006.— 82 л., 58 рис.
- Савеля О. Я., Кравченко Е. А.* Отчет о раскопках поселения Уч-Баш (2007) // НА ИА НАНУ, д. 2007/13.— 130 с.
- Савеля О. Я., Кравченко Е. А.* Отчет о раскопках поселения Уч-Баш (2007) // НА ИА НАНУ, д. 2008/13.— 260 с.
- Семёнов-Зусер С. К.* К вопросу о мегалитических памятниках // Природа. № 5.— М.: Госиздат, 1931. — С. 29—41.
- Сенаторов С. Н.* Поселение позднего этапа кизил-кобинской культуры Карань-2 // Хсб. Вып. IX.—Севастополь: НЗХТ, 1998.—С. 8—16.
- Сенаторов С. Н.* Лепная керамика кизил-кобинской культуры: типология и хронология.: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.06 / Институт истории материальной культуры РАН.— СПб., 2002.—22 с.
- Скржинская М. В.* Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье.— М.: Наука, 1991.—198 с.
- Соколова К. Ф.* Тавры Крымского полуострова (по антропологическим данным) // Вопросы антропологии.— 1960.— Вып. III.—С. 66—76.
- Соколова К. Ф.* Антропологічні матеріали могильників Інкерманської долини // АП УРСР. Т. XIII.—К.: Наукова думка, 1963.—С. 124—159.
- Соловьёв Л. Н.* Дневники разведок 1922—1927 гг. // НА НЗХТ, д. 633/1384—1386.— 1922.— 69 л.
- Соловьёв Л. Н.* Находки с городища в Чёртовой балке // Фонды НЗХТ, д. 868А, колл. оп. 36686А, инв. №№ 131—148.— б/г а.— 8 л.
- Соломоныч Е. I.* Таври і Тавріка (про походження етноніма і топононіма) // Археологія. Т. 20.— К.: Наукова думка, 1976.—С. 46—50.
- Стржелецкий С. Ф.* Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 г. // СХМ. Вып. 4.— Симферополь, 1948.—С. 69—97.
- Стржелецкий С. Ф.* Очерки истории Гераклейского полуострова и его округа в эпоху бронзы и раннего железа (середина II тыс. до н. э.— V в. до н. э.).— Севастополь, 1951 с дополнениями 1953—1954 гг.: Рукопись дисс. ... канд. истор. наук // НА НЗХТ, д. № 1343.— 1951.— 415 с.
- Стржелецкий С. Ф.* Очерки истории Гераклейского полуострова и его округа в эпоху бронзы и раннего железа (середина II тыс. до н. э.— V в. до н. э.): Автореф. дисс. ... канд. истор. наук.— М., 1951а.— 38 с.

- Стржелецкий С. Ф.* Отчет о раскопках раннетаврского поселения Уч-Баш X—VIII вв. до н.э.— Севастополь, 1952 г. // НА НЗХТ, д. 680/1—III.— 1952.— 120 л.
- Стржелецкий С. Ф.* Отчет о раскопках раннетаврского поселения Уч-Баш.— Севастополь, 1953 г. // НА НЗХТ, д. 690/1.— 1953.— 138 л.
- Стржелецкий С. Ф.* Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху // ПИСПАЭ.— М.: Изд-во АН СССР, 1959.— С. 63—85.
- Стржелецкий С. Ф.* Отчет о раскопках у Карантина // НА НЗХТ, д. 1299.— 6/г а.— 48 л.
- Стржелецкий С. Ф., Вейрман Е. В.* Отчет о работе Инкерманской археологической экспедиции (Сахарная Головка).—Севастополь, 1952 г. // НА НЗХТ, д. 681.— 1952.— 38 л., 24 рис.
- Тахтай А. К.* Археологические открытия в Херсонесе в 1942—1944 гг. // КСИИМК. Вып. XIV.—Л.: Изд-во АН СССР, 1947.—С. 122—124.
- Тахтай А. К.* Остатки ранне-таврского поселения близ Балаклавы // Архив УСБУ по АРК.— Од. зб. 9920.— 6/г.—Т. 2.— 21 с.
- Тереножкин А. И.* Предскифский период на Днепровском Правобережье.—К.: Наукова думка, 1961.—248 с.
- Тереножкин А. И.* Киммерийцы.—К.: Наукова думка, 1976.—223 с.
- Толстой И. И.* Остров Белый и Таврика на Эвксинском Поиште.— Пг., 1918.— 164 с.
- Толстой И. И.* Аэды. Античные творцы и носители древнего эпоса.—М.: Искусство, 1958.—63 с.
- Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII—середина XIX вв.).— СПб.: Наука, 2002.— 676 с.
- Тюменев А. И.* Херсонесские этюды. 1: К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса // ВДИ.— 1938.— № 2 (3).— С. 245—264.
- Тюменев А. И.* Херсонесские этюды // ВДИ.— 1949.— № 4.—С. 75—86.
- Уваров А. С.* Каталог собрания древностей.—М., 1887.—802 с.
- Филитенко А. А., Кравченко Э. А., Ушаков С. В.* Античное поселение с греко-варварской керамикой «Трактирный Мост» // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Т. II.— Киев—Судак: Академперіодика, 2006.— С. 317—322.
- Фирсов Л. В.* Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического.— Новосибирск: Наука, 1976.— 102 с.
- Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки.— М.: Знак, 2006.— 342 с.
- Шпет Г. Г.* Герменевтика и ее проблемы // Контекст за 1989 г.—М.: Наука, 1990.— С. 101—132.
- Шульц П. Н.* Тавро-скифская экспедиция // КСИИМК. Вып. 27.— М.: АН СССР, 1949.— С. 28—31.
- Шульц П. Н.* Таврское укрепление на г. Кошка в Крыму // КСИИМК АН УССР. Вып. 7.— К.: Наукова думка, 1957.— С. 96—102.
- Шульц П. Н.* О некоторых вопросах истории тавров (территория, хронология, взаимоотношения с античными городами и скифами) // ПИСПАЭ.— М.: Изд-во АН СССР, 1959.—С. 235—272.
- Щеглов А. Н.* О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху // ВДИ.— 1996.— № 4.— С. 146—157.
- Щепелев В.* Пещерный храм в Инкермане // Тр. Этнографо-археологического музея МГУ. Вып. 1.— М., 1927.— С. 42—46.
- Щепицкий А. О.* Новые памятники кизил-кобинской культуры в Крыму // КСИИМК. Вып. 67.— М.: АН СССР, 1957.—С. 40—45.
- Щепицкий А. О.* Пещерные святилища времени раннего железа в горном Крыму // Труды комплексной карстовой экспедиции АН УССР.— К.: Наукова думка, 1963.— С. 93—102.
- Щепицкий А. О.* Населения Південного берега Криму в епоху раннього заліза // Археологія, Т. 21.— К.: Наукова думка, 1977.—С. 26—39.
- Daragan M. N.* Periodisierung und Chronologie der Siedlung Zabotin // Eurasia Antiqua. Bd. 10.— Berlin: Mainz am Rhein, 2004.— S. 55—146.

D. de Montpereux Fr. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses at les Abkhases, en Colchide, en Georgia, en Armenie at en Crimée.—Paris, 1839.—Т. II.—502 с.

Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae at Latinae.— Petropolis, 1893.— 711 p.

Minns E. Scythians and Greeks.—Cambridge University Press, 1913.—289 p.

Е.А. Кравченко.

ДО ІСТОРІЇ ВИВЧЕННЯ ТУБІЛЬНОГО НАСЕЛЕННЯ КРИМУ ДОБИ РАНЬОГО ЗАЛІЗА

Резюме

У статті подано аналіз історії дослідження населення Криму, археологічним еквівалентом якого є кизил-кобинська культура, а за писемними джерелами відомого як „таври”. Висвітлено усі напрямки історичної інтерпретації джерел окрім його історії у контексті давньогрецької економіки, політики і культури, що вимагає окремого дослідження.

Э.А. Кравченко.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ТУЗЕМНОГО НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Резюме

Статья анализирует историю исследования населения Крыма, археологическим эквивалентом которого является кизил-кобинская культура, а по письменным источникам известно как «тавры». Внимание уделено всем направлениям исторической интерпретации источников кроме его истории в контексте древнегреческой экономики, политики и культуры, для которого требуется отдельное исследование.

E. A. Kravchenko.

AS TO THE HISTORY OF STUDYING OF CRIMEAN ABORIGINE POPULATION OF EARLY IRON AGE

Summary

The article deals with history of studying of Crimean population, which is known as Kizil-Koba culture in archaeological schooling, and as *tauri* in ancient Greek writing sources. It is outlined of all parts of historical interpretation of sources with exception of context of ancient Greek history which needs separate research.

В.Н. ЗИНЬКО

**ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ В ИЗУЧЕНИИ ХОРЫ
ГОРОДОВ ЕВРОПЕЙСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ
БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО IV в. до н.э.**

В научных исследованиях В.М. Зубаря в последнее десятилетие особое место занимало изучение вопросов по истории и археологии Боспора. В изданных статьях и монографиях [Зубарь, 1997; 1998; 1999; 2001-2003; 2007; Зубарь, Русяева, 2004; Зубарь, Зинько, 2007] анализировались разнообразные проблемы, в том числе и землепользования на Боспоре. Поэтому предлагаемая в памятный сборник статья продолжает в некоторых аспектах дискуссию, в которой активно участвовал Виталий Михайлович.

Для Боспорского царства период IV – начала III вв. до н.э. был временем расширения и укрепления территориального государства. Наследственная тирания первых Спартокидов все более приобретала черты присущие эллинистическим монархиям, одной из главнейших особенностей которых в области поземельных отношений являлось наличие особого домена – весьма обширных собственных земельных владений – «хора базилике» [Масленников, 2004, с.25]. В тоже время существуют земли боспорских городов и территории подвластных варварских племен. Именно об этом периоде сохранилась значительная часть античных письменных источников, содержащих краткие, но очень важные для истории Боспора, сведения об устройстве сельскохозяйственных территорий и об экспорте зерна. Это в первую очередь свидетельства Полиена о существовании на Боспоре управляющих селами [Polyaen.VI,9,3], Диодора – о размежевании царем Евмелом земли и выделении тысячи наделов для каллатийцев [Diod. XX, 25], Демосфена и Страбона – о вывозе зерна боспорскими царями в Афины [Demosth., 32, Strabo, VII, 4,6], декрет Митилены в честь царя Левкона [Жебелев, 1953, с.133, прим.2].

В свое время, анализируя политику Спартокидов в отношении боспорских полисов, Ю.Г. Виноградов пришел к выводу, что они не уничтожили полностью представительские органы гражданских общин городов [Виноградов Ю.Г., 1983, с.415]. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что правители Боспорского государства выступали по отношению к греческим городам не как цари, а как архонты, демонстрируя тем самым приверженность эллинским традициям [Виноградов Ю.Г., 1983, с. 419]. Однако следует напомнить, что в титулатуре боспорских правителей IV в. до н.э. фигурирует определение «архонт Боспора и Феодосии» [КБН, № 6, 6а, 7, 8, 10 и др.] и нет упоминания

о Пантикапее или другом городе на побережье Боспора Киммерийского. В то же время из письменных источников известно о сборе царем Евмелом в конце IV в. до н.э. в Пантикапее народного собрания, на котором царь предоставил ателию пантикапейцам, существовавшую при его предках, и обещал освободить их от чрезвычайного военного налога [Diod., XX, 22, 1-24, 4; Гайдукевич, 1949, с.73-75; Шелов-Коведяев, 1985, с.149-151; Завойкин, 2001, с.162-164]. Это свидетельствует о полисном статусе Пантикапея в составе Боспорского государства. Большинство исследователей полагают, что лишь гражданские общины Пантикапея и Феодосии пользовались правами внутреннего самоуправления [Шелов-Коведяев, 1985, с.165-167; Молев, 1997, с.62-63 и др.]. Однако в понятие «Боспор» в IV в. до н.э. следует включать все греческие города с их сельскими округами в районе Керченского пролива, так сказать, исконные земли боспорских правителей [Завойкин, 2001, с.168]. В таком случае полисной автономией мог обладать не только Пантикапей, но и другие города европейского побережья Боспора Киммерийского¹. В первую очередь это касается Нимфея, тем более, именно к этому времени относится боспорская надпись с упоминанием этника «нимфеец», а также расположенных на западном берегу пролива таких городов как Тиритака, Мирмекий, Порфмий и Акра. Конечно, степень этой автономии для каждого города была различной, но вряд ли стоит сомневаться в отсутствии одной из главнейших составляющих – полисного землевладения. Поэтому на Боспоре в IV в. до н.э. следует различать несколько категорий земель по их собственникам: полисную хору, царскую хору и территории подвластных варварских племен.

Недавно С.Ю. Сапрыкин предположил, что официальная титулатура Спартокидов отражала исключительно полисную сущность их власти и появилась в таком виде потому, что «на Керченском и Таманском полуостровах и в районе Горгиппии существовали обширные полисные структуры, скрывавшиеся под политико-административным понятием с географическим оттенком «Боспор» (земельные владения Пантикапея и Нимфея в Восточном Крыму и Фанагории, Гермонассы, Горгиппии на азиатской стороне)» [Сапрыкин, 2006, с.197]. Причем земли в Крымском Приазовье и во внутренних районах Восточной Таврики «следует с полным правом считать «дальней хорой» Пантикапея» [Сапрыкин, 2006, с.197], а не царскими землевладениями. В целом, согласно С.Ю. Сапрыкину, в IV в. до н.э. на Боспоре существовали лишь полисные земли и обширные сельские районы («так называемая дальняя хора»), где обитали скифы-земледельцы, которые также подчинялись боспорским полисам [Сапрыкин, 2006, с.192-193].

Однако вряд ли возможно считать территории Крымского Приазовья, а тем более степей Керченского полуострова, полисной хорой Пантикапея. Уж слишком отличные здесь жилищно-хозяйственные структуры по сравне-

¹ Города азиатского побережья пролива, а также причерноморские города, требуют специального рассмотрения.

нию с сельскими округами боспорских городов. К тому же, если судить по официальной титулатуре Спартокидов, степная часть полуострова, заселенная скифами, в это время вообще не входила в юрисдикцию Боспорского государства. Несмотря на позитивный характер взаимоотношения с правителями Великой Скифии, боспорские греки постоянно должны были чутко реагировать на все изменения в степи и искать мирные договоренности с воинственными номадами (ежегодные «дипломатические дары», династические браки, знатные воспитанники-заложники и др.).

Возвращаясь к вопросам землепользования, следует напомнить, что устройство и организация, а также жилищно-хозяйственные комплексы царской хоры в Крымском Приазовье на сегодняшний день довольно основательно исследованы А.А. Масленниковым [Масленников, 1998; 2004], в то время как варварские селища и могильники Восточного Крыма в последние десятилетия практически не изучались [Кругликова, 1975, с.58-80; Яковенко, 1974, 1985; Масленников, 1995]. Значительно расширились представления о полисных землевладениях европейского Боспора, особенно благодаря разработке вопросов организации и устройства хоры городов западного побережья Керченского пролива [Зинько, 2003; 2007]. Полисное землевладение было вероятно доминирующей, но конечно же не единственной формой, как полагают С.Ю. Сапрыкин, в поземельных отношениях Боспорского царства в IV в. до н.э.

В настоящее время трудно сказать что-то определенное о храмовом землевладении на Боспоре в этот период. Однако значительная роль храма Аполлона – одного из почитаемых ионийскими греками божеств в жизни боспорских греков в период правления Спартокидов [Шауб, 2007, с.314, сл.], сыгравшего решающую роль в образовании симмахии боспорских городов, позволяет предполагать, что этому храму мог быть выделен определенный земельный фонд, доход от эксплуатации которого, шел на его нужды. Интересно в связи с этим отметить, что до восхождения на престол Левкон являлся жрецом Аполлона Врача [КБН, № 25; Гайдукевич, 1949, с.57]. Судя по аналогиям, храмовые земли нередко сдавались в аренду и приносили доход храму в 8-10 % от общей стоимости земельного участка. Сходные условия аренды земли в разных районах Греции в это время позволяют предполагать, что и на Боспоре мог иметь место близкий к указанному порядок обработки земельного фонда, находившегося в собственности храмов [Лопухова, 1985, с.140-160]. В этой связи определенный интерес представляют территории, которые на основании анализа сакральных объектов могли представлять собой значительные земельные угодья храмовых владений определенных олимпийских божеств [Зинько, 2008, с.254].

Многолетние исследования сельской территории европейской части Боспорского государства позволили получить довольно полное представление о типах поселенческих структур и об организации различных частей этих территорий в IV в. до н.э. [Кругликова, 1975; Масленников, 1998; Зинько, 2003; 2007]. Изучение археологических памятников позволяет более четко представить

место различных категорий в хозяйственно-административной системе государства и построить модель экономического развития в тот или иной исторической период. Рассматриваемый период большинство исследователей считает временем расцвета Боспорского царства, периодом стабилизации в степи и «золотого века» эллинизма в Северном Причерноморье [Виноградов Ю.А., 2009, с.66]. Однако и в этом, относительно стабильном историческом периоде были если рассматривать состояние дел на сельскохозяйственных территориях боспорских городов, достаточно кардинально отличающиеся три хронологических этапа. Так первая четверть IV в. до н.э. характеризуется сохранением прежних размеров и структуры городских хор, а на некоторых, как приморских, так и степных, поселениях фиксируются разрушения построек (Героевка-1, Южно-Чурубашское, Андреевка Южная). Насколько системными, или эпизодическими, были эти разрушения для той или иной городской хоры европейского побережья Боспора Киммерийского, утверждать преждевременно, т.к. лишь считанные единицы сельских поселений подвергались археологическим исследованиям. Хотя есть определенное искушение связать эти разрушения с сообщением Полиена, что против Левкона, на помощь Феодосии, выступили гераклиоты со многими кораблями и высаживались по всему Боспору [Зинько, 2003, с.161].

Во второй четверти IV в. до н.э. начинается новый этап в освоении земель Боспора, связанный со значительным ростом числа сельских поселений на полисной хоре. В это время значительно территориально увеличивается хора двух крупнейших центров европейской части зоны пролива Пантикапея и Нимфея, в то время как земельные владения Тиритаки, Мирмекия, Порфмия и Акры остаются быстрее всего неизменными, хотя и здесь появляются новые поселения и постройки [Зинько и др., 2007, с.292; Соловьев, Шепко, 2004, с.43-44]. Этот второй хронологический этап, длившийся со второй четверти IV в. до н.э. до рубежа третьей-четвертой четвертей IV в. до н.э., характеризуется освоением новых земель и бурным ростом числа сельских поселений, а также появлением нового типа жилищно-хозяйственных построек – больших сельских усадеб, которые на некоторых поселениях приходят на смену небольшим домам. Так на юго-восточной приморской окраине хоры Нимфея на поселении Героевка-1 на месте разрушенных небольших построек возводится большая укрепленная усадьба с внутренним двором и угловой башней, просуществовавшая до второй половины IV в. до н.э. В ряде случаев эти большие усадьбы были единственной постройкой среди окрестных полей хоры. В то же время известны и «арханческие» небольшие сельские комплексы, состоящие из жилых и хозяйственных землянок (Героевка-2; Госпиталь; Заветное-5). Однако существуют они не долго, вероятно, не более одного-двух десятилетий, а затем им на смену приходят большие наземные постройки, крытые черепицей.

В это время вся территория Нимфейского полиса, охватывающая более 110 кв. км, имела довольно стратифицированную пространственную структуру, в которой, наряду с городским центром, выделяются пять крупных

сельских поселений, контролирующих отдельные районы хоры, более десятка средних поселений, состоящих из нескольких хозяйств различной планировки, более двух десятков отдельно стоящих усадеб, а также несколько временных стоянок, без каких-либо стационарных построек [Зинько, 2003, с.168].

На хоре Пантикапея во второй-третьей четверти IV в. до н.э. также происходит значительное увеличение числа сельских поселений [Кругликова, 1975, с.54]. Осваиваются юго-западные земли хоры, возникают десятки новых сельских поселений, а на старых строятся большие дома с черепичными крышами (поселение Андреевка Южная, Октябрьское). Однако, несмотря на процесс интенсивного застраивания полисных земель новыми поселениями, территории полисной хоры Пантикапея, вероятно, увеличились не намного. Северо-западная часть этой территории не претерпела изменений, т.к. не известны поселения западнее Андреевки Южной, возведенные на полисных землях еще при Археанактидах [Кругликова, 1975, с.52]. Возможно, какие-то земли могли быть присоединены на юго-западном пограничье пантикапейской хоры в районе современных сел Тасуново и Либкнехтовка, где И.Т. Кругликова размещает несколько поселений IV-III вв. до н.э. [Кругликова, 1975, с.263, № 96, 97, 99]. Расположенные на возвышенностях с крутыми западными склонами, эти поселения самой природой были защищены и господствовали над простирающейся на многие километры к западу низинной степной частью Керченского полуострова. Эта естественная природная граница продолжалась к югу, в сторону границ хоры Нимфея, в виде возвышенностей, на одной из которых господствовало поселение Михайловка, вплоть до верховий реки, впадающей в современное озеро Тобечик. Таким образом, западная граница как пантикапейской, так и нимфейской хоры в IV в. до н.э., быстрее всего, имела не только хорошо визуально определяемые рельефом границы, но и в какой-то степени защищенные природой рубежи.

На втором хронологическом этапе на хоре Пантикапея не известны большие сельские усадьбы, в то время уже существовавшие на нимфейской хоре. Возможно, это связано не только с недостаточной археологической изученностью сельских поселений, но и с какими-то определенными социально-экономическими различиями в структурах полисной хоры. В то же время интенсивное и вероятно довольно быстрое освоение земель порождало и возврат к «архаическим» формам – возведение земляночных построек, требовавших значительно меньших затрат при строительстве (Госпиталь). Земляночные постройки были непродолжительным этапом в функционировании этих сельских поселений на хоре разных боспорских полисов, вслед за которым рядом с этими постройками сооружаются типично греческие сельские усадьбы.

Вне всякого сомнения, процесс интенсивного освоения хоры был связан с завершением войны за Феодосию. Иными словами, одним из основных результатов образования под властью Спартокидов централизованного государства стало включение в его состав значительных сельскохозяйственных

территорий. В этот период, вероятно, начинается и процесс концентрации земельной собственности на хоре Нимфея, который не фиксируется на пантикапейской хоре. Возможно, это связано с тем, что богатые граждане Пантикапея, близкие ко двору боспорских правителей, могли удовлетворять свои амбиции не за счет полисных земель, а как-то участвуя в получении доходов с царского земельного фонда. Об этом свидетельствуют и письменные источники, из которых известно о Сопее, который управлял большой областью и осуществлял надзор за собственностью царя [Isocr. XIII, 3], а контроль за селами во время войны за Феодосию Левконом был возложен на эпимелетов [Polien VI, 9,3].

В конце третьей – начале четвертой четверти IV в. до н.э. хора Нимфея переживает какой-то кризис. Гибнет в пожаре большая усадьба «А» на поселении Южно-Чурубашское [Зинько, 2003, с.106], разрушается усадьба с башней на поселении Героевка-1 [Горончаровский, 1991], перестает существовать поселение Героевка-2 [Zin'ko, 1997]. Этому переходу к новому этапу на хоре Пантикапея, как и на хоре Нимфея, также предшествуют слои пожаров, выявленные по поселениях Андреевка Южная и Госпиталь.

Возможно, эти потрясения связаны с войной боспорского царя Перисада I против скифов, известной из речи Демосфена против Формиона [Зинько, 2003, с.180; 2005; 2008a]. Ф.В. Шелов-Коведяев считал, что эта война датируется рубежом четвертого и третьего десятилетия IV в. до н.э., и может свидетельствовать о желании скифов лишить Боспор его сельских территорий, как они сделали впоследствии с дальней хорой Херсонеса в Северо-Западном Крыму. В тоже время Перисад хотел превратить союз со скифами в их подданство Боспору [Шелов-Коведяев, 1985, с.145-148]. Несколько позднее, 20-ми годами IV в. до н.э., датирует эти военные действия С.Ю. Сапрыкин [Saprykin, 2000, p.38]. Некоторые исследователи связывают нестабильность в Причерноморье в это время с возвращением царских скифов из Добруджи в нижнеднепровские степи [Яйленко, 2007, с.81].

Иной точки зрения придерживается Е.А. Молев, считающий, что древний текст свидетельствует о победоносном походе Перисада I против скифов в устье Дона, который завершился созданием боспорского торгового эмпория на Елизаветовском городище [Молев, 1994, с.40; 1997, с.87]. Продолжая дискуссию, Е.А. Молев приводит новый аргумент, что для военных действий Левкона I и Перисада I против племен в Азии выделить конкретные разрушения практически невозможно, а «что же касается следов разрушений, близких по времени войне на Европейском Боспоре, то они немногочисленны (не более чем на десяти поселениях из почти трехсот). И это само по себе уже свидетельствует против того, что активные военные действия могли вестись против скифов Крыма» [Молев, 2009, с.162-163]. Напомним, что цифра 300 отражает количество условных сельских поселений IV-III вв. до н.э. на территории всего Восточного Крыма, включая и крымские предгорья. А это ведь не только боспорские земли. В подавляющем большинстве эти поселения (или скопления керами-

ки) известны лишь по сборам немногочисленного подъемного материала, в то время как на сельских поселениях хоры городов европейского побережья Боспора, где проводились раскопки (их действительно не более десятка), практически везде выявлены разрушения и пожары. В перечне археологических признаков ухудшения военно-политической ситуации с номадами всегда обращают особое внимание на запустение сельской территории в окрестностях греческих городов [Braund, 2007, p.62; Виноградов Ю.А., 2009, с.57-58]. Это и произошло на хоре городов европейского побережья Боспора Киммерийского на рубеже третьей и четвертой четверти IV в. до н.э.

Суть конфликта, судя по всему, была не в боспорском «блицкриге» на Дону и не в желании скифов лишить европейскую часть Боспора его хоры, а в необходимости остановить экспансию боспорян на запад в степные районы Восточного Крыма. Что и было сделано. Стал ли Боспор после этой войны данником особого «удельного» царства скифов, как это предполагает А.А. Масленников [Масленников, 2004, с.26-27], вряд ли можно ответить утвердительно. В этой связи необходимо еще остановиться на тезисе о «дружественном характере скифо-боспорских отношений», который часто встречается в работах исследователей. Взаимоотношения двух миров – цивилизации и номадов, в частности, боспорцев и скифов, правильнее характеризовать как взаимоприемлемое сосуществование, постоянно чреватое конфликтами, которые были обусловлены кардинальными отличиями экономики пашенных земледельцев и кочевых скотоводов (подробнее см. Виноградов, 2009).

Последствия этой кратковременной, но нанесшей все же ощутимый урон войны-набега, были различны для хоры тех или иных боспорских городов европейского побережья Боспора Киммерийского в последующий хронологический этап, датируемый последней четвертью IV – началом III вв. до н.э. Если на нимфейских землях на части сельских поселений жизнь в большей или меньшей степени замирает [Зинько, 2003, с.180], то на землях вблизи Пантикапея и Мирмекия начинается строительство больших сельских усадеб [Зинько, 1999; 2007, с.162-163]. И.Т. Кругликова предполагала, что это явление связано с процессом концентрации земельной собственности – укрупнения земельных владений с одной стороны, и обезземеливание мелких землевладельцев – с другой [Кругликова, 1975, с.99]. Однако этому в какой-то мере противоречат небольшие размеры земельных наделов, открытые вблизи поселения Октябрьское на хоре Пантикапея. Эти наделы, размеры которых не превышали 4,5-5 га, были огорожены стенами, толщиной 1-1,45 м, из крупных необработанных камней и имели специальные участки для выращивания винограда [Кругликова, 1975, с.55-56]. Возможно, что процесс укрупнения земельных владений был более длительным и происходил на хоре разных городов с определенным своеобразием.

Земельные наделы IV в. до н.э., исследованные на полисной хоре боспорских городов европейского побережья Боспора Киммерийского, в целом были небольших размеров от 4,5-5 (хора Пантикапея) до 10,2 га (хора Нимфея).

Проведенные археологические исследования [Кругликова, 1975, с.54-57, 130-131; Петерс, 1978, с.119; Scholl, Zin'ko, 1999, pp.94-97] свидетельствуют скорее о преобладании мелкого землевладения и о довольно своеобразном характере планировки полисных земель, когда группы ортогональных наделов «вписывались» в пространство небольших приморских равнинных участков, ограниченных глубокими балками и скалистыми возвышенностями.

В последние годы исследования системы межевания земель на территории европейской части Боспорского царства проводились с использованием данных аэрофотосъемки и картографии [Смекалова, Смекалов, 2005]. Тщательный анализ результатов этих работ и предлагаемых авторами выводов был сделан В.М. Зубарем, который особо подчеркнул, что «пока проделана лишь первая стадия работы – дешифровка данных аэрофотосъемки, а следующий, более сложный, связанный с интерпретацией полученных данных, еще впереди. Причем на этом этапе... главным должно стать сплошное археологическое изучение территории» [Зубарь, 2007, с.198]. Виталием Михайловичем были сделаны очень важные замечания по историческим выводам, поспешно представленных авторами. Он аргументировано показал субъективность и ошибочность выводов при интерпретации зафиксированных аэрофотосъемкой следов межевания земли [Зубарь, 2007, с.199-203; *ср.*: Зинько, 2007, с.157].

Рассмотренные вопросы конечно же не исчерпывают весь спектр проводимых исследований, но они представляются наиболее важными в изучении сложных социально-экономических процессов, имевших место на территории Боспорского государства в IV в. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Вишеградов Ю.А.* Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского //БИ. – Вып. XXII. - 2009.
- Вишеградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье //Античная Греция. – Т.1. – М.,1983.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. – М.-Л., 1949.
- Горючаровский В.А.* Новые данные для изучения боспорской хоры в VI-II вв. до н.э. //Древнее Причерноморье. Тезисы докладов. – Одесса, 1991.
- Жебелев С.А.* Основные линии экономического развития Боспорского государства //Северное Причерноморье. М.-Л., 1953.
- Завойкиш А.А.* «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре //ДБ. – Вып.4. – М., 2001.
- Зинько В.Н.* Античное сельское поселение близ Мирмекия //Археология и история Боспора. - Вып. III. – Керчь, 1999
- Зинько В.Н.* Хора боспорского города Нимфея //БИ. – Вып. IV. – 2003.
- Зинько В.Н.* Кризис хоры городов западного побережья Боспора Киммерийского в последней трети IV в. до н.э. //Боспорские чтения. Вып. VI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. – Керчь, 2005. – С.111-116.
- Зинько В.Н.* Хора городов западного побережья Боспора Киммерийского в IV – нач. III вв. до н.э. (по письменным и археологическим источникам) //Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции. – СПб, 2005. – С.74-79.

- Зицько В.Н.* Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского (VI-I вв. до н.э.) // *БИ.* – Вып. XV. – 2007.
- Зицько В.Н.* Сакральные памятники VI-I вв. до н.э. европейского побережья Боспора Киммерийского // *ДБ.* – Вып. 12/1. – М., 2008.
- Зицько В.Н.* Боспоро-скифская война последней трети IV в. до н.э. // IX Боспорские чтения. – Керчь, 2008 а.
- Зицько В.Н., Пономарев Л.Ю., Бейлин Д.В.* Археологические разведки на хоре Тиритаки // *БИ.* – Вып. XVI. – Симферополь-Керчь, 2007.
- Зубар В.М.* Винниченія воєнного та релігійного союзу грецьких міст Боспору Киммерійського // *УГЖ.* – 1997. – № 5.
- Зубарь В.М.* До історії Боспорського царства в III ст. н. е. // *Археологія.* – 1998. – № 2.
- Зубарь В.М.* Некоторые особенности распространения христианства на Боспоре // *Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира.* – Материалы международной научной конференции. – СПб., 1999.
- Зубарь В.М.* Об одном типе боспорских керамических клейм // *ВДИ.* – 2001. – № 4.
- Зубарь В.М.* Еще раз по поводу интерпретации надгробия солдата Кипрской когорты Луция Волузия из Пантикапея // *Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища.* Материалы международной научной конференции. – СПб., 2002. – Ч. 1.
- Зубарь В.М.* Латинские эпиграфические памятники Пантикапея // *БИ.* – Вып. III. – 2003.
- Зубарь В.М.* О характере боспорского ремесла в эллинистический период // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья.* – Материалы Четвертых Боспорских чтений. – Керчь, 2003.
- Зубарь В.М.* Некоторые вопросы интерпретации античной системы межевания земли на территории Европейского Боспора // *ДБ.* – Вып. 11. – М., 2007.
- Зубарь В.М.* Коропластика Боспора первых веков нашей эры и характер религиозных верований // *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок.* – СПб., 2007а. – Ч. 1.
- Зубарь В.М., Зицько В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории // *БИ.* – Вып. XII. – 2006.
- Зубарь В.М., Русяева А.С.* Боспор Киммерийский: история и культура. – Николаев, 2004.
- Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. – М., 1975.
- Кругликова И.Т.* Поселение Андреевка Южная // *ДБ.* – Вып. 4. – М., 2001.
- Лопухова О.Б.* Некоторые вопросы аренды храмовых земель на Делосе // *ВДИ.* – 1985. – № 1.
- Маслешников А.А.* Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Боспора в VI-I вв. до н.э.) // *БС.* – Вып. 8. – М., 1995.
- Маслешников А.А.* Эллинская хора на краю ойкумены (Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху). – М., 1998.
- Маслешников А.А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. – М., 2003.
- Маслешников А.А.* Хронологические «реперы» памятников дальней хоры европейского Боспора конца VI – первой половины III вв. до н.э. // *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников* – Ч. 1. – СПб., 2004.
- Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. – Н-Новгород, 1994.
- Молев Е.А.* Политическая история Боспора в VI-IV вв. до н.э. Н-Новгород, 1997.
- Молев Е.А.* Скифы и политическая история Боспора VI-II вв. до н.э. // *ВДИ.* – 3. – 2009.
- Петере Б.Г.* Михайловское городище античного времени // *Проблемы советской археологии.* М., 1978.
- Сапрыкин С.Ю.* Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // *Античная цивилизация и варвары.* – М., 2006.
- Соловьев С.Л., Шенко Л.Г.* Археологические памятники сельской округи Акры. – СПб, 2004.
- Смекалова Т.Н., Смекалов С.Л.* Попытка реконструкции системы дорог и клеров городов Европейского Боспора // *БИ.* – Вып. X. – 2005.
- Шaub И.Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII-IV вв. до н.э.). – СПб., 2007.
- Шелов-Коведнев Ф.В.* История Боспора в VI-IV вв. до н.э. // *Древнейшие государства на территории СССР.* – М., 1985.

- Яйленко В. П.* Очерки этнической и политической истории Скифии в V-III вв. до н.э. // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. – М.-К.-Запорожье, 2007.
- Яковенко Э. В.* Скифы Східного Криму в V-III ст. до н.е. – К., 1974.
- Яковенко Э. В.* Скифы на Боспоре. – Автореферат дисс. докт. истор. наук. М., 1985.
- Braund D.* Greater Olbia: Ethnic, Religious and Political Interactions in the Region of Olbia, c.600-100 BC // Classical Olbia and the Scythian Word. – Oxford, 2007.
- Saprykin, Eumeles' Boon to Callatians* // Таманская старина. – Вып. 3. – СПб., 2000.
- Scholl T., Zin'ko V.* Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). – Warsaw, 1999.
- Zin'ko V.* Geroevka-2. A rural settlement in the chora of Nymphaion (ancient period) // Archeologia, XLVII (1996). – Warszawa, 1997.

В.М. Зинько

ДИСКУСІЙНІ ПИТАННЯ У ВИВЧЕННІ ХОРИ МІСТ ЄВРОПЕЙСЬКОГО УЗБЕРЕЖЖЯ БОСПОРУ КИММЕРІЙСЬКОГО IV СТ. ДО Н.Е.

Резюме

На Боспорі у IV ст. до н.е. слід розрізняти декілька категорій земель за їх власниками: полісну хору, царську хору і території підвладних варварських племен. У теперішній час важко сказати що-небудь певне про храмове землеволодіння на Боспорі. Але вже виділені території, які на основі аналізу сакральних об'єктів могли становити собою значні земельні угіддя храмових володінь певних олімпійських божеств. Полісне землеволодіння було імовірно домінуючою, але, звичайно, не єдиною формою, як вважає С.Ю. Саприкін, у поземельних відношеннях Боспорського царства у IV ст. до н.е.

Цей період вважається часом розквіту Боспорського царства, однак і в цьому, відносно стабільному історичному періоді були три хронологічні етапи, які достатньо кардинально відрізнялися. Перший (перша чверть IV ст. до н.е.) характеризується збереженням колишніх розмірів та структури міських хор, а на деяких поселеннях фіксуються зруйнування будов. Другий (друга-третья чверть IV ст. до н.е.) пов'язаний із значним ростом кількості сільських поселень на полісній хорі. Третій (остання чверть IV- початок III ст. до н.е.) починається з боспорсько-скіфської війни, яка нанесла значну втрату хорі міст.

Для розглянутого періоду проведені археологічні дослідження свідчать про переваження дрібного землеволодіння та про досить своєрідний характер планування полісних земель, коли групи ортогональних наділів «вписувалися» у простір невеликих приморських рівнинних ділянок, обмежених глибокими балками і скелястими височинами.

В.Н. Зинько

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ В ИЗУЧЕНИИ ХОРЫ ГОРОДОВ ЕВРОПЕЙСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО IV В. ДО Н.Э.

Резюме

На Боспоре в IV в. до н.э. следует различать несколько категорий земель по их собственникам: полисную хору, царскую хору и территории подвластных варварских племен. В настоящее время трудно сказать что-то определенное о храмовом землевладении на Бос-

поре. Но уже выделены территории, которые на основании анализа сакральных объектов могли представлять собой значительные земельные угодья храмовых владений определенных олимпийских божеств. Полисное землевладение было вероятно доминирующей, но конечно же не единственной формой, как полагает С.Ю. Сапрыкин, в поземельных отношениях Боспорского царства в IV в. до н.э.

Этот период считается временем расцвета Боспорского царства, однако и в этом, относительно стабильном историческом периоде были достаточно кардинально отличающиеся три хронологических этапа. Первый (первая четверть IV в. до н.э.) характеризуется сохранением прежних размеров и структуры городских хор, а на некоторых поселениях фиксируются разрушения построек. Второй (вторая-третья четверть IV в. до н.э.) связан со значительным ростом числа сельских поселений на полисной хоре. Третий (последняя четверть IV- начало III вв. до н.э.) начинается с боспоро-скифской войны, нанесшей значительный урон хоре городов.

Для рассматриваемого периода проведенные археологические исследования свидетельствуют о преобладании мелкого землевладения и о довольно своеобразном характере планировки полисных земель, когда группы ортогональных наделов «вписывались» в пространство небольших приморских равнинных участков, ограниченных глубокими балками и скалистыми возвышенностями.

V.N. Zinko

DISCUSSION QUESTIONS IN THE STUDY OF CHORAE OF THE CITIES OF EUROPEAN COASTLINE CIMMERIAN BOSPORUS OF THE 4th c. BC

Summary

On the Bosphorus in the 4th century BC, one should distinguish between several categories of land for their owners: polis chora, royal chora and the royal vassal territory of the barbarian tribes. At present it is difficult to say something definite about the temple land tenure in the Bosphorus. However, the lands, which could constitute significant land areas of temple properties of certain Olympic gods, have already been allocated based on the analysis of sacred sites. Polis tenure was probably the dominant, but certainly not the only form as suggested by Saprykin S.Y., of agrarian relations in the Bosphorus in the 4th century BC.

This period is considered to be the flourishing one of the Bosphorus. But even in this relatively stable historical period there were three fairly distinct chronological stages. The first stage (the first quarter of the 4th century BC) is characterized by the persistence of the old size and structure of urban chorae. In some settlements the destruction of buildings is recorded. The second phase (the second to the third quarter of the 4th century BC) is associated with a significant increase in the number of rural settlements in the polis chora. The third stage (the last quarter of the 4th – the beginning of the 3rd century BC) began with the Bosphorus-Scythian war that caused considerable damage of the chorae of the cities.

For the period under review, carried out archaeological studies indicate the predominance of small holdings and the rather peculiar nature of poleis lay of land, when the group of orthogonal plots «fit» in the space of small coastal lowland plots that are bounded by deep gullies and rocky hills.

Е.Е. ФИАЛКО

ПОГРЕБЕНИЯ АМАЗОНОК ЧЕРТОМЛЫКСКОГО КУРГАННОГО ПОЛЯ

В связи с масштабным мелиоративным строительством 60-80-х годов 20-го века в степях Украины было раскопано большое количество погребальных памятников различных эпох. В их числе и курганы скифского времени. Опубликованной оказалась лишь малая часть наиболее ярких из них, главным образом погребальные комплексы представителей скифской элиты. Материалы же исследования большинства могильников рядовых скифов пока ждут своего часа. Среди последних и группа кургана Чертомлык (известная также как Чертомлыкское курганное поле, распадающееся на четыре группы). Помимо эпонимного кургана Чертомлык (самого крупного, давшего название всей группе) – усыпальницы одного из царей Скифии (вероятно Атея), опубликованы лишь Малый Чертомлык и Татьяна Могилы захоронения представителей среднего слоя скифской аристократии [Мозолевский, 1987; Мурзин, Полін, Ролле, 1993].

Курганы группы Чертомлыка на протяжении нескольких полевых сезонов (1983-1986 гг.) исследовала Чертомлыкская экспедиция Института археологии АН УССР и Немецкого научно-исследовательского общества в Бонне под руководством В.Ю. Мурзина.

Курганы расположены на плато вдоль левого берега р. Соленой, в 18 км от места впадения р. Соленой в р. Базавлук. Ныне ландшафт левобережного плато р. Соленой коренным образом изменен и на многие километры представляет собой череду огромных марганцевых карьеров. Поэтому следует упомянуть соседние с Чертомлыкским курганным полем группы насыпей. По водораздельному плато они образовывали десятикилометровую вереницу курганных групп (насчитывающих 180 насыпей, половина из которых исследована Б.Н. Мозолевским и А.И. Тереножкиным). На восточной оконечности этой протяженной цепи курганных групп и находится Чертомлыкское поле, ограниченное с востока и юго-востока долиной р. Чертомлык. Ближайшим соседом этого поля по водораздельному плато с запада являлась группа Испановых Могил, за ней следовали курганы у с. Нагорное (среди них и Хомина Могилы), затем курганы групп Лисьей и Завадских Могил (Соболева Могилы), Страшной Могилы и Степного кургана. В 2 км к югу от Страшной Могилы находилась Толстая Могилы близ г. Орджоникидзе. Курганы, как

бы составляющие ближайшую свиту Чертомлыка, находились в 3-5 км к северо-западу от с. Чкалово Никопольского р-на Днепропетровской обл. Основная масса насыпей и пятен этого поля располагалась к западу от кургана-лидера, меньшая их часть простиралась к юго-востоку от него.

В группе исследовано 52 кургана, насыпи большинства из которых сильно распаханы и сохранились в виде растянутых пятен материкового выкида из могил [Мурзин, Ролле, Бессонова, 1983; Мурзин, 1984; 1985; 1986]. Среди скифских погребальных комплексов Чертомлыкского курганного поля выделяется небольшая серия могил женщин с оружием, так называемых амазонок. Их подробному анализу и посвящена предлагаемая статья¹.

В представленную серию вошли комплексы лишь с достоверно установленной специалистами-антропологами половой принадлежностью погребенных². Таким образом, выделено 10 могил вооруженных скифских женщин.

Курган 4

Насыпь распахана, сохранившаяся высота – 0,2 м, диаметр – 20 м. Курган сооружен в скифское время над единственным погребением, окруженным кольцевым рвом с перемычкой. Диаметр рва 18-20 м, ширина по верху 0,7-1,0 м, по дну 0,6 м; глубина 1,0-1,3 м (от уровня современной поверхности). В заполнении рва сохранились остатки тризны – мелкие фрагменты стенок амфор, обломки костей животных и копыто коня.

Погребение (основное) совершено в яме квадратной формы с вертикальными стенками, ориентированной углами по сторонам света (рис. 1, 1). Размеры ямы 2,0 x 2,0 м, неровное дно на глубине 2,0 м от современной поверхности. В восточном углу в дне небольшое округлое углубление (диаметр 50 см, глубина 5 см). Погребение ограблено.

На дне сохранились остатки деревянного настила, сооруженного из досок, расположенных вдоль и поперек ямы. Ширина досок от 10-12 до 20-25 см, толщина – 3-4 см. Обломки костей скелета женщины 35-45 лет находились в заполнении камеры на разной глубине вместе с костями животных от паутственной пищи, кусками дерева и фрагментом железного предмета (1). На дне у западной стенки, в северном углу, лежали наконечник копья (2) и наконечник стрелы (3).

Инвентарь:

1. Фрагмент гвоздя железного – 1 экз. (рис. 2, 3).

Сохранилась округлая плоская шляпка с круглым в сечении стержнем (обломан). Диаметр – 2,4 см, толщина – 0,3 см; стержень: диаметр – 0,7 см. Коррозирован.

¹ Выражаю искреннюю благодарность д.и.н. В.Ю. Мурзину за разрешение использовать не опубликованные ранее материалы его авторских раскопок.

² Определения проводили к.и.н. С.И. Круц (Институт археологии АН УССР) и проф. М. Шульц (Геттингенский университет).

2. Наконечник копья железный фрагментированный – 1 экз. (рис. 2, 2).

С узким вытянутым пером и длинной втулкой. Длина 73 см, максимальная ширина 4,5 см, диаметр втулки – 3 см. Плохой сохранности.

3. Наконечник стрелы бронзовый – 1 экз. (рис. 2, 1).

Трехгранный, сильно сточен, концы граней на уровне слабо выделенной втулки. Длина – 2,0 см. Сильно коррозирован.

Курган 5

Представлял собой пятно диаметром 10 м. Курган сооружен в скифское время над единственным погребением, окруженным кольцевым рвом с двумя перемычками. Диаметр рва 14,75 x 13,3 м, ширина 0,35-0,55 м; глубина 1,0 м от уровня древнего горизонта. В заполнении рва сохранились остатки тризны – 41 фрагмент амфор (11 синопских, 8 гераклеийских и 22 красноглиняных со светлым ангобом), обломки костей крупного копытного животного.

Погребение (основное) совершено в *катакомбе* продольного типа (рис. 1, 10). *Входная яма* трапециевидной в плане формы ориентирована по линии В-З. Длина ее 1,8 м, ширина 1,5-0,93 м, дно на глубине 1,4 м от уровня древнего горизонта. У западной стенки сооружено три ступеньки на глубине 1,6; 1,94 и 2,16 м. В ее ЮВ углу (на глубине 1,6 м) найдены обломки черепа человека, в СВ углу (на глубине 1,75 м) наконечник стрелы (1) и трубчатая кость.

В 0,17 м от края последней ступеньки перед входом в камеру сделана канавка (шириной 5-6 см, глубиной 8-10 см) для крепления досок заклада. Устье входа в камеру арочное (ширина – 1,56 м, высота 1,06 м). *Камера* близкой к овалу формы ориентирована по линии В-З. Размеры ее – 2,65 x 2,20 м, пол слегка понижается от входа (2,43 м) к противоположной стенке (2,5 м). В восточной стенке камеры сооружена небольшая ниша размерами 70 x 26 см и высотой 25 см. Погребение ограблено.

Скелет пожилой женщины лежал на полу камеры вытянуто на спине, головой на Восток. Руки вытянуты вдоль туловища, правая нога вытянута, левая слегка согнута. Часть костей (череп, кости предплечий и кисти рук, правая лопатка, ребра и др.) отсутствует, их скопление найдено у СВ торцевой стенки. Между коленями находился небольшой овальный камень (1), у левого тазобедренного сустава, рядом в заполнении и у южной стенки камеры по одному наконечнику стрел (2). Слева от погребенной лежали ребра, а под южной и северной стенками кости конечностей и ребра крупных животных (остатки напутственной пищи). За головой, слева, прослежена овальная ямка размерами 10 x 14 см, глубиной 4 см.

Инвентарь:

1. Камень округлый – 1 экз. (рис. 2, 4).

Из твердой породы типа гранита со сглаженными площадками (диаметром 2,3 и 1,5 см) с двух сторон. Размеры – 3,3 x 3,4 см.

2. Наконечники стрел бронзовые – 4 экз. (рис. 2, 5):

- трехгранный со скрытой втулкой и треугольными вырезами в основании граней. Длина – 2,7 см – 1 экз.;
- трехгранные со скрытой втулкой и коротким прямоугольным ложком. Длина – 2,5 и 2,65 см – 2 экз.;
- трехлопастный со скрытой втулкой и овальным ложком на всю длину наконечника. Длина – 2,9 см – 1 экз.

Курган 9

Насыпь полностью распахана, возведена над погребением эпохи бронзы (№ 1). Скифское погребение впущено в 0,9 м к северу от центрального.

Погребение № 2 (впускное) совершено в яме с подбоем (рис. 1, 3). Входная яма прямоугольной формы, ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ. Размеры ее – 1,8 x 0,4 м, сохранившаяся глубина 0,12 м (1,87 от уровня дневной поверхности). Подбой расположен с северной стороны входной ямы. Размеры его 2,12 x 0,82-0,45 м, дно на глубине 2,10 м (от уровня дневной поверхности). Погребение не ограблено.

Скелет молодой (22-25 лет) женщины сохранился не потревоженным на дне подбоя, ближе к северной части. Погребенная лежала на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на ЮЗЗ, лицо повернуто на север. В 0,3 м к юго-западу от черепа помещена жертвенная пища (кости барана – ребра, лопатка) и железный нож (1). Вдоль южной стенки лежало копьё, обращенное вверх наконечником (2). В северо-западном углу подбоя находились два античных сосуда (3-4) и свинцовое пряслице (5). Возле сосудов и в заполнении могилы над ними найдено 18 бронзовых наконечников стрел. Некоторые с остатками древков (6). Под правой лопаткой погребенной обнаружено бронзовое зеркало (7). Слева у черепа найден обломок бронзового височного кольца, еще один аналогичный обломок найден в заполнении могилы (8). Внутри черепной коробки обнаружены бронзовый наконечник стрелы (9) и серьга (10), у шеи – три плоских стеклянных бусины, аналогичные находки сделаны в районе грудной клетки и таза (11), куда, по-видимому, были сдвинуты грызунами. На фаланге указательного пальца правой руки сохранилось бронзовое кольцо (12), а в области запястья – скопление крупных стеклянных бусин браслета (13). В заполнении были найдены два кусочка серы. На дне подбоя прослежены остатки деревянного настила – уложенные поперек подбоя плахи шириной 10-12 см.

Инвентарь:

1. Нож железный с костяной рукояткой – 1 экз. (рис. 3, 9).

Клинок с горбатой спинкой, кончик обломан. Ручка цельная, со слабо намеченными гранями, соединена с лезвием тремя железными заклепками. Общая длина – 19 см; длина лезвия сохранившаяся – 8,5 см, наибольшая ширина – 3 см; длина ручки – 10,5 см, ширина – 1,6 см.

2. Копьё – 1 экз.:

10. Серьга бронзовая – 1 экз. (рис. 3, 5).

Плоская, в виде стилизованной уточки (калачиковидная) с круглой в сечении дужкой с заостренным концом. Размер – 2,0 x 1,8 см.

11. Бусы стеклянные – 39 экз. (рис. 3, 7):

- шаровидные из белого полупрозрачного стекла, диаметр 0,5 см – 5 экз. (сохранилось 3 экз.);

- кольцевидные уплощенные из светло-желтого и синего полупрозрачного стекла, диаметр 0,45-0,5 см – 34 экз.

12. Кольцо бронзовое фрагментированное – 1 экз. (рис. 3, 4).

Спиралевидное, из круглой в сечении проволоки, загнутой в пять оборотов; диаметр – 2,1 см. Сохранность плохая.

13. Браслет из бус стеклянных – 1 экз.

Бусины округлые из полупрозрачного белого, бирюзового и темно-синего стекла; диаметр ≈ 1,0 см – 9 экз. (не сохранились).

Курган 11

Представлял собой пятно диаметром 12 м. Курган сооружен в скифское время. Под насыпью обнаружено два погребения.

Погребение № 2 (боковое) совершено в яме с подбоем (рис. 1, 4). Входная яма прямоугольной формы, ориентирована по линии ВЮВ-ЗСЗ. Размеры ее – 2,1 x 0,6-0,7 м, сохранившаяся глубина 1,7 м от уровня современной поверхности. Вдоль северной стенки – покатая ступенька шириной 0,2-0,3 м и высотой 0,1 м. Дно входной ямы слегка наклонено к подбою, устроенному в ее южной стенке. Перед входом еще одна ступенька высотой 0,2 м. Вход в подбой узкий щелевидный, высотой около 0,3 м (свод обрушен). Ширина входа 1,98 м. *Подбой* прямоугольной формы с закругленными углами. Размеры его 2,3 x 0,84 м, глубина 1,9 м от поверхности. Погребение не ограблено.

Женщина зрелого возраста лежала вдоль южной стенки на спине, головой на ЗСЗ. Голова лежала на подушке (от которой сохранился слой органического тлена толщиной 0,3 см), поэтому череп чуть смещен к левому плечу. Кости стоп упирались в юго-восточный угол подбоя, в то время как западная его часть (0,75 м) оставлена свободной. Под западной стенкой (в 10 см от нее) на деревянном подносе сохранились остатки напутственной пищи (кости молодой овцы или козы – 2 кости ноги, лопатка и ребра) и железный нож с костяной ручкой (1) поверх них.

На левой височной кости черепа обнаружено височное кольцо (2). За черепом, в 6 см к западу, найден обломок бронзовой туалетной ложечки (3). Фрагменты аналогичного предмета обнаружены в левой глазнице черепа (4). Возле запястья правой руки найдена россыпь мелких бусин от браслета (5). Поверх правой ключицы и частично лопатки лежал пучок стрел в 2-3 слоя (6), остриями вниз (к ногам). Ширина пучка около 10 см. В некоторых наконечниках сохранились остатки древков. Стрелы были завернуты в ткань, отпечатки которой зафиксированы на некоторых наконечниках и на ключице.

яма на 0,6 м длиннее подбоя, который разделен с входной ямой материковым уступом шириной 0,2 м. Подбой подовальной формы ориентирован параллельно входной яме. Размеры его 1,6 x 0,8-0,6 м, глубина 1,0 м (1,8 м от уровня современной поверхности). Погребение не ограблено.

Молодая женщина (около 20 лет) лежала вдоль северной стенки подбоя, головой на восток. Правая рука вытянута вдоль тела, левая слегка согнута в локте, кисть ее лежит у тазовой кости. Между левой рукой и костями грудной клетки погребенной лежал грудной младенец, головой на восток. Череп раздавлен; положение рук не определено; ноги прикрыты левой рукой матери. У предплечья левой руки взрослой погребенной в небольшом углублении найдено 13 бронзовых наконечников стрел (1). На запястье правой руки бронзовый браслет (2) и браслет из стеклянных бусин (3). На запястье левой руки – еще один браслет из стеклянных бусин (4). В области шейных позвонков и в верхней части грудной клетки найдены 3 стеклянные бусины (5) и 4 костяные пронизи (6). Под черепом найдены два бронзовые серьги (7).

Инвентарь:

1. Наконечники стрел бронзовые – 13 экз. (рис. 2, 8).

Трехгранные с утопленной втулкой нескольких типов:

- с небольшой округлой выемкой в основании грани; длина 2,0-2,3 см; ширина основания 0,6 см – 3 экз.;

- конической формы с небольшой округлой выемкой в основании грани; длина 2,7 см, ширина основания 0,7 см – 2 экз.;

- с коротким П-образным ложком; длина 3,0-3,2 см, ширина 0,7 см – 8 экз.

2. Браслет бронзовый – 1 экз. (рис. 2, 13).

Узкий пластинчатый со скругленными окончаниями. Один конец с двумя круглыми отверстиями, второй – с двумя небольшими прорезями. Диаметр – 7,0 см, ширина – 0,7-1,0 см.

3. Браслет из бус стеклянных – 1 экз. (рис. 2, 11) с правой руки.

Бусины кольцевидные из белого полупрозрачного стекла; диаметр 0,6 см, высота 0,3-0,5 см – 18 экз.

4. Браслет из бус стеклянных – 1 экз. (рис. 2, 10) с левой руки.

Бусины кольцевидные из синего полупрозрачного стекла; диаметр 0,7 см, высота 0,2-0,4 см – 13 экз.

5. Бусины стеклянные – 3 экз. (рис. 2, 12) от ожерелья.

Цилиндрической формы из черного непрозрачного стекла с белыми поперечными полосками; длина 0,7-1,0 см.

6. Пронизи костяные – 4 экз. (рис. 2, 12) от ожерелья.

Цилиндрической формы:

- длина 0,7 см, диаметр 0,4 см – 1 экз.;

- длина 1,0 см, диаметр 0,4 см – 1 экз.;

- длина 1,9 см, диаметр 0,4 см – 2 экз.

7. Серьги бронзовые фрагментированные – 2 экз. (рис. 2, 9).

Дуговидные, один конец загнут в виде маленького крючка. Из круглой в сечении проволоки. Длина около 3,0 см, диаметр проволоки – 0,2 см.

Курган 24

Насыпь распахана, сохранившаяся высота – 0,3 м, диаметр – 14,5 м. Курган сооружен в скифское время. Под насыпью обнаружено два погребения, окруженные кольцевым рвом. Диаметр рва 14,0 м, ширина по верху 0,6-0,8 м. Ров углублен в материк на 0,2-0,3 м. В заполнении рва сохранились остатки тризны – обломки костей мелкого рогатого скота.

Погребение № 1 (боковое) совершено в яме с подбоем (рис. 1, 8). Входная яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована по линии З-В. Размеры ее – 2,18 x 0,7 м, дно на глубине 0,8 м от поверхности насыпи. В заполнении входной ямы найдены человеческий череп и наконечник стрелы (1). Вдоль южной стенки входной ямы ступенька, постепенно переходящая в дно подбоя, расположенного под северной стенкой.

Подбой овальной формы, ориентирован по линии З-В. Его размеры 2,4 x 1,28 м. Свод просел. Дно на глубине 1,05 м (на 0,25 м ниже дна входной ямы). Погребение разрушено при ограблении.

Женщина лежала вытянуто на спине, головой на запад. У костяка отсутствовали череп и лучевая кость правой руки, обнаруженные в заполнении входной ямы. В области головы лежало ожерелье из бус (2), кусочки серы, фрагменты железного стержня (3). На левой ключице лежало зеркало (4). Под западной стенкой стояли лепной горшок (5), чернолаковая чашечка (6), мясная пища и нож (7).

Инвентарь:

1. Наконечник стрелы бронзовый – 1 экз. (рис. 4, 3).

Трехгранный с выступающей втулкой; длина 2,5 см; ширина основания 0,7 см. 2. Ожерелье из стеклянных бусин – 1 экз. (рис. 4, 2).

Бусины очень плохой сохранности (в состоянии распада); из непрозрачного стекла голубого (1 экз.), желтого (2 экз.), черного (1 экз.), темно-красного (28 экз.) цвета, двух типов:

- овальной формы – 2 экз.;

- биконические – 30 экз. Размеры – 0,5-1,0 см.

3. Фрагмент стержня железного – 1 экз.

Размеры 4,5 x 0,4 см. Сильно коррозирован.

4. Зеркало бронзовое – 1 экз. (рис. 4, 4)

Сложносоставное с накладной боковой рукоятью. На диске два отверстия от заклепок и следы деревянной рукояти (не сохранилась). Диаметр диска 15,7 см.

5. Горшок лепной – 1 экз. (рис. 4, 5)

С уплощенным краем венчика, раздутым туловом и плоским дном с небольшой закраиной. Венчик украшен косыми насечками, под венчиком – горизонтальный пояс. Тулово орнаментировано слабо выделяющимися вол-

нистыми, зигзагообразными и тонкими прямыми линиями. Высота - 17,0 см, диаметр венчика - 9,0 см, диаметр дна - 8,0 см.

6. Чашечка чернолаковая - 1 экз. (рис. 4, б)

Полусферической формы на кольцевом поддоне. Высота - 3,5 см, диаметр венчика - 9,0 см, дна - 7,0 см.

7. Фрагменты ножа железного - 2 экз. (рис. 4, л)

Клинок с прямой спинкой; на костяной рукоятке сохранилось четыре железных заклепки. Размеры фрагментов - 7,5 x 2,5 и 4,5 x 1,5 см. Сильно коррозированы.

Курган 30

Представлял собой пятно диаметром около 15 м с разбросанными мелкими камнями - остатками разрушенной крепиды. Курган сооружен в скифское время над единственным погребением, окруженным кольцевым рвом диаметром 16,5 м с перемычкой шириной 0,3 м в восточной части. Ров углублен в материк на 0,2 м (1,05 м от уровня современной поверхности). В заполнении рва обнаружены камни крепиды и отдельные кости животных.

Погребение № 1 (основное) совершено в яме с подбоем (рис. 1, 5). Входная яма прямоугольной формы, ориентирована по линии В-З. Размеры ее 2,4 x 1,0-0,8 м, глубина 1,8 м от уровня современной поверхности. Входная яма в нижней части забутована крупными камнями размерами 1,0 x 0,9 x 0,6 м. В западной половине ямы забутовка частично разобрана - здесь прошел грабительский ход. В его заполнении найдены человеческий череп, отдельные кости скелета, лопатка крупного животного, разрозненные обломки панцирных пластин (1). Продольная ступенька под северной стенкой, шириной 0,55 м, высотой 0,45 м, ведет в прямоугольный *подбой* прямоугольной формы с закругленными углами. Размеры его 2,35 x 1,25 м, глубина 2,25 м от уровня современной поверхности. Свод обрушен. Погребение частично разрушено при ограблении.

На дне сохранились остатки деревянного корытообразного гробовища (его край у северной стенки ямы поднимался на 0,15 м), покрытого травяной подстилкой. В непо потревоженном состоянии сохранилась нижняя часть костяка (начиная от таза). Женщина 35-45 лет лежала вытянуто на спине, головой на запад. Руки вытянуты вдоль тела, кости стоп повернуты влево. В области головы сохранились остатки гробовища, растоптанные обломки железных предметов (среди них мелкие фрагменты панцирных пластин), два наконечника стрел (2), пряслице (3). Вдоль правой ноги погребенной лежала напутственная мясная пища (грудная часть крупного животного) с ножом (4). В ногах вдоль восточной стенки камеры были уложены бронзовое зеркало (5), на нем железные иглы (6), румяна красного и желтого цветов, пращевые камни (7). Кроме того, в заполнении камеры в разных местах найдены несколько бусин (8) и камешек (9).

Инвентарь:

1. Пластины панцирные железные фрагментированные (рис. 5, 4).

Сохранились обломки двух типов:

- широкие прямоугольные; ширина 2,7-2,8 см, сохранившаяся длина 4,4 см. Верхний край загнут. Вдоль правого края два отверстия для нашивания;

- длинные узкие пластины; ширина 2,4 см, сохранившаяся длина 6,6 см.

Один продольный край загнут. Пластины этого типа скреплялись в жесткие блоки с помощью железной проволоки.

2. Наконечники стрел бронзовые – 2 экз. (рис. 5, 2)

- трехгранный с утопленной втулкой и прямоугольным ложком на половину длины наконечника, ровно обрезанным основанием и одним удлиненным концом грани в виде шипа. Длина 3,0 см, ширина основания - 1,0 см – 1 экз.

- трехлопастный с короткой чуть выступающей втулкой и прямоугольным ложком на 2/3 длины наконечника. Длина - 3,0 см, ширина основания - 0,8 см – 1 экз.

3. Пряслице свинцовое – 1 экз. (рис. 5, 1)

Полусферической формы с уплощенным верхним основанием. Высота - 1,0 см, диаметр - 2,1 см, диаметр отверстия - 0,4 см.

4. Нож железный с костяной ручкой – 1 экз. (рис. 5, 7)

Клинок с горбатой спинкой (во фрагментах). Ручка двусоставная, шестигранная, с шестью железными заклепками. Общая длина – 21 см. Максимальная ширина лезвия - 2,0 см, длина рукояти - 12,7 см, ширина - 2,2 см.

5. Зеркало бронзовое – 1 экз. (рис. 5, 6)

Цельнолитое с боковой рукоятью с дисковидным окончанием. Диск чуть изогнут. С обеих сторон прослежены остатки деревянного футляра.

Общая длина 33,2 см, диаметр диска 13,5 см, окончания – 4,3 см, ширина ствола ручки 2,0-3,0 см.

6. Иглы железные – 3 экз.

В виде тонких совершенно окислившихся железных стержней. Длина около 9,0 см, диаметр 0,1 см. Не сохранились.

7. Камни пращевые – 5 экз. (рис. 5, 5)

Округлой формы; диаметр – 3,0-4,0 см. Поверхность обожжена и закопчена.

8. Бусины стеклянные – 3 экз. (рис. 5, 3):

- пирамидальные из темно-синего и светло-зеленого полупрозрачного стекла; размеры 0,9 x 0,9 x 1,3 см – 2 экз.;

- биконическая из зеленого полупрозрачного стекла; размерами 0,8 x 0,6 см – 1 экз.

9. Фрагмент песчанистого минерала – 1 экз.

Кубический, светло-коричневого цвета. Размеры 2,2 x 1,8 x 1,4 см. Имеет довольно значительный вес для своих размеров. Возможно, подвеска.

Курган 33

Насыпь полностью распахана. Курган сооружен в скифское время над единственным погребением.

Погребение № 1 (основное) совершено в яме с подбоем (рис. 1, 9). Входная яма прямоугольной формы, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Размеры ее – 1,4 x 0,8 м, дно на глубине 1,8 м от уровня современной поверхности. Яма была плотно забутована камнями разных размеров. Преобладали крупные размерами до 0,9 x 0,7 x 0,15 м. Вход в камеру, устроенную в северо-западной стенке входной ямы, закрывали наклонно установленные плиты каменного заслона, опиравшиеся на наклонно установленные деревянные брусья. Входная яма двумя ступеньками высотой 0,25 и 0,2 м переходила в подбой.

Подбой прямоугольный в плане, ориентирован параллельно входной яме. Размеры его 1,6-1,75 x 1,3 м, глубина 2,3 м от поверхности. Свод обрушен. Погребение разрушено.

В подбое на дне обнаружены останки погребенного подростка, лежавшего, очевидно, на спине, головой на юго-запад. В заполнении найдены наконечники стрел (1), бусы (2), обломки железных прямоугольных скоб.

Инвентарь:

1. Наконечники стрел бронзовые – 12 экз. (рис. 1, 6):

- трехлопастные с выделенной втулкой и выступающими за ее край концами лопастей; овальный ложок на всю длину лопасти; длина - 2,4-3,0 см – 5 экз.;
- трехгранные со скрытой втулкой, П-образным ложком до половины длины грани; длина 2,2-2,6 см – 5 экз.;
- трехгранный с прямоугольным ложком на 1/2 длины грани, намеченной втулкой и опущенными концами граней; длина - 2,6 см – 1 экз.;
- трехгранный с выступающей втулкой; длина - 2,3 см – 1 экз.

2. Бусины фрагментированные – 4 экз. (рис. 1, 7):

- цилиндрическая глазчатая бусина из желтого непрозрачного стекла с выпавшими вставками; длина - 1,1 см, диаметр - 1,6 см, диаметр отверстия – 0,8 см – 1 экз.
- цилиндрическая из коричневого непрозрачного стекла с белыми ломаными параллельными полосками; сохранившаяся длина - 1,7 см, диаметр - 0,9 см, диаметр отверстия - 0,6 см – 1 экз.;
- шаровидная из белого прозрачного стекла; диаметр - 1,0 см, диаметр отверстия - 0,4 см – 1 экз.;
- фрагмент кольцевидной бусины из голубого полупрозрачного стекла; высота - 0,4 см, диаметр - 1,0 см – 1 экз.

Курган 34

Представлял собой пятно диаметром 10 м. Курган сооружен в скифское время над единственным погребением.

Погребение № 1 (основное) совершено в яме с подбоем (рис. 1, 6). Входная

яма овальной формы, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Размеры ее 2,25 x 0,8 м, дно на глубине 1,9 м от уровня современной поверхности. Юго-восточная часть разрушена при ограблении. В заполнении входной ямы обнаружены кости человеческого скелета, правые конечности и череп. Вход в подбой, закрывавшийся деревянными плахами, находился в северо-западной стенке входной ямы. Подбой прямоугольной формы с закругленными углами. Размеры его 2,3 x 0,85 м. Дно на глубине 2,05 м. Погребение ограблено.

Погребенная лежала вытянуто на спине головой на северо-запад. В головах у входа в камеру лежало деревянное блюдо с костями жертвенной пищи и ножом (1). Рядом, в северном углу камеры, находилось зеркало в берестяном футляре с застежкой (2). В районе грудной клетки и шеи обнаружено ожерелье (3). В ногах слева стоял чернолаковый килик (4), под ним находилось свинцовое пряслице (5). У входа в камеру, на уровне головы, лежал набор наконечников стрел (6). При промывке грунта найдены фрагментированные железные иглы (7) и бронзовое пряслице (8).

Инвентарь:

1. Железный нож фрагментированный – 1 экз. (рис. 6, 6).

Клинок с горбатой спинкой. Черешок вставлялся в цельную деревянную рукоять (не сохранилась). Общая сохранившаяся длина - 9,5 см, длина клинка - 6,5 см, максимальная ширина - 1,6 см.

2. Зеркало бронзовое – 1 экз. (рис. 6, 4)

Цельнолитое с боковой рукоятью с дисковидным окончанием. Диск чуть выпуклый. На окончании рукояти резцом прочерчена многолепестковая розетка. Общая длина 36,7 см, диаметры диска – 22,0 см, окончания рукояти – 4,5 см, ширина ствола ручки – 4,0-3,0 см. Зеркало частично деформировано и разломано при обвале свода (рис. 6, 1).

Берестяной футляр зеркала имел бронзовую застежку в виде подквадратного в сечении стержня с пятью поперечными кольцевыми нарезками. Длина – 3,4 см, диаметр – 0,5 см (рис. 6, 2).

3. Ожерелье – 1 экз. (рис. 6, 3). Состоит из:

- бусин золотых округлых двухсоставных; диаметр – 0,2 см – 33 экз.;

- подвесок золотых, состоявших из прямоугольных пластин с напаянными на них пятилепестковыми розетками и подвешенными на тоненьком колечке репейчатыми подвесками с зернью на нижнем конце; общая длина подвески 1,6 см, размеры пластинок 1,0 x 0,6 см – 17 экз. Некоторые повреждены.

4. Килик чернолаковый – 1 экз. (рис. 6, 4).

Глубокая полусферическая чаша со скругленным краем на невысоком кольцевом поддоне. Поддон очень тонкий, расслоился. Горизонтальные пельчатые ручки отбиты в древности. На доньшке с внешней стороны середина оставлена в цвете глины. На этом поле лаком нанесены два узких колечка. Высота чаши – 4,4 см, диаметр венчика – 11,6 см, поддона – 6,5 см.

5. Пряслице свинцовое – 1 экз. (рис. 6, 7).

В форме усеченного конуса; высота – 0,7 см, диаметр – 1,4 см, диаметр отверстия – 0,4 см.

6. Наконечники стрел бронзовые – 54 экз. (рис. 6, 9):

- трехлопастные массивные со сводчатой головкой, чуть выступающей втулкой и ложком на всю длину лопасти. На всех ложках тамгообразные знаки в виде косоугольного креста. Длина – 3,4-3,6 см – 6 экз.;

- трехлопастные с чуть выступающей втулкой и ложком на всю длину лопасти. Длина – 2,7-3,3 см – 14 экз.;

- трехлопастные с выступающей втулкой и прямоугольным ложком на половину длины лопасти; 4 наконечника очень сильно сточены, ложок почти незаметен. Длина – 2,3-2,9 см – 9 экз.;

- трехлопастные с выступающей втулкой и прямоугольным ложком на 2/3 длины лопасти. Длина – 3,0-3,2 см – 2 экз.;

- трехлопастные со слабо выделенной втулкой, прямоугольным ложком на половину длины лопасти. У 7 наконечников одна из лопастей образует длинный шип. Длина – 2,6-2,8 см – 8 экз.;

- трехлопастные с ложком на всю длину лопасти. Длина – 2,2 - 2,6 см – 4 экз.;

- трехлопастные с прямоугольным ложком почти на всю длину лопасти. У одного наконечника основание ровно обрезано, у второго одна из лопастей образует шип. Длина – 2,2-2,4 см – 2 экз.

Остальные наконечники сильно повреждены окислами.

7. Фрагменты иглонок железных – 2 экз. (рис. 6, 5).

В виде квадратного в сечении стержня с заостренным концом. Диаметр 0,2 см, сохранившаяся длина до 3,5 см.

8. Пряслице бронзовое – 1 экз. (рис. 6, 8).

В форме усеченного конуса. Высота 1,5 см, диаметр основания 0,9 см, диаметр отверстия 0,4 см.

Курган 42

Представлял собой пятно диаметром 15 м. Курган сооружен в скифское время. Под насыпью обнаружено два погребения, окруженных кольцевым рвом с двумя перемычками (шириной 0,2-0,4 м). Диаметр рва 14,5 x 13,5 м, ширина 0,3-1,0 м; глубина в материке 0,3-0,4 м.

Погребение № 2 (впускное?) совершено в *катакомбе* поперечной ориентации (рис. 1, 2). *Входная яма* овальной формы, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Размеры ее 1,1 x 0,9 м, дно на глубине 2,5 м от уровня современной поверхности. На глубине 1,1 м вдоль юго-западной стенки зафиксирована продольная ступенька шириной 0,15 м. Дно входной ямы с глубины 2,1 м переходило двумя ступеньками в камеру, устроенную под северо-восточной стенкой. Вход в камеру закрывал деревянный заслон, скреплявшийся железными скобами (1). *Камера* подпрямоугольной в плане формы, размерами 2,3 x 1,4 м ориентирована по линии север-юг. Дно на глубине 2,6 м. Высота свода до 1 м.

тотальной распахки [Мурзин, 1985, с. 378]. В четырех случаях зафиксированы остатки тризн в виде обломков костей животных (крупных копытных) и амфорного боя (курганы №№ 4, 5, 24, 30). Насыщенность рвов находками слабая.

Шесть из десяти могил женщин с оружием являются основными в насыпях. В одном случае (курган № 9) погребение впушено в насыпь эпохи бронзы, еще в трех (курганы №№ 11, 24 и 42) погребения одновременны основным в курганах и принадлежат сопровождающим лицам (возможно, охранникам).

Погребальные сооружения представлены тремя типами. Единственная яма (курган № 4) по классификации В.С. Ольховского представляет 1-й вариант II типа (квадратная яма) – весьма архаичный тип погребальных сооружений, характерный раннескифскому погребальному обряду могильников Степного Причерноморья [Ольховский, 1991, с. 22-23]. Очевидно, это сооружение является наиболее ранним в серии. Среди камерных конструкций явно преобладают (7) подбойные могилы I типа (по В. Ольховскому), где камера примыкает к длинной стенке входной ямы [Ольховский 1991, табл. 2], которые датируются 5-началом 4 в. до н.э. [Болтрик 1986, с. 22-23]. Катакомбы (2 – курганы №№ 5 и 42) представлены разными типами (соответственно II и III по В. Ольховскому), дата которых укладывается в рамки 4 в. до н.э. [Болтрик, 1986, с. 23]. По поводу конструктивных особенностей могильных сооружений можно отметить следующее. В двух погребениях (курганы №№ 30/1 и 33/1) входные ямы плотно забутованы камнем. Как и в большинстве могил курганного поля, в четырех погребениях из выборки (курганы №№ 5/1, 33/1, 34/1, 42/2) зафиксированы деревянные заслоны входов в камеры. В одном случае (курган № 33/1) он был усилен каменными плитами (вдобавок к каменной забутовке).

Большинство могил пострадало от древних ограблений. Однако четыре погребения оказались не ограбленными (курганы №№ 9/2, 11/2, 16/1 и 42/2) и еще несколько потревожены частично (курганы №№ 24/1, 30/1, 34/1). Таким образом степень информативности комплексов достаточно высока и надежна.

Все могилы воительниц одиночные. Единственное исключение составляет захоронение молодой (около 20 лет) женщины с грудным ребенком, которого она как будто прикрывала рукой (курган № 16/1). В массиве погребений амазонок известны еще только три захоронения, сопровождающиеся грудными детьми – курган № 48/2 группы Широкое-II, курган № 13/1 группы БОФ (с двумя детьми) и курган № 14/1 группы II у с. Верхне-Тарасовка [Фиалко, 1991, с. 10].

Погребенные лежали вытянуто на спине, с вытянутыми конечностями. Преобладает (как и в могильнике в целом) западная ориентация погребенных, часто с небольшими отклонениями к северу или югу, что, вероятно, объясняется разным временем года, в которое происходили захоронения. Иначе ориентированы три погребения – девочки-подростка, лежавшей головой на север (курган № 42/2), и два погребения с восточной ориентацией пожилой женщины (курган № 5/1) и молодой женщины с грудным ребенком (курган № 16/1). Для Чертомлыкского курганного поля такая ориентация

погребенных не характерна. В то же время в массиве погребений амазонок ориентированные головой на восток составляют 19,5 % от общего числа. Северная же ориентация погребенных носит единичный характер [Фиалко, 1991, с. 11]. Известно лишь одно подобное погребение в степном регионе – курган № 9/1 группы Широкое-III и одно в лесостепном – курган № 26/4 у хут. Холодный Яр. Какой-либо закономерности в этих случаях не прослеживается.

В погребениях зафиксированы остатки корытообразного деревянного гробовища, покрытого травяной подстилкой (курган № 30/1), деревянных настилов с параллельной (курган № 9/2) и поперечной (курган № 4/1) системой расположения досок. Кроме того, женщин клали на подушки (курган № 11/2) и меловые подсыпки (курган № 42/2). Эти же конструкции и элементы отмечены и в других погребениях могильника.

Набор напутственного инвентаря распадается на три группы: 1. *универсальную*, 2. *женскую* и 3. *мужскую*. К 1-й группе относится, прежде всего, мясная пища (в 8 могилах), часто лежавшая на деревянных блюдах или подносах, вместе с ножами. Она представлена различными частями туш животных (крупного рогатого скота и барана). Сюда же можно отнести и посуду. При этом следует отметить, что лепная посуда не характерна для погребений воительниц Чертомлыкского могильника, она присутствует лишь в одном погребении (курган № 24/1). В то же время чернолаковые солонка, чашечка и килик (курганы № 9/2, 24/1 и 34/1) типичны для заупокойных наборов вещей амазонок [Фиалко, 2006, с. 362, 386]. *Женскую группу* представляют зеркала с боковыми ручками (4 погребения), иногда помещенные в чехлы, личные украшения – бусы (7 погребений – от нескольких до 53 бусин), бронзовые серьги и височные кольца (4 погребения – по 1-2 экз.), бронзовое спиралевидное кольцо (1 погребение – курган № 9/2), наручные проволочные браслеты (2 погребения – 1 железный и 1 бронзовый), косметика (румяна – курган № 30/1) и бронзовые косметические ложечки (2 экз. в одном наборе – курган № 11/2). Орудия труда – детали веретен (пряслица из различного материала – 1-2 экз. в 4 погребениях) и железные иглы (2 погребения – по 2-3 экз.) – типичны для женских могил [Фиалко, 1991, с. 12]. *Мужскую группу* в данном случае составляет оружие – колчаные наборы и отдельные стрелы (в 10 погребениях от 1 до 54 стрел), копья (2 погребения по 1 экз.), пращевые камни (2 погребения – 1-5 экз.), защитный доспех (к.30 – обломки панцирных пластин). Сочетание этих групп инвентаря и маркируют комплексы женщины-воительниц.

Стоит отметить, что в погребениях амазонок Чертомлыкского могильника отсутствуют некоторые категории вещей последней группы, свойственные представителям военной верхушки – гривны и котлы. К числу редких находок можно отнести остатки защитного доспеха из кургана № 30. Элементы защитной амуниции найдены лишь в кургане № 16 группы Аккермень, кургане № 11 у с. Львово, кургане № 423 у с. Журовка (наборные пояса) и кургане № 5 могильника Мамай-Гора (панцирь). Единичными

можно считать и находки украшений из драгоценных металлов. В одном случае (курган № 11) среди украшений присутствует серебряное височное кольцо, в другом (курган № 34) – ожерелье из золотых бус и фигурных подвесок.

Приведенный выше обзор погребальных сооружений и обряда женских могил с оружием Чертомлыкского курганного поля демонстрирует полное соответствие их нормам ритуальной практики населения этого региона в скифское время. Размеры погребальных сооружений и состав вещевого набора свидетельствуют, что основная масса женщин-воительниц представляла рядовое население и могла составлять небольшой легковооруженный отряд. Исключение составляют два погребения: курган № 34/1, в составе которого присутствуют золотое ожерелье и импортный килик, и курган № 30/1, в наборе инвентаря которого сохранились детали железного панциря. Отмеченные вещи могут указывать на более высокий социальный статус погребенных в этих могилах женщин, возможно, стоявших во главе воинского подразделения.

В Чертомлыкской курганной группе исследовано 63 скифских погребения, в 10 из которых похоронены амазонки. Из этого следует заключение, что, по меньшей мере, каждым шестым погребенным была женщина, носившая оружие (т.е. выполнявшая воинскую повинность). Возраст погребенных свидетельствует, что девочек приобщали к оружию с раннего возраста и воинскую повинность амазонки выполняли фактически до старости.

Как и все скифские захоронения Чертомлыкского курганного поля в целом, могилы амазонок укладываются в рамки конца V - IV в. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Балтрик Ю.В.* О хронологии камерных погребальных сооружений Степной Скифии // Культура и хозяйство раннеклассовых обществ. – М., 1986.
- Мозолевский Б.Н.* Малый Чертомлык // Скифы Северного Причерноморья. – К., 1987.
- Мурзин В.Ю.* О работе Чертомлыкской экспедиции // АО за 1984 г. – М., 1984.
- Мурзин В.Ю.* Исследование кургана Чертомлык и окружающего курганного поля // АО за 1985 г. – М., 1985.
- Мурзин В.Ю.* О работе Чертомлыкской экспедиции // АО за 1986 г. – М., 1986.
- Мурзин В.Ю., Полін С.В., Роллс Р.* Скифський курган «Тетянина могила» // Археологія. – 1993. № 2.
- Мурзин В.Ю., Ролле Р., Бессонова С.С.* О работе Чертомлыкской экспедиции // АО за 1983 г. – М., 1983.
- Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (7-3 вв. до н.э.). – М., 1991.
- Фиалко Е.Е.* Погребения женщин с оружием у скифов // Курганы степной Скифии. К., 1991.
- Фиалко Е.Е.* Посуда с лаковым покрытием в погребальном обряде скифов // Древности скифской эпохи. – М., 2006.

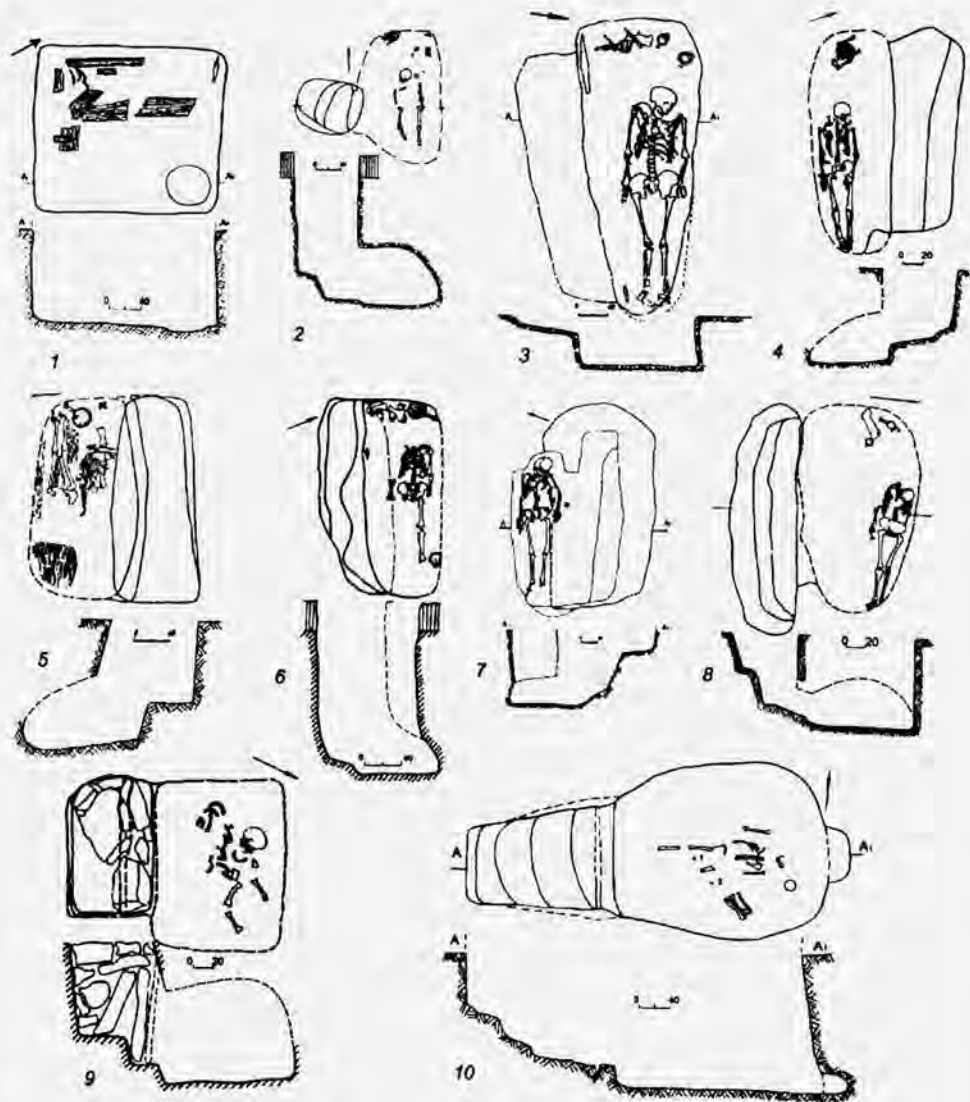

Рис. 1. Планы погребений амазонок могильника Чертомлыкского курганного поля:

1. курган № 4; 2. курган № 42; 3. курган № 9; 4. курган № 11; 5. курган № 30; 6. курган № 34; 7. курган № 16; 8. курган № 24; 9. курган № 33; 10. курган № 5.

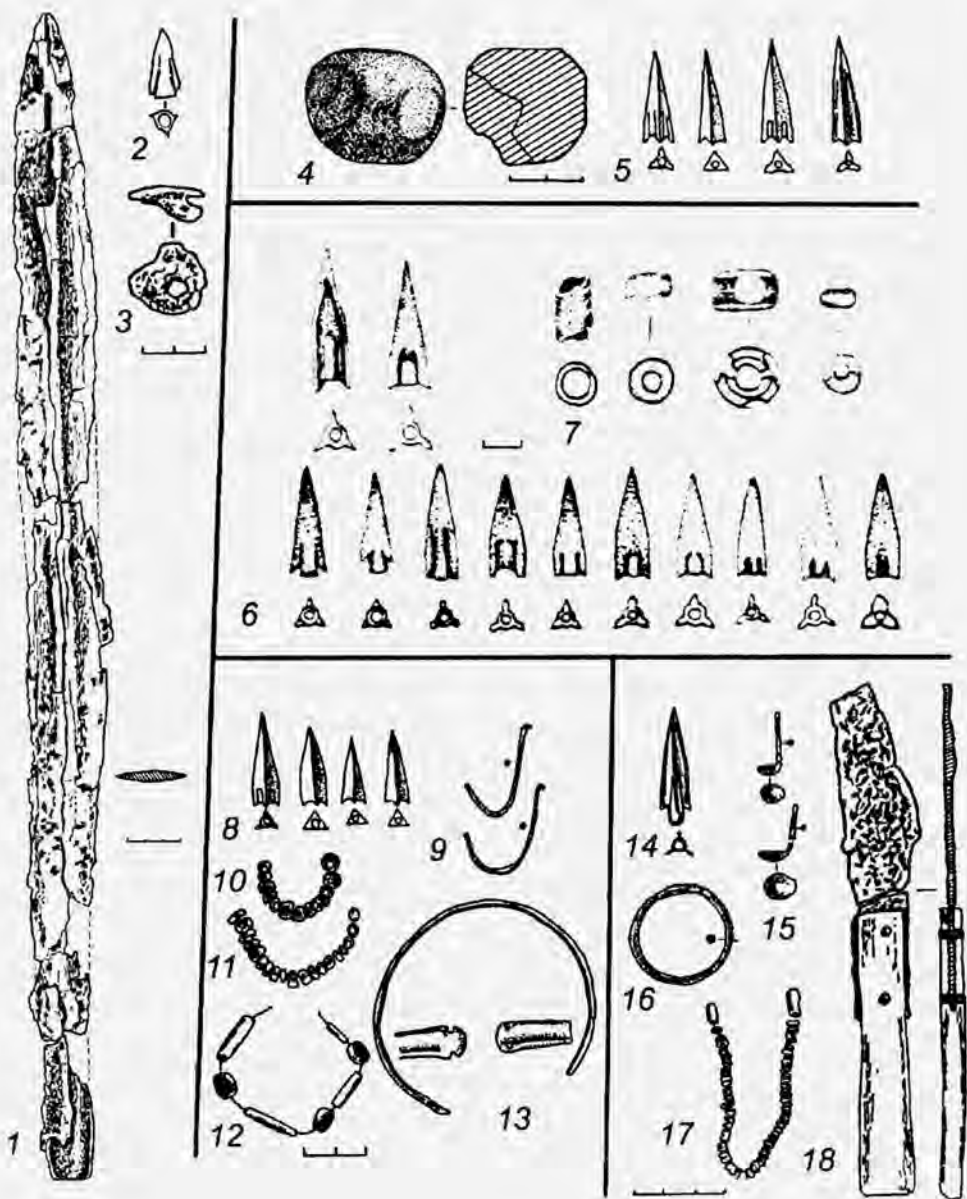

Рис. 2. Наборы погребального инвентаря из погребений амазонок Чертомлыкского курганного поля:

1-3. курган № 4; 4-5. курган № 5; 6-7. курган № 33; 8-13. курган № 16; 14-18. курган № 11.

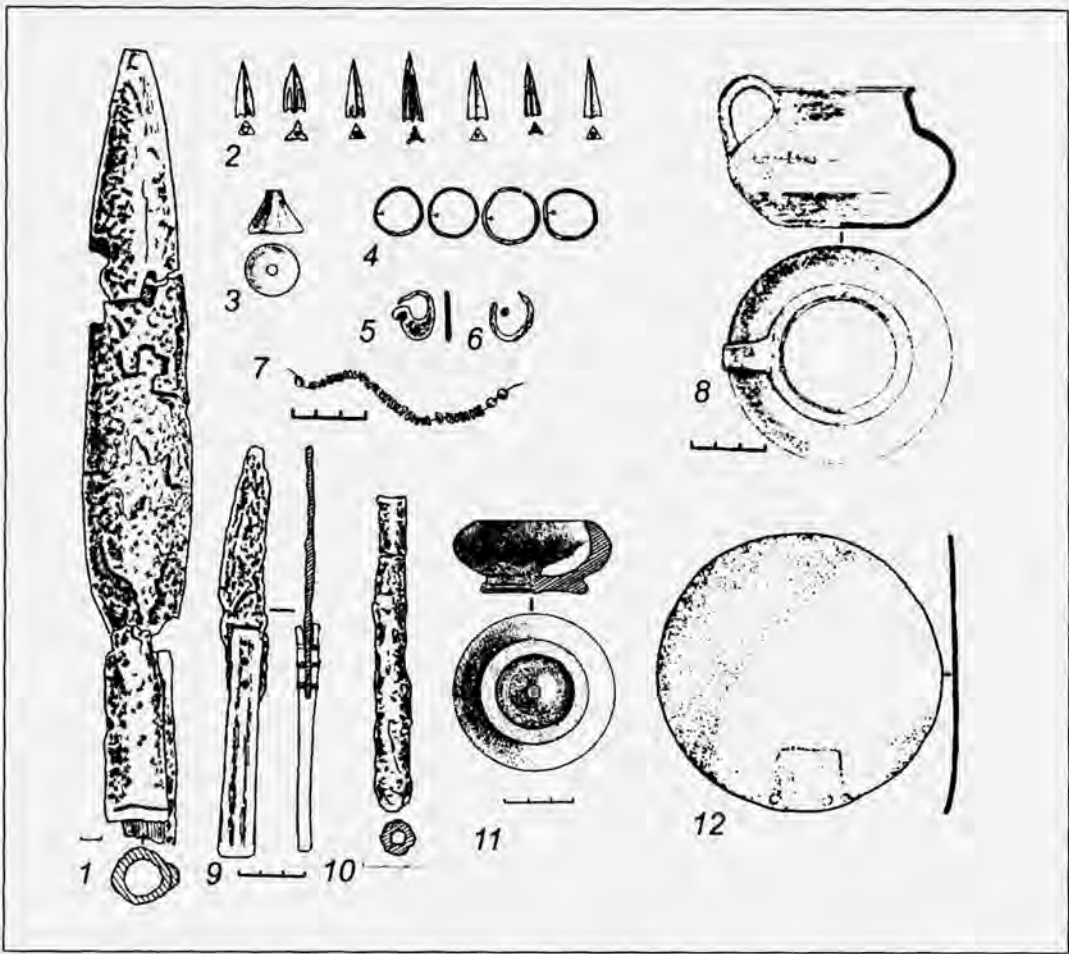

Рис. 3. Набор погребального инвентаря из погребения амазонки кургана № 9.

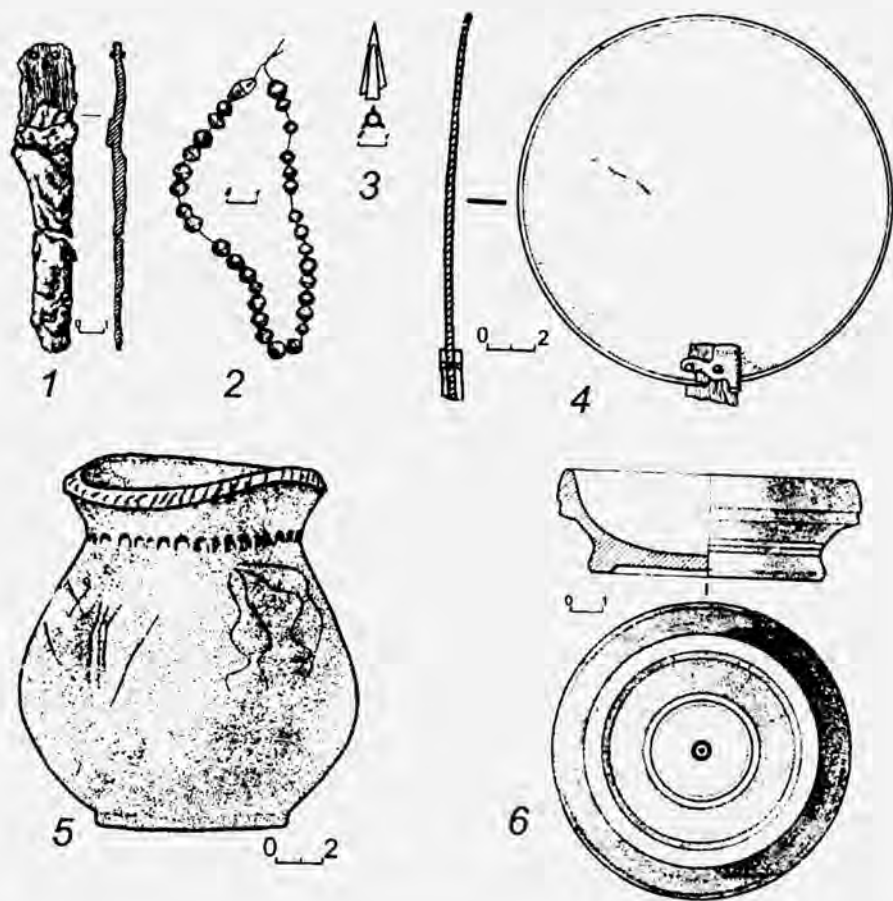

Рис. 4. Набор погребального инвентаря из погребения амазонки кургана № 24.

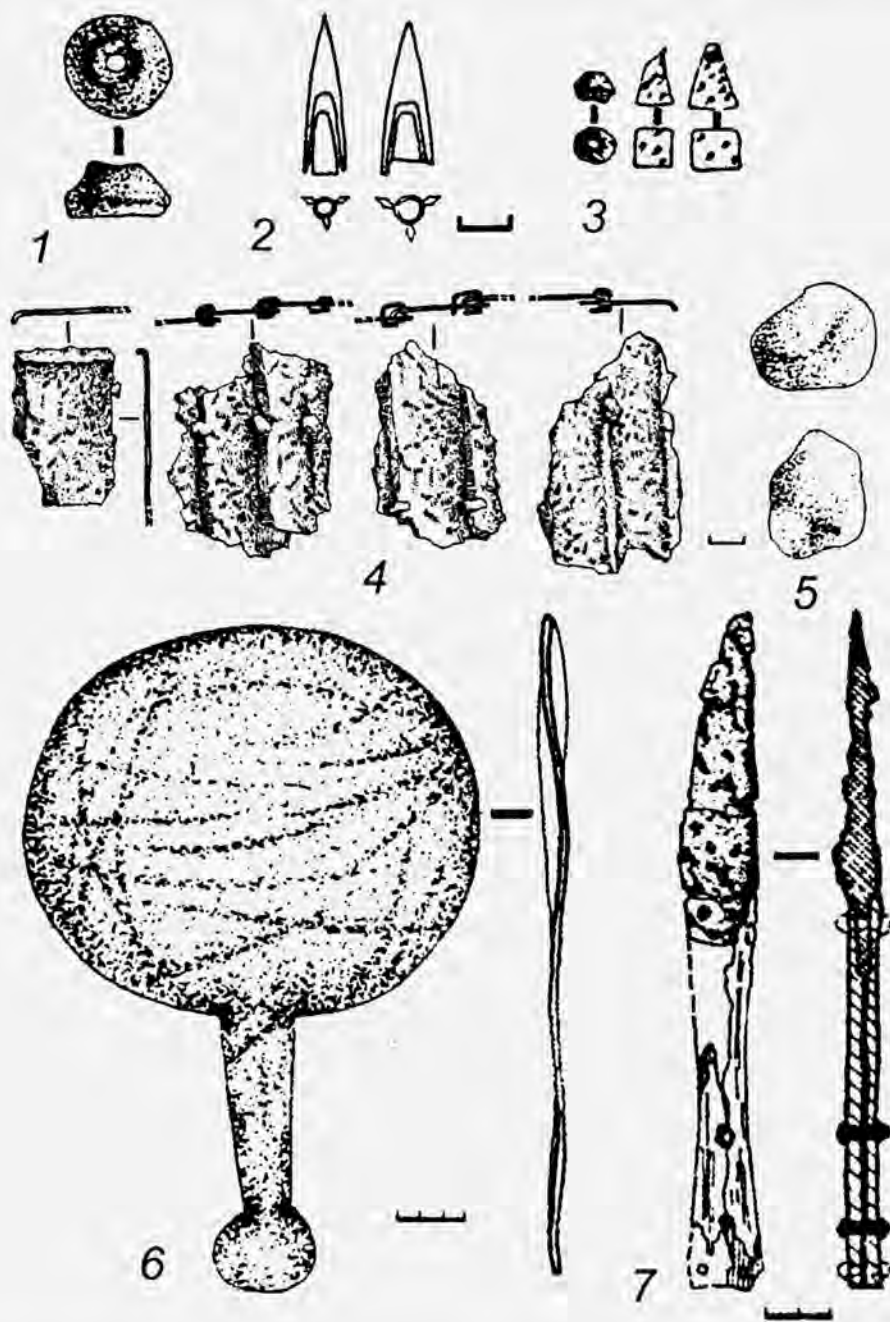

Рис. 5. Набор погребального инвентаря из погребения амазонки кургана № 30.

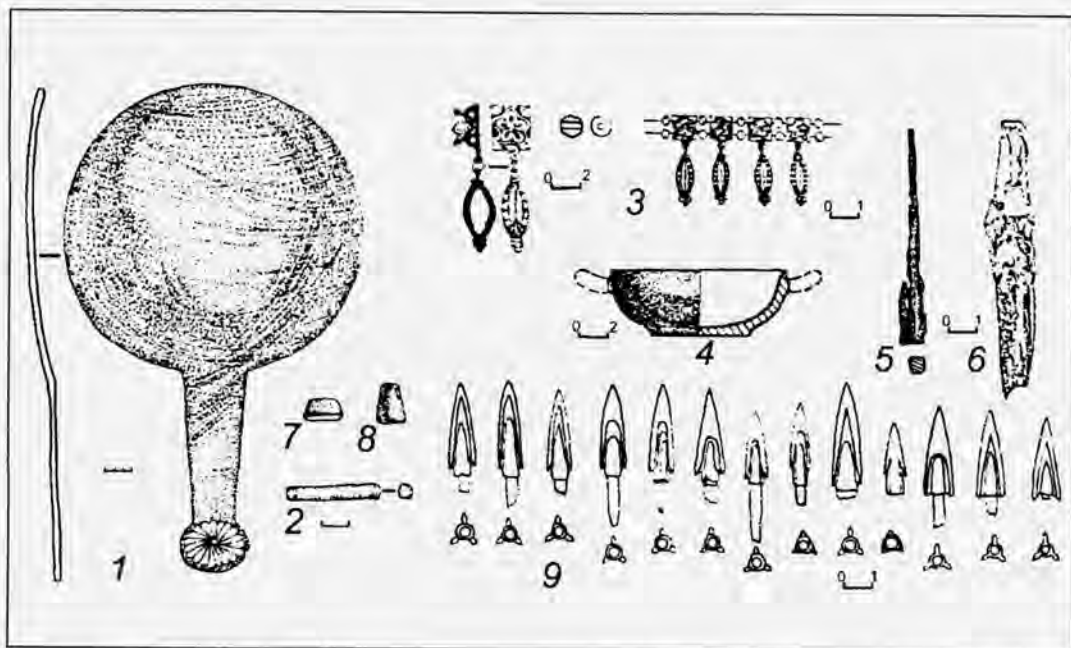

Рис. 6. Набор погребального инвентаря из погребения амазонки кургана № 34.

О ПРИСЯГЕ ГРАЖДАН ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО И ЗАГАДОЧНОМ СЛОВЕ ΣΑΣΤΗΡ

Со времени находки в Херсонесе Таврическом первого фрагмента высокой беломраморной стелы с текстом Присяги его граждан прошло 120 лет¹. Тем не менее этот уникальный документ до сих пор остается важнейшим эпиграфическим источником для всестороннего исследования не только политического, экономического и культурного развития этого полиса, но и значения религиозных культов разных эллинских богов и обожествленных героев для сплоченности гражданской общины в период кризиса демократического строя в конце IV – первой трети III в. до н.э. (рис. 1). Время принятия и опубликования Присяги отмечено значительными сдвигами во всех сферах жизни уже окончательно сложившегося Херсонесского древнегреческого государства в Юго-Западном Крыму [см. с литературой: Сапрыкин, 1986, с. 139 сл.; Виноградов, Щеглов, 1990, с. 334 сл.; Зубарь, 2005, с. 154 сл.]. В настоящей статье будут кратко представлены преимущественно основные взгляды ученых на некоторые дискуссионные и все еще окончательно не решенные вопросы, касающиеся Присяги граждан Херсонеса, в особенности отмеченного в ней единственного в своем роде загадочного слова или термина ΣΑΣΤΗΡ².

Текст Присяги написан таким образом, что каждый гражданин от себя лично клянется «Зевсом, Геей, Гелиосом, Партенос, богами и богинями олимпийскими, героями, владеющими городом, территорией и укрепленными пунктами херсонеситов», что будет заботиться о спасении, свободе и целостности своего государства, ничего не предавать ни эллину, ни варвару; не заниматься ниспровержением демократического строя и пресекать такие попытки; верно служить народу и советовать ему наилучшее и наиболее справедливое для государства и граждан; охранять для народа ΣΑΣΤΗΡ и никому не разглашать ничего из сокровенного, что может принести вред государству;

¹ Фрагментированная беломраморная плита с текстом Присяги найдена при раскопках центральной площади в Херсонесе на полу базилики византийской эпохи к западу от современного собора св. Владимира в разные годы: нижняя часть в 1890, верхняя - 1891, а небольшой обломок от нее – только в 1899 г. [Латышев, 1909, с. 142; IOSPE, II², 401].

² Тема этой статьи избрана не случайно: В.М. Зубарем и А.С. Русяевой планировалось написать научно-популярную книгу о демократии Херсонеса Таврического и Присяге его граждан с новыми фотографиями стелы и прорисовками отдельных параграфов.

не злоумышлять и не быть участником в заговорах, направленных как в общем против херсонесской общины, так и кого-либо отдельно из граждан; хлеб с равнины вывозить только в Херсонес. В завершение традиционно вторично произносятся имена божеств, просьба о ниспослании благ произносящему клятву гражданину и его потомству, но заклятие после ее нарушения: «и пусть ни земля, ни море не приносят мне плода, пусть женщины не разрешаются от бремени благополучно...» [см. и ср. перевод: Латышев, 1892, с. 2-3; Он же, 1909, с. 144-145; Жебелев, 1953, с. 217-218].

На протяжении более столетнего периода, в соответствии с определенной проблематикой или относительно синхронными с Присягой находками новых надписей, к ней обращались многие ученые. Однако сравнительно редко ее текст исследовался специально в полном объеме с анализом всех ее пассажей. Выяснение значения Присяги, авторские комментарии и интерпретации содержащихся в ней терминов и отдельных сведений из многосторонней жизни херсонеситов увеличивались, конечно, со временем и нарастающим количеством археологических открытий, а также накоплением материалов, получаемых в ходе интенсивных раскопок на территории Херсонеса и его хоры, что, как хорошо известно, значительно продвинулось только в последние десятилетия прошлого и в начале текущего века – то есть намного позже ее находки и первых публикаций [Латышев, 1892, с. 1-13; Он же, 1896, с. 74-76; Он же, 1909, с. 142-160; IOSPE, I², 401].

Согласно С.А. Жебелеву, именно В.В. Латышев впервые «установил чтение документа, дополнил пострадавшие на камне его части, и эти дополнения не встретили ни с чьей стороны каких-либо возражений, да и не могли встретить: они бесспорны» [Жебелев, 1953, с. 218]³. Вместе с тем, наряду с несомненными заслугами первоиздателя в отношении разработки Присяги, Жебелев отметил, что им не выяснено значение этого документа для изучения истории и экономики Херсонеса, взаимоотношений херсонеситов с туземным населением, недостаточно рассмотрены некоторые пункты, заслуживающие более тщательной интерпретации [Жебелев, 1953, с. 219]. В итоге в специальной статье ученый представил расширенный анализ пронумерованных им по параграфам отдельных клаузул Присяги [Жебелев, 1953, с. 217-247], положив начало дальнейшему и по сути еще не окончательному решению самых спорных вопросов исторического и экономического развития Херсонесского полиса не только в течение короткого промежутка времени, соответствующего датировке надписи, но и в более широких хронологических рамках.

В дальнейшем Ю.Г. Виноградов и А.Н. Щеглов, отдавая должное подробному объемистому исследованию Жебелева, в частности детальному и

³ Опубликованная значительно раньше статья С.А. Жебелева (1935, с. 913-939) была переиздана в сборнике его работ «Северное Причерноморье» (1953, с. 217-247), на который здесь даются все последующие сноски на данную статью.

убедительному анализу тех параграфов документа, после которого «ни у кого впоследствии не осталось сомнения в экстраординарном характере Присяги, составленной ad hoc после попытки ниспровергнуть демократический строй», на основании полученных за прошедшее время археологических и эпиграфических источников тоже внесли целый ряд поправок и собственных суждений о политико-административных и пространственных терминах, о динамике пространственного развития Херсонесского государства, политических изгнанных и местах их укреплений, о хронологическом соотношении Закона об амнистии и Присяги, о хлебном экспорте и т.д. [Виноградов, Щеглов, 1990, с. 334-370; Vinogradov, 1997, S. 443-461]. Исследование Присяги в сопоставлении с ранее известными и новыми херсонесскими надписями в ракурсе сходных политических событий в разных античных городах дало возможность обосновать концепцию об образовании Херсонесского территориального государства, в котором «Строго дисциплинированный, полувоенный уклад херсонесской общины со всей очевидностью проявился даже в организации внутригородского и внешнего пространства обитания» [Виноградов, Щеглов, 1990, с. 370].

В общем же расхождении в интерпретации отдельных параграфов Присяги, – в особенности касающихся вопросов синхронности либо асинхронности их составления во взаимосвязи с историческими событиями и социально-политической обстановкой как в Херсонесе, так и в Западной Таврике, соответствующими изменениями в разных регионах сельской округи Херсонеса, а также в Керкинитиде и Калос Лимене⁴, характером государственного строя, в частности выяснения конкретного значения термина демиург⁵, и государственного переворота в полисе, отношениях с варварами, – в той или иной мере нашли проявление во многих работах [см. и ср.: Жебелев, 1953, с. 219-234; Тюменев, 1950, с. 48-56; Он же, 1955, с. 37-47; Щеглов, 1978, с. 9, 127; Сапрыкин, 1982, с. 40-63; Он же, 1986, с. 139-160; Пальцева, 1984, с. 110-114; Виноградов, Щеглов, 1990, с. 335-354 = Vinogradov, 1997, S. 443-461; Доманский, Фролов, 1998, с. 59-63; Яйленко, 2001, с. 176-182; Зубарь, 2005, с. 153-154, 297-298]. Другие авторы, которым приходилось касаться отдельных сведений из текста Присяги, опирались преимущественно на эти работы, поддерживая

⁴ Так, например, Жебелев, по собственной нумерации параграфов текста Присяги и ее сравнения с Дрерской и Итанской, относил вступительный и заключительный (1, 12), а также 3, 5, 7 параграфы, восходящими «к присяге более древней, может быть, даже изначальной» [1953, с. 222; ср. Сапрыкин, 1982, с. 50-51, 63; Он же, 1986, с. 144 сл., 156 сл.]. Однако Виноградов и Щеглов были твердо убеждены в том, «что она с начала и до конца составлена на одном дыхании ad hoc, и одновременных хронологических пластов не содержит» (1990, с. 337-338).

⁵ До настоящего времени также не имеется однозначного объяснения этого обозначения должностного лица, которое в разных смысловых значениях содержится в Присяге и херсонесских надписях римского периода (см., например, с литературой и ср.: Латышев, 1909, с. 158; Жебелев, 1953, с. 223-225, прим. 4; Гайдукевич, 1955, с. 83; Доманский, Фролов, 1998, с. 61; Зубарь, 2005, с. 297-298); для сравнения разные объяснения этого понятия, засвидетельствованного в литературе и надписях многих античных городов [см.: Murakawa, 1957; Андреев, 1979].

ту или иную точку зрения, или же внося собственные коррективы и уточнения в связи с открытием новых памятников либо собственным их пониманием. В общем же всеми так или иначе осознается значимость ее содержания, зачастую без чрезмерной абсолютизации, а во взаимосвязи с археологическими, эпиграфическими и нумизматическими источниками, позволяющими шире раскрыть важные проблемы и частные вопросы исторического и экономического развития Херсонесского полиса в период раннего эллинизма.

Заодно обращает особое внимание тот факт, что этот единственный в своем роде исторический источник до сих пор не имеет всеми признанной датировки. Хотя Жебелев указывал, что «Латышев на основании орфографии надписи и характера ее письма определил ее время: конец IV – начало III в. до н. э., и эта дата завоевала себе прочное место» (1953, с. 218-219), на самом деле оказывается все не так просто и однозначно. Первоиздатель все-таки колебался относительно того, когда конкретно она была составлена и вырезана на плите. Сначала он относил ее к III в. до н. э. [Латышев, 1892, с. 6], затем – приблизительно к первой половине этого века «или даже к концу IV (хотя последнее, сознаемся, несколько рискованно)» [Латышев, 1909, с. 146-147]; еще позже – к первым десятилетиям III в. до н. э. (IOSPE, I², 401). Тем не менее, указанная Жебелевым дата (то конец IV – начало III в. до н. э., то время ее опубликования в начале III в.) [Жебелев, 1953, с. 219-220] более-менее соотносится с датой (на рубеже IV-III вв., не позднее самого начала III в. до н. э.), предложенной для Присяги Виноградовым и Щегловым на основании анализа новых эпиграфических документов и археологических памятников на хоре [Виноградов, Щеглов, 1990, с. 334-335, 343]. Такая датировка, – не ограниченная конкретными годами, что позволяет каждому автору, исходя из собственных представлений, их суживать либо несколько расширять, – не вызывает особых возражений у большинства ученых, привлекавших те или иные сведения из Присяги в своих работах [ср.: Гайдукевич, 1955, с. 77; Анохин, 1977, с. 48; Соломоник, 1988, с. 12; Кутайсов, 1990, с. 158; Он же, 2004, с. 118; Доманский, Фролов, 1998, с. 60; Зубарь, 2004, с. 45; Он же, 2005, с. 154; Уженцев, 2006, с. 114]. И все же нельзя утверждать, что именно эти датировки приводятся абсолютно всеми авторами. Так, периодически указываются как сравнительно более узкие – лишь начало III в. до н. э., первые десятилетия, первая четверть либо треть этого же века [ср.: Щеглов, 1976, с. 4; Он же, 1978, с. 127; Сапрыкин, 1982, с. 43-63; Соломоник, 1984, с. 72; Она же, 1986, с. 288; Она же, 1990, с. 9; Яйленко, 2001, с. 182], так и более расширенные, например, конец IV – первая четверть III в. [Бондаренко, 2003, с. 39; Он же, 2007, с. 95], вообще III в. [Кухтина, 1979, с. 66; Бабинов, 1997, с. 11], III или даже IV в. («dem 3. oder sogar 4. Jhd. v. Chr.» [Gavrilov, 1998, S. 60]. Кроме того, на основании разных источников и разных методических принципов были предложены и абсолютные датировки надписи, например: после поражения тирании в Гераклея Понтийской – т. е. в 281-280 гг. до н. э. [Леви, 1947, с. 99], а также 275 г. до н. э.

[Saprykin, 1994, p. 73, 76; 1997, p. 193]. Таким образом можно констатировать, что к настоящему времени не имеется общепризнанной всеми исследователями одной и той же даты Присяги, что, несомненно, и в дальнейшем будет способствовать неоднократному обращению к этому вопросу. Разноречивые версии на этот счет не позволяют сейчас сделать уверенного заключения о том, что в научной литературе когда-либо в будущем будет так точно установлена достоверная абсолютная дата. Скорее всего, снова появятся какие-то уточнения и гипотезы, в особенности после новых находок хронологически близких лапидарных надписей или коренного пересмотра вопросов о попытке антидемократического переворота, который, по данным Присяги, вслед за Жебелевым (1953, с. 223-226), признают почти все ученые [ср., например: Соломоник, 1984, с. 72-78; Она же, 1988, с. 14; Она же, 1990, с. 11; Пальцева, 1984, с. 110-114; Сапрыкин, 1986, с. 139; Виноградов, Щеглов, 1990, с. 334-347; Доманский, Фролов, 1998, с. 62-63; Кутайсов, 2004, с. 117-119; Зубарь, 2005, с. 154-156], что, впрочем, не препятствует высказывать и совсем иные взгляды⁶.

Вместе с этим нельзя не отметить, что многие авторы, так или иначе используя в своих работах имеющиеся в Присяге сведения, дают ей разные названия. Из таковых можно выделить следующие: «общегражданская присяга», «Присяга граждан Херсонеса», «гражданская присяга херсонесцев», «гражданская присяга Херсонеса», «присяга херсонесских граждан», «присяга херсонеситов», «Херсонесская присяга», «херсонесская гражданская присяга», «присяга Херсонеса Таврического» и т. д. К наиболее часто употребляемым в современной литературе относится определение «Присяга граждан Херсонеса». Действительно, именно в таковом заключены главное значение и смысловое содержание: ведь Присягу приносили все граждане полиса, стремившиеся сохранить единство гражданской общины, личную свободу и религию, демократический строй и территориальную целостность своего государства⁷.

⁶ Так, В.М. Зубарь обратил внимание на то, что «В.П. Яйленко, ссылаясь на мнение С.А. Жебелева, отмечает, что в тексте херсонесской присяги нет точных указаний на характер внутривластной борьбы, отраженной в этом эпиграфическом памятнике [Яйленко, 2001, с. 176]. Действительно это так, но нельзя впадать в другую крайность и объяснять приведенные в присяге данные исключительно внешнеполитическими факторами. В тексте присяги есть достаточно указаний на то, что борьба была направлена на сохранение демократического строя в Херсонесе, а косвенные данные свидетельствуют о попытке его свержения незадолго до принятия присяги, что не позволяет согласиться с мнением В.П. Яйленко. Сам С.А. Жебелев также не отрицал попытки антидемократического переворота, хотя и не уточнил его характер [Жебелев, 1953, с. 225]» [Зубарь, 2005, с. 154-155, прим. 32].

⁷ Латышев первоначально определил ее общегражданской присягой (1892, с. 5), однако позже (1909, с. 147-149) считал, что это была обычная ежегодная присяга, которую приносили молодые граждане – то есть достигшие совершеннолетия юноши (эфебы) при вступлении их в число граждан по аналогии с клятвой эфевов в Афинах, известной из литературных источников [Lucurg. Contra Leocr., 75-77; Pollux. VIII, 105-106]. Его точка зрения не получила поддержки, поскольку «между ними нет ничего общего», она «составлена ad hoc, и приносили ее не эфебы, а все херсонесские граждане» [Жебелев, 1953, с. 221-222; ср. Виноградов, Щеглов, 1990, с. 337-338].

Любопытно также проследить, как ученые наделяли Присягу разными своего рода хвалебными эпитетами, представляющими общую оценку всего документа. По широте подлинного смысла и обоснованию они, естественно, не равнозначны, что, видимо, зависело от того или иного понимания его значения как исторического источника. Так, Латышев отводил ей «первое место между надписями, найденными в 1889-1992 гг. и второе между всеми до сих пор известными эпиграфическими памятниками Херсонеса по своей важности», отметив громадное значение документа (1909, с. 142, 146). В свою очередь Жебелев в самом начале статьи констатировал, что в Северном Причерноморье сохранились три замечательных эпиграфических памятника: ольвийский декрет в честь Протогена, херсонесский декрет в честь Диофанта и гражданская присяга Херсонеса. Исходя из этого ясно, что она поставлена на последнее место. Судя по следующим словам ученого, можно предполагать, что такое отношение к ее оценке могло быть продиктовано и тем, что, по сравнению с первыми двумя, достаточно полно изученными, Присягой «заялся, строго говоря, один В.В. Латышев» [Жебелев, 1953, с. 218]. Признав таким образом, что она относится к одному из трех замечательных эпиграфических памятников, Жебелев в своей работе чаще всего использовал определение «херсонесская присяга» в соответствии с названием своей статьи либо просто «присяга», что, естественно, не значит, что он не понимал ее значения.

Тем не менее, в краткой характеристике эпиграфических источников для изучения истории античных городов Северного Причерноморья он лишь частично изменил свое мнение. К документам государственного значения им отнесены «такие уники, как ольвийский декрет IV в. до н. э., регулирующий денежное обращение в Ольвии, декрет второй половины III в. до н. э. в честь ольвийского гражданина Протогена, содержащий очень ценные данные для характеристики положения Ольвии в указанное время, херсонесская гражданская присяга конца IV – начала III в. до н. э., документ начала II в. до н. э. о договоре Херсонеса с понтийским царем Фарнаком, херсонесский декрет последнего десятилетия II в. до н. э. в честь Диофанта, полководца Митридата Евпатора» [Жебелев, 1955, с. 10]⁸. Как видно, Присяга вторично заняла третье место, но уже после двух ольвийских декретов и впереди последующих хронологически более поздних херсонесских. Как бы то ни было, все надписи Жебелевым определены как уники, хотя Присяга граждан Херсонеса снова поставлена все-таки в ряду других эпиграфических памятников.

Для сравнения с такой характеристикой можно привести определения Присяги другими авторами. Так, тоже в кратком описании эпиграфических памятников Северного Причерноморья в античную эпоху Э.И. Соломоник

⁸ Эта работа Жебелева была написана незадолго до начала Великой Отечественной войны, в первый год которой он погиб в дни блокады Ленинграда, и издана по прошествии многих лет в сборнике, посвященном истории и культуре античных городов Северного Причерноморья, инициатором создания которого он был.

резонно выделила ее как единственный государственно-правовой документ начала III в. до н. э. [Соломоник, 1986, с. 288]. Она же считала Присягу, занявшую первое место в каменной летописи Херсонеса, наряду с декретом в честь Диофанта, выдающимися эпиграфическими памятниками [Соломоник, 1988, с. 14; Она же, 1990, с. 9-11]. Значительная роль Присяги граждан Херсонеса для раскрытия малоизвестных страниц его истории обусловила и ряд других обобщающих определений: «знаменитая присяга» [Каллистов, 1940, с. 172; Тюменев, 1955, с. 46-47; Сапрыкин, 2005, с. 48]; «подлинный документ огромной государственной важности – торжественная присяга граждан Херсонеса Таврического» [Щеглов, 1976, с. 4]; «известная херсонесская присяга» (Анохин, 1977, с. 48); «жемчужина причерноморской эпиграфики – Присяга херсонеситов» [Виноградов, Щеглов, 1990, с. 334; Vinogradov, 1997, S. 443]; «один из наиболее интересных памятников эпиграфики – Херсонесская присяга» [Зубар, 1998, с. 289]; «уникальный документ античного времени – присяга граждан Херсонеса Таврического» [Бабинов, 1997, с. 10; Бондаренко, 2003, с. 39; Он же, 2007, с. 95]; поистине бесценный документ [Доманский, Фролов, 1998, с. 59]. Вряд ли приведенные здесь в их многообразии определения Присяги преувеличены. В той или иной степени они указывают на действительно бесценный, единственный в своем роде уникальный эпиграфический документ, отражающий собственно политическую, экономическую и религиозную жизнь только херсонесской гражданской общины, которая не находит прямого сходства с другими эллинскими полисами, несмотря на попытки сравнить и сблизить присяги эфебов или граждан разных древнегреческих городов [см., например: Латышев, 1909, с. 149 сл.; Жебелев, 1953, с. 221-223].

Учитывая все содержание текста Присяги, причины и время ее принятия, нельзя не указать, что в ней заключен глобальный и, возможно, первый неожиданный кризис не только в Херсонесском государстве, но и в самой гражданской общине – основе полиса. Кризис возник, как почти всеми признано, в связи со стремлением кучки приверженцев олигархического режима упразднить демократию и, соответственно, расколоть единство гражданского коллектива Херсонеса. Отправные точки рассуждений и заключений исследователей, касавшихся вопросов граждан и гражданской общины Херсонеса в Присяге, не одни и те же⁹. Они находились в зависимости от того, на каких

⁹ Это не значит, что вопросам гражданской общины Херсонеса вообще не уделялось внимания. Немалую роль в аргументации количества владевших участками земли свободных граждан, в частности, середины – второй половины IV в. до н. э., с одной стороны, играют расчеты на основе анализа системы размежевки на Гераклеяском полуострове, в результате чего их было примерно 2 000 человек, а с учетом членов их семей – не более 11 000 [см. с литературой: Зубарь, 1993, с. 17-18; Он же, 2005, с. 129-150], с другой же, количество домов в городе на основании реконструкции градостроительного плана в сопоставлении с числом мест в театре, что в общем не превышало 1 000 человек, на которых был первоначально рассчитан Херсонес, хотя через поколение эта цифра могла удвоиться [Буйских, Золотарев, 2001, с. 130; Буйских, 2009, с. 13-14,

собственно данных акцентировалось их внимание. С самого начала, как отметил еще Жебелев, Херсонес был полисом, имел своих политов, образовывал то, что в Присяге (параграф 9) обозначено термином койнон – гражданскую общину [Жебелев, 1953, с. 219].

В другом аспекте два термина Присяги (полис и хора) кратко рассмотрены Щегловым: полис в узком значении – это «город, городское поселение», т.е. ремесленный, торговый, культурный, а также политический или административный центр определенной территории», в более широком смысле – полис был равнозначен нашему понятию «государство»; «хора» – земледельческая территория полиса, служившая основной экономической базой города [Щеглов, 1976, с. 6]. При этом в связи с Присягой не было обращено внимания на главную внутреннюю сущность полиса, а именно – гражданскую общину, о которой все же дальше шла речь, но уже вне контекста этого документа (Там же, с. 15).

Согласно Виноградову и Щеглову, клятву приносили *гетерогенные* по своим бывшим политическим убеждениям граждане с целью добиться единодушия и согласия всех граждан, представлявших собой коллектив единомышленников-демократов (1990, с. 345-346). Из текста Присяги ясно, что Херсонес был определенным социополитическим единством, гражданской общиной, полисом, демократической республикой, на что указывают такие понятия как «свобода», «народ (демос) херсонеситов», прямое определение «демократия», соответствующие установления и институты, в частности народное собрание, общинная религия и культы [Доманский, Фролов, 1998, с. 61]. Присяга удостоверяет, что народное собрание состояло из всех полноправных, владевших землей членов гражданской общины – полиса; только они имели право избирать и быть избранными в полисные органы власти [Зубарь, 2005, с. 294]. Характер и сущность гражданской общины Херсонеса, по данным Присяги, хотя и в тезисной форме раскрыт Ю.А. Бабиновым. Основные его положения заключаются в следующем: публичная клятва – акт сопричастности отдельной личности общей идее, единым принципам и нормам, что служило эффективным средством для укрепления демократии; она демонстрирует развитые формы гражданской ответственности, характерные для полисной демократии; свои гражданские обязанности херсонеситы, вне всякого сомнения, считали одной из важнейших добродетелей свободного и воспитанного эллина, отличающего его от варвара или раба; присяга – свидетельство сохранения возвышенного идеала религии; в ней зафиксирована тождественность гражданской и религиозной общин, принципиально отвергается идея их раздельного существования, а

24, 29; ср. Зубарь, 2005, с. 142-143]. Выказаны также предположения, что херсонесская гражданская община делилась на три дорийские филы и на гекатостии (сотни) – военно-политические подразделения общины [см. с литературой: Сапрыкин, 1986, с. 61; Виноградов, Щеглов, 1990, с. 317; Виноградов, 1993, с. 61-66; Зубарь, 2005, с. 294-295].

следовательно подтверждается автономность религиозного сообщества [Бабинов, 1997, с. 10-11].

В контексте с понятием гражданской общины можно добавить, что, начиная с древнегреческих историков, полис в представлении эллина – это прежде всего «люди, а не стены» (Thuc. VII, 77, 7). В каждом древнегреческом полисе религия занимала весьма значительное место во многих сферах жизни его жителей, несмотря на ее разные проявления, изменения и региональные особенности [см. с литературой: Nilsson, 1978; Polignac, 1984; Idem, 1995; Sourvinou-Inwood, 1991; Simon, 1998; Суриков, 2002; Русяева, 1992; Она же, 2005; Зубарь, 2005]. Вообще, исходя из всех наблюдений, полис представляет собой городскую гражданскую общину, конституирующую себя не только в качестве политической организации – государства, но вместе с тем и в качестве религиозной организации [Суриков, 2005, с. 57]. Вне гражданской общины, многочисленных культов богов-покровителей и защитников немыслим никакой полис. Судя по отдельным параграфам Присяги, в Херсонесе, в его внутренней и внешней политике при демократической форме правления главное место занимали граждане – единомышленники, для которых характерна очень тесная связь с полисной религией. В эмоциональном тексте Присяги прослеживается доказательство личной свободы каждого гражданина и его роли в общем коллективе граждан; в ее начале и конце торжественно произносятся имена эллинских богов и богинь, повторяются термины «государство», «демос», «гражданин», адекватный значению полиса демотикон «херсонеситы», что в общем не оставляет сомнений в том, что здесь они представляли собой единую гражданскую общину эллинов, преисполненных стремлением сохранить в целостности и сохранности созданное ими государство, город Херсонес, демократию и верность отеческим божествам в их многообразии.

«Если херсонесская присяга, – говоря словами Жебелева, – по многим вопросам лишь дразнит пытливость исследователя и, не давая конкретных указаний, заставляет его довольствоваться высказыванием тех или иных предположений, то в тексте присяги имеется одно слово, которое остается неразгаданным до сих пор» [Жебелев, 1953, с. 234-235]. Оно упомянуто лишь один раз в параграфе 6: «Я буду охранять для народа «састер» и не буду разглашать ничего из сокровенного ни эллину, ни варвару, что должно принести вред государству» [Жебелев, 1953, с. 217]. Что именно скрывается под этим «састер», который обязан охранять для своей общины каждый херсонесский гражданин и в связи с чем он не должен разглашать какие-то тайны (нечто сокровенное) никому из посторонних, – будь то эллин или варвар, – остается до настоящего времени окончательно не выясненным: такое слово не зафиксировано ни в древнегреческом, ни в другом каком-либо из языков. Это, естественно, дает повод с самых разных методических позиций подходить к его объяснению. Однако, пока ни одну из множества предложенных разными авторами интерпретаций и гипотез нельзя считать общепринятой. Подробное

основе ΣΑΣ– очень распространенный греческий суффикс –ТНР» [Жебелев, 1953, с. 244]. В соответствии с таким пониманием, «херсонесский гражданин клятвенно обязывался оберегать кумир таврского божества, его «састер», ставший для Херсонеса палладиумом», тем более, что в культуре Девы играли важную роль ее явления, подаваемые в них знамения, относящиеся к *secreta sacrorum*; культ Девы был общим и для греков, и для тавров, вследствие чего упоминание о «варварах» в присяге находит свое полное оправдание и имеет полное реальное обоснование (Жебелев, 1953, с. 245-246). Тем не менее, в окончательном заключении эти суждения все же не звучали столь уверенно. Следует отдать должное признанию Жебелева, что при попытке толкования ΣΑΣΤНР ему пришлось идти по неровному и порою скользкому пути: «Приемлемо ли мое толкование, судить не мне. Я высказал предположение и только как таковое прошу его рассматривать (выделено А.Р.). Утверждать же я могу лишь следующее: 1) ΣΑΣΤНР – термин, служащий для обозначения предмета неодушевленного; 2) этот термин на основе греческого языка объяснению не поддается; 3) при всякой попытке истолкования этого термина должно исходить из контекста всего параграфа 6 херсонесской присяги» [Жебелев, 1953, с. 247].

Видимо, на вторичное издание его статьи сразу же обратил пристальное внимание В.Д. Блаватский, совершенно в ином ключе представивший объяснение этого термина [1954, с. 231-238]. Предварительно критически рассмотрев все известные высказывания многих ученых, он в обобщенной форме выделил пять главных истолкований: 1) наименование различных типов магистратов (А. Скиас, Ф.Ф. Соколов, Е. Миннз, М. Эберт, М.Р. Фасмер, Н.И. Новосадский); 2) понимание в смысле *soter* (спаситель), в роли которого может выступать любой гражданин (С.А. Селиванов); 3) наименование греческой золотой монеты – статер (И.Цингерле); 4) название идола таврской и херсонесской богини Девы (С.А. Жебелев, И.И. Толстой, Д.П. Каллистов, В.Ф. Гайдукевич); 5) обозначение местности, особо важной для города, возможно, мыса (Ж. Робер, Л. Робер). При этом Блаватский критически отнесся к объяснению термина ΣΑΣΤНР Жебелевым, не согласившись ни с одним из его доводов, за исключением важного наблюдения, отмеченного еще Латышевым, по которому можно уверенно считать, что таковой обозначал неодушевленное существо. Точно так же как Латышев и Жебелев, – каждый в свое время, – Блаватский пришел к выводу, что ни одно из имеющихся предположений не может быть принято. За основу собственных поисков в толковании загадочного слова он взял тезис Латышева, что в таком деле уместна осторожность, поскольку никто не дал ему вполне надежного объяснения. В результате сопоставлений с глаголами ΣΑΖΩ=ΣΑΤΤΩ, означающими «наполнять, нагружать, вооружать», Блаватский полагал, что ΣΑΣΤНР могло быть наименованием хранилища или государственной казны, арсенала или склада продовольственных запасов, что увязывается с

предшествующими и последующими фразами Присяги, трактующими гражданские обязанности херсонесцев, и представляет собой наиболее вероятную гипотезу [Блаватский, 1954, с. 236-238]. Скорее всего, последнее из возможных наименований дало основание и А.Н. Карасеву усматривать састер в раскрываемом здании IV в. до н. э. на городище «Чайка», которое являлось херсонесской торговой факторией для хранения больших запасов зерна и других сельскохозяйственных продуктов [Карасев, 1967, с. 18].

Во второй половине 90-х годов прошлого века были почти синхронно опубликованы разные по сути и смыслу сопоставления термина ΣΑΣΤΗΡ с древнегреческим словом ΖΩΣΤΗΡ [ср. Hind, 1996, p. 73-77; Русяева, 1996, с. 95; Gavrilov, 1998, S. 60-72; Русяева, Русяева, 1999, с. 83-95]. Однако первое предположение о том, что это может быть название какого-то места, по примеру мыса ΖΩΣΤΗΡ в Аттике с аналогичным суффиксом, было высказано намного раньше А. Коцеваловым [Kocevalov, 1948, S. 169; ср. Bull. Epigr., 1950, № 151; Gavrilov, 1998, S. 61, прим. 4]. Тем не менее в наиболее развернутой форме отождествление этих слов рассмотрено А.К. Гавриловым в докладах в конце 70-х годов в Ленинграде и на международном конгрессе эпиграфистов в 1987 г. в Софии, хотя статья на эту тему была опубликована значительно позже [Gavrilov, 1998, S. 60, 72].

В оригинале им приведен отрывок из Присяги, в котором, если исходить из нумерации Жебелева, совмещены параграфы 5 и 6 (строки 22-28), но подчеркнута короткая часть, касающаяся только этого термина (к сожалению, без перевода и авторского комментария о его связи со всем пассажем). Отметив, что истолкование неясного выражения является одной из проблем северопонтийской эпиграфики, Гаврилов также критически кратко проанализировал разные суждения предыдущих исследователей, уделив особое внимание попыткам тех ученых, которые использовали разные языки и соответственно давали собственные объяснения этого слова (см. подробнее: Gavrilov, 1998, S. 61-66). В его понимании они не убедительны, неправдоподобны либо совсем шаткие, а некоторые даже фантастические. В итоге осмысления ΣΑΣΤΗΡ как греческого слова и отождествления его с ΖΩΣΤΗΡ с учетом дорийских традиций Херсонеса и торжественного характера текста Присяги, Гавриловым было предложено понимать его по смыслу в разных вариантах: *боевой пояс* Геракла, игравший заметную роль в рассказах о Геракле в Северном Причерноморье (Hdt. IV, 8-10); *Пояс Девы* как защитницы города, с которым могла быть связана реликвия, служившая предметом культа в Херсонесе; указание на *оружие* самих приводимых к присяге, которое иногда лежало у ног дающих клятву, по аналогии с дорийской клятвой Дрерских эфэбов; но правдоподобнее оно употреблено как фигуральное выражение, так что «(боевой) пояс» означал в нем «*воистинный дух*» [Gavrilov, 1998, с. 67-72]. Однако после предложенных версий автор отметил, что не считает отождествление ΣΑΣΤΗΡ и ΖΩΣΤΗΡ доказанным, хотя «эту возможность бесполезно учесть наряду с предлагавшимися ранее» [Gavrilov, 1998, с. 72].

Вместе с этим следует также отметить, что этот термин в ином значении сопоставлялся с ΖΩΣΤΗΡ – название мыса Маячного [см. подробнее: Hind, 1996, с. 73-77]. Во взаимосвязи с культом Партенос в ипостаси полисного верховного божества и с целью возможной локализации мыса Партеий с ее святилищем был также рассмотрен этот термин и автором данной статьи¹⁰. После историографического обзора было отмечено, что содержание Присяги в целом чаще всего интерпретировалось вне духовной культуры херсонеситов, за редким исключением, когда отмечалось клятвенное обращение к божествам, без которого не обходится ни один такого рода документ. Между тем, Присяга построена как развернутый перечень всех важнейших компонентов государственной политики, где религия, как составная часть, должна была занимать свое определенное место. Поэтому было бы странно, если бы в Присяге не содержался хотя бы намек на эту сферу жизни херсонесских граждан. В содержании параграфа, в котором он стоит, можно выделить три вида информации: херсонесские граждане обязаны оберегать ΣΑΣΤΗΡ, каждый из них знает относительно него нечто сокровенное, разглашение этой тайны эллину или варвару может принести вред государству. Если это так, то данный термин в своей совокупности включает в себя двойной, а может даже и тройной завуалированный смысл, но не представляет ничего таинственного для херсонесских граждан. На основании разных суждений и аналогий было высказано предположение, что херсонесский термин идентичен по своему значению (как религиозно-мифологическому, так и семантическому) слову ΖΩΣΤΗΡ в его, вероятно, умышленно измененном произношении, хотя таковое могло произойти и случайно в простонародном говоре вследствие дорийского диалекта, и по всей вероятности, так могли называть священный мыс, по аналогии с Аттикой. Вместе с тем он может служить своеобразной нитью для раскрытия одного из элементов тайного обряда Партенос: особой двойной символикой слова ΖΩΣΤΗΡ – «девичий пояс» и «воинский пояс». Возможность такого отождествления заложена в мифотворческом сознании херсонеситов, конкретнее жрецов, которые преподносили все новшества в почитании Партенос своим согражданам как самоочевидные факты, связанные со свойственными ей эпифаниями и знаменами. В системе религии Партенос, как верховного божества полиса, не могло не существовать обряда, относящегося к ритуальной подготовке и посвящению эфебов в граждане. При том, что каждый гражданин одновременно являлся членом народного ополчения полиса, то это касалось и его воинских обязанностей. В священной традиции херсонеситов эти обряды считались тайной, как многое другое, что было

¹⁰ К сожалению, о несколько сходных сопоставлениях в работах А. Коцевалова и А.К. Гаврилова я узнала значительно позже [см. Русяева, 1996, с. 95 и ср. Русяева, Русяева, 1999, с. 92], после получения статьи от А.К. Гаврилова, за что я еще раз выражаю ему благодарность. Если бы мне раньше были известны толкования термина ΣΑΣΤΗΡ Коцеваловым, Гавриловым, Хиндом, то, скорее всего, я бы коснулась его только в историографическом аспекте.

преимущественно по политической и экономической истории Херсонесского государства, Виноградов и Щеглов, отнесли загадочное слово $\Sigma\Lambda\Theta\text{N}\Pi$ из-за многократных попыток его объяснения к проблеме *perpetuum mobile* [Виноградов, Щеглов, 1990, с. 347, прим. 179; ср. Vinogradov, 1997, S. 458, Anm. 179].

Наконец, поскольку статья посвящена памяти безвременно ушедшего известного и неутомимого исследователя Херсонеса В.М.Зубаря, важно привести и его высказывания относительно этого термина: «Весьма интересна попытка, предпринятая А.С. и М.В. Русяевыми, решить вопрос о значении термина $\Sigma\Lambda\Theta\text{N}\Pi$ Присяги граждан Херсонеса (IOSPE, I², 401), которому посвящена огромная литература [Русяева А., Русяева М., 1999, с. 83-86]. Но с сожалением следует признать, что предложенная новая интерпретация этого термина как священной местности, связанной с культом Партенос, и проведенная параллель между «Састер» херсонесской Присяги и «Зостер» [Русяева А., Русяева М., 1999, с. 86-96], остаются лишь попыткой, хотя и весьма оригинальной. Интерпретация термина $\Sigma\Lambda\Theta\text{N}\Pi$ продолжает оставаться проблемой *perpetuum mobile* [Виноградов Ю.Г. Щеглов, 1990, с. 347, прим. 179; ср. Доманский, Фролов, 1998, с. 63-64; Бондаренко, 2003, с. 39-42], которую невозможно убедительно решить без появления новых источников. Объяснить термин $\Sigma\Lambda\Theta\text{N}\Pi$ можно не логическими построениями, а только на основании содержания новых эпиграфических памятников, которые пока еще не найдены. Но его связь с сакральной жизнью Херсонесского полиса вполне вероятна...» [Зубарь, 2005, с. 405]. Приведенная цитата свидетельствует о том, что В.М.Зубарю, прекрасно знавшему обширную библиографию о Херсонесе, исследованию которого он отдал многие годы своей жизни, так же как и мне, не были известны истолкования других авторов о сопоставлении $\Sigma\Lambda\Theta\text{N}\Pi = \Omega\Theta\text{N}\Pi$. В конечном результате он прав и в том, что нельзя достоверно раскрыть значение термина $\Sigma\Lambda\Theta\text{N}\Pi$ из Присяги без находок новых надписей, но, разумеется, только таких, благодаря которым можно было бы вне всяких сомнений и предположений его объяснить.

В связи с этим весьма любопытно, что когда этот обзор уже был полностью завершен, совершенно случайно мной была обнаружена совсем недавно опубликованная статья с еще одной интерпретацией рассмотренного термина в соотношении с находкой в Херсонесе греческого частного делового письма [Макаров, 2009, с. 49-61]. Зафиксированное в нем слово $\Theta\Upsilon\Lambda\text{K}\text{O}\Sigma$ («мешок») послужило поводом для отождествления диалектного слова $\Sigma\text{A}\text{K}\text{N}\Pi$, согласно словарю Гесихия,¹² с загадочным термином $\Sigma\Lambda\Theta\text{N}\Pi$ из Присяги граждан Херсонеса. Для доказательства идентичности этих слов в значении «мешок», в частности «мешок для хранения ценностей», и метонимически – «городская

¹² Иные интерпретации относительно сходных сопоставлений были высказаны и значительно раньше [см. с литературой: Gavrilo, 1998, S. 65].

казна, городские доходы» И.А. Макаров, в отличие от Жебелева и других авторов, использовал не только параграф 6¹³, но и предшествующий ему 5, соединил их в одну клаузулу с уточненным переводом: «Я исполню наилучшим и справедливейшим образом для полиса и граждан обязанности магистрата и члена Совета, я сохраню *састер* для народа, я не разглашу никакой тайны ни эллину, ни варвару, если это способно принести вред полису» [Макаров, 2009, с. 55; ср. Латышев, 1892, с. 2; Он же, 1909, с. 145; Жебелев, 1953, с. 217, 235]. В общем, автор считает, что предложенная им интерпретация этого термина «полностью отвечает содержанию соответствующего параграфа гражданской присяги херсонеситов», в которой из-за «достаточно общего, причем религиозного характера»... «не могли перечисляться конкретные меры, направленные на предотвращение финансовых злоупотреблений», поэтому «принимавшие присягу торжественно клялись в течение срока своих полномочий «сохранить казну для народа» [Макаров, 2009, с. 60].

Таким образом, по данным разных публикаций, в том числе с историографическими обзорами, можно кратко еще раз перечислить основные истолкования слова ΣΑΣΤΗΡ из Присяги граждан Херсонеса, которые дают более наглядное и четкое представление о том, сколь много мнений и гипотез зафиксировано в литературе и какие авторы так или иначе приходили к сходным объяснениям или соглашались с высказанными ранее¹⁴:

1. *Reipublicae status vel legum summa* – государственное установление или совокупность законов (В.В. Латышев);

¹³ При этом Макаров указал «на два важных наблюдения, сформулированных в процессе дискуссии С.А. Жебелевым, которые, очевидно, выдержали проверку временем: «1) ΣΑΣΤΗΡ – термин, служащий для обозначения предмета неодушевленного; 2) при всякой попытке истолкования этого термина должно исходить из контекста всего параграфа 6 херсонесской присяги» [Жебелев, 1953, с. 247], однако присоединил к нему и предыдущий параграф [Макаров, 2009, с. 56]. Здесь также можно вспомнить, что Виноградов и Щеглов, наоборот, считали, что стоящие один за другим параграфы 6 и 7, были «явно связаны текстологически» [Виноградов Щеглов, 1990, с. 347]. Важно отметить и то, что Жебелев обращал внимание на построение параграфа 6, считая, что «он состоит из двух предложений, связанных союзом ΚΑΙ» [Жебелев, 1953, с. 237]. В таком случае, вероятно, что это была вообще отдельная очень краткая клаузула: «Я буду охранять для народа ΣΑΣΤΗΡ». Хотя в дискуссии с Латышевым относительно его перевода: «Я буду служить демургом и членом совета как можно лучше и справедливее для города и граждан» [Латышев, 1909, с. 145] Жебелев и уточнял значение термина «демург» и производные от него (1953, с. 223-225, прим. 4), тем не менее в общем тексте Присяги оставил свой перевод параграфа 5 в ином изложении: «Я буду служить народу и советовать ему наилучшее и наиболее справедливое для государства и граждан» (Там же, с. 217 (5)). При сравнении именно такой текст более соответствует Присяге всех граждан Херсонеса, а не только эфэбов, как считал Латышев, или вновь избранных магистратов и членов Совета, тем более, что среди принимавших ее находились как уже отслужившие свои должности, так и те, кто не обязательно должен был быть избранным; кроме того, понятие «демург», столь многозначное и для Херсонеса в разные периоды его истории, все еще вызывает споры (см. прим. 4).

¹⁴ Этим числом, конечно, не ограничивается количество вариантов и версий разных истолкований (см. дополнительные данные: Блаватский, 1954; Gavrilov, 1998).

2. Разные магистраты и особые должностные лица, в том числе стратег (А. Скиас, Н.И. Новосадский, М. Эберт, М.Р. Фасмер, К.Э. Гриневич);
 3. Новый государственный чиновник (Ф.Ф.Соколов, Е. Миниз);
 4. Блюститель или защитник народных прав Сотер (М. Бреаль, Г. фон Гер-ринген, С.А. Селиванов, П. Фукар, Ф. Бехтель);
 5. Скифский правитель и охранитель херсонесских территорий (Л.А. Ель-ницкий);
 6. Статер – золотая монета, общераспространенная монетная единица (И. Цингерле);
 7. Таврский кумир (ксоан) Девы – таврского божества, ставший для Херсонеса палладиумом¹⁵ (С.А. Жебелев, В.Ф. Гайдукевич, И.И. Толстой, Д.П. Каллистов);
 8. Кумир либо ипостась херсонесской богини Партенос (Я.В. Доманский, Э.Д.Фролов, И.А.Гвоздева, Т.Б. Гвоздева);
 9. Хранилище, государственная казна, арсенал или склад продовольствен-ных запасов зерна (В.Д. Блаватский);
 10. Здание-хранилище больших запасов зерна и фактория на городище «Чай-ка» (А.Н. Карасев);
 11. ΣΑΣΤΗΡ = ΣΑΚΤΗΡ – «мешок», городская казна (И.А. Макаров);
 12. ΣΑΣΤΗΡ=ΖΩΣΤΗΡ – боевой пояс Геракла; Пояс Девы как защитницы города; метафорическое «воинственный дух» (А.К. Гаврилов);
 13. Название «священного мыса» по аналогии с мысом ΖΩΣΤΗΡ в Аттике (И. Коцевалов, Л. и Ж. Робер, Дж. Хинд, А.С. Русяева);
 14. Религиозная книга, божественный свод (О.Н. Трубачев);
 15. Священный меч (А.А. Белецкий);
 16. Специальный храмовый архив (М.Е.Бондаренко);
 17. Геодезический угломерный инструмент (Е.В. Кухтина);
 18. Vox obscurissimae significationis – термин загадочного значения (В. Дит-тенбергер);
 19. Dubio sensu – (Liddell – Scott – Stuart Jones, s. v. saster; Э.И. Соломоник);
 20. Проблема perpetuum mobile (Ю.Г. Виноградов, А.Н. Щеглов, В.М. Зубарь).
- Итак, этот краткий обзор показывает, что разгадкой термина ΣΑΣΤΗΡ занимались и занимаются разные авторы, предложившие в общем множе-ство интересных, но все еще однозначно не признанных объяснений его смыс-ла и значения в контексте как всего, до сих пор не имеющего на современ-ном уровне наших знаний обобщающего исследования текста Присяги, так

¹⁵ Справедливости ради следует отметить, что в понимании Жебелева ΣΑΣΤΗΡ – это не «ein Kultbild der ursprünglich wohl halbbarbarischen Stadtgöttin» [Gavrilov, 1998, S. 62] и не «наименование культовой статуи богини Партенос» [Макаров, 2009, с. 56], а древнейший примитивного вида таврской работы небольшой ксоан Девы – божества тавров, принятого херсонеситами и ставшего в Херсонесе, как и ксоаны во многих греческих святилищах, важнейшими и бесценными святынями благодаря своей глубокой древности [см. подробнее: Жебелев, 1953, с. 241-246].

- Ельницкий Л. А.* Скифия Евразийских степей. Новосибирск, 1977.
- Жебелев С. А.* Херсонесская присяга // ИООН. 1935. № 10.
- Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М. Л., 1953.
- Жебелев С. А.* Источники для изучения истории античной культуры Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М. Л., 1955.
- Зубар В. М.* Херсонес Таврийский наприкінці V – у першій половині I ст. до н. е. // Давня історія України. Київ, 1998. Том 2.
- Зубарь В. М.* Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев, 2004.
- Зубарь В. М.* Формирование территориального государства в Западной Таврике и Херсонес во второй половине IV – первой трети III вв. до н. э. // Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н. э.: Очерки истории и культуры. Киев, 2005.
- Зубарь В. М.* Религиозное мировоззрение // Там же.
- Зубарь В. М.* Государственное устройство // Там же.
- Каллистов Д.* Роль академика Сергея Александровича Жебелева в исследовании Северного Причерноморья античного времени // ВДИ. 1940. № 1.
- Кутайсов В. А.* Античный город Керкинитида. Киев, 1990.
- Кутайсов В. А.* Керкинитида в античную эпоху. Киев, 2004.
- Кухтия Е. В.* «Херсонесская присяга» – образец эпиграфического текста (документ III в. до н. э.) // Тезисы докладов и сообщений аспирантов и молодых ученых сотрудников. М., 1979. П.
- Латьшев В. В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889-1891 гг. // МАР. СПб., 1892. № 9.
- Латьшев В. В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892-1894 гг. // МАР. СПб., 1896. № 17.
- Латьшев В. В.* ПОНТИКА. СПб., 1909.
- Леви Е. И.* К вопросу о датировке Херсонесской присяги // СА. 1947. IX.
- Микаров И. А.* Греческое письмо, найденное в Херсонесе Таврическом, и проблемы интерпретации термина ΣΑΣΤΗΡ (IOSPE P, 401) // ВДИ. 2009. № 2.
- Новосадский Н. И.* Критические и экзегетические заметки к некоторым херсонесским надписям // Вторая конференция археологов в СССР в Херсонесе. Севастополь, 1927.
- Павленков В. И.* Херсонесская присяга и проблема политического устройства Херсонеса в конце V – начале IV вв. до н. э. // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной научной конференции. Севастополь, 1997.
- Пальцева Л. А.* К вопросу об эволюции государственного строя Херсонеса в эллинистическую эпоху // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Ленинград, 1984.
- Русяева А. С.* Термин ΣΑΣΤΗΡ в Присяге граждан Херсонеса Таврического // Древнее Причерноморье. III чтения памяти проф. П. О. Карышковского. Тезисы докладов юбилейной конференции. Одесса, 1996.
- Русяева А., Русяева М.* Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999.
- Русяева А. С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев, 2005.
- Сапрыкин С. Ю.* Присяга граждан Херсонеса о хоре города в свете новых исследований // Проблемы истории античной гражданской общины. М., 1982.
- Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический: Взаимоотношения метрополии и колоний в VI – I вв. до н. э. М., 1986.
- Сапрыкин С. Ю.* Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху. М., 2005.
- Соколов Ф. Ф.* Труды. СПб., 1909.
- Соломошник Э. И.* Фрагмент надписи из Херсонеса о политических изгнанниках // ВДИ. 1984. № 3.
- Соломошник Э. И.* Эпиграфические памятники // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 2.
- Соломошник Э. И.* Древние надписи Крыма. Киев, 1988.
- Соломошник Э. И.* Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990.

- Сообщение С.А. Селиванова*. Отрывки из Херсонесской истории и эпиграфики // Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете. Протоколы заседания. Одесса, 1899. VII.
- Суриков И.Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э. М., 2002.
- Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи: архаика и ранняя классика. М., 2005.
- Толстой И.И.* Сергей Александрович Жебелев в развитии русской историографии об античности // ВДИ. 1940. № 1.
- Трубачев О.Н.* INDOARICA в Северном Причерноморье. М., 1999.
- Томенев А.И.* Херсонесские этюды. IV. Херсонес и местное население: скифы // ВДИ. 1950. № 2.
- Томенев А.И.* Херсонесские этюды. VI. Херсонес и Керкинитиды // ВДИ. 1955. № 3.
- Уженицев В.Б.* Эллины и варвары Прекрасной Гавани. Симферополь, 2006.
- Щеглов А.Н.* Полис и хора. Симферополь, 1976.
- Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Ленинград, 1978.
- Bechtel F.* Die griechischen Dialekte. Berlin, 1923. Bd. II.
- Ebert M.* Südrussland im Altertum. Bonn-Leipzig, 1921.
- Foucart P.* Culte des héros chez les Grecs. Paris, 1918.
- Gavrilov A.* Zur Deutung von ΣΑΣΤΗΡΑ im Eid der Chersonesiten // Hyperboreus. Studia classica. Petropoli. München. 1998. Vol. 4. Fasc. 1.
- Kocevalov A.* Beiträge zu dem euxeinischen Inschriften // Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft. 1948. 3.
- Murakawa K.* Demiurgos // Historia. 1957. VI. 4.
- Nilsson M.P.* Geschichte der griechischen Religion. München, 1976. Bd. I. 4 Aufl.
- Polignac F. de.* La naissance de la cite grecque: Cultes, espace et societe VIII – VII siecles avant J.-C. Paris, 1984.
- Polignac F. de.* Cults, Territory and the Origins of the Greek City-State. Chicago, 1995.
- Saprykin S.J.* Ancient Farms and Land-Plots on the Khora of Khersonesos Tayrike (Research in the Herakleian Peninsula 1974-1990). Amsterdam, 1994.
- Saprykin S.J.* Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman Domination (VI-I centuries BC). Amsterdam, 1997.
- Semenoff A.* Zum Bürgereid der Chersonesiten // Blätter für das Gymnasialschulwesen. 1894. Bd. XXX.
- Simon E.* Die Götter der Griechen. München, 1998.
- Sourvinou-Inwood Chr.* What is Polis Religion? // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxford. 1991.
- Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrussland // Veröffentlichungen des baltischen und slavischen Instituts an der Universität. Leipzig, 1923. 3.
- Vinogradov Ju.G.* Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz, 1997.
- Zingerle J.* Zum Bürgereid der Chersonesiten // Klio. 1927. 67.

А.С. Русяева

ПРО ПРИСЯГУ ГРОМАДЯН ХЕРСОНЕСА ТАВРІЙСЬКОГО І ЗАГАДКОВЕ СЛОВО ΣΑΣΤΗΡ

Резюме

У статті подані основні інтерпретації дискусійних і все ще остаточно не з'ясованих питань, що стосуються окремих відомостей та єдиного у своєму роді слова ΣΑΣΤΗΡ в унікальній Присязі громадян Херсонеса Таврійського, що була вперше опублікована В.В.Латишевим 1892 р. З того часу вона є безперечним джерелом для вивчення багатьох питань історичного, економічного та культурного розвитку цього поліса у період раннього еллінізму. Особливу увагу приділено тому, що Присяга не має загальноприйнятого датування, з різних точок зору визначаються її назва і загальна оцінка, характер політичної кризи і державного устрою, зокрема конкретне значення терміну «деміург» і перемога демократії у полісі, роль єдності громадянської общини, відносини з варварами тощо. Разом із цим розглянуто чимало найрізноманітніших тлумачень (понад 20) оригінального, і разом з тим загадкового слова або терміна ΣΑΣΤΗΡ, який у подібному написанні не зазначено у давньогрецькій мові. Загалом текст Присяги, як унікальної епіграфічної пам'ятки, заслуговує на спеціальне дослідження у повному обсязі усіх її клаузул на сучасному рівні наших знань не тільки власне Херсонеса, але й інших демократичних полісів ранньоелліністичного часу.

А. С. Русяева

О ПРИСЯГЕ ГРАЖДАН ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО И ЗАГАДОЧНОМ СЛОВЕ ΣΑΣΤΗΡ

Резюме

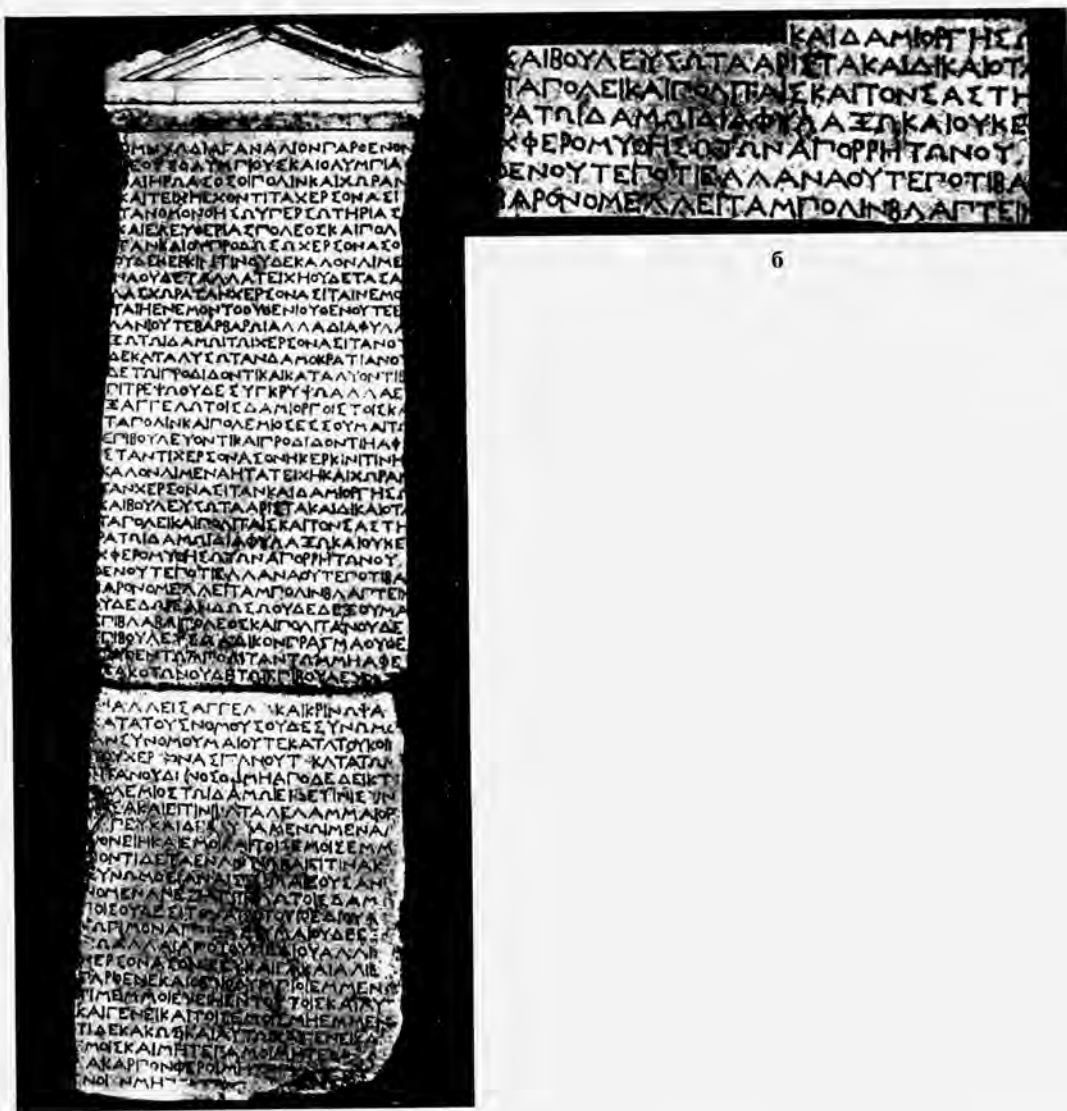
В статье представлены основные интерпретации дискуссионных и все еще окончательно не решенных вопросов, касающихся отдельных сведений и единого в своем роде слова ΣΑΣΤΗΡ в уникальной Присяге граждан Херсонеса Таврического, впервые изданной В.В.Латышевым в 1892 г. С тех пор она служит бесспорным источником для изучения многих вопросов исторического, экономического и культурного развития этого полиса в период раннего эллинизма. Особое внимание обращено на то, что Присяга не имеет общепринятой датировки, по-разному определяются ее название и общая оценка, характер политического кризиса и государственного строя, в частности конкретное значение термина «демиург» и победа демократии в полисе, роль единства гражданской общины, отношения с варварами и т. д. Вместе с этим рассмотрено множество самых разных истолкований (более 20) оригинального, а вместе с тем и загадочного слова или термина ΣΑΣΤΗΡ, который в таком написании не отмечен в древнегреческом языке. В общем текст Присяги, как уникального эпиграфического памятника, заслуживает специального исследования в полном объеме всех ее клаузул на современном уровне наших знаний не только собственно Херсонеса, но и других демократических полисов раннеэллинистического времени.

A.S. Rusyaeva

ABOUT THE OATH OF TAURIC CHERSONESOS CITIZENS
AND A MYSTERIOUS WORD ΣΑΣΤΗΡ

Summary

The article presents the main interpretations of the debatable and still not finally solved problems concerning some information and the only one in its kind word ΣΑΣΤΗΡ in the unique Oath of Tauric Chersonesos citizens that was first published by V.V. Latyshev in 1892. Since then it is a non questionable source for the study of a lot of issues in historic, economical and cultural development of the city in the Early Hellenistic period. A special attention is paid to the fact that the Oath has no generally accepted dating, that its name and the general value, the character of political crisis and the state order, for instance the specific meaning of a term *demiurge* and the triumph of democracy in the polis, the role of civic community's unity, the relations with the barbarians, etc., are determined from different points of view. Also lots of various explanations (more than 20) of an original and, at the same time, mysterious term ΣΑΣΤΗΡ, which is not known in the Greek language in this spelling, are analyzed here. In general, the text of the Oath as a unique epigraphic monument deserves a special full study of all its clausulae on a modern level of our knowledge of not only Chersonesos, but also other democratic poleis of the Early Hellenistic period.

а

б

Рис. 1. Присяга граждан Херсонеса Таврического.

ШЕВЧЕНКО Т.М.

ДОМАШНІ СВЯТИЛИЩА У ПІВНІЧНО-СХІДНОМУ РАЙОНІ ХЕРСОНЕСА¹

Основним джерелом інформації про вшанування божеств у сім'ї є культові знахідки з поховань і житлових комплексів. Відмінність між свідченнями, які можна отримати з цих двох типів пам'яток, полягає в тому, що в могилі їх розташування і вигляд відповідають уявленням тогочасного колективу, а в житлах, які продовжували використовувати наступні покоління, змінюючи, переміщуючи предмети, пов'язані з культами, свідомо (через зміни в релігійних уявленнях) чи випадково (через втрату їх первинного значення) такі джерела стають менш однозначними, та не менш цікавими.

В останні десятиліття опубліковано чимало праць, присвячених культурам окремих богів Херсонеса [Соломоник, 1984; Шевченко, Костромичева, 1986; Шевченко А. 1997; 1998; Makarov, 2002, ін.]. Вони безумовно важливі для загального вивчення культів Аполлона, Деметри, Гермеса, Асклепія, адже групують величезний накопичений матеріал і хронологічно, і за можливою культовою належністю, а також містять визначення епітетів, з якими вшановували богів. Втім, дуже рідко робляться спроби виділити і довести групову або соціальну характеристику того чи іншого культу, тобто визначити, хто саме був шанувальником божества. Адже пам'ятки, що стосуються полісного культу і ті, що відображають культу, що проводилися в колі сім'ї чи релігійного об'єднання, повинні окремо розглядатись в кожному хронологічному періоді. Про їхню належність до того чи іншого рівня культу свідчить не кількість пам'яток, а цілий комплекс характеристик.

Свідчення про родинні культу можна вважати найменш археологічно фіксованою сферою релігії. Не дивно, отже, що вивчення питань родинної культової практики є порівняно новим, оскільки воно спирається на якнайточніші археологічні дані щодо, можливо, не настільки яскравих знахідок з житлових кварталів та їхнього контексту, отримані з розкопок за сучасними технологіями. Вивчення родинних культів у Херсонесі має два напрями. Це, по-перше, дослідження окремих джерел, що є свідченнями цих культів:

¹ Цією статтею, як і всіма попередніми і наступними моїми роботами, я завдячую моему науковому керівникові і наставникові Віталію Михайловичу Зубарю за його підтримку, та й загалом спрямування мене як майбутнього дослідника. Світла йому пам'ять.

передовсім, теракот, знайдених у житлах і могилах [Белов, 1930; 1970; Кобылина, 1970, с. 12-13, 19-21; Романчук, Шевченко, 1984; Костромичева, Шевченко, 1988; Шевченко, 1988; 1998а; 2000; 2003; Латышева, 1994; Ильина, 2007], олтарів [Бабинов, 1971; 1974; Шевченко, 1995], присвятих написів [Бабинов, 1970; Соломоник 1976; ГАХ] тощо. І по-друге, це вивчення окремих домашніх святилищ, які зважаючи на стан збереженості найдавніших археологічних шарів городища, дають певні відомості про організацію релігійного життя лише в найбагатших будинках [Золотарев, 1982а; 1984а; 1985б, с. 266-276; Золотарев, Горончаровский, 1988, с. 49-50; Щеглов, 2000; Русяева, 2001, с. 41-51; 2005, с. 190-191; Зубарь, 2005, с. 36-40; 2005а, с. 406-414; Нессель, 2007, ін.].

Проведення ритуалів у будинку визначають за такими типами знахідок як олтарі, теракоти, присвяти на посуді, тощо. Деякі дослідники вбачають наявність у певні періоди своєрідної моди на той чи інший тип зображень богів, яких вшановували вдома [Шевченко, Костромичева, 1986, с. 77-86]. Втім, кардинальні зміни не були властиві херсонеському мистецтву [Шевченко, 1997, с. 258], це стосується і релігії населення Херсонеса. Масовість використання якогось типу вказує на широке побутування уявлень про заступництво божества, віри в реальність його допомоги чи то померлому, чи його живим родичам (у випадку покладання теракот в могилу), або усім членам сім'ї (у випадку зберігання теракот в домашніх святилищах)².

«Родинними» або «сімейними» культу, які проводилися біля домашнього вогнища, на могилах тощо, в літературі називають доволі рідко. Здебільшого використовується поняття «приватних культів». Однак «приватне» стосується «особистого», окремої особи. Цінність особи, вивищення особистості виникає в історії людства доволі пізно [Арьес, 1992, с. 46; Шкуратов, 1997, с. 117-118; Суриков, 2005, с. 49-51, 85, ін.]. Людина традиційного суспільства, яким була кожна спільнота, що забезпечувала себе землеробською працею, бачить себе як члена соціальної структури, як нащадка предків [Пропп, 1998, с. 128]. Тобто усвідомлюється своє чітке місце в просторі і часі, змінити це місце можна лише за допомогою визначених обставин і ритуалів. У релігійній практиці давніх греків богів вшановували в колі общини, родини, філи або гену [Фюстель-де-Куланж, 1903, с. 103; Burkert, 1985, р. 13; Parker, 1997, р. 284-285]. Вважається, що «внутрішнє вшанування» богів у межах цих соціальних груп було властиве «освіченим язичникам», філософам або їхнім учням [Фестюжьер, 2000, с. 12], і саме від них поклоніння набуває особистого характеру.

Та, очевидно, не відразу і не на всіх територіях. Давно розробляється ідея незадоволення духовних потреб індивіда релігією поліса [Штаерман, 1975, с. 9-10, 66-69, 134; Фестюжьер, 2000, с. 12; Шайд, 2003, с. 26]. Але такі процеси пов'язують із часом кризи самого поліса. Щодо періоду розквіту поліса, йдеться про актуальність та відповідність релігії тогочасній політичній та соціальній

² Щодо дискусійності у віднесенні зображень до культових чи жанрових див.: Шевченко Т. 2008.

ситуації. Релігія предків залишається близькою для еллінів ще тривалий час, не дивлячись на нововведення, підхоплені соціальною верхівкою. Якщо божество допомагало, наприклад, у військовій справі, то допомога ця поширювалась і на все військо (общину), і на одного воїна (індивіда). Але на винятковості окремої особи не наголошувалось [Суриков, 2005, с. 49-51]. Звичайно, вона була важливою як громадянин, який має право голосу у вирішенні питань, що стосуються всього поліса, як той, хто займає певну посаду в полісному устрої, як глава родини, як власник земельного наділу (в межах співвласності общини). Такою ж була роль особи і в релігійному культі на різних його рівнях: культі поліса, філи, релігійного об'єднання, зокрема створеного для проведення містерій [докл. див.: Burkert 1985, р. 13], і сім'ї. Тож доцільніше, на наш погляд, послуговуватися терміном «родинний культ», що відображає вшанування богів у колі сім'ї, найчастіше вдома чи на могилах померлих родичів.

Розпізнати свідчення щодо сімейних культів видається набагато складнішим, ніж стосовно загально-полісних [див.: Шевченко Т., 2004, с. 53-54]. Родинна обрядовість і вірування еллінів були тією сферою повсякденного життя, де віра в надприродні сили, їхній вплив на людину втілювалась в конкретних діях, у способі поведінки. Логічно було б розмежувати полісні та родинні культури за місцем їх проведення: для одних існував храм, полісне святилище, для інших – дім, могили предків, можливо, земельний наділ. Але оскільки ці культури належать до однієї релігії і не протирічать одні одним, то й місця проведення обрядів теж не були уніфіковані. В храми приносили пожертви і від імені родини, коли це стосувалося, наприклад, ритуалу очищення після поховання родича, подяки після вилікування, присягання, збору врожаю. Вшанування могил предків теж іноді могло стосуватися не родини, а усього поліса, наприклад, коли влаштовували свята з відвіданням цвинтарів або звеличували героїв [ГАХ, с. 13; Burkert, 1985, р. 80].

Тож картина видається складнішою, адже вотиви, знайдені в храмі, можуть стосуватися як полісного, так і родинного культу божества (наприклад, пожертви як подяка божеству за допомогу в особистих справах: одужання, народження дитини, укладання угоди). Звідси, не лише розміри вотивних жертв, якість або матеріал виготовлення, мають враховуватися при визначенні. Навіть найбільші витрати на вотиви може брати на себе окрема родина чи особа. Тут вже має значення матеріальне і соціальне становище. Також не можемо казати про характер культу суто за кількістю знайдених пам'яток.

Від імені родини чи особи пожертви богам у вигляді їжі або теракот приносили і на домашньому, і на полісному олтарі. Пам'ятки, що пов'язані з присвятами божествам, знайдені в житлах, є більш достовірними свідченнями відправлення родинних культів [докл. див. Шевченко Т., 2007, с. 162-168]. Давньогрецька сім'я була соціальною одиницею суспільства і складалася з батьків, дітей, старшого покоління і залежних осіб, що теж вважалися її

частиною. Родина, що проживала в одному будинку, ділила спільне вогнище, навколо якого концентрувалося її господарче і релігійне життя.

При дослідженні житлового комплексу скупчення предметів, пов'язаних з культами, та наявність культових зображень на деяких із них дає можливість припускати існування домашнього святилища. На жаль, вцілілих комплексів жител відомо небагато, а свідчень про конкретну локалізацію окремих знахідок, які з них походять, – ще менше. Звівши і поточнивши, де це можливо, відомості про пам'ятки культового характеру, знайдені на території жител, можна краще уявити картину вже відомих і часто згадуваних в науковій літературі домашніх святилищ, зокрема елліністичного періоду в I, XVIII, XIX кварталах, пізньоантичного – у III кварталі, тощо, а також робити певні висновки за комплексом знахідок (зображення богів, невеликі олтарі, графіті з присвятами божествам), або за наявності хоча б двох з названих типів пам'яток, про існування сакральних місць в інших будинках і про божества, яких там вшановували в колі сім'ї.

До уваги бралися відомості про пам'ятки, зафіксовані в житлових кварталах міста, які можна вважати свідченнями культових практик, що проводилися в межах сім'ї. Тобто лише знахідки, щодо яких наявні відомості про локалізацію. Найважче було локалізувати пам'ятки з розкопок довоєнного періоду, де у звітах і публікаціях не завжди чітко вказувалася стратиграфічна одиниця, контекст. Тоді поставало питання, чи знахідка належала самому житлу того чи іншого періоду, чи потрапила, наприклад, у заповнення з шарів, що належать до наступних етапів його існування. У цьому випадку особливої ваги надавалося аналізу самих пам'яток: прийнятому в літературі датуванню кожної з них, а особливо – критеріям, що дозволяють віднести її саме до родинного культу.

У цій статті зібрано відомості про пам'ятки культового характеру, знайдені на території жител у північно-східному районі херсонеського городища, найбільш наближеному до ділянки теменоса [Золотарев М.І., Буйских 1994]. Аналіз їх локалізації, концентрації в тій чи іншій частині будинку, характеру та різних точок зору щодо атрибуції дозволяє припускати наявність нових домашніх святилищ, а також окреслити коло найбільш вшановуваних в родинах богів.

I квартал.

Будинок кінця IV-II ст. до н.е., виходить на II поперечну і Головну вулиці. Розкопки 1909 р. Р.Х. Лепера, 1975 р. М.І. Золотарьова (рис. 1).

Знахідки олтаря, зольника, теракотових зображень богинь, присвят на посуді Артеміді, Аполлону і Латоні дозволили М.І. Золотарьову зробити висновок про наявність у південній частині будинку, в приміщеннях 8 і 9 (житлові півпідвали), домашнього святилища на честь божественної тріади [Золотарев, 1975, л. 13, 33; 1975а, с. 283; 1985, с. 266-276; 1998, с. 64-66; пор.: Зубарь, 2005а, с. 408; Русяева, 2005, с. 191]. Проаналізувавши звіти розкопок

1908-1909 рр. і картографувавши знахідки культового характеру на планах різних років, можна припустити, що оскільки в приміщеннях, що межували зі святилищем, теж виявлено одночасні культові речі [Гриневич, 1930, с. 42-44], то вони могли стосуватися домашнього святилища, але були розкидані на цій ділянці внаслідок її подальшого використання.

Зі скельного заглиблення біля II поперечної вулиці походить фрагмент зображення богині сидячи на троні. У західному куті приміщення 9а знайдено уламки теракоти (п.о. 2145), світильників (п.о. 2152, 2189), чорнофігурного посуду, зокрема з плюшовим орнаментом, грузила і фрагментовану вапнякову статуетку чоловіка в туніці і плащі, вис. 28 см (АСХ, 139). У приміщенні 8аа – графіті на посуді, а також на грузилі (п.о. 2227), фрагменти світильників, чорнолакового посуду. У приміщенні 8аб, всередині кам'яного проходу, – фрагменти світильників (п.о. 2155, 2156, 2206-2208), теракотові протоми (п.о. 2157, 2158), уламок мармурової статуї.

У цистерні сусіднього зі святилищем приміщення 14 розкопками 1908 р. було знайдено велику протому богині з птахом в руці на фоні покривала кінця IV-III ст. до н.е. [Шевченко, Костромичева 1986, с. 80], що зображала вочевидь Афродіту, дрібні фрагменти теракотових зображень тварин (п.о. 4926, 4985), уламки чорнолакових і чорнофігурних посудин, зокрема з графіто «ΔΕΟ» (п.о. 4926), вотивний кружок з графіто (п.о. 4962) [Гриневич, 1930, с. 29].

У прилеглому приміщенні 6 1909 р. знайдено, крім фрагментів мармурової скульптури, зокрема з зображенням птаха (п.о. 2360), ручку рельєфної посудини II ст. до н.е. з голівкою Діоніса [Гриневич, 1930, с. 41; Белов, 1930, с. 242, рис. 33]. У сусідньому приміщенні 7 – інші фрагменти рельєфного посуду, а також римську теракоту з зображенням жінки стоячи з птахом у руках [Белов, 1930, с. 237-238, рис. 3,4].

На жаль, багато з цих знахідок відомі лише за публікацією звіту 1930 р., тож віднесення їх до певного періоду не може бути точним. Однак більшість із них вкладається в широкі хронологічні межі існування святилища. Побутування теракотових зображень богинь на троні передує йому. Тож цю ділянку житла могли використовувати як культову і до елліністичного періоду. Як свідчать одночасні зі святилищем зображення богині з птахом і птахів, вшановували тут не лише божественну тріаду. До культів цього ойкосу належав і культ Афродіти, а також, можливо, Діоніса. Не виключено, що культові речі потрапили сюди із сусіднього теменоса [Буйских, 2008, рис. 16], однак їх малі розміри і характерність для домашніх святилищ дозволяє дотримуватися висловлених міркувань.

Доповнити відомості про елліністичне святилище можуть знахідки з зовнішньої сторони стіни його приміщень, а саме, на II поперечній вулиці. На цій ділянці розкопками Р.Х. Лепера 1909 р. було виявлено наступні культові речі: фрагмент теракотової протоми Аполлона з завитками волосся над лобом, III-II ст. до н.е. (висота цілої статуетки 80 см) [Шевченко А., 1997, с. 254],

а також чорнолаковий світильник (п.о. 3052) і фрагменти червонофігурного посуду (п.о. 3054) [Белов, 1930, с. 221, рис. 3.3; 1970, № 29; Гриневич, 1930, с. 46; Шевченко, 2000, с. 17-18], фрагмент руки, що тримає складки одягу [Гриневич, 1930, с. 19; АСХ 145, № 160в], драпіровки (п.о. 3448) і голови (АСХ, с. 180) мармурових статуй великих розмірів. Фрагменти мармурових статуй датовані різними періодами, зокрема початком н.е., тож розглядуваного святилища могли стосуватися лише деякі з них. Більш показове у цьому значенні теракотове зображення Аполлона, біля якого, можливо, ставили світильники і цінний посуд. Зважаючи на те, що цього бога вшановували у цьому будинку, можна припустити, що господарі дому настільки старанно облаштували власне святилище, що безпосередньо за його стіною, на ділянці вулиці, встановили значні за розмірами зображення одного з богів святилища: теракотове і, можливо, мармурові. Це можна вважати прикладом демонстрації представниками заможних мешканців поліса свого стану й успіху. Можливо, господар дому залучав до культу свого ойкосу й інших учасників, таким чином додаючи собі суспільної ваги.

II квартал.

Будинок II, IV-III ст. до н.е. (рис. 2), що виходить на Головну вулицю, існував до I ст. н.е. У ньому було 11 приміщень, пастадний двір, знайдено залишки розписного тиньку, колони, капітель доричного ордеру [Гриневич, 1930, с. 49; Рыжов, 1985, с. 155-156; Буйских, 2008, с. 106-113, рис. 27, 28,1; пор.: Пичикян, 1984, с. 218]. Звівши результати розкопок 1909 р. і 1979 р., можна зробити висновок, що знахідки культового характеру концентрувалися у дворі, а також у приміщенні в південному куті будинку.

В кутовому приміщенні 25, що межувало з Головною вулицею, розкопками Р.Х. Лопера 1909 р. було виявлено вапняковий олтар I-х ст. н.е., заввишки 9 см, на лицьовій стороні якого в рельєфі схематично зображено людську фігуру з піднятими руками (АСХ, 564, рис. 217). У сусідньому приміщенні 23 – дрібні фрагменти теракоти (п.о. 1772) та мармурової скульптури (п.о. 3279), а також посуду, на одному з яких збереглося зображення пантери сидячи другої чверті IV ст. до н.е. [Гриневич, 1930, с. 58; Вдовиченко, Жесткова, 2006, с. 64]. Розкопками Р.Х. Лопера 1914 р. у цьому приміщенні знайдено фрагмент великої тарілки, на дні монограма, можливо ΔΑΜΤ і окремо, ΗΡΙ (або ΗΡ в лігатурі) (п.о. 161/14), IV ст. до н.е., в якій вбачають присвяту (ΓΑΧ, № 510). Знахідки різночасові, не дають уявлення про єдиний комплекс, однак наявність тут олтаря змушує припускати, що в I-х ст. н.е. тут могли відбуватися певні культові дії.

У північній половині двору розкопано олтар на ступінчатому п'єдесталі (6 x 6 м), забутованому дрібним камінням і глиною, деталлю якого вважають виявлену вапнякову плиту з букранієм [Рыжов, 1980, с. 333]. Олтарі у дворах відігравали важливе значення у культовому житті ойкосу. В Херсонесі іноді фіксують культові знахідки і комплекси, пов'язані з ними у дворах будинків

[Шевченко Т., 2007]. На жаль, невідомо, чи було у цьому кварталі поблизу виявлено культові речі. Датування самого олтаря теж проблематичне.

У прилеглому до цієї частини двору приміщенні 18с, біля північно-східної стіни зафіксовано втиснений в підлогу маленький олтар (п.о. 2842). На ділянці приміщення розкопками С.Г. Рижова 1979 р. було виявлено невеликі фрагменти теракотових зображень людей, місцевого виготовлення, а також невеликий мармуровий олтар [Рыжов, 1979, л. 11, рис. 30, 54; 1980, с. 334]. Неподалік з розкопками В.Х. Лепера у приміщенні 17 знайдено теракотову голову (п. о. 2755) і фрагмент зображення юного Геракла III-II ст. до н.е. від теракоти 70-80 см заввишки [Белов, 1970, с. 73, табл. 10, 1; 1976, с. 206; Шевченко А., 2000, с. 15]. Сусіднє приміщення 35 зараз вважається ойкосом будинку [Буйских, 2008, с. 111]. Тут у північному куті виявлено вапняковий олтар I-х ст. н.е., оббитий рельєфним зображенням змії, там же два світильники [Гриневиц, 1930, с. 62; АСХ, 575], фрагмент елліністичної теракоти, від якої вцілів ріг достатку з виноградними гронами [Белов, 1930, с. 240, рис. 28.1], уламки доволі значних за розмірами невизначених мармурових скульптур [Гриневиц, 1930, с. 54, 60; АСХ, 152, 157в], світильник (п.о. 3318), фрагменти чорнолакового і червонофігурного посуду.

Окремі знахідки могли бути пізніше перенесені з інших ділянок городища, особливо це стосується мармурових виробів, які за середньовіччя реутилізувалися. Фрагменти дрібних виробів, вочевидь, не мали такої цінності в наступні століття, хоча й вони могли бути переміщені через нівелювання шару. Однак структура будинків не змінювалася протягом віків, тож приміщення використовувалися надалі наступними мешканцями, а можливо й зберігали свої функції. Через те на тих же ділянках трапляються культові речі елліністичного періоду і перших ст. н.е.

Наявність у приміщенні в південному куті будинку і в дворі за елліністичного періоду фрагментів культових зображень і посуду з присвятами, дозволяє припустити, що тут відправлялися родинні культу. Знахідки олтарів I-х ст. н.е. свідчать, що культові місця продовжували існувати за римського періоду. Вшановували богів діонісійського кола і Деметру.

Крім цих даних, вкажемо, що у будинку I цього кварталу виявлено елліністичні зображення Афродіти [Белов, 1930, с. 234, 239, 141, рис. 14,3; 19; 26; 27; 1970, с. 73; Гриневиц, 1930, с. 65-66] і присвяту Зевсу Сотеру [Гриневиц, 1930, с. 68; ГАХ, № 1714]. Ці пам'ятки розсіяні в просторі і різномірні, однак підтверджують припущення щодо відправлення культів у родинному колі практично в кожному будинку античного Херсонеса.

III квартал.

У цьому кварталі можна визначити локалізацію домашніх святилищ у трьох будинках. Будинок I (рис. 3), приміщення 11 (у дворі або на захід від нього). Розкопками Р.Х. Лепера 1911 р. виявлено наступні пам'ятки культового характеру: біля північно-східної стіни в елліністичному шарі – вапняковий

олтар з зигзагоподібною врізаною лінією (п.о. 1951), вис. 9 см, світильники і грузила з графіті; у східній частині приміщення – фрагмент мармурового рельєфного зображення жінки сидячи (АСХ, 557); у південному куті двора будинку – два теракотових фрагменти (п.о. 2033-2034), чорнолакові уламки, в ямі – сіролошений з графіто [Гриневич, 1930, с. 84-86].

Зважаючи на знахідки у цій частині будинку олтаря, теракотових і мармурового зображень, кераміки і грузил з графіті, можна припустити наявність тут за елліністичного періоду місця родинного культу. На жаль, нема відомостей щодо особливостей зображення жінки в мармурі, тож можна робити лише загальний висновок щодо вшанування тут землеробських богинь, яких найчастіше зображали сидячи.

Пізноантичний будинок II, розташований на південний захід від центру III кварталу (рис. 3), існував з сер. I ст. н.е. до кін. III – поч. I пол. IV ст. Розкопки М.І. Золотарьова 1982, 1983, 1986 р.

Приміщення Л (2,5 x 2,5 м), одне з трьох приміщень в скелі біля входу в підвал, до яких вів коридор з двору. На підставі знахідок архітектурних деталей, олтаря, світильників, деталей культового стола воно справедливо визначене автором розкопок як домашнє святилище [Золотарев, Горончаровский 1988, с. 49-50]. Тут знайдено вапняковий профільований олтар, біля нього дев'ять червонолакових світильників з рельєфами на щитках (пань біжучи, гладіатори, сатир, собака біжучи) III ст. н.е. і фрагмент теракоти [Золотарев 1982, л. 12, рис. 36; 1983, л. 6, рис. 39, 42; 1984, с. 261; 1985а, с. 277]. Пізноелліністичні знахідки можуть вказувати на спадковість у використанні цього місця в будинку для відправлення культів.

У центрі III кварталу, між будівельними комплексами II і V (рис. 3), у приміщенні 52, дослідженому М.І. Золотарьовим 1986 р., знайдено теракотові голівки юнака-курося, можливо, Аполлона, I пол. V ст. до н.е., одна з яких з отвором для підвішування; привізну протому богині, II пол. V ст. до н.е.; графіті, окремі з яких можуть трактуватися як посвяти Гері, Аполлону [Золотарев, 1986, рис. 28]. У верхньому шарі виявлено аттичну мармурову плиту з заготовкою рельєфного зображення чоловіка V – поч. IV ст. до н.е. [Золотарев, 1986, л. 12-13, рис. 31; Шевченко А., 1998а, с. 63, 67].

На цій же ділянці, у західному куті приміщення 26 Р.Х. Лепера (відповідає провулку між будівельними комплексами II і V [Буйских, 2008, рис. 34, 35]) 1911 р. виявлено фрагмент теракотового зображення напівоголеного юнака (Ерота?), вис. 10.4 см, фрагменти чорнолакового посуду, світильника, грузило [Гриневич, 1930, с. 92; Шевченко А., 1998а, с. 62].

У III будинку (рис. 3), в північному кутовому приміщенні 46, у шарі першої половини IV ст. до н.е. виявлено фрагмент теракотового олтаря з рельєфним зображенням Аполлона, Артеміди і Латони, голову теракотового жіночого зображення, архаїчні прототи Аполлона і чотири теракотові хлібці [Золотарев, 1986, л. 12]. На підставі знахідок теракот М.І. Золотарьов у звіті

припустив, що це приміщення в пізньоархаїчний період використовувалося як домашнє святилище. Сюжети зображень свідчать, що вшановували тут Аполлона, а можливо і Деметру.

Крім цього, окремі знахідки перших століть н.е. на території III кварталу походять з приміщення 32 III будівельного комплексу – мармурова голова Діоніса [Гриневиц 1930, с. 58; АСХ, № 6, рис. 7, 8], і з V будинку (рис. 3) – фрагмент домашнього олтаря і графіті-присвяти [Золотарев 1982, л. 9-10; 1984а, с. 261].

ХСVII квартал.

За елліністичного періоду тут існувало два будинки, у перших ст. н.е. їх було об'єднано, при чому не виключають, що для громадського використання [Буйских 2008, с. 210]. З цього часу, з об'єданого двору цього комплексу (рис. 4) походять мармурова вставка олтар з присвятою єгипетським богам [Виноградов, Золотарев, 1994, с. 63; Золотарев, 1998, с. 66-68; пор.: Шевченко А., 2002, с. 48], а також фрагмент великої мармурової статуї [Адаксина, Золотарев, 2001, л. 9.].

Під північно-західною стіною приміщення № 7 розкопками М.І. Золотарьова 2002 р. виявлено теракоти: права частина жіночої протоми з отвором для підвішування вгорі, 550-500 р. до н.е.; лоб від протоми пізньоархаїчного періоду; маска, можливо Аполлона середини IV ст. до н.е. [Золотарев, Ушаков 2002, л. 10-11, рис. 77, 1-3; 2005, с. 137].

За знахідками теракот, М.І. Золотарьов у звіті припускав наявність в приміщенні домашнього святилища. Зважаючи на те, що ці теракоти використовували підвішеними, надто мало підстав стверджувати, що вони склали окремий сакральний простір, адже їх могли носити з собою чи на собі на час проведення культів, пізніше зберігати в цьому місці будинку.

Ті ж типи теракот в іншій частині будинку підтверджують думку про те, що домочадці за класичного періоду вшановували Деметру, Аполлона, і що визначити, в якій саме частині будинку могло бути, якщо було, їхнє святилище, поки складно. Так, у північно-західному куті приміщення 4 2003 р. було виявлено теракотову протому чоловіка (Аполлона?) початку V ст. до н.е. і фрагмент теракотової голови Діоніса (борода у вигляді грона винограду). В цистерні у південному куті в засипі під шаром IV ст. до н.е. розкопками С.В. Ушакова 2005 р. знайдено теракотову протому Деметри місцевого виготовлення [Золотарев, Ушаков 2003, л. 7, рис. 122,2; Ушаков 2005, л. 22, рис. 47]. У приміщенні 12 – фрагменти теракотових коня і маски силена [Золотарев, Ушаков, Коробков 1992, л. 18]. Набір доволі ранніх як для Херсонеса теракот є важливим свідченням про релігійне життя мешканців поліса цього періоду.

У IV кварталі виявлено окремі знахідки культового значення, однак будівництвом пізнішого храму культурні шари попередніх періодів були знівельовані. З ділянки на північний схід від Уваровської базиліки походять ранньоелліністичні мармурові і теракотові зображення Діоніса [Раскопки... 1907, с. 63; АСХ, № 5; Шевченко А. 2000, с. 20] і невизначених богинь

[Косцюшко, 1902, с. 77-78; 1906, с. 54; Белов 1970, с. 76; 1971, с. 109, 113-114], першими століттями датовані мармурові зображення божеств кола Діоніса [Раскопки... 1893, с. 5; АСХ, № 17, 114, 120] і теракотовий гротеск [Белов, 1970, с. 76].

У VI кварталі у південно-західній частині I будинку знайдено фрагменти теракот, за якими однак неможливо визначити характер зображень [Золотарев, 1984, л. 6, 13, рис. 50; 1985, рис. 35], і світильників з рельєфними зображеннями на щитках. Деякі з цих зображень можна пов'язати з культовими сюжетами, але нема підстав говорити про їх походження з культового комплексу.

Цікавими є елліністичні знахідки з приміщення С зі сходами розкопок Р.Х. Лепера. Опис у щоденнику і звітах не дає змоги локалізувати його точніше у північно-східному районі. Тут знайдено вапняковий олтар, прикрашений перлинником, вис. 7.2 см (АСХ, 552), а також фрагмент архаїчного теракотового зображення Діоніса і діонісійських персонажів III ст. до н.е. [Белов, 1930, с. 222, 239, рис. 3, 18.5, 28.4; Шевченко, 2000, с. 21], ручку посудини у вигляді потворної жіночої фігури [Белов, 1930, с. 242, рис. 28.3; 1970 № 19, с. 74]. Наявність в одному приміщенні переносного олтаря, скульптурних зображень, пов'язаних з культом Діоніса, свідчить про вшанування цього бога в колі сім'ї в межах, очевидно, домашнього святилища. На жаль, відсутність чітких відомостей про локалізацію пам'яток не дозволяє з певністю охарактеризувати цей культ.

Іншими культовими речами, знайденими у житлових кварталах північно-східного району, детальніше локалізувати які не вдалося через надто скупи свідчення у звітах розкопок кінця XIX – початку XX ст., є архаїчні протоми [Белов, 1930, с. 219; Шевченко А., 1988, с. 131; 1998а, с. 57, 63] і наступні пам'ятки елліністичного періоду: теракотові протома Деметри [Шевченко, Костромичева, 1986, с. 77], фігурка актора в ролі Геракла [Белов, 1930, с. 223; 1970, с. 73], графіті-присвяти Аполлону (ГАХ, № 104), Зевсу (ГАХ, № 612), Деметрі (ГАХ, № 112) і Ероту (ГАХ, № 699). Також на ділянці північно-східного району знайдено вапнякові переносні олтарі (АСХ, № 551, 572), зокрема перших століть н.е. (АСХ, № 567).

Таким чином зібрані дані дозволяють побачити картину релігійного життя мешканців сусідніх з Північно-Східним теменосом кварталів античного Херсонеса, де вшановували Партенос і, можливо, Афіну [Соломоник, 1984; Золотарев, Буйских, 1994, с. 96]. Численні культові знахідки виявлені здебільшого розрізнено, часто у перевідкладеному шарі, а іноді відомості про контекст, в якому їх виявлено, не фіксувалися, як у випадку дореволюційних розкопок. Та навіть в цих умовах можливо окреслити певні загальні риси у розвитку родинних культів. Саме в цьому районі знайдені рідкісні в Херсонесі архаїчні зображення жіночих землеробських богинь, а також окремі зображення Діоніса, які теж можна датувати цим періодом. Вшанування землеробських божеств отримало більшого розвитку за елліністичного періоду. В цей час теракоти, присвяти Деметрі, Діонісові стають звичними в житлових кварталах

розглядуваного району поліса. Загалом, херсонеські пам'ятки, пов'язані з культом Деметри, знаходять переважно в домашніх святилищах, що разом з відсутністю прямих свідчень громадського вшанування богині в цьому античному центрі дозволяє припустити, що її культ був дуже поширеним в Херсонесі, але не мав загально-полісного характеру [до дискусії див.: Мещеряков, 1980, с. 97-101; Зубарь, 2005а, с. 376; Русяева, 2005, с. 354-355]. Значної уваги в родинних культурах за елліністичного періоду надавали вшануванню Аполлона, Афродіти, в деяких ойкосах – Геракла. Важливим в домашніх культурах був хтонічний аспект культу Геракла, тоді як на хорі бога-героя вшановували в іпостасі захисника протягом усієї античної епохи [Аграфонов, 1999].

Свідчення про окремі культури, хоч нерідко надзвичайно яскраві, фіксують лише в окремих житлових будинках. Це стосується, зокрема, культу Латони з дітьми елліністичного періоду, який не надто інтенсивно відправлявся в Херсонесі [Мещеряков, 1980, с. 43-45; пор. Шевченко А., 1997], однак знайшов вірних прихильників, що мешкали в I кварталі міста, де досліджено домашнє святилище. Близькість того чи іншого божества визначалася потребами в його заступництві у таких справах родини як збір врожаю (Деметра, Діоніс), безпека ойкоса і його членів, зокрема й в потойбічному світі (Аполлон, Геракл), покровительство у шлюбі і народженні (Афродіта, Артеміда). Хоча такий розподіл функцій не був обов'язковим, до тих самих богів могли звертатися з різними проханнями, а на наявних домашніх олтарях здійснювати жертви багатьом божествам, не залежно від того, кому первинно призначалися ці олтарі. Згруповані за локалізацією свідчення вшанування богів у житлових будинках відображають прихильність мешканців розглядуваного північно-східного району Херсонеса до культів здебільшого землеробських богів, традиційних для античної релігії і майже незмінних протягом століть.

Розглянуті різні за змістом, значенням, розташуванням та хронологією матеріали, свідчать, що культури божеств в окремих родинах населення Херсонеса проводилися у спеціально відведеному для цього місці у будинку – домашньому святилищі, яке іноді займало окреме приміщення чи його частину, найчастіше навколо олтаря або біля вогнища, яке заміняло олтар, в ойкосі чи у дворі будинку.

ЛИТЕРАТУРА

- Аграфонов П. Г.* Культ Геракла в Херсонесском государстве (IV в. до н.э. – III в. н.э.): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. ист. наук. – М., 1999. – 22 с.
- Античная скульптура Херсонеса: Каталог /сост. А. П. Чубова и др. – К.: Мистецтво, 1976. – 342 с.*
- Арбес Ф.* Человек перед лицом смерти /пер. с фр. В. К. Ронина. – М.: Прогресс-академия, 1992. – 526 с.
- Бабинов Ю. А.* Посвятительные граффити из Херсонеса Таврического (раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича) // ВДИ. – 1970. – № 4. – С. 73-80.
- Бабинов Ю. А.* Алтари со змеями из Херсонеса Таврического // Тез. Докл., посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 году в СССР. – Тбилиси, 1971. – С. 29-30.
- Бабинов Ю. А.* Эллинистические домашние алтари // Херсонес Таврический: Ремесло и культура. – К.: Наукова думка, 1974. – С. 19-25.

- Белов Г.Д.* Терракоты Херсонса из раскопок 1908-1914 гг. // ХСб. – 1930. – Вып. III. – С. 219-245.
- Белов Г.Д.* Терракоты из Херсонеса // САИ. – 1970. – Вып. Г1-11. – Ч. II. – С. 70-77.
- Белов Г.Д.* Терракотовая голова Геракла из Херсонеса // СА. – 1976. – № 4. – С. 203-208.
- Буйских А.В.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. – Supplementum. – Вып. 5. – Симферополь, 2008. – 424 с.
- Граффити* античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах) /науч. ред. Э.И. Соломоник. – К.: Наукова думка, 1978. – 128 с. (ГАХ)
- Гришевич К.Э.* Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического (неизданные материалы раскопок Р.Х. Лепера 1908-13 гг.) // ХСб. – 1930. – Вып. III. – С. 5-140.
- Золотарев М.И.* Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса // НА ИА НАНУ. – 1975/49. – 35 л. – 71 рис.
- Золотарев М.И.* Раскопки в Херсонесе // АО 1974 года. – М.: Наука, 1975а. – С. 282-283.
- Золотарев М.И.* Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1982 г. // НА ИА НАНУ. – Спр. 1982/87. – 21 л. – 69 рис.
- Золотарев М.И.* Эллинистические домашние святилища Херсонеса // Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему “Эллинизм и Причерноморье”: Тез. докл. и сообщений. – Цхалтубо: Мецниереба, 1982а. – С. 34-35.
- Золотарев М.И.* Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1983 г. // НА ИА НАНУ. – 1983/70. – 30 л. – 73 рис.
- Золотарев М.И.* Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 1984 г. // НА ИА НАНУ. – 1984/80. – 16 л.
- Золотарев М.И.* Раскопки в Северо-Восточном районе Херсонеса // АО 1982 года. – М.: Наука, 1984а. – С. 261.
- Золотарев М.И.* Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 1984 г. // НА ИА НАНУ. – 1985/98. – 16 л.
- Золотарев М.И.* Раскопки в Херсонесе // АО 1983 года. – М.: Наука, 1985а. – С. 277-278.
- Золотарев М.И.* Эллинистическое домашнее святилище в Херсонесе // Причерноморье в эпоху эллинизма: Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. – Тбилиси: Мецниереба, 1985б. – С. 266-276.
- Золотарев М.И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1986 г. // НА ИА НАНУ. – 1986/36а. – 18 л.
- Золотарев М.И.* О культе божественной триады в эллинистическом Херсонесе // Боговете на Понта. – Варна, 1998. – С. 63-69.
- Золотарев М.И., Буйских А.В.* Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции // ВДИ. – 1994. – № 3. – С. 78-101.
- Золотарев М.И., Горанчаровский В.А.* Домашнее святилище первых веков н.э. в Северо-Восточном районе Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888-1988 гг.: Тез. докл. – Севастополь, 1988. – С. 49-50.
- Золотарев М.И., Ушаков С.В.* Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 2002 г. // НА ИА НАНУ. – 2002/53. – 15 л.
- Золотарев М.И., Ушаков С.В.* Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 2003 г. // НА ИА НАНУ. – 2003/102. – 22 л. – 128 рис.
- Золотарев М.И., Ушаков С.В.* Исследования в Северо-Восточном районе Херсонеса // АДУ за 2003-2004 рр. – Запоріжжя, 2005. – С. 135-138.
- Золотарев М.И., Ушаков С.В., Коробков Д.Ю.* Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1991 г. // НА ИА НАНУ. – 1991/119.
- Зубарь В.М.* Места отправления религиозных культов в Херсонесе в позднеантичную эпоху // МАИЭТ. – 2005. – Вып. XI. – С. 31-58.
- Зубарь В.М.* Религиозное мировоззрение // Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н.э.: Очерки истории и культуры. – К.: Академперіодика, 2005а. – С. 345-470.
- Ильина Т.А.* Односторонние терракотовые изображения божеств с городища «Чайка» //

- Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. – М., 2007. – С. 337-353.
- Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья // САИ – 1970. – Вып. Г1-11. – С. 6-22.
- Костромичева Т.И., Шевченко А.В. Культовые терракоты из Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888-1988 гг.: Тез. докл. – Севастополь, 1988. – С. 63-64.
- Косцюшко-Валожичич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году // ИАК. – 1902. – Вып. 4. – С. 51-119.
- Косцюшко-Валожичич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 году // ИАК. – 1906. – Вып. 20. – С. 17-95.
- Литьшица В.А. Терракота из раскопок поселения херсонесской хоры Маслины // Древности. – Харьков: АО «Бизнес Информ», 1994. – С. 127-140.
- Мецержков В.Ф. Религия и культы Херсонеса Таврического в I-IV вв. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. – Харьков, 1980. – 190 с.
- Нессель В.А. Частное почитание хтонических божеств в Херсонесе в первых веках н.э. // Sacrum et profanum. – II. – Севастополь; Краков, 2007. – С. 135-138.
- Пичикян И.Р. Малая Азия – Северное Причерноморье: Античные традиции и влияния. – М.: Наука, 1984. – 294 с.
- Протт В.Я. Собрание трудов: Морфология «волшебной» сказки; Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 1998. – 512 с.
- Раскопки в Херсонесе / сост. К.К. Косцюшко-Валожичич // ОАК за 1890 г. – СПб., 1893. – С. 30-40.
- Раскопки в Херсонесе / сост. К.К. Косцюшко-Валожичич // ОАК за 1904 г. – СПб., 1907. – С. 49-69.
- Романчук А.И., Шевченко А.В. Терракотовые статуэтки из портового квартала I Херсонеса // АДСВ. – Свердловск, 1984. – С. 23-35.
- Русяева А.С. Домашні святилища і культи в античних містах Північного Причорномор'я VI-II ст до н.е. // Археологія. – 2001. – № 2. – С. 41-51.
- Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. – К.: ИД «Стилос», 2005. – 558 с.
- Рыжов С.Г. Отчет о раскопках II квартала Северо-Восточного района Херсонеса в 1979 г. // НА ИА НАНУ. – 1979/8н. – 20 л.
- Рыжов С.Г. Дом III-IV вв. до н.э. в Северо-Восточном районе Херсонеса // АО 1979 года. – М., 1980. – С. 333-334.
- Рыжов С.Г. Дом III-IV вв. до н.э. в Херсонесе // СА. – 1985. – № 4. – С. 155-162.
- Соломошник Э.И. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. – 1976. – № 3. – С. 121-141.
- Соломошник Э.И. О культуре Афины в Херсонесе в IV-III вв. до н.э. // АДСВ. – Свердловск, 1984. – С. 7-14.
- Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи, Архаика и ранняя классика. – М., Наука, 2005. – 351 с.
- Ушаков С.В. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 2005 г. // НА ИА НАНУ. – 2005/96. – 23 л.
- Фостельер А.-Ж. Личная религия греков / пер. с англ. С.В. Пахомова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 253 с.
- Фостель-де-Куланжс. Древняя гражданская община: Исследование о культе, праве и учреждениях Греции и Рима / пер. с фр. Н.Н. Спиридонова. – М.: Трудь, 1903. – 348 с.
- Шайд Дж. Римская религия и духовность // ВДИ. – 2003. – № 2. – С. 26-35.
- Шевченко А.В. Группа ранних терракот из Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888-1988 гг.: Тез. докл. – Севастополь, 1988. – С. 130-132.
- Шевченко А.В. Терракотовые алтарики из Херсонеса // Древности. – 1995. – С. 156-159.
- Шевченко А.В. К вопросу о культе Атемиды в Херсонесе (данные коропластики) // Античный мир. Византия. – Харьков: АО «Бизнес Информ», 1997. – С. 253-259.
- Шевченко А.В. Культ Аполлона в Херсонесе // Археологія. – 1998. – № 1. – С. 99-105.
- Шевченко А.В. Культовые терракоты раннего Херсонеса (V – первая половина IV в. до н.э.) // ВДИ. – 1998а. – № 3. – С. 53-68.

- Шевченко А. В.* Терракоты античного Херсонеса // МАИЭТ. – 2000. – Вып. VII. – С. 7-44.
- Шевченко А. В.* Вотивные терракоты из домашних святилищ эллинистического Херсонеса и его ближайшей хоры // V Международная Крымская конф. по религиоведению «Культовые памятники в мировой культуре: Археологический, исторический и философский аспекты»: Тез. докл. и сообщений. – Севастополь, 2003. – С. 47.
- Шевченко А. В., Костромичева Т. И.* Деметра и Кора-Персефона в коропластике Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. – К.: Наукова думка, 1986. – С. 77-86.
- Шевченко Т. М.* Питання виділення культів родинного характеру в античному Херсонесі // Проблеми історії та археології України: Матеріали V Міжнарод. науч. конф. – Харків: ММЦ «МД», 2004. – С. 53-54.
- Шевченко Т. М.* Алтари в семейной религии античного Херсонеса // БФ. – Ч. 2. – СПб., 2007. – С. 162-168.
- Шевченко Т. М.* Культурний або жанровий характер деяких зображень з античного Херсонеса // Археологічні студії. – Вип. 3. – К.; Чернівці, 2008. – С. 36-46.
- Шкуратов В. А.* Историческая психология. – М.: Смысл, 1997. – 505 с.
- Штаерман Е. М.* Кризис античной культуры. – М.: Наука, 1975. – 184 с.
- Щеглов А. Н.* Греческие домашние святилища (по материалам раскопок на территории Херсонесского государства) // Святилища: Археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической науч. конф. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2000. – С. 74-77.
- Burkert W.* Greek Religion /Translated by J.Raffan. – Cambridge-Massachusetts: Harvard University Press, 1985. – 493 p.
- Makarov I. A.* From the History of Religious Cults in Tauric Chersonesos // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia: An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. – 2002. – Vol. 8. – No. 3-4. – P. 189-198.
- Parker R.* Athenian Religion. A History. – Oxford: Clarendon Press. – 1997. – P. 29-42.

Т. М. Шевченко

ДОМАШНІ СВЯТИЛИЩА У ПІВНІЧНО-СХІДНОМУ РАЙОНІ ХЕРСОНЕСА

Резюме

У статті розглядаються результати картографування знахідок культового призначення в житлах північно-східного, сусіднього з теменосом, району античного Херсонеса. Для цього визначено критерії, за якими ті чи інші типи артефактів можна вважати свідченнями родинних культів, а місця їх виявлення в житлах – до домашніх святилищ. Знахідки культового характеру локалізовано за приміщеннями в житлових будинках, враховуючи нові розробки в історії житлового будівництва Херсонеса. При цьому бралася до уваги можливість переміщення деяких пам'яток внаслідок подальшого використання житлових будинків у середньовічний час. Результатом проведеного аналізу є визначення деяких рис релігійного життя населення цієї частини міста, кола богів, яких найчастіше вшановували в ойкосах в той чи інший період, а також зміни в культовій практиці і локалізації священних місць в будинках протягом віків. Поточнено дані, що стосуються вже відомих, а також визначено нові домашні святилища і місця зберігання культового реманенту в житлах північно-східного району Херсонеса.

Т.М. Шевченко

ДОМАШНИЕ СВЯТИЛИЩА
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ РАЙОНЕ ХЕРСОНЕСА

Резюме

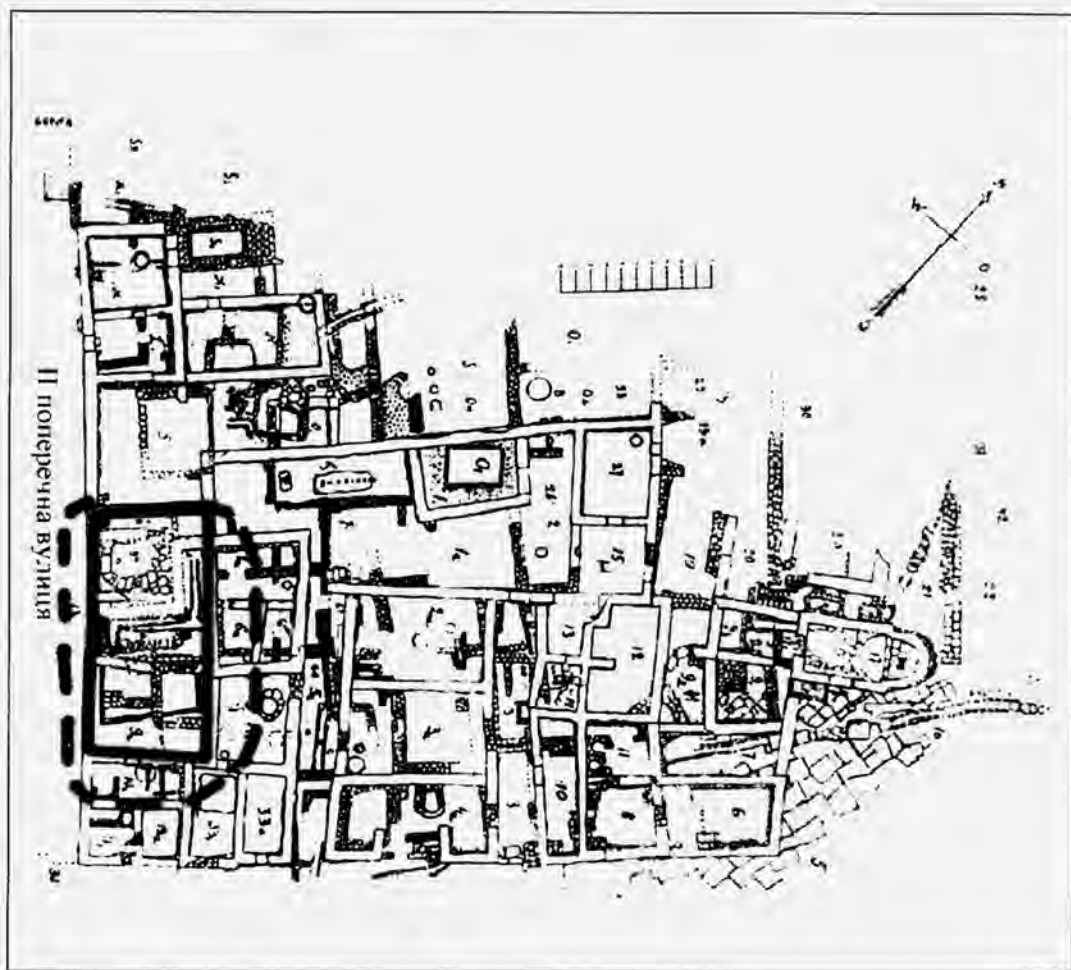
В статье рассматриваются результаты картографирования находок культового назначения в жилищах северо-восточного, соседнего с теменосом, района античного Херсонеса. Для этого определяются критерии, по которым те или иные типы артефактов можно причислять к свидетельствам семейных культов, а места их выявления в жилищах – к домашним святилищам. Находки культового характера локализованы по помещениям в жилых домах, учитывая новые разработки в истории жилого строительства Херсонеса. При этом принималась во внимание возможность перемещения некоторых памятников, вследствие дальнейшего использования жилых домов в средневековое время. Результатом проведенного анализа является определение некоторых черт религиозной жизни населения данной части городища, круга богов, чаще всего почитаемых в ойкосах в тот или иной период, а также изменения в культовой практике и локализации священных мест в домах на протяжении веков. Уточнены данные, касающиеся уже известных, а также определены новые домашние святилища и места хранения культовых принадлежностей в жилищах северо-восточного района Херсонеса.

T.M. Shevchenko

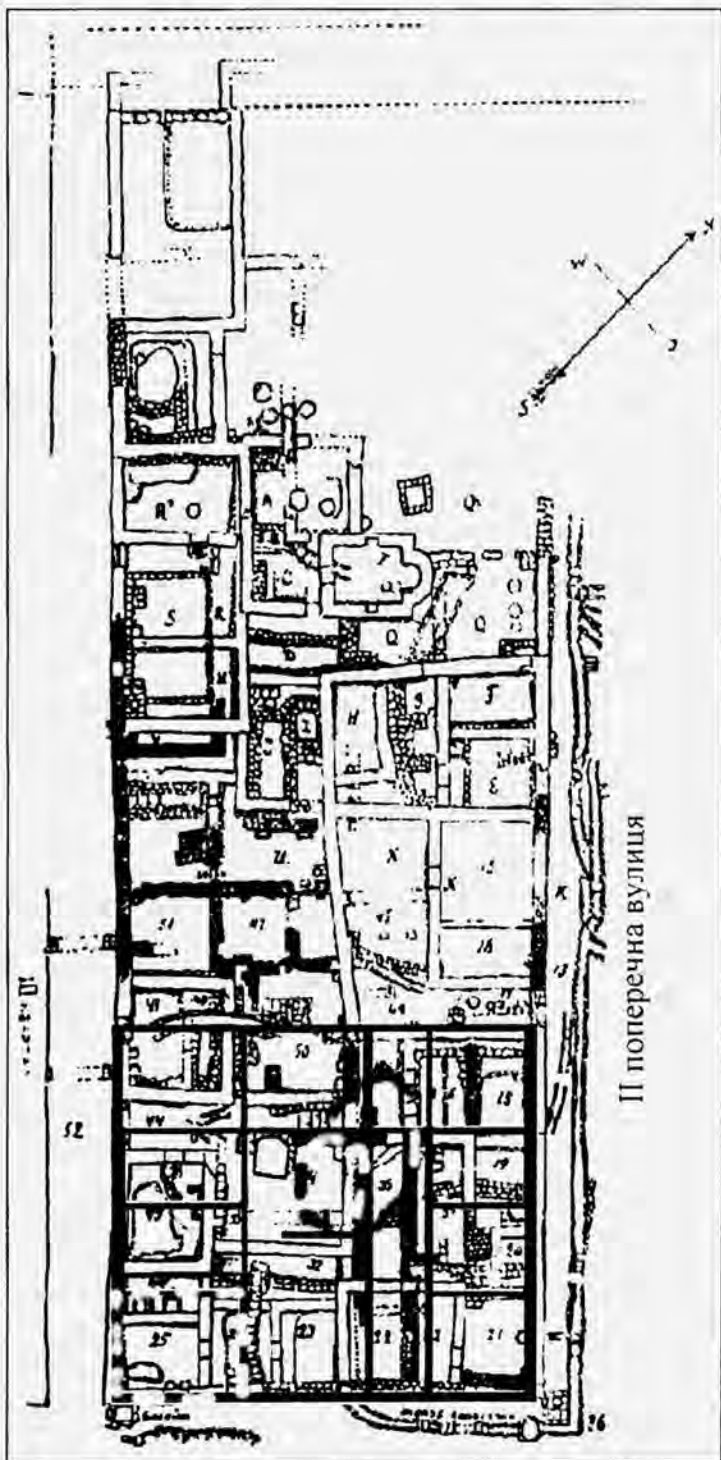
HOME SANCTUARIES
IN THE NORTH-EASTERN PART OF CHERSONESOS

Summary

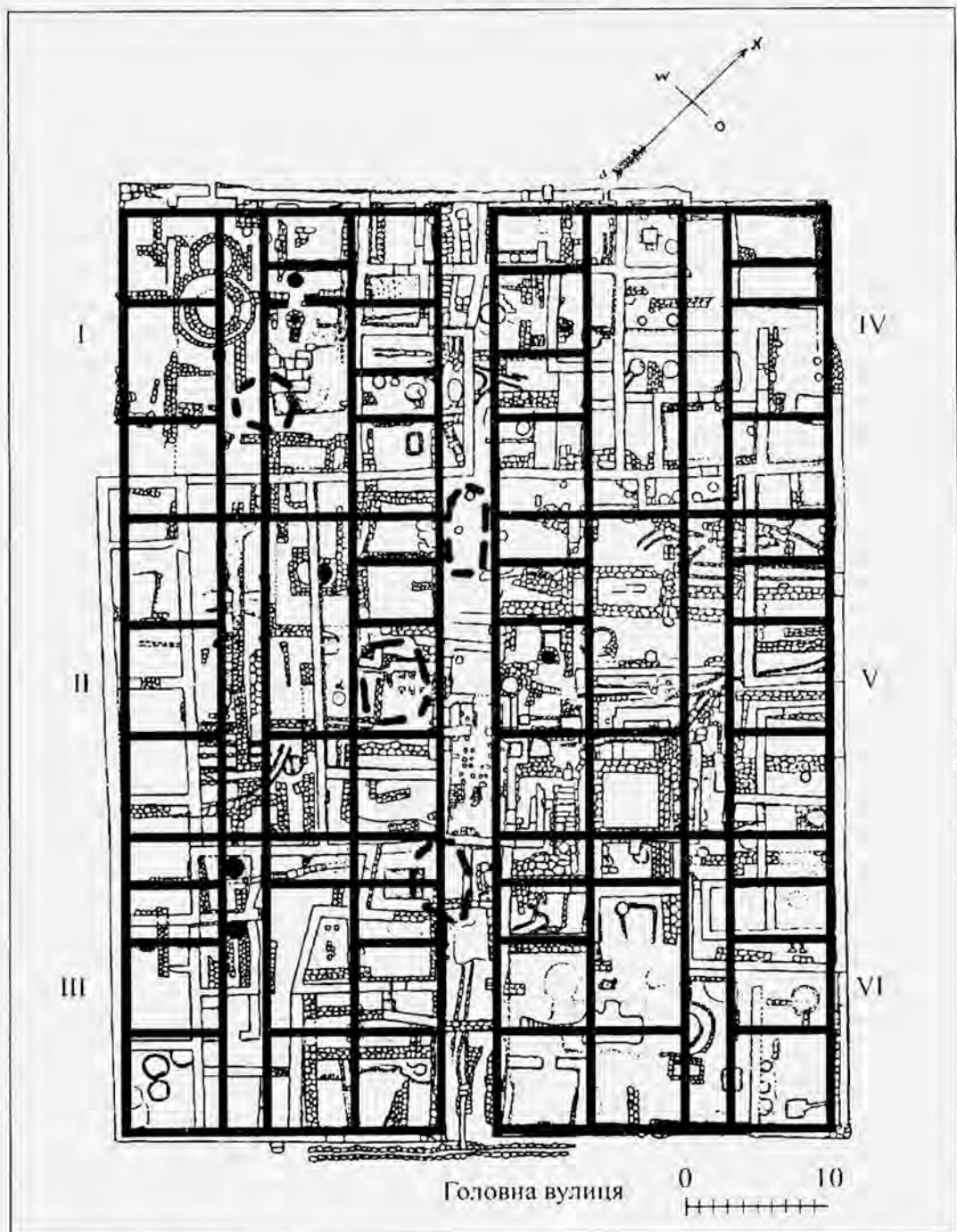
The article views the results of mapping of the finds of cult function in the houses of the North-Eastern part of Chersonesos, the area neighboring with the temenos. For the purpose of this, the criteria according to which these or other types of artifacts can be considered as the evidence of family cults are determined, and according to which the places where they were found can be considered as home sanctuaries. The cult finds are localized within the rooms in dwelling houses taking into account the new elaborations in the history of house building in Chersonesos. At the same time, the possibility that some monuments could have been moved around as a result of further usage of the dwelling houses in the Mediaeval period was taken into account. The result of the analysis made includes determination of certain features of the religious life of the habitants of this part of the city, determination of the circle of gods most often worshipped in the oikoi in that or another period, as well as changes in the cult practice and localization of sacral places in houses during the centuries. The data on already known home sanctuaries has been defined more precisely, as well as new home sanctuaries and places of keeping the cult accessories in houses of the North-Eastern part of Chersonesos have been determined.

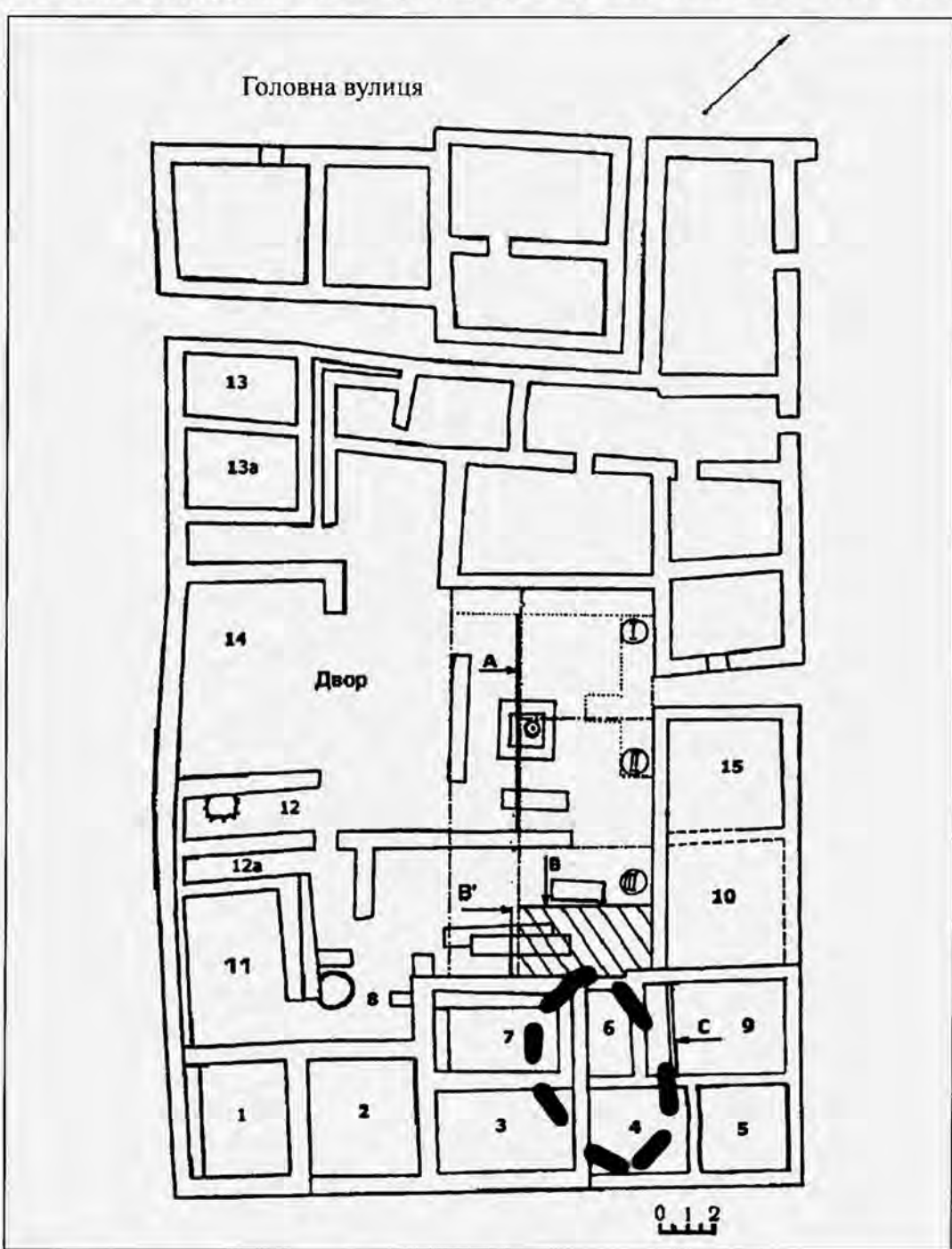
1. План I кварталу за К.Е. Гриневичем, з локалізацією культових знахідок

2. План II кварталу за К.Е. Гриневичем, А.В. Буйських, з позначеними пунктиром культовими місцями в будинку

3. План III кварталу за К.Е. Гриневичем, А.В. Буйських,
з позначеними будівельними комплексами і місцями концентрації культових пам'яток

4. План ХСVII кварталу за М.І. Золотар'овим,
з позначеною пунктиром локалізацією культових знахідок

ТЕРРАКОТОВЫЕ СТАТУЭТКИ ИЗ РАСКОПОК ПОРФМИЯ

Античный город Порфмий принадлежит к так называемым «малым городам» Боспора. Сведения о существовании этого населенного пункта и его местоположения содержат античные и раннесредневековые письменные источники – Псевдо-Арриан [Ps.-Ar. *Peripl. M. Eux.* 69, 70, 117] и Стефан Византийский [St. Byz. s.v. Πορθμία καί Πορθμιόν]. Порфмий обычно отождествляют с руинами городища, обнаруженными в северо-восточной части Керченского полуострова, на небольшом скальном плато (рис. 1), возвышающимся в непосредственной близости от побережья Керченского пролива [Шургая, 1984, с. 69-70; Качарава, Квирквелия, 1991, с. 229]. Происхождение названия этого города от греческого слова «переправа» (πορθμός) достаточно прозрачно и никогда не вызывало разногласий у исследователей. Действительно, город был основан у самой узкой части пролива, наиболее удобной для переправ [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980; Виноградов, 2005, с. 214 сл.]. С самого начала Порфмий был небольшим укрепленным поселением, площадь его, ограниченная оборонительными стенами, не превышала 0,7 га. Раскопки этого поселения показали, что оно было основано во второй половине VI в. до н.э. (вероятно, вскоре после середины столетия) и прекратило свое существование в I в. до н.э.

Археологическое изучение города началось в 1953 г. Боспорской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР (ныне – ИИМК РАН) и было продолжено в 1968 г. Систематические раскопки памятника велись с 1971 по 1990 гг. Затем, после более чем десятилетнего перерыва, исследования были возобновлены в 2002 г. и продолжаются по настоящее время. В результате многолетних раскопок были накоплены значительные материалы, позволяющие судить об облике этого поселения на протяжении различных периодов его существования [Vakhtina, 2003; Вахтина, 2005]. Особенно хорошо изучен город эллинистического времени [Кастанаян, 1958; 1968; 1983].

Среди находок, позволяющих судить о религиозных воззрениях жителей этого небольшого боспорского города, значительное место занимают терракотовые статуэтки и их обломки. Их находят в слоях и комплексах самого разного времени – от эпохи поздней архаики до позднего эллинизма. Лишь незначительная часть их была опубликована [Кастанаян, 1970; Античные города.... 1984; Вахтина, 2007]. Между тем, коллекция терракотовых статуэток,

собранный за время раскопок Порфмия, достаточно интересен. В ней представлены как типы, получившие на широкое распространение на Боспоре, так и более редкие экземпляры. Многие из них представляют интерес не только как художественные изделия греческих мастеров, но и как свидетельства религиозной практики порфмийцев. Безусловно, эти материалы заслуживают отдельного издания. Приведем здесь лишь некоторые находки.

К числу наиболее ранних экземпляров относится небольшая сидящая на троне богиня (рис. 2). Богиня сидит на кресле-троне с высокой спинкой, она одета в длинный хитон, руки и ноги не смоделированы. У нее пышная прическа, локоны спускаются до плеч. Изображения этого типа были найдены при раскопках Ольвии и ее некрополя [Леви, 1970, т. 27, 1-5]. Известен этот тип и на территории Боспора, Европейского (Нимфей, Тиритака) [Скуднова, 1970, т. 28, рис. 2-4; Пругло, 1970, т. 35, 3; Денисова, 1981, т. 1, а-г] и Азиатского [Фагнагория, Кобылина, 1974, т. 17, 1-3]. Такие статуэтки датируют в пределах второй половины VI – начала V вв. до н.э. По трактовке наиболее близка порфмийской находке статуэтка этого типа, найденная при раскопках Ольвии [Леви, 1970, т. 27, 3], однако, по художественным особенностям порфмийскую богиню можно отнести к более раннему времени и датировать в пределах второй половины VI в. до н.э. По мнению исследователей, подобные статуэтки восходили к типам архаической восточногреческой скульптуры и отождествлялись с целым кругом женских божеств – Лето, Артемидой, Афродитой, Деметрой, Афиной, Гекатой, Нимфами [Денисова, 1981, с. 24].

К V в. до н.э. можно отнести часть протомы – голову женского божества в плаще и калафе (рис. 3). У богини круглое лицо, волнистые волосы, на губах застыла улыбка. Ее убор украшают круглые дисковидные подвески, подобные тем, которые можно увидеть на протоме, найденной в Нимфее [Скуднова, 1970, т. 30, 8]. Подобные изображения обычно считают изображениями Деметры. Вероятно, Деметру представляла и крупная протома, от которой сохранился лишь небольшой фрагмент (рис. 4). Он был обнаружен в слое позднеклассического времени. Даже по небольшому обломку головы статуэтки, на котором можно различить часть лица богини, можно судить о ее высоких художественных достоинствах. К изображениям Деметры или Кору, вероятно, можно отнести большинство трудно поддающихся определению фрагментов статуэток и протом, представляющих задрапированные женские фигуры. Среди них – богини в высоких калафах. К этому кругу изображений, очевидно, представлявших Деметру или Кору, можно отнести и тип женского божества в калафе, с руками, поддерживающими груди [Молева, 2009, с. 215-216], представленного на обломках протом из Порфмия (рис. 5). Целый ряд таких фрагментов происходит из слоев III-II вв. до н.э., соотносящихся с последним периодом существования города. Фрагменты статуэток этого типа были найдены при раскопках мирмекийского зольника [Денисова, 1981, т. III-IV], известны они в Тиритаке [Пругло, 1970, т. 36, 1-3] и других центрах

Северного Причерноморья. К изображениям Деметры или Коры, по-видимому, можно отнести и большинство фрагментов статуэток, найденных при раскопках Порфмия, в том числе и трудноопределимых (рис. 6).

Среди терракотовых статуэток, найденных при раскопках Порфмия, представлены и изображения Кибелы, сидящей на троне (рис. 7). Культ Кибелы на Боспоре с середины III в. приобретает общегосударственный характер [Молева, 2007; 2009, с. 216-217]. Материалы, связанные с почитанием этого божества, происходят из раскопок городов Европейского и Азиатского Боспора [см., напр., Соколов, 1973, № 64]. К тому же типу, что и порфмийские находки, относится фрагмент терракотовой статуэтки IV в. до н.э., происходящей из раскопок Фанагории и, судя по характеру глины, изготовленной в фанагорийской мастерской [Кобылина, 1974а, с. 26, т. 24, 9]. Не исключена возможность местного производства и порфмийских статуэток.

Изображения мужских персонажей встречаются в Порфмии гораздо реже. Почти все они происходят из раскопок кварталов так называемого «позднего города», возникшего после перестройки и перепланировки существовавшего ранее поселения в середине III в. до н.э. и просуществовавшего до середины I в. до н.э. или несколько позже. Они представляли Геракла, Эрота, Эрота-Танатоса, Сатира и др. Несомненную художественную ценность представляет фрагмент статуэтки, изображавшей юного улыбающегося Диониса (рис. 8) в венке из виноградных ветвей (т.н. тип Диониса-Винограда) [Античные государства..., с. 131, т. XXXIII, 3]. Фрагмент можно датировать III в. до н.э. В качестве аналогий этой находке можно привести изображения Диониса (маски, фрагменты терракотовых статуэток), относящиеся к позднеллинистическому времени, которые были найдены при раскопках Мирмекия [Денисова, 1981, с. 65-67, т. XXI-XXII], однако, все они, на наш взгляд, по своим художественным достоинствам уступают порфмийской находке. Сравнительно недавно была введена в научный оборот серия масок Диониса из дворцового храма на акрополе Пантикапея, все они датируются третьей четвертью II - началом I вв. до н.э. [Ильина, Муратова, 2008, с. 309-311]. Фрагмент вотивной маски в виде головы Диониса и фрагмент терракотовой статуэтки, представляющей юного Диониса в венке, происходят из раскопок зольника в Китее, еще один подобный фрагмент был найден на городище при раскопках небольшого зольного святилища в западной части Китая [Молева, 2002]. Однако, на наш взгляд, самая близкая аналогия Дионису из Порфмия происходит из раскопок античного городища Саркинэ, расположенного в 8 км к западу от г. Мцхета, на левом берегу реки Кура (Грузия). В процессе раскопок этого памятника была найдена крупная терракотовая статуэтка, представлявшая погрудное изображение молодого Диониса [Бохочадзе, 1977, с. 95-96; 98, рис. 4, 1]. На голове этой статуэтки, как и на голове порфмийского Диониса, в верхней части лба можно видеть широкую ленту. Возможно, обе эти фигурки являлись репликами одной и той же статуи, изображавшей юного

бога. Терракота из Саркинэ датируется II в. до н.э. (там же, с. 96), вероятно, к этому же времени принадлежит и порфмийская находка.

К числу фрагментов терракотовых статуэток, относящихся к последнему периоду существования Порфмия, принадлежит фрагмент, представляющий голову мальчика или юноши во фригийском колпаке (рис. 9) [Античные государства..., с. 131, т. XXXIII, 1]. Из раскопок жилых кварталов позднего Порфмия происходит голова статуэтки, представлявшей «уродливого старика», возможно, Силена (рис. 10). К этому же периоду, вероятно, принадлежит и фрагмент гермы (рис. 11), близкий к тем, которые были найдены при раскопках Горгииппии [Кругликова, 1974, т. 57, 4, 7]. Судя по цвету и характеру глины порфмийской гермы – коричневато-оранжевой, рыхлой, вполне возможно предположить, что статуэтка была изготовлена в горгииппийской мастерской [Алексеева, 2009, рис. 9, 1-5].

Ко II-I вв. до н.э. относится и фрагмент фигурки воина в плаще, опирающегося на большой, в рост своего хозяина, овальный щит с вертикальным ребром (рис. 12). Этот сюжет известен лишь в боспорской коропластике этого периода и не встречается за пределами Боспорского государства [Пругло, 1970, с. 205-214; Денисова, 1981, с. 67]. Найдена фигурка «галатского воина», происходящая из комплекса грунтового склепа № 104 некрополя Фанагории, сделанная сравнительно недавно, показывает, что они, вероятно, могли использоваться и позже, чем это считалось ранее, вплоть до II в. н.э. [Медведев, 2009, с. 258, рис. 1, 4]. Распространение таких статуэток рассматривают как одно из свидетельств того, что на службе боспорских правителей в эпоху эллинизма находились «кельтские наемные контингенты, игравшие важную роль в политике государства» [Виноградов, 2004, с. 125-126]. Примечательно, что это – одна из самых поздних по времени статуэток, найденных в Порфмии, жизнь на котором прекратилась примерно в середине I в. до н.э., вероятно, вследствие изменений в демографической ситуации в регионе.

Уникальной является эллинистическая терракота (рис. 13), изображающая группу из трех человек, стоящих у жертвенного стола или небольшого алтаря [Античные государства..., с. 131, т. XXXIII, 4]. Женщина, стоящая слева, держит в руках блюдо или большую чашу. Вероятно, здесь представлена погребальная трапеза или же сцена жертвоприношения.

Возможно, обломок небольшой статуэтки, от которой сохранилась часть торса, и на котором можно различить часть фигурки петуха, которого представленный персонаж (предположительно, мужской) несет, зажав подмышкой (рис. 14), тоже можно трактовать как сцену жертвоприношения или подготовки к нему.

В числе терракот, найденных в Порфмии, встречались также изображение лошади (рис. 15), фрагменты статуэток, изображавшие птиц, фрагменты глиняных алтариков в виде миниатюрных храмов.

Нетрудно заметить, что среди терракот, обнаруженных за многие годы раскопок Порфмия, большинство составляют фигурки, представлявшие

женские божества – Деметру, Кору, Афродиту. Считается, что эти божества были связаны в представлениях греков с культурами плодородия, а также с хтоническими культурами и ритуалами.

Несомненно, значительная часть этих находок могла в древности находиться в домашних святилищах жителей города. Это предположение прекрасно иллюстрируют раскопки небольшой сельскохозяйственной усадьбы, располагавшейся в непосредственной близости от города, в одном из помещений которой находилось небольшое домашнее святилище [Вахтина, 2002]. Остатки усадьбы находились примерно в 60 м к востоку от Порфмия. Сохранившаяся ее часть занимала площадь 20 x 14 м; были раскрыты остатки трех помещений, примыкавших к общей стене, вытянутой по линии север-юг и сохранившейся фрагментарно (рис. 16). Постройка имела два строительных периода, первый из которых можно датировать концом IV – III вв. до н.э., а второй – III – II вв. до н.э. К последнему периоду относится целый ряд находок фрагментов терракотовых статуэток. К сожалению, из-за сильной поврежденности культурного слоя большинство из них дошли до нас в виде маловыразительных обломков и сколов. Примечательно, что все эти находки были сосредоточены на небольшой площади – в северо-восточной части южного помещения № 3. Здесь, очевидно, располагалось небольшое домашнее святилище.

подавляющее большинство обломков терракот, найденных в этом помещении, представляли собой фрагменты женских статуэток. Одну такую статуэтку удалось склеить (рис. 17). Высота ее около 20 см. Она представляет собой изображение Афродиты в башне-короне, у ее ног – два Эрота, держащиеся за складки ее одежды. Вероятно, статуэтку можно отнести к продукции местной, боспорской школы коропластики. Среди находок встречались и экземпляры, выполненные более тщательно. К их числу принадлежат небольшая женская головка с волосами, убранными венком (рис. 18, 1), фрагмент обнаженной женской фигуры с браслетами на ногах, вероятно, представлявшей Афродиту (рис. 18, 3). Несколько изображений обнаженных богинь с ножными браслетами были найдены на античных памятниках Тамани – в Гермонассе [Финогенова, 1992, с. 271, рис. 25; Коровина, 2002, т. 24, 10], при раскопках некрополя Тирамбы [Коровина, 1974, т. 5, 2; 1987, с. 39, рис. 35] и синдских поселений между мысами Тузла и Панагия (Кобылина, 1974, т. 48, 5, 6). Известны подобные изображения и на Европейском Боспоре [Финогенова, 1992а, с. 250, рис. 19]. Интерес представляет и фрагмент статуэтки, некогда изображавшей скульптурную группу, на котором можно различить полуобнаженную женскую фигуру, стоящую спиной к зрителю (Афродита? Психея?) (рис. 18, 2). К менее выразительным находкам принадлежит фрагмент нижней части протомы («тучный демон») (рис. 18, 4). Здесь также были найдены и несколько фрагментов терракотовых алтариков в виде храмов (рис. 18, 5) и терракотовая розетка, возможно, украшавшая его в древности. Находки таких алтариков достаточно известны и в самом Порфмии, и на других

античных поселений Восточного Крыма. Такой терракотовый «храмик» был, например, найден в материалах святилища в строении № 5 поселения Генеральское-восточное, которое автор раскопок, А.А. Масленников, датировал второй половиной III – серединой (возможно, началом) I вв. до н.э. [Масленников, 2007, с. 205, рис. 92].

Даже краткий обзор находок терракотовых статуэток и их фрагментов в Порфмии позволяет говорить о значительном их количестве, демонстрирует большое разнообразие типов. Преобладание изображений женских божеств свидетельствует о распространении здесь, как и в других античных центрах Боспора, культов плодородия и хтонических культов [Зинько, 2008].

Находки терракотовых статуэток дали и раскопки городища Парфений, отождествляемого с поселением, которое, по описанию Страбона, было расположено у самого узкого места Киммерийского Боспора [Strabo, VII, 4, 2; XI, 2]. Само его название – Παρθένιον – дает возможность предположить существование здесь культа женского божества. Парфений располагался на расстоянии примерно 2 км к юго-западу от Порфмия. Его остатки исследовались на территории плато, вытянутом с востока на запад на северной окраине современного поселка Опасное. Размеры плато 150 x 84,5 м, оно имеет обрывистый восточный склон, с севера и юга его ограничивают балки и дороги. Первые разведки и ограниченные раскопки на городище были проведены в 1949 г. Боспорской археологической экспедицией ИИМК РАН [Кастанаян, 1958]. Судя по фотографиям, хранящимся в научном архиве ИИМК РАН, внимание исследователей, прежде всего, привлек огромный зольник, насыщенный материалами; работы на нем запечатлены на фотографиях, хранящихся в научном архиве ИИМК РАН (рис. 19)¹. Первые раскопки зольника дали чрезвычайно интересные и разнообразные находки, в их числе были и фрагменты терракотовых статуэток [Там же, с. 259, рис. 6]. Приведем два из них, принадлежавших к изображениям женских божеств (рис. 20). От одной богини сохранилась часть фигуры в длинном хитоне, другая была полуобнаженной. Несомненно, дальнейшее исследование зольника городища Парфений, продолженное сравнительно недавно археологической экспедицией ИА НАН Украины под руководством С.С. Бессоновой, несомненно, дадут новые интересные находки, в числе которых будут и изделия древних короoplastов.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е. М. Коропластика в Горгиипии // ДБ, 2009. Т. 13

Бохочадзе А. Настакиси, Саркиноэ, Дзаньси – города Иберии античной эпохи // КСИА, 1977. Вып. 151

¹ Научный архив ИИМК РАН, негатив К 108-6

- Вахтина М. Ю.* Материалы домашнего святилища из усадьбы близ Порфмия // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. СПб., 2002. Ч. 1
- Вахтина М. Ю.* Античный Порфмий. Основные этапы существования // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. Материалы VI Боспорских чтений. Керчь. 2005
- Вахтина М. Ю.* Терракоты из Порфмия (общий обзор) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Материалы VIII Боспорских чтений. Керчь, 2007
- Вахтина М. Ю.* Порфмий – «малый» боспорский город у переправы через Киммерийский Боспор // БИ. Керчь-Симферополь. 2009. № 22
- Вахтина М. Ю., Виоградов Ю. А., Рогов Е. Я.* Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4.
- Виоградов Ю. А.* «Там закололся Митридат...». Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху. СПб., 2004
- Виоградов Ю. А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху // СПб. 2005
- Зицько В. Н.* Сакральные памятники VI-I вв. до н.э. европейского побережья Боспора Киммерийского // БИ, 2008, т. 12, I
- Ильина Т. М., Муратова М. Б.* Вотивные терракоты из дворцового храма на акрополе Пантикапея // БИ, 2008, т. 12, I
- Кастанаян Е. Г.* Археологическая разведка на городище Парфений в 1949 г. // МИА. 1958. № 85
- Кастанаян Е. Г.* Раскопки Порфмия в 1958 г. // СА. 1968. № 3.
- Кастанаян Е. Г.* Терракоты из Порфмия // САИ. Г-1-11. М. 1970
- Кастанаян Е. Г.* Раскопки Порфмия в 1968 г. // КСИА. 1972. Вып. 130
- Кастанаян Е. Г.* Порфмий // Centre d'archéologie Méditerranéenne de l'Académie Polonaise des Sciences. Études et Travaux. 1983. XIII
- Качарова Д. Д., Квирквелия Г. Т.* Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Тбилиси. 1991
- Кобылина М. М.* Терракотовые статуэтки синдских поселений // Терракотовые статуэтки. Подонье и Таманский полуостров. САИ. Вып. Г1-11. М., 1974
- Кобылина М. М.* Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки. Подонье и Таманский полуостров. САИ. Вып. Г1-11. М., 1974
- Коровина А. К.* Терракоты Тирамбы // Терракотовые статуэтки. Подонье и Таманский полуостров. САИ. Вып. Г1-11. М., 1974
- Коровина А. К.* Раскопки некрополя Тирамбы (1966-1970) // СГМИИ. М., 1987. Вып. 8
- Коровина А. К.* Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. М., 2002
- Кругликова И. Т.* Терракоты из Горгиппии // Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров. САИ, вып. Г1-11. М., 1974
- Масленников А. А.* Сельские святилища Европейского Боспора. М., 2007
- Молева Н. В.* Дионисийские вотивы в сакральных комплексах Китея // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. СПб., 2002. Ч. 1
- Молева Н. В.* О культе Кибелы на Боспоре // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции. СПб., 2007. Ч. 1

экземпляры относятся к концу VI - V вв. до н.э. Типы эллинистических терракот, относящихся к последнему периоду существования городища, достаточно интересны и разнообразны. Большинство найденных здесь статуэток были изображениями женских божеств – Афродиты, Деметры, Коры Кибелы, нимф. Среди экземпляров, представляющих мужские персонажи, встречаются фрагменты статуэток Диониса, Геракла, Эроса, Эроса-Танатоса, Силена и других. Большинство терракотовых статуэток, обнаруженных при раскопках Порфмия, в древности, очевидно, находились в домашних святилищах горожан. Целый ряд обломков статуэток происходит из домашнего святилища усадьбы, раскопанной вблизи Порфмия. Они, как и находки на городище, свидетельствуют о широком распространении культов, связанных с плодородием, а также хтонических культов.

M. Ju. Vakhtina

TERRACOTTAE FROM PORTHMION

Summary

The article deals with the collection of clay figurines, collected during the excavation of the city-site of Porthmion, situated in the Eastern Crimea. Many of them are of interest not only in terms of Greek art but also as evidence of religious practice at Porthmion at various times and places in the town and in its chora. Indeed they deserve a separate study of their own. However, here are only some of them which are considered. The earliest ones belong to the late 6th – early 5th centuries BC.

Terracottae belonged to the Hellenistic period are more numerous. The majority of them represent female deities – Aphrodite, Demeter, Cora, Cybele or nymphs. Although female statuettes are very much in the majority among the terracotta found at Porthmion, males also occur – Dionysos, Heracles, Eros, Eros-Thanatos, a satyr and so on.

Clearly a substantial proportion of these finds may have belonged to domestic shrines of the ancient town. The point is well illustrated by the excavation of a small farmhouse located in the immediate vicinity of the town, where a small domestic shrine was discovered. The overwhelming majority of fragments found at this shrine are from female statuettes.

It is widely held that such an assemblage of statuettes attests an agrarian cult, associated with the concept of fertility and chthonic cults.

Рис. 1. Городище Порфмий (вид с запада)

Рис. 2. Терракотовая статуэтка, представляющая богиню, сидящую на троне

Рис. 3. Голова Деметры

Рис. 4. Фрагмент головы Деметры (?)

Рис. 5. Фрагмент протомы

Рис. 6. Фрагменты женских статуэток

Рис. 7. Фрагменты статуэток, представлявших Кибелу на троне

Рис. 8. Голова Диониса в венке из виноградных лоз

Рис. 9. Голова мальчика во фригийском колпаке

Рис. 10. Голова «уродливого старика»
(Силен?)

Рис. 11. Герма

Рис. 12. Воин со щитом

Рис. 13. Терракотовая статуэтка со сценой жертвоприношения или трапезы

Рис. 14. Фрагмент фигурки с петухом

Рис. 15. Терракотовая лошадка

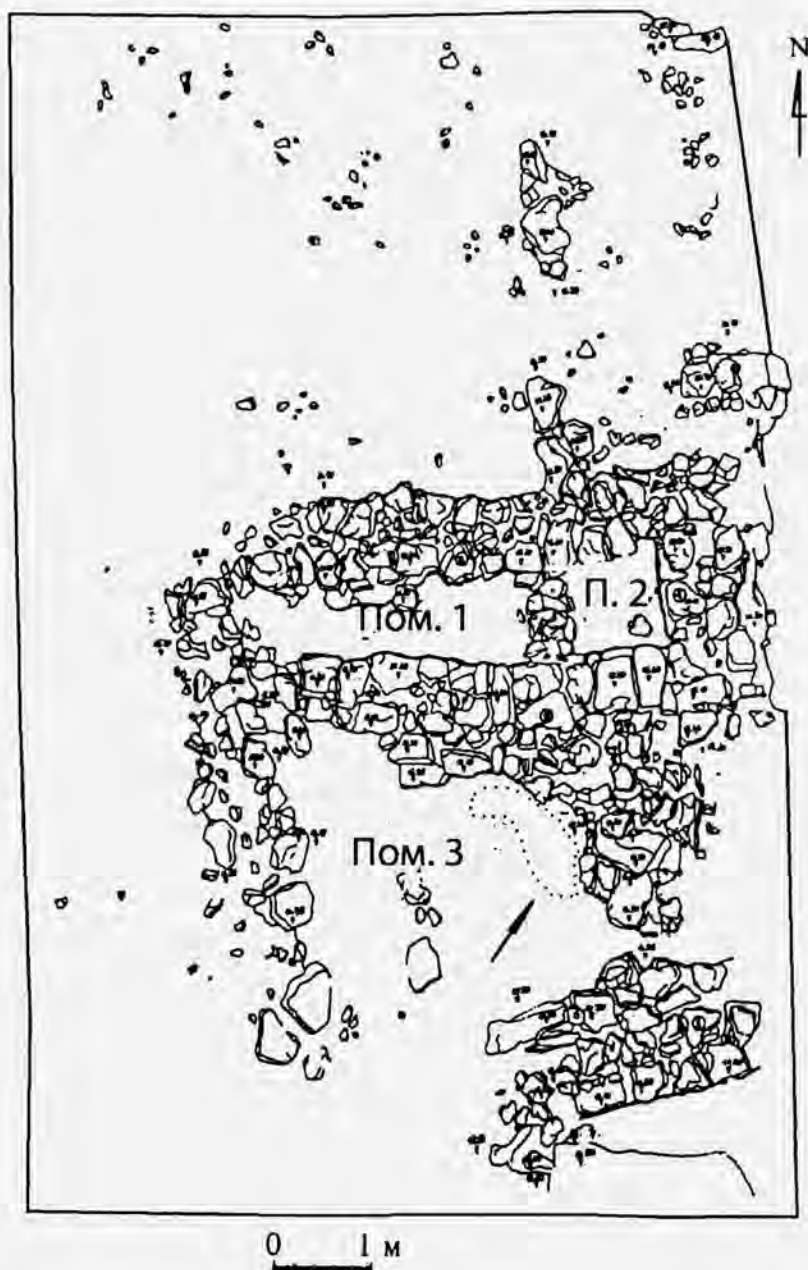

Рис. 16. План усадьбы близ Порфимия
(стрелкой и пунктиром показано предполагаемое место домашнего святилища)

Рис. 17. Статуэтка Афродиты (?) из домашнего святилища сельской усадьбы близ Порфмия

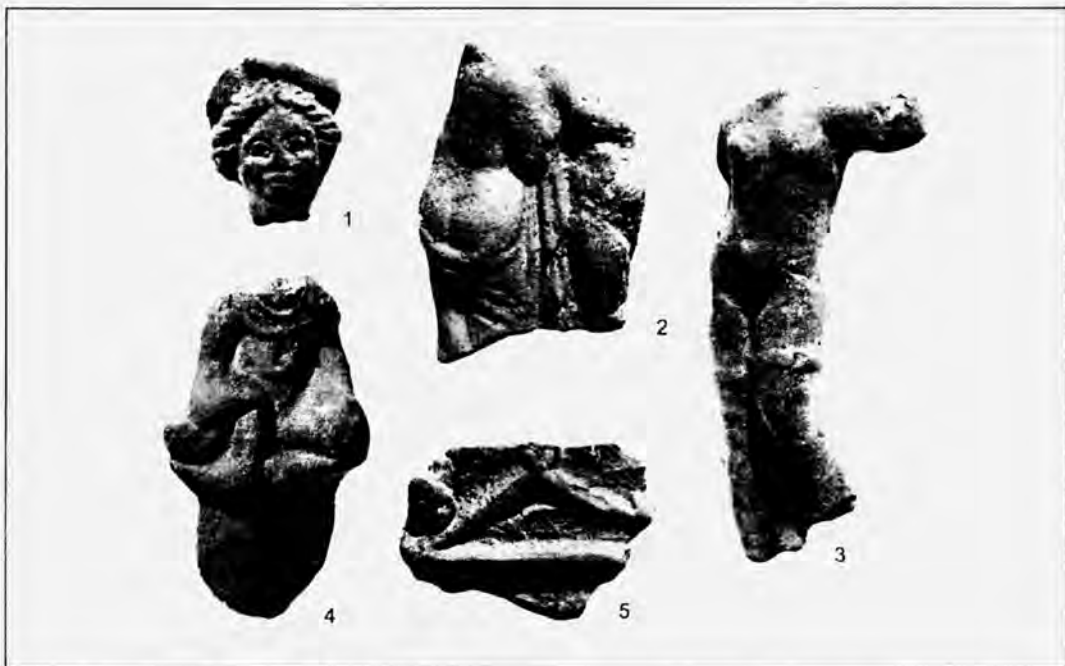

Рис. 18. Фрагменты терракотовых статуэток из домашнего святилища сельской усадьбы близ Порфмия.

1 – женская головка; 2 – грудь; 3 – Афродита (?); 4 – фрагмент протомы «тучный демон»; 5 – алгарик

Рис. 19. Раскопки зольника на городище Парфений в 1949 г. (НА ИИМК РАН, К 108-6)

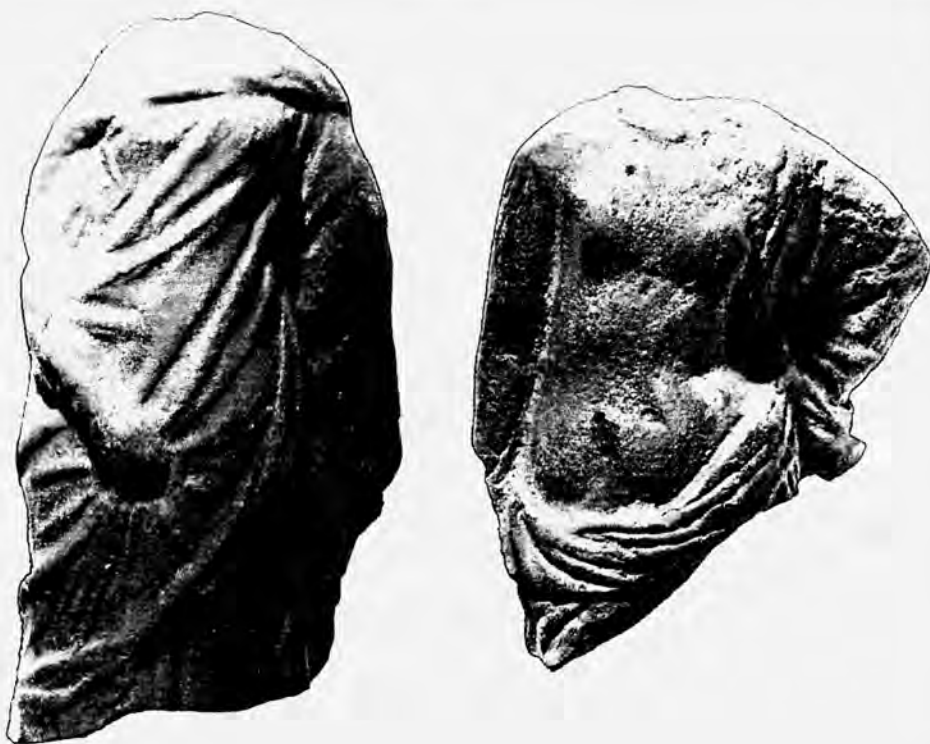

Рис. 20. Фрагменты терракотовых статуэток из Парфения

С.Ю. САПРЫКИН

ГЕТО-ДАКИЙСКИЕ ЦАРСТВА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

В античном Причерноморье существовало много различных государств, прошедших длительный период развития и становления. Одни из них функционировали недолго, другие сохраняли значение в течение нескольких столетий. Среди них греческие города-государства на побережье Черного моря и многочисленные царства, в том числе варварские, которые постоянно взаимодействовали друг с другом. Одним из районов, где такое взаимодействие было наиболее ярко выражено, являлся Западный или Левобережный Понт. Здесь существовали племенные и территориально-племенные объединения фракийцев, которые принято считать царствами, например, одрисов, сапсеев, астов, кенитов, бесов и других. Они, хотя и переросли в государства эллинистического типа, но не являлись царствами в полном смысле слова, а были скорее союзами племен, в которых власть принадлежала одному племени и одной династии, как это наблюдалось у одрисов или сапсеев. В северофракийских областях к таким территориально-племенным образованиям следует отнести союзы племен гетов или гето-даков, а также кельтов-галатов, бастарнов, бритологов. Поэтому целью данных заметок является попытка проследить развитие процессов государствообразования у гетских племен в эпоху эллинизма, что предопределило появление мощного гетского объединения в римскую эпоху, сумевшего достойно противостоять римлянам при завоевании Дакии на рубеже I-II вв. н.э.

Как и у племен южных и центральных районов Фракии, государственная власть у гетов не отличалась особой прочностью. К наиболее ранним политическим образованиям в Северной Добрудже и в области между устьем Дуная и Днестром, где обитали гетские племена, можно отнести так называемое «царство Дромихета». Его возвышение приходится на конец IV – начало III в. до н.э., а первое конкретное свидетельство о нем относится к 313 г. до н.э. В этот год войска македонского царя Лисимаха осадили город Каллатис и воевали с пришедшими ему на помощь другими греческими городами Левобережного Понта. К этому времени фактически во всем северобалканском регионе образовалась мощная коалиция против македонской экспансии, во главе которой стояли царь одрисов Севт III и гетский

царь Дромихет. К коалиции примкнули также скифы, жившие в Добрудже [Landucci Gattinoni, 1992, p. 102 suiv.; Делев, 1992, с. 51-59; Сапрыкин, 2002, с. 248; подробно см. Блаватская, 1948, с. 207]. Диодор сообщает, что жители эллинских городов Малой Скифии привлекли к союзу тех фракийцев и скифов, земли которых граничили с их собственными владениями [Diod. XIX, 73, 2]. Речь, очевидно, шла о хоре греческих полисов и землях, находившихся под властью скифских и фракийских (гетских) правителей. По этому договору «фракийцы», т.е. геты, совместно со скифами Добруджи выставили воинские контингенты для помощи своим союзникам-грекам, но Лисимаху удалось переманить гетов на свою сторону, очевидно, путем подкупа [Diod. XIX, 73, 4-5].

Из этих сообщений можно сделать два важных вывода. Во-первых, к 313 г. до н.э. геты уже владели определенной территорией, находившейся под властью царя или племенных вождей, коим скоро сумели договориться с греками о границе между их владениями и хорой эллинских полисов. Во-вторых, в это время геты не предпринимали никаких попыток овладеть сельской округой полисов и уж тем более распространить на них свой протекторат. В-третьих, геты имели достаточно боеспособную и организованную военную силу во главе с представителями племенной верхушки, которая пошла на сговор с македонянами в ущерб союзу с эллинскими городами. Мироточивие гетских племен по отношению к грекам и их владениям объяснялось тесной зависимостью оседлых земледельцев-гетов от греческих полисов, через которые варвары сбывали хлеб и получали от греков различные товары – вино, масло, керамику, украшения. Переход гетов на сторону Лисимаха ухудшил положение осажденных каллатийцев и вынудил их сдать город. Но это был, по-видимому, лишь эпизод, который не изменил негативного отношения гетов к македонянам. А предательство части гетской племенной верхушки и некоторых племенных вождей могло быть следствием недовольства ростом влияния одного из них – Дромихета, что говорит о слабости его власти, пока еще зависимой от вождей различных племен.

Лисимах, недовольный позицией Дромихета, начал вскоре активные военные действия против гетов. В одной из стратегем Полиена, в которых рассказывается о хитростях и уловках различных полководцев, говорится, что Лисимах отправился в поход на Фракию, когда там правил Дромихет, сумевший обмануть могущественного диадоха, сподвижника самого Александра Македонского. Стратег Дромихета по имени Севт перебежал к Лисимаху и, доказав ему свою преданность, завел его войско в пустынное место, где оно страдало от жажды и голода. Дромихет же, неожиданно напав на македонян, их всех уничтожил, включая и самого Лисимаха [Polyaen VII, 25]. К этому сообщению надо относиться с большой осторожностью, поскольку Лисимах погиб не во Фракии, а в Малой Азии в 281 г. до н.э. Однако факт разгрома его войска гетами Дромихета современными учеными не оспаривается. Судя по

имени, Севт – восначальник гетского царя – был фракийцем из племени одрисов.¹ На этом основании исследователи предполагают, что незадолго до своей кончины (приблизительно в середине последнего десятилетия IV в. до н.э.) одрисский царь Севт III направил отряд на помощь Дромихету, своему союзнику с 313 г. до н.э., поставив перед ним задачу отразить нападение Лисимаха. Однако у Полиена прямо говорится, что Севт, перебежавший к македонянам, был стратегом не одрисского царя Севта III, а царя фракийцев Дромихета. К тому же его отряд и войско Дромихета действовали параллельно друг другу, а Севт сумел втереться в доверие к македонскому полководцу. Последнее означает, что Лисимах доверял одрисам, поскольку в конце жизни Севт III мог отступить от прежней резко антимакедонской политики и признать над собой верховную власть македонян. На это как будто бы указывают некоторые детали известной надписи из Севтополя, которую оставили наследники Севта III. В ней, в частности, упомянут гипарх Эпимен, служивший, как полагают, еще Лисимаху в бытность его царем во Фракии. [Dimitrov, Šičikova, 1978, p. 43; Тачева, 1987, с. 21; Сапрыкин, 2002, с. 251]. Не исключено, что стратег Севт как один из сыновей одрисского царя командовал дружиной одрисов на службе у Дромихета. Это могло произойти в 306 г. до н.э., когда Лисимах принял титул царя и Севт III должен был сложить свой царский титул, признав себя вассалом македонян. Чтобы упрочить положение среди одрисов, Лисимах взял в жены или в наложницы одрисскую принцессу. Это произошло до 300 г. до н.э., когда он вступил в новый брак с Амастридой, вдовой гераклеийского тирана Дионисия. [App. Syr. 64; Paus. I. 10. 4; Seibert, 1967, s. 95, 96]. Часть одрисской знати не смирилась с усилением позиций македонян во Фракии, поэтому поддержала молодого Севта, сына царя Севта III, и направила отряд на помощь союзникам – гетам, во главе которых стоял Дромихет. Последний не признал себя вассалом македонян, сохранил царский титул, что превратило его в более значимую, нежели Севт III, фигуру, и стало причиной, почему греческие историки называли Дромихета «царем одрисов» или «царем фракийцев», как в источнике Полиена или у Полибия [Polyb. Fr. 16]. Независимая позиция гетов привела к войне с Лисимахом, против которого выступили и одрисы. Поэтому их союз с гетами сложился исключительно в результате македонской военной угрозы, которая постоянно витала над северобалканскими племенами в последней декаде IV в. и в начале III в. до н.э.

Лисимах как минимум дважды совершал военные походы в страну гетов. Во время первого из них, состоявшегося между 301-297 гг. до н.э., в плен к гетам попал Агафокл, сын Лисимаха, отпущенный затем Дромихетом в надежде получить обратно часть территории своего царства, завоеванной

¹ В рассказе Полиена возможно искажение имени стратега, поскольку в рукописи стояло ΑΙΘΕΙΣ, а Севт – это конъюнктура более позднего времени [Swoboda, 1916, s. 2023; Антонов, Бондарь, Владимирская, Егоров, Косинцева, Холод, 2002, с. 514].

македонянами [Diod. XXI. 11; Strabo VII. 3. 8; Paus. I. 9. 61], возможно, в ходе первых столкновений с гетами и скифами Добруджи еще в 323-313 гг. до н.э. [Diod. XVIII. 11. 1; XIX. 73]. Однако геты не добились своего, и когда Лисимах снова двинулся на них походом, по всей видимости, в 292 г. до н.э., союзник Дромихета одрис Севт применил рассказанную Полиеном хитрость, вследствие чего в плен попал уже сам македонский царь [Polyaen VII. 25; Strabo VII. 3. 8; 14; Paus. I. 9. 6; Diod. XXI. 12; Plut. Dem. 29 (52); Memn. 5; Justin XVI. 1. 19]. Это дало некоторым древним историкам возможность ошибочно говорить о его смерти [Тачева, 1987, с. 25; Йорданов, 1990, с.15], хотя Агафокл, пользовавшийся расположением гетских вождей, устроил, согласно Павсанию, дело в пользу отца, и Дромихет отпустил Лисимаха и его союзника Клеарха II, сына Дионисия, тирана Гераклеи Понтийской, и его супруги Амастриды. Участие гераклейского тирана в походе Лисимаха объяснялось не только тем, что Гераклея Понтийская в это время находилась под управлением македонского диадоха. Гераклеоты были озабочены сохранением своих традиционных торговых связей в регионе, поскольку Лисимах владел Каллатисом, их колонией в Добрудже. Дромихет отпустил диадоха македонян во многом из-за того, что македоняне уступили ему вожделенную область по ту сторону Дуная, захваченную ранее Лисимахом.

Из этих сообщений следует ряд важных выводов. Во-первых, Гетское царство Дромихета консолидировалось вследствие частых нападений македонян и захвата Лисимахом территории в устье Дуная, ранее принадлежавшей гетскому союзу племен. Во-вторых, кампания 313 г. до н.э. и последующие войны с македонянами вплоть до 292 г. до н.э. показывают, что верхушка гетских племен во главе с Дромихетом время от времени пыталась заигрывать с македонянами, как это делал и союзник гетов одрисский властитель Севт III. Вначале фракийцы-геты (и одрисы) изменили союзу с Каллатисом, по сути предав его, что способствовало захвату города Лисимахом. Затем Дромихет милостиво обошелся с сыном македонского диадоха, вступив в сговор с ним и с его отцом. Вскоре гетский царь оказал высшие почести самому Лисимаху, попавшему к нему в плен, и старался не унижить его царского достоинства [Diod. XXI. 12; Strabo VII. 3. 8; 14]. Мы объясняем это тем, что, несмотря на безоговорочное лидерство Дромихета среди гетских вождей племен, его власть была все же шаткой и зыбкой, во многом зависимой от настроений его окружения, а оно, как мы убедились, не всегда последовательно проводило антимакедонскую политику. Сказывались и межплеменная борьба, и боязнь могущества македонского царя. Однако главным был политический расчет: к 292 г. до н.э. Деметрий Полиоркет, воспользовавшийся трудностями Лисимаха в Подунавье, начал расширять свою власть в Греции и на севере Балкан, угрожая Лисимаху. Последнему ничего не оставалось, как создать против Деметрия новую коалицию, в которую, помимо самого Лисимаха, вошли Птолемей и Селевк [Will, 1979, p. 90; Шофман, 1984, с. 126].

Естественно, что северофракийские племена опасались участников этого союза, в котором одну из ведущих ролей играл их противник Лисимах. Боялись они и усиления Деметрия Полиоркета, поэтому пытались заигрывать с Лисимахом.

Важно также подчеркнуть, что, в отличие от других варварских царей эпохи раннего эллинизма, Дромихет не привлекал на службу греческих наемников и командиров. Он обходился исключительно своими силами или приглашал союзников-одрисов. Заигрывание с македонянами объясняется не заинтересованностью гетов в восприятии всего эллинского, а чисто прагматическими мотивами – желанием поскорее получить обратно утраченную территорию и встать вровень с могущественными государствами того времени, чтобы повысить престиж среди подданных. Предательство по отношению к Каллиатису и другим полисам Западного Причерноморья, отсутствие греческих военачальников и показушное выпячивание перед Лисимахом бедности своего племени говорит в пользу нежелания гетской племенной знати поставить греков из прибрежных полисов под свой протекторат или хотя бы под свой контроль. А сам факт привлечения греками к союзу против Лисимаха гетского правителя говорит о том, что геты пока еще не помышляли о захвате земель, находившихся во владении эллинских полисов. Это свидетельствует о слабой эллинизации гетского общества, что отличало царство Дромихета от его южных соседей – фракийцев, особенно одрисов, которые постоянно стремились распространить свою власть на греческие города побережья.

Диодор Сицилийский оставил довольно подробное описание уровня развития гетских племен на рубеже IV-III вв. до н.э. Несмотря на то, что греческие авторы называют Дромихета «царем» [ὁ τῶν Θρακῶν βασιλεύς – Diod. XXI. 12. 1; Γετῶν βασιλεύς – Strabo VII. 3. 8; ср. Polyb. Fr. XVI], политическое объединение гетов под его властью вряд ли можно квалифицировать как «царство» или государство в полном смысле слова с традиционными атрибутами – прочной властью единодержавного монарха, опиравшегося на наместников – правителей, системой государственного фиска, армией, репрессивным аппаратом и т.п. Это видно из описания событий, последовавших за пленением Лисимаха. Когда его привели в гетский город Хелис (Ἡλίς), то все его население поспешно созвали на сходку, своего рода народное собрание или вече, где каждый имел право высказывать свое мнение. Вызванные на это собрание «фракийцы», как называет их Диодор, кричали, что пленных надо «привести в середину толпы» и казнить. Дромихет же выступил и сказал, что Лисимаху и его свите следует сохранить жизнь, чтобы впоследствии вернуть захваченные македонянами крепости (τὰ φρούρια), принадлежавшие ранее «фракийцам». Его речь была убедительной и большинство гетов одобрило предложение царя. После этого был устроен пир, на котором ложа для македонян украсили царской драпировкой, взятой в качестве добычи у побежденного врага, а столы сервировали дорогой посудой и яствами. Фракийцы во главе с Дромихетом и его друзьями восседали за деревянным столом на простых

ложах из соломы, а еда их составляла обычный рацион из мяса и растительной пищи. «Гостям», т.е. пленным, вино подавали в золотых и серебряных кубках, а для гетской знати в простых сосудах из рога и дерева [Diod. XXI. 12].

В этом описании, если отбросить традиционное для эпохи эллинизма восхваление достоинств и простоты обычаев варваров, их врожденного благородства и бедности как антипода роскоши греков и римлян, важно указание на явные пережитки первобытнообщинного строя и элементы военной демократии. Это сходка всех членов племени, зависимость царя от племенного собрания, что делало его похожим на племенного вождя, одобрение решения царя всем собранием соплеменников и воинов, требование коллективного наказания пленных, восседание или возлежание царя на пиру не отдельно от свиты, и не на возвышении, как положено первому лицу, а вместе со свитой, не выделяясь ни одеждой ни трапезой. Но в то же время у гетов был институт «друзей» - φίλοι царя, как у македонян. Это значит, что юноши из знатных родов могли воспитываться вместе с царем при его дворе. Гетское общество при Дромихете находилось на стадии разложения первобытнообщинных отношений и перехода к сословному неравенству, являя собой пока еще не государство, а союз племен в процессе разложения военной демократии и зарождения государственности. А то, что на пир с Лисимахом пригласили только племенную знать во главе с «царем» – предводителем гетского войска, должно свидетельствовать о начале процесса выделения знатной верхушки у северофракийских племен, которая сплотилась вокруг племенного вождя в момент опасности. Верховного вождя или царя наделяли полномочиями заключать договоры и соглашения, в данном случае с Лисимахом и его сыном Агафоклом. Но у гетов уже были укрепления и города типа Хелиса, если верить античным источникам. Однако скорее всего их следует понимать как обычные племенные центры – столицы племенных территорий, где находились резиденции племенных царьков или вождей, объединившихся под властью Дромихета, наиболее авторитетного, богатого и могущественного из вождей. Хотя крайняя заинтересованность Дромихета и его соплеменников в возврате захваченных Лисимахом территорий и укреплений может указывать на то, что переход от союза племен к раннеклассовому государству у гетов шел уже быстрым темпом [Йорданов, 1984, с. 114-116; Pippidi, 1975, p. 51-53]. Впрочем, развитие государственных отношений у гетских племен происходило медленнее, чем у одрисов. У фракийцев южных областей градообразующие цитадели – резиденции правителей и наместников – появляются уже на рубеже IV – III вв. до н.э., а у гетов они возникают только в I в. до н.э. – II в. н.э. [Калоянов, 1988, с. 73-77]. До этого цитадели у них являлись не городами в качестве центров ремесла и торговли, а резиденциями племенных вождей, союзников или друзей царя.

Таким образом царство гетов Дромихета, несмотря на одержанную в войне с Лисимахом победу, экономически и политически было слабым и больше

всего напоминало союз племен, а не государство эллинистического типа. Для него характерна крайне низкая степень эллинизации населения, включая даже родовую аристократию. Но победы над македонянами укрепили власть Дромихета, что стало началом проникновения в гетскую среду греческого влияния и образа жизни. Об этом свидетельствует женитьба Дромихета на дочери Лисимаха с целью скрепить дружественные отношения двух правителей [Paus. I. 9. 6]. Включение в состав царства Лисимаха некоторых гетских областей в Подунавье, возврата которых добивался Дромихет, также содействовало процессу эллинизации.

Слабость гетского царства, его кратковременный подъем при Дромихете, связанный с военной опасностью и противоборством Лисимаху [Hiescu, 1990, s. 106], подтвердили последующие события. Мы не знаем, когда распалась держава Дромихета, а он сам умер. Во всяком случае это случилось не позднее первой четверти III в. до н.э., так как в 279 г. до н.э. объединенная коалиция гетов и трибаллов, южнофракийского племени, доставлявшего немало забот еще Александру Македонскому, пала под ударами кельтских племен [Justin XXV. 1. 2]. Разгром гетов мог быть не столько следствием численного превосходства кельтов-галатов, сколько следствием внутренней слабости и политической непрочности гетского союза, ускоренных смертью Дромихета и снижением македонской опасности в связи с гибелью Лисимаха в 281 г. до н.э. В результате рыхлости социально-экономических и политических позиций царской власти, ее неспособности, в отличие от периода борьбы с Лисимахом, сплотить вокруг себя другие племенные образования гетов и фракийцев к северу и югу от Гема для противоборства кельтам, потомки Дромихета уступили власть внешнему врагу.

Около середины III в. до н.э., во время осады сирийским царем Антиохом II Теосом города Кипселы, в его свите находились некие Терес и Дромихет, которые командовали «многими знатными фракийцами» [Polyaen. IV. 16]. Существует предположение, что это наследники Лисимаха или Севта III, супруги которых Арсиноя и Береника были связаны с сирийским двором [Тачева, 1987, с.39]. Однако убедительнее выглядит точка зрения, что Дромихет – это один из гетских правителей, а Терес – сын Севта III, упоминаемый в севтопольской надписи [Юрукова, 1982, с. 3,4; Йорданов, 1984, с.116]. Присутствие этих фракийцев в свите селевкидского царя могло быть своеобразным отголоском бывшего союза гетов Дромихета и одрисов Севта III, который при Лисимахе был направлен против македонян, а теперь оба царевича пытались заручиться поддержкой тех же македонян, но уже Селевкидов. Союз с Селевкидами был выгоден и гетам и одрисам, поскольку был направлен против кельтов Тилы. Дромихет, упоминаемый Полиеном, скорее всего, сын Дромихета, противника Лисимаха, создателя гетского племенного союза. Не исключено, что он родился от его брака с дочерью Лисимаха [Polyaen VII. 25; Paus. I. 9]. Согласно распространенной практике, включение различных правителей

выращивали зерновые и сбывали их через купцов из Истрии и других эллинистических городов. Монеты отражали и возросший уровень эллинизации гето-фракийской племенной верхушки, на что указывает монетная легенда на греческом языке и облик дидрахм, навеянный традициями греческого монетного дела. Это результат прямого воздействия Истрии и других греческих городов на развитие экономики у гетов, с древних времен связанных торговыми узами с греками. Исследователи, правда, предполагают, что царь Москон был все-таки незначительной политической фигурой, поскольку его более не упоминает ни один источник, но это, по-видимому, не совсем так.

Изображения на монетах царя Москона напрямую подражают типам монет Македонии времени Филиппа II. Гетские племена еще на рубеже IV-III вв. до н.э. активно чеканили посмертные подражания монетам Филиппа II по всей территории своего расселения между Балканами и устьем Дуная. При этом для каждого района Дакии или Гето-Дакии характерны свои особенности чеканки, свидетельствовавшие о различных эмиссионных племенных центрах. Варварские имитации монет Филиппа II, а чуть позднее тетрадрахм Александра Македонского и Филиппа III Арридея, фиксировали не столько уровень эллинизации гетского общества, точнее отдельных племенных союзов, сколько установление довольно активных торговых связей с греческими городами побережья Черного моря и Северной Македонией [Preda, 1973, p. 441-457; Donoiu, 1980, p. 5-7]. «Варварские» образцы подражаний интерлокальным греческим монетам ни разу не несли титула и имени кого-нибудь из гетских племенных вождей или царей. Это обстоятельство, как и яркие эллинистические черты монет царя Москона, на которых впервые встречаются титул и имя правящего царя, позволили высказать предположение об их чеканке в Истрии. Если это действительно было так, то Москон являлся царем крупного племени на Нижнем Дунае или, подобно Дромихету, возглавлял гетский племенной союз, который объединял ряд родственных племен. Монеты Москона были выпущены приблизительно в то время, когда в состав свиты Антиоха II Теоса входил Дромихет, предполагаемый наследник Дромихета Старшего. В таком случае, учитывая более низкий ранг этого Дромихета и его вхождение в свиту селевкидского царя, можно допустить, что именно Москон стал, если не прямым преемником Дромихета-отца, то одним из наиболее могущественных вождей, который пытался занять его место в политической иерархии гетских этно-политических образований. Для этого он чеканил монету, выступавшую, помимо прочего, и как символ политической власти. Но царство или племенной союз во главе с Москоном уступал по могуществу и значимости союзу племен, который сплотился вокруг Дромихета Старшего.

В Северо-Восточной Добрудже, недалеко от Истрии, частично на левом берегу Дуная, находились владения другого гетского властителя Зальмодегика, известного только по истрийской надписи второй-третьей четверти III в. до н.э.

[Pippidi, 1961, p. 53-66; Pippidi, 1962, s. 75-88] ³. Это почетный декрет в честь трех истрийских граждан, отправленных послами к Зальмодегику, которые прошли через враждебную страну ради заложников. Претерпев всевозможные опасности, проявив смелость, послы позаботились о заложниках в количестве 60 человек. Гетский правитель и послы Истрии пришли к взаимному согласию, чтобы все доходы были переданы гражданам Истрии [ISM. 8 = Pippidi, 1967, p. 167-185; cf. Alexandrescu, 1968, p. 275; Pippidi, 1975, p. 65-80]. В этой надписи Зальмодегик не титулуется царем, там указано только его имя. Д. Пиппиди совершенно прав, что данное теофорное имя выдает человека очень высокого социального ранга, поскольку в его основе заложено имя верховного гето-дакийского бога Залмоксиса. Возможно, Зальмодегик был его верховным жрецом, однако отсутствие у него царского титула неслучайно.

Гетские имитации монет Филиппа II и монеты царя Москона появились в 300-250 гг. до н.э., а ок. 254 г. до н.э. Дромихет, предполагаемый сын Дромихета Старшего, был включен в свиту Антиоха II без царского титула, хотя его отец считался «царем фракийцев». Приблизительно в это же время или чуть позднее Зальмодегик, также не имевший царского титула, совершил враждебные действия против Истрии. Они сводились к опустошению ее хоры и присоединению ее части к его владениям, в результате чего 60 истрийских граждан оказались у него в заложниках с целью не допустить ответных действий эллинов для возврата аграрной округи. Зальмодегик хотел собирать с них доходы в свою пользу. Скорее всего, гетский властитель захватил земли, где обитали эллинизованные оседлые геты, так называемые «истриане», считавшиеся полусвободными полузависимыми крестьянами-паройками, платившими Истрии подать сельскохозяйственными продуктами, в основном, зерном ⁴. Очевидно, это одна из первых попыток гетской знати и племенных вождей завладеть сельскохозяйственными ресурсами греческого полиса, т.е. своеобразная акция по расширению границ племенного домена за счет хоры греческого города-государства. Возможно, участие Дромихета Младшего в осаде фракийского города Кипселы также диктовалось расчетом добиться от Селевкидов права получать доходы с его земель. Дромихет Младший и Зальмодегик не имели царского титула, поскольку номинально могли подчиняться вождю гетского союза племен Москону, которого признавало верховным правителем большинство гетских племенных вождей и потому он стал выпускать свою монету под именем царя. Как ранее при Дромихете Старшем, племенные вожди считались его вассалами и должны были платить ему дань, что толкало некоторых, в данном случае, Зальмодегика, на захват плодородных

³ К. Йорданов [1984, с.118] датирует эту надпись ок. 200 г. до н.э., что несколько занижено, так как по палеографии она уверенно датируется III в. до н.э. (см. комментарий к ISM. 8).

⁴ Главными продуктами торгового обмена гетов с греками были скот и зерно [Златковская, 1951, с. 19].

земель греческих полисов. Поступление доходов от эксплуатации различными гетскими вождями оседлых земледельцев, в том числе и тех, кто населял хору греческих полисов, позволяло Москону пополнять казну и выпускать полновесные серебряные дидрахи, а не варварские имитации монет македонских царей, до того чеканившиеся гетами. Однако кратковременность чеканки Москоном своих монет свидетельствует о его недолгом возвышении. Если верить источникам, то Дромихет Младший и Зальмодегик фактически являлись самостоятельными правителями. Первый пошел на союз с Селевкидами, а второй заключил соглашение с Истрией, на которую ранее совершал грабительские походы. Несмотря на это, греки, жившие в низовьях Дуная, вынуждены были постоянно отбиваться от вторжений в их владения местных гето-фракийских династий, правивших в Валахии и в долине Арджеш⁵. Это означает, что и государство Москона не отличалось прочностью.

Попытки поставить под контроль часть подвластной греческим полисам территории, присвоение доходов, предназначавшихся их гражданам, примирение с Истрией и дружба с Селевкидами говорят о том, что, в отличие от правления Дромихета Старшего, гето-фракийская знать стала теперь могущественнее и влиятельнее. Однако обогащение отдельных ее представителей не способствовало укреплению государственности у северофракийских племен. Наоборот, это еще больше ослабляло власть вождя племенных союзов или «царя», как теперь его называли. Различные гетские племенные вожди и династии в целях собственного обогащения отныне сами пытались воспользоваться доходами с подвластных грекам земель. Быстрое примирение с истрийцами Зальмодегика, как и облачение по приказу Антиоха II Теоса гетской аристократии и Дромихета Младшего в роскошное эллинское вооружение при штурме Кипсел, можно считать показателями начала процесса эллинизации и приобщения местной варварской знати ко всему эллинскому, что затем восприняла и часть остального населения. Мирные отношения с истрийцами в какой-то момент казались Зальмодегику и его окружению выгоднее, нежели простые опустошительные набеги на город и его владения.

Об эллинизации гетской аристократии свидетельствует погребальный комплекс Свештари в северо-восточной Болгарии, где наряду с поселением открыто подкурганное захоронение гетского царя второй четверти-середины III в. до н.э. Особый интерес вызывает центральная погребальная камера, интерьер которой украшен дорийским ордером с четырьмя дорийскими и одной коринфской полуколоннами, архитравом и фризом с метопами и триглифами. В декор камеры удачно вписана скульптурная группа из десяти женских фигур – кариатид, концы хитонов которых изображены в виде растительных

⁵ Д. Пиппиди [1984, p. 180] указывает, что это было связано со стремлением гетов поставить под контроль греческие города, как это пытались сделать скифы на северном побережье Понта [Pippidi, 1962, s. 53].

мотивов – завитков листьев аканфа. Под сводом гробницы на люнете северо-западной стены сохранилась декоративная роспись, на которой представлена стоящая Великая богиня, покровительница плодородия и всего сущего, в сопровождении процессии прислужниц, которая украшает лавровым венком сидящего на коне всадника. За ним идут оруженосцы с различными дарами. Сцена отражает представление о героизации и обожествлении умершего царя в образе всадника, отождествляемого с популярным у фракоязычного населения богом Херосом или Фракийским героем-всадником. Композиция отражала идею бессмертия умершего властителя. О царском достоинстве и обожествлении всадника свидетельствует не только лавровый венок в руках у Великой богини, но, главным образом, рог за ухом властителя-всадника, являющийся символом царской власти – рогом Амона. Это роднит погребенного с македонской династией Александра Великого, выступавшего в образе бога Амона-Зевса, либо с Посейдоном, одним из покровителей македонской и фракийской царских династий, так как это был символ его священного быка. Облик погребального склепа, греческие буквы-метки каменотесов на блоках, сцена обожествления умершего царя говорят о сильном влиянии традиций и принципов греко-эллинистического искусства при выборе декора гробницы [Чичикова, Иванов, Енев, Кръстев, 1986; Чичикова, 1988, с. 125 *suiv.*; Димитров, 1988, с. 161-165; Теофилов, 1988, с. 144-160]. Весьма вероятно, что в ее сооружении принимали участие греческие мастера, которые прибыли из Македонии или из прибрежных городов. А это показывает, что в III в. до н.э. гетские властители были уже достаточно эллинизованы и, следуя местным традициям и прямому греческому влиянию, старались внушить своим подданным уважение к царской власти и, быть может, даже продемонстрировать ее богоподобность и богоизбранность путем веры в бессмертие [Гергова, 1996, с. 116, 117]. Комплекс в Свештари являлся центром одного из гетских территориально-племенных образований, подвластных местному династу. К сожалению, определить, кто был похоронен в подкурганном склепе, не представляется возможным, но в качестве гипотезы можно предположить, что это был один из потомков Дромихета, породненного, как известно, с Лисимахом, сподвижником Александра Македонского. На основании сведений, которые дает этот комплекс, как и на примере монет царя Москона, можно констатировать определенный уровень эллинизации гетской верхушки. Но на их основе невозможно отстаивать идею о формировании у гетов эллинистического государства с сильной царской властью и административно-бюрократическим аппаратом, как нельзя говорить и о царском землевладении. Гетская племенная община, развивавшаяся в сельскую индивидуальную общину, выступала главной социальной ячейкой общества. У гетов не сложилось прочного единого царства, так как отдельные гетские племена пока еще переходили в своем развитии этап создания раннеклассового государства. У них были очень сильные пережитки племенного деления, что выражалось в практи-

чески полной самостоятельности племенных вождей, только номинально признававших верховенство более сильного правителя.

Таким образом после распада гетского союза племен, сложившегося при Дромихете Старшем, северофракийские племена представляли собой несколько полусамостоятельных племенных образований, временами, да и то формально, подчинявшихся единому властителю. Каждое из них имело своего правителя, причем, как показывает пример с Зальмодегиком, некоторые вожди сохраняли мирные, но чаще всего враждебные отношения с греческими городами. Гетская аристократия, составлявшая свиту племенных вождей, только начала частично приобщаться к эллинской культуре и традициям.

На рубеже III-II вв. до н.э. в дельте Дуная, вблизи Истрии и Бидзоны, находились владения другого гетского правителя Золта (или Золтеса). Об этом сохранились известия в декрете из Истрии в честь Агафокла, сына Антифила [ISM. 15 = SEG. XXIV. 1095 = Pippidi, 1967, p. 186-221]. Согласно этому документу, знатный истрийский гражданин Агафокл неоднократно приходил на помощь родному городу в тяжелые времена. Когда граждане были охвачены междоусобной борьбой и фракийцы, т.е. геты, в немалом числе вторгались в пределы хоры и самого города, а граждане были поставлены в тяжелейшие условия из-за невозможности доставлять в город плоды урожая из ближайших окрестностей, Агафокл, выбранный токсархом, взяв наемное войско, очистил хору от неприятеля, обеспечив гражданам условия доставлять в город урожай без помех. Когда же геты во главе с Золтом и значительным войском вступили в Скифию и на земли эллинских полисов, подвластных царю Ремаксу, Агафокл был назначен (букв. избран) послом. Отправившись через неприятельскую страну, пройдя многие племена и избежав опасности, он склонил варваров не только не осаждать Истрию, но и вернуть гражданам захваченную ранее в результате набегов добычу. Далее в декрете говорится, что фракийцы – геты опять вторглись на хору Истрии, осадили Бидзону, опустошали окрестности, лишив истрийцев подвоза урожая с ближних полей. Тогда Агафокл снова был выбран послом и отправился за пределы отечества в лагерь врага, так как граждане дали ему поручение выкупить хору и урожай. Агафокл склонил Золта и фракийцев (гетов) за 600 золотых монет не нападать на хору и не приближаться к городу, в результате чего граждане Истрии стали владельцами всего урожая на хоре своего города. Снова став послом во Фракию и к властителю гетов-фракийцев Золту, который нарушил клятвенно подтвержденное соглашение и договор с Истрией, и предвидя возобновление новых набегов на хору города, Агафокл доказал Золту безуспешность этих замыслов, а вернувшись в отечество, публично рассказал об этом согражданам. Когда геты опять нарушили клятвы и соглашения и стали непрерывно совершать нападения, Агафокл, назначенный Народным собранием стратегом хоры Истрии с чрезвычайными полномочиями, взял войско из граждан-добровольцев и бежавших в город варваров, прочно удерживал хору,

имуущество и урожай до переправы царя Ремакса. Когда же царь переправился на противоположный берег реки, не оставив караул по причине страха, но отправив послов и потребовав дани, а страна, т.е. Истрия и хора, была в состоянии войны, Агафокл, опять ставший послом, отправился к нему на корабле и упросил его выделить в качестве передового отряда сотню всадников. Когда же фракийцы (геты), которых было намного больше, чем воинов в передовом отряде, снова совершили нападение и отогнали воинство Ремакса на противоположный берег, а страна (Истрия и хора) осталась без защиты, то Агафокл был в очередной раз отправлен послом, теперь уже к сыну царя – Фрадмону, и убедил его дать 600 конных воинов для передового отряда, которые начали успешные действия против фракийцев Золта... На этом надпись, к сожалению, обрывается.

Исследователи этого важного исторического источника обращали основное внимание на то, кого представляли упоминаемые в нем правители. Они единодушны в том, что Золт – гетский властитель на территории, которая соседствовала с хорой Истрии и другими греческими полисами Малой Скифии [Russu 1967, p. 123-144; Pippidi, 1962, s. 45-51; Pippidi, 1961, p. 53-66; Йорданов, 1984, С. 119]. Что до царя Ремакса и его сына Фрадмона, то здесь мнения разделились: одни ученые полагали, что Ремакс был царем скифов в Добрудже [Rostovtzev, 1927, s. 493; Russu, 1967, p. 123-143], другие считали его, как и Золта, гетским правителем [Preda, 1973, p. 457]⁶, а третьи – предводителем одного из кельтских племен левобережья Дуная, в частности, бритолагов [Карышковский, 1971, с. 41 сл.], появившихся на рубеже III-II вв. до н.э. в Западном Причерноморье. Если обратиться к тексту декрета, то вопрос об этнической атрибуции царей проясняется: вначале геты, о предводителе которых ничего не говорится, напали на сельскую округу Истрии с целью грабежа, но истрийцы сумели отбиться. Затем геты уже во главе с Золтом совершили более значительную агрессию. Они вступили в Малую Скифию и захватили хору нескольких греческих городов, подвластных царю Ремаксу, в результате чего Агафокл в качестве посла отправился к Золту «через неприятельскую страну» и «прошел через земли местных племен», сумев договориться с Золтом о возврате захваченной ранее в ходе набегов добычи. Из декрета следует, что именно геты совершили набеги на хору Истрии и увезли к себе всю добычу, а Малая Скифия вместе с находившимися там греческими городами не подчинялась Золту, поскольку также стала объектом его нападения. Малая Скифия и города, согласно декрету, «были подвластны» царю Ремаксу, из чего со всей очевидностью следует, что Золт и Ремакс были если

⁶ И. Кришан [1978, p. 67] полагал, что Ремакс и Фрадмон – скифские правители гетского объединения к северу от Дуная в Южной Молдавии. Подробно обо всех точках зрения в румынской историографии на происхождение варварских правителей, упоминаемых в декрете в честь Агафокла см. [Ruscu, 2002, p. 293].

не врагами, то во всяком случае соперниками за господство в устье Дуная. В надписи четко различаются понятия «Скифия» (ἡ Σκυθία), где правили Ремакс и Фрадмон, и «Фракия» (ἡ Φραική), где властвовал Золт и откуда им совершались набеги на хору Истрии, а также в Скифию и на хору греческих городов, расположенных по-соседству с царством Ремакса и Фрадмона. Ведь взаимоотношения скифов Добруджи и находившихся там греческих городов Томи, Каллатиса и Одесса на протяжении второй половины III – второй половины II в. до н.э. были хорошими. В этих городах чеканились монеты скифских царей, издавались декреты в честь послов греческих государств к скифским царям [Блаватская, 1948, с. 209-211; Тарасюк, 1956, с. 22-30; Андрух, 1990, с. 83-89; Андрух, 1995, с. 102 сл.]⁷. Истриец Агафокл отправлялся послом во Фракию (Гетику) договариваться с Золтом, следовательно на рубеже III – II вв. до н.э. геты стремились завладеть сельскохозяйственной территорией Истрии, чтобы взимать дань в виде аграрной продукции, поступавшей в этот полис. Истрийцы выплачивали часть дани скифам в лице Ремакса, что показывает определенную гегемонию Скифского царства в Добрудже, в том числе в устье Дуная. При этом отношения города и скифского царя были отнюдь не плохими, очевидно, аналогичными тем, которые установились ранее между скифами и другими греческими городами Левопонтийского побережья. Они строились на основе протектората, когда полисные общины сохраняли права автономии, владели аграрной округой, но должны были периодически выплачивать дань в виде сельскохозяйственной продукции, взимаемой с оседлого гетского населения на хоре. Захват гетами Золта хоры Истрии вынудил истрийцев прекратить выплату дани скифам, что заставило Ремакса и его сына Фрадмона вступить в войну с гетами. Таким образом отношения греков и гетов регулировались соглашениями, по которым сельская территория Истрии юридически подчинялась полисному коллективу, хотя геты всякий раз старались их нарушать и отторгнуть от города его аграрные владения.

Обращает на себя внимание, что Агафокл, совершая первое посольство к Золту во Фракию, прошел через неприятельскую страну, миновал много враждебных племен и избежал множество опасностей. Это означает, что под властью Золта находилось несколько гетских племен, которые были настроены к грекам достаточно враждебно. В то же время во время нападения Золта на хору Истрии под защиту стен города бежало много варваров, пополнивших городское ополчение. А это вкупе с тем, что посольство Агафокла к царю Ремаксу «на корабле», т.е. по реке или по морю (последнее более вероятно), минуя враждебных гетов, завершилось привлечением Ремакса и Фрадмона на сторону истрийцев, показывает, что Золт и Ремакс были властителями

⁷ С.И. Андрух [1995, с.102 сл.; 1990, с. 83-89] считает, что греческие полисы находились под протекторатом Ремакса.

совершенно разных этно-политических образований. Первый из них был правителем гетов, а второй, как и его сын, – скифов, причем Ремаксу и Фрадрмону подчинялась часть оседлых гетов, обитавших южнее анклава Золта. Чтобы добраться до его владений и до истрийской хоры, воинам Ремакса пришлось переправиться через Дунай. «Варвары», бежавшие от гетов Золта в Истрию, это оседлые геты и скифы, которые жили на хоре полиса и выплачивали ему форос как полузависимые земледельцы.

Из варварских правителей, упоминаемых в декрете, только Ремакс имеет титул царя, а Золт назван архонтом (ἄρχων). Если вспомнить, что и его предшественник Зальмодегик, который также добивался перераспределения доходов с хоры Истрии в свою пользу, не имел царского титула, то вполне резонно считать Золта непосредственным преемником Зальмодегика [Карышковский, 1971, с. 41; Йорданов, 1984, с. 119]. А это может означать, что Золт и его домен номинально подчинялись более крупному властителю, каковым ранее являлся Дромихет Старший, а позднее Москон. Не исключено, что этно-племенное объединение Золта номинально находилось под властью скифо-гетских царей, возможно, самого Ремакса, которому геты Нижнего Подунавья должны были выплачивать дань. Но когда Золт сам попытался завладеть всеми доходами с аграрной территории истрийцев в полном объеме, то Ремакс тотчас вступил в конфликт с Золтом на стороне Истрии. Следовательно, на рубеже III-II вв. до н.э. гетские племенные союзы по-прежнему оставались раздробленными, так как у них не было власти единого царя. У скифов же государство было более централизованным и политически организованным⁸, к тому же их царям подчинялись оседлые гетские племена в Малой Скифии и греческие полисы, платившие им дань и имевшие право в случае опасности со стороны гетов обращаться к ним за помощью.

Во II-I вв. до н.э. в Гетике по-прежнему существовало несколько мелких правителей. Среди них известен некий ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΘΙΑΜΑΡΚΟΣ, о котором сообщает только надпись на сосуде из Окницы (департамент Вильчеа) на северо-востоке Олтении [Russu, 1977, s. 33-40]. Сохранились также свидетельства о царе Ороле (или Олоре), неудачно в середине II в. до н.э. воевавшем с бастарнами, населявшими территорию к северу от дельты Дуная [Justin XXXII. 3. 16]. Некоторые исследователи видят в нем правителя даков начала II в. до н.э. в Восточной Трансильвании, который властвовал и над гетами к северу от Нижнего Дуная [Daicovicu, 1938, p. 21; cf. Орачев, 1993, с.203]⁹, хотя В. Илиеску [1972, p. 377-381] выдвинул ряд аргументов в пользу отождествления его

⁸ Об этом свидетельствуют посольство к скифскому царю Каниту, возглавляемое антиохийцем Гермием, сыном Асклепиодора [SIG. II. 2056 = IGB II, 41 = Граков, 1940, с. 251, № 17], и служба, которую выполнял македонянин из города Стибера Антигон, сын Гераклита, при дворе скифского царя Сариака [Лазаров, 1985, с. 47-49].

⁹ А. Орачев полагает, что это гетский властитель второй половины II в. до н.э.

с гето-дакийским правителем Ролесом, римским союзником во время военной кампании М. Лициния Красса в 29-28 гг. до н.э. против бастарнов, мезов и гетов [Dio Cass. LI. 24. 6-7]¹⁰. Одновременно с ним в другой части Северной Добруджи гетами правил его соперник Дапикс [Dio Cass. LI. 26. 1-3]. Однако Орол и Ролес все же разные правители в различные эпохи истории гетов. Хотя конфликт Орола с бастарнами традиционно относят к концу III в. до н.э., тем не менее ни он, ни бастарны не упоминаются в надписях Истрии где подробно рассказывается о взаимоотношениях с окружающими варварами [Pippidi, Berciu, 1965, p. 231, 232; Йорданов, 1984, с. 120]. Очевидно, столкновения гетов с бастарнами при Ороле происходили не ранее 200 г. до н.э. и уже позднее тех событий, о которых говорится в истрийском декрете в честь Агафокла [Vulpe, 1955, p. 7-8]. Они могли иметь место в годы, когда бастарны прочно освоили земли по побережью между Дунаем и Нистру, включая дельту, где они поселились на острове Певка, получив название певкинов [Strabo VII. 3. 15; 17]. Под давлением кельтских племен бастарнов и бритологов скифы утратили владения на левом берегу Дуная и переместились на юг в Добруджу, укрепившись в окрестностях греческих городов, в частности, Томи [Ps. Scymn. 750, 756-757].

Из рассказа Помпея Трога об Ороле можно почерпнуть сведения о состоянии гетского общества в эпоху позднего эллинизма. В наказание за поражение от бастарнов Орол заставил подданных, когда те ложились спать, класть голову на то место, куда обычно кладут ноги, и прислуживать своим женам так, как до того им прислуживали их жены. И эти порядки продержались долго, вплоть до того момента, когда даки смыли с себя бесчестье доблестью на войне [см. Justin XXXII. 3. 16]. Несмотря на некоторый морализаторский оттенок, свойственный греко-римским авторам при описании обычаев варваров в эпоху позднего эллинизма и ранней Римской империи, фрагмент сочинения Помпея Трога интересен тем, что показывает определенное усиление царской власти у гетов даже по сравнению с правлением Дромихета. Орол не только исполнял функции военного вождя – предводителя племенного войска гетов (даков), но имел властные полномочия после войны, хотя она закончилась для гето-даков плачевно. Оролу подчинялось все население подвластной территории и признавало его повелителем-царем. Неизвестно, имел ли Орол титул царя, или это только пояснение источника Помпея Трога, не сумевшего отличить настоящего царя от племенного вождя. Но тот факт, что власть Орола была почти неограниченной, вряд ли подлежит сомнению. Мы не знаем, правил ли упомянутый выше царь Тиамарк до Орола или получил власть после его смерти, но наличие у него полноправного царского титула говорит о возросшей прочности власти гето-дакийских племенных правителей II в. до н.э. Расширение их властных функций произошло скорее всего под влиянием

¹⁰ Подробнее о Ролесе [Йорданов, 1993, с. 238].

внешней опасности, исходившей от бастарнов, бритологов, а также македонских царей Антигона Досона и Филиппа V, так как они заигрывали с бастарнами и пытались укрепиться во Фракии. Не меньшую угрозу представляли скифы и сарматы, усилившие натиск на племена, обитавшие между Днестром и Дунаем. Эллинизация гетского общества вряд ли играла при этом важную роль, поскольку сводилась исключительно к поверхностному восприятию греческой культуры, например, греческого языка и алфавита. Это по-прежнему было пока лишь уделом верхушки гетских племен, а рядовые общинники практически не испытали на себе воздействия греческой культуры [Stefan, 1982, p. 86]. Чеканка гетами подражаний греко-македонским монетам указывает на то, что одним из главных каналов распространения эллинского влияния была торговля, но она охватывала очень узкую группу лиц. Эллинизация гетов в какой-то степени осуществлялась через города побережья, в частности, Истрию и Томи, но постоянные вторжения других племен, а также враждебность самих гетов к истрийцам и томитам затрудняли проникновение греческого влияния [Danov, 1960, p. 78, 79; Danov, 1979, s. 107].

До нас дошли сведения еще об одном гетском властителе Рубобостене или Рубобостесе, хотя вполне возможно, что это искажение в источниках имени Буробостен [Trog. Prol. 32]. Его считают самостоятельным гето-дакийским правителем в Трансильвании или на Валашской равнине во II в. до н.э. [Daicoviciu, 1955, p. 50, 51; Vulpe, 1976, p. 52], хотя В. Илиеску [1968, p. 115-122; cf. Йорданов, 1984, с. 120] видит в этом имени искажение царского имени «Бурбиста», что не лишено оснований.

Как обстояло дело с государственностью у гетов в конце II – начале I в. до н.э., мы осведомлены очень плохо. В годы Первой митридатовой войны, когда войска понтийского царя Митридата Евпатора сражались в Греции, к ним на помощь прибыло войско под командованием Дромихета [App. Mithr. 32. 1; 41. 1]. Об этом военачальнике ничего неизвестно, но, судя по имени, это был гет царского рода наследников Дромихета эпохи борьбы с Лисимахом. Его могли пригласить на службу как наемника в числе многих фракийских солдат, которые находились в войсках понтийского царя. Отряд Дромихета действовал исключительно в Элладе, когда Митридат предпринял наступление на нее через Южную Фракию и Македонию. Для успеха этого предприятия Митридат должен был заручиться поддержкой населения северобалканских областей, поэтому Дромихет мог быть одним из гетских царей или вождей, поддержавших Митридата Евпатора. Ведь фракийские племена, за исключением одрисов, служили у него в основном ради добычи и военных трофеев. И. Тодоров полагает, что Дромихет сражался в войсках понтийского монарха как легитимный властитель, который до Бурбисты начал консолидацию раздробленных гето-фракийских племен [Тодоров, 1989, с. 25-28]. Это предположение кажется нам очень смелым. Но переход гетов к союзу с Понтом мог быть обусловлен поддержкой, оказанной Митридату Евпатору

южнофракийскими племенами. К тому же Митридат выступал как защитник греческих городов Левобережного Понта [Pippidi, 1960, p. 46], что ставило заслон против новых нападений гетов на их хору и делало их естественными союзниками царя Понтийского государства. Но утверждать о формировании единой государственности у гетов под властью Митридата было бы преждевременно. Во-первых, геты не подчинялись напрямую понтийскому царю, а являлись его союзниками, во-вторых, влияние Митридата на севере Балкан и в Подунавье было кратковременным, его интересы распространялись на южные и юго-восточные регионы Фракии, так как они служили плацдармом для захвата Греции. В-третьих, переход Дромихета и гетов на сторону Митридата мог быть вызван тем, что накануне Первой войны с римлянами понтийские стратеги разбили бастарнов, извечных соперников гетов в Северо-Западном Причерноморье. Могла сыграть свою роль и позиция одрисов, которые поддержали римлян, а геты, подвластные династам из рода Дромихета, всегда учитывали роль одрисов, с которыми ранее состояли в союзе. И, наконец, свидетельство известной надписи – декрета в честь Акорниона из Дионисополя эпохи Бурбисты: из его начальных поврежденных строчек следует, что Акорнион совершал поездки к отцу Бурбисты (по другой версии – к неизвестному ближе гетскому царю и его сыну, которого не отождествляют с Дромихетом, упоминаемым у Аппиана) [Блаватская, 1952, с. 174]. Следовательно, во второй половине II – начале I в. до н.э. у гето-дакийских племен по-прежнему существовало несколько полусамостоятельных племенных объединений под руководством разных правителей, в числе которых были Дромихет, а также некие гетский царь и его сын, подразумеваемые в декрете в честь Акорниона. До Бурбисты у гетов было четыре племенных объединения, политически и экономически взаимосвязанных, но все же не составлявших единства, что подтверждается монетами 150-70 гг. до н.э. четырех разных типов [Preda, 1973, p. 457]. Это означает, что процесс консолидации государственности у гетов к этому времени еще не набрал полную силу и до Бурбисты о централизованном государстве у них вряд ли уместно говорить вообще. Ведь и среди южнофракийских племен не было единства по вопросу об отношении к Митридату Евпатору, хотя большая их часть стала его союзниками, так что и у гетов могли быть разногласия, как следует относиться к понтийскому царю. А это не способствовало консолидации племен в единое государство.

Развитие гетского государства пошло несколько быстрее в конце второй четверти-середине I в. до н.э., когда дунайский регион оказался под властью Бурбисты, одного из выдающихся деятелей эпохи позднего эллинизма. К этому времени гетская знать наладила более прочные торговые отношения с греческими полисами, в частности, с Истрией, о чем говорят клады дорогих вещей первой половины I в. до н.э., преимущественно украшений, которые нередко находят в Трансильвании [Popescu, 1958, p.183]. Это усиливало социальное и имущественное расслоение в гето-дакийской среде, что вело

к разорению племенных общин и содействовало преодолению раздробленности. А сама знать, почувствовав вкус к обогащению, стремилась к захватам новой добычи. Когда к власти пришел Бурбиста, геты стали часто переходить Дунай и вторгаться во Фракию и Иллирию. Поначалу Бурбиста укреплял свое положение среди туземных племен, стремясь преодолеть традиционную раздробленность. Начав деятельность как вождь одного из племен по среднему течению Муреша, он объединил вокруг себя все окрестные гетские племена. Затем подчинил скордисков, в 60-х годах до н.э. разбил боев и теврисков, сбив постоянно довлеющую над гетами и даками кельтскую опасность. Возвышение Бурбисты объяснялось также его активной антиримской позицией, поскольку состоявшиеся незадолго до его прихода к власти походы в Западное Причерноморье под командованием М. Варрона Лукулла показали стремление римлян утвердиться на севере Балкан. Это вызвало опасения у гетской племенной верхушки и возвышало Бурбисту в глазах соплеменников-гетов и родственных им южнофракийских племен. Геты и фракийцы обратили свои взоры к греческим городам, в результате усилилось проникновение греческого влияния в гетскую среду, началось активное возведение крепостей и резиденций, в том числе такой крупной цитадели как Аргедава (Попешти), ставшей одной из столиц его царства. Другой резиденцией Бурбисты была Сармизегетуза (Градиштя-Мончелулуй), впоследствии укрепленная столица даков Децебала. Появление таких укреплений неслучайно – они возникли в районах проникновения эллинской цивилизации и были построены по канонам возведения эллинистических укрепленных поселений [Макря, 1958, С. 143-155; Vulpe, 1960, р. 557-566]. Успех завоевательной политики Бурбисты во Фракии отчасти объяснялся тем, что после карательных походов римлян в 70-х годах до н.э. против поддерживавших Митридата Евпатора фракийцев, их военный потенциал существенно снизился.

В упоминавшемся уже декрете в честь Акорниона Бурбиста назван $\pi\rho\omega\tau\omicron\varsigma$ καὶ μέγιστος (βασιλεύς) τῶν ἐπὶ Θράκης βασιλέων, что нередко понимают как указание на эллинистическую по характеру сущность государства Бурбисты [Suceveanu, 1978, р. 107-114; Stefan, 1982, р. 86; подробно обо всех точках зрения Ruscu, 2002, р. 302-304]. Но это заблуждение – государство Бурбисты не перешагнуло стадию племенного союза, причем его власть даже была слабее, чем у Дромихета Старшего. А его титул всего лишь был подражанием моде того времени, когда даже греческие тираны в городах стремились назвать себя царями, не говоря уж о племенных вождях, испытывавших определенное влияние эллинистических традиций. Тем более таких, как Бурбиста, который объединил племена вокруг своего имени и стремился предстать перед греками и римлянами «Величайшим из всех царей фракийцев», «первым» и т.п. Это, кстати, отметил и И. Кришан, который не считал гетское царство Бурбисты эллинистическим государством в полном смысле этого слова, ссылаясь на сообщения Страбона и других античных авторов, называвших власть

этого правителя как ἀρχή [Strabo VII. 3. 5; 11; 12; App. BC. II. 110; Lucan. Pharsalia. II. 295-297; Dio Chrys. Or. 36. 4-6; Jord. Get. 67; ср. Crisan, 1978, p. 40]. Кратковременность правления Буребисты (всего ок. 20 лет), полное разграбление греческих городов или открытая к ним враждебность, за исключением Дионисополя, опустошение их хоры, как это делали его предшественники, захват заложников, исход граждан из городов из опасения быть под властью гетов или тщательные приготовления к отпору их агрессии [IGB I². 46 323; ISM I. 54] свидетельствуют против «эллинизма» Буребисты, демонстрируя его нежелание включать греческие полисы в свою державу даже для получения собственных доходов. Это подтверждает исторически традиционное неумение гетов использовать экономический и культурный потенциал городов для укрепления царской власти и создания административных институтов государства по примеру эллинистических монархий. Буребиста был открытым противником римлян, за исключением Помпея, но даже с ним поддерживал отношения исключительно через своего друга Акорниона из Дионисополя [Sylli., 762 = IGB. I². 13].

Титул царя и институт «друзей», унаследованный Буребистой от предшественников, не являются доказательством греко-македонской и тем более восточной эллинистической традиции, которая была воспринята гетами для укрепления государства. Буребисту по-прежнему почитали как верховного правителя-вождя различных племен, включенных в конфедерацию исключительно ради агрессии, захватов добычи и новых земель. Непрочность власти Буребисты, племенной характер его «державы», доказываются тем, что после его смерти в 44 г. до н.э. союз предводительствуемых им племен сразу распался. Поэтому правление Буребисты не способствовало консолидации гетов в прочное единое царство, так как при нем был создан традиционный для них временный союз племен перед лицом кельтской опасности и римлян. А когда эта опасность снизилась, то «государство Буребисты» поставило перед собой цель выживать исключительно благодаря захватам добычи, разбою и разрушениям греческих городов.

После смерти Буребисты союз возглавляемых им племен распался на четыре или пять самостоятельных частей, в которых римское и эллинское влияние было сведено к минимуму. Это заставило Рим усилить свой вклад в процесс укрепления гетской государственности, ибо перед ним стояла задача создать систему сильных «буферных» царств по предотвращению варварской угрозы с севера. Но римляне, понимая невозможность консолидировать гетов в единое государство, а, может быть, чувствуя опасность такого объединения для себя и для союзных им греков, позволили всего лишь включить некоторые гетские земли в Нижнем Подунавье в состав фракийского вассального царства сапеев [Сапрыкин, 1995, p.415-425]. Они установили династические связи с Котизоном, одним из преемников Буребисты, вошли в союз с Ролесом против бастарнов (см. выше), хотя другие гетские вожди не выказывали особой дружбы

к римлянам. Среди таких гетских царей или, скорее, вождей были Дапикс и Цирак, причем последний даже успешно вел военные действия против римских войск [Dio Cass. LI. 24-26. 5; cf. Тодоров, 1988, р. 93]. Чувствуя объективную невозможность создать в Гетике единое и прочное вассальное царство на страже их интересов, в отличие от Южной Фракии, поскольку геты не поддавались сильному воздействию эллинской культуры и влияния, не говоря уж о романизации, римляне начали разрабатывать тактику прямого завоевания гето-дакийских земель, которую в конце концов воплотили в жизнь на рубеже I-II вв. н.э.

Таким образом на протяжении эллинистического периода и в раннеимператорскую эпоху гетские племена так и не сумели создать у себя прочное государственное образование. Все попытки его строительства не выходили за рамки формирования временных и крайне непрочных объединений племен, жизнеспособных только в условиях ведения агрессии или отпора внешнего противника. У гетов постоянно сохранялась племенная раздробленность, хотя некоторая децентрализация власти в первой половине-середине II в. до н.э. несколько приостановилась вследствие передвижений племен в Подунавье и Добрудже. Племенной сепаратизм в гетском обществе, усилившийся после смерти Дромихета, замедлял процесс эллинизации. Поэтому греческое влияние оставалось поверхностным и коснулось исключительно знати, да и то лишь отдельных ее представителей. Сильная власть скифских царей в Добрудже в III-I вв. до н.э., в свою очередь, препятствовала приобщению гетов к греческой культуре. Ведь дань с оседлых гетских общин и греческих полисов поступала, главным образом, к скифской знати, а гетская племенная аристократия довольствовалась ее остатками. Как следствие, геты не смогли наладить прочные связи с греческими полисами, ограничиваясь набегами на их территорию с целью грабежа и требования дани. Поскольку они не сумели установить протекторат над греческими полисами, то взаимоотношения их вождей с греками сводились исключительно к заключению договоров, по которым устанавливались границы между их владениями и округой греческих полисов. Однако частые нарушения этих соглашений со стороны гетов ставили барьер прочным политическим и культурным связям. Раздробленность племен, складывание временных племенных союзов, наличие различных самостоятельных и полусамостоятельных властителей приводили исключительно к обогащению узкого круга знатных семей, а не к созданию институтов эллинистической государственности и включению греческих городов в административно-территориальные структуры. У гетов, в отличие от южных фракийцев, не сложились предпосылки для формирования царской земельной собственности, на базе которой мог бы быть организован административно-государственный аппарат, обслуживавший единоличную власть царя, как это происходило в государствах эллинистического типа. Даже при Бурбисте у гетов преобладали родоплеменные отношения. Римляне, укрепившись на Балканах,

сумели помочь фракийцам преодолеть племенную раздробленность только к югу от Дуная, а к северу от него даже их влияния было недостаточно, чтобы наладить работу государственных институтов северофракийских племен в нужном для них направлении. Поэтому формирование царств эллинистического типа в этой части Причерноморья было невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонов Т.В., Бондарь Л.Д., Владимирская О.Ю., Егоров А.Б., Косищева И.В., Холод М.М.* Комментарии // Полиен. Стратегемы. – СПб., 2002.
- Андрух С.И.* Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н.э. – Запорожье, 1995.
- Андрух С.И.* К вопросу о датировке монет скифского царя Акросака // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. – Кишинев, 1990.
- Блаватская Т.В.* Греки и скифы в Западном Причерноморье // ВДИ. – 1948. – № 1.
- Блаватская Т.В.* Западнопонтийские города VII-I вв. до н.э. – М., 1952.
- Гергова Д.* Обредът на обезсмъртяването в Древна Тракия. – София, 1996.
- Граков Б.Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. – 1940. – № 3.
- Делев П.* Тракийското царство на Лизимах: някои териториални проблеми // Балкански древности. – 1992. – № 2.
- Димитров К.* Изображение на тракийски владетел от Свешарската гробница // Acta TAB. – 1988. – Т. III.
- Златковская Т.Д.* Мезия в I-II веках нашей эры. – М., 1951.
- Йорданов К.* История на Добруджа. Т. 1. – София, 1984.
- Йорданов К.* Гетите и Лизимах // Acta TAB. – 1990. – Т. IV.
- Йорданов К.* Ролес // Тракийска древност. Кратка енциклопедия. – София, 1993.
- Калознов С.* Проблеми на тракийския урбанизм в гетските земи // Acta TAB. – 1988. – Т. III.
- Карышковский П.О.* Истрия и ее соседи на рубеже III-II вв. до н.э. // ВДИ. – 1971. – № 2.
- Лазаров М.* Новооткрытая надпись Антигона за скифского царя Сариака // ВДИ. – 1985. – № 3.
- Макря М.* Бурбиста и кельты на среднем Дунае // Dacia. – 1958. – Т. II. п.с.
- Орачев А.* Олор // Тракийска древност. Кратка енциклопедия. – София, 1993.
- Сапрыкин С.Ю.* Надпись фракийского царя из Тиры // Studia in honorem Georgii Michailov. – Sofia, 1995.
- Сапрыкин С.Ю.* Фракия как эллинистическое государство // МНМА. – Казань, 2002.
- Тарасюк А.И.* Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи // КСИИМК. – 1956. – Вып. 63.
- Тачева М.* История на българските земи в древността. – София, 1987.
- Теофилов Т.* Анализ на стиловите особености в архитектурата на тракийската гробница край с. Свешари // Acta TAB. – 1988. – Т. III.
- Тодоров И.* Допълнение към Страбон VII. 3. 11 // Acta TAB. – 1988. – Т. III.
- Тодоров И.* Дромихет – един малко известен гетски владетел от началото на I в. пр. н.э. // Acta TAB. – 1989. – Т. IV.
- Шофман А.С.* Распад империи Александра Македонского. – Казань, 1984.
- Чичикова М., Иванов Т., Енев М., Кръстев К.* Тракийската гробница от Свешари. – София, 1986.
- Чичикова М.* Свешарската гробница – архитектура и декорация // Acta TAB. – 1988. Т. III.
- Юрукова Й.* Политическата обстановка в Югоизточна Тракия около средата на III в. пр. н.э. (по нумизматични данни) // Археология. – 1982. – № 2. – Год 24.
- Alexandrescu P.* Une nouvelle synthèse de l'histoire des villes grecques de la Dobroudja à l'époque préromaine // Revue roumaine d'histoire. – 1968. – VII, 2.

- Bosworth A.B., Wheatley P.V. The Origin of the Pontic House // JHS. – 1998. – Vol.118.
- Crîșan J. Burebista and His Time. – Bucuresti, 1978.
- Danov Ch. Thracian Penetration into the Greek Cities on the West Coast of the Black Sea // Klio. – 1960. – Bd 38.
- Danov Ch. Die Thraker auf dem Ostbalkan von der hellenistischen Zeit bis zur Gründung Konstantinopels // ANRW. – Bd 1979. – II, 1.
- Daicovicu C. La Transylvanie dans l'antiquité. – Bucarest, 1938.
- Daicovicu C. // SCIV. 1955. 1-2.
- Dimitrov D.P., Čičikova M. The Thracian City of Seuthopolis. BAR Suppl. Ser. 38. – Oxford, 1978.
- Donoiu J. Monede daco-getice si efigii Romane. – Bucuresti, 1980.
- Iliescu V. Rubobostes oder Burobostes. Zu Trog. Pomp. Prol. XXXII // SC. – 1968. – T. 10.
- Iliescu V. Cind a trait regele Oroles (Just. XXXII. 16) // Archeologia Moldovei. – 1972. – No. 7. Iliescu V. Alexander der Grosse und Dromichaites // Studia in honorem Borisi Gerov. – Sofia, 1990.
- Landucci Gattinoni F. L. Lisimacho di Tracia. – Milano, 1992.
- Pippidi D.M. Sur les relations politiques des cites grecques de la côte occidentale de l'Euxin à l'epoque hellenistique // Nouvelles etudes d'histoire. – Bucarest, 1960.
- Pippidi D.M. Istros et les getes au IIIe siecle av. notre ère // SC. – 1961. – T. 3.
- Pippidi D.M. Epigraphische Beiträge zur Geschichte Histrias in hellenistischer und römischer Zeit. – Berlin, 1962.
- Pippidi D.M., Berciu D. Din istoria Dobrogei. Vol. I. – București, 1965.
- Pippidi D.M. Contribuții la istoria veche a României. Ed. 2. – București, 1967.
- Pippidi D.M. Scythica Minora. – București-Amsterdam, 1975.
- Pippidi D.M. Parerga. – București-Paris, 1984.
- Popescu D. Le trësor dace de Sincrceni // Dacia. – 1958. – T. II n.s.
- Preda C. Monede de un tip necunoscut provenind din Dobrogea // SCIV. – 1964. – T. XV. – No. 3.
- Preda C. Monedele geto-dacilor. – Bucuresti, 1973.
- Ruscu L. Relațiile externe ale orașelor grecești de pe litoralul românesc al Mării Negre. – Cluj-Napoca, 2002.
- Russu I. Zoltes si Rhemaxos. Thracii, scitii si Istria in sec. III-II i.e.n. // Apulum. – 1967. – T. 6.
- Russu I. Die griechische und lateinische Schrift im vorrömischen Dakien // Epigraphica. – București, 1977.
- Seibert J. Historische Beiträge zu den dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit. – Wiesbaden, 1967.
- Stefan A. Études recentes d'epigraphie grecque en Roumanie // Eirene. – 1982. – No. 18.
- Suceveanu A. Quelques reflexions autour du royaume de Burebista // AMN. – 1978. – Vol. 15.
- Swoboda H. Seuthes (5) // RE. – 1916. – Hbd 18.
- Vulpe R. Le problème des bastarnes à la lumière des découvertes archéologiques en Moldavie. – Bucarest, 1955.
- Vulpe R. Argedava // Omagiu lui Constantin Daicovicu. – București, 1960.
- Vulpe R. Studia Thracologica. – București, 1976.
- Will E. Histoire politique du monde hellénistique. T. 1. – Nancy, 1979.

С.Ю. Сапрынкін

ГЕТО-ДАКІЙСЬКІ ЦАРСТВА ЕЛЛІНІСТИЧНОГО ЧАСУ

Резюме

У статті розкриваються особливості становлення державності в Гетике в епоху еллінізму. Особливістю соціально-політичного та економічного положення гетів була рихлість державної влади, збереження родо-племінних відносин та слабкість царів, які за своїм характером мало відрізнялися від племінних вождів. Міцність общинних відносин, легкий наліт еллінізації гетського суспільства, відсутність романізації перешкождали

установленню добросусідства та торговельних зв'язків гетів з грецькими містами лівобережного Понта в епоху еллінізму. Ці особливості стримували процеси об'єднання гетських племен, а окремі спроби їх консолідації були викликані необхідністю завоювань, отримання дани та важливістю грабіжницьких набігів для збагачення племінної верхівки. Все це не сприяло створенню елліністичної державності до самого римського завоювання Гетики та Дакиї.

С.Ю. Сапрыкин

ГЕТО-ДАКИЙСКИЕ ЦАРСТВА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Резюме

В статье раскрываются особенности становления государственности в Гетике в эпоху эллинизма. Особенностью социально-политического и экономического положения гетов была рыхлость государственной власти, сохранение родо-племенных отношений и слабость царей, по своему характеру мало отличавшихся от племенных вождей. Прочность общинных отношений, легкий налет эллинизации гетского общества, отсутствие романизации препятствовали установлению добрососедства и торговых связей гетов с греческими городами левобережного Понта в эпоху эллинизма. Эти особенности сдерживали процессы объединения гетских племен, а отдельные попытки их консолидации были вызваны необходимостью завоеваний, получения дани и важностью грабительских набегов для обогащения племенной верхушки. Все это не способствовало созданию эллинистической государственности вплоть до римского завоевания Гетики и Дакии.

S. Y. Saprykin

THE GETIC-DACIAN KINGDOMS IN HELLENISTIC EPOCH

Summary

Peculiar features of establishment of Getic state system in Hellenistic epoch have been observed in the article. Tribal relations and weak power of the kings, who did not differ from tribal chiefs very much, were distinctive features of social, political and economic status of the Getae. Friability of state power, strong communal relations, light touch of Hellenization of the Getic society, and lack of Roman influence put obstacles in the way of setting good-neighborly and trade relations of the Getae with Greek cities of the left bank Pontos in the Hellenistic epoch. Those particular features restrained processes of integration of Getic tribes. Some attempts of their consolidation were caused by necessity of conquering, collecting levy and the importance of plundering raids to enrich the tribal clique. All those factors did not favor creating of Hellenistic state system right up to Roman conquest of Getika and Dacia.

Д.В. ЖУРАВЛЕВ, М.Ю. ТРЕЙСТЕР

БРОНЗОВЫЙ КУВШИН ИЗ ШВЕРИНСКОГО КУРГАНА¹

1. Введение

Шверинский курган, как и другие археологические памятники Херсонеса, входил в сферу научных интересов Виталия Михайловича Зубаря [Зубарь, 2006, с. 30-31, рис. 2]. Для сборника, посвященного Виталию Михайловичу, мы предлагаем подробную публикацию единственной сохранившейся из него находки.

В 1872 году в 3-х верстах от Херсонеса у Стрелецкой бухты на земле полковника К.И. Шверина был раскопан курган высотой 4 сажени. Насыпь кургана состояла из камня, в основании насыпь окружала крепида, состоящая из тесаных известняковых блоков, уложенных в два ряда, верхний ряд сложен из рустованных блоков (рис. 1) [Косцюшко-Валюжинич, 1893, с. 35; Бертъе-Делагард, 1893, с. 54-55]. В 1908 г. курган был исследован Н.М. Печенкиным [Печенкин, 1914, с. 186-194]. Под насыпью кургана в 1872 г. были обнаружены фрагменты бронзового сосуда, который был использован в качестве урны: обследовавший его содержимое А.В. Орешников не сомневался в погребальном характере сосуда, поскольку на дне его им были обнаружены остатки пережженных человеческих костей [Печенкин, 1914, с. 188-189]. Фрагменты бронзового сосуда были подарены К.И. Швериным Императорскому Московскому археологическому обществу, которое передало их в Императорский Российский исторический музей [Указатель памятников, 1883, 115, № 7-11; Указатель памятников, 1893, с. 442, № 93-99]². Остатки пережженных костей рассыпались и были впоследствии списаны.

2. История исследования

Фрагментированный бронзовый сосуд из Шверинского кургана не привлекал особенно пристального внимания исследователей. В Указателе Исторического музея сосуд был датирован «по стилю ручки» II – I вв. до н.э. [Указатель памятников, 1893, с. 442]. После публикации фотографий фрагментов

¹ Д.В. Журавлевым подготовлен раздел 3 статьи и представлены фотографии публикуемого сосуда из Шверинского кургана, хранящегося в ГИМ. Раздел 1 написан совместно. Остальные разделы статьи и приложение 1 написаны М.Ю. Трейстером.

² ГИМ. Инв. № 2184-88. Оп. Б-105, № 1-5.

сосуда и его графической реконструкции, выполненной в 1873 г. А.Г. Недзельским, Н.М. Печенкиным (без подробного описания фрагментов) [Печенкин, 1914, с. 188-189, табл. II, 4-6] прошло довольно много времени, прежде чем Н.В. Пятыева обратилась к сосуду в статье, посвященной Херсонесу и скифам. Как и в предыдущих публикациях сосуд не был описан (Н.В. Пятыева лишь исправила ошибку Н.М. Печенкина, уточнив, что нижний атташ ручки оформлен в виде головки кабана), а элементы его формы и декора проанализированы, тем не менее исследовательница отнесла его к III – II вв. до н.э. без всякого обоснования своей датировки [Пятыева, 1957, с. 252-253, рис. 1]. Наконец, И.В. Ксенофонтова, публикуя бронзовые сосуды из раскопок Уляпских курганов, сопоставила найденный в одном из них бронзовый кувшин с витой ручкой и нижним атташем в форме головки кабана с ручкой сосуда из Шверинского кургана и высказала сомнение в правильности датировки, предложенной Н.В. Пятыевой (сосуд из Уляпского кургана И.В. Ксенофонтова отнесла к концу V – началу IV в. до н.э.) и предложила датировать этим же временем и бронзовый сосуд из Шверинского кургана [Ксенофонтова, 1992, с. 168].

На этом история исследования бронзового сосуда из Шверинского кургана и ограничивается. Впрочем, несмотря на то, что фрагментированный бронзовый сосуд был, по сути, единственной находкой, сделанной в кургане (если не считать средневековую монету, обнаруженную в насыпи), сложилась парадоксальная ситуация. В последние десятилетия исследователи все чаще обращались к Шверинскому кургану [Виноградов, 1999, с. 199; Рогов, 1999, с. 128-129; Стоянов, 2000, 132; Рогов, 2002, с. 150; Буйских, 2004, с. 20; Херсонес Таврический, 2005, с. 90, рис. 27; Зубарь, 2006, с. 30-31, рис. 2], останцы насыпи и крепины которого были снесены в 1910 г. при строительстве береговой батареи [Печенкин, 1914, с. 193-194]. Таким образом, от кургана до наших дней сохранились некоторые чертежи и фотографии, опубликованные А.Л. Бертье-Делагардом и Н.М. Печенкиным, и рассматриваемый здесь фрагментированный бронзовый сосуд. Однако никто из ученых не попытался обратиться к единственной сохранившейся находке.

3. Описание сосуда

Бронзовый сосуд представлен полностью сохранившейся ручкой с верхним и нижним атташами, двумя фрагментами венчика сосуда и двумя фрагментами его дна. Указанные в Указателе Исторического музея «обломки боков урны» [Указатель памятников, 1893, с. 442, № 97] и «пробка из известняка», которой была заткнута урна [Указатель памятников, 1893, с. 442, № 98], до настоящего времени не сохранились.

3.1. Ручка сосуда литая по восковой модели (рис. 2-3; 6). Ее круглый в сечении ствол скручен из двух жгутов. В верхней части ствол ручки изгибается вверх и внутрь в сторону к горлу сосуда и переходит в расположенный практически в вертикальной плоскости уплощенный верхний атташ.

Верхний атташ имеет сложную форму. Его горизонтальный верхний край повторяет кривизну венчика сосуда, он слегка расширяется книзу. Нижняя часть атташа выполнена в форме цветка лотоса с выступающим в центре ромбовидным лепестком и двумя волютами по сторонам. Детали лепестка и волют переданы в рельефе и посредством глубоких канавок. Внутренняя сторона верхнего атташа гладкая, имеет неровную поверхность. В верхней части атташа проходит горизонтальный валик, изначально фиксирующий атташ над венчиком сосуда.

Нижний атташ оформлен в виде контурного распластанного скальпа головки дикого кабана в рельефе, подробно передающем детали: высокие надбровные дуги, вертикально стоящие уши, широкий и длинный нос с продольной ложбинкой по центру, длинные разрезы пасти. Узкие миндалевидной формы глаза подчеркнуты врезанными линиями. В верхней части атташа по бокам головку обрамляют волюты с завитками, по деталям напоминающие волюты верхнего атташа.

Ручка: выс. общая 17,3 см. Сечение в верхней части – 2,4 см; в нижней – 1,7 см. – Верхний атташ: 4,8 x 6,2 см. – Нижний атташ с кабаном: 6,4 x 5,0 см (по волютам); 6,4 x 4,0 см (по морде). Выс. Рельефа: 0,8 – 2,2 см.

3.2. Венчик сосуда широкий, отогнутый наружу (рис. 4; 6). Дм. 15,4 см.

3.3. Дно плоское из двух фрагментов (рис. 5-6), ровное изнутри, с внешней стороны украшено тремя группами из двух-трех врезанных концентрических линий. В центре – точка от фиксации на токарном станке. По части окружности dna сохранились на незначительную высоту расположенные под тупым углом к нему фрагменты стенок сосуда. Дм 16,1 см.

4. Анализ

Фрагментированный сосуд из Шверинского кургана имеет витую ручку (рис. 2-3; 6). Витые ручки, будучи сравнительно редкими, имеются, тем не менее, у целого ряда бронзовых сосудов VI – IV вв. до н.э., в том числе у прохусов: середины VI в. до н.э. из Каваллино в Южной Италии [Tarditi, 1996, p. 84, no. 170; p. 164-165] и рубежа VI – V вв. до н.э. из некрополя Витсы в Эпире [Vokotopoulou, 1975, p. 5-10, pls. 8-10; Vokotopoulou, 1986, p. 288, no. 2259/T 66, pls. 30-31; Rolley, 1986, 143, fig. 124], а также серии других коринфских прохусов архаического времени [Vokotopoulou, 1975, pls. 17; 18, γ, δ, ε; 20-21]. Витая ручка имеется и у ойнохой из погребения IV в. до н.э. № 20 южного некрополя Пидны в Македонии [Bessios, Pappa, 1995, fig. 86D; Cat. New York, 2004, p. 82, no. 14].

Ближайшей параллелью витой ручке с нижним атташем в виде скальпа кабана является ручка несколько меньшего по размерам бронзового кувшина из ритуального комплекса Уляпского кургана № 1/1981 (рис. 7; 8, 2) [Leskov, 1990, S. 178, Nr. 58, Taf. 65-66; Cat. Speyer, 1991, Nr. 107; Ксенофонтова, 1992, с. 167-168, рис. 3]³, который датируется концом V – началом IV в. до н.э. По мнению

³ ГМВ, инв. 546-М IV. В. 27,6 см. Дм. 19,4 см. Дм. по краю 12,91 см. Дм. горла 8,46 см. Дм. dna 11,21 см.

И.В. Ксенофонтовой, и бронзовый кувшин, и бронзовые тазы из Уляпских курганов № 1 и 4 были изготовлены в одной мастерской в конце V – начале IV в. до н.э. [Ксенофонтова, 1992, с. 168].

Нижние атташи ручек сосудов из Шверинского и Уляпского курганов с одной стороны настолько близки друг к другу (хоть и отличаются размерами и наличием/отсутствием волют у корня ручки) (рис. 8), а с другой – не имеют параллелей среди греческой бронзовой посуды, что есть все основания предположить их изготовление если и не в одной мастерской, то, по крайней мере, в одном центре. Вместе с тем верхний атташ уляпского кувшина оформлен иначе, в виде пластины, охватывающей по периметру часть венчика, и украшен сверху напаянной катушкой (рис. 7, 1. 3). Ручка же рассматриваемого кувшина в верхней части загнута внутрь и заканчивается плоским атташем в виде остроконечного листа с волютами по сторонам, при этом лист ориентирован вниз, сам атташ же, судя по его положению по отношению к стволу ручки, прилегал к цилиндрическому или слегка расширяющемуся горлу сосуда под его венчиком (рис. 2; 6).

Ближайшие по форме и по расположению на сосуде верхние атташи ручек мы находим на бронзовой амфоре № 2 из комплекса бронзовых сосудов, найденных в 1961 г. в торфянике на р. Супой у с. Песчаного Черкасской области⁴ (рис. 9) [Ганіна, 1970, с. 35-40, с. 83, рис. 8-9, 35-39; Cat. San Antonio, 1999, p. 203-204, no. 88], у которой верхняя часть ручек загнута вниз для крепления к горлу, которое существенно уже венчика, при этом верхняя часть нижнего атташа крепилась к плечу сосуда, а его нижняя часть – к стенке. Эту амфору можно датировать в рамках первой половины V в. до н.э. (См. Приложение 1).

Форма ручки, волюты на верхнем атташе, трактованные в виде широких плоских завитков, тип нижнего атташа в виде протомы животного с выделенной нижней частью морды и небольшими волютами в верхней части атташа по сторонам от нижнего корня ручки находят ближайшие параллели на ручках бронзовой амфоры № 1 из Песчаного, которая атрибутируется как изделие ионийской мастерской конца VI в. до н.э. (рис. 11) [Ганіна, 1970, с. 82, рис. 4 [нижний атташ ручки]; рис. 5 [общий вид]; рис. 6 [вверху – верхний атташ ручки]; Fuchs, 1978, S. 115, Taf. 22; Galanina, Grach, 1986, figs. 102-103; Cat. Schleswig, 1991, S. 313, Nr. 103h; Cat. San Antonio, 1999, p. 199-201, no. 86]. В.Фукс сравнивал нижний атташ амфоры с водосливами храма Зевса в Олимпии, что дало ему основание датировать амфору не позднее 460–450 гг. до н.э.

– Атташ: шир. 3,34 см, в. 4,75 см, дм. 1,96 см. – Катушка: шир. 2,41 см, в. 1,61 см. Авторы выражают искреннюю признательность И.В. Ксенофонтовой за возможность работы М.Ю. Трейстера с бронзовым кувшином из Уляпского кургана № 1, хранящимся в Государственном музее Востока.

⁴ Авторы выражают искреннюю признательность возможности работы М.Ю. Трейстера с бронзовыми сосудами из Песчаного, хранящимися в Национальном музее истории Украины, Л.В. Строковой, С.А. Корейской и С.В. Диденко.

[Fuchs, 1978, S. 115]. В отличие от верхнего атташа ручки сосуда из Шверинского кургана, на верхнем атташе ручки амфоры № 1 из Песчаного нет центрального листа. Ближайшей параллелью оформлению верхнего атташа амфоры № 1 из Песчаного является верхний атташ ручки фрагментированной амфоры из Донья Белица, в 10 км к северу от Требениште, хранящейся в Белградском музее, которую датируют концом VI в. до н.э. [Vulic, 1933, S. 479-481, Abb. 18; Popović, 1956, p. 55, pl. XXXIII, 43; Hill, 1967, p. 41, no. II.A.2 Popović et al. 1969, p. 72, no. 36; Rolley, 1982, p. 84, note 218, pls. XVIII, fig. 84; XXI, fig. 101-102], при этом ствол ручки с лицевой стороны оформлен в виде жемчужника, а нижний атташ – в виде пальметты [Rolley, 1982, pl. XXI, 105]. Другую параллель верхнему атташу представляет верхний атташ ручки уникального бронзового кадоса из коллекции М. и Д. Штайнхардт в Нью-Йорке, который атрибутируется К. Стиббе как изделие аттического мастера ок. 500 г. до н.э. [Stibbe, 2000, p. 149-157, figs. 108-110].

Форма ручки и изгибы атташей сосуда из Шверинского кургана дают основание реконструировать верхнюю часть его тулова и горла по аналогии с верхней частью бронзовой амфоры № 2 из Песчаного. Сосуд был плоскодонным и по своим пропорциям сопоставим с бронзовым кувшином из Уляпского кургана № 1.

Учитывая приведенные выше аналогии, имеются все основания датировать фрагментированный бронзовый сосуд из Шверинского кургана в широких рамках конца VI – середины V вв. до н.э. Значительно сложнее решить вопрос о центре его изготовления, учитывая тот факт, что большинство приведенных нами параллелей происходит из Северного Причерноморья.

Ближайшей типологической параллелью ручке сосудов из Уляпского и Шверинского курганов являются ручки ойнохой с широким округлым туловом. Эти сосуды имеют одну вертикальную витую ручку. Сверху ручка украшена напаянной катушкой. Нижний атташ ручки оформлен в виде львиного скальпа. Сосуды рассматриваемой формы известны как в южной Италии, где было найдено два экземпляра [Tarditi, 1996, p. 84-85, nos. 172-173; 165-166], так и в Северо-Западной Греции – в некрополе Витсы в Эпире было обнаружено четыре таких сосуда, три из которых происходят из погребений второй половины V в. до н.э., а один – из могилы второй половины IV в. до н.э. [Vokotopoulou, 1986, p. 288-289, δ 1-4, fig. 81, pl. 286, no. 5163/T 160; Tarditi, 1996, p. 165-166, figs. 35-36]. Еще три экземпляра таких сосудов хранятся в частных собраниях в Греции [Andrioménou, 1975, p. 554-559, no. 5, figs. 23-26]. Предполагается, что это изделия коринфских мастерских [Andrioménou, 1975, 556; Vokotopoulou, 1986, p. 286, 289]. Можно ли рассматривать сосуды из Уляпского и Шверинского курганов так же как изделия коринфской мастерской, выполненные несколько ранее, вопрос открытый. Однако на сегодняшний день предположение о коринфском изготовлении сосудов является наиболее вероятным.

5. *Бронзовые сосуды как погребальные урны*

Бронзовый кувшин из Шверинского кургана был использован в качестве погребальной урны, содержащей остатки трупосожжения. Подобное использование греками бронзовых сосудов было достаточно широко распространено по всему античному миру, в том числе и в Северном Причерноморье⁵, хотя, как правило, для этой цели использовались гидрии [Diehl, 1964, S. 146-168]. Впрочем, среди керамических сосудов, использовавшихся в некрополе Херсонеса IV – III вв. до н.э. в качестве погребальных урн, хотя и преобладали также гидрии, но были и кувшины, и амфоры [Щеглов, 1975, с. 111-115; Белов, 1978, с. 46; Херсонес Таврический, 2005, с. 436, рис. 270]⁶, и даже краснофигурный оксибаф начала IV в. до н.э. (могила № 1517/1903) [Косцюшко-Валожинич, 1905, с. 106-107; Белов, 1945; Белов, 1948, табл. IV, 2; Гриневич, 1959; Белов, 1981, с. 165; Стоянов, 2000, с. 134; Херсонес Таврический, 2005, с. 448, рис. 276].

Заслуживает внимания и тот факт, что горло сосуда было заткнуто пробкой из известняка. Чаще в качестве крышек бронзовых сосудов, выполнявших функцию погребальной урны (впрочем, как и керамических), использовался лист свинца, края которого были загнуты вниз [Manzewitsch, 1932, S. 10-11, Nr. I; Diehl, 1964, S. 155, Nr. B 132-133; Херсонес, склеп № 1012/1899; S. 152, Nr. B 170; курган на Юз-Обе, раскопанный в 1863 г.; S. 156, Nr. B 209; окрестности Коринфа], специально подогнанные бронзовые крышки, зафиксированные штифтами к венчику [Diehl, 1964, S. 151, Nr. B 139; из кургана в окрестностях Керчи; Билимович, 1984, с. 80, № 3 [с литературой] табл. II, 7-8; Diehl, 1964, S. 151, Nr. B 142; из погребения в Варне) или маленькие керамические сосуды, например, тарелки [Diehl, 1964, S. 153, Nr. B 184; Мирина].

Подобным же образом, чаще всего при помощи свинцовых листов были «запечатаны» и керамические сосуды, использовавшиеся в качестве погребальных урн, например, чернолаковая гидрия [Manzewitsch, 1932, S. 9, Nr. I, Taf. IV, 1-2; Белов, 1948, с. 78-79, табл. VI, 1; Crimean Chersonesos, 2003, p. 139, fig. 10.12; Херсонес Таврический, 2005, с. 91, рис. 28], гидрия без росписи [Manzewitsch, 1932, S. 10, Nr. II]; и амфора из склепа № 1012 в Херсонесе [Manzewitsch, 1932, S. 10, Nr. III; Diehl, 1964, S. 155], а также гидрия с росписью белой краской из погребения № 34 некрополя у Песчаной бухты [Щеглов, 1975, с. 112].

⁵ Херсонес, склеп № 1012/1899; бронзовая гидрия: Diehl, 1964, S. 155: 219, Nr. B 133; Билимович, 1984, с. 78, 80, № 8 (с литературой), табл. 3, 12. – Курган в окрестностях Керчи, раскопки 1834 г.: Diehl, 1964, S. 153; S. 218, Nr. B 127, Taf. 13, 3; Билимович, 1984, с. 79, 80, № 9 (с литературой). – Курган в окрестностях Керчи, раскопки 1851 г.: Diehl, 1964, S. 153; S. 217, Nr. B 104, Taf. 8, 1, 3; Билимович, 1984, с. 79, 81, № 10 (с литературой) табл. II, 13. – Курган на Юз-Обе, раскопки 1863 г.: ОАК за 1863 г., X; Diehl, 1964, S. 152, Nr. B 170. – Возможно, в качестве погребальной урны использовалась и бронзовая гидрия, найденная при строительных работах в районе некрополя Горгииппии в Анапе: Кругликова, 1975, с. 67-69.

⁶ См. также подбёрку в неопубликованной диссертации Р.В. Стоянова [Стоянов, 2004, с. 92-94].

Известняковые пробки для керамических урн известны в некрополе Херсонеса [Щеглов, 1975, с. 111]. Использование пробок из камня, в том числе расписного, зафиксировано также для керамических гидрий типа Гафра из некрополей Александрии [Diehl, 1964, S. 158, Anm. 230].

6. Выводы

Предлагаемая датировка бронзового кувшина из Шверинского кургана в рамках конца VI – середины V вв. до н.э., безусловно, не означает, что и возведение кургана следует обязательно относить к этому же времени. Нам известны примеры многолетнего и даже столетнего использования редких бронзовых сосудов в Северном Причерноморье, как это имело место с бронзовой ольпой, в которой был спрятан клад кизикинов в Мирмекии [Butyagin, Treister, 2006, p. 131-144], или бронзовым тазом первой половины или середины V в. до н.э. в погребении № 44 Уляпского кургана № 4, датирующемся началом IV в. до н.э. (см. выше). Вместе с тем вероятность того, что Шверинский курган был возведен позднее IV в. до н.э., представляется нам незначительной. Собственно, большинство современных исследователей, ссылки на работы которых были приведены выше, относят Шверинский курган к IV в. до н.э. (Е.Ю. Рогов) или ко второй половине IV – первой половине III вв. до н.э. (А.В. Буйских, В.М. Зубарь). Лишь Ю.А. Виноградов сравнивает Шверинский курган с курганом Кара-Оба и, со ссылкой на А.Н. Щеглова, высказывает предположение о том, что оба памятника могли быть памятниками побед войск Митридата Евпатора.

Представленный анализ бронзового сосуда из Шверинского кургана, безусловно, позволяет квалифицировать последнюю гипотезу как маловероятную. Скорее всего, учитывая датировку единственной находки из кургана, его можно было бы датировать в широких рамках V – первой половины IV в. до н.э.

Приложение 1. О датировке бронзовой амфоры № 2 из Песчаного

Данную амфору из Песчаного (рис. 9) [Ганина, 1970, с. 35-40, 83, рис. 8-9, 35-39; Cat. San Antonio, 1999, p. 203-204, no. 88] датируют концом VI – началом V в. до н.э. [Ганина, 1970, с. 40] или V в. до н.э. [Cat. San Antonio, 1999, p. 203-204, no. 88]. О.Д. Ганина достаточно подробно уделила внимание конструктивным особенностям амфоры, в частности, оформлению ее ручек с подвеской и нижней части тулова, изготовленной отдельно и приклепанной к сосуду [Ганина, 1970, с. 35-37], сопоставляя ее по оформлению ручек с подвеской с бронзовой амфорой из Музея Метрополитен [von Bothmer, 1961, p. 140-141, figs. 11-12; p. 145], а также с сосудами из кургана у с. Юруклер в Болгарии [Велков, 1929, с. 38, рис. 49] и из Гелы на Сицилии, в Музее Сиракуз [P. Orsi, in Monumenti Antichi 17, 1906, p. 450-451, fig. 321; Hill, 1967, p. 45, pl. 13, 1; Rolley, 1982, p. 27, note 24, pl. XXIV, figs. 121-123].

Однако О.Д. Ганиной была неизвестна хранящаяся в Бостоне и предположительно происходящая из Милета бронзовая ручка амфоры – она по своей форме, сечению ствола, дскору верхней части соответствует ручке амфоры из Песчаного и является ее прямой и ближайшей аналогией, хотя отличается в деталях декора нижнего атташа (его украшает не одиннадцати-, а девятилепестковая пальметта, в нижней части пальметты – не одна, а две пары S-видных завитков). К. Вермейль датирует ее временем ок. 510 г. до н.э. и относит к восточно-греческим изделиям [Comstock, Vermeule, 1971, 294, no. 420].

Сосуд из Гелы был найден в погребении с краснофигурным кратером начала V в. до н.э. и датируется временем ок. 520 г. до н.э. [Hill, 1967, p. 45, pl. 13, 1] или концом VI в. до н.э. [Rolley, 1982, p. 27, note 24; 28, note 29; pl. XXIV, figs. 121-123; Rolley, 1986, p. 243, fig. 267]. Амфору, хранящуюся в Нью-Йорке, датируют последней четвертью VI в. до н.э. [Mertens, 1985, p. 33, no. 19; Picón et al., 2007, p. 88, fig. 93; p. 423, no. 93]. Амфору из Фракии относят ко второй половине V в. до н.э. [Venedikov, Gerassimov, 1973, Taf. 102]. Подобные ручки для подвешивания имеют миниатюрные бронзовые ситулы-кратеры из погребения в Локрах Эпизефирских, датирующегося ок. 470–460 гг. до н.э. [Rolley, 1986, p. 175, fig. 155]. Впрочем, подобной же ручкой снабжена и бронзовая амфора из Кардицы в Фессалии, относящаяся уже к IV в. до н.э. [Cat. Thessaloniki, 1978, p. 30-31, no. 1, pl. 1; Cat. Washington, 1980, p. 157, no. 109]. Аналогичную ручку для подвешивания имеет и бронзовая амфора из гробницы последней трети IV в. до н.э. в Дервени (Македония) [Cat. Thessaloniki, 1978, p. 63, no. 205, pl. 35; Cat. Washington, 1980, p. 169, no. 134, col. pl. 18; Rolley, 1986, p. 191, fig. 166; Themelis, Touratsoglou, 1997, p. 74, no. B22, pl. 82, no. B22]. В Олимпии известны отдельные находки таких ручек – они датируются раннеклассическим временем [Gauer, 1981, S. 277, Nr. E 108; Taf. 108, 3a].

Таким образом следует уделить особое внимание анализу атташа в виде одиннадцатилепестковой пальметты с полоской-перевязью, связывающей

волюты, расчерченной линиями на ромбы, т.н. „Volutenfessel“⁷ амфоры № 2 из Песчаного (рис. 10, 1). О.Д. Ганина совершенно справедливо сопоставила ее с пальметтой, также одинадцатилепестковой, атташа ручки бронзовой ойнохой из кургана, раскопанного в 1845 г. у с. Лазурцы Каневского района Черкасской области, расположенного на противоположном берегу Днепра, примерно в 25 км от Песчаного (рис. 10, 2) [Онайко, 1966, с. 63, № 215, табл. XVII 5; Ганина, 1970, с. 37, рис. 38; Штительман, 1971, с. 42-43, рис. 5-6; Штительман, 1977, рис. 57-58]. Ойнохой происходит из погребения вместе с краснофигурным кратером конца V в. до н.э. [Онайко, 1966, с. 62, № 183 с литературой, табл. X-XI; Штительман, 1971, с. 40-42, рис. 1-4; Штительман, 1977, рис. 45-46] и датируется второй половиной (Онайко, 1966, с. 63, № 215) или концом [Штительман, 1971, с. 43] V в. до н.э. Ойнохой такой формы с ручкой, высоко поднимающейся над устьем сосуда, объединяются в так называемую «форму 2». Ойнохой из Лазурцов была выделена в одну подгруппу этой формы вместе с ойнохойми из Вани, Карфагена, а также беспаспортными находками из музеев Неаполя и Амстердама [Weber, 1983, S. 431, AII. 1-5].

Другую близкую параллель представляет атташ в виде девятилепестковой пальметты аналогичной бронзовой ойнохой (рис. 10, 3) из погребения № 11/1969 на городище Вани в Колхиде [Лордкипанидзе, 1972, с. 62-63, рис. 208, в том числе с видом пальметты; Лордкипанидзе, 1976, с. 142, 144, рис. 2; Лордкипанидзе и др., 1983, с. 149, № 403, табл. 39; Kacharava, Kvirkvelia, 2008, p. 130, 148, pl. 17], которое датируется многочисленным богатым инвентарем серединой V в. до н.э. [Лордкипанидзе, 1976, с. 143-144; Bill, 2003, S. 235].

Близкая по декору гравированная 13-лепестковая пальметта украшает ручку бронзового ситечка с атташем в виде скульптурной фигурки сирены (рис. 10, 5) [Силантьева, 1959, с. 66, рис. 33; Билимович, 1979, с. 26-28, № 1; Galanina, Grach, 1986, fig. 109], происходящего из кургана № 24/1876 некрополя Нимфея, который датируется около середины V в. до н.э. [Силантьева, 1959, с. 71]. Само ситечко датируют первой четвертью V в. до н.э. [Билимович, 1979, с. 28; Galanina, Grach, 1986, fig. 109].

На низкой чаше с одной ручкой из Уляпского кургана № 4 (погребение № 44) имеется атташ в виде одинадцатилепестковой пальметты с аналогичной перевязью волюты (Рис. 10, 4) (Кат. Москва, 1987, № 106, табл. XI; Cat. Mannheim, 1989, Nr. 106, Taf. 11; Leskov, 1990, S. 191, Nr. 226, Abb. 63-64; Cat. Speyer, 1991, Nr. 106; Ксенофонтова, 1986, с. 172-174; Кат. Москва, 2002: № 619; Лесков и др., 2005, с. 18, № 14, рис. 34, 14; цв. табл.]. Более того, эта пальметта является ближайшей параллелью пальметте атташа амфоры № 2 из Песчаного еще и потому, что в основании пальметты горизонтально уложены два S-видных завитка, выполненных в технике так наз. углубленного рельефа («sunk relief»)

⁷ О формах пальметт атташей бронзовых сосудов архаического и раннеклассического времени см., например, Gauert, 1981, S. 154-163; Stibbe, 1997, p. 37-64.

(подробнее об этой технике с примерами греческих бронзовых сосудов V в. до н.э. см. Пуклина, Трейстер, 2006, с. 73). Погребение № 44 Уляпского кургана № 4 датируют началом IV в. до н.э. чернолаковый и краснофигурный килики, вместе с тем в этом же погребении был обнаружен и чернолаковый скифос второй половины – конца V в. до н.э. [Лесков и др., 2005, с. 76]. Имеются у нас и веские основания для отнесения рассматриваемой бронзовой чаши ко времени не ранее середины V в. до н.э.

Атташи в виде пальметт с дополнительными S-видными завитками, как и на атташе амфоры из Песчаного, имеются на бронзовых фигурных ручках лутерия в собрании Музея Метрополитен, который датируется Д. фон Ботмером по форме пальметты и моделировке фигурок сатиров первой четвертью V в. до н.э. [von Bothmer, 1961, p. 143, fig. 14; p. 146-147], а также на вертикальной бронзовой ручке сосуда из коллекции Фляйшман в Музее Гетти, которая датируется М. Тру ок. 500 г. до н.э. [Cat. Malibu, 1994, p. 59-60, no. 19] на основании близости пальметты с пальметтой упомянутой выше бронзовой ручки амфоры из собрания Музея в Бостоне. Действительно, пальметты с двойными вертикальными S-видными завитками характерны для ионийских надгробных стел⁸. Подобная же пальметта украшает и стелу из Перинфа, обнаруживающую близость с ионийскими памятниками и датируемая ок. 500-490 гг. до н.э. [Bruns-Özgan, 1989, S. 183-184, Taf. 32, 1-2]. Интересно, что пальметта такой же схемы украшает и известняковую стелу Эвалкида, сына Леодика из Керчи, которая по характеру надписи датируется концом V в. до н.э. [КБН 152; Kieseritzky, Watzinger, 1909, S. 15, Nr. 102, Taf. V; Кат. Ленинград, 1990, 23, № 1; КБН-Альбом, 2004, № 152] – это позволяет предполагать, что на периферии античного мира рассматриваемый мотив мог быть популярным и в более позднее время.

Как отмечал Т. Вебер, пальметты рассматриваемого типа, рафинированный и элегантный вариант ранней «ионийской» пальметты, получают сравнительно широкое распространение на атташах бронзовых сосудов конца VI – первой половины V в. до н.э. [Weber, 1983, S. 65, Anm. 4; Nr. I.E.4; III.A.1-6; B.15; Taf. IX, XIV; см. также бронзовую ойнохою в собрании Университета Джона Хопкинса в Балтиморе: Reeder, 1984, p. 40-41, no. 25]. Аналогичные по форме и декору пальметты на атташах фрагментированных сосудов из Олимпии датируются В. Гауэром раннеклассическим временем⁹. По мнению

⁸ См. подборку примеров: Bruns-Özgan, 1989, S. 188-189, Anm. 3, 5.

⁹ Например, 9-лепестковая пальметта украшает ручку бронзового сосуда, которая датируется раннеклассическим временем [Gauer, 1981, S. 295, Nr. Var 65, Taf. 111, 4], аналогичная 7-лепестковая розетка – атташ бронзового сосуда, который рассматривается В. Гауэром как образец раннеклассической коринфской работы времени перехода от архаики к строгому стилю [Gauer, 1981, S. 115, 269, Nr. E 17, Taf. 98, 5b]. 11-лепестковая розетка представлена на атташе сосуда, который определяется как изделие пелопонесской мастерской строгого стиля [Gauer, 1981, S. 45, 201, Nr. Le200, Taf. 31, 4b; Abb. 13, 7].

- Кат. Ленинград, 1990.* Давыдова Л.И. (ред.), Боспорские надгробные рельефы V в. до н.э. – III в. н.э. Гос. Эрмитаж. Каталог выставки. – Л., 1990.
- Кат. Москва 1987:* Лесков А.М. (ред.), Шедевры древнего искусства Кубани. – Москва, 1987.
- Кат. Москва 2002:* Журавлев Д.В. (ред.), На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Евксинского. – М., 2002.
- КБН.* Струве В.В. (ред.), Корпус боспорских надписей. – М., Л., 1965.
- КБН-Альбом.* Гаврилов А.К. (ред.), Corpus inscriptionum Regni Bosporani. Album Imaginarum. – St. Petersburg, 2004.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1890 г. – СПб., 1893. – С. 30–40.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчёт о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. // ИАК. – 1905. – Вып. XIV. – С. 37–110.
- Кругликова И.Т.* Бронзовая гидрия из Анапы // КСИА. – Вып. 143. – 1975. – С. 67–69.
- Ксенофопова И.В.* Бронзовая чаша из 4-го Уляпского кургана // Научные сообщения Государственного музея искусства народов Востока. – Вып. XVIII. – Москва, 1986. – С. 172–174.
- Ксенофопова И.В.* Античные художественные бронзы из Уляпских (Ульских) курганов // РА. – 1992. – № 4. – С. 163–169.
- Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофопова И.В., Эрлих В.Р.* Меоты Закубанья в середине VI – начале III века до н.э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. – М., 2005.
- Лордкипанидзе О.Д.* Ванское городище (Раскопки. История. Проблемы) // Вани. I. Археологические раскопки. 1947–1969. – Тбилиси, 1972. – С. 43–95.
- Лордкипанидзе О.Д.* Новые материалы к истории связей Афин с Колхидой // Н.И. Соколовский (ред.), Художественная культура и археология античного мира. – М., 1976. – С. 143–150.
- Лордкипанидзе О.Д., Путуридзе Р.В., Качаравა Д.Д., Матиаишвили Н.Н., Толордава В.А., Пирцхалава М.С., Чкошиа А.М., Лордкипанидзе М.Н., Гиголашвили Е.Г., Личели В.Т., Гамкрелидзе Г.А.* Античный (греческий) импорт в Вани и его окрестностях (Вани VII. Археологические раскопки). – Тбилиси, 1983.
- Пуклина О.В., Трейстер М.Ю.* Бронзова гідрія із збірці Національного музею історії України // Археологія. – 2006. – № 4. – С. 68–75.
- Опийко Н.А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н.э. (Свод археологических источников. Вып. Д1–27). – М., 1966.
- Печениш Н.М.* Шверинский курган // ИТУАК. – 1914. – Вып. 51. – С. 186–194.
- Пятышева Н.В.* Скифы и Херсонес // История и археология древнего Крыма. – Киев, 1957. – С. 249–263.
- Рогов Е.Я.* Некоторые проблемы становления и развития херсонесского государства // Скифский квадрат. – 1999. – № 3. – С. 116–144.
- Рогов Е.Я.* Херсонес и варвары юго-западного Крыма в IV в. до н.э. // Античный мир и археология. – 2002. – Вып. 11. – С. 140–152.
- Силантьева Л.Ф.* Некрополь Нимфея. – МИА. – 1959. – Т. 69. – С. 5–107.
- Стоянов Р.В.* Некрополь Херсонеса классического и эллинистического периодов: история изучения, проблематика // Stratum plus. – 2000. – № 3. – С. 129–139.
- Стоянов Р.В.* Некрополь Херсонеса Таврического V–I вв. до н.э. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – С-Петербург, 2004.
- Указатель памятников 1883:* Императорский Российский Исторический музей. Указатель памятников. М. 1883.
- Указатель памятников 1893:* Императорский Российский Исторический Музей. Указатель памятников. М., 1893.
- Херсонес Таврический 2005:* Зубарь В.М. (ред.), Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н.э. Очерки истории и культуры. – Киев, 2005.
- Штительман Ф.М.* Античные сосуды, найденные в кургане скифского времени вблизи Киева // Горбунова К.С. (ред.), Культура и искусство античного мира. Сборник статей. – Л., 1971. – С. 39–44.

- Manzewitsch A.* Ein Grabfund aus Chersonnes (Verhandlungen der Akademie für Geschichte der materiellen Kultur. Bd. II). – Leningrad, 1932
- Mertens J.* Greek Bronzes in the Metropolitan Museum of Art. – New York, 1985.
- Picón C.A. et al.* Art of the Classical World in The Metropolitan Museum of Art. – New York, 2007.
- Popović L.B.* Katalog nalaza iz nekropole kod Trebeništa. – Belgrade, 1956.
- Popović L.B., Mano-Zisi D., Veličković M., Jeličić B.* Greek, Roman and Early-Christian Bronzes in Yugoslavia. – Belgrade, 1969
- Reeder Williams E.* The Archaeological Collection of the John Hopkins University. – Baltimore, London, 1984.
- Rolley C.* Les vases de bronze de l'archaïsme récent en Grand Grèce. – Naples, 1982.
- Rolley C.* Greek bronzes. – Fribourg, 1986.
- Stibbe C.M.* Archaic Greek bronze Palmettes // Bulletin antieke beschaving. – 1997. – V. 72. – P. 37-64.
- Stibbe C.* The Sons of Haphaistos. Aspects of the Archaic Greek Bronze Industry. – Rome, 2000.
- Tarditi C.* Vasi di bronzo in area Apulia. Produzioni greche ed italiane di età arcaica e classica. – Lecce, 1996.
- Themelis P., Touratsoglou I.* Οι Τάφοι του Δερβενίου. – Athens, 1997.
- Venedikov I., Gerassinov T.* Thrakische Kunst. – Wien, München, 1973.
- Vokotopoulou I.* Χαλκαί κορινθιουργείες πρόχοι. – Athens, 1975.
- Vokotopoulou I.* Βίτσα. Τα νεκροταφεία μιας μολοσσικής κόμης. – Athens, 1986.
- Vulic N.* Neue Gräber bei Trebenische // Archäologischer Anzeiger. – 1933. – Sp. 459-482.
- Weber T.* Bronzekannen. Studien zu ausgewählten archaischen und klassischen Oinochoenformen aus Metall in Griechenland und Etrurien (Archäologische Studien, 5). – Frankfurt am Main, and Bern, 1983.

Д.В. Журавльов, М.Ю. Трейстер

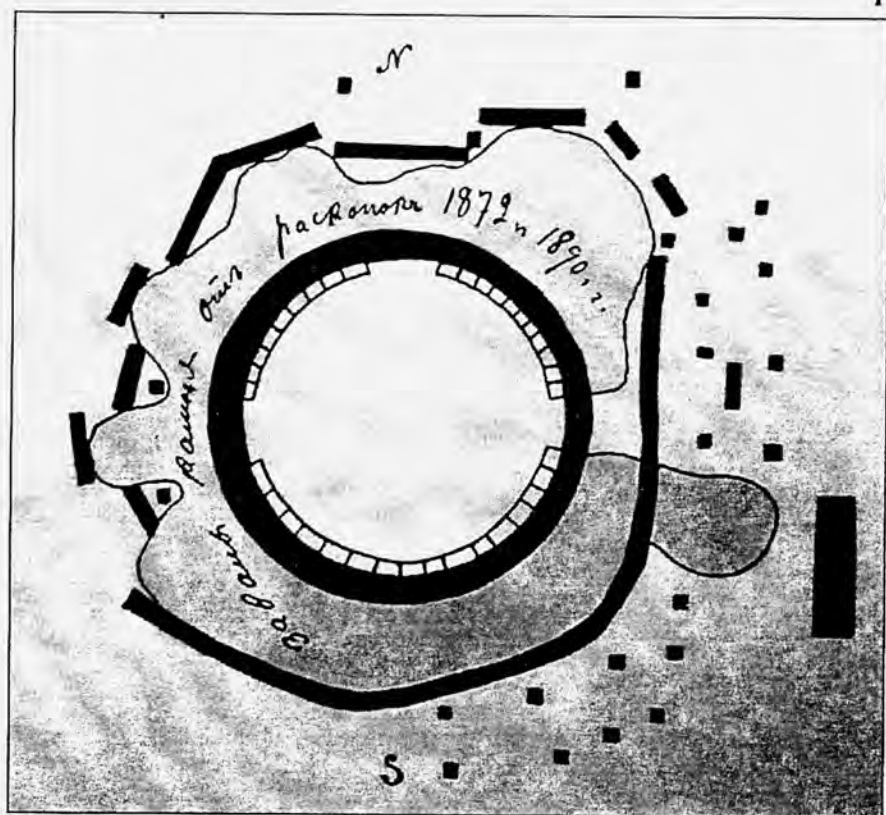
БРОНЗОВИЙ ГЛЕЧИК З ШВЕРИНСЬКОГО КУРГАНУ

Резюме

Стаття присвячена публікації і аналізу фрагментованому бронзовому глечуку (мал. 1-6), знайденому у 1872 р. при розкопках кургану у Стрілецькій бухті на землі полковника К.І. Шверина, єдиного відомого кургану некрополя Херсонесу. Детальне дослідження фрагментів глечука, перш за все його ручки, та аналогії до них дають підстави бронзовий глечик з Шверинського кургану датувати в широких рамках кінця VI – середини V ст. до н.е. Значно більш складне питання про центр його виготовлення, враховуючи той факт, що більшість розглянутих паралелей походить з Північного Причорномор'я (Уляпський курган № 1/1981 [мал. 7-8]; скарб у с. Песчане: мал. 9-11). Найімовірніше обидва глечики з Уляпського та Шверинського курганів можуть бути імовірно віднесені до виробів коринфської майстерні. Пропонована датування бронзового глечука з Шверинського кургану, безумовно, не означає, що зведення кургану слід обов'язково відносити до того ж часу. Нам відомі приклади багатолітнього і навіть столітнього використання рідкісних бронзових посудин у Північному Причорномор'ї. Разом з тим імовірність того, що Шверинський курган був зведений пізніш IV ст. до н.е., уявляється нам незначною. Скоріш за все, враховуючи датування єдиної знахідки з кургану, його можна було би датувати у широких рамках V – першої половини IV ст. до н.е.

1

2

Рис. 1. Общий вид и план Шверинского кургана (по: Печенкин 1914).

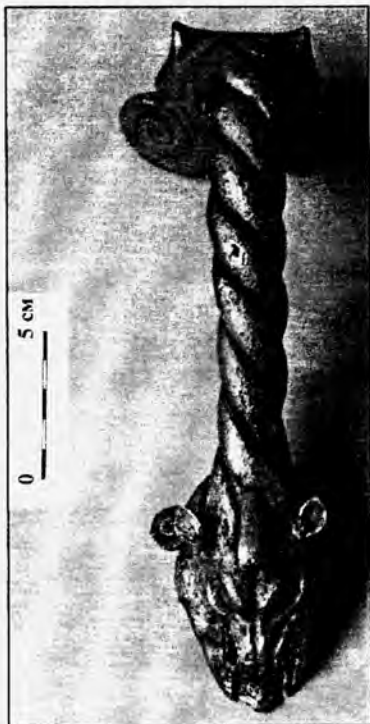

Рис. 2. Ручка бронзового кувшина из Шверинского кургана. ГИМ.
Инв. № 2184-88. Оп. Б-105, № 1-5. Фото, ГИМ.

0

5 см

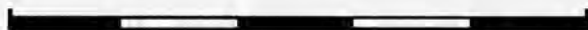
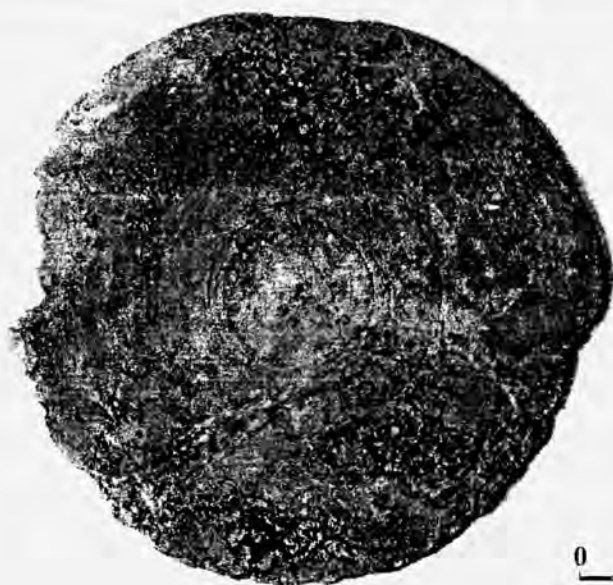

Рис. 3. Нижний атташ ручки бронзового кувшина из Шверинского кургана. ГИМ.
Инв. № 2184-88. Оп. Б-105, № 1-5. Фото, ГИМ.

0 5 см

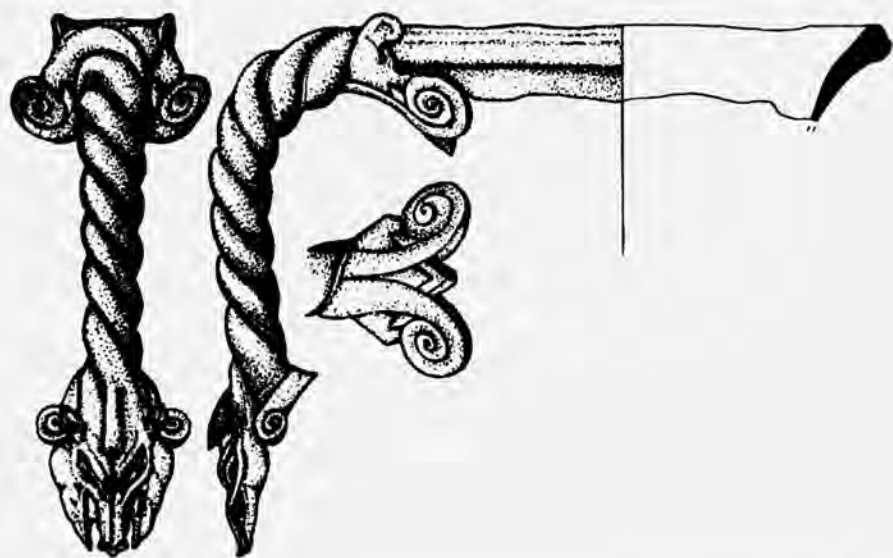
1

0 5 см

2

Рис. 5. Донце бронзового кувшина из Шверинского кургана. ГИМ.
Инв. № 2184-88. Оп. Б-105, № 1-5. Фото, ГИМ.

0 — 3 см

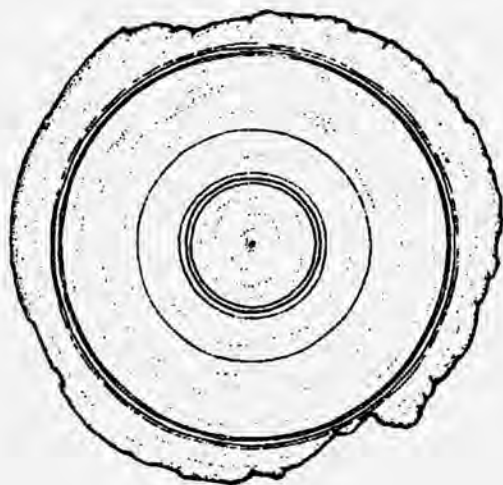

Рис. 6. Бронзовый сосуд из Шверинского кургана. Рисунки О.И. Куринских

1

2

3

Рис. 7. Бронзовый кувшин из Уляпского кургана № 1/1981. ГМВ, инв. 546-М IV.

1 – фото (по: Leskov 1990); 2-3 – фото, М.Трейстер.

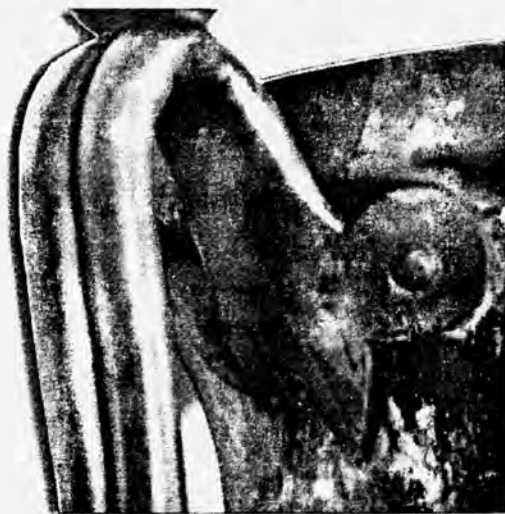

Рис. 9. Бронзовая амфора № 2 из комплекса сосудов, найденных в 1961 г. у с. Песчаное. Киев, Национальный музей истории Украины. Инв. Б41-428.

1 – фото (по: Cat. San Antonio 1999); 2-3 – фото. М.Трейстер.

1

2

3

4

5

6

Рис. 10. Пальметты, украшающие бронзовые сосуды:

1 - амфора № 2 из Песчаного (по: Ганина 1970); 2 - ойнохоя из кургана, раскопанного в 1845 г. у с. Лазурцы. Киев, Музей искусств им. Богдана и Варвары Ханенко (по: Ганина 1970); 3 - ойнохоя из погребения № 11/1969 в Вани. Тбилиси, Национальный Музей Грузии. Инв. 10-975:89 (по: Kacharava – Kvirkevia 2008); 4 - чаша с одной ручкой из Уляпского кургана № 4 (погребение № 44). ГМВ. Инв. 567 М-IV (по: Leskov 1990); 5 - фигурные ручки лютерия. Музей Метрополитен, Нью-Йорк (по: von Bothmer 1961); 6 - ситечко из кургана № 24/1876 некрополя Нимфея. ГЭ. Инв. ГК/Н 94 (по: Galanina – Grach 1986).

1

2

3

Рис. 11. Бронзовая амфора № 1 из комплекса сосудов, найденных в 1961 г. у с. Песчаное. Киев, Национальный музей истории Украины. Инв. Б41-429:
1-2 – фото, М.Ю.Трейстер; 3 – фото (по: Cat. San Antonio 1999).

В.И. МОРДВИНЦЕВА

ПРИКУБАНСКИЕ БРОШИ

(по материалам Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника)

Среди предметов ювелирного дела из варварских погребений Прикубанья и Северного Кавказа эллинистического и, в меньшей степени, римского времени особенно выделяются броши. Их находят преимущественно в погребениях воинов, хотя известны экземпляры и в женских захоронениях. Изготовлены они из золота (серебро использовалось крайне редко для их изготовления) и в большинстве случаев украшены каменными и стеклянными вставками.

Появление в Прикубанье таких украшений М.И. Ростовцев связывал с распространением здесь восточной моды на полихромные украшения в результате продвижения новой волны кочевников из Азии. Носителями этой новой полихромной тенденции были названы сарматы, которые вытеснили скифов с их исконной территории. Регионом, откуда сарматы принесли эти украшения а также наборы серебряных фаларов конской упряжи, М.И. Ростовцев считал «бывшее Бактрийское царство и Парфию, где персидские украшения всегда лидировали» [Rostovtzeff, 1929, с. 45]. Он также находил сходство между кубанскими брошами и украшениями, представленными на рельефах II в. н.э. из Пальмиры [Rostovtzeff, 1923, с. 157]. Наиболее замечательной особенностью полихромных украшений Прикубанья М.И. Ростовцев считал отсутствие на них принципов греческого ювелирного искусства: «мастера больше интересует не утонченность формы, пропорций или художественное оформление, но богатство и полихромия внешнего декора» [Rostovtzeff, 1922, с. 132].

Брошам Прикубанья специальный очерк посвятил К.Ф. Смирнов при публикации комплекса Северского кургана [Смирнов, 1953, с. 29-30]. По его мнению, кубанские фибулы происходят от украшенных филигранью греческих золотых медальонов, которые были распространены на территории Боспорского царства уже в IV в. до н.э. [Смирнов, 1953, с. 29]. Исследователь предположил, что эти и подобные им украшения изготавливались в боспорских ювелирных мастерских для синдо-меотской и сарматской знати [Смирнов, 1953, с. 23].

До выхода в свет свода по фибулам А.К. Амброза [Амброз, 1966] прикубанские броши интересовали исследователей преимущественно своими художественными достоинствами. В работе Амброза были учтены также их конструктивные особенности. По устройству застежки они относятся, в основном, к пружинным фибулам с двумя иглами, хотя известны и

экземпляры с одной иглой, а также заколки, у которых с оборота крепится игла без приемника.

Круглые пружинные фибулы-броши (тип 1) А.К. Амброз разделил на полихромные, к которым относятся преимущественно прикубанские экземпляры, и простые, распространенные на территории Северного Приазовья и Северного Причерноморья (Танаис, Неаполь скифский, Беляус, Ольвия) [Амброз, 1966, с. 30-31, табл. 14, 18-19, 21, 23-25; табл. 15, 1; табл. 17, 4]. Среди полихромных он выделил два варианта – с растительным узором (сравнительно более ранние) и с геометрическим орнаментом. Как и К.Ф. Смирнов, он считал, что круглые фибулы-броши возникли, в целом, под влиянием греческих образцов [Амброз 1966, с. 30]. Другие броши с двуигольным аппаратом Амброз отнес к типу 3 (ромбические пружинные броши с завитками на углах) [Амброз, 1966, с. 33] и типу 5 (пружинные броши с объемными фигурками животных) [Амброз, 1966, с. 34].

Основную массу брошей с двуигольным аппаратом он датировал в рамках II-I вв. до н.э. Распространение пружинных брошей за пределами греческих городов А.К. Амброз считал «одним из проявлений эллинизации варварской аристократии ближайшей периферии Боспорского царства» [Амброз, 1966, с. 30].

Широкомасштабные раскопки в Прикубанье в 80-е годы 20 в. дали серию новых фибул-брошей, так что их количество значительно превысило выборку, известную до этого времени. Многие из этих находок были введены в научный оборот в книге И.И. Марченко, который дал новую классификацию прикубанских фибул-брошей. Исследователь выделил 6 типов [Марченко, 1996, с. 28-32], пять из которых выделены в соответствии с их формой (типы 1-5: круглые, овальные, ромбические, удлиненно-овальные, в виде «Герakлоva узла»), а один – по технико-стилистическим приемам исполнения (тип 6: ажурные круглые). Варианты выделены на основании стилистических особенностей. Броши в виде фигурок животных не были включены в классификацию.

В работе И.И. Марченко была предложена схема эволюции полихромных фибул-брошей от круглых украшений I типа 1 варианта, которые автор датирует II в. до н.э., к маленьким брошам с сердоликовой вставкой в центре (I тип 4 вариант), доживающим до середины I в. н.э. Вопрос о месте производства этих изделий не был рассмотрен в книге. Некоторые из прикубанских брошей И.И. Марченко считает подарками Митридата Евпатора местным царькам в дар за их помощь в борьбе с Римом [Марченко, 1996, с. 128].

Специальное исследование посвятил фибулам-брошам М.Ю. Трейстер [Treister 2002]. Базу его работы составили практически все известные находки брошей, включая хранящиеся в европейских и американских музейных и частных собраниях экземпляры. Исследователь подробно остановился на вопросе происхождения брошей с двумя иглами и пластинчатым приемником, и на основании обзора всей совокупности ювелирных украшений античного мира в IV-III вв. до н.э. пришел к выводу о безусловно местном (северопричерноморском) происхождении этого вида украшений, прототипом которых следует

считать греческие рельефные медальоны с филигранным орнаментом IV – начала III вв. до н.э. [Treister, 2002, p. 31]. Самым ранним экземпляром полихромных брошей с двуугольным аппаратом в Северном Причерноморье он называет круглую брошь с резным изображением Сатира на гранате из Зеленского кургана первой четверти III в. до н.э. [Treister, 2002, tab. 1, 1-2].

В качестве прототипов аппарата застежки таких брошей – две иглы и пластинчатый приемник – М.Ю. Трейстер называет фибулы с двумя иглами без щитка, так называемого «иллирийского» типа, распространенных в Северной Греции, в том числе в погребениях IV в. до н.э. В этой связи нельзя не упомянуть также две парные овальные фибулы-броши с Мелоса, которые датируются III-II вв. до н.э. Они имеют такой же двуугольный аппарат застежки, как и северопричерноморские экземпляры¹.

По типу М.Ю. Трейстер разделяет прикубанские броши с двумя иглами на *дисковидные*, среди которых по форме выделяются круглые, овальные, ромбические и редкие, *ажурные*, с подразделением на круглые и восьмерковидные, *фигурные* (в виде скульптурных фигурок животных), а также *броши и булавки с подвесками* [Treister, 2002, p. 30-42]. Эту классификацию он расширил в своей недавней работе, дополнительно введя хронологическое разделение типов на броши II-I вв. до н.э. (5.1) и броши I-II вв. н.э. (5.2) [Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 131-140].

Специальное внимание М.Б. Трейстер уделяет геммам, нередко украшающим центральные касты овальных брошей. Он подчеркивает, что в данном случае имело место изменение первоначального назначения геммы – резного камня для перстня, используемого в качестве печати [Treister, 2002, p. 35]. Геммы вставлялись в броши как драгоценные камни особого достоинства, поскольку резной камень ценился в античном мире часто выше золота. Несмотря на существование местных боспорских мастеров, специализирующихся на резьбе по гранату, большинство гемм, использованных в декоре брошей Прикубанья, по мнению М.Ю. Трейстера, относятся к александрийским и левантийским мастерским [Treister, 2002, p. 36, 43].

Исследователь разбирает также элементы орнамента, встречающиеся на полихромных брошах, и сравнивает их с другими ювелирными изделиями того времени². В итоге он предполагает, что «эти объекты были сделаны в одной мастерской, если не тем же самым мастером» [Treister, 2002, p. 34]. То, что разные типы брошей производились в одних и тех же мастерских, по его мнению, свидетельствует также использование во всех случаях одинакового игольного

¹ Детальное описание аппарата застежки см. Hoffmann, Davidson 1965, p. 196.

² В некоторых случаях я не могу согласиться с проведенными им параллелями, например, в случае сравнения трилистников, использованных в декоре броши из Северского кургана с одной стороны, и фаларов из Дач и браслетов, предположительно из погребения в Ольвии, с другой стороны [Treister 2002, p. 32]. В данном случае, возможно, имеет место употребление сходного мотива, воплощение которого, однако существенно различается.

аппарата. Производственная же традиция, в которой были сделаны эти вещи, имеет корни в художественной школе античного Боспора IV в. до н.э. Только фибулы в виде фигурок животных, которые датируются позднее, чем другие типы брошей (I в. до н.э. – I в. н.э.), изготавливались, скорее всего, в мастерских внутренних территорий Прикубанья, менее подверженных влиянию ювелирных традиций греческих городов боспорского царства [Treister, 2002, p. 41].

В итоге М.Ю. Трейстер делает вывод о создании на территории Боспорского царства и его периферии особого стиля, сочетающего полихромную в виде больших каменных вставок, включая геммы, а также вторичного использования бус и кусочков драгоценного миллефиоре, с филигранью и грануляцией. Эта художественная традиция, видимо, родилась во II в. до н.э. в азиатской части Боспора и распространилась на остальной Боспор, Херсонес и Северо-Западное Причерноморье в I в. н.э. [Treister, 2002, p. 43]. По его мнению, есть основания предполагать, что причерноморские броши послужили прототипами для поздних сирийских типов, хорошо известных по рельефам в Пальмире, куда они могли попасть с сарматами где-то во второй четверти II в. н.э. [Treister, 2002, p. 44-45].

Таким образом три автора – А.К. Амброз, И.И. Марченко, М.Ю. Трейстер – предложили для прикубанских брошей разные типологические схемы. Из них наибольшее количество экземпляров и наиболее подробным образом проанализировано в работах М.Ю. Трейстера, где также имеется много специальных наблюдений относительно использованных в их декоре элементов. В основу его типологии положены определенные технико-стилистические признаки. Однако предложенная им схема, как мне кажется, может быть усовершенствована. При создании типологии важно таким образом выстроить признаки разного уровня, чтобы эта схема, по выражению Л.С. Клейна, «работала», т.е. раскрывала некие внутренние закономерности развития и распространения вещей. При этом не очень логично изначально разделять предметы по хронологическому признаку, а затем – по территориальному³. Тем самым в типологию вводится интерпретация, а это, с накоплением материала, неизбежно ведет к разрушению типологической схемы.

Представляется, что в качестве основного типобразующего признака следует, вслед за А.К. Амброзом и И.И. Марченко⁴, принять форму брошей. Некоторые из них, возможно, имели значение и в глазах употреблявшего их населения. Трудно сказать, проводилось ли в древности различие между круглыми и овальными, в том числе ажурными, дисками. Не исключено, что выбор овальной или круглой формы диктовался, в какой-то мере, декоративной композицией, задуманной мастером. В некоторых случаях форму могли

³ Тип 5.2.1 – Поздние броши с двуугольным аппаратом, 5.2.1.1 – Поздние броши с двуугольным аппаратом из сарматских погребений Северного Причерноморья [Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 135].

⁴ К схеме И.И. Марченко необходимо добавить не вошедшие в его классификацию броши в форме скульптурных фигурок.

определять типы изображений или вставки, помещаемые в центр изделия. Однако разница между дисковидными, ромбическими, «восьмерковидными» брошами, а также брошами в виде фигурок животных, скорее всего, осознавалась древними, о чем говорят некоторые закономерности их распространения (рис. 46; 47). Существование устойчивых форм брошей – круглой, овальной, ромбовидной, лотосовидной, восьмерковидной («узел Геракла»), в виде объемной фигуры – позволяет предполагать то, что эти формы были значимыми в глазах местного населения, использующих данные украшения в своем костюме. Все они имеют прототипы в греческой ювелирной традиции.

На весьма схожих по декоративному оформлению прикубанских брошах встречаются как двуугольные, так и одноугольные пружинные фибулы, а также простые иглы. Возможно, в глазах местного населения конкретный тип застежки не был принципиально важным. Во всяком случае, никаких отличий хронологического или территориального плана в применении одно- или двуугольного аппарата не прослеживается.

Вряд ли следует также резко противопоставлять друг другу полихромные броши с филигранным орнаментом и рельефные броши с антропоморфными и зооморфными изображениями. Прежде всего, не все броши прикубанской производственной традиции полихромны, хотя на них и использованы те же самые элементы орнамента. Кроме того, и рельефные, и филигранные броши имеют в большинстве случаев одну и ту же форму и даже тип орнамента, который лишь передан разными средствами. Поэтому в приведенной ниже типологии брошей все признаки, кроме формы, были выделены в вариантообразующие. Это позволяет проследить интересные тенденции в развитии различных типов. Видимо, не имеет также смысла выделять отдельный тип брошей с подвесками, поскольку этот элемент орнамента встречается у фибул различных форм, и может, скорее, являться вариантообразующим, а не типобразующим признаком.

В Краснодарском музее хранятся 29 брошей и их фрагментов⁵. Кроме этого в регионе Северного и Северо-Восточного Причерноморья известно еще более 50 экземпляров, помимо брошей из музейных и частных коллекций, происхождение которых неизвестно⁶.

Среди брошей Краснодарского музея представлены все известные типы этих украшений.

2.1. Фибулы-броши.

Тип 1. Круглые и овальные броши.

1.1. Броши с филигранью и зернью.

К этому типу относится большинство прикубанских брошей. В коллекции КГИАМЗ имеются 7 круглых (рис. 2, 2, 3, 6-9; рис. 3, 1) и 10 овальных брошей (рис. 1, 1-6; рис. 2, 1, 4, 5, 10). Этот тип брошей, в целом, датируется в пределах

⁵ Из них 11 экземпляров не вошли в сводку М.Ю. Трейстера.

⁶ Большинство фибул собрано в статье М.Ю. Трейстера [Treister 2002]

с III в. до н.э. (брошь из Зеленского кургана) по I в.н.э., при этом большинство их относится к периоду II-I вв. до н.э. (рис. 4). Броши этого типа имеют сплошной щиток, часто с каменной или стеклянной вставкой в центре. Вокруг вставки по кругу располагаются один или несколько рядов филигранного орнамента и/или зерни. Край броши на протяжении всего периода их распространения обычно украшался рубчатым дротом, при этом в некоторых случаях он дополнительно укреплялся плоской полосой золотого листа. С I в. до н.э. появляются и другие варианты обрамления бортика – проволочным орнаментом «косичка» и зернью, которые более широко распространяются на экземплярах I в. н.э.

Вариант 1. Самые ранние круглые броши Северного Причерноморья появляются, видимо, на Тамани (Зеленский курган) и в бассейне р. Кирпили, на Правобережье Кубани (Рис. 2, 7, 8). Это круглые медальоны с выпуклостью в центре, украшенном небольшой вставкой или без нее. Центральный каст этих брошей сделан из узкой золотой полоски, припаянной под прямым углом к пластине, либо отверстие для вставки вырезано в самой золотой пластине (Зеленский курган). Композицию медальона из Зеленского кургана (центральная широкая выпуклость покрыта филигранным орнаментом, в центре – небольшая вставка, по краю – орнаментальный бортик) особенно близко повторяет брошь из Элитного (рис. 2, 9). Схема украшения брошей из Верхнего (рис. 2, 7, 8) повторяется также на украшениях из Калининской (рис. 2, 3) и Комарово [Мордвинцева, Трейстер, 2007, Кат. А111.1].

Прототипом этой схемы орнамента являются греческие рельефные медальоны с филигранным орнаментом, которые имеют плоский бортик и выпуклую, почти полусферическую центральную часть [Hoffmann/Davidson 1965, p. 224, cat. 91b, 225 cat. 91c]. Нельзя не упомянуть также круглую брошь этой схемы из Вани, которая датируется IV в. до н.э. – самый ранний экземпляр этого типа украшений на Кавказе [Cat. Tbilisi, 2005, p. 38, 76-77].

Вариант 2. Другая орнаментальная схема представлена круглыми и овальными брошами со вставкой половинки крупной бусины в центре (рис. 1, 1-5; рис. 2, 1, 4, 5, 10). Обычно эта вставка укреплена в высоком касте с филигранным орнаментом. Верхняя часть его оформлена в виде мотива «волчий зуб», ниже которого располагаются ряды проволочной «веревочки», «косички», колечек, рубчатого дрота, гладкой проволоки в различных комбинациях. Этот каст почти на полную свою высоту заполнялся специальной пастой, которую можно хорошо видеть на экземпляре из комплекса кургана у ОПХ «Рассвет» (рис. 2, 4), где заметны также следы канала от когда-то укрепленной здесь половинки бусины.

От высоких кастов с верхним краем типа «волчий зуб» происходят гнезда упрощенной схемы с зигзагообразным краем. Они спорадически встречаются во II в. до н.э., основная же их масса имеется на экземплярах, которые датируются I в. до н.э. и I в. н.э. В редких случаях у поздних брошей этой же орнаментальной схемы в центре крепился также простой пластинчатый каст, как в случае с экземпляром из х. Ленина (рис. 2, 5).

Бортик брошей этого варианта украшен филигранным орнаментом, в том числе с чеканными выпуклостями или напаянными полусферами и вставками в пластинчатых кастах. Вставки по кругу на периферии орнаментальной схемы появляются с конца II в. до н.э., и в основном встречаются на экземплярах I в. до н.э. и I в. н.э. На самых поздних образцах филигрань и зернь могут уже совсем отсутствовать, а поле вокруг центральной вставки украшено только небольшими кастами со вставками. К этому виду относится брошь из Михайловской I в. н.э. (рис. 1, б). Композиция этой броши находит аналогии в других памятниках первых веков н.э.: в Северном Причерноморье (Жамова Могила), в Предкавказье (Щедринская) и на Кавказе (Узахело).

Основная территория распространения брошей этой орнаментальной схемы – Правобережье Кубани и вдоль течения Кубани.

Вариант 3. Ажурные броши с филигранью и зернью.

К этому варианту относится брошь из погребения 13 кургана 7 у ст. Раздольной, которая датируется III-II в. до н.э. (рис. 3, 1). Отличие этой находки от других прикубанских брошей отмечали И.И. Марченко и М.Ю. Трейстер. И.И. Марченко выделил ее в отдельный тип [Марченко, 1996, тип б]. М.Ю. Трейстер, в качестве отдельного варианта, включил ее в один тип с брошами в виде «Герakлоva узла» по признаку ажурности [Treister, 2002]. На мой взгляд, оснований для столь резкого противопоставления этого экземпляра остальным брошам с филигранью и зернью нет, поскольку орнамент на нем принципиально не отличается ни по композиции, ни по отдельным элементам. Элементы ажурности, которые, однако, не имеют ничего общего с ажурностью выполненных из проволоки брошей в форме «узла Герakла», действительно отличают это украшение от остальных, поэтому его следует выделить в отдельный вариант.

1.2. Броши с рельефным изображением на металлической основе. В коллекции КГИАМЗ имеется две броши с таким оформлением щитка броши – из горгиппийского погребения второй половины II в. н.э. (рис. 1, 8) и погребения Елизаветинского грунтового могильника I в. н.э. (рис. 1, 9).

Все броши этого типа, известные на настоящий момент, имеют круглую форму. Они состоят из плоской металлической (железной или бронзовой) основы, на которую крепится рельефная обкладка с изображением, чаще всего антропоморфным или зооморфным. Есть такие броши и с геометрическим орнаментом. Интересно отметить, что орнамент на круглой броши из Курджипского кургана [Галанина, 1973, № 9] не только повторяет в рельефном варианте схему филигранных фибул. Скорее всего, этот орнамент был нанесен посредством тиснения прямо по одной из таких брошей, как по матрице. Это видно на рельефном валике с прямыми насечками: он имеет окончания, недостаточно ровно уложенные на пластине и перекрывающие друг друга.

А.К. Амброз выделил такие рельефные медальоны в особый вариант («простые») типа 1 («пружинные фибулы-броши круглой формы»), который

считал в большей степени характерным для Северного Причерноморья [Амброс 1966, с. 30-31, табл. 14, 18-19, 21, 23-25; табл. 15, 1; табл. 17, 4].

Тип 2. Ромбические броши.

Крестовидная форма украшений, взятая за основу ромбических брошей, давно известна в греческой ювелирной традиции. Так, из Эфеса происходит бляшка в виде креста с завитками на концах, датирующаяся VII-VI вв. до н.э. [Higgins, 1980, tab. 21B]. Всего на настоящий момент известно 13 экземпляров этого типа. Четыре из них хранятся в коллекции КГИАМЗ (рис. 3, 5-8). Остальные найдены на Северном Кавказе⁷ и 1 экземпляр – в Крыму, в Мавзолее Неаполя скифского [Шульц, 1953, с. 44, рис. 21, 75, табл. V, 13; Зайцев, 2001, с. 21, рис. 6, 12; Зайцев, 2003, рис. 80, 2]. Ромбические броши датируются, в целом, со II в. до н.э. по I-II вв. н.э., преимущественно II-I вв. до н.э.

У брошей этого типа, как правило, каст сделан в виде полоски золотого листа (иногда с вырезанным в виде зигзага верхним краем) в обрамлении кольца рубчатой проволоки. В одном случае, возможно, в центре такой броши был укреплен высокий каст с проволочным орнаментом, как на брошах типа 1.1 (рис. 3, 5). Как и в случае с брошами типа 1.1, она происходит с Кубанского Правобережья. Таким образом происхождение этого декоративного элемента можно, по всей видимости, связать с данным регионом.

У большинства экземпляров завитки на углах ромба довольно крупные, на них посажены шарики зерни. На экземплярах из Неаполя скифского, Мысхако, Цемдолины и Лоо завитки окончаний – мелкие, линии ромба у брошей из Мысхако, Цемдолины и Лоо – прямые, в отличие от остальных украшений. Эти броши отличает также стиль орнаментации. Схема орнамента на неапольской броши имеет аналогией брошь из Артюховского кургана [Максимова, 1979, с. 69, 71], что отмечалось уже многими исследователями [Зайцев, 2001, с. 20; Treister, 2002, р. 37]. Миниатюрные розетты зерни, напаянные на колечки проволоки, сближает неапольскую брошь с другими образцами боспорской ювелирной школы.

На брошах из Мысхако, Цемдолины и Лоо использована зернь в виде треугольников и розетт. Возможно, эти броши представляют собой особый стилистический вариант, выполненный в художественной традиции, отличающейся от традиции брошей Лабинской группы и Правобережья Кубани.

Характерная для Лабинской и Правобережной групп форма ромбических брошей с крупными С-видными завитками получила специфическое развитие на Северном Кавказе и в Восточном Предкавказье⁸. При этом форма ромба, которая произошла от греческого орнаментального мотива, благодаря увеличению

⁷ Бсленеевская [Погребова, 1961, с. 156; Амброс, 1966, с. 33; Мордвинцева, Трейстер, 2007, Кат. А22.1]; Лоо [Лордкипанидзе и др., 1980, табл. XXVIII]; Тенгинская (3 экз.) [Beglova, 2005, p. 66, fig. 12, 8-10]; Мысхако (не опубликовано); Цемдолина [Малышев/Трейстер, 1994, с. 54, рис. 13; с. 56, № 8]; Новоторовская [Козенкова, 1980, с. 76-78; Мордвинцева, Трейстер, 2007, Кат. А153.1].

⁸ Чернышев [Мордвинцева, Трейстер, 2007, А378.1]; Комарово [Nagler, 1996, taf. 99, 4, 20; Мордвинцева, Трейстер, 2007, А111.2, А112.1].

количества С-видных завитков, трансформировалась в форму розетты или «звезды», по терминологии М.Ю. Трейстера [Treister, 2002, p. 38]. Эта трансформация – важный показатель локального развития ювелирной художественной традиции.

Тип 3. Сложная фигурная форма.

3.1. В форме бутона лотоса.

Брошь этой формы найдена в погребении 12 Раскопа III грунтового могильника городища 1 у х. Ленина (рис. 3, 9) второй половины I в. до н.э. М.Ю. Трейстер определил сначала ее форму как лировидную [Treister, 2002, p. 38], а затем как «корону Исиды» [Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 113].

«Корона Исиды» – элемент, который можно встретить на большой группе украшений – серег, перстней, подвесок и пр. По мнению П. Давидсон и Э. Оливера, этот вышедший из египетской традиции мотив имел в эллинистической тюретике и ювелирном деле самостоятельное значение [Davidson, Oliver, 1984, p. 69-71].

Широкое распространение изображения «короны Исиды» получили в Северном Причерноморье. В погребении Соколовой Могилы имеются перстень и миниатюрная фибула-брошь с двугольным аппаратом застежки, щиток которых оформлен таким образом [Ковпаненко, 1986, с. 38-39; рис. 36]. Однако в случае с брошью с х. Ленина подобную интерпретацию формы украшения нельзя считать однозначной.

Элемент «корона Исиды» имеет довольно специфическую схему и состоит из базы в виде круга или овала (знак солнца), обрамленного в нижней части завитками (стилизованные волюты рогов газели), и двух прилегающих к базе, вертикально вытянутых, закругленных в верхней части фигур (два пера страуса или сокола-Гора – атрибуты солнца).

Ничего подобного на фибуле из х. Ленина нет. Только общая форма и наличие завитков напоминают похожие элементы на «короне Исиды».

Эту форму также вряд ли можно определять как лировидную – как из-за пропорций, так и из-за явного наличия растительных элементов. Представляется, что очертания данной броши более близки бутону лотоса – декоративному мотиву, который тоже широко использовался в эллинистической ювелирной традиции.

Тип 4. Восьмерковидные броши.

К этому типу относятся 5 украшений, из них 3 экземпляра из хранения Краснодарского музея (рис. 3, 2-4), 2 – из Правобережья Кубани [Марченко, 1996, комплекс 288, рис. 73, 6] и Закубанья [Cat. Spreyer, 1991, Nr. 229-230].

Броши в форме «восьмерки» или «Гераклова узла» хорошо известны среди кубанских древностей. И.И. Марченко выделил известные на тот момент броши из Бойко-Понура и Карстового в тип V, который датировал первой половиной II в. до н.э. [Марченко, 1996, с. 30-31].

М.Ю. Трейстер отнес фибулы из Карстового, Чернышева и Бойко-Понура к подгруппе восьмерковидных фибул группы ажурных брошей и исследовал

распространение этого мотива на эллинистических украшениях III-II вв. до н.э. [Treister, 2002, с. 40]. Однако находка в Мезмае аналогичной фибулы со сплошным щитком показывает неправомочность выделения этого типа по признаку ажурности. Брошь из Мезмая покрыта чеканной серебряной пластиной с орнаментом в виде набитых пунсоном-трубочкой кружков. Надо отметить, что основа броши при этом сделана из дрота, переплетенного в виде «Герakлова узла». Изготовленные же из проволоки экземпляры, видимо, нужно выделить в отдельный вариант восьмерковидной формы. Интересно отметить экземпляр из Старокорсунской (рис. 3, 2), который лишь имитирует «Герakлов узел», что хорошо видно с обратной стороны.

Тип 5. Броши в виде объемных фигурок.

Самый ранний известный экземпляр этого типа – брошь в виде фигурки барана найдена в погребении 31 Елизаветинского могильника II-I вв. до н.э. (рис. 3, 10). Остальные броши в виде фигурок животных и других композиций датируются I-II вв. н.э. Они найдены, в основном, в памятниках бассейна р. Лабы (Зубовско-Воздвиженская группа)⁹. Еще один прикубанский экземпляр происходит из группы «Золотого кладбища» [Гущина, Засецкая, 1994, № 378, табл. 42]. За пределами Прикубанья броши этого типа обнаружены на Боспоре (как застежка ожерелья) [Мордвинцева, Трейстер, 2007, Кат. 171.1] и на Нижнем Дону (Криволиманский) [Максименко, 1998, рис. 58, 18]. Застежку из Ногайчинского кургана в виде фигурки дельфина с туловищем из горного хрусталя можно причислить к этому типу только в качестве отдельного варианта [Treister, 2002].

2.2. Броши-заколки.

Тип. 1. Брошь-заколка с круглым щитком и подвесками. Такие декоративные диски использовались как украшения платья и головного убора, и вряд ли выполняли функцию застежек. В коллекции КГИАМЗ имеется одна такая заколка (рис. 1, 7). Аналогичные украшения II в. до н.э. происходит из Тенгинской и Нововочепшего [Treister, 2002, 42], а также из Ногайчинского кургана [Симоненко, 1993; Трейстер, 2000; Зайцев, Мордвинцева, 2003]. Орнаментальная схема этих медальонов повторяет схему круглых фибул-брошей типа 1.2.

Картографирование различных типов брошей (рис. 5; рис. 6) показывает следующие тенденции в их распространении.

Самыми популярными и широко распространенными были круглые и овальные броши типа 1. Наиболее ранние броши типа 1.1 фиксируются на Кавказе (Вани), Тамани и в верховьях р. Кирпили Правобережья Кубани (рис. 5). В III-I вв. до н.э. находки фибул-брошей 1 типа концентрируются в кубанском Правобережье и распространяются вдоль предгорий Северного Кавказа вплоть до восточного Предкавказья. В первые века н.э. такие броши

⁹ Армавир [Гущина, Засецкая, 1989, с. 105, 141, № 72, табл. XIV]; Зубовский (2 экз.) [Гущина, Засецкая, 1989, с. 118, 140, № 136а-б]; Большой курган [Гущина, Засецкая, 1989, с. 126, 141, № 84, табл. XIV]; Хатажукаевский [Гущина, Засецкая, 1989, с. 101-102, 130, № 53, табл. III].

отмечены вдоль течения р. Кубани и их небольшая концентрация имеется в бассейне Лабы (Зубовско-Воздвиженская группа).

Ромбические броши (тип 2) были не столь широко распространены, как украшения предыдущего типа. Во II-I вв. до н.э. они концентрируются в кубанском Правобережье и в Лабинской группе (рис. 5). В более поздний период их особый стилистический вариант зафиксирован на восточном черноморском побережье (рис. 6).

Группа восьмерковидных брошей (тип 4) найдена только в памятниках II в. до н.э. Они были распространены на Правобережье Кубани, в Лабинской группе и в западных предгорьях Кавказа.

Броши в виде фигурок животных (тип 5) появляются уже в эллинистическое время (рис. 5), но наибольшее распространение получили в Зубовско-Воздвиженской группе памятников в первые века н.э. (рис. 6).

Интересно также сравнить элементы орнамента, использованные в декоре брошей, на примере зерни (рис. 7, 1) и филиграни (рис. 7, 2).

Одиночные крупные шарики зерни использовались, прежде всего, как детали композитных мотивов, таких как «бегущая волна», С-видные завитки и пр. Распространение этой детали соответствует, в целом, ареалу распространения брошей 1 и 2 типа, где они чаще всего использовались, а именно – в кубанском Правобережье и вдоль предгорий Северного Кавказа. В собственно кавказских памятниках этого элемента нет, что несомненно свидетельствует о различии ювелирных традиций.

Элемент орнамента в виде миниатюрной розетты из 6 шариков зерни присутствует на наиболее изящно выполненных экземплярах, найденных вдоль течения р. Кубань, на причерноморском побережье, в Неаполе скифском (рис. 7, 1). Видимо, этот элемент использовался в мастерских высокого класса, хорошо знакомых с древними ювелирными традициями Греции и Кавказа.

Пирамидки мелкой зерни найдены на брошах Боспора, в бассейне Лабы и восточном Предкавказье. Этот элемент редко встречается на брошах, поэтому какие-то определенные тенденции в его распространении уловить не удастся.

Такие элементы, как ромбы, треугольники, ряды зерни, а также детали изображения и сплошные поверхности из зерни, концентрируются в бассейне р. Лабы (Зубовско-Воздвиженская группа), на восточном побережье Черного моря, на Кавказе.

Распределение различных элементов орнамента из зерни показывает существование нескольких стилистических групп и связей между ними. Так, Правобережье Кубани было определено связано по этому признаку с памятниками восточного Предкавказья. Лабинская же группа и верховья Кубани имеют много общих черт с кавказскими памятниками.

Сходную картину дает картографирование по признаку филигранных орнаментов (рис. 7, 2). Большинство разнообразных филигранных орнаментов фиксируется в декоре брошей правобережной кубанской группы, тогда

как в Лабинской группе и на Кавказе использованы только редкие единичные элементы. В качестве специфических признаков ювелирной традиции кубанского Правобережья можно назвать Р-образные и S-видные завитки с выпуклостями внутри завитков и производные от них орнаменты, а также миниатюрные колечки проволоки с напаянными на них шариками зерни. Эллинистические типы филигранных орнаментов в виде проволочных «сердечек» (лист плюща) концентрируются на Тамани, вблизи античных памятников.

Проведенный анализ показывает перспективность дальнейшей работы в этом направлении, и возможность выделения региональных ювелирных традиций на примере других категорий вещей.

ЛИТЕРАТУРА

- Амбраз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР. Свод археологических источников Д1-30. М., 1966.
- Гушина И.И., Засецкая И.П.* Погребения зубовско-воздвиженской группы из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – II в. н.э.) // М.П. Абрамова (ред.), Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ 70. М., 1989. С. 71-141.
- Зайцев Ю.П.* Мавзолей царя Скилура: факты и комментарии // И.И. Гушина, Д.В. Журавлев (ред.), Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ 118. М., 2001. С. 13-58.
- Зайцев Ю.П.* Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь, 2003.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И.* «Ногайчинский» курган в степном Крыму // Вестник древней истории 2003, 3. С. 61-99.
- Ковпаненко Г.Т.* Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев, 1986.
- Козенкова В.И.* Комплексы сарматского времени из станицы Ново-Титаровская (Краснодарский край) // В.И. Марковин (ред.), Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 72-91.
- Лордкипанидзе О.Д., Микеладзе Т.К., Хахутаишвили Д.А.* Гонийский клад. Тбилиси, 1980.
- Максименко В.Е.* Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории). Донские древности 6. Азов, 1998.
- Мальшев А.А., Трейстер М.Ю.* Погребение зубовско-воздвиженского типа в окрестностях Новороссийска // Боспорский сборник 5, 1994. С. 59-86.
- Марченко И.И.* Сираки Кубани. Краснодар, 1996.
- Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю.* Произведения торевтики и ювелирного дела в Северном Причерноморье во 2 в. до н.э. – 2 в. н.э. Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе 2. Т.1-3. Симферополь, Бонн, 2007.
- Погребова Н.Н.* Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА 96, 1961. С. 103-213.
- Симоненко А.В.* Сарматы Таврии. Киев, 1993.
- Смирнов К.Ф.* Северский курган. Памятники культуры 11. М., 1953.
- Трейстер М.Ю.* О ювелирных изделиях из Ногайчикского кургана // ВДИ 2000, 1. С. 182-202.
- Шульц П.Н.* Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953.
- Beglova E.A.* The First Ritual Complex of the Tenginskii Burial-Ground // ACSS 11, 2005. P. 41-84.
- Cat. Speyer 1991.* Leskov A., Noskova L. (Hrsg.), Grabschätze vom Kaukasus. Neue Ausgrabungen sowjetischer Archäologen in der Adygee und im nördlichen Ossetien. Rom, 1991.
- Cat. Tbilisi 2005.* D. Lordkipanidze (Hrsg.), Colchis – Land of Golden Fleece. Myths and Reality. Tbilisi, 2005.
- Higgins R.* Greek and Roman Jewellery. 2nd ed. London, 1980.
- Hoffmann H., Davidson P.F.* Greek Gold: Jewelry from the Age of Alexander. Mainz, 1965.
- Nagler A.* Kurgane der Mozdok-Steppe in Nordkaukasien. Archäologie in Eurasien 3. Espelkamp, 1996.
- Rostovtzeff M.I.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.

Rostovtzeff M.I. Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch au Louvre et au Musée de Saint-Germain // Monuments et mémoires. Fondation E. Piot 26, 1923. P. 99-163.

Rostovtzeff M.I. The Animal Style in South Russia and China. Princeton Monographs In Art and Archaeology XIV. Princeton, 1929.

Treister M.Y. Late Hellenistic Bosphoran Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Syria (Kuban Brooches and Related Forms) // Silk Road Art and Archaeology 8, 2002. P. 29-72.

В. Мордвинцева

ПРИКУБАНСЬКІ БРОШІ

(по матеріалах Краснодарського державного історико-археологічного музею-заповідника)

Резюме

Поліхромні броші були особливо характерні для ювелірної виробничої традиції Прикубанья в еллінізмі, у меншій мірі, в римський час. Їх знаходять, в основному, в похованнях воїнів. Вони зроблені із золота зі вставками коштовних і напівдорогоцінних каменів або кольорового скла. У статті автор розглядає різні класифікації цих ювелірних виробів і показує розвиток їх форм і орнаментаций.

В. Мордвинцева

ПРИКУБАНСКИЕ БРОШИ

(по материалам Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника)

Резюме

Полихромные броши были особенно характерны для ювелирной производственной традиции Прикубанья в эллинистическое и, в меньшей степени, в римское время. Их находят, в основном, в погребениях воинов. Они сделаны из золота со вставками драгоценных и полудрагоценных камней или цветного стекла. В статье автор рассматривает различные классификации этих ювелирных изделий и показывает развитие их форм и орнаментаций.

V. Mordvintseva

KUBAN BROOCHES

(based on the analysis of specimens from the Krasnodar Museum of Local Lore)

Summary

Polychrome brooches are particularly characteristic for the jewellery production of the Kuban region in Hellenistic and partly Roman times. They are found mainly in warriors' graves and made of gold with insertings of precious and semiprecious stones or glass inlays. In the article the author discusses different classifications of these jewels, and shows the development of their forms and ornamentation.

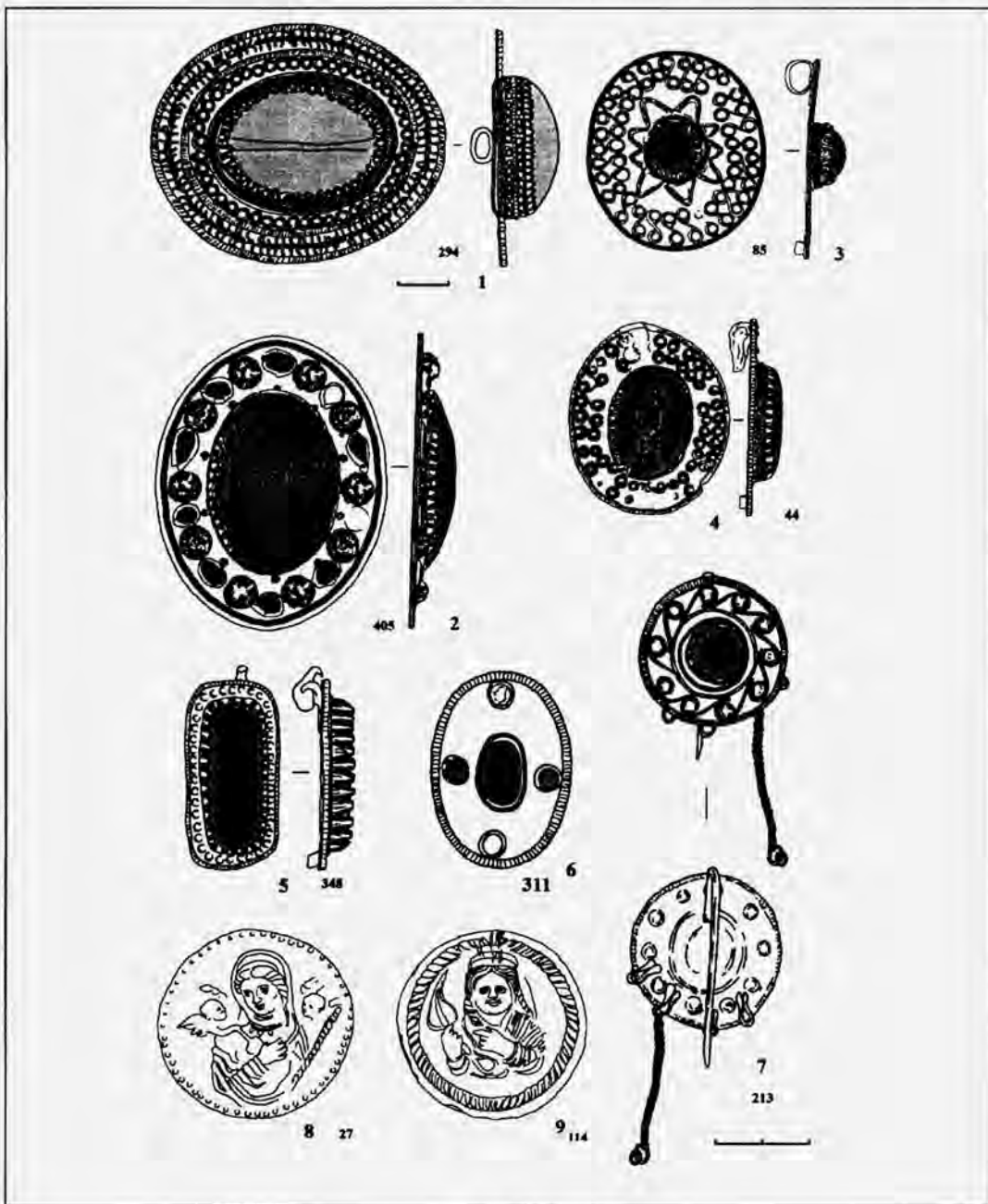

Рис. 1.

1 - Г/м Мезмай, погребение 3. 2 - Песчаный, курган 1 погребение 10. 3 - Восточномалайский-II, курган 2 погребение 2. 4 - Брюховецкая, курган 3 погребение 13. 5 - Новокорсунская, курган 2 погребение 6. 6 - Михайловская, курган 9 погребение 25. 7 - Курганинск, курган 1 объект 10. 8 - Горгиппия, погребение 54 по ул. Астраханской. 9 - Г/м Елизаветинский-2, могила 27.

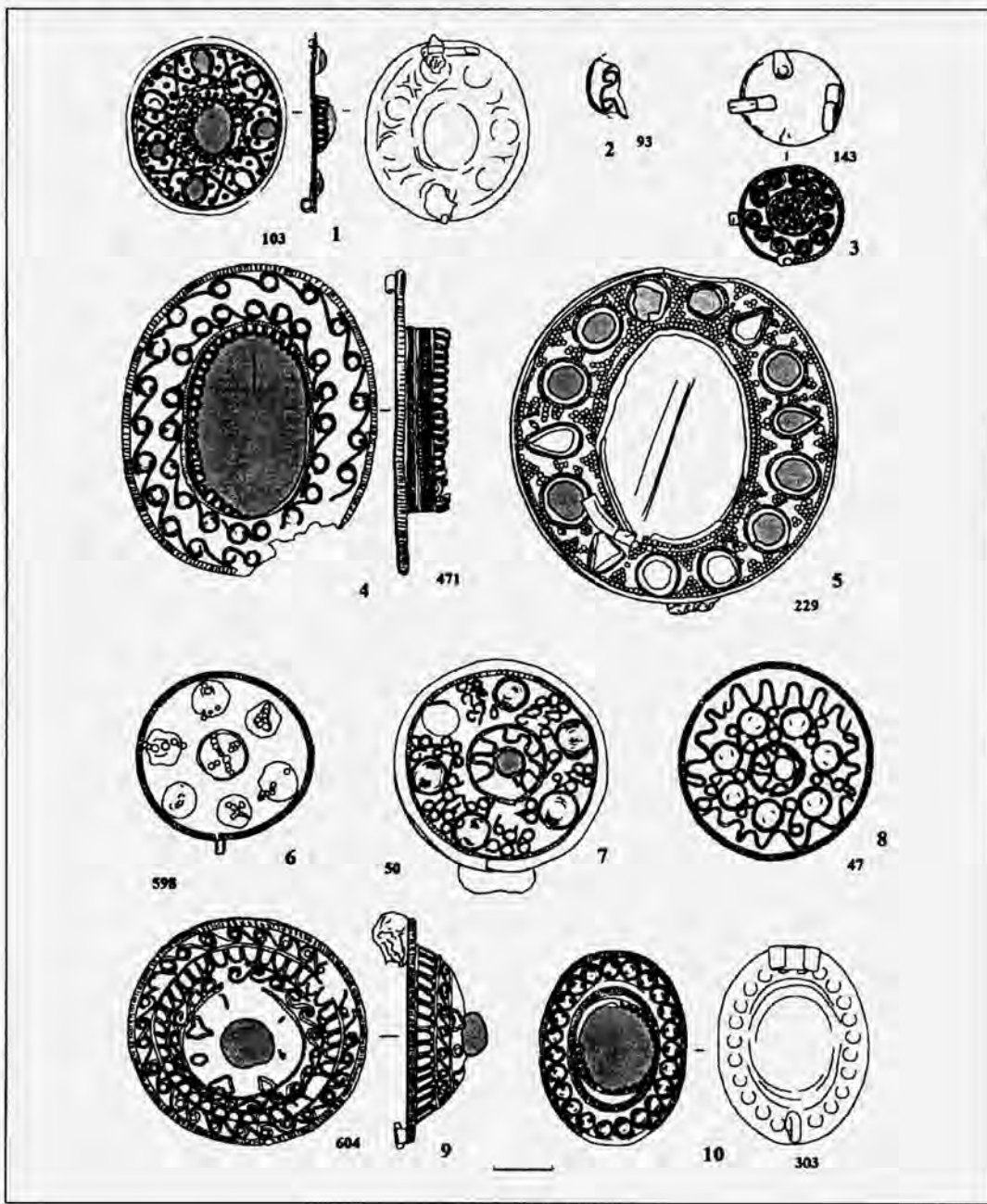

Рис. 2.

1 – Динская, курган 1 погребение 3. 2 – Г/м Гатлукайский-2, могила 1. 3 – Калининская, курган 1 погребение 16. 4 – ОПХ «Рассвет», курган 1 погребение 19. 5 – Г/м Ленина-1, Сл.н. 6 – Шаумяна, Сл.н. 7 – Верхний, курган 3 погребение 5. 8 – Верхний, курган 1 погребение 7. 9 – Элитный, разрушенное погребение в кургане. 10 – Михайловская, курган 2 погребение 14.

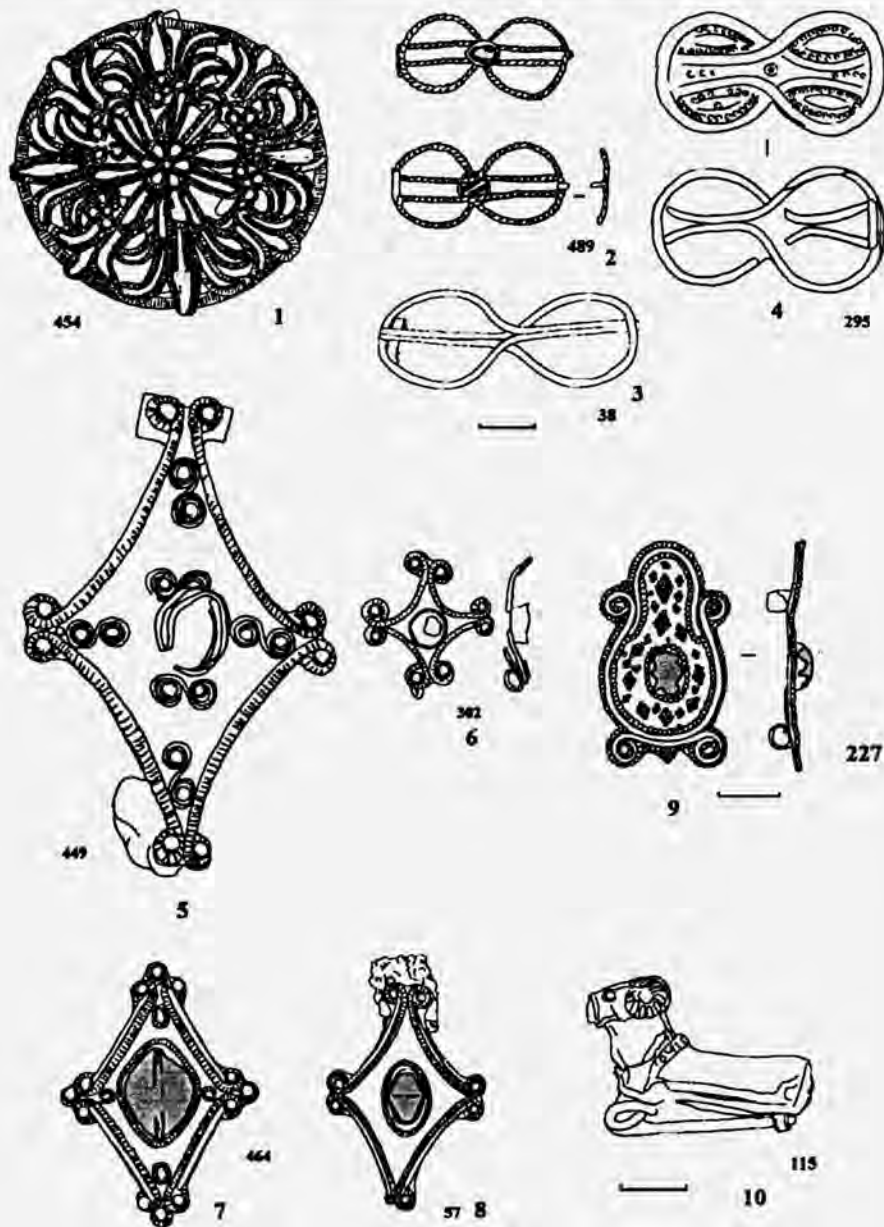

Рис. 3.

1 – Раздольная, курган 7 погребение 13. 2 – Старокорсунское-2, Сл.н. 3 – Бойко-Понура, курган 1 погребение 3. 4 – Г/м Мезмай, погребение 3. 5 – Пролетарский, курган 5 погребение 3. 6 – Михайловская, курган 1 погребение 19. 7 – Раздольная, курган 18 погребение 5. 8 – Верхний, курган 14. 9 – Г/м Ленина-1, могила 12. 10 – Г/м Елизаветинский-2, могила 27.

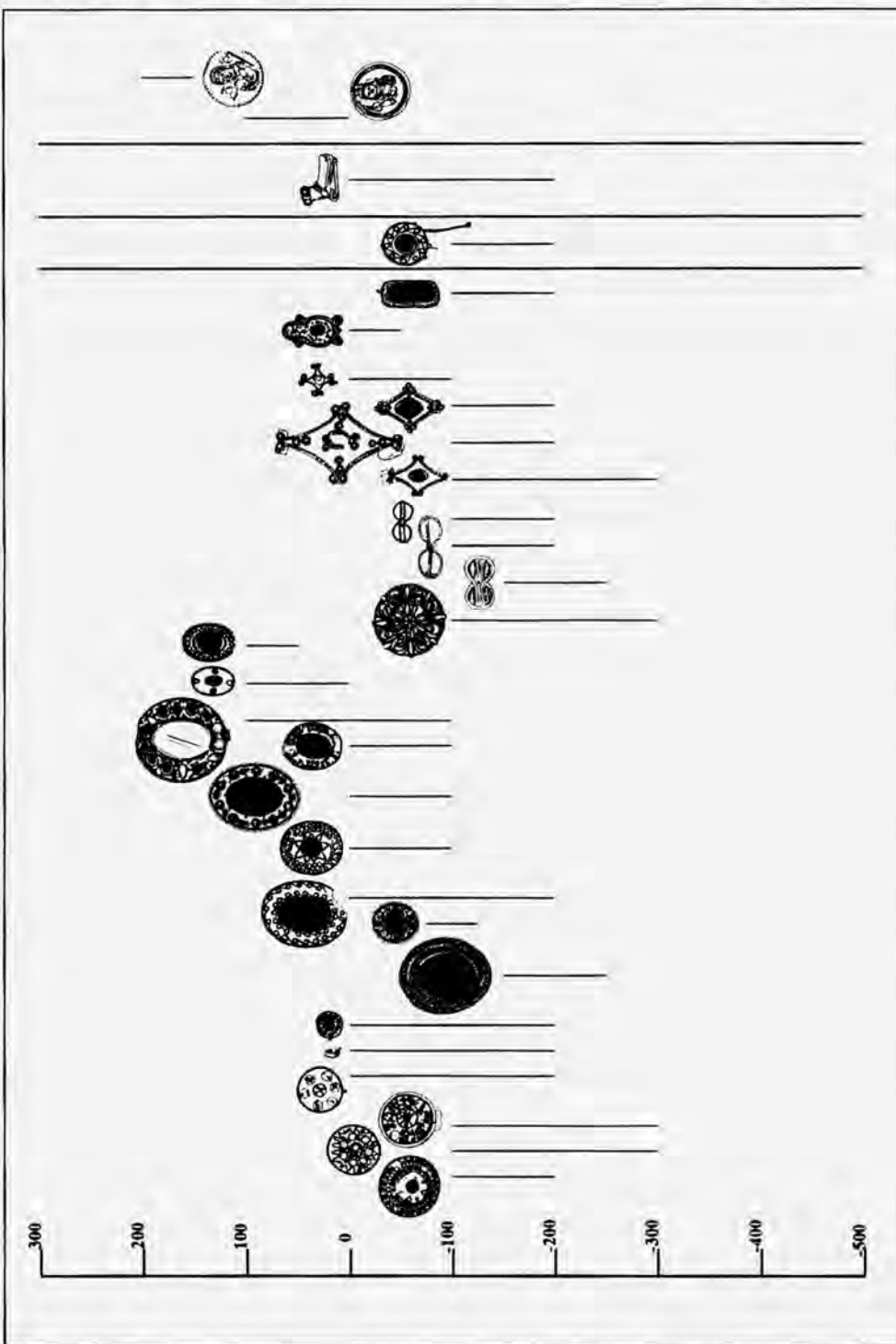

Рис. 4. Хронологическое распределение различных типов брошей из Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника.

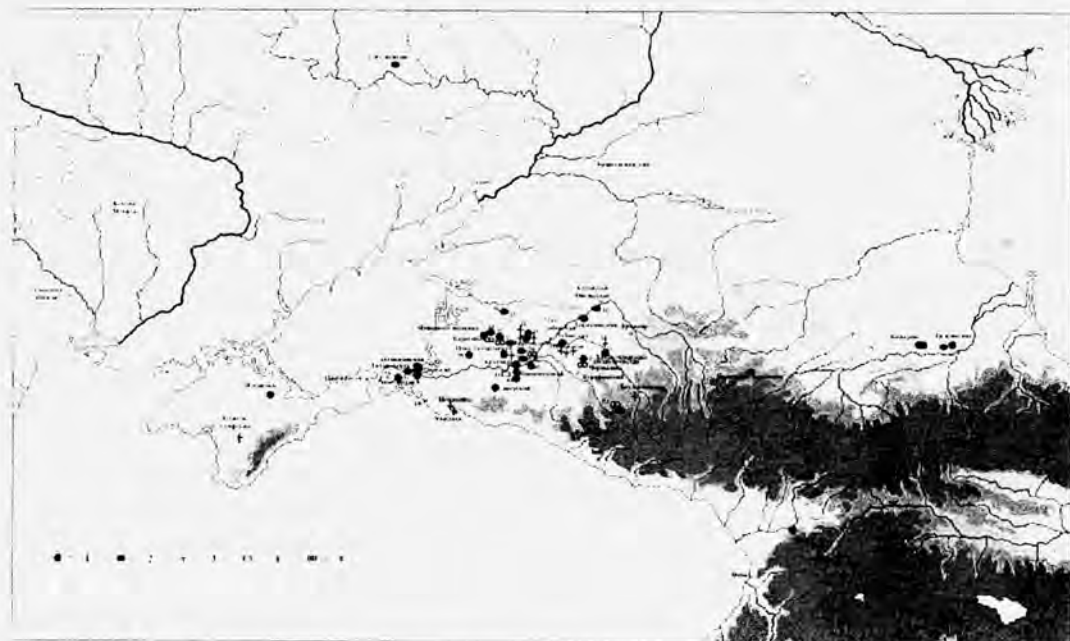

Рис. 5. Распространение различных типов полихромных брошей в III-I вв. до н.э.

1 – круглые. 2 – овальные. 3 – ромбовидные. 4 – зооморфные. 5 – восьмерковидные.

Рис. 6. Распространение различных типов полихромных брошей в I-II вв. н.э.

1 – круглые. 2 – овальные. 3 – ромбовидные. 4 – зооморфные. 5 – восьмерковидные.

● - 1 ● - 2 ▲ - 3 ◆ - 4 - - 5 - - 6 ~ - 7 ■ - 8

I

х - 1 п - 2 о - 3 о - 4 р - 5 о - 6 а - 7 u - 8 в - 9 к - 10 с - 11 ▲ - 12

II

Рис. 7.

I – орнаменты из зерна на брошах. 1 – крупный шарик зерна. 2 – розетка из миниатюрной зерна. 3 – пирамидка. 4 – ромб. 5 – ряд. 6 – элементы изображения из зерна. 7 – сплошное поле зерна.
 II – филигранные орнаменты из проволоки на брошах. 1 – X-видный элемент. 2 – овы. 3 – лист плюща. 4 – кружок. 5 – P-видный завиток. 6 – каллевидный элемент. 7 – S-видный элемент. 8 – U-образный элемент. 9 – волнотобразный завиток. 10 – бегущая волна. 11 – C-образный элемент. 12 – растительный орнамент.

К.В. НОВИЧЕНКОВА-ЛУКИЧЕВА

**ТРИ СТЕКЛЯННЫХ ПОЛИХРОМНЫХ РИТОНА
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ
ИЗ СВАТИЛИЩА ЮЖНОЙ ТАВРИКИ**

При раскопках святилища у перевала Гурзуфское Седло в культурном слое эллинистического времени, состоящем из непережженных челюстей жертвенных животных и фрагментов амфор, залегающих в светлой глине вперемешку с металлическими изделиями, обнаружены фрагменты стеклянных литых и мозаичных сосудов. Из осколков разбитых при совершении обрядов жертвоприношений предметов подбирается несколько десятков редких для Северного Причерноморья стеклянных чаш и кубков [Новиченкова К.В., 1998, с.88-94; 2000, с.17-20; 2002а, с.15-26].

В святилище на Гурзуфском Седле представлен особый тип мозаичного стекла, сделанного с помощью ленточной техники [Новиченкова К.В., 1999, с.19-22]: фрагменты чаш, полихромной пластины и ритонов из так называемого «слоистого» или «оникс-стекла».

Как считают исследователи, слоистое стекло было изобретено в подражание полудрагоценным камням [Щапова, 1983, с.110; Grose, 1989, p.242-243; Weinberg, 1992б, p.57, № 48], поскольку сосуды из «оникс-стекла» своим весом и расцветкой, которой придан «естественный» вид, действительно напоминают сосуды из камня. Вероятно, со временем, в результате все большего совершенствования ленточной техники, появились полихромные сосуды с прокладкой из золотой фольги [Новиченкова К.В., 1999, с.21].

подавляющая часть фрагментов, из которых изделия собраны, в основном обнаружена в северо-восточной части святилища – в слое светлой глины с непережженными костями. Это ранний слой, образовавшийся до распространения на Гурзуфском Седле обрядов сожжений. Основная часть находок из слоя относится ко II – первой половине I вв. до н.э. Полностью собрать сосуды не удастся, т.к. значительная часть осколков мозаичных сосудов после перепланировки святилища в последних десятилетиях I в. до н.э. пострадала от воздействия огня и дошла до нас в виде оплавленных слитков [Новиченкова К.В., 2001, с.205-214; 2002, с.32-39].

Но даже то, что удалось восстановить, имеет большую ценность, так как ранее обнаруженные при раскопках (на территории Средиземноморья, в том числе при подводных исследованиях) сосуды этого типа были представлены только одними горловинами. Поэтому исследователи затруднились в определении формы найденных изделий.

Во время подборки и систематизации найденного «оникс-стекла» установлено, что наряду с чашей и полихромной пластиной выделены фрагменты трех уникальных сосудов закрытого типа из мозаичного стекла, выполненных в ленточной технике. Все три сосуда изготовлены из полупрозрачного и глухого стекла желтого, оливкового, коричневого цветов, а также из непрозрачного стекла молочно-белого цвета. Ленты стекла, составляющие слоистый узор, окрашенные в бледно-коричневый, желтоватый и молочно-белый цвета, проходят вертикальными линиями вдоль тулова, изгибаясь на венчике. Можно предположить, что заготовкой для такого сосуда служила прессованная пластина, которую закручивали в виде цилиндра, один его край отгибали в виде раструба, другую вытягивали ко дну [Новиченкова К.В., 1999, с.19, рис.1 – 3].

Все три сосуда имеют горловины одинаковой формы в виде раструба с круто отогнутым венчиком, край которого отшлифован на токарном станке, в результате чего образовались два концентрических параллельно выгравированных желобка (рис.1). Диаметр горла у всех сосудов одинаков и равен 11 см. Один ритон (сосуд 1) представляет археологически целую форму. Восстановить полностью 2 сосуда (сосуды 2 и 3) до самого их низа не удается, часть осколков не подклеивается.

1 сосуд склеен из 25 фрагментов (рис.2). У ритона утяжеленный и утолщенный венчик, края круто отогнуты. Сохранившаяся длина – 21 см, склеен почти до самого низа. Тулово ритона (как и у других двух экземпляров) плавно изогнуто. Диаметр сосуда плавно уменьшается по мере приближения к самому низу: от 6 см в верхней части до 3,5 см в нижней. Толщина стенок сосуда (в срезе которых видны слои стекла) – в верхней и нижней части – 0,3-0,5 см, в средней (где стекло тоньше всего) – 0,2-0,25 см. Узор стекла образуют узкие овалы и зигзаги.

2 сосуд склеен из 10 фрагментов, имеет венчик диаметром 11 см, сохранившаяся длина – 14 см.

3 сосуд сохранился хуже других. Склеен из 20 фрагментов. Диаметр венчика равен 11 см. Сохранившаяся длина – 17 см.

Аналогии найденным в святилище сосудам с раструбовидными горловинами (точнее, их верхней части) встречаются возле деревни Палеокастрон в Фессалии, в комплексе вместе с серебряными чашами и ювелирными изделиями, который датируется 122-69 гг. до н.э. [Weinberg 1970, p.57, № 48; Oliver 1967, p.16-1]. Г. Вейнберг упоминала, что такие сосуды входят в группу Антикифера [Weinberg 1992, p.42; Stern, Schlick-Nolte 1994, s.300, N 87; Grose 1979a, p.207-208]. Близкие аналогии им представляют находки из Рима, которые Д. Гроуз относит к изделиям из Восточного Средиземноморья или (что, по его мнению, более вероятно) даже Италии [Grose 1989, p.201, 203, №№ 201, 210].

Охарактеризованные находки благодаря уникальной сохранности культурного слоя святилища у перевала Гурзуфское Седло и примененной при его

исследовании методике, имеют немаловажное значение для изучения редчайших изделий эллинистического времени – ритонов из мозаичного стекла второй половины II – начала I в. до н.э., выявленных на крайней северо-восточной периферии античного мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е. М.* Юго-Восточная часть некрополя Горгиппии. - Ч. II. - Краснодар, 1982.
- Гуцица И. И., Засецкая И. П.* «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. - СПб., 1994.
- Неверов О. Я.* Художественное ремесло эпохи Римской империи (I в. до н.э. – IV в. н.э.). Каталог выставки. - Л., 1980.
- Новиченкова К. В.* О некоторых типах сосудов из полихромного и окрашенного стекла, найденных в святилище у перевала Гурзуфское Седло // История Южного берега Крыма. II Дмитриевские чтения. - Ялта, 1998.
- Новиченкова К. В.* Стекланные мозаичные сосуды из святилища у перевала Гурзуфское Седло // История Южного берега Крыма. III Дмитриевские чтения. - Ялта, 1999.
- Новиченкова К. В.* Стекланные сосуды VI-I вв. до н.э. в Северном Причерноморье // История Южного берега Крыма. IV Дмитриевские чтения. - Ялта, 2000.
- Новиченкова К. В.* Раннее античное стекло на территории Крыма // Пилигримы Крыма. Осень 2000. - Т. 1. - Симферополь, 2001.
- Новиченкова К. В.* Из истории изучения античного стекла, найденного в Крыму // История Южного берега Крыма. VI Дмитриевские чтения. - Ялта, 2002.
- Новиченкова К. В.* Стекланные гладкостенные чаши из святилища античного времени у перевала Гурзуфское Седло // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. - Т. IX. - Симферополь, 2002а. *Ридель М.* Римское прикладное искусство – керамика, стекло, металл // Римское искусство и культура. Выставка римско-геранского музея города Кельна. - Кельн, 1984.
- Щапова Ю. Л.* Очерки истории древнего стеклоделия. - М., 1983.
- Щапова Ю. Л.* Рецензия: Catalogue of Western Asiatic Glass in the British Museum. Vol. I. - BMP. - 1985 // ВДИ. - 1992. - № 4.
- Follmann-Sculz A. B.* Die romischen Glaser in Rheinschen lands. Museum Bonn. - Koln-Bonn, 1952.
- Goldstein A. F.* Pre-Roman and Early Glass in the Corning Museum of Glass. - Corning, 1979.
- Grose D. F.* Early Blown Glass: The Western Evidence // JGS. - 1979. - 19.
- Grose D. F.* The Syro-Palestinian Glass- Industry in the later Hellenistic Period // Muse. - N 13. - 1979a.
- Grose D. F.* Early Ancient Glass. The Toledo Museum of Art. - New York, 1989.
- Dusenbery E. B.* Ancient Glass from Cemeteries of Samothrake // JGS. - 1967. - N 9.
- Harden D. B.* Glass of Caesars. - Milan, 1987.
- Neuburg F.* Glass in Antiquity. - L., 1949.
- Oliver A. Jr.* Late Hellenistic Glass in the Metropolitan Museum // JGS. - 1967. - N 9.
- Saldern A.* Ancient Glass in Split // JGS. - 1964. - N 6.
- Stern E. M., Schlick-Nolte N. P.* Fruhes Glas der Alten Welt. 1600 v. Cyr. – 5 v. Chr. - Stutthart, 1994.
- Weinberg G. D.* Notes of Glass from Upper Galilee // JGS. - 1973. - № 15.
- Weinberg G. D.* Glass Vessels in Ancient Greece. - Athens, 1992.

Рис. 1

Рис. 2

Ю.П. ЗАЙЦЕВ

РОДОССКИЕ АМФОРНЫЕ КЛЕЙМА ИЗ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

Неаполь скифский – самый большой и наиболее изученный варварский памятник Северного Причерноморья. В середине – второй половине II в. до н.э. это была резиденция царей Скифии Аргота, Скилура и Палака, административный и, возможно, культовый центр большой территории, называемой теперь Крымской Скифией [Высотская, 1979; Зубарь, 1996; Зайцев, 2003, с. 42-43].

Наиболее выразительные слои и объекты Неаполя – Южный дворец, мавзолеи Скилура и Аргота, оборонительные сооружения – относятся именно к периоду позднего эллинизма, а основу их хронологии составляют многочисленные и хорошо стратифицированные амфорные клейма, главным образом родосские [Зайцев, 2003, 13].

Впервые выборка клейм, происходящая из раскопок Неаполя скифского, была опубликована Т.Н. Высотской, которая проанализировала 162 родосских, 19 кидских, 32 херсонесских, 13 косских и 28 синопских черепичных клейм [Высотская, 1978].

Меньшая часть той же коллекции примерно в то же время была издана А. С. Голенцовым и В. К. Голенко [1979].

Несколько позже в двух обобщающих работах частично были использованы амфорные клейма и из новых раскопок, на основании анализа которых предлагались исторические реконструкции Неаполя скифского III-II вв. до н.э. [Колтухов, 1990; Пуздровский, Зайцев, 1994].

Несмотря на различные версии относительно хронологии Неаполя во всех упомянутых работах подчеркивалось значительное увеличение амфорного импорта во II в. до н.э. и абсолютное главенство при этом продукции Родоса.

При этом для хронологического определения родосских клейм вплоть до 90-х гг. XX века традиционно использовались разработки В. Грейс [Grace, 1952], Ю. С. Бадалянца [1976; 1982].

Систематическая обработка материалов прежних раскопок и исследования Неаполя скифского 1978-1999 гг. позволили распределить весь массив амфорных клейм в соответствии со стратиграфией культурного слоя и уже потом сравнить полученный результат с существующими хронологическими схемами.

В качестве основы для стратиграфической колонки всего памятника была

тогда принята ситуация с главным комплексом крепости – Южным дворцом, откуда помимо прочего происходят более четырехсот амфорных клейм.

К моменту первой публикации [Зайцев, 1995] такое распределение вступило в определенные противоречия с существующей тогда хронологической классификацией родосских амфорных клейм, которая была разработана В. Грэйс [Grace, 1952]. Получалось, что в каждом подгоризонте содержалось большинство клейм V группы, на втором месте были клейма III группы, а на третьем – IV-й. Несмотря на это, тогда же была предложена подробная «субъективная» хронология Южного дворца Неаполя скифского, основанная на данных микростратиграфии, которая укладывалась в рамки 40-х – 10-х гг. II в. до н.э. После выхода работ Г. Финкельштейна, посвященных ревизии хронологии родосского амфорного клеймения, оказалось, что «субъективная» хронология Южного дворца Неаполя скифского в целом согласуется с новой хронологией амфорных клейм Родоса [Finkielsztejn, 2001]. Так, из группы IVa (по Финкельштейну) в слоях дворца оказались представлены только эпонимы Тимуррод и Горгон. В группе IVb – Павсаний III, Питодор и Автократ I. В группе Va из 12 имен эпонимов присутствует уже 11, в группе Vb из 12 эпонимов представлены также 11. В группе Vc из 11 эпонимов на клеймах из Южного дворца представлены 10, из которых самые поздние – Дамон (ок. 110 г. до н.э.) и Аратофан I (ок. 109 г. до н.э.) [Зайцев, 2003, с. 16-17].

Наиболее показательной оказалась микростратиграфия полов внутри мегарона – главного здания дворца, где слой разрушения D1 перекрывает 23 глинобитных уровня пола, одинаковые по структуре и разделенные равными по толщине тонкими слоями натоптанной грязи. При этом каждая новая поверхность пола была связана с новым слоем обмазки стен и центрального очага. Из этого очевидна строгая регулярность обновления главного здания дворца. Слой D1 на основании целого ряда данных может быть связан с событиями Диофантовых войн 112-108 гг. до н.э.

В основании массива полов найдено клеймо родосского эпонима Аристогейта (ок. 140 г. до н.э.). Гипотетические 23 года, установленные по количеству полов, хорошо укладываются во временной отрезок, установленный по археологическому материалу – между 140 г. до н.э. и 112/108 гг. до н.э. Если принять эту схему, то получится, что I-й пожар, слой которого перекрывает первый, самый нижний пол, случился около 135/130 гг. до н.э. Показательно, что Г. Финкельштейном самый поздний эпоним из слоя пожара E1 – Тимотей – датирован ок. 128 г. до н.э. [Finkielsztejn, 2001].

Результаты этой работы были включены в монографию по Неаполю скифскому [Зайцев, 2003, с. 14-16]. Однако в ней проанализированы только эпонимные клейма, количество которых к тому же несколько увеличилось в результате раскопок последних лет¹.

¹ Раскопки участка западной оборонительной стены и у подножья северо-восточных склонов городища на ул. Алуштинской в 2004-2005 гг.

Цель данной работы – краткий анализ всего массива родосских амфорных клейм Неаполя скифского с позиций стратиграфического их распределения, сопоставление его с существующими хронологическими списками эпонимов и фабрикантов².

В двух таблицах представлены соответственно списки эпонимов и фабрикантов, имена которых обнаружены на родосских амфорных клеймах из раскопок Неаполя скифского.

Таблица 1. Эпонимы. По сравнению с данными, опубликованными в 2004 г., в таблицу добавлены клейма из раскопа 2004-2005 гг. на участке западной оборонительной стены.

группы	эпонимы	гг. до н.э.	Зольники ЕЗ-ЕЗ в южной части Неаполя ¹	Северная часть Неаполя, в т.ч. раскоп Д	Юго-Восточная часть Неаполя ⁴	Раскоп Н.Л. Эрнста 1926 г.	Южный дворец, горизонт Е	Южный дворец, горизонт D	Другие участки Неаполя ⁵	Западная стена, раскопки 2004-2005 гг.
IIIa	Ασπιόνης I	ca. 204								
	Θεοφάνης II	ca. 203								
	Θεοδόχος II	ca. 202								
	Εὐκρατίδας	ca. 201								
	Κλέαρχος	ca. 200								
	Πανσάνης II	ca. 199								
	Δορκολίδας	ca. 198								
	Αγλοσφιρίτος	ca. 197								
	Θαρσιπόλις	ca. 196								
	Σόδαμος	ca. 195								
	Σόστρατος	ca. 194								
	Κλεπτομάχος	ca. 193								
	Θέσπιρ	ca. 192								
	Δαμόθεμος	ca. 191								
	Ἰσικράτης	ca. 190								
IIIb	Ξυνορένης	ca. 189								
	Πριτωράνης	ca. 188								
	Κρατίδας	ca. 187	x		x				x	
	Ἰέρων I	ca. 186								
	Ἀρχοκράτης II	ca. 185								
	Τριπασγύρας	ca. 184		x						
	Φιλώδημος II	ca. 183			x					
	Κλαονίμος II	ca. 182								
IIIc	Αγέμαχος	ca. 181/179		xx						
	Ἀρχίδαμος	ca. 180/178								
	Αἰνησίδαμος II	ca. 179/177								
	Αἰνήτωρ	ca. 178/176								
	Καλλικράτης II	ca. 177/175								
	Δαμοκλής II	ca. 176/174								
III d	Καλλικράτιδας II	ca. 175/173								
	Κλέακράτης I	ca. 174/172								
	Σύμμαχος	ca. 173/171								
	Νικασγύρας I	ca. 172/170								
	Θεαίδης	ca. 171/169								
	Ἀθανόδοτος	ca. 170/168								

² В одних и тех же слоях и закрытых комплексах вместе с родосскими клеймами найдено сравнительно небольшое количество амфорных клейм Синопы, Книда, Коса и Херсонеса, хронологический анализ которых выходит за рамки данной работы.

³ Зольник под мавзолеем и зольник под западной частью зольника № 3.

⁴ Раскопы 6, 7, 7а,б,в.

⁵ Раскоп 1, Раскоп Е, находки на территории Восточного некрополя.

IIIe	*Αρατοράνης I	ca. 169/167				x			
	*Αριστίδης II	ca. 168/166							
	*Αρίστιων II	ca. 167/165							
	*Αριστόδημος II	ca. 166/164							
	*Αρχυλάδας	ca. 165/163							
	Ξενοφών	ca. 164/162							
	*Αγαστρατός II	ca. 161							
IVa	Παισίπτρατος	ca. 160	xx			x			
	Δαμιαντός	ca. 159/158	x						
	Τιμοφρούδος	ca. 158/157						xxx	x
	*Αριστόμαχος I								
	*Ηριγόριος								
	Σωτηκλής								x
	Γόργιον	ca. 154/153			x			x	
IVb	Πισσηνίας III	ca. 152	xx		x	x	xx	x	x
	Ξενοφάντος II	ca. 151	xxx		x				
	Ευόβιος				x	x			
	Πυρόδοτος	ca. 150	x					x	
	Πυδογένης					x			
	*Αλεξίμηχος	ca. 147			x				
	Αιτοκράτης I	ca. 146	x					x	
Va	Τριδόκιος	ca. 145	x						
	*Ασπιμηδής II	ca. 144						x	
	*Ανάζανδρος	ca. 143/142	x				xxxx	xxx	
	Τεισιγόρας	ca. 142/141	x					x	
	*Αριστογείτος					x	xx		
	*Αναξίβουλος						xx		
	Λαφριδής		x				x	x	xx
	*Αλεξάνδρος		xx				xxx	xxxxx	
	Θέρσιανδρος	ca. 137/136					xx	x	x
	*Αρίππιος				x		x		x
	*Ανδρίας							xxx	
	*Αργέμβροτος I	ca. 134/133	xx			x	x	xx	
Vb	*Ανδρόνακος	ca. 132	xx					x	
	Νικασπόρος II	ca. 131					xxxxx	xxxxxx	
	Καίλακράτης III	ca. 130					xxx		
	Αριστοτέλης	ca. 129							
	Τιμόθεος	ca. 128	xx				xxxxxx	xxx	x
	Λεοντίδας	ca. 127						xx	
	Κληροστρατος	ca. 126							
	Πολυάρατος II	ca. 125			x	x		xxxxx	
	Τεισιμήνης							xx	
	*Αριστρατος							x	
	Τεισιγόρας I							xx	
	*Έρων II	ca. 121						xxx	
Vc	*Αρχίνος	ca. 120						xxxx	
	Εβάνωρ	ca. 119						xx	
	*Αριστόλολος	ca. 118			x			x	
	*Αριστομβροτιδής	ca. 117						xx	
	Αίσγιος	ca. 116							
	*Αρχίβιος	ca. 115						xx	
	*Εσπίδος	ca. 114						x	
	Ναυσιπλος	ca. 113						x	
	*Αριστινάξ II	ca. 112						x	
	*Αρσείδης III	ca. 111							
	Δάμιον	ca. 110						x	
	*Αρατοράνης II	ca. 109						x	
	*Αγοράναξ	ca. 108							
?	Ιερομένης	?						xx ⁷	
?	Τιμοκλής	?						x	
?	Φαίνιλα	?						x	
Нечитаемые клийма: 49			xxxx	x		xx	xxxxxxx xxxxxxx xx	xxxxxxxxx xxxxxxxxx	xxxxxxxxx x
Общее количество прочитанных клийм: 155			23	5	8	8	32	70	9
Общее количество клийм: 204			27	6	8	10	48	88	17

Таблица 2. Фабриканты.

группы	фабриканты	Зольники Е3-Е2 в южной части Неаполя ⁶	Северная часть Неаполя, в г.ч. раскоп Д	Юго-Восточная часть Неаполя ⁷	Раскоп Н.Л. Эрста 1926 г.	Южный дворец, горизонт Е	Южный дворец, горизонт D	Другие участки Неаполя ⁸	Западная стена, раскопки 2004-2005 гг.
III	Αγαθοκλής						x		
	Ακρου					x			
III/IV	Αμύντας	x				x			
IV/V	Ανδρικός						x		
V/VI	Ανδρονικός					x			
III	Απολλωδωρος				x		x		
III/IV	Απολλωνιος					x	xx	x	
III	Αρισταρχος 2						x		
	Αριστοκλέτας					xx	x		
VI	Αριστοφανής 2						x		
III	Βουλαρχος	x				xxx	xxxxx		
IV/V	Βρομιος	x			x	x		x	
V	Γλαυκίας					xxx	xxx		
III	Δαμοκλής	x				xxx	xxxx		
III/V	Δαμοκρατής					xxx			
IV	Δαμοσθένης						x	x	
III,IV/V	Διοδοτας 1,2						xxx		
II/III	Διος			x					
II	Διοφαντος						x		
V	Δρακοντιδας	x		x	x	xxxxxx	xxxxx	x	
V	Δωρος		x					xx	
IV	Ερμίας				x				
IV/V	Ευκλείτος					xxxxx	xxxxx		
III	Ευσευς						x		
V	Ευκρανωρ 2	x				xx	x		
V	Ζηνοδοτος						x		
III	Ζωίλος					x	x		
IV/V	Ηφαιστιων	x					x		
V	Θεσμοκριτος			x		x	xxx		x
II,III,V/VI	Γερκίλης 1,2	x							
IV/V	Ιερων	x					x		
II/III	Ιμας			x	xx				
III/IV	Ιπποκράτης		x		x	xx		x	
V	Καλλων					x	xxx		
IV/V	Κομος					x			
III	Λίνος		xx	x		xxxxxx	xxxxxx	x	
III/IV	Μαρσας		x					x	
III/IV	Μαριων						x		
VI	Μενανδρος						x		
V	Μίδας			x		xxxxx	xxxxxx		
VI	Μητροδωρος						x		
I/II	Μοσχος	x				xxx	x		x
III/IV	Νανις 1,2						x		
V/VI	Νικαρχος							x	
	Νικαστιμιος						x		
II	Ξενοφανής								x
II,III/IV	Παυσανίας	x					x		
III	Ροδων					xxxx	xxxx	x	
I/II	Σωτας						x		
V	Τιμαχτος							x	
V	Τιμοξενος					x	xx		
III	Τιμων					xxx			
III	Φανίας	x			x	x			
III,V/VI	Φιλοκράτης 1,2	x					x		
Нечитаемые клейма: 42	2	1	2	3	8	23	1	2	
Общее количество прочитанных клейм: 182	13	5	6	7	61	75	12	3	
Общее количество клейм: 224	15	6	8	10	69	98	13	5	

⁶ Зольник под Мавзолеем и зольник под западной частью зольника № 3.

⁷ Раскопы 6, 7, 7а,б,в.

⁸ Раскоп 1, Раскоп Е, находки на территории Восточного некрополя.

Анализ таблицы родосских фабрикантских клейм Неаполя скифского позволяет отметить несколько важных моментов.

1. Значительная часть имен в списке относится к 2-3 хронологическим группам, что вступает в явное противоречие с эпонимным списком (Таблица 1).

2. В количественном отношении хорошо заметно резкое преобладание клейм семи фабрикантов: Лина (16 экз.), Драконтида (15 экз.), Мидаса (12 экз.), Евклеята (10 экз.), Родона (9 экз.) и Буларха (9 экз.), Дамокла (8 экз.). Следующая по численности группа состоит из шести имен: Тесмокрит (6 экз.), Мосх (6 экз.), Главкий (6 экз.), Каллон (4 экз.), Евфранор 2 (4 экз.), Аполлоний (4 экз.). Остальные 44 фабриканта – 1-3 экземпляра, что связано, очевидно, с неизвестными пока особенностями морской торговли.

Из всех стратиграфических ситуаций Неаполя скифского наибольшее значение имеет коллекция клейм из слоя пожара I, которая насчитывает 121 определенное эпонимное клеймо и 133 определенных фабрикантских клейма, при общем количестве оттисков более 300. Хронологический разброс эпонимных клейм в пределах групп 4В, 5А и 5В при датировке пожара временем ок. 130 г. до н.э. вполне приемлем, а вот разброс фабрикантских имен в пределах 2/3 – 5-й группы требует своего объяснения.

Особый же интерес представляет скопление разбитых амфор из линзы пожара I в северной части Южного дворца, из которого восстановлены горловины четырех из пяти родосских амфор, на каждой из которых сохранились верхние прилепы ручек с прямоугольными клеймами.

Три клейма эпонима Анаксандра оттиснуты одним штемпелем, двум из них соответствуют фабрикантские клейма с именем Дамокла, также выполненные при помощи одного штампа. Третьему соответствует клеймо фабриканта Комос (или Комо). Четвертая пара – эпоним Павсаний и фабрикант Тимо. Еще одно клеймо без пары – Мидас.

Анаксандр – эпоним 5-й хронологической группы или ок. 143/142 гг. до н.э. (по Г. Финкельштейну). Фабрикант Дамокл отнесен к группе III⁴ (200 - 165 гг. до н.э. по Ю. Бадальянцу), Комос отнесен к 4-5 группам. Павсаний III отнесен к четвертой группе (180 - 150 гг. до н.э.), а по Г. Финкельштейну датируется ок. 152 г. до н.э. Женское имя Тимо отнесено к фабрикантам III группы.

В итоге получается довольно противоречивая картина. Во-первых, на двух амфорах проставлены клейма разных хронологических групп (сочетание Анаксандр – Дамокл). Во-вторых, в одном комплексе используются относительно разновременные амфоры, три из которых помечены эпонимными клеймами пятой группы, а одна – клеймами четвертой [Зайцев, 2000].

Сопоставление списка родосских эпонимов (таблица 1) с современной периодизацией и хронологией Неаполя скифского показывает, что первая фаза поступления сюда родосского импорта приходится на 80-е гг. II в. до н.э. и соответствует самому раннему «усадебному» периоду ЕЗ [Зайцев, 2003, 41-42].

В 150 – 140-е гг. амфоры Родоса становятся более многочисленными и

Ю.П. Зайцев

РОДОСЬКІ АМФОРНІ КЛЕЙМА З НЕАПОЛЯ СКИФСЬКОГО

Резюме

Стаття присвячена аналізу усього масиву родоських амфорних клейм Неаполя Скіфського з позицій стратиграфічного їх розподілу та його зіставлення з існуючими хронологічними списками епонімів та фабрикантів.

Кількісний, топографічний та хронологічний розподіл клейм представлений у таблиці № 1 (список епонімів) та таблиці № 2 (список фабрикантів), за основу взяті найбільш сучасні розробки Г. Фінкельштейна [Finkielsztejn, 2001].

Зіставлення списку родоських епонімів (таблиця 1) зі сучасною періодизацією та хронологією Неаполя Скіфського показує, що перша фаза надходження сюди родоського імпорту припадає на 80-ті роки II ст. до н.е.

У 150-140 рр. до н.е. амфори Родосу стають більш багаточисельними та розповсюджені по всій площині пам'ятника приблизно рівномірно, включаючи територію Південного Палацу.

Починаючи з кінця 40-х рр. II ст. до н.е. спостерігається поступова концентрація знахідок амфорних родоських клейм у Південному Палаці, а після 130 р. до н.е. (час пожежи I) і до 109 р. до н.е. вже практично усі знахідки походять з території палацу.

Практична відсутність клейм після 108 р. до н.е. (VI та VII хронологічні групи) демонструє загальну тенденцію різкого скорочення постачання продукції Родосу у Північне Причорномор'я у час Митридатових війн.

Ю.П. Зайцев

РОДОССКИЕ АМФОРНЫЕ КЛЕЙМА ИЗ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

Резюме

Статья посвящена анализу всего массива родосских амфорных клейм Неаполя скифского с позиций стратиграфического их распределения и его сопоставления с существующими хронологическими списками эпонимов и фабрикантов.

Количественное, топографическое и хронологическое распределение клейм представлено в таблицах № 1 (список эпонимов) и № 2 (список фабрикантов), за основу взяты наиболее современные разработки Г. Финкельштейна [Finkielsztejn, 2001].

Сопоставление списка родосских эпонимов (таблица 1) с современной периодизацией и хронологией Неаполя скифского показывает, что первая фаза поступления сюда родосского импорта приходится на 80-е гг. II в. до н.э.

В 150–140-е гг. амфоры Родоса становятся более многочисленными и распределены по всей площади памятника приблизительно равномерно, включая территорию Южного дворца.

Начиная с конца 40-х гг. II в. до н.э. наблюдается постепенная концентрация находок амфорных родосских клейм в Южном дворце, а после 130 г. до н.э. (время пожара I) и до 109 г. до н.э. уже практически все находки клейм происходят с дворцовой территории.

Практическое отсутствие клейм после 108 г. до н.э. (VI и VII хронологические группы) демонстрирует общую тенденцию резкого сокращения поставок продукции Родоса в Северное Причерноморье во время Митридатовых войн.

Yu. Zaytsev

RHODIAN AMPHORAE STAMPS FROM SCYTHIAN NEAPOLIS

Summary

This article is dedicated to the analysis of the whole massif of Rhodian amphora stamps found on Scythian Neapolis from a position of their stratigraphical distribution and its collocation with current chronological lists of eponymes and fabrikants.

Table 1 (list of eponyms) and Table 2 (list of fabricants) represent a quantitative, topographical and chronological distribution of the stamps with the most modern research of G. Finkielsztein assumed as a basis [Finkielsztein, 2001].

Comparison of the list of Rhodian eponyms (Table 1) with modern periodization and chronology of Scythian Neapolis shows that a first phase of Rhodes import receipt here falls on the 80s of the 2nd century B.C.

In a period between 150 and 140 BC amphorae of Rhodes became more numerous and were distributed evenly over the whole area of the settlement including the territory of the South Palace.

From the end of the 40s of the 2nd century BC a gradual concentration of the Rhodian amphorae stamps is observed in the South Palace. After 130 BC (a time of fire 1) and until 109 BC practically all finds of the stamps come from the territory of Palace.

Almost complete absence of the stamps after 108 BC (chronological groups 6 and 7) demonstrates a general tendency to a sudden reduction of production deliveries from Rhodes in Black Sea region at the time of the Mithridatic Wars.

А. РАБИНОВИЦ, Л.В. СЕДИКОВА

НОВЫЙ САРКОФАГ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПОДВИГОВ ГЕРАКЛА ИЗ ХЕРСОНЕСА

Среди большого числа публикаций по истории Херсонеса римского периода работы Виталия Михайловича Зубаря выделяются высоким качеством и содержательностью. В своих статьях и монографиях он коснулся практически всех аспектов социально-экономической и культурной жизни города в позднеантичный период. Особый интерес ученый проявлял к изучению некрополя Херсонеса как показателя уровня его социального развития. Начиная с ранних работ [Зубарь, 1982; Зубарь, 1987], где он анализировал погребальный обряд, социальный статус и этнический состав населения, и в более поздних публикациях, посвященных проникновению христианства в Херсонес [Зубарь, 1988], ученый рассматривал динамику социально-политических процессов, проходивших в Таврике в римский период [Зубарь, 2004]. Анализируя херсонесский пантеон первых веков н.э., В.М. Зубарь, помимо прочих наблюдений, отметил изменения, произошедшие с культом Геракла. В это время герой перестал чтиться как покровитель и защитник Херсонесского государства, и приобрел отчетливо выраженные хтонические функции [Зубарь, 2005, с. 33].

Интерес к культу Геракла в Херсонесе римского периода подтверждается рядом памятников, начиная от алтарей [Щеглов, 1974, стр.526 рис. 5; Античная Скульптура Херсонеса, 1974, № 65-66, 75-77], и кончая серией небольших votivных стел, изображающих стоящего Геракла, одетого в шкуру Немейского льва, опирающегося на палицу [Античная скульптура Херсонеса, 1974, № 60-62]; подобный рельеф был найден нами в завале построек византийского периода при недавних раскопках Южного района (рис. 1). Недавно в Балаклаве были найдены фрагменты алтаря, статуи и поста-мента статуи, связанной с Гераклом, в святилище Юпитера Долихена римского периода [Сарновский, Савеля, 2000, стр. 94, рис. 10.4; стр. 77, рис. 8.1; стр. 93, рис. 10.3]. Надпись на постаменте является посвящением Гераклу во здравие императора Антонина Августа и Марка Аврелия цезаря.

Связь Геракла с погребальным обрядом четко прослеживается на ряде памятников. Три подвига Геракла были изображены на плите саркофага, датируемой первой половиной III в. н.э., и вторично использованной в вымостке пола «Базилики 1935 г». [Белов, 1938, с. 55-56, рис. 33; Белов, 1940, с. 280 –

281; Античная скульптура Херсонеса, 1974, с. 147, рис. 193; Соколов, 1999, с. 444; Херсонес Таврический, 2004, с. 470, рис. 242; Jongste, 1992, no. P.7, p. 132].

Изображение Геракла становится более популярным на римских саркофагах, начиная с первой половины II в. н.э. Так как герой обрел бессмертие после серии тяжелых испытаний, приобретавшие эти саркофаги люди могли считать его эсхатологическим образцом [Engemann, 1973]. Хотя некоторые исследователи считают, что изображение Геракла на саркофагах имеет более общий смысл – победы вопреки жизненным трудностям [Jongste, 1992, p. 11], изменения в культе героя, отмеченные В.М. Зубарем в Херсонесе, говорят о том, что Геракл, несомненно, являлся весьма характерным образом для ритуального и погребального искусства. Хтонические функции героя в местном контексте делали его подходящим спутником и для мертвых, и для живых, а его длительная связь с Херсонесом и его округой придавали использованию этого образа особую значимость.

Так, фрагмент мраморной скульптурной группы, изображающей Геракла в борьбе с Немейским львом, найденный во время консервационных работ в Южном районе Херсонеса после раскопок 2006 г., представляет большой интерес. Обломанный и сильно потертый фрагмент был вторично использован в качестве строительного материала в стене жилого дома XIII в. В постройках северной части квартала византийского периода, раскопанного совместной экспедицией Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Института Классической Археологии Техасского университета, использовались многочисленные детали античной эпохи, в том числе массивные облицовочные блоки (рис. 2-3).

CH06SR SF3973 (рис. 4-8). Фрагмент скульптуры с изображением мускулистой мужской фигуры, захватывающей со спины шею льва. Средне-мелкозернистый мрамор со светло-желтым оттенком. Высота: 25 см. Ширина: 32 см. Толщина: 17 см. Фрагмент был обломан или обрезан в форме трапеции, шириной около 32 см в самой широкой части, и высотой от 11 см до 25 см. Передняя часть скульптуры значительно потерта: поверхность правой руки Геракла сломана или срезана, сохранилась только рельефная часть, где рука соприкасается с телом; завитки в центральной части львиной гривы стесаны. Оригинальная поверхность скульптуры сохранилась на правой грудной мышце, мышцах живота, боковой части фигуры Геракла, и на спине, где она сливается с невысоким, плоским, прямоугольным выступом-пилястром (?). Морда и шея льва на правой стороне блока также сохранились и также сливаются с прямоугольным пилястром, расположенным сзади. На мраморе в некоторых местах наблюдаются мелкие и средние сколы, а поперек верхней задней части – большой диагональный скол.

Выступ на спине имеет форму плоского прямоугольника, который начинается с четкого горизонтального края в верхней части фрагмента, чуть ниже того места, где должны были быть верхняя часть спины и шея Геракла,

и тянется от правого плеча фигуры до левой стороны львиной морды. В верхней части фрагмента плоская поверхность состоит из передней части львиной морды и плоского участка за фигурой; в нижней части львиной морды площадь сужается примерно до 12 см и тянется вниз по задней поверхности фрагмента до скола в самом низу, напоминая букву Г. Поверхность этого прямоугольного участка, возможно, не является результатом скола, но также непохожа на обработку, так как участок хоть и относительно гладкий, но имеет шероховатую поверхность и неровные края. Следов инструмента не наблюдается. В нижней части фрагмента небольшой выступ вдоль линии верхней части бедра Геракла свидетельствует о выпуклости верхней части ягодниц и, возможно, о месте соединения с плоской поверхностью.

Если смотреть на скульптуру спереди, Геракл стоит слева от наблюдателя. Верхняя часть его тела отклонена ото льва, а правая рука, крепко прижатая, согнута в локте, повернута в его сторону. Рука перекрывает торс чуть ниже грудных мышц. Нижняя часть тела заметно повернута, а средняя линия спины на тыльной стороне рельефа также изогнута, свидетельствуя о напряженном затыжном движении в сторону ото льва. Сохранился небольшой фрагмент левой руки Геракла в месте ее появления из верхушки львиной гривы.

Лев изображен вертикально на левой стороне скульптуры, его спина повернута к зрителю. Морда небрежно вырезана в профиль и повернута к задней стороне фрагмента, она заострена, пасть широко открыта, язык высунут, правый глаз открыт под нависающей бровью. Внимание скульптора, по-видимому, было сосредоточено не на морде льва, а на его гриве, переданной в виде сетки густых выпуклых ромбовидных локонов на правом краю скульптуры, где грива лучше всего сохранилась. Центральная часть гривы утрачена, но по краям, где она спадает с львиной спины и левой руки Геракла, она передана отдельными взъерошенными прядями. На сохранившихся фрагментах гривы нет следов сверления и, в целом, рельеф достаточно плоский. Различно левое плечо льва, но положение передней ноги не определяется. Несмотря на то, что поверхность фрагмента сильно повреждена в области правого предплечья Геракла, вертикальная бороздка, идущая от львиного плеча к более обширному участку рельефа в центре правого предплечья героя, отчетливо изображает левую переднюю лапу льва, которая в аналогичных композициях, в борьбе хватает руку Геракла. В пространстве между рукой Геракла, передней лапой и телом льва – углубление.

Эта композиция, несомненно, изображает борьбу Геракла с Немейским львом – первый подвиг героя в классическом изображении «додекатлоса». Герой расправился со львом, которого невозможно было ранить, задушив его. Эта сцена борьбы представлена в искусстве, начиная с VI в. до н.э., когда она появляется на чернофигурных вазах. В поздне-римском, византийском и средневековом искусстве она была более распространена в скульптуре. В греческих и римских контекстах битва Геракла со львом, в целом, передается как

борьба и часто изображается, как герой выполняет бросок через спину с захватом шеи льва, атакуя животное спереди. В средневековый период Геракл, напротив, изображается в полусидячем положении на спине льва, раскрыв ему пасть сзади, подобно борцам со львами Самсону и Давиду [Ambrose, 2005, p. 136 и далее]. В греческих сюжетах Геракл часто изображен прижимающим льва к земле; герой при этом стоит на одном колене или склоняется надо львом, который смотрит ему в лицо и хватает голову или руку героя правой или левой ногой. [Felten, s.v. Heracles, *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*, 1990]. Реже в этот же период Геракл изображается стоящим вертикально, рукой обхватив шею льва и прижав голову к себе (ранний образец можно найти на метопе сокровищницы афинян в Дельфах).

Однако в римский период более распространенной становится сцена борьбы, в которой герой изображается стоя. Этот сюжет становится каноническим к середине I в. н.э., а ко II в. н.э. в самой распространенной сцене борьбы Геракл изображен стоящим, прижимающим голову льва к левому боку. Левая рука обхватывает шею льва, а правая размещена поперек торса так, что герой может охватить левое запястье или руку своей правой рукой (самого сжатия не видно, так как руки героя накрывает львиная грива). В данной композиции лев неизменно стоит прямо, он повернут к зрителю спиной или левым боком; обычно он хватает правую руку героя левой передней лапой или ногу героя левой задней. Существует мнение, что эта композиция происходит из бронзовой скульптуры Лисиппа, части группы, изображающей подвиги Геракла, привезенной из Ализии в Акрананию в какое-то время до середины I в. н.э. [von Salis, 1959].

Несомненно именно этот тип изображен на нашем фрагменте. Фронтальное расположение фигуры Геракла, разворот его торса влево, положение руки с львиной лапой на ней, а также размещение тела льва таким образом, что грива обращена к зрителю, а морда оказывается позади фигуры героя – все это имеет многочисленные аналогии и среди отдельно стоящих групп, и среди рельефов. Отдельно стоящие скульптуры включают знаменитую статую из коллекции Голицына, привезенную из Флоренции, ныне хранящуюся в Эрмитаже; подобная статуя находится в Музее Ашмола в Оксфорде [Michaelis, 1882, Oxford no. 38], а известняковая группа из Кёльна была найдена, в числе других погребальных памятников, в оборонительной стене периода Северов [von Salis 1959, p. 25-26, fig. 13]. Всю эту скульптуру можно датировать серединой I – II в. н.э. Данная композиция также является самым распространенным изображением первого подвига из додекатлоса на саркофагах, изготовленных в Риме, Афинах и Малой Азии в период между правлением Адриана и серединой II в. н.э. [Felten, LIMC, p. 33; Jongste 1992]. Варианты этого сюжета появлялись и после середины III в. н.э., но они принадлежали статуям меньших размеров и более грубо исполненным [Bordenache, 1969, no. 138].

Достаточно тонкая резьба и минимальное использование буравчика на нашем фрагменте, пластичная передача торса Геракла, а также аналогии, рассмотренные выше, дают возможность датировать наш фрагмент серединой I – началом III в. н.э., периодом интенсивного римского присутствия в Херсонесе. Однако наиболее интересной является попытка определения первоначального назначения памятника. Сцена борьбы с Немейским львом, одна или в сочетании с другими подвигами, встречается в архитектурных рельефах, отдельных декоративных группах, а также в надгробных памятниках – преимущественно, но не исключительно, саркофагах. Характер памятника, к которому принадлежал наш фрагмент, не только определяет дату и происхождение скульптуры, но также помогает понять историю и топографию Херсонеса римского периода.

К сожалению, размер скульптурной группы, к которой относился наш фрагмент, дает очень мало информации о его первоначальном назначении. На основании сравнения пропорций нашего памятника с целыми сюжетными группами можно предположить, что изначальная высота скульптуры, вероятно, составляла 65-75 см. Это чуть больше некоторых образцов саркофагов, и чуть меньше отдельностоящих памятников (длина Оксфордской группы – 81 см [Michaelis, 1882, p. 551], а Кельнской статуи – 82 см. [von Salis, 1959, p. 25]), но, в общем, в пределах размеров обоих классов. Данный размер также не исключает архитектурного происхождения памятника: наш образец чуть выше резного пилястра базилики Севера в Лептис-Магна с сюжетным орнаментом, выполненным в технике высокого рельефа, включающим подвиги Геракла [Squarciapino, 1974], но значительно меньше рельефных панелей с подвигами, высотой 1,5 м, которые украшали «большое прямоугольное помещение» в позднеантичной вилле в Чирагане (Франция) [Espèrandieu, 1908 (1965), no. 899, pp. 36-39; Hannestad, 1994, p. 128ff.].

Наиболее показателен характер обработки задней и боковых сторон скульптуры. Отдельно стоящие группы, несомненно, предназначены для кругового осмотра, и обработаны со всех сторон. Там, где есть конструктивная необходимость в опорах, они располагаются ниже средней части фигуры (палица – в экземпляре из Эрмитажа, камень – в кельнской группе). Наш фрагмент не предназначался для осмотра со всех сторон. С левой стороны спина Геракла сливается с центральным пилястром, а морда льва на правой стороне фрагмента обработана крайне небрежно и схематично. Передняя часть морды невыразительна и находится на одном уровне с плоским участком, свидетельствуя о том, что изначально она помещалась вплотную или сливалась с плоской поверхностью. Сам пилястр необычен не только своим наличием, но и высотой: его верхний край очевидно сохранившийся в оригинальной форме, должен был достигать участка чуть ниже начала шеи героя. Это не только излишне с конструктивной точки зрения, но также отвлекает зрительно, и, судя по качеству остальной части фрагмента, трудно объяснимо для отдельно стоящей скульптурной группы.

Похожий фрагмент скульптурной группы неизвестного происхождения из коллекции Херсонесского заповедника с сильно потертой, но, тем не менее, более массивной опорой или пилястром, расположенным на задней стороне, мог рассматриваться как аналогия (рис. 9). Он принадлежит скульптуре примерно тех же размеров, что и наша, и также представляет собой мускулистый мужской торс, очевидно, прижимающий что-то к левому боку. Публикаторы памятника интерпретировали его как скульптуру Геракла, борющегося со львом [Античная Скульптура Херсонеса, стр. 30-31, № 58, инв. №112/36579]. В каталоге он определен как фрагмент отдельно стоящей скульптурной группы, а массивный пилястр сзади описан как характерная черта западно-понтийской круглой скульптуры. Стилистически фрагмент считается образцом типичного «провинциального искусства» [Античная Скульптура Херсонеса, стр. 31].

Однако несколько факторов ставят под сомнение пригодность этого фрагмента в качестве аналогии для образца из Южного района. Опора или пилястр в задней части скульптуры гораздо более массивный и лучше сочетается с фигурой, чем безрельефная зона фрагмента из Южного района. Более того, есть существенные и вызывающие сомнения отличия в композиции. В наиболее сохранившихся скульптурных группах, изображающих Геракла со львом, животное неизменно частично или полностью закрывает левую половину фигуры героя; его голова почти достигает плеча Геракла; а руки героя не видны, так как, судя по позиции, они обхватывают львиную шею. Однако на старом херсонесском фрагменте поврежденный участок, интерпретируемый как остаток фигуры льва, возвышается над плечом мужской фигуры, его центр расположен левее средней линии торса, оставляя открытой левую грудь и половину туловища.

Еще более нехарактерным для данной композиции является изображение поднятого вверх большого и двух вытянутых пальцев правой руки, покоящейся на левой стороне фигуры (рис. 10). Правая рука Геракла редко встречается в такой композиции, и в этом случае она сжимает левую руку героя в положении захвата (например, бронзовая группа из Цюриха, которую фон Салис считает отправной [von Salis, 1959, pp. 5-7, fig. 1-2]). Свободная рука на этом старом херсонесском фрагменте находится в неудобном положении для захвата, являющегося определяющим элементом композиции. В каталоге также отмечены несоответствия в пропорциях руки, которые авторы сочли признаком «провинциального» происхождения скульптуры [Античная Скульптура Херсонеса, стр. 31]. Характерные черты скульптуры позволяют предположить, что на фрагменте изображена не сцена борьбы Геракла со львом, а какая-то другая композиция, возможно, включающая две человеческие фигуры, одна из которых обхватывает другую одной рукой (как, например, на Дионисийском саркофаге III в. н.э. из Бостона с изображениями хмельного Геракла [Comstock, Vermeule, 1976, no. 244; Museum of Fine Arts, 1972, 650]). Таким образом аналогии для нашего фрагмента следует искать в другом месте.

Если выступ на задней стороне нашего фрагмента изначально являлся элементом скульптуры, то, вероятнее всего, он был местом соединения с архитектурным элементом, а не опорой для отдельно стоящей статуи. Подвиги Геракла, безусловно, изображались и в архитектурных контекстах. Самые известные из них, это упомянутые пилястры базилики Севера в Лептис-Магна, рельефные панели II в. из Палестрины, которые могли служить архитектурным декором, а также поздние группы панелей из Чирагана. Однако вряд ли их можно рассматривать как аналогии для нашего фрагмента. Во всех трёх случаях фигурный декор не составлялся из отдельных элементов, а вырезан из одного блока. Рельеф панелей Палестрины и Чирагана гораздо ниже, чем у нашего фрагмента (толщина последнего – всего около 13 см.), а на пилястрах из Лептис-Магна фигуры обрамлены орнаментом из завитков, заслоняющих заднюю часть фигуры. Вырезать морду льва при этом было бы трудно и нецелесообразно. Возможно, именно по этой причине скульпторы – изготовители пилястров – изображали льва с повернутой вперед мордой. Безусловно, возможны и другие архитектурные композиции, включающие анты или консоли, но мы не смогли найти точных аналогий, где бы отдельно стоящий скульптурный элемент такого размера, формы и сюжета был встроен в архитектурный комплекс.

Самые близкие и наиболее вероятные аналогии для нашего фрагмента находятся среди римских мраморных саркофагов с изображением подвигов Геракла. Эта композиция точно повторяется на саркофагах, изготовленных в Малой Азии в середине II – середине III в. н.э., а самые близкие аналогии датируются 150-180 гг. н.э. (Музей Анталии, Турция, инв. № A928 [Jongste, 1992, № J.2] 150-155 гг. н.э.; Вилла Боргезе, Италия, инв. № 1540/41 [Jongste, 1992, №. K.1] 155-160 гг. н.э.; Музей Торлония, Италия, инв. № 420 [Jongste, 1992, №. K.6] 170 г. н.э.). Наш фрагмент, вероятнее всего, представляет собой изображение первого подвига Геракла на мраморном саркофаге, содержащем весь цикл подвигов, и датируется, возможно, третьей четвертью II в. н.э.

Несмотря на то, что толщина нашего фрагмента, в настоящее время составляющая около 17 см, а первоначально, возможно, 19-20 см, невозможно предположить, чтобы глубина рельефа была такой же значительной, как у высококлассных образцов. Саркофаг из Виллы Боргезе, например, имеет высоту рельефа 17,7 см [Jongste, 1992, p. 117]. Расположение группы вдоль стены саркофага может объяснить наличие гладкой поверхности сзади фигур и характер обработки львиной морды. Это можно интерпретировать как слияние левой стороны фигур с лицевой поверхностью плиты саркофага. Если эта гипотеза верна, группа должна была находиться на левом конце одной из длинных сторон саркофага, объясняя полное моделирование правой части спины Геракла, которая должна была быть видна зрителю, стоящему у левой короткой стороны.

Вместе с тем, сложнее объяснить, хоть и схематичное, но все же скульптурное изображение львиного профиля. Эта деталь не предполагала близкого

рассмотрения. По опубликованным фотографиям аналогичных саркофагов, которые почти всегда сняты с угла или в фас, кажется, что голова льва в группах такого типа «утоплена» в стенку саркофага. В серии саркофагов с колоннами было бы трудно разглядеть морду, так как она перекрывалась бы выступающей колонной на правой стороне сцены.

Другие детали также отличают наш вариант изображения сцены от саркофагов с колоннами. На них голова льва расположена под углом, тогда как на фрагменте из Южного района завитки гривы предполагают ее прямое положение. На самих завитках не наблюдается широкого использования сверла, видимого на азиатских образцах, а свободные локоны, падающие на загривок нашего льва, отличаются от львиных грив на саркофагах с колоннами, которые обычно рядами волн поднимаются вверх от загривка.

Индивидуальные особенности, а также внешний вид мрамора, позволяют поднять вопрос о типе и происхождении саркофага. Считается, что большая часть мрамора привезена в Херсонес из Проконеса, который, благодаря своему расположению в Мраморном море, стал основным источником мрамора со времен реорганизации карьеров в собственность государства при Тиберии [Ward-Perkins, 1969, p. 113; Asgari, 1973, p. 468-469]. Проконес также являлся основным центром производства саркофагов и во II - III вв. н.э., в частности, полуфабрикатов для экспортного рынка [Ward-Perkins, 1969, p. 113; Ward-Perkins 1980, p. 328; Asgari, 1973, p. 478-480]. Однако проконесское происхождение фрагмента из Южного района маловероятно: мрамор нашего фрагмента более однородный и имеет более теплый оттенок, чем серовато- или синевато-белый полосатый проконесский мрамор. Более того, проконесские изделия, вывозимые на продажу, в основном, представляли собой саркофаги с гирляндами и фронтонами, некоторые из которых представлены находками в Херсонесе [Античная скульптура Херсонеса, 1974, № 430]. С другой стороны саркофаги с фигурными фризами и колоннами производились, преимущественно, в трёх основных центрах: Риме, Афинах и Докимеоне во Фригии [Waelkens, 1982, pp. 120-123; Koch, 1993, p. 113ff.]. Из этих трёх центров происходят почти все известные саркофаги с изображениями подвигов Геракла.

В первой половине II в. появилась тенденция распространения подобных саркофагов в самом Риме и его ближайшей округе, свидетельствуя о том, что они первоначально производились для относительно немногочисленной элиты. Позже, к концу третьей четверти столетия, наблюдается вторая волна распространения стандартизированной продукции на местных рынках, особенно в Малой Азии. Это можно объяснить модой на фигурные саркофаги среди элиты более низкого уровня [Jongste, 1992, pp. 11-12]. Эта стандартизированная продукция представляла собой саркофаги с изображением подвигов, весьма однородные по стилистике, изготовленные в конце II в. в Докимеоне. Производство подобных саркофагов в Афинах было менее масштабным, а иконография – более вариативной, возможно, отчасти отвечая запросам индивидуальных

заказчиков [Jongste, 1992, p. 101]. В отличие от проконесских саркофагов с гирляндами, которые, по-видимому, в большинстве случаев, доделывали уже на месте отделку аттических и наиболее изяшных из докимеоновых саркофагов, почти всегда доводили почти до готовности еще до отправки заказчику [Ward-Perkins, 1980, p. 328; Koch, 1993, p. 113ff.].

Наш фрагмент отличается от стандартизованных образцов азиатских саркофагов третьей четверти II в. н.э. Также проблематично, особенно учитывая стилистику изображения льва, связать его с группой саркофагов с колоннами, изготовленных в Докимеоне, несмотря на определенное сходство. Кроме того, трактовка львиной морды свидетельствует о том, что фигуры не были размещены в интерколумнии, а образовывали часть фриза. Из имеющихся аналогий наш фрагмент ближе всего к изображению Геракла со львом на фризовом саркофаге, датируемом около 150-160 гг. н.э. из Археологического Музея Кайсери, хотя глубина рельефа на нашем фрагменте значительно выше. Поэтому не исключено, что он принадлежал одной из подсерий фризовых саркофагов, изготовленных в Докимеоне в 140-170 гг. н.э., наподобие саркофага с подвигами Геракла из Анталии [Dierichs, 1992, p. 269, fig. 2], хотя аттическое происхождение также возможно. На основании изучения фотографий фрагмента из южного района, Г. Коч предположил, что нехарактерный для докимеонового желтоватый оттенок мрамора, вероятнее всего, свидетельствует о его пентелийском происхождении (личное общение, Ноябрь 2009). Если это действительно аттическая продукция, то дата 150-180 гг. н.э. еще более вероятна. Саркофаги докимеоновой группы второй половины II в., часть которых испытывали влияние более ранних аттических моделей [Koch, 1993, p. 111], являются близкими стилистическими аналогиями, а сюжет позволяет отнести их к выделяемой Г. Кочем «Mittelantonsische Phase» аттического производства 150-180 гг. н.э. Для этой фазы был характерен широкий ряд мифологических сюжетов, в том числе подвиги Геракла [Koch, 1993, p. 108]. В объединенном каталоге П. Йонгсте все аттические образцы с изображением подвигов относятся к этой категории [Jongste 1992, p. 139, diagram 2].

На основе имеющихся данных, публикуемый фрагмент можно интерпретировать как часть малоазийского или аттического фризового саркофага третьей четверти II в. н.э. с изображением подвигов Геракла. Без более точного анализа мрамора и более однозначных фрагментов саркофага эта интерпретация должна оставаться гипотетической. Последние достижения в химических исследованиях источников мрамора могут помочь решить первую проблему [Brilli и др., 2005], а дальнейшие раскопки могут помочь со второй. Однако на сегодняшний день эта интерпретация является лучшим объяснением индивидуальных характерных особенностей фрагмента. Она может также помочь интерпретировать другой фрагмент мраморной скульптуры, найденный в круглом сооружении XIII в. в соседнем квартале (рис. 11).

CH06SR SF3583 (рис. 12-14). Левое бедро мужской фигуры, от колена до

бедренного сустава. Средне-мелкозернистый белый мрамор со светлым желтоватым оттенком. Длина фрагмента 14,35 см, диаметр самой широкой части бедра 7,4 - 8,4 см. Вертикальный скол в виде вытянутой бороздки шириной 2,7-3,7 см вдоль внешней поверхности бедра, другой подтреугольный скол – в паховой области. Бедро принадлежит обнаженной, мускулистой мужской фигуре. Положение четырёхглавой мышцы, которая образует выпуклость на середине бедра и заканчивается угловатой припухлостью чуть выше колена, свидетельствует о том, что эта нога была согнута, а мышцы напряжены. Таким образом она, вероятно, принадлежала фигуре, делающей выпад вперед левой ногой.

Этот фрагмент также, скорее всего, являлся частью рельефа, а не отдельно стоящей скульптуры. Продольный скол вдоль бедра можно интерпретировать как место соединения с плоской поверхностью, так как мускулатура свидетельствует о том, что бедро должно было располагаться под углом, тогда как опоры для отдельно стоящих мраморных статуй обычно бывают вертикальными. Обнаженность и положение выпада с согнутой левой ногой соответствуют традиционным изображениям Геракла в нескольких из его подвигов на азиатских саркофагах II в., например, в эпизоде с Эриманфским ведром, Керинейской ланью и Стимфалийскими птицами [Jongste, 1992, nos. K6, N2; Dierichs, 1993, fig. 2]. Учитывая, что мрамор обоих описываемых фрагментов имеет незначительные отличия, и то, что они оба были найдены в одном районе, можно допустить, что фрагменты принадлежали одному и тому же памятнику.

Если, как мы утверждаем, этот памятник являлся мраморным саркофагом, изготовленным в Афинах или Докимеоне в третьей четверти II в. н.э., то этот факт может быть использован для характеристики социального положения Херсонеса в этот период. Аттические саркофаги довольно широко экспортировались, особенно в восточное Средиземноморье, и особенно на поселения, расположенные вдоль морских путей [Koch, 1993, p. 111-112]. Их большое количество было найдено на памятниках черноморского побережья, в том числе хорошо сохранившийся образец конца II в. с изображением Ахилла на Скиросе, найденный в Мирмекии в начале XIX в., а ныне хранящийся в Эрмитаже [Robert, 1968, no. 21, pp. 26-29; Rogge, 1995, no. 29, p. 31]. Южное побережье Крыма было связано с Афинами хорошо налаженными морскими торговыми путями, поэтому находки аттических саркофагов не вызывают удивления. Распространение докимеоновых саркофагов за пределами Рима было более характерно для некоторых частей Малой Азии и сухопутных маршрутов, ведущих из внутренних районов к различным портам. С другой стороны саркофаг с Ахиллом – это единственный на сегодняшний день отмеченный в Крыму аттический экземпляр, тогда как находки докимеоновых саркофагов на южном и западном побережье Черного моря говорят о том, что они также иногда перевозились на большие расстояния.

В любом случае отдаленность Крыма от этих центров производства, а также чрезвычайная редкость подобных саркофагов для Северного Причерноморья,

позволяют предположить, что для данного региона они являлись дорогими экзотическими изделиями. По расчетам Г. Коча, сделанным вслед за Х. Вигартз, на изготовление одного высокохудожественного саркофага артель из четырех-пяти работников могла потратить 250 дней [Koch, 1993, p. 110]. Так как и аттические, и докимеоновы саркофаги обычно доводили до завершения в мастерской, перевозчик или покупатель, или они оба, должны были предпринять дополнительные меры для того, чтобы декор не был поврежден в пути и это, видимо, увеличивало стоимость товара. Более того, если, как представляется, наш саркофаг был изготовлен около середины II в., то его привезли в Херсонес в самом начале популярности этих погребальных сооружений за пределами собственно Рима.

Таким образом наша гипотеза предполагает наличие в Херсонесе очень состоятельного, имеющего высокий статус заказчика, который был в курсе новых веяний в погребальном устройстве в центре римского мира, обладавшего необходимыми социально-экономическими связями для приобретения такого саркофага из мастерской далёких Афин. Тот факт, что к концу II в. саркофаги Докимеона становятся более стандартизированной продукцией и их распространение осуществлялось различными внутренними сухопутными маршрутами говорит о том, что, возможно, в этот период их продажа осуществлялась в розницу, а не по специальному заказу. Вместе с тем маловероятно, чтобы дорогие готовые саркофаги доставлялись из Афин или Докимеона до самого Крыма без предварительной договоренности. К тому же, как утверждает П. Йонгсте, разнообразие сюжетов, воспроизведенных аттическими мастерскими в третьей четверти II в., свидетельствует не о стандартизации, а об изготовлении на заказ, возможно, с учетом пожеланий индивидуальных заказчиков [Jongste, 1992, p. 101]. Так, покупатель нашего саркофага мог приобрести его по специальному заказу.

Если это так, выбор сюжета мог иметь особое значение для жителя Херсонеса. Конечно, выбор подвигов Геракла мог просто отражать личный вкус владельца. Но ко II в. н.э. Геракл уже более половины тысячелетия являлся также и покровителем Херсонеса и, как утверждал В.М. Зубарь, в это время его культ приобрел новые, четко выраженные, хтонические функции. Изображение героя на высокохудожественном импортном саркофаге, вероятно, имело целью свидетельствовать не только о богатстве владельца.

В историческом исследовании В.М. Зубаря о Херсонесе второй половины II в. содержатся данные, свидетельствующие, что в этот период такая декларация была совершенно уместна. Наличие херсонесской аристократии с прямыми римскими связями отражено в исторических документах этого периода: делегация, возглавляемая Аристоном, сыном Аттины, предположительно местным аристократом, посетила Рим в начале II в. н.э. с просьбой о предоставлении *элеветрии* [IOSPE, I-2, №. 423; Зубарь, 1994, с. 39, 44]. Несмотря на неудачу первой делегации, этот статус был предоставлен городу в 40-х годах

II в., что сопровождалось расширением римского военного присутствия в Херсонесе [Зубарь, 1994, стр. 44]. В то же время некоторым членам городской элиты, очевидно, было предоставлено право римского гражданства [Зубарь, 1994, стр. 107]. Нетрудно предположить, что один из этих местных аристократов, заказывая погребальный памятник по последней римской моде, с декором, подчеркивающим связь его города с Гераклом, чествовал героя, почитаемого римлянами, и особенно римскими солдатами (см. вышеупомянутый алтарь Геракла, № 14/37299), и обеспечивал эсхатологическую модель собственного бессмертия.

Этот вывод подводит нас к вопросу о размещении саркофага. Несколько фрагментов саркофагов было найдено Г.Д. Беловым в «Базилике 1935 г.», датируемой VI в., где они использовались в качестве вымостки и строительного материала. Автор раскопок полагал, что эти саркофаги изначально размещались в мавзолее первых веков н.э., который, как он утверждал, находился на месте будущей базилики. Поэтому найденный в слое более раннего времени цемячковый пол он отнес к остаткам этого мавзолея. Однако дальнейшие исследования показали, что этот пол был связан с другим сооружением, предположительно синагогой, которая прежде занимала этот участок [Завадская, 1996, стр. 101; Золотарев, Коробков, 1998, стр. 114], и идея о мавзолее римского периода в Северном районе города была отклонена.

Действительно, несмотря на убедительные свидетельства использования саркофагов в погребальном обряде Херсонеса, ни мавзолеев, ни гробниц, в которых они могли размещаться, ни в городе, ни за его пределами, найдено не было. Известные типы погребальных сооружений не очень пригодны для размещения саркофагов [Античная Скульптура Херсонеса, 1974, стр. 137], также, за более чем стовосьмидесятилетнюю историю раскопок загородных некрополей, не было обнаружено ни одного фрагмента отдельно стоящего саркофага. Поэтому мы не можем связать плиты из «Базилики 1935» с конкретным сооружением или участком обширного некрополя, окружавшего город. Впрочем, наиболее вероятным месторасположением могла быть территория за пределами городских стен, вдоль дорог, ведущих к городским воротам. Вторичное использование эллинистических и римских надгробий в кладках оборонительных стен, а также наличие приставных склепов римского периода в периболе, подтверждают продолжение практики размещения погребальных сооружений рядом с городскими стенами в первых веках н.э.

Погребения, относящиеся к римскому периоду, обнаруженные во время раскопок участка, прилегающего к городскому водохранилищу в Южном районе, свидетельствуют о том, что такая же картина могла наблюдаться и в районе близлежащих южных городских ворот. Эти погребения были потревожены сооружением комплекса водохранилища с перенесением прилегающей оборонительной стены и одновременным расширением городской территории; изначально они находились вблизи 13 куртины, в непосредственной близости

от ворот [Зубарь, Седикова, 2008, стр. 640]. Наши фрагменты скульптуры, а также другие надгробные памятники, найденные при раскопках построек византийского периода в Южном районе, возможно, происходят с этого же участка. Южные ворота многими исследователями связываются с упоминаемыми в письменных источниках «Мертвыми воротами» [Сорочан, 2005, с.692]; таким образом можно предположить, что они были связаны с главной тропой похоронных процессий. Если Херсонес следовал примеру других римских поселений, то территория вдоль этой дороги и прилегающая к городу была наиболее вероятной для размещения роскошных гробниц богачей и, таким образом, приемлемым местом для мавзольев и саркофагов городской *aristoi*.

Несколько столетий спустя, когда новый мрамор стал более дефицитным, стенки этих саркофагов могли быть взяты с этого или другого участка загородного некрополя для украшения новой базилики [Зубарь, 1982, стр. 9, рис. 1]. Однако голова скульптуры, найденная при раскопках «Базилики 1935», может поведать более запутанную историю. Публикаторы каталога определили, что это голова молодого Геракла, занятого напряженной работой – возможно, борьбой с Немейским львом, – и отнесли её к саркофагу середины II в. н.э. [Античная скульптура Херсонеса, 1974, № 466, стр. 148]. Для обоснования датировки отмечено использование бурава для обработки волос, а также возможное пластическое изображение зрачка глаза [Античная скульптура Херсонеса, 1974, стр. 148]. Несмотря на совпадение датировки и сюжета с нашим фрагментом, связать их не представляется возможным, так как голова длиной 17 см будет непропорционально велика для нашей фигуры.

Характер сверления, использованный для обработки волос скульптуры и гривы нашего льва, также существенно отличается. При обработке волос просверлены только пряди правой стороны головы, а на поверхности кожи видны отчетливые следы рашпиля или зубчатого скребка (рис. 15). Н. Ханнестад определил, что широкое использование буравчика для обработки волос, а также опилование рашпилем или придание шероховатости поверхности кожи, является убедительным доказательством того, что в позднеантичный, а именно в Константиновский период, скульптура была реставрирована или переделана [Hannestad, 1994, p. 53ff]. Он связывает эти реставрационные работы с попытками учесть атмосферное воздействие на старую скульптуру, особенно в тех случаях, когда эта скульптура используется вторично в новых контекстах (Самый известный пример – арка Константина). Саркофаги входили в число вторично используемых объектов: Н. Ханнестад приводит в пример стенку саркофага Антонина, которая сейчас находится в термах Диоклетиана, на которой была вырезана новая (непогребальная) надпись тетрархического или Константиновского периода [Hannestad, 1994, p. 94]. Они также могли использоваться в христианских контекстах. В Остии саркофаг III в. с изображением Орфея в образе пастуха позже был перенесен в христианскую часовню. Здесь он сохранил свое первоначальное назначение, очевидно, выполняя

роль гробницы мученика, но в данном контексте его иконография приобрела новое значение [MurRAY, 1981].

Если интерпретация нашего фрагмента как части саркофага верна, то определение периода его вторичного использования – между изначальным погребальным применением и последним использованием в качестве строительного материала – могло бы объяснить одну из его непонятных особенностей. Большинство находок фигурных саркофагов представлены либо более мелкими и тонкими фрагментами, отколотыми от верхней поверхности рельефа, либо фрагментами с более высоким рельефом, все еще соединенными с остатками стенки саркофага. Задняя поверхность нашего фрагмента – целая, но нет остатков стенки – только невысокий, почти плоский выступ, о котором мы говорили выше. Если выступ действительно представляет собой остатки соединения со стенкой саркофага, он мог быть сделан только с помощью осторожного и преднамеренного отделения скульптурной группы от стенки. В таком случае получившийся скол должен был быть поверхностно заглажен, а не тщательно обработан, так как в этом случае поверхность выступа была бы неровной и закругленной.

Контекст, в котором был обнаружен наш фрагмент, вторично использованный в качестве строительного материала, датируется XIII в. н.э. Саркофаг, к которому, как мы полагаем, он относился, может датироваться третьей четвертью II в. н.э. В какой-то момент, спустя продолжительное время после первоначального использования, но раньше его последнего использования в качестве строительного материала, как минимум одна из скульптурных групп, видимо, была осторожно отделена и появилась в новом контексте предположительно в черте города, недалеко от своего местонахождения. Исследование N. Hannestad и находка головы скульптуры в «Базилике 1935» свидетельствуют о том, что это могло случиться в IV – V вв., в период, для которого в Херсонесе имеется не много археологической информации. В позднеантичный период Геракл оставался популярной фигурой для второстепенных видов искусства, а также мог все еще играть важную роль для Херсонеса. Контекст, в котором скульптура была вторично использована, и её значение для позднеантичного зрителя остаются неясными, но можно отметить, что граница между христианской и языческой художественной символикой в этот период была расплывчата, и в любом случае фигуру борца со львом можно было рассматривать и с библейской, и с мифологической позиций (Самсон, Давид, а также Геракл [Ambrose, 2005]). Несколько мраморных скульптурных фрагментов различного типа, обнаруженных во время недавних раскопок украинско-польской экспедиции, на участке «Пятиапсидного храма», расположенного чуть западнее нашего участка, могут указывать на наличие постройки, где скульптура имела особое назначение [Klenina, 2008, p. 451, fig. 8]. Заманчиво предположить, что наш фрагмент мог быть вторично использован в подобном контексте, что позволило бы уточнить датировку скульптурного ансамбля.

Если наши рассуждения верны, этот невзрачный, изношенный кусок мрамора может предоставить новую важную информацию о жизни Херсонеса римского периода, который так основательно исследовался В.М. Зубарем. В своём первоначальном виде он мог быть частью очень дорогого роскошного погребального сооружения, принадлежавшего представителю местной элиты, имевшему широкие связи. Это предполагает определенный уровень благосостояния Херсонеса в середине II в. н.э., и важное место города в международных торговле и социальной структуре того времени. Позже, когда владелец саркофага уже был стерт из коллективной памяти общества, как минимум одна из изящных мраморных скульптур, украшавших саркофаг, могла быть осторожно отпилена зубилом и установлена – возможно, у стены – как отдельная скульптурная группа. Значительно позже остатки скульптуры, давно разбитой на куски и поврежденной почти до неузнаваемости, оказались в доме византийского периода в качестве обычного строительного материала, где они были замечены и извлечены во время консервационных работ после раскопок 2006 г. Сорок лет своей жизни В.М. Зубарь посвятил изучению Херсонеса античного периода, и мы надеемся, что это скромное описание одного, невзрачного на вид, но имеющего при ближайшем рассмотрении, богатую историю памятника, послужит данью его способностям исследователя и аналитика.

ЛИТЕРАТУРА

- Античная скульптура Херсонеса. – Киев, 1976.
- Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935 – 1936 гг. Симферополь, 1938.
- Белов Г.Д. Херсонесские рельефы. // ВДИ. – 1940. - № 3-4.
- Завадская И.А. Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса «Базилика 1935 г. в Херсонесе. //МАИЭТ. – 1996. - Вып. V.
- Золотарев М.И., Коробков Д.Ю. Новое о епископе Капитоне и крещении жителей Херсонеса в IV в. по Р.Х. // Материалы Второй Всероссийской церковно - археологической конференции. Церковная археология. – С.-Пб. - 1998. - Вып. 4.
- Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического. – К., 1982.
- Зубарь В.М. Этнический состав населения Херсонеса Таврического в первые века н.э. (по материалам некрополя) // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э. – VII в. н.э. – К., 1987.
- Зубарь В.М. По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса. // Научно-атеистические исследования в музеях. – Л., 1988.
- Зубарь В.М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. – К., 1991.
- Зубарь В.М. Херсонес Таврический и население Таврики в Античную эпоху. – К., 2004.
- Зубарь В.М. Боги и герои Античного Херсонеса. – К., 2005.
- Зубарь В.М., Седикова Л.В. История археологических исследований и некоторые итоги изучения Южного района Херсонеса – Херсона. //Сугдейский сборник. - 2008.- Вып. III.

- Соколов Г.И. Ольвия и Херсонес. Ионическое и дорическое искусство. – М., 1999.
- Сорокин С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Харьков. - 2005.
- Стржелецкий С.Ф. Античные памятники Херсонеса из раскопок 1950 г. // ВДИ.- 1951.- № 2.
- Щеглов А.Н. Геракл отдыхающий. //Херсонес Таврический. Ремесло и культура. – К., 1974.
- Ambrose K. Samson, David, or Hercules? Ambiguous Identities in some Romanesque Sculptures of Lion Fighters.// Konsthistorisk Tidskrif. Journal of Art History. 2005.- 9.- 74:3(9).
- Asgari N. Roman and Early Byzantine Marble Quarries of Proconnesus.// The Proceedings of the Xth International Congress of Classical Archaeology Ankara - Izmir. - 1973.
- Bordenache Battaglia G. Sculture Greche e Romane del Museo Nazionale di Antichità di Bucarest. // Bucarest.- 1969.
- Brilli M., Cavazzini G., Turi B. New data of 87Sr/86Sr ratio in classical marble: an initial database for marble provenance determination.// Journal of Archaeological Science. – 2005.- 32:10.
- Comstock M. B., Cornelius C. V. Sculpture in stone: the Greek, Roman and Etruscan collections of the Museum of Fine Arts, Boston. Boston. – 1976.
- Dierichs A. Ein Heraklesfragment in Side.// Antike Welt.- 1992.- 23:4.
- Engemann, J. Untersuchungen zur Sepulkralsymbolik der späteren römischen Kaiserzeit. // Jahrbuch für Antike und Christentum. Ergänzungsband. - 2. - Münster (Westfalen).- 1973.
- Espérandieu E. Recueil général des bas-reliefs de la Gaule romaine. Vol. 2.- Ridgewood, N.J.- 1908 [1965].
- Hannestad N. Tradition in Late Antique Sculpture: Conservation, Modernization, Production. Aarhus.- 1994.
- Jongste P. F. B. The Twelve Labours of Hercules on Roman Sarcophagi.// Roma: «Erma» di Bretschneider. – 1992.
- Klenina E. Some Remarks on the Topography of the Ancient Chersonesus Taurica. //Thiasos. Festschrift für Erwin Pochmarski zum 65.Geburtstag, Wien.- 2008.
- Koch, G. Sarkophage der römischen Kaiserzeit. Darmstadt.- Wissenschaftliche Buchgesellschaft.- 1993.
- Lexicon iconographicum mythologiae classicae (LIMC). – Zürich. - 1990.- Vol. V, I.
- Michaelis A. Ancient Marbles in Great Britain. Cambridge.- 1882.
- Robert C. Die antiken Sarkophagreliefs. //Die mythologischen Sarkophage. Berlin.- 1968.- Band 12.
- Rogge S. Die attischen Sarkophage. Deutsches Archäologisches Institut. Gebr. Mann Verlag.- Berlin. -1995.
- Salis A. von. Löwenkampfbilder des Lysipp. Berlin.- 1956.
- Squarciapino M. F. Sculture del Foro Severiano di Leptis Magna. Monografie di archeologia libica.- Roma.- 1974.- 10.
- Waelkens M. Dokimeion: die Werkstatt der repräsentativen kleinasiatischen Sarkophage: chronologie und typologie ihrer Produktion. –Berlin.- 1982.
- Ward-Perkins J. B. The imperial sarcophagi of Roman Tyre.// Bulletin du Musée de Beyrouth.- 1969.- 22.
- Ward-Perkins J.B. The marble trade and its organization: evidence from Nicomedia.// Memoirs of the American Academy in Rome.- 1980.- 36.
- Wiegartz H. 1974. Marmorhandel, Sarkophagherstellung und die Lokalisierung der kleinasiatischen Säulensarkophage.// Melanges Mansel.- Ankara.- 1974.- 1.

А. Рабинович, Л.В. Седикова

НОВИЙ МАРМУРОВИЙ САРКОФАГ З ЗОБРАЖЕННЯМ ПОДВИГІВ ГЕРАКЛА З ХЕРСОНЕСУ

Резюме

У 2006 р., під час реставраційних робіт у житловому кварталі візантійського періоду у Південнім районі Херсонесу, був знайдений фрагмент удруге використаної мармурової скульптури. Він складається з частини людського торсу, а також голови, гриви та пе-

редній лапи лева. Фрагмент з упевненістю можна інтерпретувати як частину скульптурної композиції, відображаючій Геракла, який б'ється з Немейським левом. За гадкою авторів, він походить від саркофага з рельєфним фризом з зображенням подвигів Геракла, виготовленого або в Афінах, або в Малій Азії у третій чверті II ст. н.е. Скоріш за все, саркофаг подібної якості попав до Херсонесу по особистому замовленню заможного жителя міста. Авторі припускають, що дана група була відокремлена від саркофагу і, можливо, удруге використовувалась в якості окремо стоячої скульптури у пізньоантичному контексті до того, як, в решті решт, перетворилась у будівельний матеріал.

А. Рабиновиц, Л.В. Седикова

НОВЫЙ МРАМОРНЫЙ САРКОФАГ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПОДВИГОВ ГЕРАКЛА ИЗ ХЕРСОНЕСА

Резюме

В 2006 г., во время реставрационных работ в жилом квартале византийского периода в Южном районе Херсонеса, был обнаружен фрагмент вторично использованной мраморной скульптуры. Он состоит из части человеческого торса, а также головы, гривы и передней лапы льва. Фрагмент с уверенностью можно интерпретировать как часть скульптурной композиции, изображающей Геракла, сражающегося с Немейским львом. По мнению авторов, он происходит от саркофага с рельефным фризом с изображением подвигов Геракла, изготовленного либо в Афинах, либо в Малой Азии в третьей четверти II в. н.э. Скорее всего, саркофаг подобного качества попал в Херсонес по личному заказу состоятельного жителя города. Авторы предполагают, что данная группа была отделена от саркофага и, возможно, вторично использовалась в качестве отдельно стоящей скульптуры в позднеантичном контексте до того, как, в конечном итоге, превратилась в строительный материал.

A. Rabinowitz, L. V. Sedikova

A NEW MARBLE SARCOPHAGUS WITH THE LABORS OF HERACLES FROM CHERSONESOS

Summary

During the conservation of a Byzantine residential block in the South Region of Chersonesos in 2006, there was found a reused fragment of a marble sculpture. The fragment includes part of a human torso and the head, mane, and foreleg of a lion. It can be identified with confidence as a part of a sculptural composition depicting Heracles wrestling with the Nemean Lion. The authors suggest that it came from a sarcophagus with a relief frieze depicting the Labors of Heracles, produced either in Athens or in Asia Minor in the third quarter of the 2nd century AD. A sarcophagus of this quality is likely to have arrived in Chersonesos as the result of a private commission by a wealthy resident of the city. The authors conclude with some ideas about the separation of this group from its sarcophagus and its possible reuse as a free-standing sculpture in a late antique context before its eventual conversion to building material.

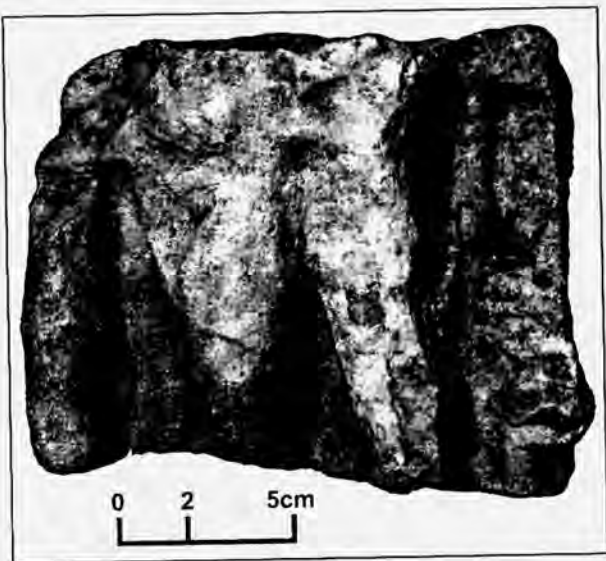

Рис. 1. Фрагмент маленькой вотивной стелы (SF2124) с изображением стоящего Геракла. Правой рукой герой опирается на палицу, слева свисает львиная шкура.

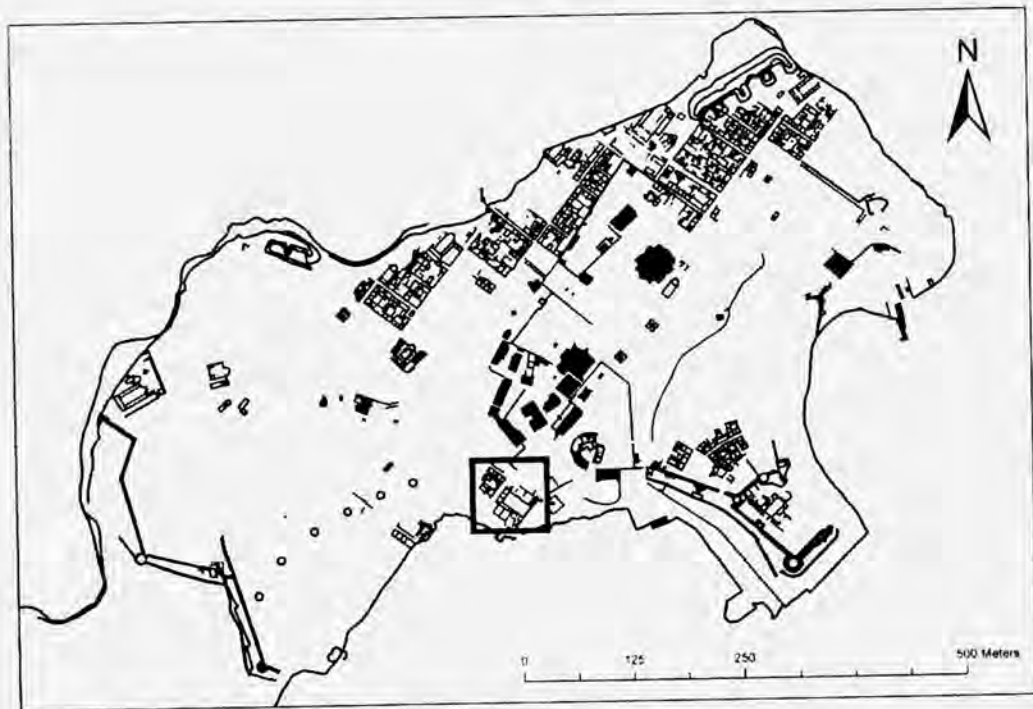

Рис. 2. План херсонесского городища с указанием расположения Южного района.

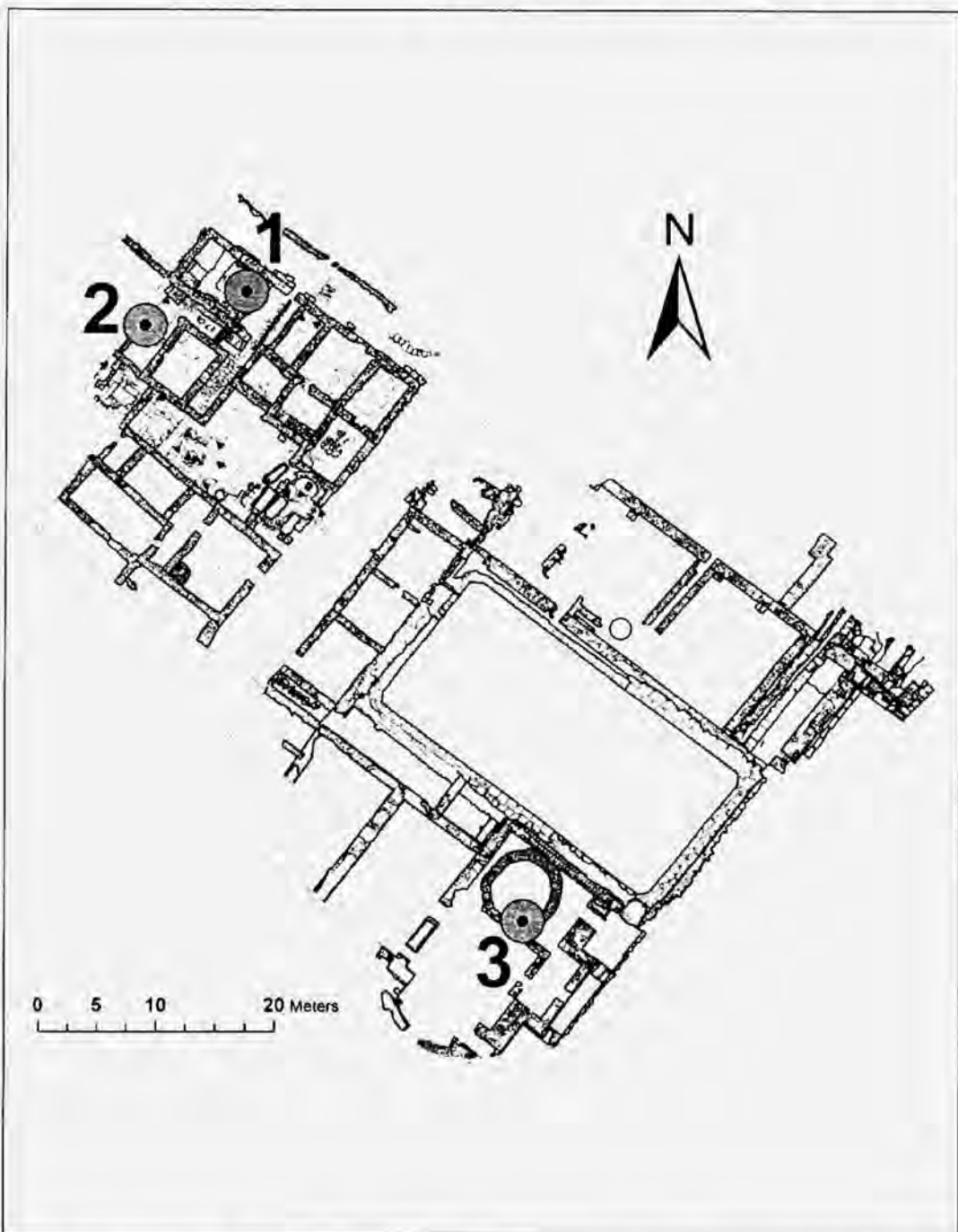

Рис. 3. План построек Южного района, с указанием места находок скульптурных фрагментов.
 1: вотивная стена Геракла; 2: фрагмент с Гераклом и Немейским львом; 3: мужское бедро.

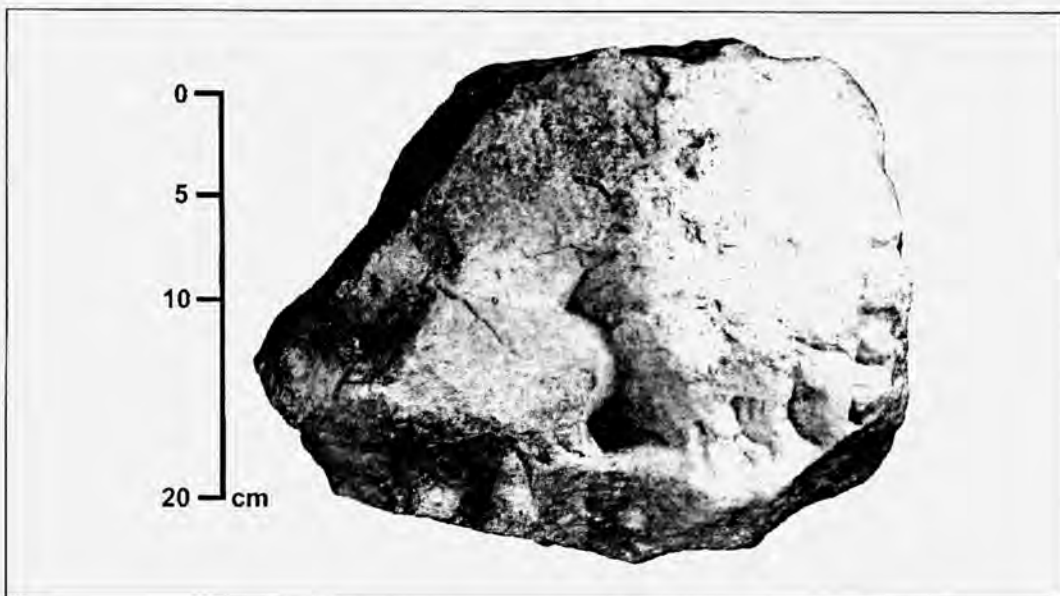

Рис. 4. Геракл со львом. Вид фрагмента спереди. Виден торс героя и грива льва.

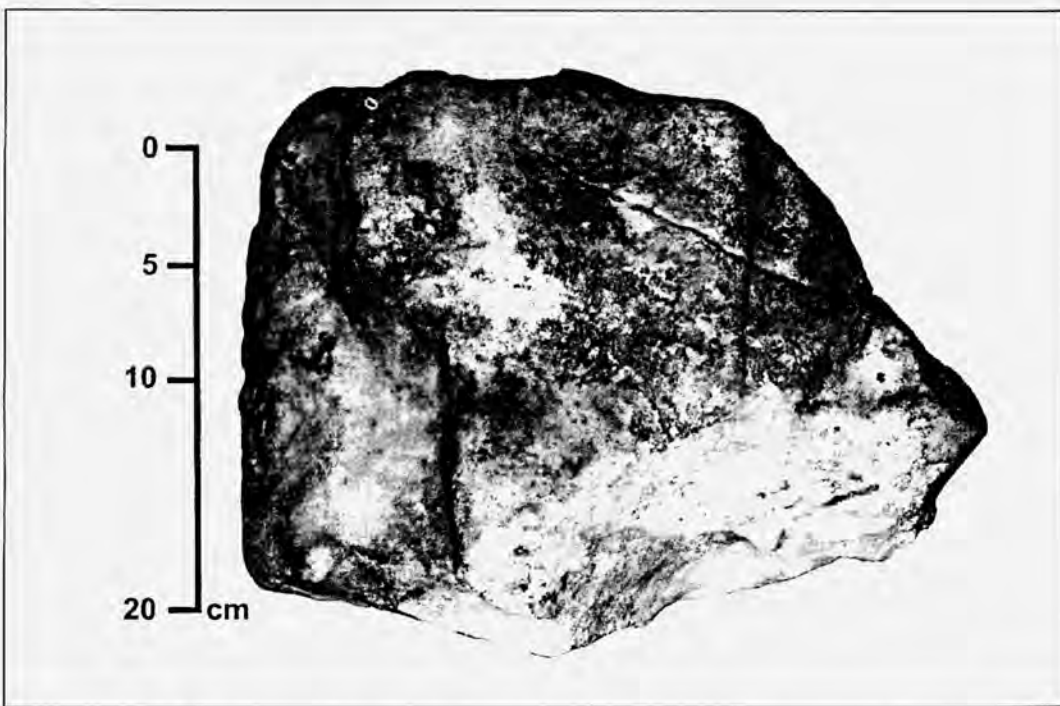

Рис. 5. Геракл со львом. Вид фрагмента сзади. Видна плоская поверхность.

Рис. 6. Геракл со львом. Вид правой части фрагмента. Видны правый бок и правая рука Геракла; камень обломан на уровне средней части груди героя.

Рис. 7. Вид левой части фрагмента. Видна львиная морда.

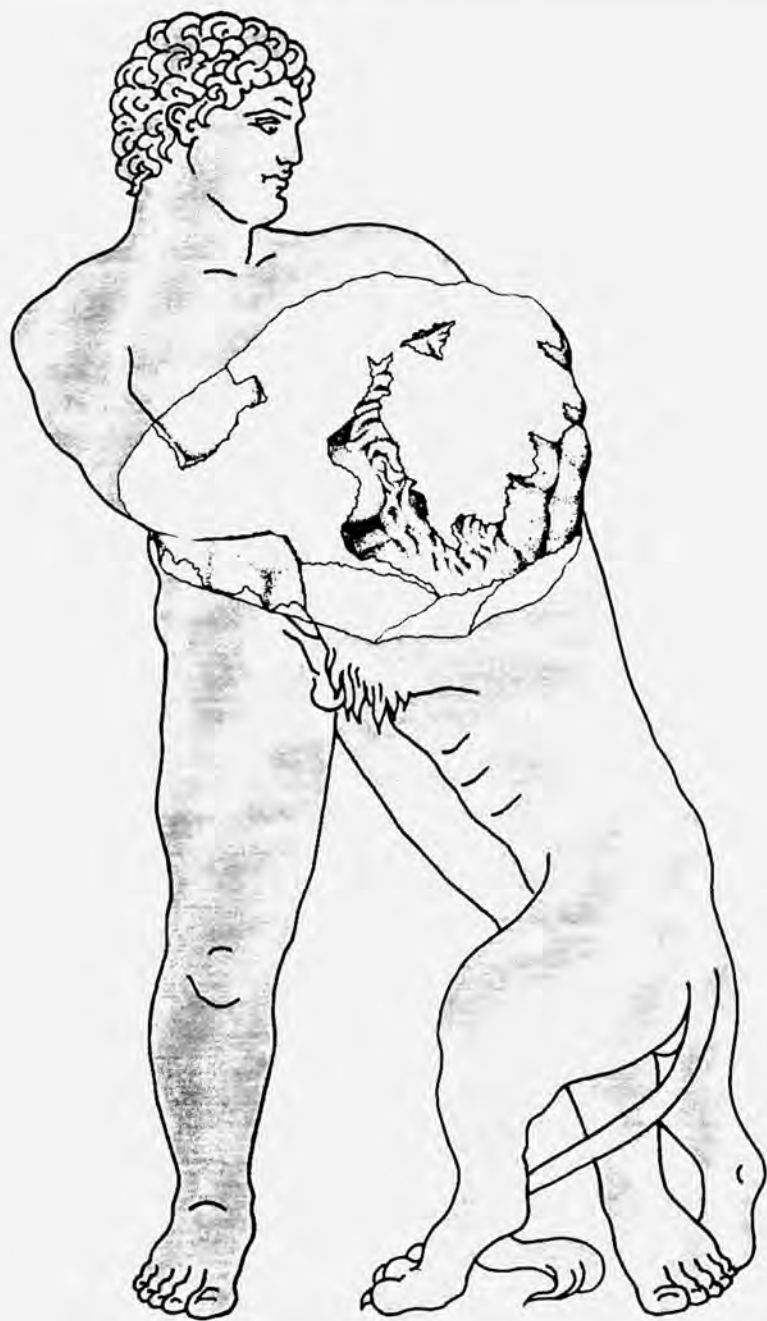

Рис. 8. Реконструкция. Вид спереди.

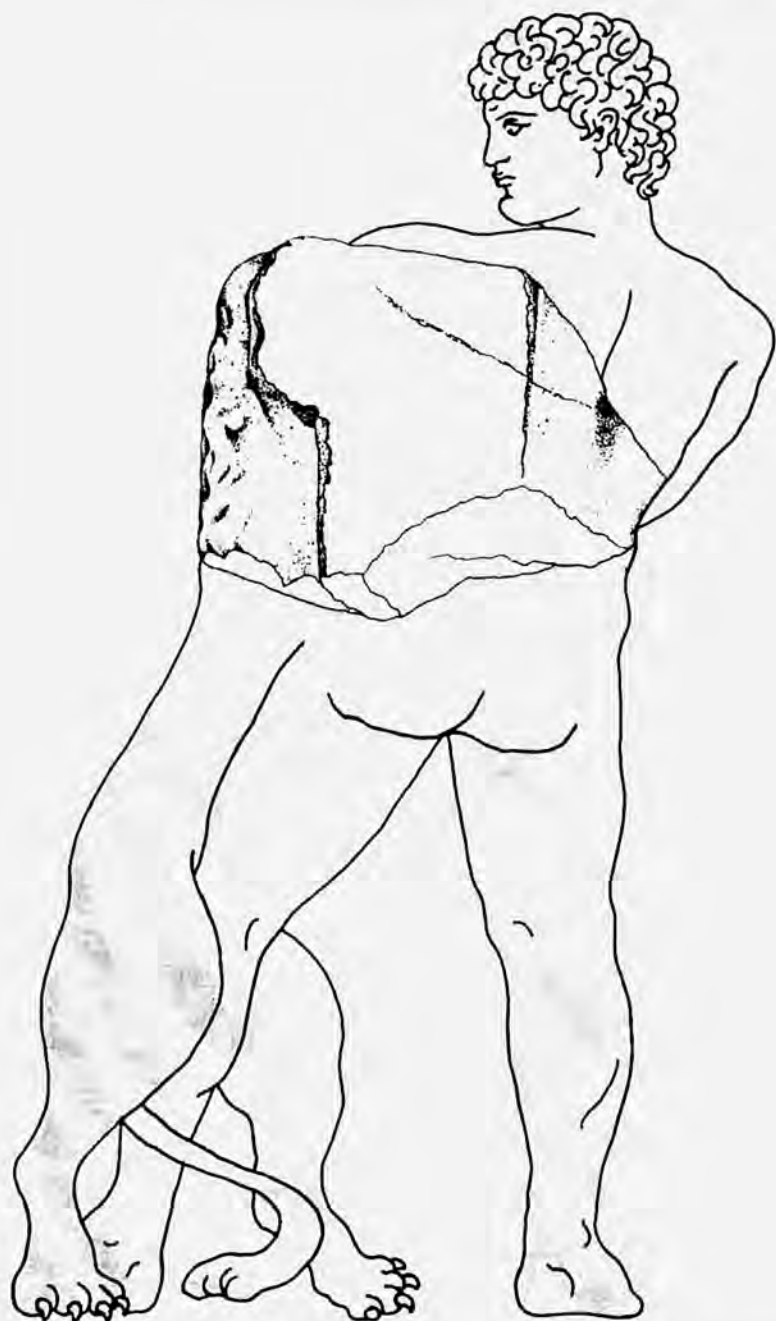

Рис. 9. Реконструкция. Вид сзади.

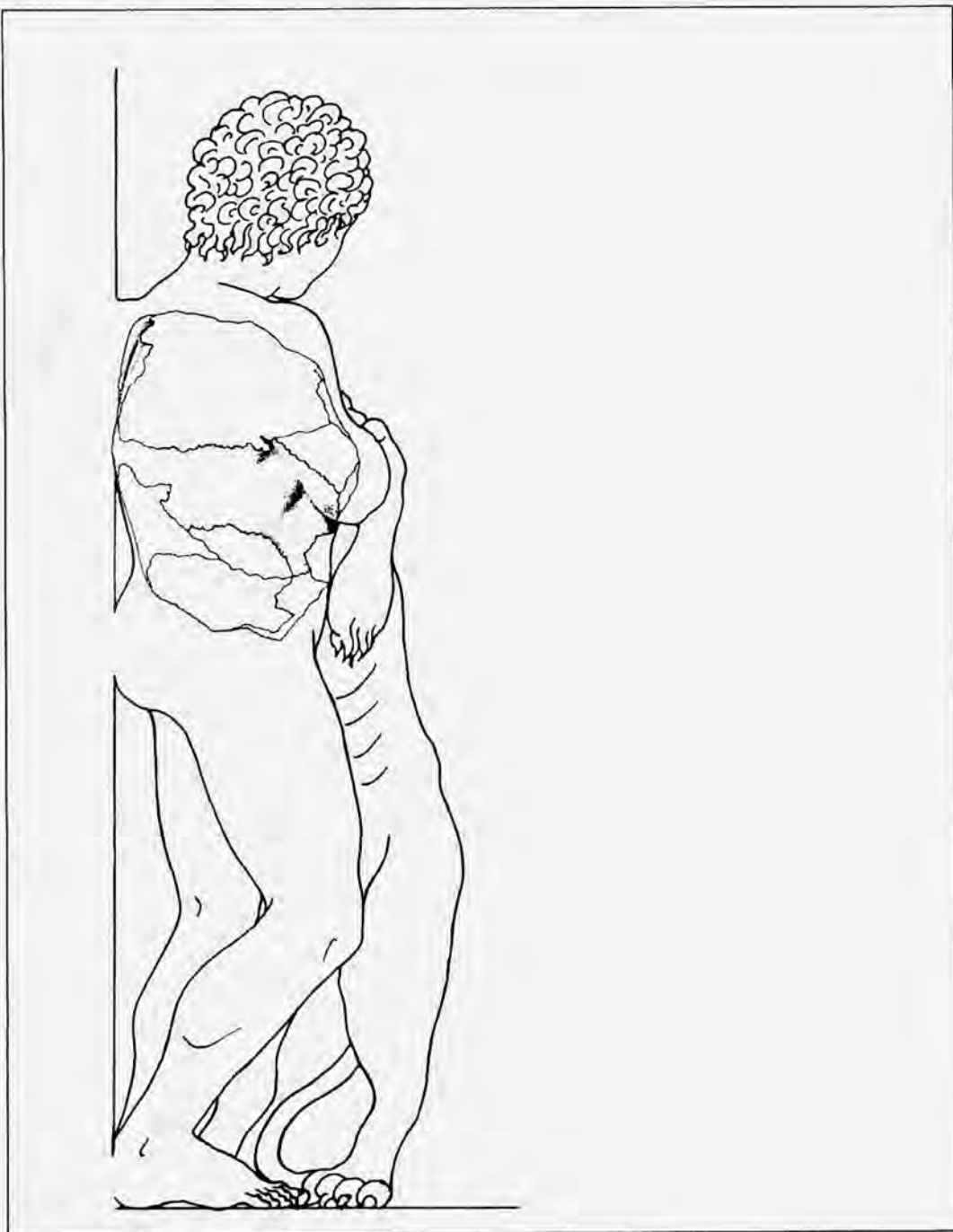

Рис. 10. Реконструкция. Вид справа.

Рис. 11. Реконструкция. Вид слева.

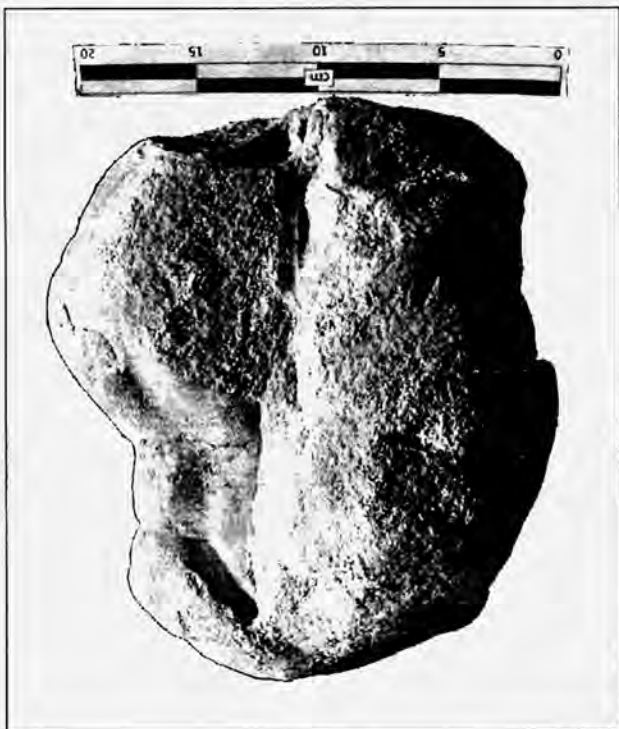

Рис. 12. Фрагмент скульптуры № 112/36579. Вид спереди: мужской торс.

Рис. 13. Фрагмент скульптуры № 112/36579. Вид левой части: пальцы правой руки плотно прилегают к левой стороне мужского торса.

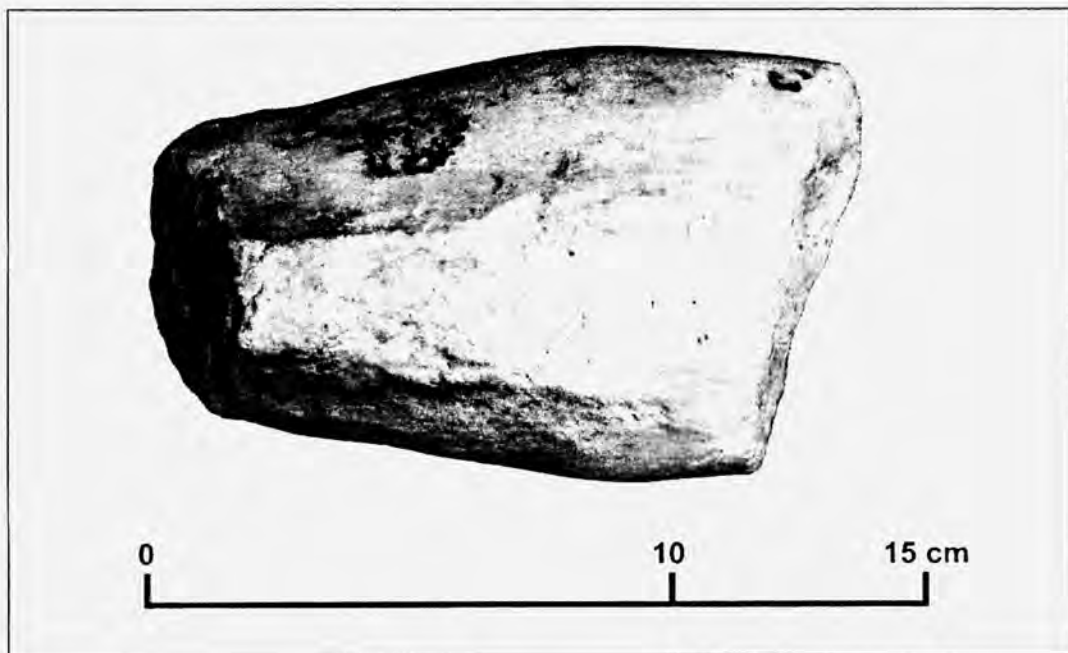

Рис. 14. Фрагмент скульптуры.
Мраморное бедро; бороздка на внутренней стороне – место соединения.

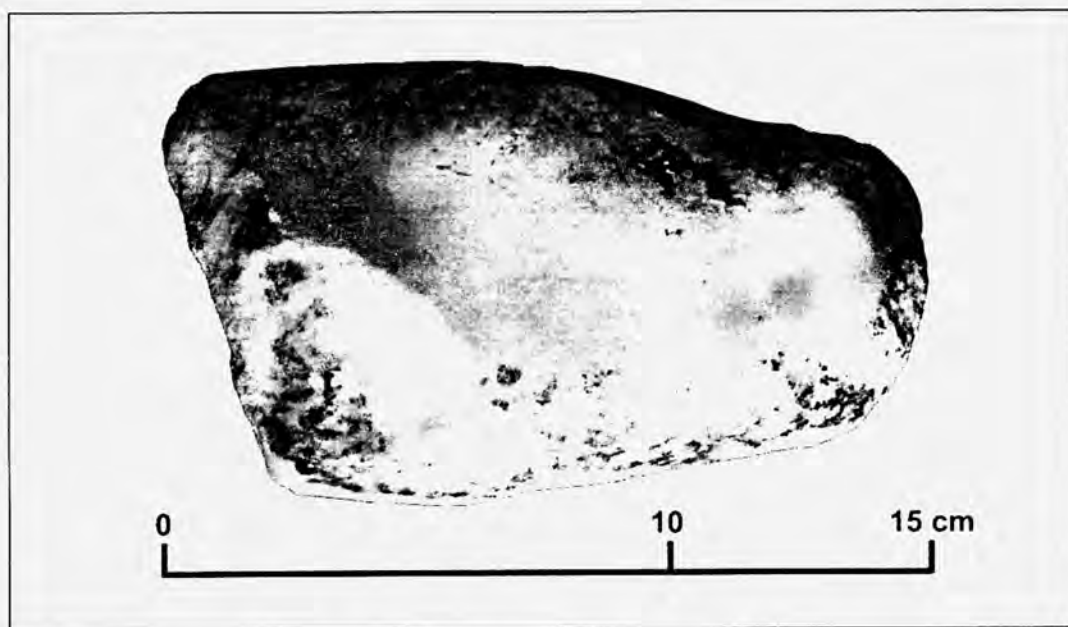

Рис. 15. Фрагмент скульптуры. Левая сторона бедра.

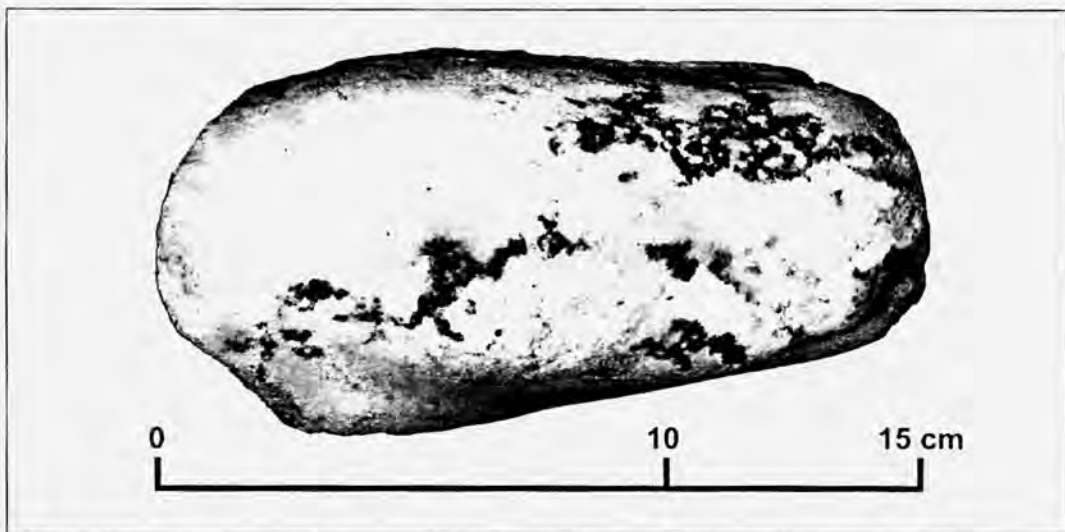

Рис. 16. Фрагмент скульптуры. Бедро. Вид спереди.

Рис. 17. Фрагмент скульптуры. Голова юного Геракла со следами скребка на лице.

Т.А. НАЗАРОВА

**ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ ИЗ СКЛЕПА № 86
НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА**

В процессе археологических работ, проводившихся на Западном участке некрополя Херсонеса в 1988 году под руководством В.М. Зубаря, был открыт склеп № 86. Этот многослойный объект содержал в себе большое количество скелетов. По подсчету, произведенному автором раскопок, количество погребенных можно оценить приблизительно в 400 особей. Склеп был построен и начал применяться для захоронений в первые века н. э. ..., а в XII-XIII вв. был использован вновь [Зубарь, Дорофеев, Ушаков, 1988, с. 9, 12].

Сохранность материала различная. Учитывая влажность в погребальной камере склепа, многие костяки истлели и оказались непригодными даже для половозрастной интерпретации. Тем не менее для измерений была получена вполне представительная серия, состоящая из 58 черепов: 32 мужских и 26 женских

Население, погребенное в склепах и усыпальницах Херсона с X по XIII вв., в целом характеризуется брахикранией [Дебец, 1949, с. 341; Соколова, 1959, с. 73; Зиневич, 1973, с. 178, сл.; Назарова, 1990, с. 27; Иванов, 1998, с.260], грацильным строением черепов [Зиневич, 1973, с. 178], уплощенностью лицевого скелета [Дебец, 1949, с. 343; Соколова, 1959, с. 73; Зиневич, 1973, с. 179, 189, 191, 193; Назарова, 1990, с. 27]. Отмечено также наличие искусственной деформации затылочной части головы [Дебец, 1949, с. 341, 344; Соколова, 1959, с. 73; Зиневич, 1973, с. 179]. Указывая на смешанный состав населения Херсона, исследователи предлагали варианты возможных этнических компонентов, которые могли принимать участие в сложении морфологических черт жителей города. Средиземноморский антропологический тип соотносился с греками, брахикранный монголоидный – с хазарами, а брахикранный европеоидный – с таврами, потомками сармат волжской дельты, с населением Северного Кавказа, армянами, носителями «зливкинского» морфотипа [Дебец, 1948, с. 265-266; 1949, с. 343, 346, 386; Соколова, 1959, с.73-74; Зиневич, 1973, с. 241, 246-249]. Антропологические коллекции, представляющие состав населения средневекового Херсона, начинают свой отсчет с X века. До этого рубежа все исследованные краниологические серии условно относятся к античному и раннесредневековому времени. Это материалы из склепов Херсонеса № 1, № 2 IV-IX вв. [Зиневич, 1973, с. 142, 154: раскопки Г.Д. Белова, 1948г.], № 4, № 6 II-VII вв. н.э. [Назарова, 1986, с.70-75: раскопки В.М. Зубаря, 1981г.], № 75 IV-VI вв.

сочетающаяся со средневысоким черепом, довольно широким, средневысоким лицом и несколько ослабленной профилировкой в верхней части.

Сравнительный анализ мезо-долхокраничных черепов из склепа № 86 с серией из грунтовых могил I-IV вв. н.э. указывает на сходство между ними по большинству признаков [Назарова, 2002, с. 200; табл. 6]. Сопоставление группы брахикраничных черепов с сериями из херсонесских могильников: «Могила в часовнях» XIII в. [Назарова, 1990, с. 29; раскопки С.Г. Рыжова, 1985-86 гг.], «Храм с ковчегом» X-XII вв. [Зиневич, 1973, с. 206-209; раскопки О.И. Домбровского, 1954 г.] указывает на сходство по размерам черепной коробки и ширине лба; отличия заключаются в большей узко- и низколицести черепов из склепа, а также большей горизонтальной уплощенности последних [Назарова, 2002, с. 227].

При изучении антропологических материалов из коллективных усыпальниц средневекового Херсона одним из важных является вопрос об идентификации черепов средиземноморского (или греческого) антропологического типа с определенными хронологическими слоями. Их присутствие в могилах средневекового времени – результат механического смешения костяков, учитывая длительность использования костниц, или же часть жителей Херсонеса сохранила отмеченный комплекс признаков с античного времени до средневековья. Не решенными остаются вопросы о степени полиэтничности населения средневекового Херсона: какие конкретно группы, носители различных морфологических черт, вливались в состав населения города, и каков был их удельный вес. Проблема этнической атрибуции брахикраничного европеоидного антропологического типа: где искать направление межэтнических контактов Херсона на позднейшем этапе жизни города. Наконец, была-ли смена населения на рубеже тысячелетия, или же возникшая брахикrania – результат процесса брахикефализации? Представляется, что детальное изучение такого объективного источника, как антропологический материал, позволит приблизиться к ответу на поставленные вопросы.

При дифференциации краниологических групп на «античные» и «раннесредневековые» определенным «репером» служит серия черепов из грунтовых могил I-IV вв. н.э., в которых практически не было более поздних подзахоронений (см. отчеты В.М. Зубаря: 1982-1988 гг.). На материалах из костниц эпохи средневековья распределение морфотипов на более локальные не представляется возможным. По этим же причинам нельзя обозначить и антропологический тип херсонитов, живших в городе в «темные века». Следует отметить, что факт присутствия черепов с комплексом признаков средиземноморской расы отмечен почти во всех типах погребальных сооружений [Дебец, 1948, с. 268; 1949, с. 343, 374-385, сл.; Зиневич, 1973, с.179; 190, 191, сл.]. В мужской группе, полученной из склепа № 86, они составляют больше половины (69%) от всего привлеченного для измерений материала, в женской – половину (50%). Представим более подробно информацию из отчета о раскопочных работах на данном объекте. «Склеп был построен и начал использоваться для захоронений,

характерно сочетание широкого черепа с широким, высоким уплощенным лицом (по вертикальной и горизонтальной профилировкам). Исходя из этой оценки, можно сказать, что удельный вес монголоидной примеси, которая примерно одинаково представлена на материалах из всех погребальных сооружений средневекового Херсона, был крайне мал. Анализ черепов из склепа № 86 показывает наличие уплощенности по горизонтали, при этом вертикальная профилировка, за исключением одного черепа (погр. 31, ¹), европеоидна. Нами был вычислен уровень концентрации черепов с монголоидными признаками в более репрезентативной группе, исследованной Г.Ф.Дебецом. Для мужской серии, полученной из усыпальниц X-XIII в.в. [Дебец, 1949, с. 374-379], таких черепов оказалось всего 3: 1 мужской из 99 черепов (ок. 1%) и 2 женских из 92 черепов (или 2%). В исследованной Г. П. Зиневич серии из «Храма с ковчегом» подобное сочетание признаков отмечено в одном случае из 8 [Зиневич, 1973, с. 158-159]. В серии из могил часовен [Рыжов, 1986, с. 7] обнаружен только один череп (погр.10, ²), который можно условно отнести к монголоидному типу: для него характерен слабо выступающий нос (23°) и уплощенность на горизонтальном уровне, но ширина лица при этом небольшая (125мм) [Назарова, 1990, с. 31]. По мнению Г.Ф. Дебеца, в антропологическом типе населения средневекового Херсона присутствует «несомненная», но «очень незначительная» монголоидная примесь [Дебец, 1949, с. 343].

Вопрос об истоках возникновения уплощенности в чертах брахикранного населения Херсона составляет предмет отдельного исследования. В поисках иноэтничных элементов мы обратились к т.н. болгаро-хазарскому кругу краниологических серий. Хазарский компонент следует рассматривать, вероятно, в том случае, если предположить принадлежность черепов с монголоидными признаками к VII-VIII вв. – времени появления хазар в Крыму и распространения ими своего влияния на большую часть полуострова. Вместе с тем использование для сопоставления отмеченных серий с херсонесскими оправдано тем обстоятельством, что в костницах соотнести находки костяков с определенными слоями удается крайне редко. С учетом этого, сравнительный анализ материалов из многослойных объектов следует проводить с возможно большим количеством разновременных групп.

Вопросам изучения болгарских и хазарских краниологических серий посвящена обширная литература [Дебец, 1948; Трофимова, 1949, 1956; Герасимова, 1956; Гинзбург, 1962; Герасимова, Рудь, Яблонский, 1987; Ефимова, 1991 и др.]. При межгрупповом сопоставлении средневековых серий, учитывая их смешанность, существует опасность «нивелировки» измерительных данных, что может привести к получению искаженной картины между сравниваемыми сериями. Мы использовали факторный анализ, который, помимо сравнения по комплексу признаков, учитывает также и корреляцию последних на индивидуальном уровне в каждой из групп. Были использованы десять наиболее употребимых линейных признаков (продольный, поперечный, высотный

(от базиона), скуловой диаметры; наименьшая ширина лба, высота лица, размеры носа и орбит) и три угловых (общий угол лица, назо-малярный и зиго-максиллярный). Факторный анализ, представленный в графическом исполнении, определил место херсонских серий (мужчины) – «Храм с ковчегом» X-XII вв., «Северный берег» XI-XIII вв., «Могилы в часовнях» XIII в. – вместе с болгарскими: они образовали одну большую группу. Краниологическая серия из склепа № 86 XII-XIII вв. оказалась далеко за пределами обозначенных объединений (рис. 1). Изучаемая группа черепов и при визуальном анализе имеет существенные отличия как с болгарскими, так и с синхронными херсонскими. Это подчеркивает ее своеобразие и позволяет занять свое специальное место в факторном поле. Определяющим аргументом в пользу отдаленности группы служит наличие большого удельного веса средиземноморцев, резко отличающихся от брахикранов.

Если монголоидная примесь проявляется в морфотипе херсонитов в незначительной степени, то уплощенность представлена в достаточном количестве. Определить роль болгарских групп в сложении средневекового населения Херсона достаточно непросто, учитывая прежде всего сложный состав населения болгарских центров [Герасимова, Рудь, Яблонский, 1987, с. 140-141] и херсонитов эпохи средневековья, что отразилось при их изучении даже внутри рассматриваемых популяций. В антропологическом типе населения Херсона прослеживается сочетание признаков, присущее т.н. «зливкинскому» типу, что отмечалось в работах исследователей [Дебец, 1949, с. 386; Зиневич, 1973, с.119]. «Зливкинский» тип, характеризующийся брахикранией, среднешироким, средневысоким лицом с умеренным выступанием носовых костей и тенденцией к уплощенности в горизонтальной плоскости [Ефимова, 1991, с. 24], отмечен и в болгарских сериях. Это сходство является объединяющим показателем для всех рассмотренных групп и не дает оснований исключать из антропологического типа херсонитов отмеченный вариант. Вместе с тем такой набор признаков имел очень широкое распространение на большой территории Юго-Восточной Европы. В поисках других, более «чувствительных» инструментов для определения сходства или отличия внутри массива брахикранов мы обратились к их описательным характеристикам. Возможным убедительным критерием, разграничивающим сходные по форме черепа, является оценка их массивности или грацильности. Исследователями ранее была отмечена грацильность брахикранных черепов из погребений средневекового Херсона [Зиневич, 1973, с. 178, 190], тогда как болгарские – характеризуются умеренным или массивным строением костей черепной коробки [Герасимова, Рудь, Яблонский, 1987, с. 85, 139; Ефимова, 1991, с. 22, 44]. Кроме этого, на черепах болгаро-хазарского круга не обнаруживается уплощенность затылочной части головы, что было зафиксировано на материалах из средневековых могильников Херсонеса [Дебец, Соколова, Зиневич: см. выше].

Наличие затылочной уплощенности на черепах из крымских могил в свое время отметил Г.Ф. Дебец [Дебец, 1948, с. 266; 1949, с. 341]. Позднее такое же наблюдение было сделано Ю.Д. Беневоленской, которая исследовала материалы из раскопок сельских могильников Юго-Западного Крыма VIII-X вв. – Гончарное, Родниковое и Пампук-Кая [Беневоленская, 1970, с.197; 201]. Причины такого явления, как брахикефализация, т.е. увеличение ширины черепа, пока не установлены; ученые связывают его с изменениями в питании, с переходом к оседлой жизни [Заллер, 1964, с.252] и другими. А.Н. Пулянос считает, что изменение формы головы может объясняться не только деформирующим влиянием колыбели (т.н. «бешик»), но также и изоляцией, особенностями почвы, питанием... [Пулянос, 1960, с. 7, 9]. В настоящее время не вызывает сомнений глобальный характер процесса брахикефализации, который особенно интенсивно стал проявляться примерно с эпохи средневековья [см., напр.: Дебец, 1949, с. 344; Алексеев, 1989, с. 124, сл.]. По мнению А.Н. Пуляноса, на территории Восточного Средиземноморья в конце римского и особенно в византийское время черепной указатель увеличивается [Пулянос, 1960, с. 8], и резко выраженный европеоидный брахикефальный комплекс находит широкое распространение на различных территориях расселения греков [Пулянос, 1962, с. 117]. Брахикранной формой черепа характеризуется и малоазийское население [Vallois, 1939, p. 181; Еремеев, 1971, с. 27]. И, хотя в распоряжении антропологов нет измерительных данных синхронных малоазийских серий, можно предположить, что брахикранный европеоидный компонент, имевший распространение на территории Малой Азии и юга Балканского полуострова [Еремеев, 1971, с. 27, 222-226; Алексеев, 1989, с. 335], мог иметь место в составе средневекового населения Херсона [Назарова, 2006].

В первой половине VIII в. в Таврике усиливается процесс византинизации в связи с массовой эмиграцией малоазийских греков из Византии в период иконоборческих гонений [Якобсон, 1959, с. 44; Баранов, 1986, с. 240]. В настоящее время исследователи не склонны преувеличивать масштабы эмиграции иконопочитателей [Романчук, 2000, с. 78; Сорочан, 2005, с. 493]. Вместе с тем в Юго-Западном Крыму антропологически фиксируется появление принципиально нового – брахикранного, европеоидного, достаточно грацильного населения. Весьма представительные краниологические коллекции из могильников «пещерных городов» могут свидетельствовать о количественном преобладании его по сравнению с долихо-мезокранным (или же этим материалам было уделено большее внимание исследователей). Европеоидные брахикраны составляли ядро населения «пещерных городов» (Мангупа и Эски-Кермена), сельских поселений (Гончарное, Родниковое, Пампук-Кая) и определенную часть населения средневекового Херсона. К этому следует добавить, что проведенный нами с помощью коэффициента корреляции [Рогинский, 1954] внутригрупповой анализ материала из могильников «пещерных городов» Крыма [Дебец, 1949, с. 354-374] указывает на довольно однородный состав

Напротив, черепа с небольшим продольным диаметром имеют большой поперечный, более широкое лицо, широкий лоб и т.д. Несмотря на различную степень сохранности костного материала, а также на определенное смешение морфотипов в средневековых сериях, которые могли бы повлиять на результаты анализа с использованием коэффициента корреляции, апробированный метод представляет довольно четкое направление распределения комплексов антропологических типов во времени. Группировка краниологических серий по комплексу признаков в трехмерном пространстве указывает на то, что серии из склепов II-VII вв. н.э. (1), грунтовых могил некрополя Херсонеса I-IV вв. н.э. (2) и Керкинитиды IV в. до н.э. (3) выделяются на фоне средневековых херсонесских групп. Наиболее близкими оказались серии из некрополей Херсонеса и Керкинитиды, сгруппировавшись в «плюсовом» поле второго фактора. Серия из склепов II-VII вв. н.э. находится в «минусовом» поле первого фактора, но по высоте вертикали она имеет несомненное сходство с отмеченными выше сериями. Средневековые краниологические серии распределены дисперсно по полям факторов, но также сходны между собой по высоте вертикали (рис. 2). Подобное размещение серий в пространстве отражает реальную картину динамики антропологических типов херсонесских серий во времени. С целью анализа распределения морфотипов отмеченных выше серий, а также выявления в них других этнических элементов, было проведено составление возможных вариаций сочетания признаков. Последнее проводилось по трем факторам [Чеснис, 1990]. Полученные восемь моделей вариантов показали некоторую отягощенность конструкции, поэтому мы упростили задачу и провели анализ по двум факторам. Отметим, что в третьем факторе (I вариант) с цифровыми показателями свыше 0,5 оказалось всего два размера: высота носа (+0,807) и ширина орбиты (-0,560). Во втором варианте (после ротации) завышенным остался размер высоты носа (+0,916) и зигомаксиллярного угла (+0,809). Таким образом, отказавшись от третьего фактора, мы построили модели возможных вариантов сочетания признаков по двум, наиболее значимым. Кроме этого, из 13 признаков (по Мартину: 1, 8, 17, 9, 45, 48, 51, 52, 54, 55, 77, угол Zm' , 72: табл. 1), мы использовали 6 (1, 8, 17, 45, 48, 54), где цифровые показатели превышают необходимый барьер в 0,5 единицы (табл. 2).

Таблица 1.

Нагрузки невращенных факторов на признаки 15 херсонесских серий (IV в. до н.э. – XIII в. н.э.)

Признаки	1фактор	2фактор	Признаки	1фактор	2фактор
45	0.881	-0.061	9	0.520	0.749
8	0.859	0.211	77	-0.304	-0.774

17	-0.799	0.374	$\angle Zm'$	0.480	-0.583
48	0.790	0.017	55	0.208	-0.396
1	-0.723	0.084	51	0.388	-0.363
54	0.578	-0.335	72	-0.161	0.350
52	0.572	0.606			

Таблица 2.

Нагрузки вращенных факторов на признаки 15 херсонесских серий (IV в. до н.э. – XIII вв.)

<i>I вариант</i>				<i>II вариант</i>			
45	+	52	+	45	+	52	-
8	+	9	+	8	+	9	-
17	-	77	-	17	-	77	+
1	-	$\angle Zm'$	-	1	-	$\angle Zm'$	+
54	+			54	+		
48	+			48	+		
<i>III вариант</i>				<i>IV вариант</i>			
45	-	52	+	45	-	52	-
8	-	9	+	8	-	9	-
17	+	77	-	17	+	77	+
1	+	$\angle Zm'$	-	1	+	$\angle Zm'$	+
54	-			54	-		
48	-			48	-		

I вариант состоит из укороченных форм черепов с небольшим высотным диаметром, с широким лицом, с большой высотой лица, сочетающиеся с резкой горизонтальной профилировкой; II вариант составил тот же комплекс признаков, что и в I, но с уплощенностью на уровне назо-малярного и зигомассиллярного углов; III вариант составили европеоидные черепа, характеризующиеся длинным и узким черепом, сочетающимся с узким и низким лицом и узким носом; IV вариант образован тем же комплексом признаков, что и III, но с уплощенностью на уровне горизонтального профиля.

Таким образом, анализ херсонесских серий с помощью данного факторного анализа подтверждает возможность существования в морфологическом облике населения города от эллинистического до позднесредневекового

времени включительно краниологических вариантов, которые мы можем сопоставить с их носителями. Не вызывает сомнений тождественность средиземноморского типа, характеризующегося мезо-долихокранией, узким лицом и европеоидными чертами с греческим населением (III вариант). Морфологические черты, сходные с предыдущими, но отличающиеся уплощенностью (IV вариант), возможно, характеризуют одну из групп сармато-аланского населения. Европеоидные брахикраны – основной антропологический тип средневекового Херсона, – являющиеся предположительно потомками малоазийских греков, представляют I вариант. Со II вариантом может быть связана часть населения, характеризующаяся брахикранией в сочетании с уплощенностью лицевого профиля, элементы которой следует связывать, видимо, со «зливкинским» морфотипом. Вторым возможным объяснением этому может служить предположение, что пришедшее малоазийское население могло быть носителем отмеченного комплекса признаков.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.
- Алексеев В.П.* Историческая антропология и этногенез. М., 1989.
- Баринов И.А.* Памятники раннесредневекового Крыма//Археология Украинской ССР. Т.3. К., 1986. С. 231-248.
- Беневоленская Ю.Д.* Антропологические материалы из средневековых могильников Юго-Западного Крыма.–Прил. к кн.: Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики//МИА, 1970. №168. С. 196-223.
- Герасимова М.М.* Скелеты древних болгар из раскопок у с. Кайбелы //ТИЭ. 1956. Т. 33.
- Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т.* Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.
- Гинзбург В.В.* Антропологические данные по этногенезу хазар. Предварительное сообщение. СЭ. № 2. 1962. С. 81-86.
- Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР //ТИЭ. Т.14. 1948.
- Дебец Г.Ф.* Антропологический состав населения средневековых городов Крыма// СМАЭ. Т.12. 1949. С. 333-386.
- Еремеев Д.Е.* Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971.
- Ефимова С.Г.* Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М., 1991.
- Заллер К.* Коррелятивная изменчивость размерных признаков черепа, ее значение для истории расовых «типов» и для расогенеза//Современная антропология. М., 1964. С. 244-261.
- Зиневич Г.П.* Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. К., 1973.
- Зубарь В.М., Буянтян Е.П., Шевченко А.В.* Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса в 1986 г. НА ИА НАНУ. 1987/7а. Киев- Севастополь. 1986.
- Зубарь В.М., Буянтян Е.П., Шевченко А.В.* Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса в 1987 г. НА ИА НАНУ. 1987/9. Киев- Севастополь. 1987.
- Зубарь В.М.* Этнический состав населения Херсонеса Таврического первых веков н.э. (по материалам некрополя)// Материалы к этнической истории Крыма. К., 1987. С.78-105.
- Зубарь В.М., Дорофеев В.В., Ушаков С.В.* Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса. НА ИА НАНУ. 1988/10в. К., 1988.
- Иванов А.В.* Антропологический материал из раскопок часовни в квартале X «Б» Херсонеса 1996г. //ХС. № 9. 1998. С.254-265.

Т.О. Назарова

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧНЕ ДОСЛІДЖЕННЯ ПОХОВАНЬ
ЗІ СКЛЕПУ № 86 НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА

Резюме

Антропологічне дослідження такого об'єкту, який існував впродовж 13 століть, дає унікальну можливість прослідкувати динаміку розподілу морфологічних типів Херсонеса – Херсона в часі. Населення, поховане в склепі № 86, різко ділиться на два основні антропологічні типи: мезо-доліхокранний та брахикранний. В рамках останнього, переважаючим є європеїдний антропологічний тип; в незначному ступені спостерігається домішка монголоїдна. Мезо-доліхокранний грацильний морфотип ідентифікується з грецьким етносом і складає майже половину зі всього розглянутого матеріалу. Можливо, що представники середземноморської раси зберегли свої риси в часі, не розчинившись в прийшлому суперстраті.

З VIII ст. Криму з'являється брахикранне європеїдне населення, походження якого досі залишається нез'ясованим; шіркм вірогідне його малоазійське походження. Елементи сплюсненості лицьового відділу в рисах брахикранного населення середньовічного Херсона слід зв'язувати, мабуть, з «злівкинським» варіантом. Другим можливим поясненням може служити припущення, що частина прийшлого з Малої Азії населення мала в своїх рисах відмічену сплюсненість.

Т.А. Назарова

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ
ИЗ СКЛЕПА № 86 НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА

Резюме

Антропологическое исследование такого объекта, который существовал на протяжении 13 веков, дает уникальную возможность проследить динамику распределения морфологических типов Херсонеса–Херсона во времени. Население, похороненное в склепе № 86, резко делится на два основных антропологических типа: мезо-доліхокранний и брахикранний. В рамках последнего преобладающим является европеидный антропологический тип; в незначительной степени наблюдается монголоидная примесь. Мезо-доліхокранний грацильный морфотип идентифицируется с греческим этносом и составляет почти половину из всего рассмотренного материала. Возможно, что представители средиземноморской расы сохранили свои черты во времени, не растворившись в пришлом суперстрате.

С VIII в. Криму появляется брахикранное европеидное население, происхождение которого пока остается невыясненным; вполне вероятно его малоазийское происхождение. Элементы уплощенности лицевого отдела в чертах брахикранного населения средневекового Херсона следует связывать, видимо, со «злівкинским» вариантом. Вторым возможным объяснением может служить предположение, что часть пришлого из Малой Азии населения имела в своих чертах отмеченную уплощенность.

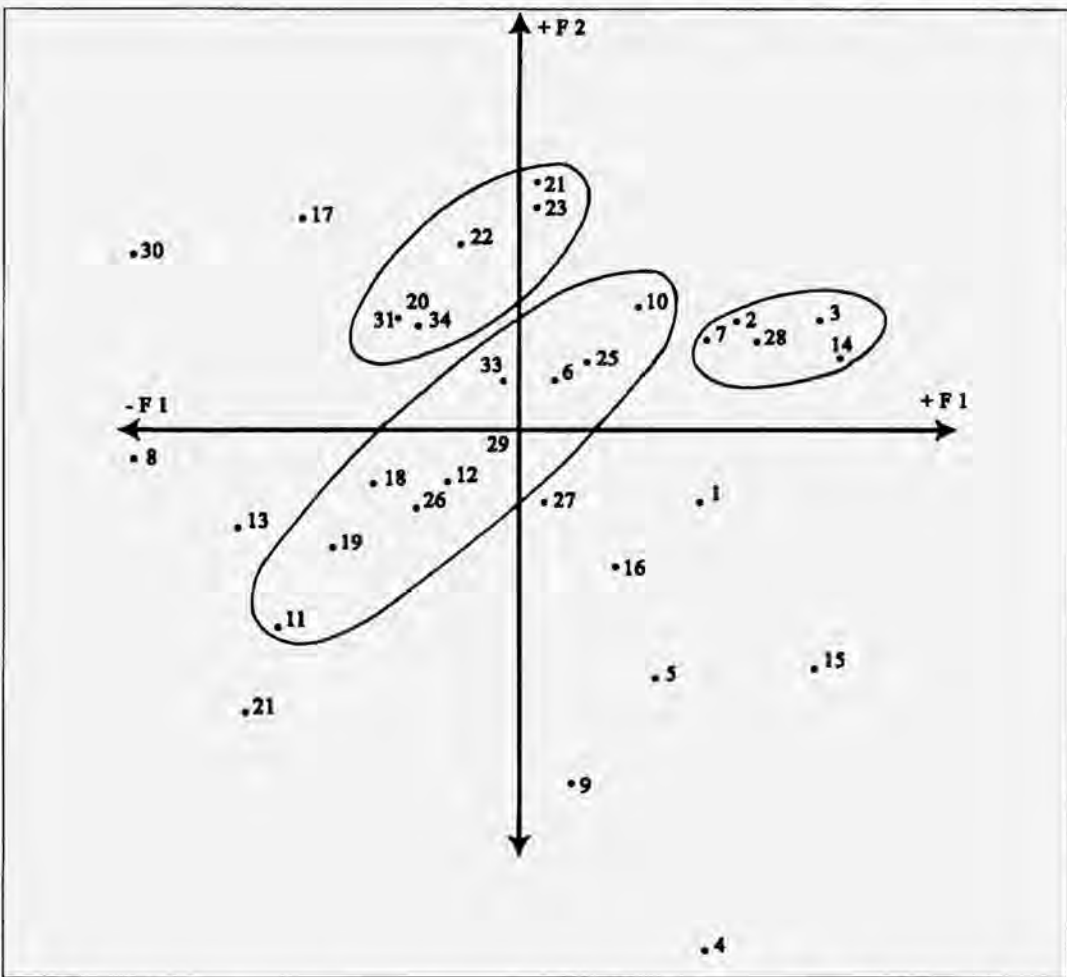

Рис. 1. Графическое сопоставление мужских черепов из могильников Юго-Западного Крыма и средневековых серий (по результатам факторного анализа)

1. Эски-Кермен, базилика, XI-XII вв. 2. Эски-Кермен, XII-XIII вв. 3. Эски-Кермен, погр. при баз., к. I-н. II тыс. 4. Эски-Кермен, грунт. мог., к. I-н. II тыс. 5. Эски-Кермен, усып., к. I-н. II тыс. 6. Мангуп, XII-XIII вв. 7. Мангуп, погр. при баз., VIII-XV вв. 8. Судак, VIII-XII вв. 9. Склеп № 86, XII-XIII вв. 10. Херсон, «Могилы в часовнях», XIII в. 11. Херсон, «Храм с ковчегом», X-XII вв. 12. Херсон, «Северный берег», XII-XIII вв. 13. Каиры, XI-XII вв. 14. Гончарное, VIII-X вв. 15. Пампук-Кая, VIII-XIII вв. 16. Заречное, X-XII вв. 17. Керчь, VIII-XIV вв.	18. Волжские булгары, X-XIII вв. 19. Биляр, X-XIII вв. 20. Болгары, «Четырехугольник», X-XIII вв. 21. Болгары, «Бабий бугор», XII-XV вв. 22. Болгары, «Минарет», XIII-XV вв. 23. Большетурханский мог. (сельский), VIII-IX вв. 24. Кайбельский мог. (сельский), VIII-IX вв. 25. Кайбельский мог. (сельский), X-XII вв. 26. Танкеевский мог. (сельский), VIII-IX вв. 27. Старокуйбыш. мог. (сельский), X-XII вв. 28. Мари-Луговской мог. (сельский), X-XIV вв. 29. Измерский мог. (сельский), XI-XIII вв. 30. Салтов, VIII-IX вв. 31. Болгары, VIII-X вв. 32. Половцы, XI-XIII вв. 33. Зливки, VIII-XII вв. 34. Саркел (Дон), Б.Курган, X-XII вв.

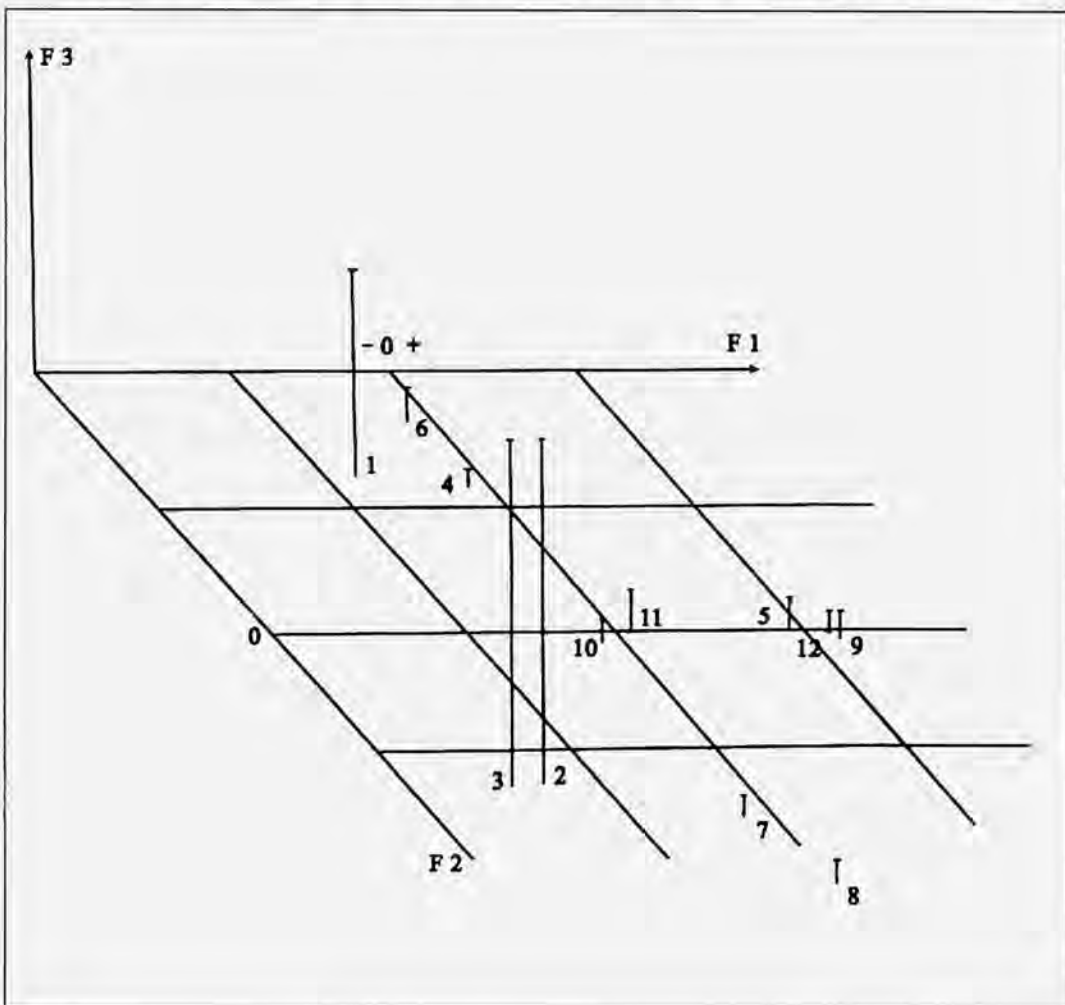

Рис. 2. Распределение херсонесских серий по результатам факторного анализа в трехмерном пространстве

1. Склепы, II-VII вв. (В.М. Зубарь; Т.А. Назарова)
2. Грунтовые могилы, I-IV вв. (В.М. Зубарь; Т.А. Назарова)
3. Керкинитида, IV в. до н.э. (В. А. Кутайсов, С.Б. Ланцов; Т.А. Назарова)
4. Склеп № 86, XII-XIII вв. (В.М. Зубарь; Т.А. Назарова)
5. Могилы в часовнях, XIII в. (С.Г. Рыжов; Т.А. Назарова)
6. «Храм с ковчегом», X-XI вв. (О.И. Домбровский; К.Ф. Соколова, Г.П. Зиневич)
7. Северный Берег, XI-XIII вв. (Г.Д. Белов; Г.П. Зиневич)
8. Западные стены, усыпальница, XI-XIII вв. (И.А. Антонова; Г.П. Зиневич)
9. Одноапсидный храм, XI-XII вв. (О.И. Домбровский; Г.П. Зиневич)
10. Могилы в усыпальницах, XI-XIII вв. (Г.Д. Белов; Г.Ф. Дебеч)
11. Гробницы в часовнях храмов XIII-XIV вв. (Г.Д. Белов; К.Ф. Соколова, Г.П. Зиневич)
12. Могилы в часовнях, XIII в. (С.Г. Рыжов; Т.А. Назарова)

Л.А. КОВАЛЕВСКАЯ, Т. САРНОВСКИ

СЕЛЬСКИЕ УСАДЬБЫ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В РИМСКОЕ ВРЕМЯ. ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ УКРАИНСКО-ПОЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Херсонес Таврический, как каждый античный город, имел свою сельскую территорию (греч. *chora*), которая снабжала его жителей продуктами питания. Почти сразу после основания города на скалистом берегу Карантинной бухты греческие колонисты приступили к осваиванию прилегающих земель Гераклейского полуострова (рис. 1), территория которого почти полностью вошла в состав так называемой ближней хоры Херсонеса. Сначала были освоены земли в окрестностях города и на Маячном полуострове. Постепенно к концу IV в. до н.э. были закончены работы над пространственной организацией главной части хоры [Saprykin, 1994; Николаенко, 1999; Carter, 2000; Зубарь, 2007]. Насчитывающая около 12 тысяч га поверхность Гераклейского полуострова была поделена более чем на 400 регулярных, в плане близких к прямоугольнику, земельных участков. Греческие колонисты умело использовали свой агротехнический опыт, приобретённый ещё в метрополии Геракле Понтийской и превратили скалистый полуостров в цветущий сад. Каждый земельный надел занимал площадь около 26-30 га и имел размеры около 420 x 630 м. Внутренняя площадь наделов была поделена на участки размерами 210 x 210 м. Границами наделов и участков служили каменные стены, достигающие высоты 1,5 м. На территории сельской округи Херсонеса выращивали различные сельскохозяйственные культуры: огородные растения, плодовые деревья, но, прежде всего, виноград, который в основном перерабатывался на вино. На земельных наделах были построены усадьбы и заложены хозяйства, в которых проживало сельское население, обрабатывалась и хранилась сельскохозяйственная продукция. Обычно, каждая усадьба имела усиленную башню, колодец, двор и размещённые вокруг него хозяйственные помещения. Одновременно с освоением близлежащих земель жители Херсонеса начинают проникать в конце V – начале IV в. до н.э. на территорию Северо-Западного Крыма. Но там в конце III в. до н.э. в результате изнуряющих войн со скифами Херсонес утратил свои владения. Под угрозой оказались также близлежащие земли Гераклейского полуострова, подверглась разрушению часть сельских хозяйств. В течении последующих двух столетий ближняя хора Херсонеса была ареной множества драматических событий, связанных первоначально с набегами скифов, а позже – сарматов.

Значительно более спокойную ситуацию Херсонес и его округа переживают в II - начале III вв. н.э., на что, несомненно, большое влияние оказывало присутствие римских войск в Херсонесе и Балаклаве. К существующей греческой системе взаимного предупреждения, функционирующей между сельскими усадьбами, расположенными поблизости границ территории херсонесского государства, римляне добавляли свои военные посты [Сарновски, Ковалевская, 2004, с. 40-50]. Два таких пункта были исследованы в последние годы совместной украинско-польской экспедицией на высоте Казацкая и в урочище Кавказ Баир [Sarnowski, Savelja, Karasiewicz-Szczypiorski, 2007]. В пространственной организации сельской территории Херсонеса Таврического в это время произошли незначительные изменения, выразившиеся, прежде всего, в корректировке границ земельных наделов, что было, скорее всего, связано с процессом увеличения размеров земельных владений [Журавлёв, Зубарь, Сорочан, 2004, с. 188-200].

В первой половине III в. н.э. земли, окружающие Херсонес, снова были подвержены разрушению. В это время гибнет большинство сельских усадеб и только на некоторые из них позднее возвращается жизнь. Главную роль в сельском хозяйстве начинает играть скотоводство. В IX-X вв. население сельской территории Херсона главным образом проживало в небольших поселениях. Что же касается более позднего периода, мы располагаем исключительно редко фиксируемыми остатками поселений; жизнь на сельской территории средневекового города, постоянно подвергающегося набегам кочевников, скорее всего, постепенно замирает.

Гераклейский полуостров имеет форму треугольника, окружённого морем с северной и юго-западной сторон; от остального Крыма его отделяют Караньские высоты и Сапун-гора. Территория полуострова представляет собой плоскую равнину, пересекаемую достаточно глубокими проветриваемыми балками, направленными в северную и северо-западную стороны. До настоящего времени на поверхности полуострова заметны следы древней размежёвки. На спутниковых фотографиях и аэрофотосъёмке, а зачастую также на местности, видны сохранившийся во многих местах главные дороги, разделяющие наделы, стены между участками и плантажные стенки. На некоторых земельных наделах прослеживаются остатки сельских усадеб и поселений. К прочим элементам освоения территории древними жителями Херсонеса также относятся места погребений, водопроводы и другие гидротехнические сооружения. Все перечисленные выше древние сооружения, зарегистрированные на картах и планах начиная с конца XVIII в., были и до сих пор являются предметом исследования археологов, прежде всего, украинских, а также российских экспедиций. В 90-х годах к исследованию данных памятников присоединилась американская экспедиция, а в последнее время также экспедиция Института Археологии Варшавского университета.

Микрорегионом исследований совместной украинско-польской экспедиции¹ является верховье Верхне-Юхариной балки, расположенной в приграничной зоне сельской территории Херсонеса Таврического (рис. 2). В основе нашего интереса к приграничной зоне Херсонесского государства лежат те же взгляды, что и в случае более ранних польско-украинских исследований римских военных пунктов в Балаклаве и на кромке Сапун горы. Мы уверены в правильности мнения, что самые важные процессы и события в истории каждого государственного организма оставили самые выразительные следы не только в самом центре, но также и на его границах. Важность изучения памятников археологии на данной территории усиливается с точки зрения угрозы их полного уничтожения в результате человеческой деструктивной деятельности последних лет.

В исследовании памятников археологии в микрорегионе Верхне-Юхариной балки нами применяются следующие методы:

- работа с архивными материалами;
- анализ данных, полученных в результате аэрофотосъёмки, спутниковых съёмок и фотографий, сделанных с небольшой высоты (воздушный змей-зонд);
- геодезические обмеры;
- археологические изыскания;
- геофизические изыскания на основе электросопротивления выбранных объектов;
- раскопки археологических объектов, находящихся под угрозой уничтожения;
- анализ костного материала, пыльцы и микроостатков растительности.

Охваченная исследованиями территория насчитывает около 5 кв. км. Одним из первых результатов нашей деятельности является предварительная версия археологической карты микрорегиона, главные элементы которой составляют остатки древних усадеб. Также имеются следы водопровода.

¹ Экспедицией руководит с украинской стороны Л.А. Ковалевская (Крымский филиал Института Археологии Национальной Академии Наук Украины, Симферополь) и с польской стороны Т. Сарновски (Департамент Археологии Римских провинций, Институт Археологии Варшавского Университета). В раскопках и в обработке полученного материала, кроме того, участвовали И.Ю. Суханова (Национальный Заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь), Я. Канишевски, М. Богатски, И. Пьонтковска-Малэцка (Институт Археологии Варшавского университета), К. Мисевич (Институт Археологии и Этнологии Польской Академии Наук), Р. Стахович-Рыбка (Институт Ботаники, Польская Академия Наук, Краков), Х. Винтер (Польский Геологический институт, Варшава), М. Крайцаж (Институт Геологии Варшавского Университета), М. Дашкевич (Archea, Варшава). Раскопки проведены благодаря самоотверженной работе около 50 студентов археологии Варшавского Университета. Скромное финансирование происходит, прежде всего, из бюджетных средств ИА ВУ. В 2006 и 2007 гг. Имели серьёзную помощь со стороны Министерства Культуры и Национального Наследия (Программа 4; договор 3797/FPK/2006/DOZ-MCh).

остатки двух круглых структур и единичные остатки неопределённых объектов. В настоящее время дно Верхне-Юхариной балки занимают огороды и летние домики, в то же время достаточно крутые склоны балки и возвышенности покрыты степной растительностью, местами имеется высаженный в 60-х годах сосновый лес. На небольшом расстоянии от двух античных усадеб до настоящего времени функционируют два источника воды. Источник, расположенный на юго-запад от усадьбы 344 имеет дебит воды в 140 литров в час, а источник, находящийся сравнительно недалеко от усадьбы, 363 - 210 литров в час (замеры проведены в июле 2007 года).

В микрорегионе Верхне-Юхариной балки в настоящий момент нами отмечено более 15 археологических памятников типа сельских усадеб. На четырёх из них (Усадьбы 340, 343, 344 и 363) были осуществлены как геофизические исследования, так и раскопки, а на одном (Усадьба 341) проведены только геофизические работы.²

Усадьба 340

Усадьба и земельный надел 340 находится в Балаклавском районе г. Севастополя, расположена на северном склоне Верхне-Юхариной балки, на территории современного городского кладбища. Усадьба занимает небольшое возвышение, поверхность которого покрыта травами. Памятник археологии и его охранный зона сильно нарушены раскопами грабителей и загрязнены современным строительным и бытовым мусором.

Систематические раскопки на территории усадьбы были начаты в 1986 году в связи с расширением площади кладбища. С этого времени археологические работы на усадьбе продолжаются с небольшими перерывами до настоящего времени.

Сельская усадьба 340 (рис. 3) была основана в период размежёвки поверхности Гераклейского полуострова на земельные участки, в зоне сельской территории Херсонеса Таврического. Жизнь на усадьбе продолжалась в римский период и средневековье, почти до X-XII века. В настоящий момент открытые остатки каменной застройки занимают общую поверхность более 900 кв. м. Строение ориентировано углами по сторонам света. Памятник археологии является многослойным, мощность культурных напластований местами достигает более 2 м. Более ранние раскопки выявили башню, стены которой с четырёх сторон окружены дополнительной каменной кладкой, названной местными археологами «противотаранный пояс» [Зубарь, 2007, с. 206-208; Carter et al., 2000, p. 730]. Размеры башни по внешнему периметру достигают 11,5 x 13,5 м. Внутреннее пространство башни стеной поделено на два помещения; в юго-восточном помещении находился

² В нумерации объектов придерживаемся схемы, разработанной И.Т. Кругликовой, Земельные наделы Херсонеса Таврического, КСИА 168, 1981, с. 9-16 и Г.М. Николаенко Хора Херсонеса Таврического, часть I, Севастополь 1999, 83.

колодец глубиной 3,20 м, в то время как северо-западное служило складом, где в глиняных пифосах хранились продукты питания. Центральную часть всего строения усадьбы занимал двор, вымощенный массивными каменными плитами. С трёх сторон двора анфиладой располагались хозяйственные помещения [Ковалевская, 1998, с. 89-99; Ковалевская, Шевченко, 2003, с. 89-91].

Параллельно исследованиям, проводимым в пределах видимых остатков застройки усадьбы в 2005 году, мы приступили к работам с целью определения общей площади, занимаемой археологическим памятником. Работы были сконцентрированы на Северо-Западном участке площадью около 150 кв.м, который расположен на расстоянии около 30 м на северо-запад от исследованной раннее части усадьбы. Были выявлены руины строения, в котором, по-видимому, самым важным элементом было помещение винодельни (рис. 4 и 5). Так же как на изученной части усадьбы, углы данного строения были ориентированы по сторонам света. Помещение винодельни занимает площадь около 35 кв.м и имеет размеры 7,0 x 5,0 м. Сохранились только северный и южный углы. Три стены помещения (1, 5 и 6), сохранились максимально на высоту 0,45 м, были построены из небольших, нерегулярно обработанных камней известняка, соединённых землёй. Толщина стен составляет от 0,60 до 0,70 м. Стены сооружены на скале, местами – на материковом суглинке. Четвёртая стена (3) имеет более сложную конструкцию, её толщина достигает на одном конце 0,90 м, на другом – 1,25 м. В некотором моменте стена была, скорее всего, перестроена; её северо-западное лицо составляет прямой угол не с вышеописанными стенами, а со стенами 2 и 4 соседнего помещения. В стенах 1 и 5, расположенных параллельно, имеются два прохода шириной 0,80 и 0,40 м соответственно.

Внутреннее пространство винодельни было исследовано до самой скалы, на которой местами имеются следы подтёски до ровной поверхности. Под гумусом выявлено два слоя: слой каменного завала и слой со следами пожара. Общая мощность культурных напластований достигает 0,45 – 0,65 м. Внимание обращает нерегулярное расположение горелых пятен и рыхлой сыпучей земли. В углах стен 3 и 5 сконцентрировано большое количество кусков древесного угля, а также обожжённых фрагментов столовой керамики и черепицы. В центральной части помещения на скале выявлена подсыпка из мелко побитых фрагментов черепицы.

К стене 3 примыкает сооружённая на скале прямоугольная платформа, выполненная из камней, соединённых глиной, размерами 1,80 x 1,35 м и высотой 0,30 м. Верхняя поверхность платформы покрыта тонкой прослойкой светло-коричневой глины с розовым оттенком, заглажена. В северо-западной части помещения, где находится платформа, наблюдается ряд из шести нерегулярных камней, достаточно ровно поставленных вдоль линии, параллельной стене 3. Все камни имеют следы покрытия глиной. Почти в центре помещения находятся в одном ряду три квадратных углубления, выбитых в скале, размерами 1,05–1,15 x 1,10–1,30 м. Без сомнения, имеем дело с приёмниками для

сока винограда. Заполнение углублений, исследованных на глубину от 0,15 до 0,50 м, значительно отличается от стратиграфии помещения и содержит достаточно твёрдый светло-коричневого цвета грунт с немногочисленными фрагментами керамики. Стенки приёмников покрыты своего рода штукатуркой жёлто-розового цвета (цемянка). Внутри каждого приёмника был обнаружен пифос с отбитой верхней частью тулова. Пифосы содержали тёмную мягкую землю со следами горения и древесными угольками. В одном из пифосов нашли 11 зёрен пшеницы (*Triticum sp.*) и плод спорыньи (*Polygonum sp.*), в другом – большие куски сгоревшего дерева сосны (*Pinus sylvestris*)³, в третьем – кости крупного рогатого скота.

Около стены 6 в юго-восточной части помещения находилась выбитая в скале прямоугольная яма размерами 1,0 x 0,8 м и глубиной 0,45-0,50 м. В яме размещён принадлежащий прессу двухсоставной камень-противовес с общими размерами 0,50 x 0,75 x 0,90 м. На верхней и боковых поверхностях противовеса видны продольные углубления шириной от 10 до 35 см и глубиной до 10 см. В восточном и южном углах помещения, а также вдоль стены 1, обнаружены пять не совсем круглых ямок, выбитых в скале, глубиной от 11 до 44 см. Диаметр ямок изменяется от 16 до 32 см.

К сожалению, внутренние элементы оборудования открытой нами винодельни не сохранились настолько хорошо, чтобы мы могли точно реконструировать процесс производства вина. Более всего разрушены платформы для выдавливания винограда. Только на основании сохранившихся приёмников для сока винограда можем предполагать, что имелось соответственно три платформы [Гайдукевич, 1958, с. 410, рис. 57; Винокуров, 1999, с. 36-38, рис. 38-40]. Относительно хорошо сохранилась твёрдая поверхность (платформа), на которой лежала когда-то каменная плита, служащая для принятия мезги, обрабатываемой позднее прессом. Если наше предположение, в пользу которого, между прочим, говорит и положение противовеса на противоположной стороне помещения напротив этой платформы, является верным, то балка рычага могла достигать длины 7,0 м. По обе стороны центральной платформы, скорее всего, находились две боковые площадки, на которых вино давилось ногами. Можно допустить, что редко расположенные камни со следами глиняного покрытия, а также концентрация мелко побитой черепицы, являются остатками субструктуры под упомянутые боковые платформы. Обычно платформы достигали приёмников для сока, отсюда их длина в нашем случае равнялась бы 3,30 м. К сожалению, не сохранились сливы, по которым стекает сок в приёмники и которые могли бы послужить доказательством нашего предположения. Внимание обращает двухсоставной камень-противовес давилочного пресса, который

³ Идентификация макроостатков растений проведена д-ром Р. Стахович-Рыбка. Ср. Г. Пашкевич Современное состояние палеоботанических исследований Херсонеса // ХСБ вып. 15, 2006, с. 165-179.

своей конструкцией напоминает аналогичные элементы в винодельнях Тиритаки [Гайдукевич, 1958, с. 420, рис. 66-67]. Похоже, что в обнаруженной нами винодельне использовался рычажно-винтовой пресс [Андрущенко, 2005, с. 45-52, рис. 7, 8], хотя не исключены другие варианты [Frankel, 1999, s. 156].

Керамический материал, обнаруженный в ходе исследования винодельни, относится в основном к римскому времени [Зеест, 1960, с. 111-117, табл. XXX-XXXII, XXXVII; Внуков, 2003, с. 52, 110, рис. 13,43; Уженцев, Юрочкин, 1998, с. 100-109; Шелов, 1978, с. 18, рис. 4,6]. Диагностическими для датировки объекта являются следующие археологические находки: херсонесская монета (*tetrassarion*) 96 года [Анохин, 1977, с. 150-155, табл. XVI 2,3 №№ 236,237], найденная на поверхности стены 5, два светильника типа Loeschcke VIII [Loeschcke, 1919, p. 305] (рис. 6), в том числе один из них найден в яме под противовес, в которой обнаружен также фрагмент краснолаковой чашечки (*Pontic sigillata*, form 5) [Hayes, 1985, p. 94, pl. XXIII 6]. Наиболее вероятное время функционирования винодельни II-III вв н.э. Строительные остатки свидетельствуют о существовании двух периодов в работе винодельни: в первом периоде сок стекал в квадратные приёмники, во втором – в эти приёмники были помещены пифосы, в результате чего значительно уменьшился объём производимого вина.

Важно отметить уникальность винодельни, обнаруженной на земельном наделе 340 для всей сельской округи Херсонеса Таврического. До сих пор были известны винодельни, как правило, с двумя платформами для выжимания сока, которые относились к эллинистическому времени. Ближайшие аналогии находим, прежде всего, в самом Херсонесе – дом винодела [Андрущенко, 2005, с. 45-52, рис. 7, 8], также винодельни данного типа были широко распространены в первых веках на Боспоре [Гайдукевич, 1958, с. 410-420].

Кроме того в границах самой усадьбы 340 археологические исследования были продолжены на небольшой площади в северной части постройки, где были выявлены помещения 16 и 18 размерами соответственно 5,50 x 4,50 м и 3,10 x 3,60 м. Помещение 16 соединялось узким проходом с внутренним двором. В данный момент не располагаем достаточной информацией, позволяющей определить функциональное назначение обоих помещений.

Интересные результаты дал археозоологический анализ костей животных с усадьбы 340.⁴ Среди костей млекопитающих (269) определено по видам 76,5 % всего материала. Среди домашних животных обнаружено: костей овцы и козы (59 %), крупного рогатого скота (30,5 %), свиньи (4,46 %) и коня (4,83 %).

Усадьба 341

На усадьбе, которая расположена в центральной части Верхне-Юхариной балки, на её северо-восточном склоне, как уже упоминалось, были осуществлены только геофизические исследования методом электросопротивления

⁴ Автором анализа является И. Пьонтковска-Малэцка (Институт Археологии ВУ).

(рис. 5).⁵ Анализ измерений позволил выделить два прилегающие друг к другу комплекса архитектурных объектов. Первый, с западной стороны, занимал поверхность размерами около 30,0 x 30,0 м, похоже, окружённую стеной. В его пределах, скорее всего, находилась прямоугольная башня размерами около 12,0 x 10,0 м. Круглая в плане аномалия внутри башни является, наверно, цистерной или колодезем. На восток зафиксировано строение трудное для определения, которое занимало поверхность размерами, по крайней мере, 20,0 x 10,0 м.

Усадьбы 343 и 344

Комплекс усадеб земельных наделов 343 и 344 находится на равнинной, покрытой степными травами террасе водораздела между Верхне-Юхариной балкой и балкой Бермана. С западной стороны видимых остатков древнего сооружения проходит асфальтированная дорога, соединяющая уже несуществующую военную часть с районом 5 км Балаклавского шоссе. В современном состоянии комплекс древних объектов составляют, прежде всего, две похожие прямоугольные башни, отдалённые одна от другой приблизительно на 30,0 м и отделённые античной дорогой направлением юго-восток – северо-запад, согласно с размежёвкой всего Гераклеяского полуострова. Именно по причине схожести расположенных близко друг от друга башен, памятник археологии получил название «Близнецы» [Николаенко, 2001, с. 128]. С севера к комплексу примыкают две круглые структуры (рис. 7, 8).

Первые археологические работы на усадьбе были проведены в 1987-1990 годах. Была полностью исследована одна из двух круглых структур, имеющая большие размеры, внутренний диаметр которой достигает 7,0 м. Внутреннее пространство строения поделено стеной, имеющей направление юго-запад – северо-восток, на две равные части. Скорее всего, круглая постройка была двухэтажной и высота наземной постройки должна была составить 2,50-3,0 м с учётом высоты крыши [Ковалевская, 1999, с. 51]. Существует также мнение, что строение имело подвал и первый этаж [Клёнина, 2004, с. 84].

В развалинах, образовавшихся в результате пожара, находились между прочими: обломок мраморной вотивной плитки, глиняные светильники нескольких типов, пряслица, бронзовый ключ, а главное – многочисленные фрагменты глиняных сосудов (амфоры, импортная и местная краснолаковая посуда, кружальная и лепная кухонная керамика). Весь исследованный керамический комплекс датируется концом II – первой половиной III вв. н.э. Датировку подтверждает бронзовая монета Юлии Домны, найденная также в слое разрушения, недалеко от круглой структуры [Созник, 1996, с. 89-91; Клёнина, Созник, 2004; Созник, 2005, с. 238-262; Kovalevskaja-Sarnowska, 2004, s. 141-144].

Работы на территории данного памятника археологии были возобновлены в 2007 году. Первоначально основной задачей исследований было возможно

⁵ Измерения и их анализ провёл К. Мисевич (Институт Археологии и Этнологии Польской Академии Наук).

полное распознавание размещения отдельных строительных элементов всего комплекса, осуществление точных геодезических измерений памятника археологии и выполнение геофизических исследований (рис. 8). Также были сделаны фотографические снимки памятника с небольшой высоты (рис. 7). После очистки объекта от травы и колючих кустарников, на выбранных участках был снят дерн. В результате проведённых раскопок, а также геофизических исследований, удалось выяснить предварительный план строительных остатков, связанных с усадьбой 344, которая, скорее всего, занимала поверхность площадью около 3400 кв. м. По-видимому, постройка частично была ограничена стеной, на внутреннем пространстве кроме башни и двора находилось ещё несколько неопределённых на данный момент структур со стенами, возведёнными, по крайней мере, в нижней части из камней, соединённых землёй. В южной части памятника археологии одна из упомянутых структур, существование которой определено только геофизическими исследованиями, имеет размеры, форму и расположение подобное башням, видимым на поверхности местности.

Площадь застройки усадьбы 343, которая, похоже, занимала также существующую в настоящее время асфальтированную дорогу, составляла, по крайней мере, 1800 кв.м. В составе усадьбы помимо башни выявлены несколько, не связанных в данный момент между собой, стен. До сих пор не совсем понятным является соотношение строения усадьбы и круглых структур. Юго-западную границу усадьбы, без сомнения, создаёт вымощенная из мелких и средних размеров камней дорога. Длина очищенного участка дороги составляет более 30,0 м, а её ширина около 2,0 м, причём не везде её удалось точно определить по причине плохого состояния сохранности бордюра из камней больших размеров. На поверхности дороги местами прослеживаются фрагменты херсонесской черепицы, пифосов и амфор местной и боспорской продукции I-III вв. н.э., а также несколько обломков эллинистических черепиц и амфор. Заслуживают внимания три фрагмента глиняных водопроводных труб.

Главными элементами обеих усадеб были башни, о чём выразительно свидетельствуют как фотографии с зонда, так и геофизический план памятника археологии. В результате расчистки определили размеры башен: 10,70 x 9,70 м (Усадьба 343 - рис. 9) и 11,30 x 9,50 м (Усадьба 344 - рис. 10). Углы башен, как, впрочем, почти всей застройки, ориентированы по сторонам света. Внешнее лицо стен и углы сооружений выполнены из огромных не очень старательно обработанных блоков местного известняка, которые достигают размеров до 1,30 x 1,00 x 0,60 м. Камни меньших размеров, соединённые землёй, заполняют внутренний слой стен, а местами также составляют их внутреннее лицо. В обеих башнях нами обнаружены раскопы грабителей. На обоих объектах прослежены следы двух фаз их существования. Первоначально башни, без сомнения, имели значительно меньшие размеры. Скорее всего, внешний периметр башни усадьбы 343 достигал 7,70 x 7,0 м, а усадьбы 344 – 8,20 x 6,50 м. Во второй фазе с внешних сторон башен пристроены новые, дополнительные

стены, выполненные, как и предыдущие, из больших блоков известняка. Там, где возможно было провести соответствующие измерения, выяснено, что общая толщина первоначальной и более поздней стены достигала 2,40 м (стена 2 в башне 343). Внутреннее пространство башни 343 было поделено стеной (толщина 0,50-0,70 м) на два помещения размерами 5,0 x 4,0 и 5,0 x 1,50 м.

Среди керамического материала, собранного во время расчистки разных структур в пределах всего комплекса «Близнецы», только в башнях было обнаружено несколько фрагментов средневековых амфор, из которых один датируется XI-XIV вв. [Антонова и др., 1971, с. 95]. Повсюду решительно преобладает керамика римского времени, в основном II-III вв. н.э. Относительно небольшой процент составляют фрагменты эллинистических амфор и столовых сосудов. Больше всего фрагментов сосудов римского периода из башен относятся к боспорским амфорам типов Зеест 72, 73, 75, 77, 83 [Зеест, 1960, с. 111-119, табл. XXX, XXXI, XXXIV]. Достаточно высокий процент составляют также фрагменты светлоглиняных амфор позднегераклейской и позднесинопской продукции. На участках башни 343 и одной из структур усадьбы 344 обнаружены фрагменты амфор типа Sin I и Sin II, также C I или Sin III. [Внуков, 2003, с. 139, 202, рис. 51, 55]. Относительно немногочисленной является столовая керамика, которая представлена в башнях, прежде всего, фрагментами сосудов херсонесской сигилляты [Ушаков, 2004, с. 290, рис. 2-1], в основном кувшинами и чашками. Ещё более редко выступают кружальные и лепные кухонные сосуды, среди которых преобладают горшки и сковороды. Среди фрагментов черепицы римского времени удалось выделить как херсонесскую, так и синопскую продукцию [Борисова, 1966, с. 48-49, табл. 35].

На расстоянии около 300 м на юго-запад от памятника археологии у основания небольшой возвышенности бьёт из-под земли обустроенный современный источник дебетом воды около 140 литров в час. Им пользуются время от времени жители отдалённых на расстоянии около 0,5 км, покинутых войском казарм. От родника территория имеет лёгкий уклон в сторону «Близнецов», поэтому очень вероятно, что в древности оттуда была проведена вода к усадьбам 343 и 344. Местные жители утверждают, что во время строительства асфальтированной дороги на рубеже 70-80-х годов около усадеб были обнаружены остатки водопровода, проведённого со стороны источника. В результате исследований на расстоянии 12 м от источника нашли в небольшом зондаже, на участке длиной 2,5 м непосредственно под дёрном ложе водопровода (176,61 – 176,54 м н.у.м). Поверхность ложа была выполнена из небольших камней, соединённых землёй, и в разрезе имела слегка вогнутую форму. К сожалению, абсолютное отсутствие археологического материала делает невозможным датировать выявленную конструкцию.

Также во время сезона 2007 года была осуществлена реставрация круглого сооружения 1 (рис. 11), так как 20 лет спустя после открытия древний объект находился в плачевном состоянии. В качестве строительного материала

использованы камни, которые выпали из стены, глинистая земля служила связующим раствором.

Главным объектом проводящихся работ в 2008 году являлась вторая, расположенная по-соседству с круглым сооружением 1, также круглая структура 2, на участке которой были полностью исследованы культурные напластования внутреннего пространства сооружения. Срочного изучения участка структуры 2 требовала и активная деятельность грабителей, результатом которой является большой раскоп в северо-восточной части круглого помещения. Внутренний диаметр структуры 2 достигает 4,60 - 5,20 м. Широкая, местами достигающая 1 м стена сооружения, также как в случае структуры 1, была построена на скале, вокруг внутреннего края округлого котлована. Кладка стены была выполнена из разной величины, очень нерегулярных камней местного известняка, местами соединённых глиной. Камни, использованные для строительства стены, сохранившейся на высоту 0,80 - 1,20 м, были найдены где-то поблизости от усадьбы, возможно, часть из них взята из скального основания в пределах самой структуры. Вход в заглублённое на 1,0 - 1,20 м внутреннее пространство помещения находился в южной части. Ширина входа составляет 0,70-0,75 м, и он совсем не отличается от двух входов в круглой структуре 1, где также не сохранились блоки косяков. Внутрь помещения проводили три крутых и довольно сильно наклонённых каменных ступени, верхняя поверхность которых сильно заглажена. Дневной поверхностью внутри помещения структуры 2 являлась достаточно горизонтальная поверхность скалы, дополненная на участке входа средних размеров плитами, чем отличается от структуры 1, где неровности скалы были выровнены мелким щебнем и грунтом оранжевого цвета. В обоих структурах не обнаружено существования остатков подстилки (навоза) характерной для стойла. Как показывает план комплекса, западный участок стены более крупного круглого сооружения 1 частично заходит на восточный участок стены сооружения 2; скорее всего, в определённый момент более ранней структуры 2 было уже недостаточно и решили пристроить к ней другую, больших размеров. Обе структуры должны быть достаточно низкими, их стены, похоже, не превышали высоты 1,5-2,0 м над поверхностью грунта с внешней стороны, причём структура 2, в которой не найдено черепицы, скорее всего, была покрыта лёгкой крышей из камыша или соломы, в то время структура 1 – черепицей. Самые близкие аналогии нашим сооружениям 1 и 2 находим на усадьбе земельного надела 227 в центральной части Гераклеяского полуострова, где два круглых помещения Kr-I и Kr-II имеют подобное заглубление внутренней части, выровненный пол, узкие входы и крутые лестницы [Кузищин, Иванчик 1998, с. 227]. Если не считать существования стены, разделяющей на две половины структуру 1 на усадьбе 343, то главным отличием круглых помещений на усадьбе 227 от исследованных нами являются размеры. Диаметр сооружений усадьбы 227 достигает только 4,0 м.

В заполнении круглой структуры 2, насчитывающем мощностью едва 0,40 – 0,75 м, нами выделены под дёрном два слоя: слой каменного завала, возникший в результате натурального разрушения помещения и развала его стен, ниже – слой достаточно твёрдой и грязной земли, серо-ржавого и серо-коричневого оттенка, мощностью около 0,30 м. В этом слое на уровне около 166,80 м н.у.м. имеются горелые пятна от пожара и пережжённой земли.

Изучение довольно многочисленных и невыразительных фрагментов керамических сосудов (в основном амфор, а также столовой и кухонной посуды) свидетельствует, как и в случае структуры 1, о доминировании материала конца II – начала III вв. н.э. Но встречаются фрагменты сосудов, которые хронологически относятся к средневековью. Так, например, по всей толще культурных напластований имеются фрагменты амфор IX-XI вв. [Антонова и др., 1971, с. 88-89, рис. 15]. Данный факт может свидетельствовать о том, что помещение 2 было заброшено и впоследствии могло служить какое-то время для сваливания бытового мусора.

Среди более чем ста фрагментов костей животных, которые удалось определить и которые в большинстве следует признать за остатки после принятия пищи, 76 % составили кости овец и коз, а 11,5 % – крупного рогатого скота. Несколько десятков костей животных (овцы/козы – 68 %, крупного рогатого скота – 18 %, пса – 18 %, дельфина – 6%) также нашли во время зачистки придонной части структуры 1. Помимо этих находок нами обнаружено внутри той же структуры 1 у основания западной части стены в двух очень неглубоких ямках два почти целых скелета козлят в возрасте 3-4 месяцев.

Ни план и архитектура, ни археологический материал не дают однозначного ответа на вопрос о функциях круглых в плане строений. С одной стороны их заглубление и крутые ступени входа, скорее всего, исключают возможность интерпретации структуры 1 и 2 как загородки или стойла для овец и коз, а с другой – два скелета, возможно, сдохших козлят как раз могут свидетельствовать об этой функции [Кузищин, Иванчик 1998, с. 228]. Ответ на данный вопрос, возможно, принесут дальнейшие исследования, в результате которых можем выснить и связь округлых структур со строением усадьбы 343 и, не исключено, также с усадьбой 344. Однако уже сейчас можно критически рассмотреть существующие гипотезы. Датировка обеих структур концом II – началом III вв. н.э. решительно исключают предложение В.М. Зубаря видеть в них, как в случае других круглых сооружений на Гераклеяском полуострове, юртоподобные строения, используемые в качестве жилищ кочевым населением в V и VI вв. [Зубарь, 2007, с. 232-260]. Мало правдоподобным является также предложение А.В. Буйских, которая склонна причислить круглый объект на усадьбе 343 к группе производственных сооружений [Буйских, 2008, с. 241]. В археологическом материале, обнаруженном в данных структурах, совершенно отсутствуют следы, которые можно было бы отнести к какой-либо продукции. Е.Ю. Клёнина, которая без оснований выделяет

две фазы функционирования структуры 1, считает на основании находок светильников типа *Palaiomonion*, что в первой фазе помещение могло использоваться в качестве домашнего святилища Деметры и Керы [Клёнина, Созник, 2004, с. 84]. Однако так как светильники упомянутого типа обнаруживают в слоях римского времени на памятниках археологии Гераклейского полуострова и Херсонеса в контекстах, не имеющих сакрального значения [Ковалевская, 2005, с. 118], упомянутая гипотеза тратит смысл. Для второй фазы Е.Ю. Клёнина предлагает жилищно-хозяйственное назначение сооружения 1, в чём поддерживает высказанный несколько лет ранее взгляд первого из авторов настоящей статьи [Ковалевская, 1999, с. 52]. В данный момент, нам кажется, что в случае обоих объектов имеем дело, скорее всего, со складскими помещениями для хранения продуктов животноводства (мясо, сыр) [ср. Osborne, 1992, p. 22]. Подобную функцию, «своего рода холодильные камеры для хранения скоропортящихся продуктов: мяса, сыра, молока», то есть складирования, признают В.И. Кузищин и А.И. Иванчик благодаря обнаруженным круглым помещениям Кг-I и Кг-II на усадьбе земельного надела 227 [Кузищин, Иванчик, 1998, с. 227-228]. В свою очередь В.М. Зубарь выступает с обоснованной критикой данной гипотезы [Зубарь, 2007, с. 246]. Что касается ещё одного круглого сооружения на усадьбе 227, которое достигает диаметром 30,0 м, по мнению исследователей оно предназначалось для содержания овец [Кузищин, Иванчик, 1998, с. 227-229] или также лошадей [Зубарь, 2007, с. 254]. Мы на основании параллелей из провинций Римской империи высказали мнение о предназначении данного сооружения для выездки лошадей [Ковалевская, Сарновски, 2002, с. 91]. В свою очередь А.Б. Буйских на основании параллелей в Аттике трактует упомянутый объект как ток для обмолота зерновых [Буйских, 2008, с. 241-242], с чем не можем согласиться с точки зрения на отсутствие каких-либо данных о выращивании зерновых на совершенно непригодной для этой цели большей части территории Гераклейского полуострова, в том числе и в окрестностях усадьбы 227. В ситуации, когда в пределах упомянутой застройки усадьбы 227 имеются ещё, по крайней мере, два прямоугольных помещения, предназначенных, без сомнения, для овец и коз, большой круглый в плане объект, стоящий отдельно, имеет, с точки зрения на свою характерную форму, все черты греческого *pygos*, то есть круглой площадки для выездки коней. В связи с привлечённой дискуссией следует выразить сожаление, что исчерпывающая публикация раскопок на усадьбе 227 не содержит итогов обработки обнаруженного там многочисленного костного материала.

Усадьба 363

Руины сельской усадьбы 363, расположенной на небольшой возвышенности юго-западного склона Верхне-Юхариной балки, поросли низким кустарником и степными травами. Вся поверхность вокруг древнего сооружения распахана под посадку сосны в 80-х годах. Часть археологического памятника сильно разрушена раскопами грабителей, самый большой из них

наблюдается на участке башни, который со временем был заполнен строительным и бытовым мусором.

Первые предварительные археологические исследования в пределах усадьбы, которые заключались в зачистке профиля грабительского раскопа в башне и сбора керамического материала, были проведены в 2004 году. Учитывая катастрофическую ситуацию, угрожающую уничтожением памятника археологии, было решено продолжить исследования. Последующими работами охвачена поверхность более 125 кв.м, на которой были выявлены строительные остатки, принадлежащие башне, являющейся основным сооружением всей постройки (рис. 11). Башня имеет размеры 12,30 x 8,0 м и ориентирована углами приблизительно по сторонам света (рис. 13 и 14). Стены башни толщиной 1,45 – 1,60 м в сохранившейся части были сооружены из блоков известняка средних и больших размеров; некоторые блоки были старательно обработаны. Стены 1, 2 и 3, выявленные с внутренней стороны в западной части башни, имеют высоту 2,0 - 2,15 м, состоят из 6-7 рядов камней кладки. На верхней сохранившейся поверхности известняковых блоков внешних стен башни обращают внимание круглые и овальные углубления диаметром от 20 до 25 см и глубиной до 20 см. На стенах 1 и 3 имеются также прямые, продольные углубления шириной до 12 и глубиной до 8 см. Углубления на двух каменных блоках в средней части стены 3, скорее всего, принадлежали деревянной конструкции дверного проёма. Остальные же углубления, похоже, были связаны со скелетной конструкцией стен, выполненных из дерева и сушёных кирпичей в системе кладки, припоминающей *Fachwerk*.

Внутреннее пространство башни поделено стеной 5, имеющей проход шириной 0,80 м на два, соединённых между собой помещения. Юго-западное помещение 2 (размеры 2,50 x 4,0 м) было исследовано почти полностью, в то время северо-восточное помещение 1 (размеры 5,30 x 4,80 м) только наполовину. Пол в обоих помещениях был выложен плоскими каменными плитами. На поверхности многих плит имеются следы мощного пожара. В южном и западном углах помещения 2, а также в северном углу помещения 1, вдоль стен выявлены поставленные на ребро камни, которые образовывали так называемые «загородки» (размерами 1,50 x 0,55, 1,80 x 0,60 и 2,0 x 0,60 м), скорее всего, служащие, как и на других херсонесских усадьбах, для помещения амфор и других сосудов.

Стратиграфия участка помещения 2 башни довольно сложная, мощность культурных напластований достигает 2,40 м, но чётко можно выделить два слоя. Слой 1 состоит из завала камней, образовавшегося в результате постепенного разрушения уже не жилой башни. Нижний слой 2 имеет признаки сильного пожара, также является слоем разрушения, но возникшего в результате трагического события, произошедшего в древности. Этот нижний слой в помещении 2, нарушенный грабительскими работами, содержал пять прослоек, отличающихся цветом и консистенцией. Анализ находок керамики показал, что многочисленные фрагменты склеиваются в археологически целые формы независимо от их стратиграфического контекста.

Весь керамический материал (рис. 15) из башни относится к античному времени, при этом восстанавливаются в археологически целые формы главным образом фрагменты сосудов I в. н.э. Среди находок следует упомянуть: тулово колхидской амфоры, светлоглиняных позднесинопских и позднегераклейских амфор середины I в. до н.э. – второй трети I в. н.э. (Sin III), первой четверти I – середина II вв. н.э. (Sin IVa), 25-75 гг. н.э. (C IV A1) и 50 гг. до н.э. – 25 г. н.э. (C Ia) [Внуков, 2003, с. 139, 202, рис. 51, 55], также тулова и горла амфоры I-II в. н.э. (Zeest 90) [Зеест, 1960, с. 117, табл. XXXVII, 90], краснолаковые кувшины (рис. 15,11) и миски, глиняный бальзамарий. Следует отметить также значительное количество лепной керамики (рис. 15:7-8), подобной сосудам с усадьбы 338 [Kovalevskaia, Sarnowski, 2003, p. 229-235; Ковалевская, Суханова 2005, с. 215-224]. Кости животных (только 59 штук, в том числе 16 неопределённых) принадлежат в основном овцам и козам (60,5%), а куски сгоревшего дерева – сосне (*pinus sylvestris*) и грабу (*carpinus betulus*).⁶

Археологические наблюдения и результаты геофизических исследований позволяют предварительно определить занимаемую площадь усадьбы не менее, чем 500 кв.м. Её приблизительные размеры составляли около 25,0 x 20,0 м (рис. 12). Результаты раскопок в башне и на участке, расположенном на расстоянии 7 м на восток от неё (площадь раскопа 2 - 6,0 x 4,50 м), также нарушенном очередными грабительскими работами, позволяют думать, что усадьба пережила серьёзные разрушения в I в. н.э. Немногочисленные фрагменты средневековой керамики из раскопа 2 в свою очередь указывают на существование на территории античной усадьбы какого-то небольшого строения неопределённой функции в более позднее время.

Интересные результаты представил археозоологический анализ костей животных, обнаруженных в культурных слоях усадеб 340, 343 и 363.⁷ Видовой состав, отображённый на нижепредставленной таблице сильно не отличался. Население, живущее на усадьбах, занималось почти исключительно выведением мелких жвачных животных, крупный рогатый скот выполнял дополнительную функцию. Преобладание мелких жвачных может быть связано с наличием в ближайших околицах недостаточно хороших с точки зрения качества и количества пастбищ. Выяснено, что в основном имеем дело с остатками после употребления мяса в пищу. Среди признаков употребления и приготовления мяса к употреблению доминировали следы рубки и резки разных анатомических элементов. На основании анатомического анализа определения остатков крупного рогатого скота, овцы и козы, можно утверждать, что как убой, так и употребление мяса, происходили в пределах усадьбы, решительным образом ни одна часть не была вынесена за её границы или принесена извне. Анализ возраста животных с усадьбы 340 показал, что среди крупного

⁶ Определили И. Пьонтовска-Малэцка и Р. Стахович-Рыбка.

⁷ Автор анализа И. Пьонтовска-Малэцка (Институт археологии Варшавского университета).

рогатого скота особи, забитые в молодом возрасте, составляли 3,4 %, а среди мелких жвачных - 1,6 %. Это означает так называемое экономическое животноводство, то есть такое, в котором обеспечены правильные пропорции между особями, направленными на убой, и оставленными для дальнейшего разведения. На остальных усадьбах процент костей овец и коз в молодом возрасте ниже 3,5 лет жизни был относительно высокий и составлял около 10,5 %. Это означает, что эти два вида выращивали, прежде всего, на мясо. В то же время в случае крупного рогатого скота не зафиксировано костей особей, забитых в молодом возрасте, что указывает на продолжительное выведение этих животных совершенно с другой мыслью – об использовании их жизненных качеств (молоко, тяговая сила, навоз). Морфологический анализ размеров костей указывает на преобладание средних и малых размеров форм *Bos taurus brachyceros* высотой в холке до 115 см. В случае свиней, это были животные исключительно малых размеров. В то время на основании длины пясти коня высчитано, используя индекс Кесевальтера, что высота животного в холке равна 116 см. Этот конь представлен низкорослой формой.

Биологическая идентификация	Усадьба 340		Усадьба 343		Усадьба 363		Всего	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Овца/коза	164	58,6	126	75	73 + 2	61,9	363 + 2	64,1
Крупный рогатый скот	82	29,3	23	13,7	14	11,9	119	21
Свинья	12	4,3	0	0	1	0,8	13	2,3
Конь	13	4,6	0	0	0	0	13	2,3
Собака	1	0,4	4	2,4	9	7,6	14	2,5
Олень	0	0	1	0,6	0	0	1	0,2
Грызуны	0		3		1 скелет		3+скелет	
Птицы	3	1,1	5	3	14	11,9	22	3,9
Дельфин	0	0	3	1,8	0	0	3	0,5
Рыба	0	0	0	0	1	0,8	1	0,2
Краб	0	0	1	0,5	0	0	1	0,2
Безпозвоочные	5	1,7	5	3	6	5,1	16	2,8
Не определено	69		58		35		162	

Подводя итоги, следует признать, что усадьбы земельных наделов 340, 343, 344 и 363 в Верхне-Юхариной балке являются частью продуманной системы сооружений с хозяйственными, жилыми, и иногда также оборонительными функциями, которая функционировала в пограничной зоне сельской территории Херсонеса Таврического. Исследования последних лет показали,

что имеем дело с сельскими постройками, типичными для хоры греческого города [ср. Lohmann, 1993; Morris, 2005, p. 155-225]. На наш взгляд, не следует сельские усадьбы Херсонеса называть латинским термином *villa rustica*, как поступают некоторые исследователи [Кузищин, Иванчик, 1998, с. 205-223; Клёнина, 2004], что в последнее время дважды было поддано критике первым автором данной статьи [Ковалевская, 2005, с. 114] и позднее А.В. Буйских [Буйских, 2008, с. 242-243]. Термин *villa rustica*, выступающий, прежде всего, в римской агрономической литературе, использован в отношении к хозяйству, поместью или сельской застройке, между прочим, в противоположность к *villa urbana* (городская резиденция), образовался в социально-экономических условиях римской Италии, позднее мог использоваться в условиях хозяйства фермерского типа в провинциях Римской Империи. О том, как сильно эти условия отличались от реальности греческого мира *poleis* также в римское время, свидетельствует факт, что греческий язык не имел эквивалента латинского термина *villa rustica*. Использование термина *villa rustica* по отношению к херсонесским усадьбам, кажется также необоснованно, как, например, терминов *decumanus* или *cardo* при характеристике сети улиц, или термина *canabae* для определения той части жилищной застройки в Херсонесе, в которой жили члены семей солдат римского гарнизона.

Похоже, что все исследуемые нами усадьбы были построены во время размежёвки Гераклеийского полуострова, но каждая имела свою судьбу. Усадьба 363 существовала до первой половины I в. н.э., когда её главные строения были полностью уничтожены во время сильного пожара. В то же самое время такая же судьба постигла расположенные в приграничной зоне херсонесского государства усадьбы 338 и 357. Надеемся, научная информация, полученная на современном этапе исследований, будет пополнена в результате продолжения раскопок, и мы получим дополнительные сведения к истории политического кризиса в начале новой эры. Усадьба на земельном наделе 340 пострадала в пожаре в начале III в. н.э., жизнь возобновляется в V-VI вв., и позднее продолжается с небольшими перерывами до X-XII вв. И здесь также следует заметить, что большинство сельских построек на хоре Херсонеса в начале III в. н.э. также переживает трагические события, как в нашем случае усадьбы 343 и 344 («Близнецы»).

- Ушаков С. В. Херсонесская сигиллята, Херсонесский сборник 13, 2004
- Carter J. C. et al. The chora of Chersonesos in Crimea, Ukraine, AJA. 2000. Vol. 104.
- Frankel R. Wine and Oil Production in Antiquity in Israel and Other Mediterranean Countries. Sheffield, 1999.
- Hayes J. W. Sigillati orientali // Ceramica fine romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo imperio). Atlante delle forme ceramiche. II. Enciclopedia dell'arte antica, classica ed orientale. Roma, 1985.
- Kovalevskaya L. A., Sarnowski T. La vaisselle des habitants d'une maison rurale de l'époque romaine dans la chôra de Chersonèse Taurique // Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta. 2003. Vol. XXXVIII.
- Kovalevskaja L. A., Sarnowski T. Crimean Chersonesos. Farmhouses of the Roman Period // Archeologia. 2007. Vol. LVIII.
- Loeschcke S. Lampen aus Vindonissa. Ein Beitrag zur Geschichte von Vindonissa und des antiken Beleuchtungswesens. Zürich, 1919.
- Lohmann H. Atene. Forschungen zu Siedlungs- und Wirtschaftsstruktur des klassischen Attika, Köln, 1993.
- Morris S. P., Papadopoulos J. K. Greek Towers and Slaves. An Archaeology of Exploitation // AJA. 2005. Vol. 109.
- Osborne R. Is it a Farm?. The Definition of Agricultural Site and Settlements in Ancient Greece // Agriculture in Ancient Greece. Stockholm, 1992.
- Saprykin S. Y. Ancient Farms and Land-Plots on the Khora of Khersonesos Taurike, Amsterdam, 1994.
- Sarnowski T., Savelja O. J., Karasiewicz-Szczypiorski R. Roman Military Sentry Posts in the Border Zone of Crimean Chersonesos // Archeologia. 2007. Vol. LVIII.

Л. А. Ковалевська, Т. Сарновські

СІЛЬСЬКІ САДИБИ ХЕРСОНЕСУ ТАВРІЙСЬКОГО У РИМСЬКІ ЧАСИ. ПІДСУМКИ ДОСЛІДЖЕНЬ УКРАЇНСЬКО-ПОЛЬСЬКОЇ ЕКСПЕДИЦІЇ

Резюме

Метою цієї статті є подання попередніх результатів досліджень сільської території Херсонесу Таврійського сумісною українсько-польською експедицією (Інститут археології Кримської філії НАНУ та Інститут археології Варшавського університету). Проект охоплює пам'ятки археології Верхне-Юхаринної балки на Гераклеїському півострові, де в даний час ведеться активне будівництво, що порушує збереження давніх споруд. Стаття подає підсумки досліджень у 2005-2007 рр. п'яти сільських садіб (340, 341, 343, 344, 363). В роботі подані геодезичні обміри, просторова модель рельєфу місцевості, фотографії з невеликої висоти, геофізична та археологічна проспекції, аналізи кісткового матеріалу та палеоботаніки.

Л. А. Ковалевская, Т. Сарновски

СЕЛЬСКИЕ УСАДЬБЫ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В РИМСКОЕ ВРЕМЯ. ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ УКРАИНСКО-ПОЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Резюме

Целью данной статьи является представление предварительных результатов исследований сельской территории Херсонеса Таврического совместной украинско-польской

экспедиции (Институт археологии Крымского филиала НАНУ и Институт археологии Варшавского университета). Проект охватывает памятники археологии Верхне-Юхариной балки на Гераклеяском полуострове, где в настоящее время ведётся активное строительство, что нарушает сохранность древних сооружений. Статья представляет итоги исследований в 2005-2007 гг. пяти сельских усадеб (340, 341, 343, 344, 363). В работе представлены геодезические обмеры, пространственная модель рельефа местности, фотографии с небольшой высоты, геофизическая и археологическая проспекции, анализы костного материала и палеоботаники.

L. Kovalevskaya, T. Sarnowski

FARMHOUSES OF THE ROMAN PERIOD IN TAURIC CHERSONESOS.
RESULTS OF LATEST UKRAINIAN-POLISH EXCAVATIONS

Summary

The aim of this paper is to present initial results of an ongoing interdisciplinary study by the Crimean Branch of the the Institute of Archaeology, the Ukrainian Academy of Sciences, and the Institute of Archaeology, the University of Warsaw, of the border zone of the rural territory of Tauric Chersonesos. The joint project is concentrated on archaeological features in the upper part of the Yukharin Ravine on the Heraklean Peninsula, where in recent years rapid suburban expansion and activity of local treasure hunters have seriously endangered still visible traces of ancient rural landscape. The paper gives a review of research carried out in 2005-2007 within five agricultural land plots (Farmhouses 340, 341, 343, 344, 363). The research includes geodetic mapping, remote sensing, geophysical prospection, archaeological survey and excavation, palaeobotanical and palaeozoological analyses.

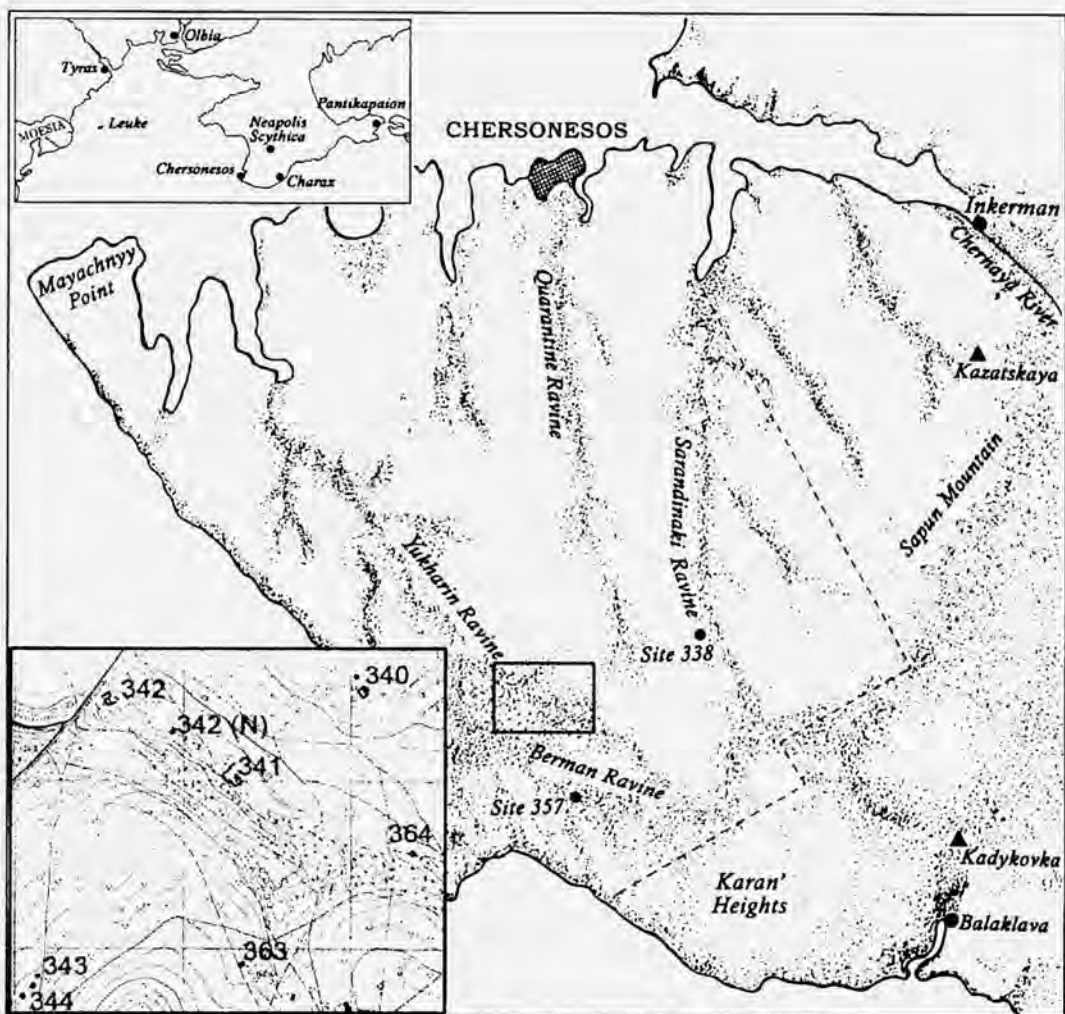

Рис. 1. Северное побережье Чёрного моря и Гераклейский полуостров с помещённой в центре картой Верхне-Юхариной балки, указывающей расположение древних усадеб. Прерванной линией обозначены границы размежёванной территории.

Рис. 2. Крым. Гераклейский полуостров. Верхне-Юхарина балка. Аэрофосъёмка (2006 г.) с обозначением древних усадеб.

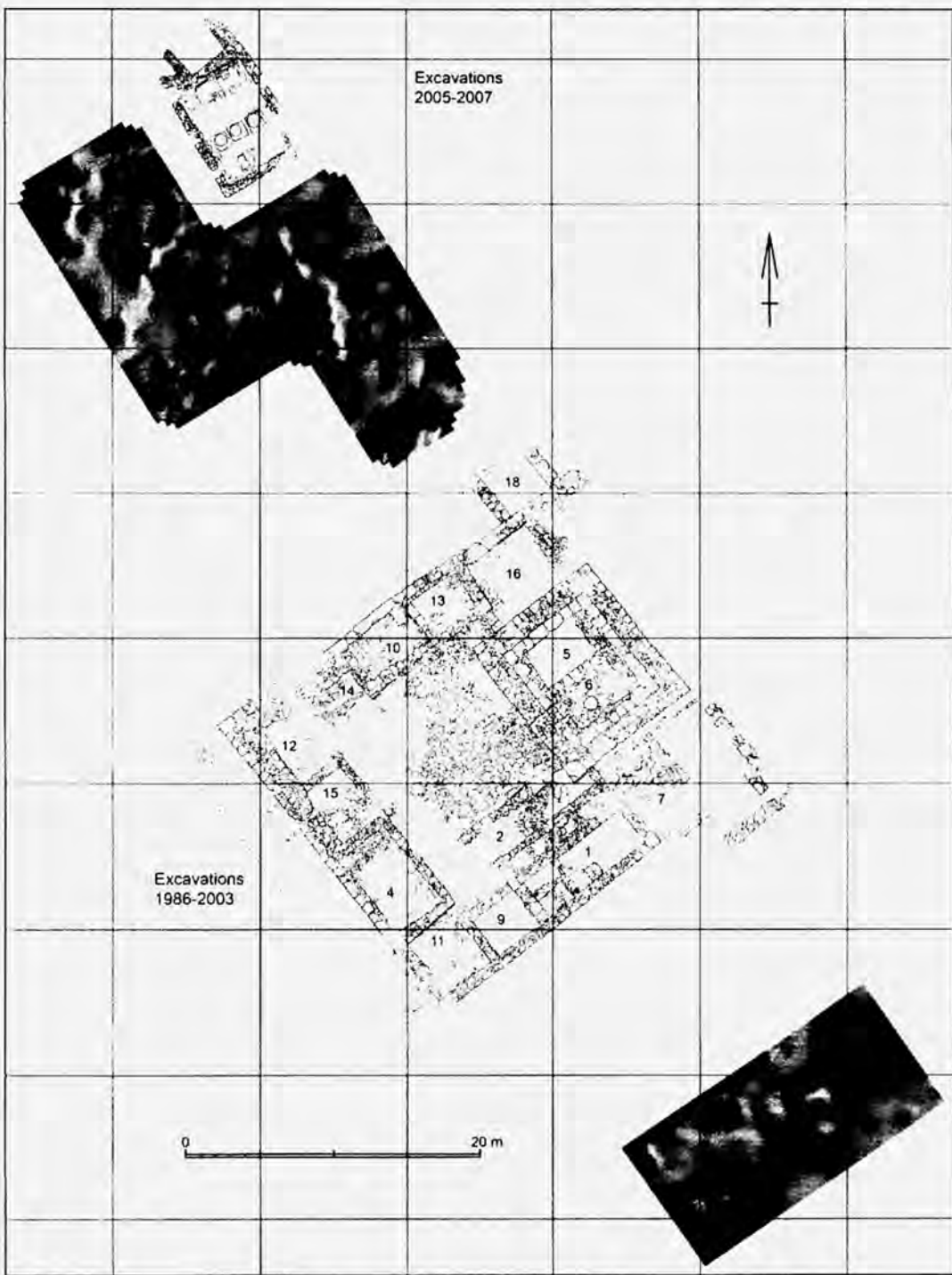

Рис. 3. Земельный надел 340. План открытых строительных остатков и геофизических аномалий

Рис. 5. Винодельня, расположенная на север от усадьбы 340. Вид сверху с юго-восточной стороны

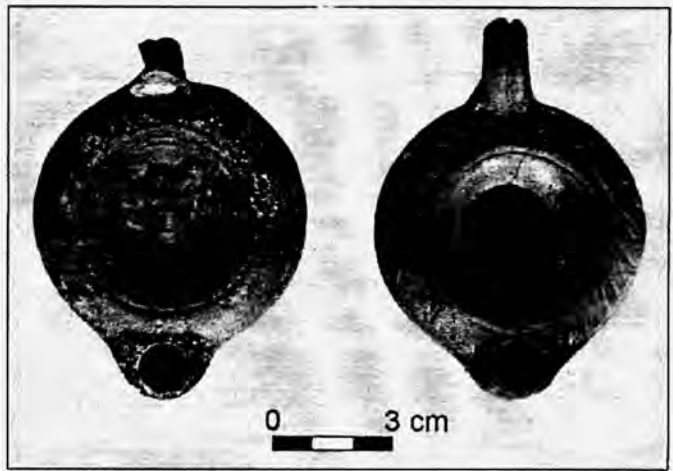

Рис. 6. Два светильника из винодельни, расположенной на северо-запад от усадьбы 340

Рис. 8. Усадьба земельного надела 343 и 344. План видимых строительных остатков и геофизических аномалий

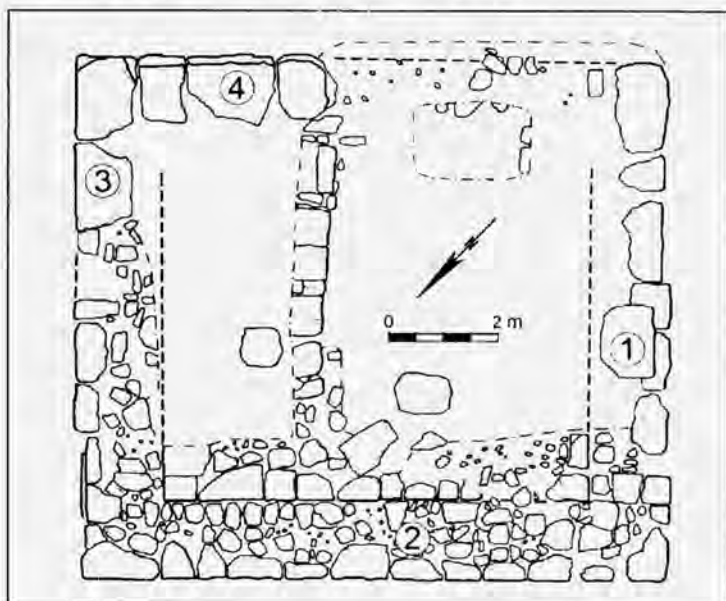

Рис. 9. Усадьба земельного надела 343. План башни.

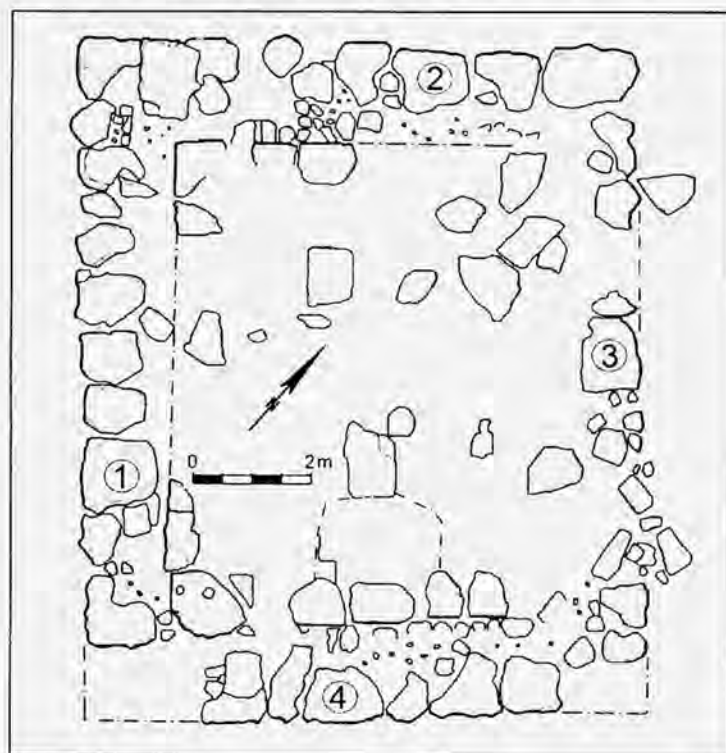

Рис. 10. Усадьба земельного надела 344. План башни

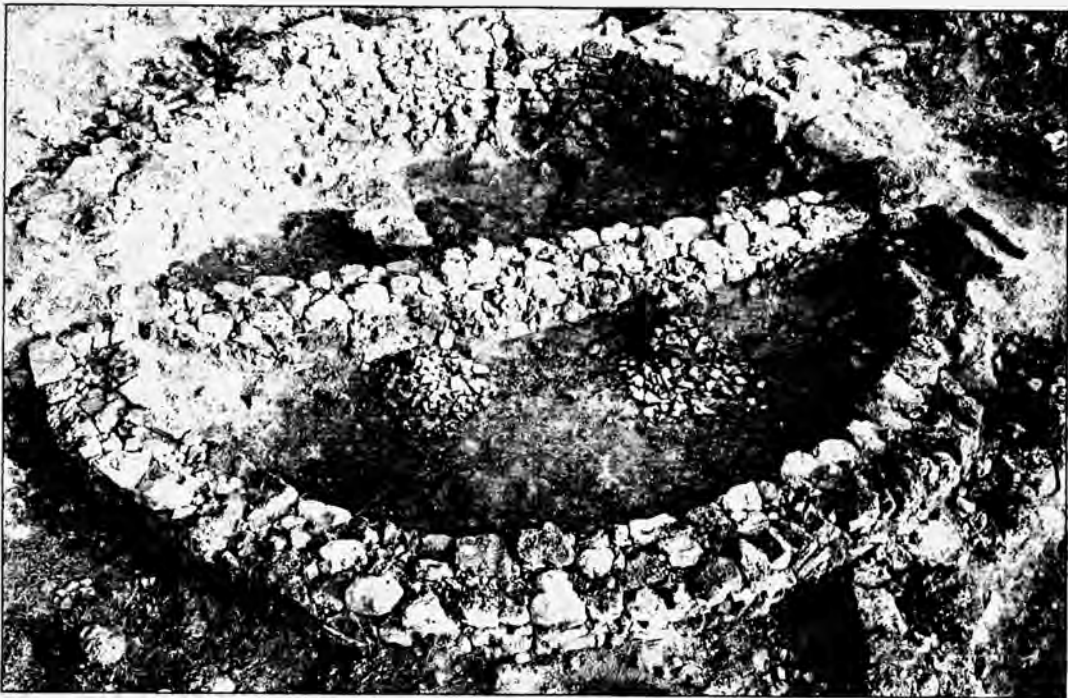

Рис. 11. Крым. Гераклейский полуостров. Усадьба 343. Вид сверху с северо-западной стороны на одну из двух, больших размеров круглую структуру

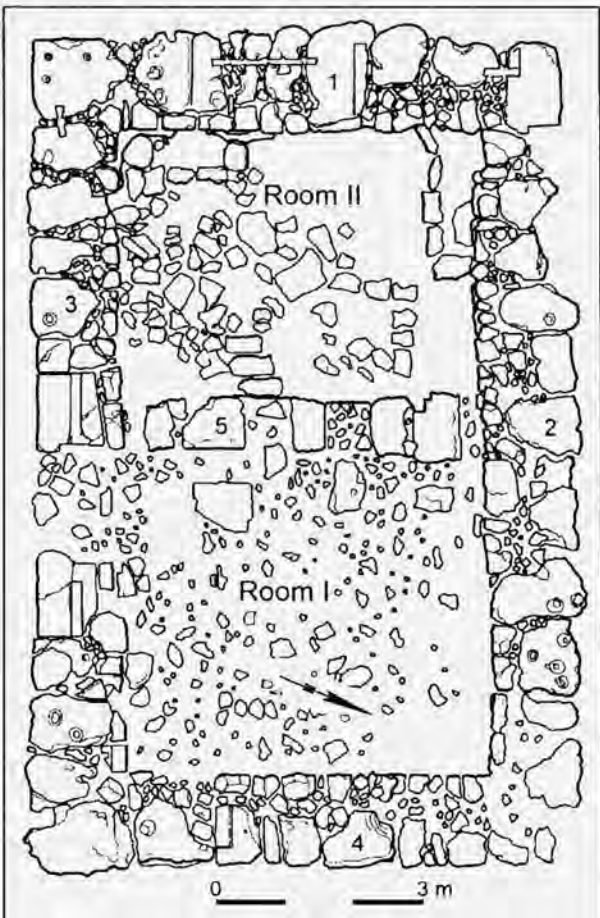

Рис. 13. Усадьба земельного надела 363. План башни (2006 г.).

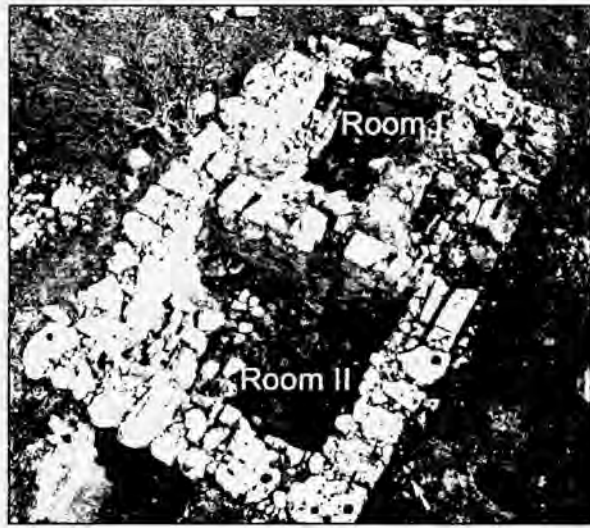

Рис. 14. Усадьба земельного надела 363. Вид сверху на башню с юго-западной стороны (2007 г.).

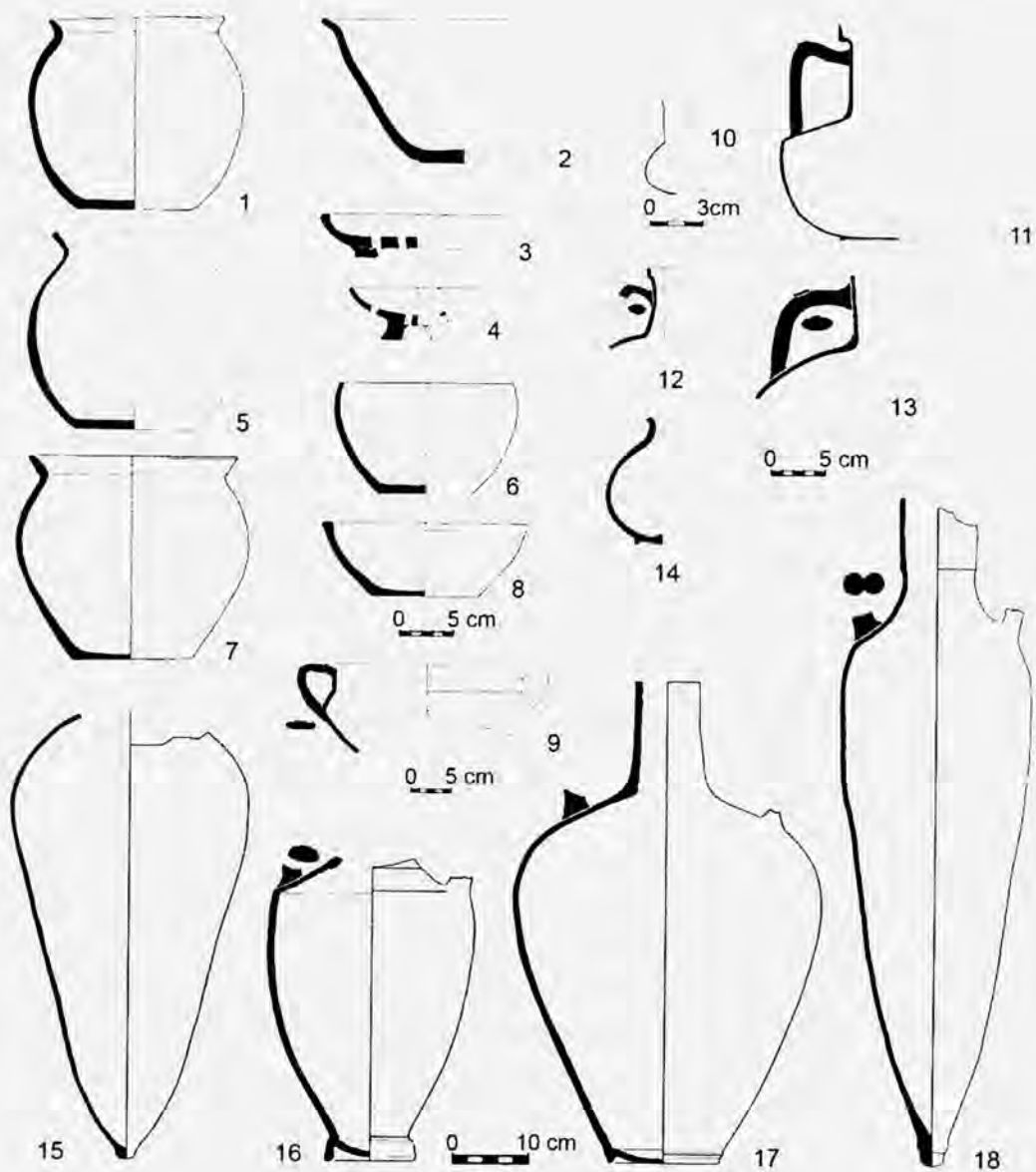

Рис. 15. Находки керамики с усадьбы земельного надела 363: 1-8 лепная керамика, кухонная и столовая посуда; 9-14 кружальная столовая посуда, 15-18 амфоры.

В.П. БЫЛКОВА

**К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ПОЗДНЕСКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ
НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ**

Исследования в области позднескифской культуры составляли важную часть научных интересов В.М. Зубаря. Хорошо известны его разработки в области общих и конкретных вопросов истории поздних скифов, но следует упомянуть и то, что новый этап в полевых исследованиях позднескифских памятников Нижнего Днепра был начат работами экспедиции «Славутич» в 1978 г. под его руководством [Зубар, Літвінова, 1982; Зубар, Храпунов, 1989]. Вклад В.М. Зубаря в изучение проблем поздних скифов уже нашел отражение в историографии, выделена его значительная роль в формировании «переходных взглядов» на позднескифскую культуру Крыма в 1980-е – 1990-е гг. [Колтухов, Юрочкин, 2004, с. 84-86, 88-89, 96-98, библиография соответствующих работ В.М. Зубаря – с. 213-214]. В связи с тем, что в настоящее время большинство ученых признает хронологический разрыв между скифской и позднескифской культурами в Крыму, особую актуальность приобрела проблема формирования позднескифской культуры [Зайцев, 1995; 1999; 2003; Щеглов, 1998; Пуздровский, 1999; 1999а; 2007; Колтухов, Юрочкин, 2004, с. 98-99]. Одновременно с проблемами Крымской Скифии внимание исследователей вновь привлекла Малая Скифия на Нижнем Днестре. Традиционные взгляды, сложившиеся в 1950-х – 1960-х гг. на позднескифскую культуру в этом регионе, также подвергаются критике. При этом наблюдается определенное совпадение в новом видении Малых Скифий в Крыму и на Нижнем Днестре, что выразилось в сосуществовании традиционных, переходных и новых взглядов [Колтухов, Юрочкин, 2004, с. 97-99]. Особенностью современной характеристики позднескифской культуры на Нижнем Днестре можно назвать стремление совместить старую хронологию с отказом от доминирования в культуре скифских компонентов. Целью предлагаемой статьи является обращение к современным проблемам исследования Малой Скифии на Нижнем Днестре, уделяя особое внимание ранней хронологии, на которой в значительной степени базируются основные выводы относительно происхождения культуры.

Вслед за возобновлением раскопок на Любимовском городище В.М. Зубарем, в 1980-е – 1990-е гг. на Нижнем Днестре проводились работы на нескольких памятниках, обобщающая характеристика которых уже была предложена [Гаврилюк, Абикулова, 1991; Былкова, 1999; Гаврилюк, Крапивина, 2007,

с. 55-56; Былкова, 2007, с. 8-9]. На основе интерпретации новых и пересмотре полученных прежде данных было возобновлено обращение к проблемам позднескифской культуры на Нижнем Днепре, представления о которой [Степи..., 1989, с.51-53, 140-145] казались устоявшимися. Как и в Крыму, на первое место выдвинулись основополагающие проблемы, касающиеся сложения и сущности культуры. В последнее время эти новые взгляды нашли отражение в обобщающих работах, посвященных характеру и формированию позднескифской культуры Нижнего Днепра [Гаврилюк, Крапивина, 2005; Гаврилюк, Крапивина 2007; Былкова, 2007а; Былкова 2007; Гаврилюк, 2009]. Н.А. Гаврилюк и В.В. Крапивина развивают аргументацию в пользу гипотезы о переселении в кризисный период III в. до н.э. на Нижний Днепр населения ольвийской хоры из Нижнего Побужья [Отрешко, 1982, с. 43-44], предполагая более значительную роль греческого компонента в складывании культуры. По мнению автора этих строк, позднескифская культура на Нижнем Днепре изначально носила синкретичный характер, континуитет с предшествующим населением региона не прослеживается, что требует принципиально нового объяснения ее сложения [Былкова, 1999; 2000; 2007а].

Исключительно важное место при рассмотрении этих вопросов занимает определение хронологии. По существу, только для Нижнего Днепра продолжает использоваться концепция континуитета, т.е. даже в недавних работах повторяется традиционное мнение о том, что в III в. до н.э. продолжает существовать небольшое количество скифских поселений [Полин, 1992, с. 41] и именно на месте этих поселков происходит археологически фиксируемое возрождение оседлости в степи. «Таким образом, о полном исчезновении памятников оседлости в III в. до н.э. говорить не приходится: какая-то часть скифского населения продолжала жить в неукрепленных поселениях на правом берегу Днепра и в период эколого-экономического кризиса» [Гаврилюк, Крапивина, 2007, с. 54, 57]. В последней работе предложена новая периодизация нижнеднепровских городищ постскифского времени, согласно которой первый период в жизни этого населения датируется второй половиной III – началом II вв. до н.э., на протяжении которого возникают неукрепленные поселения, впоследствии превращенные в городища [Гаврилюк, Крапивина, 2007, с. 57, раздел 2.1]. Такая схема предполагает существование памятников с материалами времени более позднего, чем первая четверть III в. до н.э., когда заканчивают существование поселения и могильники скифской культуры в Нижнем Приднепровье. При этом Н.А. Гаврилюк и В.В. Крапивина не являются сторонниками традиционных взглядов на позднескифскую культуру как продолжение развития предшествующей скифской культуры, что отразилось и в применении терминологии [Гаврилюк, 2002; Гаврилюк, Крапивина, 2005]. Тем не менее, выделение первого периода в развитии позднескифской культуры в пределах второй половины III – начала II в. до н.э. и связывание этих памятников с предположительно сохранившимися во второй четверти столетия

поселениями скифской культуры все же подразумевает континуитет. Предлагаемая их характеристика как памятников эллинизации скифского населения [Гаврилюк, Крапивина, 2007, с. 66] этому не противоречит.

В этой ситуации характеристика памятников III в. до н.э. приобретает принципиальное значение в решении основополагающих проблем формирования позднескифской культуры на Нижнем Днепре. Специального разбора требует аргументация, приведенная в рассматриваемой выше статье [Гаврилюк, Крапивина, 2007, с. 57]. Авторы выделяют материалы четырех памятников, которые содержат объекты первого периода (в пределах второй половины III – начала II вв. до н.э.): Золотая Балка, Знаменское, Гавриловское и Анновское городища. Анновское городище раскапывалось в 1980-е гг., а три других памятника исследовались в 1950-е гг. и соответственно используются датировки авторов раскопок М.И. Вязьмитиной и Н.Н. Погребовой. С целью проверки и уточнения хронологии, предложенной в этих работах, представляется целесообразным вновь обратиться к этому материалу, учитывая современные научные представления. Этих проблем автору уже приходилось касаться ранее [Былкова, 1999; 2002; 2007а; Bylkova, 2005], тем не менее, возвращение к вопросам хронологии в данном случае является принципиально важным. В связи с актуальностью уточнения хронологии, на которой «завязано» решение проблем формирования позднескифской культуры, обратимся к материалам, отнесенным к первому периоду с датировкой второй половиной III – началом II в. до н.э. [Гаврилюк, Крапивина, 2007, с. 57]. В рассматриваемой статье продолжение существования небольших поселений в местах переправ и в местах торговых контактов с греками во второй четверти III в. до н.э. анализом конкретного материала в указанной статье не сопровождается, поскольку это традиционная точка зрения. Разрабатывая вопросы хронологии скифских погребальных памятников Северного Причерноморья, С.В. Полин обратил внимание на то, что ни на одном из поселений или городищ Нижнего Днепра не зафиксирован слой или какие-либо объекты III – начала II в. до н.э. Присутствие же античного импорта этого времени им было отмечено, поскольку некритически использовались данные свода Н.А. Онайко [Полин, 1992, с. 41]. Эти материалы нами пересматривались [Былкова, 1999; 2002; 2007], амфоры в современной системе дат не выходят за рамки IV – первой четверти III в. до н.э. Типы будут указаны ниже, поскольку использованы материалы с указанных выше памятников и аналогичные им. Единственным исключением является случайная находка синопского клейма Клеоника сына Мения [Онайко, 1970, с. 91, № 87] подгруппы V E, датирующегося в поздней системе дат началом II в. до н.э. [Conovici, 1998, p. 37-38], а в ранней - 260-ми гг. до н.э. [Федосеев, 1994, с. 189]. Общая дата III-II вв. до н.э. предложена Н.А. Онайко для фрагментов сосудов с лаком «плохого качества», сосудов «в технике гнация», под которой подразумевался накладной орнамент, а не Gnathia в собственном смысле слова [Green, 2001], светлоглиняных лагиносов и мегарских чаш. О конкретных материалах речь пойдет ниже.

Обратимся непосредственно к памятникам первого периода.

Золотая Балка. К первому периоду отнесены глинобитные постройки, возведенные ранее оборонительных стен, а также отмечаются датирующие материалы эллинистического периода. Выделены ранние помещения №53, 54, 55, расположенные стратиграфически ниже уровня основания оборонительной стены. Сама автор раскопок М.И. Вязьмитина отнесла их к раннему этапу застройки, который датировала II-I вв. до н.э. [Вязьмитина, 1962, с. 112-113]. Что же касается конкретных материалов, то среди них хроноиндикаторы трех последних четвертей III в. до н.э. не выделяются. Автор раскопок действительно указала на то, что отдельные материалы датируются концом IV-III вв. до н.э., связав их присутствие с существованием здесь селища или сезонной скифской стоянки [Вязьмитина, 1962, с. 112, 146-150, 156 – рис. 71, 1-7]. Последнее предположение резонно при корректировании даты этой стоянки/селища, поскольку в современной системе дат эти материалы остаются в пределах IV – первой четверти III в. до н.э. На памятнике представлен распространенный набор амфор IV в. до н.э.: Хиос [Lawall, 2005, p. 43, fig. 3c], Боспор (по атрибуции И.Б. Зеест), Фасос, Гераклея, Менда, Синопа, типы Солохи [Монахов, 1999, с. 356, табл. 155, с. 419-423]. В 1950-х – 1960-х гг. к III в. до н.э. относили фасосские амфоры развитой биконической серии, которые получили распространение во второй-третьей четвертях IV в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 67-69]. Косские амфоры относятся в типу вытянутых сигарообразных II в. до н.э. [Монахов, 1999, с. 571], часть амфор, отнесенных к косским, впоследствии была атрибутирована иначе и получила более позднюю дату [Шукин, 1970, с. 57]. III-II вв. до н.э. были продатированы три клейма [Вязьмитина, 1962, с. 148, рис. 69, 1-3, с. 72, с. 155, 157]. Синопское клеймо Зопириона¹ относится к III хронологической группе и даже в самой поздней современной системе дат не выходит за пределы IV в. до н.э. [Covicic, 1998, p. 38], а в ранней хронологии относится приблизительно к середине последней четверти IV в. до н.э. [Федосеев, 1994, с. 189]. Круглые колесовидные клейма в то время относили к фасосскому клейменю, в настоящее время установлена их принадлежность к производству Аканфа второй половины IV в. до н.э. [Амперер, Гарлан, 1992, с. 18-19]. Третьей находкой является косское клеймо с именем Деметрия. Клейма этого центра, как правило, не могут служить основанием для узкой датировки [Lawall, 2005, p. 32-33]. Можно отметить, что аналогичное клеймо было найдено в закрытом комплексе на ольвийской агоре, родосские клейма из которого в первой публикации были отнесены к концу III-II вв. до н.э., а для самого косского клейма предложена только широкая дата III-II вв. до н.э. [Леви, 1964, с. 230, 239]. Применяя современную систему хронологии родосских клейм [Finkielstein, 2001], все эпонимные клейма, найденные в этом водоеме, следует отнести к III группе, из них только одно относится к подгруппе IIIb с датой

¹ Благодарю Н.Ф. Федосеева и В.И. Каца за консультации в чтении и датировании клейм.

прибл. 185 г. до н.э., а остальные принадлежат подгруппам IIIc-IIIe с в рамках 181/179 – 161 гг. до н.э.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что в скифское время здесь могло существовать селище (имеются синхронные материалы и в сборках А.В. Бодянского), но жизнь в III – начале II вв. до н.э. археологическими данными не подтверждается.

Для *Знаменского городища* использованы данные Н.Н. Погребовой об обнаружении ранней постройки и присутствии ранних керамических материалов [Погребова, 1958, с. 118, 122]. Нами были обработаны полевая документация и коллекции этих раскопок, хранящиеся в музее МГУ.² Анализ хроноиндикаторов из этой коллекции уже предлагался [Былкова, 2007а, с. 92-94], но в данном случае целесообразно затронуть эту тему вновь. Ранняя постройка представляет собой развал каменного здания из смежных раскопов VI (1952 г.) и XVII (1954 г.) Его основание находится на поверхности нижнего слоя, который датируется, по мнению автора раскопок, III в. до н.э. по находке фасосского клейма и других обломков синхронных амфор [Погребова, 1958, с. 121-122]. Эти находки действительно синхронны, но относятся к IV в. до н.э. Клеймо хранится в музее под № 19, оно практически стерто, поэтому в публикации указана только эмблема [Погребова, 1958, с. 142]. Это – раннее клеймо прямоугольной формы с эмблемой и надписью по периметру, т.е. тип IV в. до н.э. Фрагменты ранних амфор [Погребова, 1958, с. 142-144, рис.19, 1-8, 11] представляют собой обычный набор IV в. до н.э.: большинство составляют рюмкообразные ножки амфор Менды/Халкидики первых трех четвертей IV в. до н.э. [Paradouroulos, Paspalas, 1999; Монахов, 1999, с. 422, 529], значительное количество составляют фрагменты фасосских биконических амфор, представлены так называемые «боспорские» амфоры, имеются фрагменты гераклейских амфор IV – первой четверти III в. до н.э. с соответствующими клеймами (самым поздним является клеймо Этюма поздней фабрикантской группы, для которой предлагается датировка концом IV – первой четвертью III в. до н.э.) [Кас, 2003, р. 270-271, 277]. Вносили неясность клейма Херсонеса, для которых прежде предлагались завышенные даты по Р.Б. Ахмерову (конец III в. до н.э.) [Погребова, 1958, с. 144, 146]. Магистраты Аполлонид и Котюттион, представленные на этих клеймах, согласно хронологии В.И. Каца, входят в ранние группы – 1 и 2А соответственно, с датировкой концом IV – 280-ми гг. до н.э. [Кац, 1994]. Родосское эпонимное клеймо Архемброта I было широко продатировано III-II вв. до н.э., оно входит в V группу и датируется прибл. 134-133 гг. до н.э. [Finkielsztejn, 2001, р. 165, 195, tabl. 16, 21]. Косские клейма Василида и Адея, отнесенные к III в. до н.э. [Погребова, 1958, с. 145, рис. 20, 3, 5], имеют аналогии в памятниках II в. до н.э.

² Выражаю благодарность В.С. Житищеву за предоставленную возможность ознакомиться с этими материалами.

и начала I в. до н.э. соответственно [Зайцев, Пуздровский, 1994, рис. 8, 10; Grace, Savvatiānou-Petropoulakou, 1970, p. 364, № E 236].

Наряду с чернолаковой керамикой IV в. до н.э., отмечены фрагмент чернолакового сосуда с накладным орнаментом, выполненным белой краской, он обозначен как сосуд в технике «гнация», а также фрагмент расписного ионийского сосуда «в стиле Гадра», для них предложена датировка III-II вв. до н.э., которая относится к обеим группам в целом [Погребова, 1958, с. 121, 148]. Сузить дату этих небольших фрагментов затруднительно, но датировка подобных сосудов возможна и II-I вв. до н.э. В большом количестве на Знаменском, в сравнении с другими нижнеднепровскими городищами, представлены рельефные чаши и именно они, в первую очередь, не позволяли сомневаться в наличии слоя и объектов III-II вв. до н.э. Сама Н.Н. Погребова большую часть «мегарских чаш» продатировала II в. до н.э. [Погребова, 1958, с. 148]. В коллекции МГУ хранится около 50 фрагментов «мегарских чашек», имеются археологически целые экземпляры, почти все они принадлежат к ионийской группе. В настоящее время датировка самих чаш и их использования в Северном Причерноморье идет в направлении повышения. В Неаполе фрагменты «мегарских чаш» представлены только в горизонтах E и F II в. до н.э. и совмещаются с родосскими клеймами от 175 г. до н.э. [Зайцев 2003, с.14-15, с.21 – табл. 2]. В Беляусском могильнике они представлены в погребениях II в. до н.э. [Пуздровский, 2007, с. 79]. Отмечено также, что чаши с изображением эротов на двуконных колесницах [Погребова, 1958, с. 149, рис. 21, 4] находят обычно в слоях II в. до н.э. [Самойлова, 1984, с. 121]. С.А. Коваленко относит подавляющую часть обломков чаш ионийского производства с городища Кара-Тобе ко второй половине II в. до н.э. Среди них встречены экземпляры с придонной частью, украшенной напользающими друг на друга небольшими листиками – несколько таких фрагментов присутствуют в коллекции Знаменского городища [Погребова, 1958, рис. 9, 7; Внуков, Коваленко, 1998, с. 68-69, рис. 5, 2]. Предложенная С.А. Коваленко схема эволюции мотивов орнамента позволяет соотнести типы оформления элементов чаш со Знаменского городища с серединой – третьей четвертью II в. до н.э. [Коваленко, 1989, с. 469, рис. 39, с. 429, рис. 1, № 56, 121].

Подводя итог, следует заметить, что Знаменское городище выделяется довольно значительным количеством артефактов, датирующихся II в. до н.э., но материалов с достоверной датой III – началом II вв. до н.э. нет.

На *Гавриловском городище* обращено внимание на фрагменты очагов, датируемых периодом эллинизма. Н.Н. Погребова так описывает стратиграфию: средний основной слой, датирующийся обломками амфор I в. до н.э. – I в. н.э., подстилается нижним слоем, где находок становится меньше и встречается греческая керамика IV-III вв. до н.э. – строительных остатков в нем нет, за исключением разрушенных каменных очагов в раскопе III. Эти очаги автор раскопок связала с нижним строительным периодом городища и датировала

его началом I в. до н.э. [Погребова, 1958, с. 183, 198]. «Эллинистическое время» как датировка материала выступает очень широко. Часто подразумевается обычный набор амфор IV в. до н.э.: Хиос, Менда/Халкидика, Фасос, Гераклея, Синопа и фрагменты синхронных чернолаковых сосудов, поскольку прежде для этих находок предлагалась дата IV-III вв. до н.э. [Погребова, 1958, с. 210, рис.44, 1-3, с. 215-216, рис. 46, 5-8]. В перечне керамических находок из ямы 5 раскопа IV упомянуты два фрагмента, которые, по мнению автора раскопок, предположительно можно датировать еще III в. до н.э., они принадлежат чернолаковому сосуду с белой росписью и буролаковому сосуду; при этом отмечено, что в этой яме найдены стандартные двуствольные ручки амфор I в. до н.э. – I в. н.э. [Погребова, 1958, с. 200]. Узкая датировка фрагментов сосудов затруднительна, обычно для такой керамики предлагается широкая дата III- II вв. до н.э., встречаются похожие сосуды и во II-I вв. до н.э. Следует заметить, что «росписью в стиле гнация» здесь называется любой накладной орнамент белой краской. В эту группу, к примеру, был включен сосуд малоазиатского производства с датировкой концом II – началом I в. до н.э. На Гавриловском городище не выделяются хроноиндикаторы III и II вв. до н.э., поэтому в данном случае, вероятно, имеет смысл учесть датировку основного материала из заполнения ямы.

Аштовское городище исследовалось в 1980-х гг., результаты опубликованы руководителями раскопок [Гаврилюк, Абикулова, 1991]. Автор предлагаемой статьи имел возможность ознакомиться также с коллекциями материала, хранящимися в фондах Херсонского краеведческого музея. К первому периоду здесь отнесена жилая постройка в так называемом предместье. Предлагается датировать ее концом III – началом II вв. до н.э. и предполагается ее разрушение в ходе нападения сарматов – в этом случае можно было бы ожидать отложения соответствующего раннего материала. На возможность корректирования даты уже указывалось [Bul'kova, 2005, p. 229-230; Былкова, 2007а, с. 95-96]. Узким хроноиндикатором указанного времени служит пара бронзовых серег с петелькой и крючком и проволоочной обкруткой по всей сережке [Гаврилюк, Абикулова, 1991, ч.1, с.8, 22, 46 - рис. 18,5]. Следует заметить, что серьги этого типа встречаются в памятниках позднескифской культуры Крыма, они распространены в I в. н.э. и даже в более позднее время, аналогии представлены в Беляусском могильнике [Дашевская 1991, с.37-38, табл. 67, 10] и в погребении 11 первой половины I в. н.э. могильника Кара-Тобе [Внуков, Лагутин, 2001, с.110-111, рис.15, 12, с. 119]. Из других артефактов конца III – начала II вв. до н.э. было выделено херсонесское клеймо. При этом применялась схема В.В. Борисовой и само клеймо оказалось прочитанным неверно [Гаврилюк, Абикулова, 1991, ч. 1, с. 22, рис.19, 1]. По мнению Н.Ф. Федосеева, единственным возможным восстановлением является имя астинома Бафилла I хронологической группы, в этом случае клеймо датируется последней четвертью IV в. до н.э. [Кац, 1994,

с. 91, №42]. В указанной статье предлагается в качестве аргумента амфорная статистика – 22% составляют находки эллинистических амфор, но это определение не равнозначно дате конец III – начало II вв. до н.э. В коллекции там присутствуют и распространенные в IV в. до н.э. амфорные материалы, и находки II-I вв. до н.э. Материала, убедительно датирующегося концом III – первой половиной II вв. до н.э., на Анновском городище выделено не было.

К аргументам, изложенным в рассматриваемой статье [Гаврилюк, Крапивина, 2007], можно добавить предложенные В.М. Зубарем датировки его раскопов на *Любимовском городище* [Зубар, Храпунов, 1989]. Было высказано предположение, что находки нескольких фрагментов эллинистической керамики могут указывать на время основания поселения – III-II вв. до н.э. [Зубар, Храпунов, 1989, с. 133-134]. Знакомство с коллекцией, хранящейся в фондах Херсонского краеведческого музея под № 6299, показало, что эта дата может быть пересмотрена. Выделен был фрагмент высокой ножки фасосской биконической амфоры с датой IV-III вв. до н.э. [Зубар, Храпунов, 1989, с. 132, рис. 1, 7], эта находка под № 6299/209, как уже отмечалось выше, относится к IV в. до н.э. Фрагменты чернолаковой керамики принадлежат поздним сосудам малоазиатского производства, они изготовлены из глины сероватого оттенка и покрыты редким жидким лаком. Ножка канфара №6229/338 близка по форме сосуду из Беляусского могильника, датирующегося второй половиной II в. до н.э. [Дашевская, 1991, с. 109, табл.53, 10; Пузровский, 2007, с. 79, с. 289, рис. 16, 1, 6]. Предметы, которые могли бы быть отнесены к III – первой половине II в. до н.э., в коллекции отсутствуют.

В результате проведенного анализа можно видеть, что достаточное археологическое обоснование для выделения первого периода в существовании позднескифских памятников на Нижнем Днепре, датирующегося второй половиной III - началом II вв. до н.э., отсутствует. Это относится также и к представлению о продолжении жизни на единичных памятниках во второй четверти III в. до н.э. Представляется более вероятным, что возобновление оседлой жизни на территории Нижнего Поднепровья происходило не ранее II в. до н.э., возможно, ближе к его середине. Во время относительной стабилизации в Северном Причерноморье, которая по-разному проявлялась в разных регионах Причерноморья, т. е., во второй половине III – первой половине II вв. до н.э. [Виноградов, 1999, с. 66], постоянного населения в Нижнем Поднепровье еще не было. Ю.А. Виноградов учел тенденцию к повышению даты позднескифской культуры и обратил внимание на то, что оседлая жизнь на Нижнем Днепре развивается несколько позднее, чем в Крыму, что вписывается в его объяснение ситуации «запустения степей» в III в. до н.э. [Виноградов, 1999, с. 80-81].

Все вышеизложенное подразумевает необходимость нового объяснения формирования позднескифской культуры на Нижнем Днепре, т.е., для Нижнеднепровской Скифии актуальными являются те же проблемы, что и для Малой Скифии в Крыму. Единства взглядов в этом не наблюдается, что в

определенной степени связано с использованием «длинной» или «короткой» хронологии и соответственно признания или непризнания прямого континуитета. «Короткая» хронология требует нового объяснения появления позднескифской культуры в Поднепровье, поскольку ни из развития скифской культуры, ни из переселения ольвийского населения в период редукции хоры ее в этом случае вывести нельзя. Выделение компонентов синкретичной позднескифской культуры принципиальных разногласий у исследователей не вызывает. Предметом дискуссии является соотношение этих компонентов и их доминирование на различных этапах существования культуры. Странники «длинной хронологии» предполагают постепенное наложение разных субстратов непосредственно на территории Нижнего Днепра, где всегда теплилась какая-то жизнь. «Короткая» хронология, большие различия между скифской и позднескифской культурами, а также изначальное присутствие всех компонентов синкретичной позднескифской культуры на городищах Нижнего Днепра вызывают необходимость другого объяснения [Былкова, 2007a]. Нам представляется, что культура могла сформироваться на иной территории и в единстве ее основных составных быть перемещенной в Нижнее Поднепровье, там она испытала дополнительное воздействие со стороны населения Ольвии, а затем, в небольшой степени, влияние сарматов [Былкова, 1999; 2007a; 2007]. А.Н. Щеглов предполагал возможность переселения в Крым оседлого земледельческого населения, ставшего основой позднескифской культуры этого региона [Щеглов, 1998]. Следует учесть концепцию М.Е. Ткачука, который определил облик культуры нижнеднепровских городищ как «затейливое переплетение утерянных гетских керамических и архитектурных традиций с традициями скифской культуры и элементами каких-то латенизированных культурных групп» и предположил, что «скиры и галаты не только сдвинули в восточном направлении ареал Пруто-Днестровской Гетики, но и возглавили это продвижение в Нижнее Поднепровье и Крым и в результате именно такого развития событий могла сложиться столь синкретичная и типологически неустойчивая гето-латено-скифская культура нижнеднепровских городищ» [Ткачук, 1999, с. 297-298]. С.И. Андрух отмечала продвижение фракийцев на восток в III-II вв., включая территорию распространения памятников позднескифской культуры [Андрух, 2000, с. 72]. Обращается внимание на то, что фракийские материалы присутствуют на позднескифских городищах Нижнего Днепра в самых ранних объектах [Былкова, 2004; Гаврилюк, 2009].

«Короткая» хронология, предполагающая отсутствие континуитета в развитии культур Нижнего Поднепровья на протяжении скифского и позднескифского времени, позволяют высказать мнение о том, что уход скифов в Добруджу в III в. до н.э. и формирование там смешанной культуры имел продолжением дальнейшее перемещение последней на Нижний Днепр. Отмечено, что в Добрудже на начальном этапе скифская и гетская культуры разделялись, а к моменту исчезновения Малой Скифии на этой территории

происходит полная ассимиляция гетами скифов и, возможно, других народов, попадавших в их среду (бастарнов, греков) [Андрух 1995, с. 116]. Это может объяснить изначальный сплав основных компонентов позднескифской культуры, фиксирующийся на городищах Нижнего Днепра.

Уточнение времени существования памятников, отказ от обязательного III в. до н.э. в Нижнем Поднепровье позволяет сделать попытку совместить гипотезы разных исследователей относительно характера позднескифской культуры рассматриваемого региона. Это объясняет отсутствие в позднескифской культуре явно выраженных скифских элементов, которые должны были бы проявиться ярче при наличии континуитета. Становится понятным изначально выраженный синкретизм культуры и большое количество фракийских черт. Греческое влияние осуществлялось еще в Добрудже, но на Нижнем Днепре оно проявилось дополнительно со стороны Ольвии. «Короткая» хронология находится в противоречии с гипотезой В.М. Отрешко [1982] о перемещении населения ольвийской хоры в период ее сокращения на Нижний Днепр, но в I в. до н.э. определенная эллинизация населения позднескифских городищ ольвиополитами несомненно могла осуществляться [Гаврилюк, Крапивина, 2007, с. 63-64]. Вписывается в эту историческую ситуацию и надпись в честь Аргота, датирующаяся в настоящее время не ранее 133-130 гг. до н.э. [Зайцев, 2003, с. 152]. Фракийцами, против которых воевал Аргот, в этом случае могли быть названы первоначальные обитатели позднескифских городищ Нижнего Днепра.

В рамках одной статьи не предполагалось рассмотрение и даже постановка всех проблем, но уточнение хронологии представляется принципиальным, что позволит в дальнейшем продолжить рассмотрение актуальных вопросов возникновения и развития позднескифской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Амперер Ж.-И., Гарлан И. Греческие амфорные мастерские // Греческие амфоры. – Саратов, 1992.
- Андрух С.И. Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н.э. (Этно-политический аспект). – Запорожье, 1995.
- Андрух С.И. «...Смешанные с фракийцами скифы» (Apol. Rhod. IV. 320) // ВДИ. – 2000. - № 3.
- Былкова В.П. Гетская керамика с поселений на Нижнем Днепре // Thracians and circumpontic world. Part II. – Chisinau, 2004.
- Былкова В.П. К вопросу о населении Нижнего Поднепровья в III-II вв. до н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. - III. – Запорожье, 1999.
- Былкова В.П. Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). – Херсон, 2007.
- Былкова В.П. О хронологии и культуре позднескифских городищ Нижнего Днепра // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). – Тирасполь, 2002.
- Былкова В.П. Позднескифские городища Нижнего Днепра: проблемы хронологии и атрибуции // Tyragetia. - 2007a. - S.n. - Vol. I [XVI], nr. 1.

- Былькова В.П.* Поселения на Нижнем Днепре в аспекте скифо-эллинических отношений (рубеж V-IV вв. до н.э. – III в. н.э.) // Археологические вести. – № 7. – СПб., 2000.
- Былькова В.П.* Поселения Нижнего Днепра в IV в. до н.э. – III в. н.э.: Дисс. канд. ист. наук. – К., 1999 / НА ИА НАНУ. – Ф. 12 № 801.
- Виноградов Ю.А.* Северное Причерноморье после падения Великой Скифии (Своеобразие стабилизации в регионе второй половины III – первой половины II вв. до н.э.) // *Nuretboreus*. – 1999. – Vol. 5. – Fasc. 1.
- Внуков С.Ю., Коваленко С.А.* Мегарские чаши с городища Кара-Тобе. // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. – М., 1998.
- Внуков С.Ю., Лагутин А.Б.* Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму. // Поздние скифы Крыма. – М., 2001.
- Вязьмитина М.И.* Золота Балка. – К., 1962.
- Гаврилюк Н.О.* Охоронні роботи на постскифських городищах Нижнього Подніпров'я // Археологічна збірка. № 2. – Херсон, 2002.
- Гаврилюк Н.А.* Фракийцы в Нижнем Поднепровье (по материалам Золотобалковского поселения) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. – Ростов-на-Дону, 2009.
- Гаврилюк Н.А., Абикулова М.И.* Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья (новые материалы). Ч. 1-2. – К., 1991.
- Гаврилюк Н.А., Крапивина В.В.* Нижнеднепровские городища (к проблеме возникновения и развития) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. // Боспорские чтения. VI. – Керчь, 2005.
- Гаврилюк Н.А., Крапивина В.В.* Постскифские городища Нижнего Поднепровья и Ольвия // Древности Северного Причерноморья в античное время. // МАИЭТ. – Supplementum. – Вып. 4. – Симферополь, 2007.
- Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму. САИ. – Вып. Д1-7. – М., 1991.
- Зайцев Ю.П.* Неаполь скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). – Симферополь, 2003.
- Зайцев Ю.П.* Скилур и его царство. (Новые открытия и новые проблемы) // ВДИ. – 1999. – № 2.
- Зайцев Ю.П.* Хронология Неаполя скифского // Древности Степного Причерноморья и Крыма. V. – Запорожье, 1995.
- Зайцев Ю.П., Пуздровский А.Е.* Неаполь Скифский в эпоху диофантовых войн // Северо-Западный Крым в античную эпоху. – К., 1994.
- Зубар В.М., Литвінова Л.В.* Роботи експедиції «Славутич» у 1978 р. // Археологія. – 1982. – № 38.
- Зубар В.М., Храпунов М.* Нові дослідження Любимівського городища // Археологія. – 1989. – № 4.
- Кац В.И.* Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. – Саратов, 1994.
- Коваленко С.А.* Античная рельефная керамика III-I вв. до н.э. в Северном Причерноморье: Дисс. канд. ист. наук. – М., 1989 / ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва.
- Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю.* От Скифии к Готии. Очерки истории изучения варварского населения Степного и Предгорного Крыма (VII в. до н.э. – VII в. н.э.). – Симферополь, 2004.
- Леви Е.И.* Керамический комплекс III-II вв. до н.э. из раскопок ольвийской агоры // Ольвия. Теменос и агора. – М.-Л., 1964.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VIII-II веков до н.э. – Саратов, 1999.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология: Каталог-определитель. – М. – Саратов, 2003.
- Онайко Н.А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV-II вв. до н.э. – САИ. – Вып. – Д1-27. – 1970.
- Отрешко В.М.* З історії Ольвійського поліса в IV-I ст. до н.е. // Археологія. – 1982. – № 41.
- Погребова Н.Н.* Позднескифские городища на Нижнем Днепре (Городища Знаменское и Гавриловское) // МИА № 64, 1958.
- Полли С.В.* От Скифии к Сарматии. – К., 1992.

- Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. – Симферополь, 2007.
- Пуздровский А.Е. Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. – 1999. – № 4.
- Пуздровский А.Е. Этническая история Крымской Скифии (II в. до н.э. – III в. н.э.) // ХС. – 1999а. – Вып. X.
- Самойлова Т.Л. Рельефная керамика эллинистического времени из раскопок Тиры // Северное Причерноморье. – К., 1984.
- Стети европейской части СССР в скифо-сарматское время / АН СССР. Институт археологии. – М., 1989.
- Ткачук М.Е. Гетика, которую мы потеряли. (Из антологии хронологических разрывов) // Stratum plus. – 1999. – № 3.
- Федосеев Н. Ф. Хронология синопских магистратских клейм // Тез. докл. межд. конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья». – II. – Запорожье, 1994.
- Щеглов А.Н. Еще раз о позднескифской культуре в Крыму (к проблеме происхождения) // История и культура древних и средневековых обществ. Проблемы археологии. – Вып. 4. – СПб., 1998.
- Шукин М.Б. К истории Нижнего Поднепровья в первые века нашей эры // АСГЭ. – 12. – 1970.
- Bylkova V.P. The Chronology of Settlements in the Lower Dnieper Region (400-100 BC) // Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400-100 BC. – Black Sea Studies. – 3. – Aarhus, 2005.
- Conovici N. Les timbres amphoriques. 2. Sinope. Histria. Les resultants des fouilles. VIII. – Bucarest-Paris, 1998.
- Finkielstein G. Chronologie detailee et revise des eponyms amphoriques rhodiens, de 270 a 108 av. J.-C. environ: Premier bilan (BAR International Series). – Oxford, 2001.
- Grace V.R., Savvatiadou-Petropoulakou M. Les timbres amphoriques grecs // Exploration Archeologique de Delos. – XXVIII. – 1970.
- Green J.R. Gnathia and Other Overpainted Wares of Italy and Sicily: A Survey // Ceramiques Hellenistiques et Romaines. – III. – 2001.
- Кас В.И. A New Chronology for the Ceramic Stamps of Herakleia Pontike // The Cauldron of Ariantas. – Black Sea Studies. – 1. – Aarhus, 2003.
- Lawall M. Negotiating Chronologies: Aegean Amphora Research, Thasian Chronology and Pnyx III // Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400-100 BC. – Black Sea Studies. – 3. – Aarhus, 2005.
- Papadopoulos J.K., Paspalas S.A. Mendaian as Chalkidian Wine // Hesperia. – 1999. – 68/2.

В.П. Билкова

ДО ПРОБЛЕМИ ВИНИКНЕННЯ ПІЗНЬОСКІФСЬКОЇ КУЛЬТУРИ НА НИЖНЬОМУ ДНІПРІ

Резюме

Сучасні дослідження пізньоскіфської культури Криму та Нижнього Дніпра демонструють відхід від традиційних поглядів, тому знов стають актуальними проблеми походження культури, загальної археологічної характеристики, хронології, еллінізації та ін. Особливо значення у вивченні пізньоскіфської культури Нижнього Дніпра набувають питання хронології, яка значною мірою слугує базою визначення її походження. Дослідники до сьогодні датують деякі пам'ятки регіону III ст. до н.е., спираючись на датування 1950-х рр. В статті розглядаються конкретні археологічні матеріали з пізньоскіфських городищ Нижнього Дніпра, які використовувалися як хроноіндикатори. Визначення дат змінює хронологічні позиції, що вимагає нового підходу до проблеми виникнення пізньоскіфської культури на Нижньому Дніпрі.

В.П. Былкова

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОЗДНЕСКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ

Резюме

В исследовании позднескифской культуры Крыма и Нижнего Днепра наблюдается отход от традиционных взглядов, вновь обрели актуальность и дискуссионность проблемы происхождения культуры, ее археологической характеристики, хронологии, степени эллинизации и др. В изучении позднескифской культуры Нижнего Поднепровья особое значение имеет установление хронологии, поскольку на ней в значительной степени базируется определение ее происхождения. Исследователи до сих пор считают возможным датировать некоторые памятники этого региона III в. до н.э., поэтому представляется необходимым рассмотреть в предлагаемой статье конкретные материалы и обосновать их даты. В результате хронологические позиции изменяются, что влечет за собой необходимость нового объяснения возникновения позднескифской культуры на Нижнем Днестре.

V.P. Bylkova

BEGINNINGS OF LATE SCYTHIAN CULTURE IN THE LOWER DNEIPER REGION

Summary

Modern studies of Late Scythian culture in the Crimea and in the Lower Dnieper region demonstrate the changes of traditional views. Problems of origin, chronology, archaeological characteristics, hellenization etc. are now topical and debatable. Concerning the Late Scythian culture in the Lower Dnieper region one can indicate an importance of determination in chronology as a base of speculations on problems of beginnings of this culture. Till now the scholars admit dates of 1950s and consider some settlements to be dated to the 3rd century BC. In this article the chronological indicators have been analyzed with correction of dates. As a result a chronological position is changed and new ideas for beginnings of Late Scythian culture in the Lower Dnieper region are proposed.

ПРОЦЕСС ХРИСТИАНИЗАЦИИ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

В научном наследии В.М. Зубаря значительное место занимают исследования по раннему христианству в Северном Причерноморье [Зубарь, 1991; Зубарь, Хворостяный, 2000 и др.]. Сложные, неоднозначно интерпретируемые учеными процессы распространения и утверждения христианства в Херсонесе и на Боспоре постоянно интересовали его. Помню нашу длительную дискуссию весной 2004 г. в Киеве, когда Виталий Михайлович все же согласился с доводами о целесообразности выделения раннего этапа в распространении христианства на Боспоре и существовании определенных отличий, по сравнению с Херсонесом, в этом процессе. Археологические исследования последних лет в Восточном Крыму А.И. Айбабина (Боспор), В.Н. Зинько (Тиритака), Е.А. Молева (Китей) и продолжающееся изучение автором статьи грунтовых склепов некрополя на северном склоне горы Митридат дают новые факты и аргументы для понимания этого сложного и довольно противоречивого процесса в истории Боспорского государства.

В первые века н.э. идеология Боспорского царства претерпевает определенную эволюцию. В религиозных представлениях городского населения стали преобладать сугубо частные культы, не связанные с официальной религией. Исторически сложившиеся связи с восточными провинциями Римской империи обусловили проникновение негреческих синкретических культов, в основном мистических восточных божеств. Особенно большое распространение на Боспоре получил культ безымянного Бога Высочайшего. В это же время из Малой Азии начинает проникать и христианское вероучение. Отдельные группы первых христиан были слишком незначительны в пестрой религиозной картине Боспорского государства первых веков, и до второй половины III в. нет каких-либо достоверных источников об их существовании. В целом этот *первый период* (до середины III в.), можно рассматривать как время появления отдельных адептов и первых христианских проповедей среди боспорского населения, которые практически не оставили следа в многочисленных религиозных объединениях Боспорского царства. Хотя некоторые исследователи склонны видеть в широком распространении культа Бога Высочайшего результат некоторого влияния христианской религии [Новосадский, 1928, с.63], которое, однако, сейчас не подтверждается [Левинская, 2000, с.199-214].

После варварских походов второй половины III в. в Боспорском царстве наблюдается определенный упадок государственных институтов и бедственное положение подавляющей массы городского и сельского населения [Гайдукевич, 1949, с. 454; Айбабин, 1999, с.44]. В то же время складываются предпосылки в идеологической жизни, в первую очередь выразившиеся в наличии тенденций к монотеизму, что в конечном итоге и обусловило постепенное распространение на Боспоре христианской религии [Гайдукевич, 1949, с.466]. Ее первые адепты, возможно, и вышли из среды боспорских синодов почитателей Бога Высочайшего [Зубарь, Хворостяный, 2000, с.136], однако последователи этого культа в целом вероятно препятствовали распространению христианского учения на Боспоре. Тесные связи Боспорского царства с Малой Азией, откуда в основном проникали новые религиозные течения, безусловно, влияли на распространение христианства [Diatroptov, 1999, p.222-223].

Во второй половине III в. вместе с пленниками из Малой Азии [Zoc. I, 34, 1] на Боспоре появляются небольшие группы христиан, среди которых предположительно могли быть даже представители клира, что вероятно способствовало более быстрому распространению христианского вероучения [Гайдукевич, 1949, с. 466]. Начинается *второй период* (вторая половина III – начало IV вв.) в процессе становления нового вероучения в Боспорском царстве – создание раннехристианских общин в различных боспорских приморских городах.

К этому времени относятся и археологические находки, являющиеся материальными свидетельствами существования в это время на Боспоре последователей христианства. Так в 1993 г. в каменном склепе некрополя Китя был найден серебряный перстень второй половины III в. с геммой на сердоликовой вставке, украшенной Т-образным крестом и рыбами под верхней перекладиной креста [Хршановский, 1994, с.265]. Подобная овальная сердоликовая вставка бронзового перстня была найдена при раскопках могильника у дер. Ново-Отрадное в могиле III в. [Арсеньева, 1963, с.195, рис.3]. Вставку украшает вырезанное изображение двух рыб с четырехконечным крестом между ними. Наличие в могиле керамики с рельефным изображением собаки (?), бус, фибулы, браслета с окончанием в виде змеиной головы, монеты боспорского царя Савромата I (93-123 гг.), использованной как украшение перстня, не позволяет некоторым исследователям рассматривать это погребение как исключительно христианское [Зубарь, Хворостяный, 2000, с. 124]. В тоже время, если этот перстень и не нес определенной смысловой нагрузки, то все же является материальным свидетельством знакомства боспорян с новым религиозным течением. Этот погребальный комплекс, благодаря подвижной фибуле варианта 15/1-5 по А.К. Амброзу, использовавшейся до конца III в. [Айбабин, 1999, с.47], можно датировать последней четвертью III в. Следует также упомянуть еще две геммы с христианскими символами, обнаруженные в Керчи (изображены птица и крест) и Феодосии (человеческая фигура и крест) и датируемые III-IV вв. [Diatroptov, 1999, p.224].

С начала IV в. о процессе распространения христианства на территории Боспорского царства можно судить уже не только по археологическим находкам, но и по эпиграфическим памятникам и отдельным письменным источникам. В настоящее время известны несколько надгробий с изображениями крестов и типичными раннехристианскими эпитафиями, а также надгробия с крестами, которые, к сожалению, не всегда поддаются точной датировке. Подавляющее большинство христианских надгробий обнаружено на равнинном участке пантикапейского некрополя (Глинище), значительно меньше их обнаружено на некрополе северного склона горы Митридат. К IV в. исследователи относят шесть памятников (надгробия Евтропия, Евпрепия, Платона, Агораста, сына Луя, Трифона, сына Агафа, Устана, сына Нейкифора) [Диатроптов, Емец, 1995, с.17; Diatroptov, 1999, p. 234]. Наиболее ранней является эпитафия Евтропия, датируемая 304 г. [Шкорпил, 1900, с.59]. В центре плиты высечен крест, с расширяющимися лучами. Первой половиной IV в. н.э. датируется надгробие, найденное В.В.Шкорпиллом на Карантинной улице г. Керчи [Шкорпил, 1912, с. 18-28, № 9]. На известняковой плите выбита надпись: «Трифон, сын Агафа, прекрасно проживший жизнь, покоится здесь. Карбан поставил». Над надписью имеется хрисма и буквы: А и О. Внутри букв сохранились следы от красной краски. Все имена, упомянутые в эпитафии, являются греческими [Диатроптов, Емец, 1995, с. 23].

Несмотря на то, что христианских надгробий, точно датируемых IV в., известно крайне мало, однако ясно, что уже в это время возникли небольшие христианские участки на некрополе Пантикапея: на северном склоне горы Митридат (в районе улиц Госпитальной и Желябова), в районе Глинища и по дороге, ведущей к Царскому кургану [Цветева, 1951, с.83; Диатроптов, 1988, с. 60].

При исследовании вопросов проникновения христианства на территорию Боспорского государства ранее практически не привлекались росписи из грунтовых склепов некрополей Боспора-Пантикапея и Китея. Однако живописные изображения из этих склепов являются важными источниками в изучении становления раннего христианства на Боспоре [Зинько, 2003; 2009]. В первых веках н.э. для передачи основных догм новой идеологии христиане пользовались условными выражениями, словами и буквами. Но, очевидно, не считая и их достаточно надежными для передачи тайного смысла учения стали употреблять знаки-символы и отдельные изображения (треугольники, буквы, виноградная лоза, птицы, якоря) [Уваров, 2001, с.80]. Возможно, именно эти религиозные нормы отражены в художественном оформлении первых христианских склепов конца III – V вв. на Боспоре.

С конца III в. на территории Боспорского царства начинают свою постоянную деятельность христианские общины, которые погребают своих единоверцев на определенных участках некрополя и устанавливают погребальные стелы с надписями и изображением креста. Так при исследовании пантика-

пейского некрополя в конце XIX – начале XX вв. на северном склоне горы Митридат было открыто 6 склепов с христианскими символами и найдено более двух десятков надгробий [Кулаковский, 1891; 1896; Ростовцев, 1914, с.405, 414-415, 435]. В результате проводимых нами раскопок на этом участке некрополя открыто 5 ранее неизвестных склепов с христианской символикой (склепы №№ 2, 11, 16 «Система 2000 г.»; № 46 «Система 2003 г.»; № 5 «Система 2004 г.»). В трех из открытых склепов стены и свод камеры украшены изображением крестов. [Зинько, 2001, с. 70-72.; 2004, с.311]. Прделанная типологическая и хронологическая классификация, также топографическая привязка значительной группы грунтовых склепов пантикапейского некрополя как с геометрическими рисунками (в склепах I типа), так и с христианскими граффити (в склепах II типа), а затем с псалмами и крестами (в склепах III типа) [Зинько, 2004], представила эволюцию раннехристианских погребальных росписей Боспора. Причем на примере пантикапейских склепов III-VI вв. прослеживается тенденция к упрощению росписей и сохранению, в конечном счете, одного главного символа – креста. Этот символ становится единственным живописным элементом в пантикапейских грунтовых склепах с конца V в. [Зинько, 2004, с.318]. К аналогичному заключению, на основании изучения группы раннехристианских склепов Херсонеса, в настоящее время присоединилась И.А. Завадская [Завадская, 2007].

Подобные росписи с использованием христианских символов встречаются в склепах Китея [Молев, 2010, с.98], в Херсонесе [Ростовцев, 1914; Завадская, 2007] и, конечно же, в других провинциях Римской империи. Так в склепе III в. из «Beit Guvrin» (Израиль) изображение креста помещено между двух птиц и венчает арку ниши, основная стена которой украшена рисунком виноградной лозы с гроздьями [Rahmani, 1999, pl.12]. В христианском склепе конца IV – начала V вв. из Lochamey ha-Getaoth центральная стена восточной ниши украшена рисунком амфоры, из горла которой вырастает две виноградные лозы с гроздьями и листьями, по краям веток сидят птицы. Между ветвей винограда над амфорой помещено изображение креста. Вертикальный луч креста длиннее горизонтального и как в пантикапейском склепе №16 «Система 2000 г.» по внешнему краю лучи креста ограничены короткими поперечными окончаниями с дуговидными изгибами. Место пересечения лучей креста украшено дополнительными короткими лучами, перекрещивающимися между основными лучами креста [Michaeli, 2001, p.15].

Открытие новой группы памятников на некрополе Пантикапея-Боспора с христианскими живописными мотивами и символами дополняют сведения о процессе распространения христианства на Боспоре и расширяют круг источников в исследовании вопросов развития раннехристианской идеологии и искусства.

К 325 г. на Боспоре уже образовалась христианская епархия, и боспорский епископ Кадм участвовал в Никейском соборе [Бенешевич, 1908, с. 295;

Якобсон, 1958, с. 461]. В.М. Зубарь, не оспаривая факта присутствия боспорского епископа в Никее, указывает, что в греческих списках отцов Никейского собора имя этого епископа пишется различно (Cadmos, Cathmus, Cathirius, Cadamnus, Cadmus, Marcus), а в синайском и арабском списках он назван Домном [Бенешевич, 1908, с. 283-306; Лебедев, 1916, с. 112; Васильев, 1921, с. 285-286]. С этого времени начинается *третий период* в христианизации Боспора, охвативший время с первой четверти IV до второй трети V в., период самостоятельного функционирования Боспорской епархии. Сообщения о боспорских христианах и об одном из боспорских епископов второй половины IV в. сохранились в византийских письменных хрониках [Созомен, 1948, с.302-312]. Однако длительное время она оставалась малочисленной и слабой христианской организацией на далекой окраине греко-римского мира. Христианизация Боспорского царства в этот период происходила довольно медленно. Об этом свидетельствует ограниченное количество христианских надписей и лишь небольшая группа христианских погребальных сооружений. На Боспоре до сих пор археологически не засвидетельствовано ни одной христианской молельни IV-V вв., в то время как действуют святилища других божеств.

На основании длительного изучения боспорского города Китея Е.А. Молев считает, что распространение христианства привело к сокращению языческих религиозных обрядов на территории гигантского городского зольника со второй половины IV в., но они продолжали совершаться здесь вплоть до начала VI в. [Молев, 2010, с.98]. Так же и в центральной части города Тиритака функционирует на протяжении II – первой половины V вв. большое языческое святилище [Зинько А., 2007, с.178].

Возможно в IV в. на Боспоре христианами еще не сооружались специальные постройки для богослужений, а приспособлялись уже заброшенные погребальные и иные постройки на античных некрополях Пантикапея, Илурата, Китея. Широко известен факт отправления ранними христианами обрядов в римских катакомбах [Свенцицкая, 1989, с.102], а также то, что в Херсонесе для этих целей использовались некоторые погребальные сооружения на территории некрополя [Зубарь, 1991, с.22-23].

При раскопках Царского кургана, расположенного в 3 км к северу от Пантикапея, в дромосе и погребальной камере были обнаружены многочисленные изображения крестов различной конфигурации [Ашик, 1848, с.28]. При проведении архитектурных исследований этого монументального погребального памятника В.Ф. Гайдукевичем были скопированы и детально изучены около ста изображений крестов. По форме начертания обнаруженные кресты отнесены П.А. Диатроптовым и И.А. Емцем к IV в. или даже к концу III в., а использование монументальной погребальной камеры Царского кургана христианами для богослужений в этот период объяснено присутствием военной опасности или какой-то смуты, которыми изобиловала позднеантичная история этого государства [Диатроптов, 1995, с.20].

Еще несколько вероятных мест для христианских богослужений были открыты на некрополе боспорского города-крепости Илурат. В 1972 г. был открыт склеп № 32, сооруженный в I-II вв. На стенах погребальной камеры было изображено шесть вырезанных позднее крестов: три – на северной стене, два – на восточной, а один в нише напротив входа [Кубланов, 1979, с. 94-95, рис. 1-3]. По своей форме эти кресты с расширяющимися концами близки к группе аналогичных изображений в дромосе Царского кургана [Шалькевич, 1976, с.161, рис. 31, 3]. К моменту раскопок погребальная камера античного склепа уже несколько раз подвергалась разграблению и поэтому установить хронологию использования этого сооружения достаточно сложно. Однако находки фрагментов посуды и других вещей на полу склепа позволяют предположить, что погребальная камера посещалась в последний раз не позднее IV в. [Кубланов, 1979, с. 94]. Здесь же, на территории некрополя Илурата, в скальном основании круглого в плане помещения был расчищен грубо вырубленный крестовидный знак, слева от которого имелось схематическое изображение рыбы, а справа – птицы [Кубланов, 1979, с.97, рис.1,5,6]. В неглубокой вырубке у основания креста заметны антропоморфные контуры. Вероятно, что данная постройка также использовалась первыми христианами для совершения культовых обрядов [Diatroptov, 1999,р.224].

На основании имеющихся в настоящее время археологических данных, отдельные монументальные погребальные камеры на некрополях Пантикапея, Илурата, Китея можно рассматривать как места, приспособленные для богослужений первыми христианами и находящиеся вдали от непосвященных. Это соответствует практике ранних христианских еклесий, отделявших себя от окружавшего их мира [Свенцицкая, 1989, с.103]. Однако нельзя исключать наличие и специальных построек для христианских молений, в частности для IV-V вв. Так Е.А. Молев считает возможным предполагать, что китейские христиане в IV-V вв. представляли собой отдельную единицу в боспорской епархии и имели свой храм [Молев, 2010, с.98].

И так на протяжении третьего периода в Боспорском царстве создаются и постоянно функционируют христианские общины, большинство из которых уже к 325 г. были объединены в отдельную Боспорскую епархию, возглавляемую епископом Кадмом. В то же время практически ничего не известно об отношениях между Боспорской епархией и Боспорским царством на протяжении IV – первой половины V вв. Кроме того, еще в V в., несмотря на наличие уже долго существующей епископальной организации, имеют место автономные христианские общины, организованные по образцу фиасов [Болгов, 1996, с.104].

В середине V в. крупной общественной фигурой в истории Боспорского царства был епископ Евдоксий, более десяти лет являвшийся духовным пастырем боспорян. Он участвовал в трех поместных соборах: Константинопольском 448 г., Эфесском 449 г. и Константинопольском 459 г. [Кулаковский, 1891, с.28]. Вероятно, именно в это время происходит процесс превращения

христианства в общегосударственную религию Боспорского царства. Этому способствовал ряд факторов. Постоянные варварские набеги V в. [Айбабин, 1999, с. 80] привели к ослаблению многих государственных институтов. В то же время христианская церковь Боспора выступила главным хранителем греческой культуры, языка, письменности. Возможно, под эгидой церкви организовывалась оборона от врагов, распределялось продовольствие во время голода и неурожаев. Вхождение Боспорской епархии в 451 г. в подчинение Константинопольскому патриарху давало возможности Византийской империи более активно через христианские организации влиять на события на Боспоре. Определенную роль сыграла и личность епископа Евдоксия, та работа, которую он проводил по укреплению христианской церкви. Все это подготовило всплеск государственной активности в Боспорском царстве в последней трети V в., связанный с именем первого, известного по эпитафическим источникам, боспорского царя-христианина Тиберия Юлия Дуптуна. Эта надпись благодаря исследованиям Ю.Г. Виноградова датируется 483 г. [Виноградов, 1998]. О том, что боспорский царь Дуптун был христианином, свидетельствуют не только изображение в надписи крестов, но и его титулатура [Виноградов, 1998, с.245].

Признание боспорской епархии боспорскими царями, официально принявшими христианство, и подчинение константинопольскому патриарху положило начало *четвертого периода* (последняя треть V – первая треть VI вв.) в процессе христианизации Боспорского царства, когда христианство становится официальной государственной религией. Однако длительное время эта христианская епархия на северо-восточной окраине греко-римского мира оставалась малочисленной и довольно слабой. И лишь только в первой трети VI в. н.э. Византийская империя, на территории бывшего Боспорского царства, начинает масштабное строительство христианских базилик.

Превращение христианства на Боспоре в государственную религию и последовавшее впоследствии включение боспорских земель в состав христианской Византийской империи создало условия для завершения христианизации боспорян. Процесс христианизации Боспорского царства охватил несколько столетий и в нем на основании комплексного анализа различных источников можно выделить четыре периода [Зинько, 2004, стор.13]: *первый период* (до середины III в.) – первые христианские проповеди на Боспоре; *второй период* (вторая половина III – начало IV вв.) – создание раннехристианских общин; *третий период* (первая четверть IV – вторая треть V вв.) – самостоятельное функционирование Боспорской епархии; *четвертый период* (последняя треть V – первая треть VI вв.) – христианство – государственная религия Боспорского царства. Однако еще долго в среде простых боспорян, особенно сельских жителей, были сильны пережитки языческих верований. Но основы духовной и мирской жизни, заложенные христианской церковью в ранневизантийскую эпоху, оказались прочными и сохранялись на Боспоре в самых неблагоприятных условиях варварских набегов еще многие столетия.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999.
- Арсеньева Т.Н.* Некрополь римского времени у дер. Ново-Отрадное// СА, №1, 1963.
- Арсеньева Т.Н.* Могильник у дер. Ново-Отрадное//МИА, №155 – 1970.
- Ашик А.Б.* Боспорское царство. – 1848.
- Бенешевич В.Н.* Синайский список отцов Никейского первого вселенского собора//Известия Академии наук. – Серия VI. – №3, СПб., 1908.
- Болгов Н.Н.* Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV-V вв.). – Белгород, 1996.
- Васильев А.А.* Готы в Крыму//Известия Российской академии истории материальной культуры. – Ч. 1. – Т. I. – М., 1921.
- Виноградов Ю.Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия //ВДИ. – №1. – 1998.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. – М.-Л., 1949.
- Диатроптов П.Д.* Распространение христианства в Северном Причерноморье. – Автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 1988.
- Диатроптов П.Д., Емец И.А.* Корпус христианских надписей Боспора // Эпиграфический вестник. – Вып. 2. – М., 1995.
- Завадская И.А.* К вопросу об эволюции христианской погребальной росписи в ранневизантийский период//VIII Боспорские чтения. – Керчь, 2007.
- Зинько А.В.* Особенности религиозной жизни Тиритаки V-VI вв. н.э. (по материалам археологических раскопок) //Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. – Материалы международной научной конференции. – Часть 1. – СПб., 2007.
- Зинько Е.А.* Проблемы исследования позднеантичных боспорских расписных склепов.// МАИЭТ – Вып. VIII. – Симферополь, 2001.
- Зинько Е.А.* Христианские мотивы в росписях пантикапейских склепов //МАИЭТ – Вып. X. – Симферополь, 2003.
- Зинько Е.А.* Вопросы хронологии раннехристианских склепов Боспора // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы междунаучной конференции. – СПб, 2004.
- Зинько О.О.* Раннехристианский Боспор (III-VI ст.). – Автореферат диссертации на зд. наук. ст. к. и. н. – Київ, 2004.
- Зинько Е.А.* Эволюция раннехристианских погребальных росписей Боспора //Боспорский феномен. – СПб., 2009.
- Зубарь В.М.* Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом// Византийская Таврика. – К., 1991.
- Зубарь В.М.* Проникновение и утверждение христианства // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н.э. – Очерки истории и культуры. – Харьков, 2004.
- Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.). – К., 2000.
- Кубланов М.М.* Новые погребальные сооружения Илурата//КСИА – Вып. 159. – М.,-1979.
- Кулаковский Ю.А.* Керченская христианская катакомба 491 г.//МАР. – СПб., 1891.
- Кулаковский Ю.А.* Две керченские катакомбы с фресками // МАР. – СПб., 1896.
- Левинская И.А.* Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры. – СПб, 2000.
- Лебедев А.П.* Список епископов I Вселенского собора в 318 имен. – Пг., 1916.
- Молев Е.А.* Боспорский город Китей. – К., 2010.
- Новосадский Н.И.* Боспорские фиасы //Труды секции археологи РАНИОН. – М., 1928.
- Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. – СПб., 1914.
- Светицкая И.С.* Раннее христианство: страницы истории. – М., 1989.
- Созомен.* Церковная история //ВДИ. – №3.– 1948.

- Уваров А.С. Христианская символика. М-СПб, 2001.
- Христановский В.А. Раскопки некрополя Китея // Археологические исследования в Крыму. 1993. – Симферополь. – 1994.
- Цветаева Г.А. Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. – № 19 – М., 1951.
- Шалькевич А.А. Архитектурные исследования Царского кургана //Труды ГЭ. – Т.ХVII. -Л., 1976.
- Шкорниц В.В. Три христианские надгробия, найденные в Керчи в 1898 г.// ЗООИД. – XXII, отд.5. - 1900.
- Шкорниц В.В. Боспорские надписи, найденные в 1911 г.// ИАК. – Вып. 45. – СПб., 1912.
- Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма//МИА. - №85– М., 1958.
- Diatroptov P.D. The Spread of Christianity in the Bosporus in the 3-rd – 6-th centuries // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. - Vol. 5. - № 3. -1999.
- Michaeli T. The Vine Scrolls Motif in Antique and Early Christian Funerary Art-Content and Meaning. The Metamorphosis of Marginal Images: From Antiquity to Present Time. Tel Aviv University, 2001.
- Rahmani L.Y. A Catalogue of Roman and Byzantine Lead Coffins from Israel.- Jerusalem, 1999.

О.О. Зинько

ПРОЦЕС ХРИСТІЯНІЗАЦІЇ БОСПОРСЬКОГО ЦАРСТВА

Резюме

Процес христианизації Боспорського царства охопив декілька століть. В ньому на основі комплексного аналізу різних джерел можна виділити чотири періоду: перший період (до середини III ст.) – перші християнські проповіді на Боспорі; другий період (друга половина III – початок IV ст.) – створення ранньохристиянських громад; третій період (перша чверть IV – друга третина V ст.) – самостійне функціонування Боспорської єпархії; четвертий період (остання третина V – перша третина VI ст.) – християнство – державна релігія Боспорського царства. Однак довгий час ця християнська єпархія на північно-східній околиці греко-римського світу залишалася малочисельній та досить слабкою. І лише тільки у першій третині VI ст. н.е. Візантійською імперією на території колишнього Боспорського царства починається масштабне будівництво християнських базилік та христианизація всього населення.

Е. А.Зинько

ПРОЦЕСС ХРИСТИАНИЗАЦИИ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

Резюме

Процесс христианизации Боспорского царства охватил несколько столетий. В нем на основании комплексного анализа различных источников можно выделить четыре периода: *первый период* (до середины III в.) – первые христианские проповеди на Боспоре; *второй*

период (вторая половина III – начало IV вв.) – создание раннехристианских общин; *третий период* (первая четверть IV – вторая треть V вв.) – самостоятельное функционирование Боспорской епархии; *четвертый период* (последняя треть V – первая треть VI вв.) – христианство – государственная религия Боспорского царства. Однако длительное время эта христианская епархия на северо-восточной окраине греко-римского мира оставалась малочисленной и довольно слабой. И лишь только в первой трети VI в. н.э. Византийской империей на территории бывшего Боспорского царства начинается масштабное строительство христианских базилик и христианизация всего населения.

E. A. Zinko

THE PROCESS OF CHRISTIANIZATION OF THE BOSPORUS

Summary

The process of Christianization of the Bosphorus seized several centuries. It can be divided into four periods based on a comprehensive analysis: *the first period* (until the middle of the 3rd century AD) – the first Christian sermons in the Bosphorus; *the second period* (second half of the 3rd century – the beginning of the 4th century AD) – the creation of early Christian communities; *the third period* (first quarter of the 4th – the second third of the 5th century AD) – the independent functioning of the Bosphorus Diocese; *the fourth period* (the last third of the 5th century – the first third of the 6th century AD) – Christianity became the state religion of the Bosphorus. However, for a long time, the Christian diocese in the north-eastern outskirts of Greco-Roman world remained small in number and rather weak. Only in the first third of the 6th century Byzantine Empire began large scale construction of Christian basilicas and the Christianization of the population in the territory of the former Kingdom of the Bosphorus.

FRÜHES CHRISTENTUM „AN DER (OST)GRENZE“ EUROPAS

Damit wollen wir uns vor allem auf das Gebiet der heutigen Ukraine konzentrieren, welche, wie schon die im Titel gegebene Übersetzung ihres Namens sagt, das typische Grenzland darstellt¹.

Allerdings schreibt Herodot 4, 45: „Ich kann mir nicht zusammenreimen, warum man den Erdteilen, die doch eigentlich ein ganzes Land bilden, drei Namen gegeben hat ... Ich weiß auch nicht, weshalb als Grenze hierfür der ägyptische Nil angenommen wird und der kolchische Phasis. Andere setzen für den Phasis den maietischen Tanais und die kimmerischen Hafentplätze.“²

Demnach handelt es sich im Gegensatz zum Westen und Norden, wo Europa vom Meer klar begrenzt ist, im Osten – die Strecken am Schwarzen und am Asowschen Meer ausgenommen – um eine imaginäre Grenze, die die einen beim Fluss Phasis, dem heutigen Rion beim georgischen Kaukasus, die anderen beim Tanais, dem heutigen Don in Russland sahen (Abb. 1).

Auch in der Spätantike haben wir eine Kultureinheit im gesamten Mittelmeerraum, d. h. in Europa, Asien und Afrika, weshalb wir z. B. in der so genannten Paulusgrotte in Ephesos³, der *metropolis Asiae*, die gleichen ikonographischen Themen (etwa Isaakopfer und Himmelfahrt des Elija) finden wie in den Katakomben von Rom.

Der Apostel Andreas kam laut Euseb. hist. eccl. 3, 1, welcher auf Origenes, also einer Information aus dem zweiten Jahrhundert basiert, vermutlich über Kleinasien zu den Skythen, d. h. auf die heutige Halbinsel Krim⁴.

¹ Siehe hierzu A. Kappeler, Vom Grenzland zur Eigenstaatlichkeit: Historische Voraussetzungen von Staat und Nation. In: J. Besters-Dilger (Hg.), Die Ukraine in Europa. Aktuelle Lage, Hintergründe und Perspektiven (Buchreihe des Institutes für den Donauraum und Mitteleuropa 9). Wien – Köln – Weimar 2003, 11 – 31.

² So die Übersetzung bei J. Feix (Hg.), Herodot. Historien I. Bücher I – V. Griechisch – deutsch. Zürich 1995, 534f.

³ Näheres zuletzt bei R. Pillinger – F. Ghizzoni – G. Fulgoni – S. Gianoli – S. Salvatori – J. Weber – K. Sterflinger – Ł. Bratasz, Die Wandmalereien in der so genannten Paulusgrotte von Ephesos: Studien zur Ausführungstechnik und Erhaltungsproblematik, Restaurierung und Konservierung. AnzWien 143/1 (2008) bes. 74 – 77.

⁴ Genaueres bei R. Pillinger, Ukrain's Approach to the Preservation of its Ancient and Religious Inheritance. In: J. Besters-Dilger (ed.), Ukraine on its Way to Europe. Interim Results of the Orange Revolution. Frankfurt/Main 2009, bes. 299f. (eine ukrainische Version ist derzeit in Druck, eine deutsche ist geplant).

Ebenso schreibt der Apostel Paulus (aus Tarsos in der heutigen Südosttürkei) Kol. 3, 11 zur Gleichheit aller Menschen im Christentum: „Da ist nicht Heide und Jude ... Barbar und Skythe ...“, womit man wohl schon zu apostolischer Zeit mit Christen in diesem Gebiet rechnen darf.

Christliche Monumente finden wir dort allerdings erst viel, d. h. 300 Jahre, später.

Die meisten davon liefert Chersonesos beim heutigen Sevastopol⁵ im Südwesten der Halbinsel Krim.

Doch selbst seine Missionierung erfolgt laut der legendären Passio der Sieben Märtyrerbischöfe⁶ erst im vierten Jahrhundert durch die Initiative von Bischof Hermon aus Jerusalem.

Die ältesten erhaltenen Denkmäler finden sich wohl im sepulkralen Bereich (Abb. 2). Die Namen in den neugefundenen christlichen Gräbern⁷ sind anders als in Pantikapaion/Kerč durchwegs griechische, also Kolonisten (wie z. B. Ariston auf Abb. 3).

Über ihre Datierung herrscht noch Unklarheit⁸. Ikonographische Parallelen etwa zu den Kreuzblüten aus dem vierten bzw. fünften Jahrhundert gibt es in der Nekropole von Serdica/Sofija⁹, allerdings auch noch viel später auf Textilien aus Ägypten¹⁰, was zeigt, wie gefährlich eine rein vergleichende Datierung ist.

Auch die zahlreichen frühchristlichen Kirchen ebendort¹¹ stammen alle aus dem fünften oder sechsten Jahrhundert.

Procop. aed. 3, 7, 10 sieht Chersonesos wie das gleich anschließend zu besprechende Bosphorus/Kerč ἐν ἐσχάτῳ... τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς (an der äußersten Grenze des Reiches)¹².

Dass er damit nicht unrecht hatte, zeigen die immer wieder einfallenden Fremdvölker

⁵ Zum allgemeinen Überblick vgl. neben den zahlreichen Publikationen von V. M. Zubar' G. R. Mack – J. C. Carter, *Crimean Chersonesos. City, Chora, Museum and Environs*. Austin 2003.

⁶ Siehe BHG I (1957) 265 – 267 und z. B. den Text bei F. Halkin, *La Passion des sept évêques de Cherson (Crimée)*. ABoll 102 (1984) 253 – 261.

⁷ Zu ihnen vgl. M. B. Ступко – Е. Я. Туровский – А. А. Филиппенко [M. V. Stupko – E. Ja. Turovskij – A. A. Filippenko], *О судьбах расписных склепов первых христиан Херсонеса [Über die ersten bemalten Gräber des frühchristlichen Chersones]*. Sacrum et profanum 3 (2007) 189 – 192 mit älterer Literatur und Farbabbildungen auf zwei Tafeln.

⁸ Siehe zuletzt В. М. Зубарь [V. M. Zubar'], *Склепи з християнським розписом некрополя Херсонеса: проблеми датування [Gräber mit christlicher Malerei in Chersonesos: Datierungsprobleme]*. Арх [Arh] (2. 2009) 18 – 21.

⁹ Bei R. Pillinger – V. Popova – В. Zimmermann (Redd. und Hg.), *Corpus der spätantiken und frühchristlichen Wandmalereien in Bulgarien (Bant 21)*, Wien 1999, Abb. 130 und 133.

¹⁰ So z. B. in J. Santrot (Red.), *Au Fil du Nil. Coleurs de l'Égypte chrétienne*. Paris – Nantes 2001, 73, Nr. 43.

¹¹ Zu ihnen vgl. u. a. A. Pülz, *Die frühchristlichen Kirchen des taurischen Chersonesos/Krim*. MiChA 4 (1998) 45 – 78.

¹² Hinsichtlich der Situation am Limes, d. h. der „Grenze“ des Imperium Romanum vgl. u. a. R. Pillinger, *Der Ausgang des antiken Christentums am Unterlauf der Donau*. In: M. Kandler – St. Karwiese – R. Pillinger (Hgg.), *Lebendige Altertumswissenschaft = Festgabe zur Vollendung des 70. Lebensjahres von H. Vetters*. Wien 1985, 265 – 269.

wie etwa die Goten¹³, die sich in der Gegend von Mangup (Abb. 4) und Eski Kermen¹⁴ ansiedelten und auch das Christentum annahmen. Ihre Bischöfe waren Suffragane von Chersonesos¹⁵. Nach wie vor ungeklärt ist die geographische Zuordnung des 325 in den Akten von Nikaia unterzeichneten Theophilus Gothiae¹⁶.

Ähnlich gab es eine teilweise Christianisierung der Hunnen¹⁷.

Im Osten der Halbinsel Krim liegt am Kimmerischen Bosphorus die Stadt Pantikapaion¹⁸, das heutige Kerč, wo sich der Einfluss des Judentums z. B. in den Freilassungen von Sklaven¹⁹ zeigt.

Das bislang älteste christliche Denkmal ist der Grabstein des Eutropis (Abb. 5), der durch seine Inschrift in das Jahr 601 der Bosphoranischen Ära, d. h. 304 n. Chr. zu datieren ist.

Das von J. Kulakovskij 1890 am nördlichen Abhang des Mithridatesberges entdeckte christliche Grab mit Psalmenzitaten samt gemalten Kreuzen²⁰ kann wieder durch eine Inschrift in das Jahr 788 der bosphoranischen Ära, d. h. 491 n. Chr. gesetzt werden.

Die hier Bestatteten Sauagas und Faesparta(s) sind wahrscheinlich Einheimische iranischer Herkunft, Barbaren aus griechisch-römischer Sicht.

Vermutlich aus der gleichen Zeit stammen drei Tonkrüge (Lekythoi/Balsamarien)²¹ mit gemalten Büsten bärtiger nimbiert Männer, die wahrscheinlich Apostel oder Heilige darstellen und an ebensolche auf Ampullen erinnern.

¹³ Zu ihnen siehe A. Schwarcz, Die Anfänge des Christentums bei den Goten. In: V. Gjuzelev – R. Pillinger (Hgg.), Das frühe Christentum in Bulgarien und auf der übrigen Balkanhalbinsel in der Spätantike und im frühen Mittelalter (Miscellanea Bulgarica 5). Wien 1987, 107 – 118 und K. Schäferdiek, Gotien. Eine Kirche im Vorfeld des frühbyzantinischen Reiches. JbAC 33 (1990) 36 – 52.

¹⁴ Vgl. Procop. aed. 3, 7, 13 – 17, der sie Dory nennt, und A. Гуськов [A. Gus'kov], Пещерные города Крыма. Мангуп-Кале, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Тепе-Кермен [Felsstädte der Krim. Mangup-Kale, Eski-Kermen, Čufut-Kale, Tepe-Kermen]. Альбом буклетов. Харків [Harkiv] 2000 und die Forschungsprojekte des RGZM „Krim im Frühmittelalter“ <http://web.rgzm.de/398.html> (eingesehen am 22. 09. 2009).

¹⁵ Unila wurde z. B. von Johannes Chrysostomos (epist. 14, 5 [SC 13, 151]) eingesetzt.

¹⁶ Genauer bei E. Popescu, Theophilus Gothiae. Bischof in der Krim oder an der unteren Donau. Byzantina 14 (1988) 237 – 249.

¹⁷ Bei Joh. Malalas Chron. 50,18 (L. Dindorf 431) und Theophan. chron. (C. de Boor 175) ist die Rede von der Taufe der Hunnenfürsten Grod und Gordas. Vgl. dazu auch einen Grab(?)stein im Museum von Simferopol mit einem Kreuz im Kreis und vielleicht hunnischen Schriftzeichen darunter.

¹⁸ Genauer bei R. Pillinger, Die Anfänge des Christentums auf der taurischen Chersones (Krim) demonstriert am Beispiel von Pantikapaion/Bospor/Kerč. In: F. Blakolmer – K. R. Krierer – F. Krinzinger – A. Landskron-Dinstl – H. D. Szemethy – K. Zhuber-Okrog (Hgg.), Fremde Zeiten = Festschrift für J. Borchhardt. Wien 1996, 309 – 317.

¹⁹ Siehe E. L. Gibson, The Jewish Manumission Inscriptions of the Bosphoran Kingdom (TSAJ 75). Tübingen 1999 und D. Noy – A. Panayotov – H. Bloedhorn (Eds.), Inscriptiones Judaicae Orientis I. Eastern Europe. Tübingen 2004, 268 – 285.

²⁰ Ю. А. Кулаковский [Ju. A. Kulakovskij], Керченская христианская катакомба 491 года [Eine christliche Katakombe in Kerč aus dem Jahr 491], МАР [MAR] 6 (1891) 1 – 31 und ders., Eine altchristliche Grabkammer in Kertsch aus dem Jahr 491. RQS 8 (1894) 49 – 87 und 319 – 327.

²¹ Ein schon publizierter befindet sich im Archäologischen Museum von Odessa, zwei weitere im Historisch-archäologischen Museum von Kerč sind noch unveröffentlicht.

Die Reste einer Kirche²² sind wie die der Basilika im 11 km südöstlich von Kerč gelegenen Tiritaka²³ und die bereits erwähnten in Chersonesos ins sechste Jahrhundert zu datieren. Zu erwähnen sind auch die Kreuze samt der Aufschrift ΚΟCΜΑΕ (Abb. 6 und 7) im Dromos des Zarskij Kurgan²⁴. Das dieses Gebiet in der Antike quasi am Ende der Welt lag, zeigt auch das Faktum, dass es ein beliebter Verbannungsort war. Der Sage nach wird bereits die griechische Königstochter Iphigenie von Artemis ins Taurerland, d. h. die heutige Krim, entrückt²⁵.

Der berühmteste historische Verbannte ist wohl der römische Dichter Ovid, der nach Tomi, dem heutigen Constanța in Rumänien²⁶ geschickt wurde. Danach kam der griechische Redner Dion Chrysostomos²⁷ nach Borysthene, dem heutigen Olbia.

In christlicher Zeit hat man einer jüngeren Legende nach den römischen Papst Clemens I. (88 – 97) zur Arbeit in den Marmorsteinbrüchen bei Chersonesos, beim heutigen Dorf Inkerman, verurteilt²⁸. Auch Johannes Chrysostomos war einmal (404) nach Kukusos/Göksun, in die heutige Türkei, und ein zweites Mal nach Pityus, heute Bičvinta/Georgien, verbannt²⁹. Anfang des Jahres 460 befand sich Patriarch Timotheos Ailuros von Alexandrien in Verbannung in Chersonesos³⁰.

Papst Martin I. (649 – 653) hat man ebenso nach Chersonesos geschickt³¹. Bestattet wurde er in der Nekropole an der Karantinischen Bucht in der ein Stadium südöstlich der

²² Näheres bei Т. И. Макарова [Т. I. Makarova], Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи [Archäologische Ausgrabungen in Kerč um die Kirche Johannes des Täufers], МАТ [MAT] 6 (1998) 344 – 393.

²³ Zu ihr vgl. В. Ф. Гайдукевич [V. F. Gajdukevič], Памятники раннего средневековья в Тиритакe [Frühmittelalterliche Denkmäler in Tiritaka]. СА [SA] 6 (1940) 190 – 204. Neuerdings wurden dort wieder Ausgrabungen durch V. N. Zin'ko aufgenommen: V. N. Zinko, Tyrityake. In: D. V. Grammenos – E. K. Petropoulos (Eds.), Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2/2 (BAR Int. Ser. 1675). 2007, 827 – 854.

²⁴ Vgl. dazu А. А. Шалькевич [А. А. Šal'kevič], Архитектурное исследование Царского Кургана. Труды Эрмитажа [Arbeiten der Ermitaž] 17 (1976) bes. 160 – 165 und П. Д. Диатроптов – И. А. Емец [P. D. Diatroptov – I. A. Emec], Корпус христианских надписей Боспора [Corpus der christlichen Inschriften des Bosphorus], ЭВ [EV] 2 (1995) 20, Nr. 58.

²⁵ Siehe hier u. a. E. Philipp, Die Iphigeniensage von Euripides bis Gerhart Hauptmann. Ungedr. Diss. Wien 1948.

²⁶ Genaueres bei K. Florian, Ovids Jahre am Pontus. Eine diachronische Analyse der Tristien und Epistulae ex Ponto als ein frühes Beispiel für europäische Exilliteratur. Innsbruck – Wien – Bozen 2007.

²⁷ Siehe or. 36, 1 – 61.

²⁸ Vgl. hier wieder R. Pillinger (wie Anm. 4), 299.

²⁹ Näheres bei Pallad. dial. 3, 39; 11, 63 und 11, 99 (SC 341: 68, 220 und 222); Soz. h. e. 8, 22, 6 und 8, 28, 2f. (Fontes Christiani 73/4 [2004] 1028 und 1050 – 1052 sowie F. Corsaro, Un martire cristiano nella Costantinopoli di Arcadio. Giovanni Crisostomo dalla sinodo della Quercia all'esilio. Orpheus 26 (2005) 48 – 65 und G. B. Dunn, The Date of Innocent I's Epistula 12 and the Second Exile of John Chrysostom. Greek, Roman and Byzantine Studies 45 (2005) 155 – 170.

³⁰ So Joh. Ruf. pleroph. 26 und 65 bis (PO 8, 63, 67, 122).

³¹ Siehe u. a. A. M. Piazzoni, Arresto, condanna, esilio e morte di Martino I. In: Martino I papa (649 – 653) e il suo tempo. Atti del XXVIII convegno storico internazionale, Todi 13 – 16 ottobre 1991. Spoleto 1992, 187 – 210 sowie B. Neil, Seventh-Century Popes and Martyrs. The Political Hagiography of Anastasius Bibliothecarius (Studia Antiqua Australiensia 2). Turnhout 2006.

Stadtmauer gelegenen Theotokoskirche, ἐπιλεγομένῳ Βλαχέρναις („der so genannten Blachernenkirche») ἐν σοροῖς ἁγίων („in den Gräbern der Heiligen»)³² (Abb. 2 und 8). In der lateinischen Version der Narrationes 28 (B. Neil, wie Anm. 31, 220) heißt es: *Positus est autem in tumulis sanctorum extra muros Chersonitarum civitatis quasi stad<i>o uno in pretiosissimo et reverentissimo templo sanctissimae et prae omnibus sanctis colendae ... virginis Mariae, quae cognominatur Blachernes ...* und Hypomnesticum 5 (B. Neil, wie Anm. 31, 248 und 250): ... *reconditus inter tumulos sanctorum, in domo percolenda sanctissimae ... dominae ... quae ... est Dei genetrix et semper virgo Maria quae appellatur Blachernes, extra muros a stadio uno ... urbis Chersonis.*

Der Mönch Maximus Confessor wurde 655 nach Thrakien, dem heutigen Bulgarien, und 662 nach Lazica im heutigen Georgien verwiesen³³. Bereits am Asowschen Meer, d. h. auf heute russischem Staatsgebiet liegt die Stadt Tanais³⁴ beim gleichnamigen eingangs von Herodot erwähnten Fluss. Auch dort gab es „Gottesverehrer»³⁵, d. h. Sympathisanten des Judentums. An all den genannten Orten bewirkte die Präsenz des aus dem Judentum herauswachsenden Christentums nicht nur wie dieses eine neue religiöse Orientierung zum Monotheismus, sondern markierte auch eine (Kultur)Grenze.

³² Näheres bei P. Peeters, Une vie grecque du pape s. Martin I. ABoll 51 (1933) 261f.; Д. В. Айналов [D. V. Ajnalov], Мемории Св. Климента и Св. Мартина въ Херсонесъ [Memorien des Hl. Klemens und des Hl. Martin in Chersones]. Москва [Moskva] 1915, bes. 17 und Т. Ю. Яшаева [Т. Ju. Jašaeva], Крестообразный загородный храм [Die kreuzförmige Kirche extra muros]. In: А. Б. Бернацки – Е. Ю. Кленина – Ст. Г. Рыжов [А. В. Bernacki – Е. Ju. Klenina – St. G. Rižov], Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического [Frühbyzantinische Sakralbauten des Taurischen Chersonesos]. Poznań 2004, 93 – 97.

³³ Vgl. wieder B. Neil (wie Anm. 32), 324 s.v.

³⁴ Genauerer zu ihr bringen Д. Б. Шелов [D. B. Šelov], Древности нижнего Дона [Altertümer am Unterlauf des Don]. Москва [Moskva] 1965; Т. М. Арсен'ева – Д. В. Šelov, Das antike Tanais – Forschungen und Geschichte. Klio 70/2 (1988) 372 – 403 und B. Böttger – J. Fornasier – Т. М. Арсен'ева, Tanais am Don. Emporium, Polis und bosporanisches Tauschhandelszentrum. In: J. Fornasier – B. Böttger (Hgg.), Das Bosporanische Reich. Der Nordosten des Schwarzen Meeres in der Antike (Sonderbände der Antiken Welt. Zaberns Bildbände zur Archäologie 33). Mainz 2002, 69 – 85.

³⁵ Σεβόμενοι θεῶν ὑψίστων nach dem Корпус Боспорских надписей [Corpus Inscriptionum Regni Bosporani <CIRB>]. Москва – Ленинград [Moskva – Leningrad] 1965, Nr. 1281, 1283 und 1285f.

Рената Пиллингер

РАННЕ ХРИСТИЯНСТВО НА «СХІДНІЙ МЕЖІ» ЄВРОПИ

Резюме

Ця стаття покликана продемонструвати значимість раннього християнства для такого прикордонного регіону, як територія сучасної України. Особлива увага приділяється пам'яткам у Севастополі і Пантікапею у Керчі. Також приділяється увага цьому регіону як місцю вигнання.

Рената Пиллингер

РАННЕЕ ХРИСТИАНСТВО НА «ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ» ЕВРОПЫ

Резюме

Эта статья призвана продемонстрировать значимость раннего христианства для такого приграничного региона, как территория современной Украины. Особое внимание уделено памятникам Херсонеса в Севастополе и Пантикапея в Керчи. Уделено внимание этому региону как месту изгнания.

Renate Pillinger

EARLY CHRISTIANITY «AT THE (EASTERN) BORDER» OF EUROPE

Summary

This article seeks to demonstrate the significance of early Christianity as a typical boarder region where there is Ukraine today. Special attention is paid to the monuments from Chersonesos in Sevastopol and from Panticapaion in Kerch. Consideration is also given to this region as a place of banishment.

Abb. 1 Griechische Kolonien an der Nordküste des Schwarzen Meeres

(nach http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Ancient_Greek_Colonies_of_N_Black_Sea_rus.svg [4. 9. 2009])

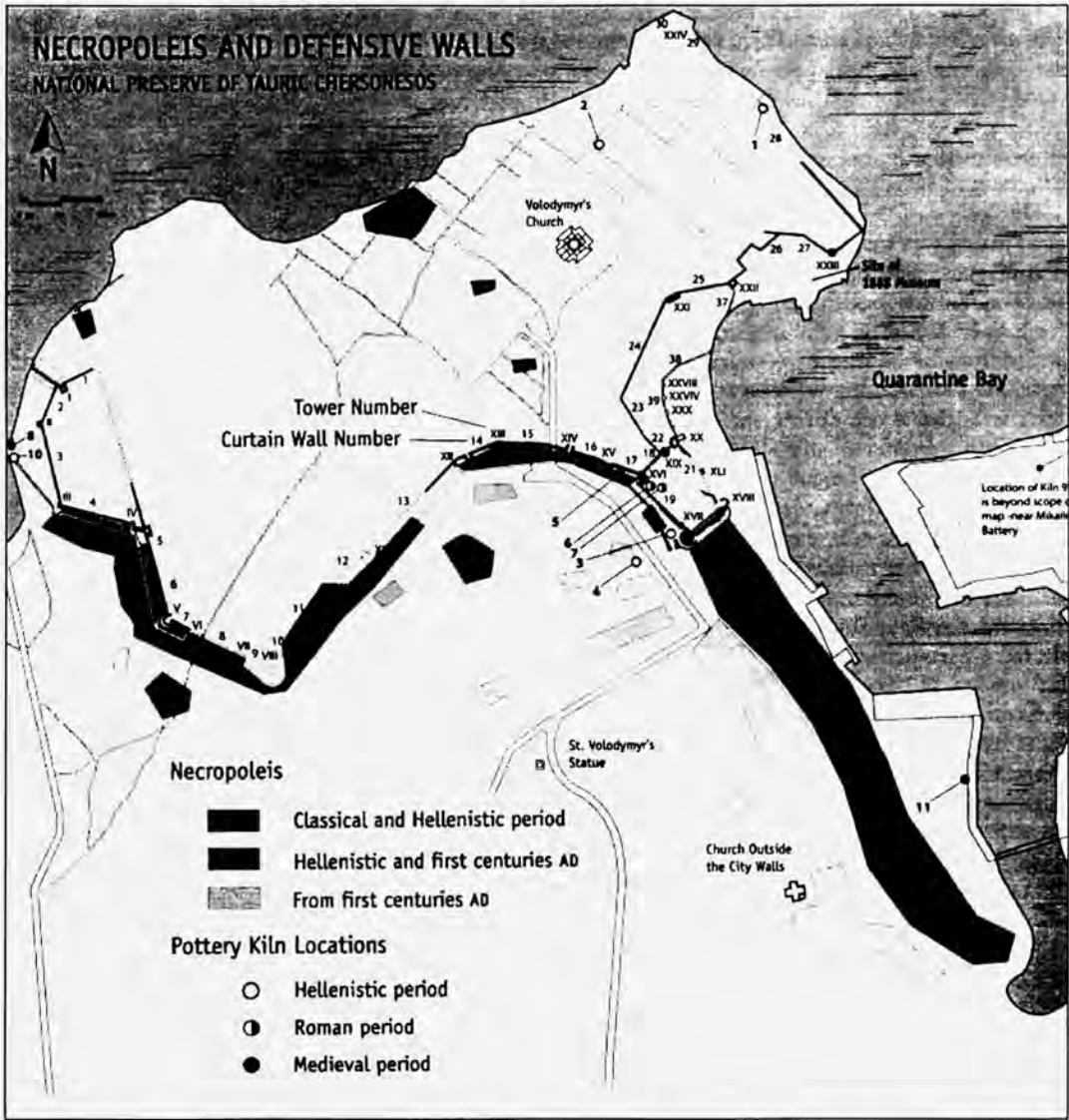

Abb. 2 Chersonesos: Nekropolen (nach G. R. Mack – J. C. Carter, 94 [nach V. M. Zubar'])

Abb. 3 Chersonesos: christliches Grab 2003 (Foto: R. Pillinger)

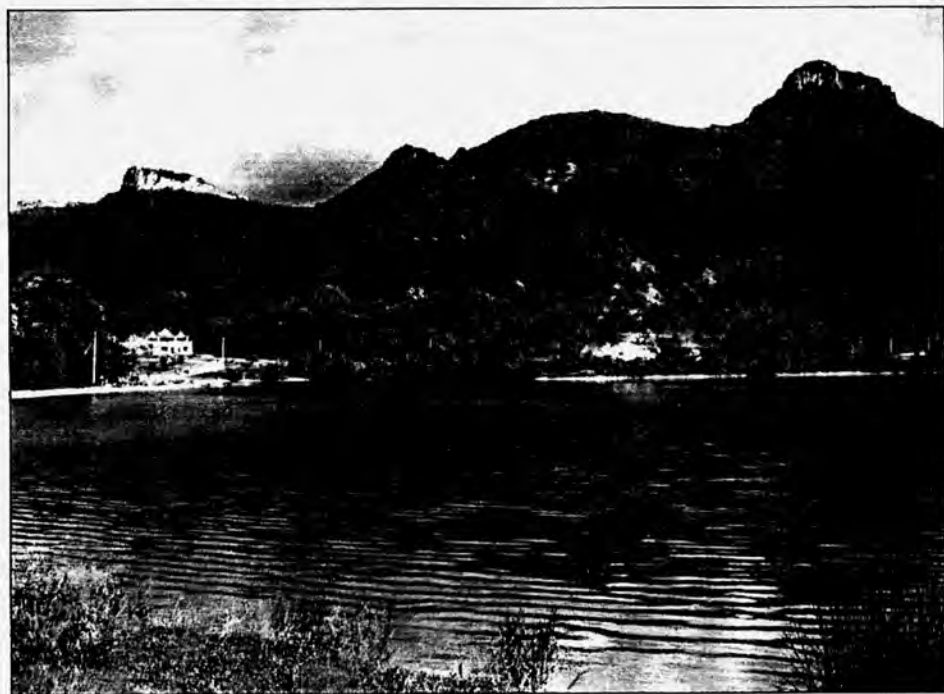

Abb. 4 Mangup-Kale (nach <http://de.wikipedia.org/wiki/Mangup> [eingesehen am 23. 09. 2009])

Abb. 5 Kerč, Historisch-archäologisches Museum: Grabinschrift des Eutropis (Foto: R. Pillinger)

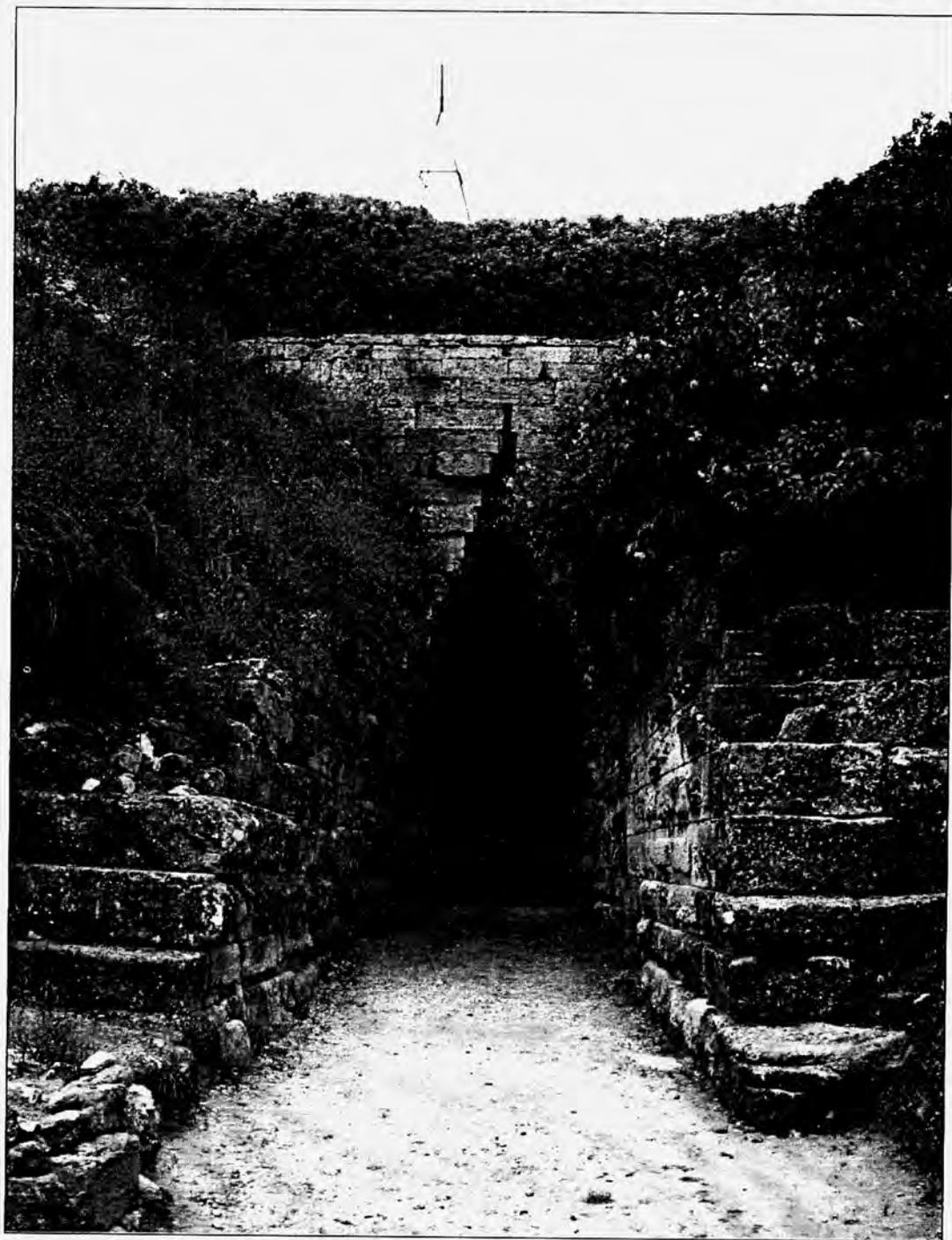

Abb. 6 Zarskij Kurgan (Foto: R. Pillinger)

ΚΟΙΝΑΔΑΙ

Abb. 7 Zarskij Kurgan: Aufschrift (nach einem Folder)

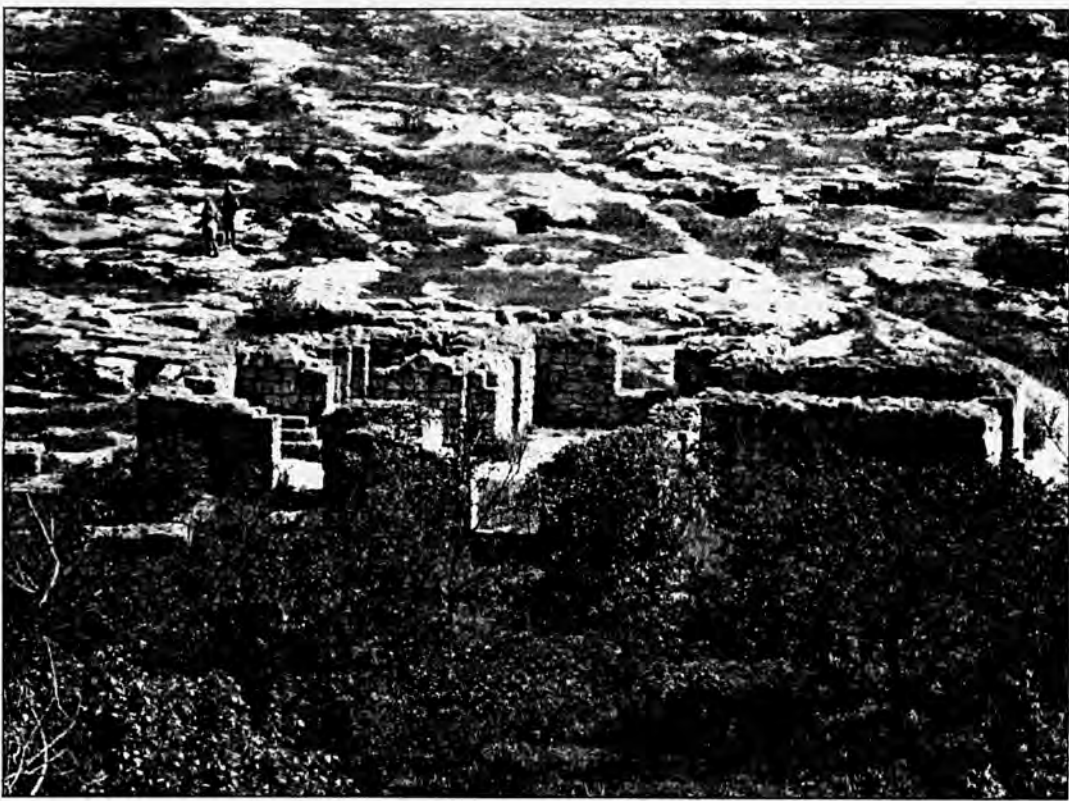

Abb. 8 Chersonesos: Kirche in der SO-Nekropole außerhalb der Stadt (Foto: R. Pillinger)

Н.Г. НОВИЧЕНКОВА, М.В. НОВИЧЕНКОВА

АРРЕТИНСКИЙ КУБОК С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СЦЕНЫ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

В 1984 г. при проведении археологических раскопок центральной части святилища у перевала Гурзуфское Седло обнаружены фрагменты крупного краснолакового кубка с рельефными антропоморфными изображениями (рис.1).

Кубок был изготовлен из плотной розовой глины, покрыт густым блестящим лаком темно-красного цвета. Сосуд является изделием мастерских Арции времени правления Августа [Новиченкова, 2002, с.125, рис.62 – 10, 66 – 20]. Многие его фрагменты обнаружены в жертвенных ямках сакрального центра святилища вместе с серебряными монетами-кистофорами Марка Антония из Пергама и Октавиана Августа из Эфеса 30-20-х гг. I в. до н.э., а также другими предметами, включая многочисленные фрагменты стеклянных сосудов.

Сосуд покоится на широком устойчивом поддоне, имеет форму колоколообразного кратера. Высота кубка – 14,5 см, Диаметр венчика – 19 см, диаметр дна – 9,5 см (рис.2). Венчик оформлен в виде двух гладких горизонтальных поясков, разделенных рельефным ребром. Еще два ребра расположены по верхнему краю венчика и в месте соединения верхней части сосуда с вместилищем. Ребра украшены косыми тонкими насечками. Основную часть площади тулова занимает фриз с изображением сцены жертвоприношения. В верхней части фриза помещен пояс из листков плюща, расположенных острой частью вниз. Чаша подобной формы хранится в музее в Бостоне [Chase 1950, Fig.208, p.157, 158; Chase 1970], но сюжетная композиция данного сосуда совершенно оригинальна.

Тулово сосуда покрыто рельефными изображениями фигур, которые расположены в определенном порядке по окружности (рис.3, 4). Фриз, имеющий длину 45 см и высоту 7 см, представляет собой повествовательный рельеф, описанию композиции которого посвящена данная публикация.

Подробный анализ сюжета затруднен в связи с тем, что сосуд, собранный из 70 фрагментов, склеен не полностью из-за активного его использования при совершении обрядов в святилище. Это объясняется тем, что фрагменты кубка имеют разную сохранность: некоторые – очень хорошую, что свидетельствует о том, что сосуд был совершенно новым, когда он был принесен в святилище и разбит. Часть фрагментов, не попавших в жертвенные ямки и оставшихся на поверхности, на площадке сакрального центра, сильно пострадала из-за того,

что центральная часть ритуального комплекса наиболее активно использовалась. Все обнаруженные в сакральном центре фрагменты керамики сильно потерты, расслоились и представляют в основном мелкие сколы.

Для арретинской керамики характерны либо демонстрация эротических сцен, либо сюжеты культовой тематики, в которых присутствуют изображения алтарей и крылатых фигур [Гайдукевич 1949, с.204, рис.85 – 1; Белов 1967, с.301-303; Boardman 1964, fig.250; Brown 1976, p.77].

На кубке из святилища у перевала Гурзуфское Седло также изображены алтари и антропоморфные персонажи (в том числе крылатая фигура), однако отличает его от известных экземпляров арретинской керамики, опубликованной в указанных каталогах, достаточно крупная величина и большое количество изображений. Всего на кубке помещены изображения одиннадцати элементов, из них – семь антропоморфных персонажей, а четверо – статичных (алтари и статуи). Некоторые фигуры сохранились на всю высоту (обычно она составляет 6 см), у других отсутствует верхняя часть. Для удобства описания элементы композиции пронумерованы, начиная со статуи Дианы (расположенной на стороне, которая лучше сохранилась), против часовой стрелки (Рис.3, 4).

Композиция представляет собой повествовательный рельеф, который образует фриз высотой 7 см и длиной 45 см. Она создана по единому замыслу, состоит из четырех взаимосвязанных друг с другом секторов (I – IV), которые разделены четырьмя статичными элементами: попарно расположенными друг напротив друга по разным сторонам чаши двумя алтарями (4 и 9) и двумя статуями (1 и 4). В каждом из секторов расположено по две фигуры, движущихся от статуй в направлении к каждому из алтарей. Так как композиция симметрична, к алтарю подходят по две пары (мужчина и женщина) с обеих сторон. Только в секторе II – одна антропоморфная фигура (с животным, предназначенным для жертвоприношения).

1. Статуя Дианы с копьем стоит на высоком постаменте в виде двух соединенных вершинами конусов (Рис.5). Лицо стерто. Правой рукой, заведенной за плечо, богиня вынимает из колчана стрелу. Слева у ног схематичное изображение, видимо, лани. Высота фигуры – 2,8 см, высота постамента – 2,2 см. Общая высота – 5 см. Статуя расположена в глубине (в то время как фигуры и алтари выдвинуты на передний план), поэтому размеры ее меньше.

2. Молодая женщина в длинной одежде с дарами (Рис.6).

Следует вправо от статуи Дианы к алтарю. Волосы собраны в узел на затылке. Правая рука опущена вдоль туловища, в левой согнутой женщина держит перед лицом блюдо с дарами (фруктами?). Изображение хорошей сохранности. Руки ниже локтя открыты, остальная часть фигуры задрапирована. На лице проступают мелкие детали изображения, заметна улыбка. Высота изображения – 5,6 см.

3. Молодой мужчина с обнаженным мускулистым торсом, стройными ногами, с поднятыми руками (жест адорации?), идущий перед женщиной № 2

к алтарю (рис.7). На бедрах повязка до колен, с узлом, завязанным спереди на поясе. Верхняя часть головы и кисти рук, поднятых вверх, отсутствуют. Пропорции фигуры близки по размерам предыдущей.

4. Алтарь прямоугольной формы со ступенчатым основанием, расчлененным горизонтальными линиями (рис.8). На лицевой поверхности алтаря – изображение трех фигур: центральная расположена фронтально, две боковых повернуты к ней. На поверхности алтаря схематичное изображение огня с многочисленными язычками пламени. Высота – 4,3 см.

5. Жрец – единственная непарная фигура (рис.9).

Высокая задрапированная фигура в длинной одежде. Верхняя часть туловища до пояса обнажена, через левое плечо перекинут плащ. На левой руке – поперечный обруч (браслет-?). Лицо необычайно выпуклое, вылепленное из глины, совершенно, до блеска, затерто, заполировано, но не сбито. Черты лица стерты и неразличимы как будто от многократного заглаживания. Лицо пострадало более всего. Фигура слегка наклонилась в сторону алтаря.левой рукой мужчина придерживает край одежды, правой – ведомого им к алтарю барана (или козла). Высота фигуры – 6 см.

6. Статуя (Аполлона-?) (рис.10). Основание постамента статуи, слева от которого заметна ступня ноги, опирающейся на носок (стоит непринужденно, заложив нога за ногу). Постамент подпрямоугольной формы, низ подчеркнут горизонтальными линиями, слева – вертикальная линия (вероятно, древко копья).

7. Обнаженный мужчина с пышными волосами и с острой бородой (Пан?) (рис.11). Мускулистая грудь выпукло изображена в рельефе. Направляется вправо от элемента № 6 к алтарю вслед за расположенной перед ним фигурой № 8. Голова повернута в профиль вправо. Видны пряди волос и бороды. Правая рука заведена назад, показана тонкой линией, в слабом рельефе. Изображение левой руки отсутствует. Высота фигуры – 6 см.

8. Фигура в длинной одежде, ниспадающей до пят (рис.12), идущая вправо к алтарю. Самая загадочная фигура, верхняя часть сбита. Из-за фигуры выглядывает свинья или кабан – голова, ноги и верхняя часть спины животного.левой опущенной рукой фигура держит нож, правой, согнутой в локте, – чашу.

9. Алтарь прямоугольной формы, сохранился хуже другого (элемент № 4) (рис.13). Видны его верхняя и нижняя расширенные части, подчеркнутые горизонтальными поясками. На лицевой стороне алтаря тоже имеются рельефные изображения. Верхняя часть алтаря со схематичным изображением жертвенного огня, с язычками пламени. Высота изображения – 4,5 см.

10. Молодая и стройная женщина с прямой спиной, в длинной одежде, с дарами (рис.14). Волосы сзади на шее собраны в пучок. Повернута влево, справа подходит к алтарю (элемент № 9), находится совсем близко от него. Длинная одежда перехвачена на талии поясом, руки по плечи обнажены. В левой опущенной руке – сосуд с вытянутым туловом и заостренным дном –

амфориск. В правой согнутой в локте и поднятой руке – блюдо с дарами (фруктами). Высота фигуры – 5,5 см.

11. Бегущая стремительно влево мужская обнаженная фигура (гений, Меркурий-?), в коротком, до колен, развевающимся плаще, приподнимающиеся полы которого образуют пышные складки (рис.15). Ноги выпукло переданы в рельефе. Устремляется к алтарю вслед за фигурой девушки. Возможно, держит молодое животное с короткими ножками.

Как мы видим, композиция образует замкнутый круг, где все элементы взаимосвязаны, а отдельные сцены (в зависимости от оси избранного центра) могут переходить из одной зоны в другую. Это либо две сцены, в каждой из которых изображены фигуры, идущие к алтарю, находящемуся в центре (сцены А и В), либо (если центром каждой сцены считать статуи) изображены фигуры, отходящие в обе стороны от статуй к алтарям, расположенным по бокам (сцены С и D). В любом случае, как ни рассматривать композицию, центром и осью зонального деления являются статичные элементы.

Из-за того, что одна треть изображения утрачена, а сохранившиеся две трети находятся в сильно пострадавшем виде, реконструкция деталей фигур по аналогии может корректироваться. Несмотря на неудовлетворительную сохранность сосуда, он представляет большую ценность ввиду того, что на его поверхности представлена многофигурная композиция, выполненная с большим мастерством и тщательностью. Идея композиции, образующей замкнутый круг, где все элементы взаимосвязаны, а отдельные сцены могут переходить (в зависимости от оси избранного центра) из одной зоны в другую, – связана с вечным движением.

Охарактеризованный памятник является ценным свидетельством связи сосуда с ритуальными сценами и с самим святилищем на Гурзуфском Седле, в котором он был найден. В святилище приносили издавна в жертву животных, в том числе и тех, которые изображены на кубке, – мелкий и крупный рогатый скот, свиней. Сосуд был использован в важный для истории святилища момент в обряде, связанном с освящением нового ритуального комплекса, предназначенного для отправления в святилище обрядов сожжения, которые ранее в нем не практиковались. Не случайно кубок разбит в сакральном центре святилища, где по оси симметрии было вырыто 17 жертвенных ямок, а когда их засыпали, в них оказалось определенное количество его фрагментов. Там же, в сакральном центре, совершались обряды сожжения, о чем свидетельствует слой гари и пятна прокаленного докрасна известняка на поверхности скалы.

N.G. Novichenkova, M.V. Novichenkova

THE ARRETINE BEAKER WITH THE IMAGE
OF THE SCENE OF SACRIFICE

Summary

The article is devoted to the description of the red-glazed beaker of the late 1st c. BC from the sanctuary near Gurzuf Saddle pass. The vessel belongs to the production of workshops of Aretia. It was broken during the ritual of sacrifice at the ground of the sacred center, when the new ritual complex was constructed. The outer surface of the beaker is covered with the relief images of figures, which are settled down along the circumference in definite order. The frieze represents the so called «narrative» relief with the image of the scene of sacrifice.

Рис. 1

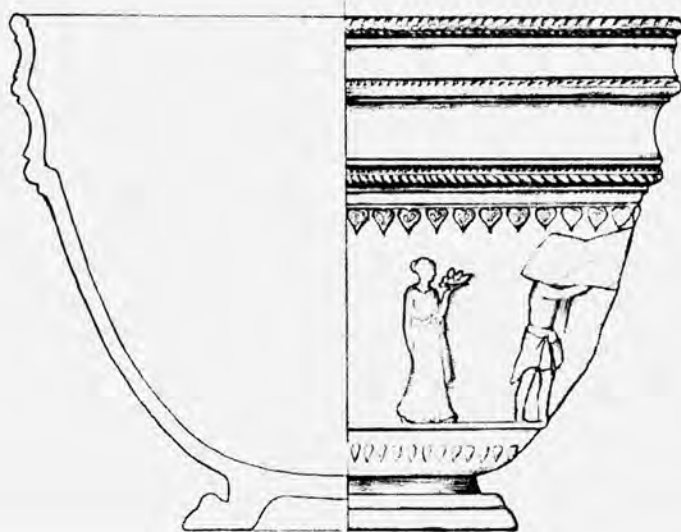

Рис. 2

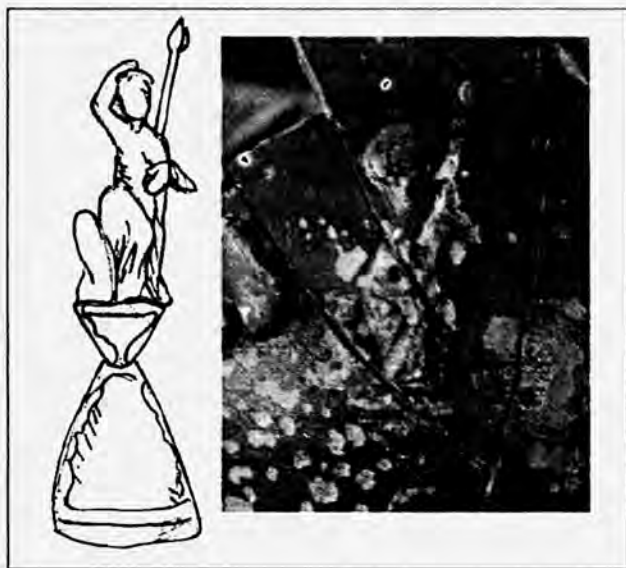

Рис. 5

Рис. 6

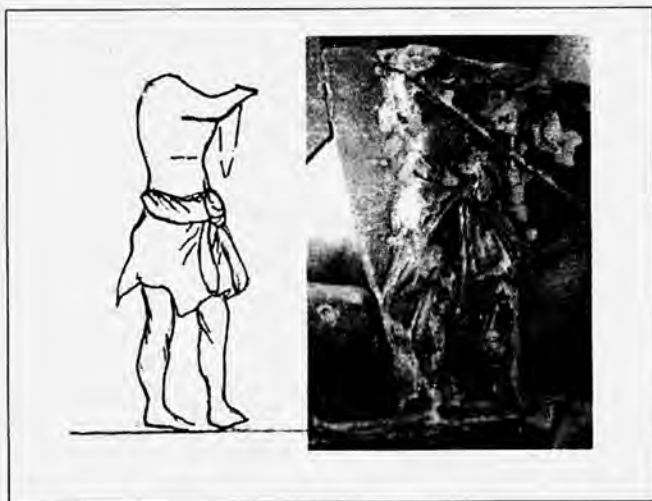

Рис. 7

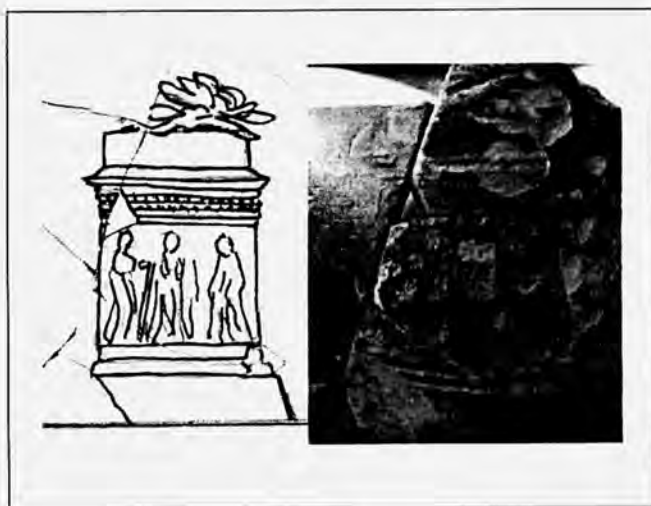

Рис. 8

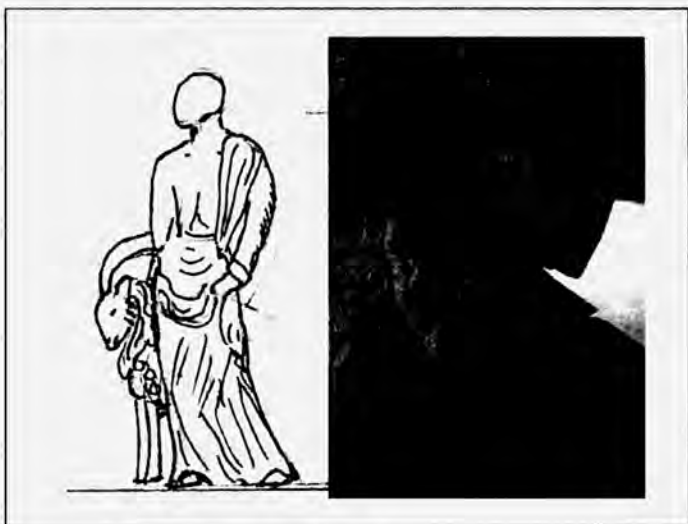

Рис. 9

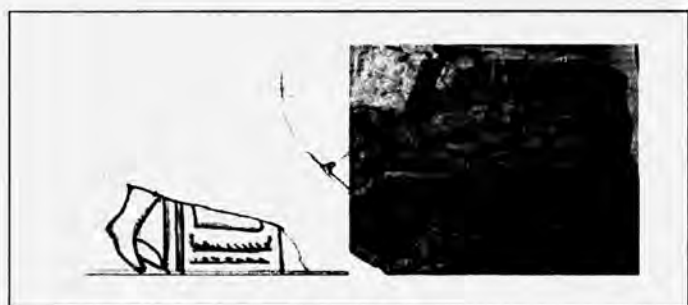

Рис. 10

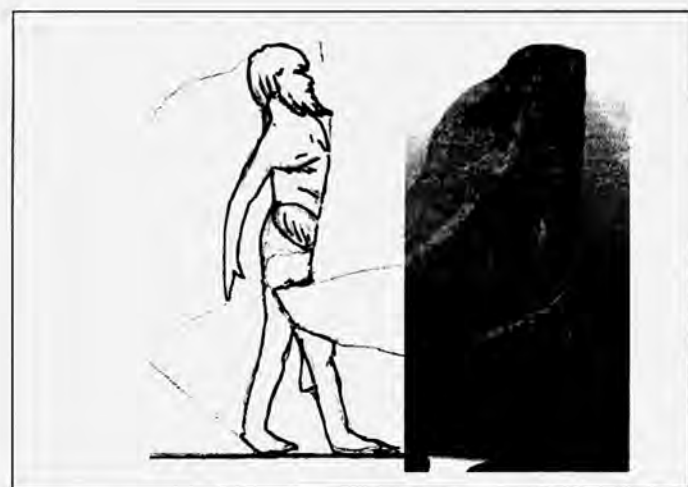

Рис. 11

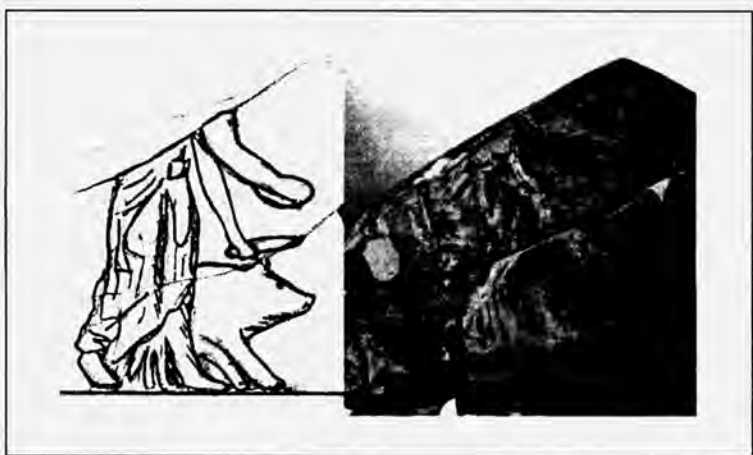

Рис. 12

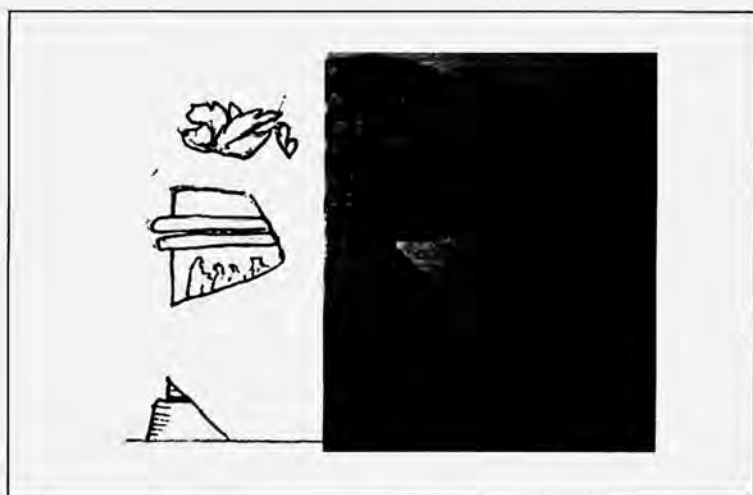

Рис. 13

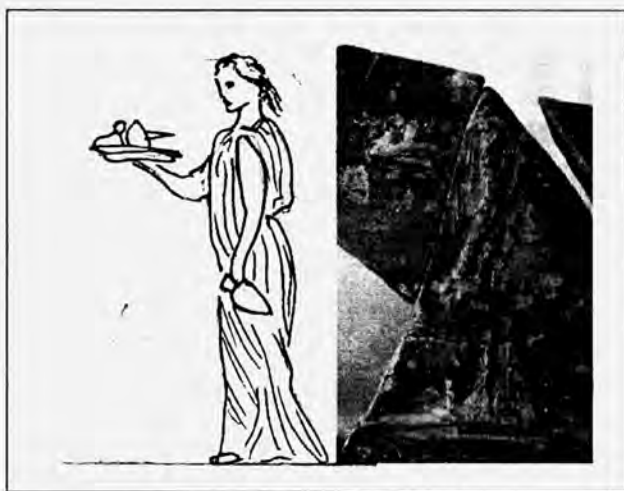

Рис. 14

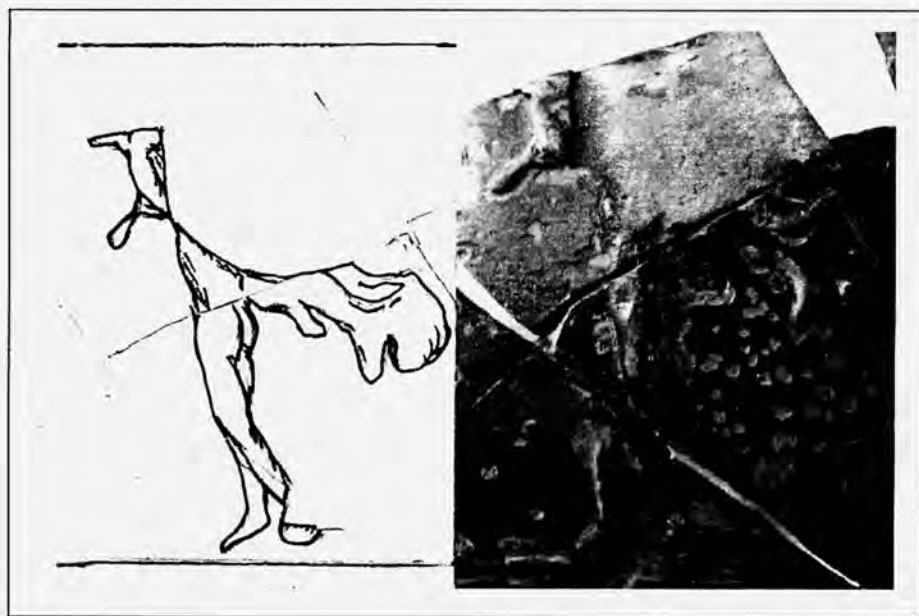

Рис. 15

И. Н. ХРАПУНОВ

ИЗДЕЛИЯ СПЛЕТЕННЫЕ ИЗ ЖЕЛЕЗНЫХ КОЛЕЦ

В крымских могильниках Нейзац, Бельбек IV, Скалистое III, Чернореченский, Заветное, Битак, Усть-Альминский найдены изделия из железных колец, сплетенных наподобие кольчуги.

О находке из могильника Битак никаких подробностей не сообщается. Об артефакте из Усть-Альминского могильника сказано лишь то, что он найден в склепе № 550/1. Кстати говоря, это пока единственная находка подобного предмета в склепе [Пуздровский, 2007, с. 138].

В чернореченской подбойной могиле № 29 (68) слева от тазовых костей погребенной женщины обнаружен «фрагмент железной кольчуги». Судя по выборочно опубликованным вещам, погребение может быть предположительно датировано концом II – первой половиной III в. н. э. [Бабенчиков, 1963, с. 108].

В могильнике Скалистое III, могиле Б37 «скопление железных колец, очевидно, остатки кольчуги» находилось в деревянной шкатулке или мешочке [Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 146, рис. 4, 19-45]. Опубликованные рисунки вещей не позволяют датировать могилу точнее, чем II – III вв. н. э.

В могильнике Бельбек IV могила № 223 представляла собой прямоугольную яму, перекрытую каменными плитами. В ней похоронили мужчину и женщину. Некоторые вещи, в том числе изделия из железных колец, перемещены при подзахоронении. По этому определить их принадлежность одному из погребенных невозможно. Датируются погребения II в. н. э. [Ахмедов, Гущина, Журавлев, 2001, с. 183, рис. 9, 3-6].

В могильнике Заветное изделие, сплетенное из железных колец, обнаружено в головах женского погребения II в. н. э. в подбойной могиле № 323 [Зайцев, Волошинов, Кюнелът и др., 2007, с. 259, рис. 27,24].

В могильнике Нейзац все находки изделий из железных колец зафиксированы в женских погребениях, совершенных в подбойных могилах. Эти погребения датируются в хронологических пределах от середины II до середины III в. н. э. В могиле № 59 изделие из железных колец найдено в области таза [Храпунов, 1999, с. 263, рис. 4,8], в могиле № 103 – на месте груди [Храпунов, 2007, с. 34, 42,43]. В могиле № 208 совершили два погребения, у одного из них интересующий нас предмет обнаружен на месте груди, у другого – в ногах [Храпунов, 2007, с. 44,45, рис. 9,9].

Судя по опубликованным данным, длина изделий из железных колец составляла от 2 до 7 см. Их находят в количестве от 1 до 4 в одной могиле.

Таким образом, во всех достоверных случаях изделия из сплетенных железных колец обнаружены с женскими погребениями. Как правило, эти погребения совершены в подбойных могилах. Датируются они в пределах II – первой половины III в. н. э. Положение железных изделий относительно костяков не устойчивое.

Все исследователи, находившие в процессе раскопок предметы, о которых идет речь, полагали, что они имеют дело с обрывками кольчуги. Однако имеются основания для сомнений в таком определении. Они вызваны тем, что изделия из железных колец находят исключительно в женских погребениях, а также их малыми размерами. Причем очевидно, что речь идет не о небольших остатках больших изделий, а именно о маленьких предметах, положенных в могилы.

Авторы публикации раскопок могилы № 223 в могильнике Бельбск IV обратили внимание на существовавшие у сарматов комбинированные доспехи, состоявшие из металлических пластинок и кольчужных частей. По их мнению, с деталями таких доспехов мы имеем дело в крымских погребениях. Следует все же заметить, что в Крыму металлические пластинки ни разу не найдены, а изделия из железных колец слишком малы и для комбинированного доспеха.

Аналогичные крымским находки сделаны в некоторых склепах «Золотого кладбища» в Прикубанье. Там небольшие изделия из сплетенных железных колец в некоторых случаях обнаружены в одних погребальных сооружениях с панцирными пластинками и чешуйками. На этом основании сделан вывод об использовании в Прикубанье в римское время комбинированного панциря. Однако разграбленность склепов и отсутствие необходимой полевой документации оставляют много возможностей для различных предположений. Невозможно определить местоположение интересующих нас предметов и соотнести их с тем или иным погребением [Хазанов, 1971, с.60-62; Гушина, Засецкая 1994, с. 10,11].

Другие и, как представляется, более близкие аналогии обнаруживаются в ареале пшеворской культуры. Там аналогичные крымским изделия из железных колец найдены во многих женских погребениях, относящихся к горизонту B2/C1, иными словами, датирующихся приблизительно последними четырьмя десятилетиями II в. н. э. Высказано предположение о том, что германцы во время маркоманских войн срывали с убитых римлян кольчуги, а женщины использовали их обрывки как украшения-амулеты, которые выполняли естественную для них охранную функцию [Kontny, 2004, s. 155].

Сходство изделий, их специфичность, синхронность, а также принадлежность погребениям женщин, несмотря на территориальную удаленность, позволяют предполагать наличие контактов между жителями крымских предгорий с одной стороны и населением территории нынешней Польши с другой. Причем,

учитывая отсутствие сходных находок на промежуточных территориях, такие контакты можно назвать скорее непосредственными, чем опосредованными.

Назначение изделий из сплетенных железных колец остается не выясненным. Ясно только, что они являются неотъемлемым элементом материальной культуры, а точнее, женской субкультуры, населения крымских предгорий в римское время.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахмедов И. Р., Гуцина И. И., Журавлев Д. В.* Богатое погребение II в. н. э. из могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. - М., 2001.
- Бабенчиков В. П.* Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. - 1963. - Т. XIII.
- Богданова Н. А., Гуцина И. И., Лобода И. И.* Могильник Скалистое III в юго-западном Крыму (I – III вв.) // СА. - 1976. - №4.
- Гуцина И. И., Засецкая И. П.* «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. - СПб., 1994.
- Зайцев Ю. П., Волошинов А. А., Кюнельт Э., Масякин В. В., Мордвинцева В. И., Фирсов К. Б., Флесс Ф.* Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) 1-3 вв. н. э. в юго-западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика. – Симферополь, 2007.
- Пуздровский А. Е.* Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. – Симферополь, 2007.
- Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. - М., 1971.
- Храпунов И. Н.* О позднесарматской археологической культуре в Крыму // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. (К 100-летию Б. Н. Гракова) – Запорожье, 1999.
- Храпунов И. Н.* Две могилы с погребениями женщин из некрополя Нейзац // МАИЭТ. Вып. XIII. – Симферополь, 2007.
- Kontny B.* Uzbrojenie kultury przeworskiej w okresie wpływów rzymskich i początkach okresu wędrówek ludów // Wandalowie. Strażnicy bursztynowego szlaku. Lublin; Warszawa, 2004.

І.М. Храпунов

ВИРОБИ СПЛЕТЕНІ З ЗАЛІЗНИХ КІЛЕЦЬ

Резюме

У кримських могильниках Нейзац, Бельбек IV, Скалисте III, Чорноріченський, Бітак, Усть-Альмінський знайдені вироби з залізних кілець, сплетених на зразок кольчуги. У всіх достовірних випадках вони виявлені з жіночими похованнями. Як правило, ці поховання чинилися у подвійних могилах. Датуються вони в межах II – першої половині III ст. н.е.

Всі дослідники, які знаходили у процесі розкопок предмети, про які ведеться мова, гадали, що вони мають справу з уривками кольчуги. Але є підстави для сумнівів в такому означенні. Вони викликані тим, що вироби з залізних кілець знаходять виключно у жіночих похованнях, а також їх малими розмірами. Аналогії виявляються в ареалі пшеворської культури. Там вироби з залізних кілець знайдені в багатьох жіночих похованнях, які датуються приблизно останніми чотирма десятиріччями II ст. н. е. Подібність виробів, їх специфічність, синхронність, а також приналежність похованням жінок, не дивлячись на територіальну віддаленість, дозволяє припускати наявність контактів між жителями кримських передгір'їв з одного боку та населенням території теперішньої Польщі з іншої.

Призначення виробів з сплетених залізних кілець залишається не з'ясованим. Зрозуміло

тільки, що вони є невід'ємним елементом матеріальної культури, а точніше, жіночої субкультури, населення кримських передгір'їв у римський час.

И. Н. Храпунов

ИЗДЕЛИЯ СПЛЕТЕННЫЕ ИЗ ЖЕЛЕЗНЫХ КОЛЕЦ

Резюме

В крымских могильниках Нейзац, Бельбек IV, Скалистое III, Чернореченский, Битак, Усть-Альминский найдены изделия из железных колец, сплетенных наподобие кольчуги. Во всех достоверных случаях они обнаружены с женскими погребениями. Как правило, эти погребения совершены в подбойных могилах. Датируются они в пределах II – первой половины III в. н. э.

Все исследователи, находившие в процессе раскопок предметы, о которых идет речь, полагают, что они имеют дело с обрывками кольчуги. Однако имеются основания для сомнений в таком определении. Они вызваны тем, что изделия из железных колец находят исключительно в женских погребениях, а также их малыми размерами. Аналогии обнаруживаются в ареале пшеворской культуры. Там изделия из железных колец найдены во многих женских погребениях, датирующихся приблизительно последними четырьмя десятилетиями II в. н. э. Сходство изделий, их специфичность, синхронность, а также принадлежность погребениям женщин, несмотря на территориальную удаленность, позволяют предполагать наличие контактов между жителями крымских предгорий с одной стороны и населением территории нынешней Польши с другой.

Назначение изделий из сплетенных железных колец остается не выясненным. Ясно только, что они являются неотъемлемым элементом материальной культуры, а точнее, женской субкультуры, населения крымских предгорий в римское время.

I.N. Khrapunov

PRODUCTS WOVEN OF IRON RINGS

Summary

Articles of iron rings woven like chain armour have been found in the Crimean burial grounds Neizats, Belbek 4, Skalistoye 3, Chernorechensky, Bitak, and Ust-Alminsky. In all reliable cases they were found with female burials. Typically, those burials took place in undercut graves. They are dated back within the bounds of the 2nd-first half of the 3rd century AD.

All researchers who found the items referred to, in the excavation process, believed that they were dealing with pieces of armour. However, there are reasons to doubt this definition. They are caused by the fact that the products of iron rings are found exclusively in female burials, as well as their small sizes. Analogies can be found in the grounds of Przeworsk culture. There, products of iron rings have been found in many female burials, dating back to approximately the last four decades of the 2nd century AD. The similarity of products, their specificity, timing, and the fact that they belong to the burials of the women, despite the territorial remoteness, suggest the existence of contacts between the inhabitants of the Crimea foothills on one side and a population of what is now Poland, on the other.

Appointment of products of woven iron rings has not been clarified yet. It is clear only that they are an integral part of material culture, or rather, women's subculture, of the population of the Crimean foothills in Roman times.

С.Б. СОРОЧАН

МЕМОРИЙ ВОСКРЕСЕНИЯ И МАРТИРИЙ СВ. МУЧ. ВАСИЛЕЯ В ВИЗАНТИЙСКОМ ХЕРСОНЕ

Посвящая эту статью памяти Виталия Михайловича Зубаря, должен заметить, что в последние годы своей жизни он все ближе подходил к средневековой, а для Херсонеса-Херсона – византийской тематике. Наши совместные с ним статьи, разделы монографий уводили по меньшей мере в VI - VII вв. и даже дальше от античной тематики. Причем отдельные херсонесские памятники привлекали его особенно. К числу таковых относились памятники западной стороны городища, той стороны, которую Виталий Михайлович знал не понаслышке, где многие годы провел, исследуя загородный некрополь. В своих работах он давал собственные интерпретации обнаруженного здесь и к этим интерпретациям я обращаюсь ниже, помня, как приходилось спорить по их поводу. В определенной мере последствиями этих дискуссий можно считать и предлагаемую статью, статью, свидетельствующую о том, что истинный исследователь и после смерти продолжает жить жизнью мысли в своих и чужих трудах.

Дешифровка культурных кодов византийского общества относится к числу проблем, решение которых находится в зачаточном состоянии. Даже специалистам задача исторической реконструкции и интерпретации конкретных сакральных пространств в Византии и их изучение как особого вида духовного творчества представляется делом будущего [Лидов, 2003, с.9]. Среди таких проблем следует выделить роль святого патрона городского сообщества, которая проявлялась и в конкретных памятниках, почитаемых реликвиях, и, в особенности, спиритуальности горожан. Между тем и другим существовал, видимо, не столько симбиоз, сколько тесный синтез, который можно попытаться уловить на примере материалов достаточно хорошо изученного конкретного провинциального ранневизантийского города, каким являлся крымский Херсон.

Проникновение в подземелье, в склеп или катакомбу, возможно, напоминало христианам проникновение в пещеру, что в свою очередь уводило к давним воспоминаниям о собраниях первых христиан во времена Иисуса Христа. Хорошо известно, что пещерам христиане придавали особое значение – в пещере родился Христос, Мария жила в Назарете в пещере. Игумен Даниил пишет, что Мария с Иосифом провели два года после рождения Христа в пещере в Вифлееме, “пещерными жителями” описывали Иоанна Крестителя и Елизавету, по местным поверьям и Тайная вечеря тоже состоялась в пещере

древних склепов, что были уничтожены ломкой камня уже в 1898 г. [Бертье-Делагард, 1907, с.160]. После раскопок и описания его останков в 1911 - 1912 гг., следы обнаруженного уже через пару десятков лет затерялись и ныне местонахождение их можно указать только приблизительно, ориентируясь по направлению от руин оборонительной башни V и западных ворот городища. Подземный склеп, как и его росписи, датировали по разному, с разбросом от второй половины - конца IV в. до VII в. включительно, то есть раннесредневековым временем, интерпретировали как место погребения “крупного стеностроителя или крепостного начальника”, “весьма почитаемого гражданина”, подвижника, святого мученика, “особого” человека (священника?), “руководителя церковной организации” или видели в нем необычное проявление архитектурного пристрастия некоего заказчика [Печенкин, 1912, с.145 - 149; Ростовцев, 1914, с.472 - 480; Скубетов, 1916, с.177 - 189; Якобсон, 1959, с.194, 254, рис.97; Зубарь, 1999, с.298 - 302; Зубарь, Хворостяный, 2000, с.69 - 72, рис.21, 37 - 39; Могаричев, 2005, с.34; Могаричев, 2005 а, с.186 - 187; Могаричев, 2008, с.82, 84, 87]. Подобный христианский культовый памятник действительно редок уже потому, что не имеет над собой церковной постройки, обычно свойственной мартириям или мемориям [Ростовцев, 1914, с.478], хотя называть его уникальным едва ли стоит: вариант развития мартиральных комплексов предусматривал превращение чтимой могилы в молельню, как это следует на примере римских катакомб Комодиллы, Петра и Маркелиана и др. [Хрушкова, 2008, с.123].

Он имеет очень важную для датировки его возникновения деталь, на которую прежде не обращали должного внимания. Невыразительные следы христомона (хрисмона) раннего “константиновского” типа (классическая комбинация “хи” и “ро”) в фресковой росписи его потолка могут служить основанием для создания этой росписи не позже середины V в., когда такая хрисма вышла из употребления, уступив место монограмматическому “длинному кресту” с “ро” [см.: Хрушкова, 2005, с.415, 416; Хрушкова, 2008, с.128 - 129]. Следовательно, традиционные росписи склепа с голубями, павлинами, гирляндами и пальмовыми венками, свойственные херсонесской раннехристианской погребальной живописи, возникли уже до переделки гробницы с локулами в меморий-молельню.

Еще важнее другое: возможность связать это сооружение с сюжетами херсонской агиографии, Житий свв. епископов Херсонских, составленных до середины - третьей четверти VI в. кем-то из клириков, архиереев или игуменов города¹, и тем самым добиться не только более точной идентификации склепа, его характеристики как сакрального сооружения, но и предложить путь решения проблемы его датировки после переделки, определения места в христианской топографии и значения в сакрализации конкретного топоса, а вместе с ним одного из самых значительных ромейских центров Таврики.

¹ Об уточнении датировки Житий подр. см. [Сорочан, 2005, с.94-100].

тем в подобной реликвии можно видеть именно могилу мученически умершего Василия, выброшенного после смерти из “Иера” (Святых) или, по старославянской версии, “Красных” (Прекрасных) ворот, очевидно, Западных больших ворот в конце I продольной улицы, и похороненного, согласно разным версиям свидетельств херсонского агиографа, “...вне города, на западе, близ стены”, “...вне стены, на запад града близ тоя стены”, то есть в ближайшем соседстве с западной древней оборонительной стеной [Латышев, 1906, с.9, 56; Житие св. епископов, 2005, с.1275, гл.2; Житие и страсть, 1911, с.161; Месяца марта, 1911, с.166; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с.648]. Предполагать в этих воротах калитку около башни I не приходится, ибо калитка здесь была оборудована гораздо позже, а в античной западной оборонительной стене на участке западной базилики следы ворот не прослеживаются. Античная западная оборонительная стена шла 270 м, считая от башни V, до моря. Даже если она была не прямой, а все же имела некоторый тупой угол, как того требовали правила античной фортификации, в ней в любом случае была слабо проведена идея бокового обстреливания [ср.: Гриневич, 1959, с.88; Суров, 1961, с.96; Буйских, 2008, с.169 - 170]. Стена перекрывала участок некрополя с погребениями детей в амфорах, что указывает на ее возведение не ранее второй половины - конца IV в. до н.э., после чего, вероятно, не ранее I в. н.э., в римский период она была на этом участке перестроена или капитально отремонтирована с использованием известково-цемянкового раствора и облицована камнями кубической формы [Белов, 1953, с.243 - 244; Суров, 1961, с.96, 102; Суров, 1965, с.122 - 123, 126 - 127; Стоянов, 2003, с.174]. Но нет оснований полагать, что прочная каменная стена толщиной до 4,2 м была упразднена и скрыта уже в эпоху “римской элевтерии”, то есть во II - III вв. [Гриневич, 1959, с.88, 97, 101]. Даже в X в. с внешней стороны этой стены находились помещения, частью углубленные в кладку стены, которая, следовательно, продолжала существовать по крайней мере на северном, приморском участке [Суров, 1961, с.98; Суров, 1965, с.136]. Функционально сменившие ее ранневизантийские куртины 2 - 4, отходившие резко на запад, имели облицовку из плит, тоже положенных на извести, а внутри состояли из бута на извести и, очевидно, появились в VI в., учитывая возведение куртины I первого строительного не ранее времени правления Юстиниана I (527 - 565), на что указывают найденные при раскопках стены монеты этого императора и обломки позднеримской краснолаковой керамики типа LRC form 3 [Гриневич, 1959, с.101; Антонова, 1963, с.63; Айбабин, 1999, с.126; Завадская, 2000, с.83; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2003, с.173, 182 - 187; Сорочан, 2005, с.831]. Пересматривать ее датировку на более раннюю нет веских оснований. Указание на цистерну 33 рядом с башней I, от которой отходила куртина I, едва ли оправданно для того, чтобы относить строительство стены ко времени не ранее V в. Монеты из склепа под цистерной (от Константина I до Гонория), как и находка монеты Льва I в растворе кладки стены, не могут служить

тащить избиваемого Василея, поскольку идет параллельно западной оборонительной стене и к тому же на расстоянии, которое превосходит расстояние от Западных больших ворот до начала ограды у берега моря, что важно подчеркнуть для наших дальнейших суждений.

В связи с античной западной стеной, отчасти включенной в план своеобразной северо-западной херсонской “цитадели”, особый интерес вызывает еще одна церковь и одновременно усыпальница (№12 по списку имп. Археологической комиссии, она же “часовня Г”), длиной 6,4 и шириной 4,6 м, которая располагалась как раз в углу, образуемом древней западной и приморской береговой оборонительными стенами, на расстоянии 4 м от апсиды мемориальной крещальни (“часовни Б”) Западной базилики и в 5 м против античной оборонительной стены. Не случайно над расположенным здесь подземным склепом с учетом именно его ориентации было построено сакральное поминальное сооружение с престолом, как это обычно и повсеместно делалось в Византии над местами почитания святых и мучеников, и, значит, оно могло быть не просто церковью обычного, регулярного культа или молитвенным домом (*eukterios oikos*, *eukterion*), как называли такие постройки ромеи, но и мавритием с бывшим подземным ипогеом, приспособленным под крипту [ср.: Уваров, 1908, с.119]³. Подобные мавритиальные церкви или молельни обычно находились под опекой диаконов [Болотов, 1913, с.201].

Сооружение несомненно имело прямое отношение к коллективному некрополю первых веков н.э., находившемуся здесь до строительства новой линии раннесредневековой западной оборонительной стены. Отдельные склепы этого участка кладбища, оказавшиеся на территории “цитадели”, до V, а, возможно, и до VI в. продолжали использовать под захоронения, как это особенно отчетливо видно на примере нескольких детских погребений в нижних частях амфор с “перехватом”, типа “*carotte*” или с рифлением типа набегающей волны, уложенных в дромосе склепа 1960 г. к северу от Западной базилики [Суров, 1961, с.91-94, рис.17 (исследователь ориентировочно относил склеп к IV в.); о типах амфор и их датировке см.: Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с.16 - 20, табл. 2 - 4].

В отличие от алтаря базилики, отклоняющегося от востока к северу лишь на 5°, алтарь этой поминальной гробничной церкви имеет отклонение на 30°, что объясняется не прекращением существования храма и его давним забвением ко времени строительства более позднего крестовидного кимитирия (“Д”) рядом с большой базиликой, как полагал К.К. Косцюшко-Валюжинич, а изначальной увязкой строительства этого мавритирия около западной античной оборонительной стены с ориентацией квадратного в плане ипогея (2,25 x 2,25 м, высота 1,7 м), который оказался под поминальным храмом. Как верно

³ Вообще, как показывает изучение агнографии, византийцы, в отличие от современных историков архитектуры и строительного дела, не соблюдали строгую терминологию в отношении культовых сооружений и подчас обозначали храм сразу несколькими словами-синонимами (склисия, свкитирия, наос, мавритирий, севасмос икос - “честный дом” и др.) [ср.: Афиногенов, 2003, с.5].

точечная застежка". К.К. Косцюшко-Валюжинич, открывший необычный памятник, посчитал необходимым отметить, что свод усыпальницы весьма искусно, красивыми рядами выведен из кирпичей, уложенных радиально и углами, особой, еще не встречавшейся кладкой, заключающейся в том, что кирпичи поставлены ребром вниз, так, что "образуют купол, по середине которого кладка оканчивается одним кирпичем", а сам склеп напоминает "цветущую эпоху византийского зодчества, относится к древнейшим памятникам христианства в Херсонесе" [Отчет за 1901 год, л.13 - 14; Раскопки, 1893, с.13].

С этим выводом был согласен Л.В. Фирсов, обращавший внимание также на три проема, а точнее, ниши в полукруглой алтарной апсиде надгробной церкви, судя по описанию М.И. Скубетова на его чертеже 1903 г., как бы имитирующие три конхи, что опять-таки было свойственно конструкции мартириев [Фирсов, 1973, л.21 - 22]. Такие симметрично расположенные ниши в апсидальной части служили для хранения святых мошей [подр. см.: Енчев, 2005, с.63 - 67, фиг.1 - 4]. По поводу этой апсиды Д.В. Айналов отмечал, что хрупкая кладка ее стены значительно уже фундаментальных, сложенных на известково-цемянковом растворе стен самого храма, с которым у нее нет связей, отчего она кажется приделанной позже, опять-таки в ходе последующей перестройки здания [Айналов, 1905, с.42].

В целом, сооружение отчетливо вписывается в выделенную А. Грабарем группу ранневизантийских мартириев простой структуры с апсидой, которые ведут свое происхождение от античных мавзолеев и имеют сиро-палестинские архитектурные параллели [ср.: Grabar, 1946]. Еще раз следует подчеркнуть, что подземный ипогей имел не нишеобразную локулу или локулы, как это было принято, а низкий широкий лежак, что является редкостью и напоминает знаменитые древнееврейские гробницы Иерусалима или, более того, сам "Гроб Господень", который по сути дела тоже представлял собой камеру с единственным "ложем" [ср.: Никитенко, 2005, с.188]⁵. Учитывая то, кому херсоняне адресовали сооружение, едва ли такая навязчивая параллель возникла случайно, и еще раз косвенно указывает, кто играл ведущую роль святого патрона сообщества херсонян.

В 1891 г. при раскопках гробничной церкви над ипогеем в мощеной каменными плитами алтарной части на месте оказалось плоское квадратное углубление для основания престола и алтарная преграда из каменных плит высотой 0,78 м с мраморным порогом, в остальной части был обнаружен "мозаичный пол очень красивого и, по мнению А.Л. Бертье-Делагарда, древнейшего рисунка", а в 1901 г. – скульптурный символ Св. Духа – небольшой голубь из инкерманского камня с круглым отверстием вместо ног для укрепления

⁵ В византийском Херсоне, насколько мне известно, подобную одиночную лежанку, но гораздо более узкую, имел лишь склеп крипты раннего храма 1902 г. на Девичьей горке, тоже на месте некрополя. В 2006 г. он был расчищен экспедицией НЗХТ во главе с Т.Ю. Яшаевой.

кирпичом локулами), не приходится по причине наличия в нем именно коллективного кимитирия, что, скорее, соответствовало облику очередного “крытого кладбища”, “коллективного христианского мавзолея” или главной монастырской липсанотеки, нежели мартирия или мемория, одиночной святыни, к тому же приспособленной для отправления церковной службы, то есть имеющей алтарь, престол [подр. см.: Сорочан, 2005, с.837 - 839, рис.266; Фомин, 2005, с.136 - 137; ср.: Krautheimer, 1960, p.15 - 40; Klausner, 1974, S.221 - 229; Deichmann, 1979, S.144 - 169]. Уже Феодосий I законом от 30 июля 381 г. запретил хоронить мирян в апостолеянах и мартириях [Saxer, 1980, p.239 - 240], а в нашем случае, судя по инвентарю некоторых могил (стеклянные и бронзовые браслеты, бронзовые серьги-колечки), были именно захоронения светских лиц и, значит, уже поэтому мы имеем дело не с мартирием. Даже склеп под зданием “Д” не может безоговорочно претендовать на роль особой подземной крипты по причине наличия в нем именно коллективных захоронений, выделить среди которых святые мощи, реликвии не представляется возможным.

Действительно, подобные крестовидные постройки, как правило, относятся к V - VI вв., но одних исторических, архитектурных или типологических сопоставлений на основе формальных признаков недостаточно для датировки [ср.: Хрушкова, 2004, с.182, 183; Хрушкова, 2005, с.394]. Очевидно, что для верного ответа необходимо учитывать главное – комплексные данные стратиграфии и полевого археологического материала, ибо другой, более надежной путеводной нити у нас нет и не будет. Расчистки 2005 г., связанные с необходимостью консервации склепа под этим крестовидным сооружением, показали, что в северной лопасти креста коллективной гробничной усыпальницы, где под известняковыми плитами пола находились неглубокие могилы, обложенные камнями, оказалась группа керамики с фрагментами кувшинов с плоскими ручками, причем раннего типа, амфор так называемого причерноморского типа с зональным рифлением, что позволяет отнести этот контекст ко второй половине IX в.⁷ К слову, обнаруженный материал вполне соответствует по времени описанному К.К. Косцюшко-Валюжиничу – стеклянным и бронзовым браслетам, паре простых бронзовых серег-колечек, извлеченных из семи раскопанных здесь погребений под полом и указывающих на погребения мирян [Сорочан, 2005, с.839]. Но особо следует подчеркнуть еще один факт. Те же расчистки и обмеры остатков крестовидного сооружения, проведенные силами экспедиции Харьковского национального университета, показали, что Д.В. Айналов ошибался, когда

⁷ Определение сделано А.В. Сазановым, ведущим камеральную обработку материалов Харьковской экспедиции, возглавляемой С.Б. Сорочаном. Расчистка склепа от мусора и его последующая консервация была выполнена вследствие угрожаемого состояния памятника и согласована с руководством реставрационного совета НЗХТ. Сведения об этом включены в полевой отчет экспедиции за 2005 г. Результаты наблюдений, обмеров и чертежной фиксации см.: Фомин, 2005, с.134 - 137, рис.1 - 17.

как предполагается, был снесен при строительстве баптистерия, в нем под полом никак не могли бы появиться могилы IX в.

К слову, смещение, зафиксированное планом, с трудом можно было заметить визуально. Ромен - икодомы, работавшие на глаз, вообще редко соблюдали строгие пропорции, отчего после раскопок остатки их зданий выглядят странно несимметричными [см.: Райс, 2006, с.239]. Ясно одно: такое расположение возможно лишь в том случае, если строители пристраивали крестовидный мавзолей к крещальне с широкой апсидой, ориентируясь на ее уже возведенные стены, а не наоборот, а также вследствие более позднего строительства, видимо, уже после завершения базилики №13 и ее крещальни - "часовни Б" (№11). Обособленная же надгробная церковь №12 ("часовня Г") с отчетливо выраженным подземным ипогеем, переделанным на одиночное привилегированное сакральное захоронение, имела более камерный характер, разумеется, вполне соответствующий облику мартирия (могилы при нем были изолированы с инвентарем, аналогичным инвентарю могил крестовидного кимитирия), и, вероятно, возникла до строительства большого кафоликона и баптистерия - мартирия ("часовни Б") [Сорочан, 2005, с.834 - 839, рис.260, 266]⁹. Недаром ее кладка отличается от кладки базилики, на что обратил внимание уже Д.В. Айналов [Айналов, 1905, с.33]. Следовательно, сооружению, сочетающему мартиримальный и литургический характер, придали особое значение и, скорее всего, это мог быть тот самый памятник, с которого началось строительство здешнего архитектурного комплекса "дома Св. Леонтия" и организация монастыря во второй половине VI в. Он действительно находится подле западной оборонительной

с местом, где, согласно агнографической традиции, Св. Василей совершил чудо воскресения умершего отрока [Зубар, 2006, с.34 - 38]. Впрочем, и в данном случае даже наименование памятника "мартирием" не имеет под собой надежных оснований по той простой причине, что, как было указано выше, мы не имеем дело с сооружением, возведенным для почитания мученика, его святых мощей. Корректнее было бы применить термин "меморий", однако был ли этот коллективный кимитирий, своеобразное "крытое кладбище", связан с воспоминаниями о некоем божественном чуде, проявленном на этом месте, установить невозможно. Ясно лишь, что он не был рассчитан на отправление Божественной литургии, церковных служб хотя бы в дни памяти мученика, поскольку не имел соответствующего литургического оборудования. Тем не менее мнение В.М. Зубаря, хотя и без ссылок на него, разделяет А.Ю. Виноградов, тоже увязывающий крестовидное сооружение "Д" с местом погребения Василия или со склепом-меморием, где случилось чудо с отроком, отчего строительство примыкающего к нему баптистерия при базилике №13 объясняется необходимостью сохранить память о месте, где приняли крещение родственники воскресенного отрока. И это при том, что херсонские агнографические источники не содержат даже намека на крещение легендарных родственников рядом с могилой их воскресенного чада. Интерпретация, датировка памятника, таким образом, входят в зависимость от воображения исследователей, а не от имеющихся непреложных фактов, которых они либо не знали, либо по необъяснимой причине не принимали во внимание.

⁹ Четыре вырубные могилы, видимые на чертеже М.И. Скубетова, были размещены за пределами мартирия, у его западной стены, перед входом в гробничную церковь, где по ним могли проходить прихожане, паломники.

И.А. Антонова установила, что куртина I имела три строительных периода, но внешнюю линию стены с аркой предполагаемых ворот она посчитала последней по времени, из чего выходило, что, закрытая двумя пристроенными одна к другой стенами двусторонней кладки более ранних строительных периодов, арка не могла служить воротами [Антонова, 1963, с.61, 64 - 66, рис.3 - 4]. Если же поменять последовательность строительства, – сначала внешняя, напольная стена с воротами, а потом последующие две достройки с внутренней стороны, которые закрыли ворота, тогда рассеивается последнее недоумение в отношении этой “псевдоразгрузочной арки”. Именно так полагал Г.Д. Белов, которому И.А. Антонова могла возразить лишь то, что внешняя “стена третьего строительного периода сохранилась на наибольшую высоту..., в то время как две первые стены разобраны почти до основания” [Антонова, 1963, с.66]. Последнее весьма преувеличено, что видно даже по фотографии, приведенной самой И.А. Антоновой (рис.3). Пристраиваемые позже, эти стены и не должны были быть выше внешней первой. У них была иная задача: они лишь увеличивали толщину куртины I на противотаранном уровне.

Видимо, во время последующего утолщения куртины около угловой башни I была устроена калитка, следы которой сохранились до сих пор, а прежние арочные ворота оказались заложены, как и вся внешняя обшивка куртины, крупными, хорошо обработанными плитами известняка. В любом случае здесь четко и последовательно соблюдался монастырский принцип иметь всего одни входные ворота [ср.: Райс, 2003, с.240].

В скором времени с этим последним строительством, если не одновременно, напротив куртины, на расстоянии 11 м от нее, было начато сооружение рва, который не может быть датирован концом VI - начала VII вв., как предположил В.М. Зубарь [Зубар, 2006, с.29 - 30]. В этом случае необъяснимыми остаются подзахоронения X в. в склепы №1 и №2, открытые Г.Д. Беловым вдоль восточного края рва (наиболее поздней монетой здесь оказалась монета Романа I Лакапина (920 - 944) [подр. см.: Сорочан, 2005, с.958 - 961, рис.345 - 347]. Разумеется, они не могли долго стоять открытыми, с пробитыми стенами южных лежанок: их должны были вскоре засыпать вместе со рвом, протянувшимся на 26 м, но так и оставшимся неоконченным. Причина этого кроется не в неких, “пока что невыясненных обстоятельствах” [Зубар, 2006, с.29], а, скорее всего, в других склепах, на которые строители натолкнулись в южной части рва. При этом склеп №3 оказался в пределах рва и его срубили почти целиком, но следующий склеп №4 с массой костяков имел большую пещерообразную камеру со скругленными углами, которая выходила далеко за линию рва на восток. Он ломал весь проект работ. Склеп, хранивший костяки больных, калек, вероятно, принадлежал соседнему монастырскому носокомиону или ксенону, функционировал в VII - VIII в. и был давно забыт ко времени сооружения рва. Судя по фрагментам кувшинов с плоскими ручками в его засыпи, это произошло не ранее X в., что совпадает с монетой Романа

Богоматери Влахернской, с которым его пытаются сравнивать [ср.: Яш-ева, 2007, с.207, 209]. Аналогичный западному крестовидный кимитирий, возможно, мемориальный, был выстроен и на бывшем теменосе Херсона, рядом с Восточной базиликой №36, которая достаточно уверенно идентифицируется с упоминаемым в агиографии храмом апостола Петра в месте, именуемом Парфенон (Парфенеон) [Сорочан, 2005, с.875 - 886]. Теофанический меморий, игравший одновременно роль “крытого кладбища”, здесь был особенно уместен в связи с преданием о постройке в Парфенеоне, типичном продукте “истории памяти” херсонян, купели, в которой епископ Капитон в IV в. окрестил херсонян.

Поиски собственных святынь, ставшие в силу внутренних и внешних причин особенно активными в последней трети VI в., когда город, вероятно, пережил ужас “Юстиниановой чумы”, землетрясения, а затем тюркскую угрозу и был занят интенсивным строительством [подр. см.: Сорочан, 2005, с.681 - 1030]¹¹, привели к осознанию необходимости возведения обновленного мартырии в виде церкви над склепом около древней западной оборонительной стены с редким сводом, сходящимся к центру рядами-поясами плинф,

¹¹ И.А. Завадская посчитала предположение о возможном землетрясении, повредившем город в 550-е гг., “неоправданно смелым и поспешным”, не имеющим “в настоящее время бесспорных археологических доказательств” [Завадская, 2007, с.462]. На мой взгляд, именно таким решающим доказательством является непреложный, признаваемый исследователями факт строительства не только основной массы храмов, но, что важно подчеркнуть, и жилых усадеб, причем в самых разных кварталах Херсона, столь же массовая засыпка рыбозасолочных цистерн, то и дело прослеживаемая по всему городу нивелировка участков под новую застройку. Отчеты о раскопках разных экспедиций и разных лет с редкостным постоянством фиксируют такие следы, которые складываются ныне в общую картину, не заметить которую невозможно. Объяснить случившееся одной государственной программой едва ли достаточно - адресная помощь коснулась бы частных домов только в случае, если бы их жители оказались в числе потерпевших. Концепция также вызывает возражение А.И. Романчук, полагающей, что столь обширное строительство храмов было бы нереально осуществить за 150 лет [Романчук, 2006, с.124 - 133; Романчук, 2007, с.412 - 429]. Однако в византийской истории известно строительство храма не за 5 - 10 лет, а за месяц, год [подр. см.: Сорочан, 2004, с.185 - 204; Сорочан, 2005, с.1017]. Чтобы приблизительно за 150 лет возвести около 30 сакральных памятников разного вида и размера (а именно столько их насчитывается к настоящему времени в ранневизантийском Херсоне), требовалось примерно пять лет на один памятник, срок немалый. Для такого строительства не нужны были крупные артели, хватало бы нескольких групп икодомов по несколько десятков человек, вполне достаточных для города с населением около 1000 семей. Византийские императоры всегда, даже в трудные для Империи времена, помогали провинциальным городам, перенесшим разрушения, - почему Херсон должен был остаться в исключении? Это был отдаленный, окраинный, пограничный, но важный во многих отношениях для Византии город. Недаром только он удостоился отдельного раздела в трактате “Об управлении империей”. В любом случае, другой причины “строительного бума”, затронувшего, еще раз подчеркну, практически все районы города и вызвавшего общую, массовую перестройку к концу ранневизантийской эпохи, трудно найти. Не его ли начало имел в виду Прокопий, когда писал около 560 / 561 гг., что Юстинин отстроил “совершенно разрушенные стены” (pantapasi ta teiche euron) Херсона и Боспора? [Прокопий, 1939, с.249 (III.10); Кеппен, 1837, с.56].

базилики [Суров, 1963, л.172-173, 204-206]. Следовательно, нет оснований видеть в баптистерии самый ранний памятник западной “цитадели”, к которому пристроили базилику. Все было как раз наоборот.

Уже в VI в. здесь действительно могла появиться община постоянных прихожан, ухаживавшая за христианскими могилами и вместе с монашескими совершавшая регулярные службы. Ясно также, что Жития св. епископов Херсонских были созданы не позже середины - третьей четверти этого столетия уже потому, что их составитель знал о храме апостола Петра, возведенном по инициативе епископа Капитона в Парфенеоне, на Восточной площади, но не отметил наличие особого высокопочитаемого мученика в виде гробничной церкви на месте, которое считалось гробницей Св. Василия близ западной стены. С момента постройки таковой церкви она становится основой для создания монашеской общины, очевидно, женской, под присмотром которой оказалась монастырская больница или богадельня для калек, вероятно, размещенная в помещениях южной “галереи” при нововозведенной Западной базилике¹². Уже само наличие такого специфического заведения объясняет, почему монастырь был посвящен Св. Леонтию, считавшемуся покровителем врачевания, одним из бессребреников, хотя в комплексе обители входила такая святыня, как мученик Св. муч. Василия. Противоречия здесь нет [ср.: Яшаева, 2007, с.201]. К тому же херсоняне не могли не учесть, что в городе уже есть храм во имя Св. Василия на большой агоре рядом с Главной продольной улицей.

Мученик Св. Василия вполне вписывался в круг “паломнической архитектуры”, ставшей формироваться в эпоху Юстиниана, и был особенно выгоден, важен для жизнеспособности обители, поскольку в ту пору монастыри выживали почти исключительно за счет добровольных пожертвований верующих, приходивших прикоснуться к их реликвиям [подр. см.: Актен, 1995 (особенно доклад Б. Бренка о местах культа и их посетителях)]. Более того, в традиции православного паломника было не только обойти храмы и святыни, но только посылно пожертвовать обители приношение, но и поработать на обитель, послужить монастырю, взять на себя монастырское послушание на срок

¹² На то, что это был женский монастырь, указывает зафиксированное агиографическими источниками присутствие в “доме Св. Леонтия” монахинь и “благоверных жен” во время всеобщего бдения с 30 на 31 января 861 г. над принесенными сюда мощами Климента Римского. Согласно канонам, любую обитель инокиням можно было покидать только в случае крайней нужды, не иначе как с позволения настоятельницы вместе с какими-либо старницами и первенствующими в монастыре – “ночевать же вне монастыря совсем не допускается” – четко гласило 46 правило Вселенского синода 691 / 692 гг. “Пусть не спит ни в мужском монастыре женщина, ни в женском мужчина” – уточняет 47 правило этого же собора [Деянния, 1996, с.287]. Отсюда следует, что упоминаемые в Слове на перенесение мощей преславного Климента “черноризицы” могли оказаться “от полунощи до утра” только в женском монастыре [подр. см.: Сорочан, Зубарь, Марченко, 2003, с.179 - 181, 664 - 665; Сорочан, 2003, с.146 - 173; Сорочан, 2005, с.958 - 961, 1471 - 1472, коммент. 1141].

был перестроен в подземную меморию - молельню наибольшей длины и ширины по 3,95 м вместе с локулами, в которой задняя стена с саркофагообразной нишей была превращена в грубую крошечную апсиду трапецевидной формы с низкой алтарной преградой и святыми воротами, то есть, важно отметить, была приспособлена для литургии¹³. Такую литургию отправляли уже в раннехристианских тесных криптах-катакомбах, где в передней части располагалось духовенство, а алтарем служила полукруглая апсида или ниша, отделенная невысокой преградой, за которой находилась гробница, служившая престолом [Покровский, 1990, с.28]. От этого идет обычай и в современной церкви полагать на престол мощи, зашитые в углах покрывала-антиминса. Небольшую высоту помещения (от 1,6 до 1,7 м), как и его незначительную площадь (около 6 м²), нельзя считать непреодолимым препятствием для нужд богослужения, тем более, что внутри молельни имелись избранные места для сидения, вырубленные вдоль стен, как это было принято в мемориальных культовых сооружениях [Могаричев, 2005 а, с.186 - 187: ср.: Хрушкова, 2002, с.437 (Скамья)]. Большинство же участников станции, как и полагалось, оставалось молиться снаружи мемория. Стоит также заметить, что столь же малые размеры имела полезная площадь и крохотная восточная апсида с престолом в крипте "пещерной церкви", которой тем не менее не отказывают в ее культовом назначении [Якобсон, 1959, с.191 - 192]. Малые размеры встречаются в некоторых "пещерных" сакральных сооружениях Загайтанской скалы в Инкерманской долине, литургическое назначение которых опять-таки не вызывает сомнений [Бобровський, Чуева, 2005, с.67 - 68]. Тесные средневековые Печерские лаврские крипты тоже имели высоту от 1,5 до 2 м, представлявшуюся, следовательно, довольно для совершения молитвенных упражнений и даже жилья иноков [см.: Никитенко, 2005, с.186].

Стену сооружения против входа украшала характерная христианская фреска среднего регистра в виде двух симметрично расположенных павлинов с лавровой гирляндой в клювах, цветки розы, а в самой глубине прослеживались следы изображения голубей, что должно было в целом, в соответствии с новой христианской антропологией, символизировать райский сад, крещение и воскресение душ. На левой стене под нишей-локулой, по мнению М.И. Скубетова, был нарисован пальмовый венок [Ростовцев, 1914, с.476]. Вместе с тем следует согласиться с Л.Г. Хрушковой, что христианские изображения – это "образ-знак", который был адресован не столько зрителю, сколько интеллекту посвященного, а сами катакомбы были экспериментальной лабораторией, где отбирались сюжеты и композиционные построения, зачастую не поддающиеся однозначному прочтению [Хрушкова, 2008, с.128]. Действительно, все зависит от контекста и важно не ошибиться, определяя этот контекст. Отличительной

¹³ Одно это обстоятельство рассеивает имеющиеся сомнения в том, что отдельные "места памяти и молитв служили в Херсонесе также в качестве христианских храмов" [Завадская, 2003, с.412].

Разумеется, херсоняне-христиане могли представлять похороны выброшенного из Западных ворот тела Василия в укромном месте, подальше от города, но в таком случае составитель Жития, исходивший из реальных топографических подробностей, вряд ли написал бы о том, что это было совершено именно “близь” городской стены: даже если брать по прямой, склеп на земле Н.И. Тура оказывается на расстоянии более двух стадий (400 м) к юго-западу от фланговой башни V. Гораздо ближе к западной оборонительной стене, недалеко от 5-й куртины находился ранневизантийский вырубной склеп с христианской росписью и тремя локулами почти под потолком камеры, однако он не стал объектом поклонения, очевидно, был довольно скоро забыт, а ниша-лежанка в задней стене, замурованная по христианскому обычаю погребения плинфой на цемянковом растворе, оказалась со временем осквернена грабителями [Ростовцев, 1914, с.467 - 469; Зубарь, Хворостяный, 2000, с.67 - 68, рис.21, 32].

Похоже, возникновение здешнего редкого мемория должно было иметь иные легендарные корни, следы которых опять-таки обнаруживаются в тексте агиографического источника Житий свв. епископов Херсонских. Для наиболее убедительного объяснения архитектурной трансформации склепа и сюжета его росписи вполне подходит рассказ о воскресении Василием единственного сына *tes poleos proton* одного из первых людей города. Таких первенствующих в позднесантичном - ранневизантийском городе было несколько десятков [подр. см.: Сорочан, 2005, с.592-607]. По одной из семи версий Жития он назван архонтом – “начальствующим”. Херсонянам должна была быть хорошо известна эта история с яркими, реалистичными деталями, рисующими как удрученные горем отец и мать умершего от болезни сына, погребенного за городом, увидели во сне видение на могиле ребенка, быстро, едва ли не бегом, прибежали в город, разыскали епископа Василия и умолили его прийти к гробу, где тот, совершив над мальчиком обряд крещения “как бы над живым”, живого показал родителям, отчего, уверовав во Христа, они после оглашения крестились со всеми своими близкими [Латышев, 1906, с.8; Жития, 2005, с.1258 - 1260, гл.5 - 7]. Этому Чуду Воскресения, почтенному из местной агиографии, и могла быть посвящена загородная гробница, разысканная херсонянами в числе прочих важнейших “вторичных реликвий”, когда на них возник спрос. Обновив раннехристианскую, с хрисмой на потолке и фресками на стенах, гробничную роспись, скорее всего, первой половины V в., в которой наиболее поздним признаком было, по наблюдению М.И. Ростовцева, “изображение развернутых и стилизованных цветов розы” [Ростовцев, 1914, с.479], они дополнили ее заимствованным из Жития хорошо известным сюжетом на правой стене, предварительно оштукатуренной и выбеленной, где были изображены родители усопшего, идущие от склепа к городу, и Св. Василий, направляющийся к гробу отрока. Более того, даже изображение зарослей камыша или тростника справа от города находит вполне понятное объяснение в живых реалиях Херсонеса-Херсона, ибо для идущих с западного некрополя

столь необходимый византийскому обществу, проникнутому сакрализацией, мистикой связи сакральных пространств. Наконец, гробницы рядом и внутри церквей, молелен, “крытые кладбища” вблизи мартириев, мемориев служили гарантом сохранения семейной, родовой памяти – здесь хоронили предков, ктиторов, их наследников – эпитропов, попечителей церковных учреждений, привелегированных лиц, здесь возносили молитвы во спасение их душ и за процветание их потомков. К слову, вплоть до появления на западном кладбище крестовидного храма Св. муч. Созонта, воздвигнутого не ранее конца VIII в. [Сорочан, 2005, с.821 - 826, рис.190. 50; 256 - 257, 410], именно меморий Воскресения вполне мог быть центром мемориального и мартириального культа этого района загородного некрополя Херсона, и, вероятно, намеренно был лишен наземной церкви, чтобы ничем не скрыть столь необычную святыню от паломников и сделать ее более жизненной.

Подобные, очевидно, не случайно совпадающие во времени строительства обнаруживаются еще у двух объектов культового характера, тоже связанных с текстом Житий семи священномучеников Херсонских, а именно, у теофанического тетроконхального купольного мемория №47, построенного в третьей четверти VI в., очевидно, на месте легендарной известьобжигающей печи, связанной с чудом епископа Капитона и массовым крещением херсонян, а также у Влахернского монастыря Богоматери Девы Марии, расположенного против Южных (“Мертвых”) ворот, среди “святых могил” (in tumulis sanctorum), в том числе могил легендарных Евгения, Агафодора и Елпидия, первых мучеников-епископов, пресмников Св. Василия, чей частный культ существовал в городе [подр. см.: Сорочан, Зубарь, Марченко, 2003, с.13 - 28, 198 - 202; Сорочан, 2004, с.211 - 232; Сорочан, 2005, с.787 - 819, Фомин, 2005 а, с.55]. Возведение нового большого храма во имя апостола Петра, очевидно, в виде Восточной базилики №36, на месте, издавна именуемом херсонянами Парфенсон, находит обоснование в зафиксированном в Житиях рассказе о деятельности епископа Капитона и опять-таки произошло к концу VI в. [Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с.577 - 584; Сорочан, 2001, с.3 - 6; Сорочан, 2002, с.37 - 38; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2003, с.116 - 120; Сорочан, 2005, с.875 - 886]. Не исключено, что в очень близкое время в комплексе большой агоры города вошел центральный крестовидный храм № 27, интерпретируемый как летописная церковь Св. Василия (Василия), поблизости от которой херсоняне ранее возвели памятный столп (ta kuona) с крестом для поклонения на месте убиения своего легендарного епископа [Сорочан, 2003 а, с.196 - 200; Сорочан, 2005, с.886 - 908, Сорочан, 2008, с.96 - 107]. Яркими примерами сакрального “освоения” удаленного пространства на окраине города служат и оборудование мемория из склепа с росписью на хорошо известную агиографическую тему чуда с Воскресением отрока, и описанное выше создание монастырского комплекса Западной базилики Св. Леонтия рядом с мартирием Св. муч. Василия.

- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999.
- Айпалов Д.В.* Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1905. – Вып. I.
- Ангелова З.* Монастирът в пустинята на столичния град, или константинополските манастири през V - X век // Civitas Divino-Humana В чест на професор Георги Бакалов. – София, 2004.
- Антонова И.А.* Западный фланг обороны Херсонеса // СХМ. – 1963. Вып.3.
- Афиногенов Д.Е.* Наименование культовых сооружений и их частей в церковно-славянском переводе Жития св. Феодора Сиккота // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. V Международ. Крым. конф. по религовед. Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2003.
- Белов Г.Д.* Западная оборонительная линия и некрополь возле нее (раскопки 1948 г.) // МИА. – 1953. №34.
- Беляев Л.А.* Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. М., 2000.
- Беляев С.А.* Отчет о работе Херсонесской экспедиции ИА АН СССР в 1983 г. / Архив НЗХТ. – Д. № 2438.
- Бердников И.С.* Краткий курс церковного права православной церкви. – Казань, 1903.
- Бертье-Делагард А.Л.* О Херсонесе // ИАК. – 1907. – Вып.21.
- Бобровський Т.А., Чуева К.Є.* Нововідкритий печерний храм з фресками візантійського часу у Південно-Західному Криму // Археологічні дослідження в Україні 2003 - 2004 рр. – Запоріжжя, 2005. Вип.7.
- Бобчев С.* История на архитектурата през Средните векове. – София, 1973.
- Болотов В.В.* Лекции по истории древней церкви. – М., 1913. – Т.3.
- Борисова В.В.* Строительные керамические материалы Херсонеса // Керамическое производство и античные керамические строительные материалы / САИ Вып. П1 - 20. – М., 1966.
- Буйских А.В.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. Supplementum. Вып.5. Симферополь, 2008.
- Гийу А.* Византийская цивилизация. – Екатеринбург, 2005.
- Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. – 2001. – Вып.8.
- Голофаст Л.А.* Штампы V - VII вв. на посуде группы "Фокейской краснолаковой" из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. – 2002. – Вып.9.
- Голофаст Л.А.* Западный район Херсона в ранневизантийское время // МАИЭТ. – 2007. – Вып.13.
- Гришевич К.Э.* Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг. (Предварительный отчет) // Крым. – М.; Л., 1929. №1 (9).
- Гришевич К.Э.* Стены Херсонеса Таврического. Ч.3: Южная и Западная линия обороны // Х.сб. 1959. – Вып.5.
- Деяния Вселенских соборов.* СПб., 1996. Т.4.
- Домбровский О.И.* Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма Херсонеса // МАИЭТ. 1993. Вып.3.
- Евсевий Памфил.* Церковная история. М., 1993.
- Епчев Т.* Още по въпроса за деамбулаториума в раннохристиянските базилики // Проф. д.и.н. Станчо Ваклинов и средновековната българска култура. – В. Търново, 2005.
- Житие и страсть святых отец и епископов бывших Василия, Капитона, мученых в Херсонесе // Лавров П.* Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. – М., 1911. – Вып.2.
- Житие св. епископов Херсонских в грузинской минее // Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI - первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. – Харьков, 2005. Ч.2.
- Жития святых епископов Херсонских // Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI - первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. – Харьков, 2005. Ч.2.

- Романчук А.И.* Исследования Херсонеса - Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Ч.2: Византийский город. Екатеринбург, 2007.
- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. – Екатеринбург, 1995.
- Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России – СПб., 1914. – Т.1.
- Сазанов А.В.* Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. – 1991. – Вып.2.
- Скубетов М.И.* Древнехристианский склеп IV-го века с фресковой декоративной росписью близ Херсонеса (на земле Н.И. Тура) // ИТУАК. – 1916. № 53.
- Сорочан С.Б.* Где находился херсонесский храм св. Петра? // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф. – Севастополь, 2001.
- Сорочан С.Б.* О храме во имя апостола Петра в раннесредневековом Херсонесе (Херсоне) // Восток - Запад: межконфессиональный диалог. Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2002.
- Сорочан С.Б.* О храме Созонта, "доме Св. Леонтия" и мартирии Св. Василия в раннесредневековом Херсоне // АДСВ. – 2003. – Вып.34.
- Сорочан С.* О церкви св. Василия и архитектурном комплексе большой агоры раннесредневекового Херсона // Софійські читання. Матеріали Перших науково-практичних Софійських читань (м. Київ, 27 - 28 листопада 2002 р.). – Київ, 2003 а.
- Сорочан С.Б.* О строительном деле как показателе развития раннесредневековой Византии // Древности 2004. Харьков, 2004.
- Сорочан С.Б.* Об источниках финансирования и причинах "архитектурного бума" в византийском Херсоне конца VI - начала VII вв. // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Материалы международ. науч.-практ. конф. / Под ред. проф. В.А. Шаповалова. – Белгород, 2004 а. Ч.1.
- Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI - первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. – Харьков, 2005. Ч.1 - 2.
- Сорочан С.Б.* О датировке Житий свв. епископов Херсонских // VI Боспорские чтения. "Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф". – Керчь, 2005 а.
- Сорочан С.Б.* Об агоре византийского Херсона, ее церквях и палатях // БИАС. Симферополь, 2008. Вып.3.
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000.
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Херсонес - Херсон - Корсунь. – К., 2003.
- Сорочан С.Б., Крупа Т.Н.* Мартирий Св. Василия в византийском Херсоне // Археологічні дослідження в Україні 2004-2005 рр. – К.; Запоріжжя, 2006. – Вип.8.
- Стоянов Р.В.* Некоторые аспекты хронологии районирования херсонесского некрополя классического и эллинистического периодов // Хсб. – 2003. – Вып.12.
- Суриков И.Е.* Категория сакрального в пространственной модели античного греческого полиса // Восточная Европа в древности и средневековье. XVIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. – М., 2006.
- Суров Е.Г.* Херсонес Таврический. – Свердловск, 1961.
- Суров Е.Г.* Отчет о раскопках в северо-западной части Херсонесского городища в 1963 году // Отчет о раскопках объединенной Херсонесской археологической экспедиции Херсонесского историко-археологического музея и Уральского гос. университета в 1963 году / Архив НЗХТ. – Д. № 1138.
- Суров Е.Г.* К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ. – 1965. – Вып.3.
- Уваров А.С.* Христианская символика. Ч.1. Символика древнехристианского периода. – М., 1908.
- Фирсов Л.В.* Ориентировка средневековых храмов Херсонеса Таврического. 1973 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 868.
- Фомин М.В.* О мартириях при Западной базилике Херсонеса // БИ. – Симферополь; Керчь, 2005. – Вып.10.

С. Б. Сорочан

МЕМОРИЙ ВОСКРЕСІННЯ ТА МАРТИРІЙ СВ. МУЧ. ВАСИЛЕЯ В ВІЗАНТІЙСЬКОМУ ХЕРСОНІ

Резюме

В статті з'являється спроба ідентифікації та інтерпретації пам'ятника сакральної топографії візантійського Херсону ранньохристиянської крипти, яка була знайдена в 1911 - 1912 рр. на окраїні до заходу від міста. Є підстави стверджувати, що ранньохристиянське малювання цього склепу відноситься до часу не більше ніж середини V ст. В третій чверті VI ст. крипта була перетворена на крихітний підземний меморій – молитовню. Можливо, вона мала зв'язок з комплексом пам'ятників, які в свою чергу були пов'язані з пам'яттю про першого єпископа Херсону, Св. муч. Василя та з легендарним місцем дивовижного Воскресіння сина архонта міста. Агіографія Херсону відобразила легендарну гробницю Св. Василя заступника церковної міської громади. Цей мартирій ідентифікується з домовищою церквою ("каплиця Г"), яка була споруджена к кінцю VI ст. над підземним іпогеєм біля західного античного захистного муру, на території жіночого монастиря Св. Леонтія. Від цієї християнської реліквії брали виток храм Св. Василя (№27) у центрі великої агори та мартирій в жилому кварталі III, біля головної вулиці міста. Зрозуміло, вони всі були пов'язані з пам'яттю про високошановного мученика.

С. Б. Сорочан

МЕМОРИЙ ВОСКРЕСЕНИЯ И МАРТИРИЙ СВ. МУЧ. ВАСИЛЕЯ В ВІЗАНТІЙСКОМ ХЕРСОНЕ

Резюме

В статье предпринимается попытка идентификации и интерпретации памятника сакральной топографии византийского Херсона раннехристианской крипты, которая была обнаружена в 1911 - 1912 гг. на окраине к западу от города. Есть основания утверждать, что раннехристианская роспись этого склепа относится ко времени не позже середины V в. В третьей четверти VI в. крипта была превращена в крошечный подземный меморий – мошельню. Возможно, она имела связь с комплексом памятников, которые в свою очередь были связаны с памятью о первом епископе Херсона, Св. муч. Василее и с легендарным местом чудесного Воскресения сына архонта города. Агиография Херсона отразила легендарную гробницу Св. Василя – покровителя церковной городской общины. Этот мартирий идентифицируется с гробничной церковью ("часовня Г"), которая была сооружена к концу VI в. над подземным ипогеем около западной античной оборонительной стены, на территории женского монастыря Св. Леонтия. От этой христианской реликвии были производны храм Св. Василя (№27) в центре большой агоры и мартирий в жилом квартале III, рядом с главной улицей города. Очевидно, они все были связаны с памятью о высокопочитаемом мученике.

ЭНКОЛПИОНЫ СУГДЕИ

Значительное место в творчестве В.М. Зубаря занимала проблематика принятия и распространения христианства в Крыму, в том числе и средневекового времени. Одними из наиболее ярких и раритетных христианских находок средневековой Таврики являются бронзовые кресты энколпионы. В некоторых случаях они представляют определенный интерес в плане хронологии содержащих их объектов, дополнительную информацию предоставляют они и о торговых, культурных и религиозных связях средневековых городов.

Эта одна из наиболее ярких категорий позднесредневекового погребального инвентаря неоднократно становилась предметом специальных исследований¹, в том числе и для Крымского полуострова². На примере богатой коллекции Херсонеса и памятников юго-западного Крыма, их типология, хронология, искусствоведческие и ремесленные особенности, территория распространения, достаточно хорошо разработаны. Однако энколпионы юго-восточного Крыма, за редким исключением³, никогда не публиковались и не становились предметом рассмотрений. Сказанное справедливо и в отношении средневековой Сугдеи. За исключением отдельных работ⁴, в том

¹ *Зоценко В.Н.* Об одном типе древнерусских энколпионов // *Древности Среднего Поднепровья*. -К., 1981.-С. 113-125; *Пекарська Л.В., Пуцко В.Г.* Давньоруські енколпіони в збірці Музею історії м. Києва // *Археологія*. - № 3.-1989.-С. 84-94; *Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI-XIII вв.-СПб., 2003. Корзухина Г.Ф. О памятниках «корсунского дела» на Руси // *ВВ*.-Т. 14.-1958.-С. 130-137; *Медынцева А.А.* О датировке некоторых типов энколпионов // *Археологический сборник МГУ*.-М., 1961.-С.61-68; *Білоусова В.* Культурні речі колекції "Десятинна церква" НМІУ // *Церква Богородиці Десятинна в Києві*.-К., 1996.-С. 75-76; *Залесская В.Н.* Прикладное искусство // *Коллекция музея РАИК в Эрмитаже*.-СПб., 1994.-С.110-175.

² *Яшаева Т.Ю.* Древнерусские энколпионы из раскопок византийского Херсона // *Nomos*.-№ 28/29.-Кракow, 1999/2000.-С. 87; *Яшаева Т.Ю.* Сокральная сущность энколпионов: реликварий-крестикона // *Символ в религии и философии*.-Севастополь, 2005.-С. 121-130.

³ *Крамаровский М.Г., Гукин В.Д.* Крест-реликварий XII – начала XIII века из могильника в пригороде золотоордынского города Солхата (Крым) // *Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов*.-СПб., 2006.- С. 53-62.

⁴ *Майко В.В., Джанов А.В., Фарбей А.М.* Энколпионы средневековой Сугдеи // *Религиозное мировоззрение в древнем и современном обществах: праздники и будни. Тез. докл. и сообщ.*-Севастополь, 2006.-С. 36-37; *Майко В.В.* *Средневековые некрополи Судакской долины*.-К., 2007.-С. 135-137.

числе научно-популярного характера⁵, в комплексе они никогда не становились предметом публикаций.

За все годы археологических исследований в Сугдее обнаружено 17 энколпионов. Большая часть из них паспортизирована и представляла собой погребальный инвентарь. Бронзовые мощевики обнаружены М.А. Фронджуло в заполнении плитовой могилы 133 (рис. 1, 1а,б) и плитовой могилы 187⁶ (одна створка) (рис. 1, 3) некрополя Судак-II. Помимо этого, при проведении разведок на территории этого некрополя обнаружено еще два энколпиона, безусловно связанных с разрушенными погребениями. Один – в 1964 г. без привязки к конкретному захоронению (рис. 2, 3а,б), другой (одна створка) – в 1966 г. на площади квадрата 30 (рис. 3, 3), уже после окончания основного объема раскопок. Кроме того, энколпионы были зачищены в 1990 г. в заполнении могилы 17 некрополя на участке куртины XV Судацкой крепости (рис. 2, 2), в 1999 г. склепа 1 некрополя Судак-V (рис. 3, 4), в 2008 г. плитового захоронения 26 некрополя храма Параскевы (рис. 3, 5а,б). Вероятнее всего, погребальным инвентарем является изделие, происходящее из раскопок 1981 г. верхнего слоя Храма Девы Марии в центральной части средневековой Сугдеи (рис. 1, 2).

Два креста с обломанными верхними лучами обнаружены при исследовании жилых и хозяйственных построек. Это энколпион из заполнения помещения в портовой части Сугдеи (раскопки 2008 г.) (рис. 2, 1) и с пола помещения на северо-восточном участке посада (рис. 3, 2) (раскопки И.А. Баранова 1977 г.).

Остальные экземпляры были найдены в ходе проведения археологических разведок на территории средневекового города и его посада. Это фрагменты мощевиков из разведок 2006 г. на территории города (рис. 1, 4,5; рис. 4, 1), двусторчатый крест из разведок 1980-х гг. (рис. 1, 6а,б). Место и время нахождения верхней части энколпиона (рис. 3, 1), находящегося в фондах музея «Судацкая крепость» нам неизвестно, неизвестно и точное местонахождение энколпиона, поступившего в Одесский археологический музей в 1873 г. Последний из публикуемых экземпляров происходит из разведок конца 90-х гг. XX в. В селе Солнечная Долина на восток от современного Судака (рис. 1, 7). При этом условно датировать комплекс могут только кресты из погребений 133 и 187 некрополя Судак-II и захоронения 26 некрополя храма Параскевы. Во всех остальных документированных случаях они найдены в комплексах более позднего времени.

Рассмотрим подробнее публикуемые экземпляры, разделяя их на традиционные группы.

Майко В.В. Давньоруські знахідки X - XIII ст. з південно-східного Криму. До питання про економічні та політичні контакти // *Дягіль слово*. -К., 2008. -С. 311-321.

⁵ Майко В.В. Християнські реліквії Візантійської Сугдеї // *Бюлетень*. 1 (10).-Львів, 2008. -С. 26-29.

⁶ Энкалпион находится в фондах музея «Судацкая крепость» и относится к погребальному инвентарю могилы 215. В шифре, очевидно, допущена ошибка, т.к., согласно полевой документации, в погребении 215 обнаружен восьмиконечный, более поздний, крест.

Одну группу изделий составляют энколпионы из могилы 133 (рис. 1, 1а, б) и верхнего слоя храма Девы Марии (рис. 1, 2). Кроме того, к этой группе можно отнести фрагменты энколпионов из разведок на территории Сугдеи 2006 г. (рис. 1, 4,5). Первый из них двустворчатый, размерами 6,25 x 4,2 см⁷. На лицевой стороне помещено рельефное изображение Распятия, выполненное достаточно условно. Справа и слева от Распятия в округлых медальонах помещены погрудные изображения Святых, на нашем экземпляре практически не различимых. Традиционно они выполнялись в технике черни. На верхнем медальоне изображение равностороннего креста, так же практически не различимое (рис. 1, 1а). На оборотной створке (рис. 1, 1б) традиционное изображение большого восьмиконечного креста с лучами от перекрестия. В медальонах монограммы Христа. Из них на нашем экземпляре буквы различимы только в верхнем. Обратная сторона так же выполнена в технике черни. Это достаточно известная группа киевских энколпионов. Территория их распространения довольно широка⁸. Совершенно аналогичный нашему экземпляр происходит из с. Подсечное возле Переяславля-Хмельницкого и хранится в коллекции Музея истории Киева⁹. Традиционно эти энколпионы датируются в рамках второй четверти XII в.¹⁰, но встречаются и в комплексах первой половины XIII в.¹¹. В литературе была высказана точка зрения, согласно которой стертость рельефных изображений, в частности на энколпионах, является часто признаком имитации изделия¹². Однако в нашем случае, хорошая сохранность и четкое исполнение оборотной створки позволяют судить о том, что изделие импортное, а не отлитое на месте.

К другому варианту этой группы относится единственный двустворчатый энколпион из разведок на территории средневековой Сугдеи (рис. 1, 6а, б). В отличие от энколпионов первой группы, изображения Святых на лицевой стороне верхнего и боковых лучей выполнены так же в рельефной технике. На оборотной стороне изображение Богородицы-Одигитрии и Святых в медальонах на верхнем и боковых лучах. Все они выполнены в технике высокого рельефа. Эта группа энколпионов не менее известна на территории Киевской руси и датируется приблизительно этим же временем.

К другой группе относится также единственная верхняя створка бронзового энколпиона из могилы 187 размерами 4,55 x 2,65 см (рис. 1, 3). Изображение на створке очень сильно стерто, но, отнесение его к Распятию – безусловно. Изображение на верхнем округлом медальоне совершенно не различимо.

⁷ К сожалению, местонахождение этого энколпиона мне неизвестно.

⁸ Пекарська Л.В., Пуцко В.Г. Указ. соч.-С. 88.

⁹ Пекарська Л.В., Пуцко В.Г. Указ. соч.-С. 87, рис. 2: 5.

¹⁰ Корзухина Г.Ф. Указ. соч.-С. 133.

¹¹ Пекарська Л.В., Пуцко В.Г. Указ. соч.-С. 88.

¹² Івакін Г.Ю., Пуцко В.Г. Пам'ятки пластичного мистецтва з розкопок Верхнього Києва 1998-2001 рр. // Археологія.-№ 4.-2005.-С. 102.

Такие миниатюрные киевские крестики-энколпионы, являющиеся внутренней частью изделия, известны в собрании Музея истории г. Киева. Правда, там представлены обратные створки с рельефным изображением Богоматери-Оранты¹³. Не исключено, что, исходя из древнерусских аналогий, они могут датироваться рубежом XI-XII вв.¹⁴.

Наибольшую по количеству группу (3 экземпляра, один из них двусторчатый) образуют изделия, относящиеся к т.н. энколпионам с мелким изображением распятия¹⁵ и обратными (зеркальными) славянскими надписями¹⁶ (рис. 2). Они традиционно относятся к одному из наиболее распространенных типов поздних мощевиков киевского производства¹⁷. Подобная тенденция характерна не только для Сугдеи, но и для всего Крымского полуострова.

На обнаруженных лицевых створках помещено рельефное изображение Распятия. Отметим, что на изделии из заполнения помещения в портовой части Сугдеи (рис. 2, 1), оно выполнено более схематично. Погрудные изображения Святых в круглых медальонах лучше всего сохранились именно на этом мощевике. На остальных экземплярах монограммы практически не читаются. Традиционно здесь помещали изображения Св.Св. Марии, Иоанна, Николая и Георгия. Обратная створка сохранилась только у изделия, обнаруженного на площади некрополя Судак-II (рис. 2, 3б). Здесь расположено рельефное изображение Богородицы-Ассунты и погрудные изображения, сохранность которых свидетельствует о длительном использовании креста. Тем не менее изображения Св.Св. Петра, Василия, Козьмы и Доминана не вызывают сомнений. Обратная славянская надпись «Богородица помагай» слабо различима. Общеизвестна широкая территория их распространения¹⁸ и относительно частая встречаемость в Крыму. Помимо Херсонеса, подобный энколпион в последнее время, например, обнаружен при раскопках христианского храма на г. Аю-Даг¹⁹ и монастырского комплекса в бухте Панаир на юго-восточном склоне этой горы²⁰. Традиционно, начиная с работ Б.А. Рыбакова²¹, датируются эти изделия временем перед нашествием татаро-монгол на Русь, т.е. второй четвертью XIII в. Причины их столь частой встречаемости в юго-восточном

¹³ Пекарська Л.В., Пуцко В.Г. Указ. соч.-С. 90.

¹⁴ Пекарська Л.В., Пуцко В.Г. Указ. соч.-С. 91.

¹⁵ Яшаева Т.Ю. Древнерусские энколпионы...-С. 87.

¹⁶ Пекарська Л.В., Пуцко В.Г. Указ. соч.-С. 91.

¹⁷ По подсчетам Е.И. Архиповой, их обнаружено более 250: Архипова Е.И. Памятки декоративно-ужиткового мистецтва стародавнього Києва (за матеріалами розкопок 2001-2002 рр.) // Археологія.-№ 1.-2006.-С. 70.

¹⁸ Там же.-С. 70-71.

¹⁹ Лысенко А.В., Тесленко И.Б. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней.-К., 2002.- С. 85, рис. 8.

²⁰ Адак-си-ни С.Б. Две новые находки энколпионов с горы Аю-Даг // Суг-дея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины.-Ки-ев-Судак, 2002.-С.14-15.

²¹ Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси М., 1948.- С. 527-528.

Крым исследователи видят либо в переселении части жителей Среднего Поднепровья, спасавшегося от татаро-монгольского нашествия²², либо в постоянных торговых контактах между этими регионами²³.

По мнению специалистов, логическим развитием этой группы энколпионов является экземпляр, обнаруженный в ходе разведок в с. Солнечная Долина Судакского района (рис. 1, 7). Хронологические отличия проявились, прежде всего, в скругленных углах средокрестия и стилистических особенностях рельефного изображения Распятия и Святых в четырех медальонах. Наличие традиционной славянской надписи в средокрестии нашего экземпляра, исходя из его сильной потертости, можно только предполагать. В настоящее время исследователи считают, что в боковых медальонах могли помещаться изображения Сисиния и Пантелеймона, а в верхнем – Святого Николая²⁴. Наиболее близки нашему экземпляру изделия, происходящие из Житомира, Владимиро-Суздальского музея и Калуги²⁵. Последний экземпляр датируется не ранее первой половины XIV в.²⁶.

Вторую этно-культурную группу энколпионов составляют т.н. сиро-палестинские изделия. Они традиционно разделяются на две основные группы с гравированным и рельефным изображением.

Численно преобладает группа с гравированными изображениями, исполненными т.н. «штриховой» манерой²⁷. Изображения в сильной степени стилизованные, однако элементы одежды выполнены достаточно четко. Интересной деталью является орнаментальное оформление края одежды. Судакская коллекция состоит пока из трех экземпляров.

Оборотная створка первого из них была найдена М.А. Фронджуло при осмотре разрушенных погребений на участке квадрата 30 некрополя Судак-II на юго-западном участке посада Сугдеи (рис. 3, 3). На створке помещено изображение Богородицы в позе Оранты. Надпись разобрать достаточно сложно, из четырех букв хорошо сохранились только ?Є?О, возможно, сокращенное 0εοτοκοζ (Богородица). Поскольку створка была обнаружена без привязки к конкретному погребению, датировать ее сложно, но относительно неплохая сохранность изделия позволяет предположить, что погребенный был его первым и последним хозяином. Интересную информацию дают орнаментальные мотивы оформления одежды Богородицы. Подобный орнамент достаточно широко представлен, в том числе и на поливной византийской керамике.

²² *Яковсон А.Л.* К истории русско-корсунских связей (XI-XVI вв.) // ВВ.-1958.-Т. XIV.-С. 116-128.

²³ *Иванченко Л.И., Моця О.П.* Судацкий хрест XIII ст. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре.-Ч. II.-Киев-Судак, 2004.-С. 108.

²⁴ *Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.* Указ. соч.-С. 218.

²⁵ Там же.- Табл. 146. VII.4.1/3; VII.4.1/4; VII.4.1/17.

²⁶ Там же.-С. 218.

²⁷ *Залеская В.Н.* Указ. соч.- С. 114.

Оборотная створка второго подобного «сирийского» креста была обнаружена в 1977 г. И.А. Барановым в слое пожара на полу каменного жилого дома с очагом на северо-восточном участке посада средневековой Сугдеи (рис. 3, 2). Верхний луч изделия обломан в древности. находка упоминается в наиболее полном на сегодняшний день каталоге Г.Ф. Корзухиной и А.А. Песковой²⁸. В центре помещено гравированное изображение Святой в позе Оранты (вероятнее всего, Богоматерь). Нижний луч оформлен по краю двойной врезной линией, являющейся продолжением орнаментальной окантовки одежды Святой. Археологический слой на полу дома датируется в рамках первой половины XIII в.

Обстоятельства находки фрагмента створки еще одного подобного энколпиона точно неизвестны. Возможно, он был обнаружен на территории Сугдеи в подъемном материале (рис. 3, 1). На сохранившемся верхнем и правом луче изображена Богоматерь-Оранта и традиционная надпись MP OY. Очень редкостью особенностью²⁹ энколпиона является изображение на правом луче Святого. Вероятнее всего, подобное изображение было и на другом боковом луче. Подобный крест с гравированным изображением на левом луче Архангела Михаила, заключенном в медальон, происходит из собрания Н.П. Лихачева³⁰.

Известно, что наиболее крупная Крымская коллекция «сирийских» крестов с гравированным изображением происходит из раскопок Херсонеса³¹. Исходя из сложившейся в Византийской империи политической ситуации, способствовавшей оживлению торговых и культурных контактов, время их проникновения на относительно широкие территории, в том числе и на Крымский полуостров, относят к середине X в.³² Именно в это время после возрождения разрушенных арабами ближневосточных святых мест, паломники начинают активно посещать православные христианские центры Сирии, где получают разнообразный литургический инвентарь и предметы личного благочестия³³. Этот процесс продолжается и на протяжении X-XI вв.³⁴ Этим же временем, на основании нумизматического материала, датируют время появления подобных энколпионов на Балканах, в Добрудже, на юге Болгарии³⁵ и на Руси³⁶.

Недавно, на основании находки энколпиона в погребальном инвентаре могилы 58 некрополя селища Бакаташ в юго-восточном Крыму, было высказано

²⁸ Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Указ. соч.-С. 59; С. 254, табл. 11.

²⁹ Там же.-С. 51.

³⁰ Из коллекции академика Н.П. Лихачева. Каталог выставки.-СПб., 1993.-С. 72, № 185.

³¹ Яшаева Т.Ю. Сокральная сущность...-С. 205, рис. 4.

³² Там же.-С. 203.

³³ Залеская В.Н. Связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X-XII веках // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV – XVI вв.-Л., 1988.-С. 98.

³⁴ Залеская В.Н. Прикладное искусство...-С. 114-115.

³⁵ Дончева-Петкова Л. За някои типове кръстове-энколпиони от Добруджа // Добруджа.- № 8.- Добрич-Силистра, 1991.- С. 53, табл. I: 16

³⁶ Куцицкий В.А. Близькосхідні энколпиони на території південної Русі // Археологія.- 1990.- № 1.- С. 106-116.

предположение о возможном существовании местной крымской школы по изготовлению сирийских крестов с примитивным гравированным изображением, которые могут датироваться временем не позднее первой половины XIII ст.³⁷.

Отдельную категорию составляют два ближневосточных энколпиона с изображениями, выполненными в технике низкого рельефа³⁸. Створка одного из них (рис. 3, 4) была обнаружена в погребальном инвентаре склепа при исследовании прихрамового некрополя Судак-V в 1999 г. разведочным отрядом Судакской экспедиции под руководством А.М. Фарбея³⁹. В средокрестии помещено изображение Богоматери оранты с традиционными Богородичными титлами **MP OY**. На окончании лучей креста – медальоны с погрудными изображениями четырех Апостолов Евангелистов с титлами, которые, из-за потертости изделия, разобрать сложно. Традиционно Евангелисты располагались слева по кругу: Лука, Матфей, Иоанн, Марк. Подобные энколпионы чаще всего относят к кругу поздних ближневосточных древностей⁴⁰. Они получили достаточно широкое распространение не только в Крыму, прежде всего в Херсонесе⁴¹, но и на Балканах, реже – на территории Киевской Руси⁴². Подобный нашему экземпляру есть, например, в собрании Белгород-Днестровского краеведческого музея⁴³. На территории Крымского полуострова и Древней Руси подобные кресты датируются в хронологических рамках второй четверти XII – первой половины XIII вв. Базируясь на данных нумизматики, болгарские специалисты считают, что сирийские кресты этого типа появляются в северо-восточной и южной Болгарии еще во второй половине X – начале XI вв.⁴⁴ или в 30-е гг.⁴⁵, однако, встречаются и в более поздних горизонтах, до XIII в. включительно.

Другой энколпион был обнаружен в плитовом погребении 26 некрополя храма Параскевы в 2008 г. Это единственный пока ближневосточный экземпляр, от которого сохранились обе створки. На одной из них в технике низкого рельефа изображено Распятие. Святые в медальонах на концах лучей различить

³⁷ Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Указ. Соч.-С. 59.

³⁸ Асташова Н.И., Сарачева Т.Г. Коллекция сирийских энколпионов в археологическом собрании ГИМ // *Sacrum et profanum*. II. - Севастополь-Краков, 2007. - 19-26.

³⁹ Фарбей О.М. Дослідження посаду середньовічної Сугдеї у 1999 р. // *Археологічні відкриття в Україні 1999-2000 р. К., 2001. С. 60-62.*

⁴⁰ Залеская В.Н. Прикладное искусство...-С. 115.

⁴¹ Crimean Chersonesos: city, chora, museum, and environs. Austin, Texas, 2003. - P. 167, fig. 11.15.

⁴² Куницкий В.А. Вказ. праця.-С. 106-116; Доичева-Петкова Л. О некоторых типах крестов-энколпионов из Херсонеса и средневековой Болгарии // *Россия-Крым-Балканы: диалог культур*. Екатеринбург, 2004. С. 230-231.

⁴³ Куницкий В.А. Предметы художественной пластики из Белгород-Днестровского // *Земли Южной Руси в IX — XIV вв. К., 1985. С. 125, рис. 1: 3.*

⁴⁴ Аташасов Г., Йотов В. Кръстове-енколпиони и медальони от ранносредновековиата крепост до с. Цар-Асен, Силистренско // *Добруджа. - № 6. - Добрич-Силистра, 1989. - С. 89-90.*

⁴⁵ Доичева-Петкова Л. За някои типове кръстове-енколпиони...-С. 56.

очень сложно (рис. 3, 5а). На оборотной створке изображена Богоматерь (Оранта?) и четыре медальона с изображениями Святых на концах лучей (рис. 3, 5а). Датировать энколпион достаточно сложно, без сомнения, он имеет следы длительного использования. Поверхности затерты до дырок, нижний луч на последнем этапе использования предмета, как реликвария, крепился при помощи медной заклепки. Схематичность изображения резко отличает его от предыдущего экземпляра. Не исключено, что это работа местного мастера, использовавшего ближневосточные прототипы.

В фундаментальном каталоге Г.Ф. Корзухиной и А.А. Песковой упоминается еще одна находка энколпиона из Судака, сделанная в 1873 г., хранящаяся в Одесском археологическом музее ИА НАНГ Украины. Место находки на территории самой Сугдеи остается неизвестным. На створке изображен Святой Николай в полный рост с кириллической надписью **ГНА Ѡ ѢГ НН КО ЛА**. Изображение, в отличие от сирийских прототипов, выполнены не гравировкой, а врезными линиями, отлитыми вместе со створкой креста (рис. 4, 2). На этом основании, используя вариант написания имени Святого, как Никола и иконографического изображения святых не в позе Оранта, Г.Ф. Корзухина отнесла его к изделиям древнерусского круга, изготовленным по сирийским прототипам⁴⁶. Хорошо известна и единственная аналогия кресту, обнаруженная в Каневе Киевской губернии еще на рубеже XIX-XX вв.⁴⁷. Отличия между ними заключаются только в том, что на Судакском кресте греческая омега в слове «Святой» заменена на славянское **Ѡ**. Однако сейчас большинство исследователей связывают этот крест, упомянутый в ЗООИД и опубликованный Т.Г. Тимашковой⁴⁸, с Балканской традицией, считая его и аналогичный экземпляр из Каневского уезда⁴⁹, провинциально-византийским изделием⁵⁰.

Уникальным для Крыма и Сугдеи является фрагмент верхнего и левого лучей створки энколпиона, происходящего из археологических разведок 2006 г. на территории средневековой Сугдеи (рис. 4, 1)⁵¹. На лицевой створке изображен Святой с бородой, а на левом луче – остатки зеркальной кириллической надписи **ѠА ННК ѠЛѠС**. Наиболее близкой аналогией является мошевик, хранящийся в государственном Эрмитаже⁵². Еще один экземпляр известен в собрании Софийского музея в Болгарии. С большой долей вероятности можно

⁴⁶ Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Указ. соч.-С. 14.

⁴⁷ Хапенко Б.И. и В.Н. Древности русские: Кресты и образки.-Киев, 1899.-Табл. X, 117.

⁴⁸ Тимашкова Т.Г. Кресты-энколпионы XI-XIV вв. из собрания Одесского археологического музея // Северо-западное Причерноморье — контактная зона древних культур. К.,1991.-С. 122, рис. 2,5.

⁴⁹ Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Указ. соч.-Табл. 15, 1.2/8.

⁵⁰ Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Указ. соч.-С. 53.

⁵¹ Фарбей А.М., Майко В.В., Джанов А.В. Отчет об археологических разведках в акватории Судацкой бухты в 2006 г., рис. 13: к.о. № 15 // Архив НЗ «София Киевская».

⁵² Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Указ. соч.-Табл. 15, ГЭ № w-195.

утверждать, что это фрагмент первого в Крыму энколпиона с изображением Святых с двойными именами (Николай-Власий и Георгий-Димитрий). Г.Ф. Корзухина и его относил к группе наиболее ранних древнерусских изделий⁵³. Однако разработки известной болгарской исследовательницы Людмилы Дончевой-Петковой⁵⁴ доказали, что они имеют балканское происхождение и датируются концом XII в.⁵⁵ Тем не менее, подобная их датировка не исключает и более раннее время появления. Как известно, данная раритетная категория христианских находок находилась в употреблении длительный период.

В.В. Майко, А.В. Джанов, А.М. Фарбей

ЕНКОЛПИОНИ СУГДЕЇ

Резюме

У статті публікується одна з найбільш яскравих категорій християнських знахідок – енколпіони, які виникли з території середньовікової Сугдеї. Вперше розглянуті всі знахідки, які походять з території середньовікового міста та її найближчий округи. Відомо, що в Криму староруські і сирійські енколпіони не завжди є датуєчим матеріалом, однак, без сумніву, дають додаткову інформацію про різноманітність політичних та культурних зв'язків Сугдеї у XI – першій половині XIII ст. Детально розглянуті енколпіони, пов'язані з давньоруським виробництвом, і так звані близькосхідні вироби, розділені на традиційні групи та види.

В.В. Майко, А.В. Джанов, А.М. Фарбей

ЭНКОЛПИОНЫ СУГДЕИ

Резюме

В статье публикуется одна из наиболее ярких категорий христианских находок – энколпионы, происходящие с территории средневековой Сугдеи. Впервые рассмотрены все находки, происходящие с территории средневекового города и его ближайшей округи.

⁵³ Историография проблемы см. Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Указ. соч.-С.53.

⁵⁴ Дончева-Петкова Л. Кръстовете-енколпионе с образи на свети и надписи НКОЛАОС-ВЛАСИОС и ГЕОРГНОС-ДНМНТРОС // Археология.-Т. XXIII.-Ки. 1.-София, 1991.

⁵⁵ Историография этой дискуссии изложена в работе А.А. Песковой; см. Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Указ. соч.-С.53.

Известно, что в Крыму древнерусские и сирийские энколпионы не всегда являются датирующим материалом, однако, несомненно, дают дополнительную информацию о разнообразии политических и культурных связей Сугдеи в XI – первой половине XIII вв. Детально рассмотрены энколпионы, связанные с древнерусским производством и т.н. ближневосточные изделия, разделенные на традиционные группы и виды.

V.V. Maiko, A.V. Dzhanov, A.M. Farbey

RELIQUARY CROSSES OF SUGDEYA

Summary

One of the brightest categories of Christian finds – reliquary crosses originating in the territory of Medieval Sugdeya is published in the article. All finds originating from the territory of the medieval city and its nearest district are discussed for the first time. It is known that in the Crimea, the ancient Russian and Syrian reliquary crosses are not always dating back material, but certainly, they give additional information on the diversity of political and cultural ties of Sugdeya in the 11th- first half of the 13th century. Reliquary crosses associated with the old Russian manufacturing and the so-called Middle Eastern products, divided into traditional groups and types, are discussed in details.

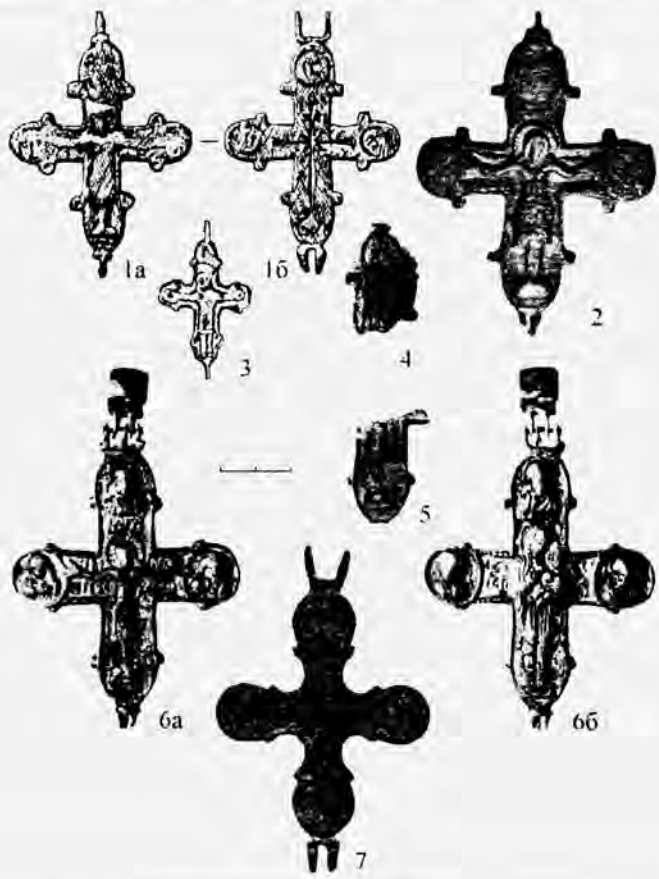

Рис. 1. Древнерусские мошевики из раскопок и разведок средневековой Сугдеи.

1 – погребение 133 некрополя Судак-II; 2 – верхний слой храма Девы Марии; 3 – погребение 187 некрополя Судак-II; 4,5 – разведки 2006 г. на территории Сугдеи; 6 – разведки на территории Сугдеи; 7 – разведки на территории с. Солнечная Долина.

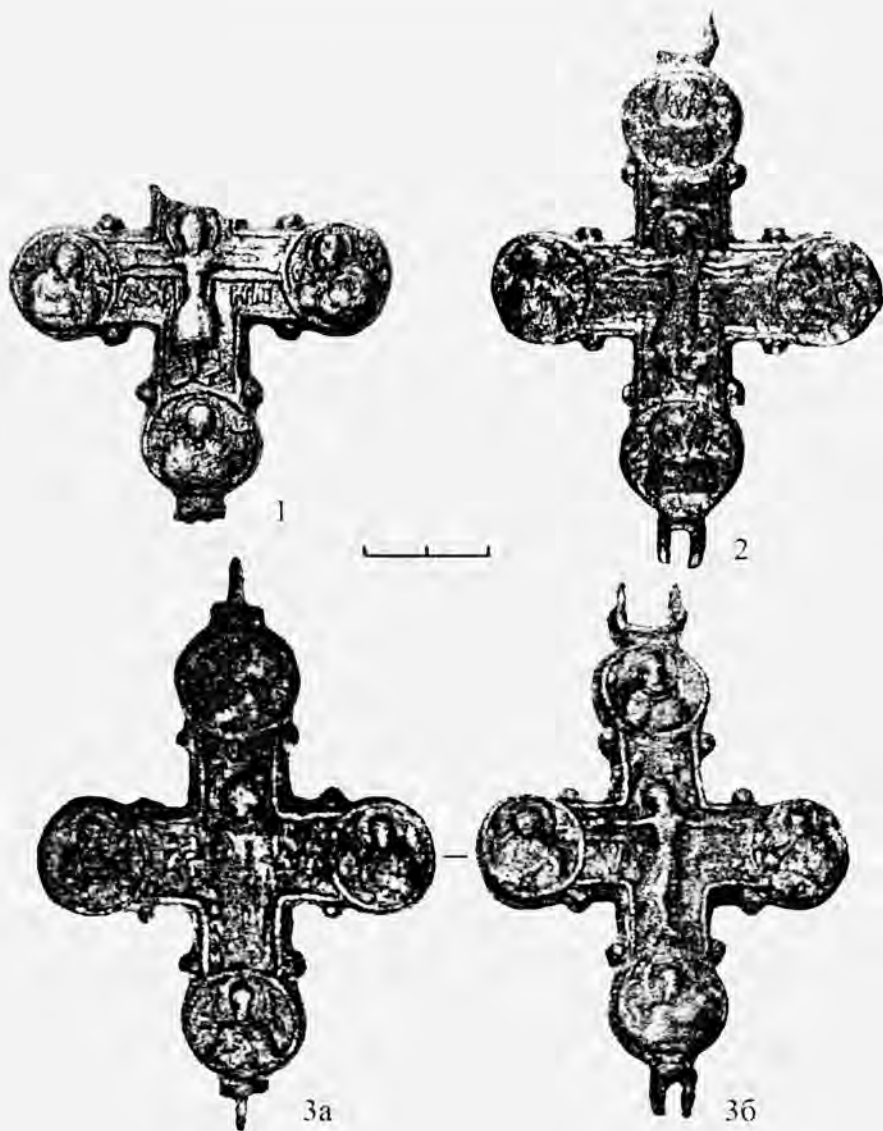

Рис. 2. Древнерусские мощевики из раскопок и разведок средневековой Сугден,

1 – раскопки помещения в портовой части Сугден 2008 г.; 2 – погребение 17 некрополя на участке куртины XV Судацкой крепости; 3 – разведки на территории некрополя Судак-II.

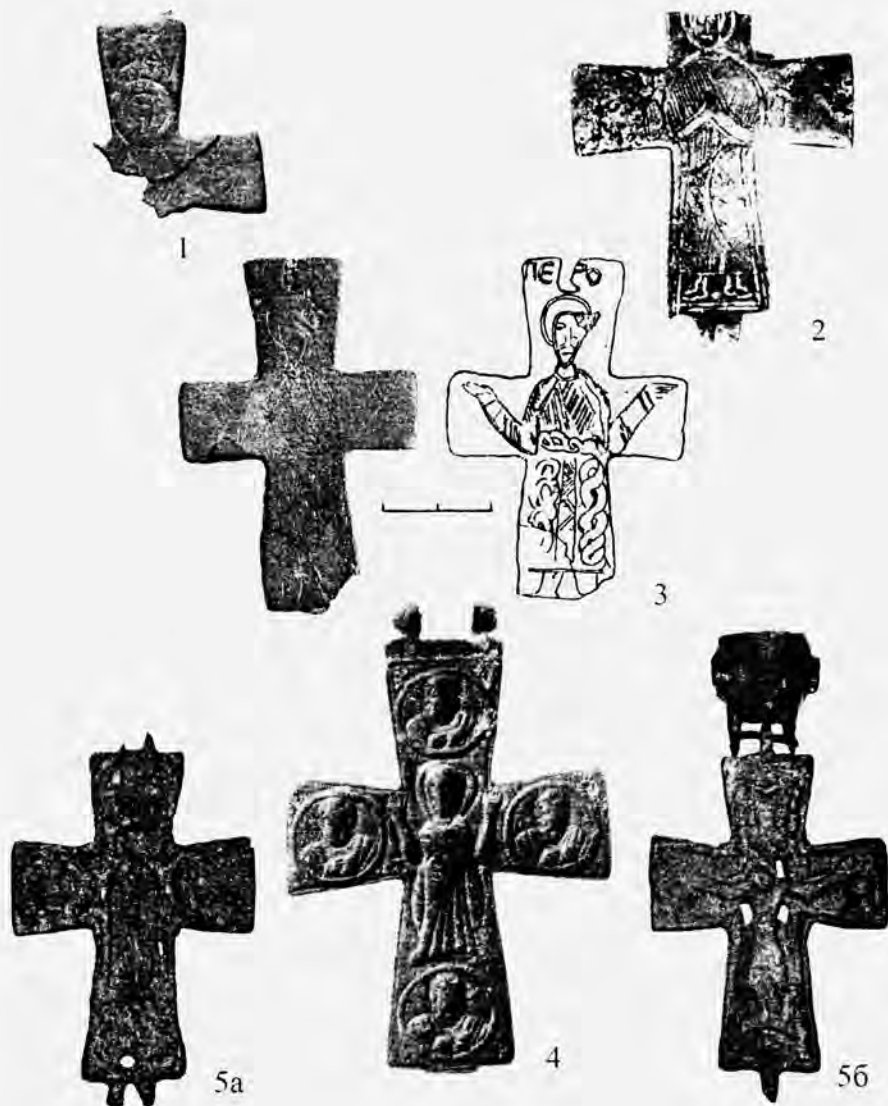

Рис. 3. Ближневосточные энколпионы из раскопок и разведок средневековой Сугдеи.

1 – разведки на территории Сугдеи; 2 – раскопки помещения на посаде Сугдеи; 3 – разведки на территории некрополя Судак-II; 4 – склеп 1 некрополя Судак-V; 5 – погребение 26 некрополя храма Параскевы.

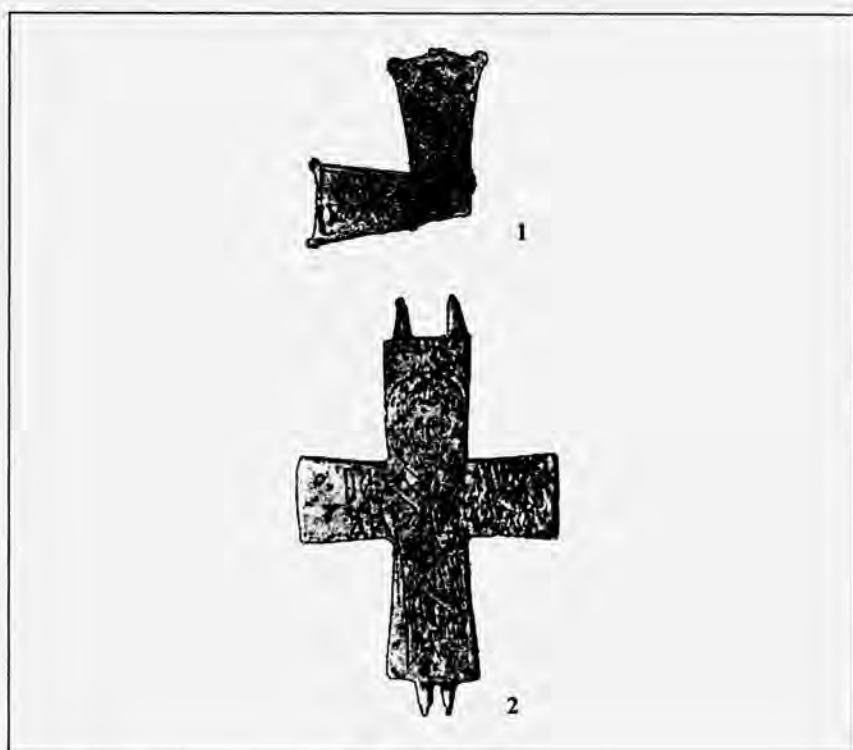

Рис. 4. Балканские энколпионы средневековой Сугдеи.
1 – разведки 2006 г. на территории Сугдеи; 2 – находка 1873 г.

Ю.Л. БЕЛИК

НЕКОТОРЫЕ ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРЕПОСТИ КЕРЧЬ В XVII – XVIII ВВ.

В конце XVI – первой половине XVII вв. в жизни Османской империи наметились негативные тенденции, с новой силой они проявили себя во второй половине XVII в. и особенно в XVIII в. Государство постепенно теряло самостоятельность и становилось все более зависимо от западноевропейских держав. Несмотря на это, Турция на протяжении всего XVIII в. пыталась оставаться влиятельным внешнеполитическим игроком. Понимая, что ее первостепенным соперником становится Российское государство, султанское правительство предпринимает разнообразные меры по укреплению своих позиций на уже подвластных территориях. Особое внимание уделяется крепостным сооружениям, в том числе и на Керченском полуострове, владение которым давало возможность османам контролировать доступ в Черное море из Азовского через Керченский пролив. В XVII – XVIII вв. на Керченском полуострове располагалось несколько крепостей Османской империи, среди которых следует выделить крепость Керчь.

Значению крепости Керчь во внешнеполитической истории уделялось внимание многими исследователями [Дружинина, 1955; Орешкова, 1971; Санин, 1987; Быковская, 2002; Быковская, 2006], также описанию крепостных сооружений посвящен ряд работ [Михайлов, 1976; Артеменко, 2006; Артеменко, 2007; Тимофеев, 1984]. Более детально на особенностях планировки крепости останавливался С.Г. Бочаров [Бочаров, 2001; Бочаров, 2005], но до сих пор не предпринималось попыток дать оценку фортификационным особенностям крепости.

Крепость Керчь располагалась на берегу Керченской бухты, которая вдаётся в западный берег Керченского пролива. Бухта ограничена мысом Ак-Бурун (м. Белый) и мысом Змеиным, находящимся в 5 км к северо-востоку от Ак-Буруна. Современный уровень глубин составляет 2-5 м [Лоция..., 1985, с. 47]. Керченская бухта имеет несколько приметных географических объектов. Обрывистый мыс Ак-Бурун (Белый) является юго-западным входным мысом Керченской бухты. Гора Митридат высотой 91,4 м, располагается на западном берегу и господствует над окружающей местностью. Высокий каменистый мыс Карантинный выступает от северо-восточного берега Керченской бухты. Высокий обрывистый мыс Змеиный находится в 2 км к востоку-юго-востоку

Керчи. В 1598 г. запорожцами была предпринята морская экспедиция в Керченский пролив. Возглавил поход атаман Запорожской Сечи Демьян (Семен) Скалозуб. Казаки потерпели поражение во время морского сражения в Керченском проливе. В течение 20-30-х гг. XVII в. казаки неоднократно предпринимали попытки штурмовать крепость Керчь. В 1631 г. отряд украинских казаков, совместно с донскими, общей численностью 1500 человек, под руководством гетмана Тимоша Орендаренко и кошевого атамана Ивана Кулага-Петражицкого разграбил район от Керчи до Козлова. В районе крепости Керчь казаки высадили десант.

Поход казаков летом 1654 г. на Крым усилил тенденцию к заключению русско-украинско-крымского союза. Этому также способствовала борьба за ханский престол в самом Крыму [Санин, 1987, с. 87]. Но резкие изменения во внешней политике Крымского ханства в 1655 г. вынудили русское правительство и гетмана Хмельницкого начать организацию нового нападения на Крым [Санин, 1987, с. 152-155]. Военные действия весной-летом 1655 г. затронули и Восточный Крым. 6 июля 1655 г. началась блокада Керченского пролива украинскими и донскими казаками [Санин, 1987, с. 158-160]. В результате, 15 июля 1655 г. была захвачена крепость Тамань, 22 июля началась осада крепости Керчь. Захватить город не удалось. Надо отметить, что для обороны города в состав гарнизона вошли и конные сипахи [Санин, 1987, с. 159]. Интересно то, что в начале августа казаки смогли осадить и захватить крепость Судак [Санин, 1987, с. 159]. Следовательно, мы видим, что Керченский пролив, имея стратегическое значение для Крымского ханства и Османской империи, должен был иметь и соответствующую надежную защиту, в том числе и от возможных посягательств со стороны казачества.

Попытки реконструировать планировку и фортификационные особенности крепости Керчь на основе исследований XX в. и архивных материалов предпринимались С.Г. Бочаровым [Бочаров, 2001, с. 158-59]. По мнению исследователя, крепость Керчь в XV в. представляла собой комплекс оборонительных построек, состоящих из основной линии крепостных сооружений и цитадели (рис. 3).

Крепость с напольной стороны окружал ров. Ров был водным, наполнявшийся, видимо, морской водой. Эвлия Челеби, характеризуя его особенности, отмечает: «от одного моря до другого прорублен ров» [Челеби, 1999, с. 97]. Учитывая, что крепость располагалась на выступавшем в море мысу, путешественник воспринимал противоположные берега Керченской бухты как части разных морей, возможно, Азовского и Черного. Вероятнее всего, в 60-е гг. XVII в. ров был заилен, на это указывает и Эвлия Челеби: «В этом рву во времена северных протекала морская вода, тогда он был заполнен. И теперь его можно открыть, потому что от одного моря до другого довольно близко, и тогда крепость Керчь окажется как бы на мысу острова» [Челеби, 1999, с. 97-98]. Со стороны моря ров, видимо, не был возведен по причине его

нецелесообразности. Ров был облицован камнем. О наличии кювета во рву сведений на данный момент мы не имеем. Как отмечает С.Г. Бочаров, крепостной ров был вырыт в земле, повторяя конфигурацию линии барбаканов. Эскарповые и контрэскарповые одежды были облицованы. Контрэскарп представлял собой стену, сложенную из камня на известковом растворе [Бочаров, 2005, с. 148]. При укладке камня использовалась однорядная система перевязки наружной (лицевой) версты контрэскарповой стены. Протяженность рва составляла, по мнению С.Г. Бочарова, около 480 м [Бочаров, 2005, с. 148], по другим данным более 500 м [Томилов, 1868, с. 192]. Высота эскарповой стенки рва была от 10 футов (3 м) до около 5,5 – 6 м [Бочаров, 2005, с. 148]. Высота контрэскарповой стенки рва – около 2,4 м. Контрэскарпных галерей не было. Ширина рва до 35 футов (10,5 м).

В отличие от рва, окружавшего внешние крепостные стены, ров вокруг цитадели был «... подготовлен к любой войне» [Челеби, 1999, с. 98]. Ров вокруг цитадели был, видимо, неглубоким. Длина его составляла около 208 м [Томилов, 1868, с. 192]. Эскарповые одежды куртин основных фортификационных сооружений крепости Керчь были каменными, что типично для многих средневековых крепостей [Шуази, 1937, с. 515]. Стены представляли собой каменную кладку на известковом растворе. При укладке камня использовалась однорядная система перевязки наружной (лицевой) версты стены. Высота внешних крепостных стен составляла около 4,5 м, т.е. неполная эскарповая одежда (полуодежда) составляла около 4,2-4,5 м (до местного горизонта). Полная эскарповая одежда (с учетом глубины рва) составляла около 6,5-7 м. Наклон стен эскарповой одежды в среднем оставлял отношение 1/20 заложения против высоты. Подобный наклон стен был оптимален, что дополнительно усиливало куртину как в случае воздействия активных нагрузок, так и пассивных (оползневая деятельность). Необходимо обратить внимание на то, что подножие стены имело выраженный излом, что типично для средневековых оборонительных сооружений [Шуази, 1937, с. 517]. Внутренняя поверхность стены была отвесной. На имеющихся в нашем распоряжении изображениях крепости кордон четко не просматривается (рис. 2). Фундамент стен – бутовый, вероятнее всего, на известковом растворе. Крепость не имела эскарповых галерей.

Защитников крепости прикрывал стандартный по форме парапет, представляющий собой чередование амбразур с прямоугольными зубцами – мерлонами [Челеби, 1999, с. 97]. Исходя из иллюстрации крепости Керчь, приведенной в издании А.Б. Ашика (1821 г.), в мерлонах были прорезаны дополнительно бойницы (рис. 2.). Подобная конструкция позволяла эффективно защищать парапет от прямых атак. Также необходимо отметить, что куртина крепости Керчь была приспособлена для размещения артиллерийских орудий. При описании крепости Э. Челеби указывает на то, что артиллерия располагалась в башнях [Челеби, 1999, с. 98]. Согласно Э. Челеби, в крепости Керчь

насчитывалось 50 башен [Челеби, 1999, с. 98]. При этом в них располагались орудия крупного калибра – пушки шахане. Видимо, главной целью орудий была защита, в первую очередь, порта, приморской части, а также эспланады крепости [Челеби, 1999, с. 97-98].

Количество башен, указанное Э. Челеби, является преувеличением. Томилов при описании цитадели отмечает две круглые башни и три четырехугольные. Описывая главные крепостные сооружения, он не указывает на наличие башен, а лишь ограничивается описанием полигона – «Крепость собою не регулярна, как бы шести полигонами обведена ...» [Томилов, 1868, с. 192]. Вполне возможно, что Э. Челеби частично были приняты за башни эркеры – дозорные башенки небольшого размера, имевшие более широкий сектор обзора за счет вынесения за линию фронта укрепления. В стенах башенок были прорезаны бойницы, позволявшие использовать их в случае осады. Общее количество башен в крепости Керчь составляло порядка девяти [Бочаров, 2005, с. 146-148]. Так, в цитадели было пять башен (четыре, возможно, пять куртин): две круглые, которые особо выделялись в профиле крепости. Они были полностью закрытыми, что дополнительно усиливало защиту данного узла обороны. Еще три башни были прямоугольные, две из которых были обращены к морю с открытой горжей, и одна четырехстенная, полостью закрытая. Башня фланкировала крепостные ворота, которые вели в цитадель. Она располагалась таким образом, чтобы можно было поражать противника справа, с наименее защищенной щитом стороны.

Главные крепостные сооружения имели в профиле четыре башни (шесть, возможно, семь куртин) [Бочаров, 2005, с. 148]. Первая башня, надвратная, имела прямоугольный в плане профиль. Вторая башня – квадратный. Третья – трапециевидный. Четвертая башня была круглая в плане. Все башни были закрытыми. Они, так же как и куртины, имели парапет, представляющий собой чередование амбразур с мерлонами.

Крепость по периметру окружала берма, позволявшая уменьшать мертвое пространство у подошвы башен и куртин. Ширина бермы перед крепостными сооружениями составляла около 4,8 м. Подобный прием был характерен для большинства древних и средневековых фортификационных сооружений.

В крепости, по-видимому, отсутствовали казематированные фортификационные сооружения, что было характерно для более поздних крепостей. Исключения могут составлять охранительные казематированные постройки: арсеналы, магазины, расходные пороховые погреба и запасные пороховые погреба. О наличии госпиталя на территории крепости Керчь источники умалчивают.

Сообщение между частями крепостных верков с полем осуществлялось при помощи ворот, мостов. Крытых ходов, потерн соединявших крепость с полем через ров, источники не фиксируют. Отсутствие сложных путей сообщения с полем, подъемов, аппарелей для подъема на контрэскарп, сообщений по рву можно объяснить отсутствием гласиса, прикрытого пути.

При описании крепости Эвлия Челеби отмечает четверо ворот [Челеби, 1999, с. 97]. Главные ворота (западные) соединяли крепость с эспланадой. Ворота были двойными, поворотными, что позволяло иметь разные заслоны, с целью предупреждения захвата их сразу в случае внезапного нападения противника или же измены [Шуази, 1937, с. 526]. Интересно убранство ворот. Между створками, с внутренней стороны, было мраморное изображение льва [Челеби, 1999, с. 97]. Трудно сказать, было ли это барельефом, или же это бала мраморная скульптура. Над воротами имелась посвятельная надпись, хронограмма – тарих:

«Построил это здание наш имам,
Полюс веры, султан Сулейман Саба.
Сказал на его завершение тарих:
– Да входим мы в них с миром!
Год ...» [Челеби, 1999, с. 97].

Восточные ворота располагались у гавани. Они были незначительного размера. Фактически это была вылазная калитка. Видимо, они были окованы железом, о чем говорит Эвлия Челеби: «маленькие железные ворота...» [Челеби, 1999, с. 97]. Над воротами имелась надпись – тарих и изображение. Надпись была посвящена султану Баязеду:

«Эту крепость Керчь построил
Султан Баязид-хан, сын Мухаммед-хана,
Да продлит Бог его царствование».

Слева от тариха был мраморный барельеф с изображением, видимо, грифона [Челеби, 1999, с. 97].

В цитадель вели ворота, окованные железом, ориентированные на запад. Над воротами был тарих: «Построена крепость Керчь во время султана Мухаммед-хана, сына Мурад-хана, да продлит Всевышний Бог его халифат. Год 889» [Челеби, 1999, с. 98]. Дата, указанная на надписи, соответствует 1484 г. Для перехода через крепостной ров перед главными воротами, ведущими в крепость и цитадель, были возведены перекидные мосты. По всей видимости, покрытие моста было деревянным на каменном основании. Это позволяло, в случае заполнения рва водой, избежать разрушения опор. В случае же осады – произвести вылазки из крепости с целью контратаки войск противника.

Для крепости, как долговременного фортификационного сооружения, немаловажную роль играет создание удобных проходов, коммуникационных помещений. В зависимости от того, насколько были ли учтены особенности людских потоков (движение в одном направлении), настолько согласованными становились действия артиллерийской прислуги, пехоты, конницы, а также вынужденная эвакуация людей. В результате экспериментальных и теоретических исследований движения людских потоков выделяют особые виды движений [Архитектура..., 1976, с. 120]. Учитывая различные составляющие, влияющие на потоки людей в фортификационных сооружениях, хотелось бы

обратить внимание на следующие виды движений, которые могли возникнуть в крепости. Во-первых, это массовое, поточное, несогласованное, кратковременное движение, протекающее в нормальных и аварийных условиях. Во-вторых, массовое, поточное, несогласованное, длительное движение, протекающее в нормальных условиях. В-третьих, массовое, согласованное, кратковременное, аварийное движение. В-четвертых, одиночное согласованное, кратковременное, аварийное движение. В крепости Керчь присутствуют как горизонтальные, так и наклонные виды путей движения. Это особенно имеет значение при выделении отдельных участков общего пути, преодолеваемого людским потоком. В крепости Керчь условно можно выделить следующие наиболее значимые схемы путей движения:

А – Главные ворота – ворота цитадели;

Б – Главные ворота – ворота морские – приморский участок крепостной ограды;

В – Главные ворота – северный участок крепостной ограды – северо-восточные ворота;

Г – Западный участок крепостной ограды – южный участок крепостной ограды – ворота морские – приморский участок крепостной ограды;

Д – Ворота цитадели – западный участок цитадели – приморский участок цитадели;

Данную схему можно считать условной. Она позволяет рассмотреть движения потоков людей более тщательно, разделив общее расстояние на отдельные смежные участки с учетом вида движения, пропускной способности участков, времени, затраченного на преодоление расстояния от начального пункта размещения солдат до позиции на ограде крепости. К тому же необходимо помнить о том, что подходы к самой крепости, включая и проходы в крепость через ворота, также являются маршрутами передвижения людских потоков в случае прямой угрозы.

Говоря о внутренних вспомогательных сооружениях, следует отметить, что в цитадели размещались продовольственный склад и оружейный склад (арсенал). Так, в круглых башнях размещались пороховой погреб и артиллерийский склад, правда, их размеры были незначительными [Томилов, 1868, с. 192]. В цитадели имелся собственный пункт забора воды – колодец. На территории крепости располагалась мечеть. За пределами цитадели, но в границах главных крепостных сооружений, располагались: цейхгауз, магазины, баня, девять колодцев, церковь Иоанна Предтечи, три мечети, одна из которых мечеть Баязида Вели [Томилов, 1868, с. 192-193]. Вероятно, крепость Керчь имела свой водопровод, протянувшийся от подножья горы Митридат, а также резервуар для воды (цистерну).

Подводя промежуточный итог, можно среди особенностей крепости Керчь выделить наличие в профиле крепостной ограды приемов, характерных для средневековых оборонительных сооружений. Расположение

крепостных построек не отвечало требованиям времени и новым приемам обороны. Фронт крепости был построен по внутренней линии полигона, что не позволяло вести эффективную оборону [Теляковский, 1855, с. 28-29; Яковлев, 2005, с. 64]. Крепостные башни не позволяли расположить на них орудия большого калибра. Крепостной ров был достаточно узок. Приморские укрепления не могли противостоять десанту. Требовалось дополнительное возведение приморских батарей, что позволило бы разместить орудия калибра 12, 24 фунта, а также 2-х пудовые мортиры. Необходимо было усиление юго-восточного участка дополнительными передовыми укреплениями, что позволило бы укрепить оборону верхов в случае осады, а также упредить действия противника в случае овладения г. Митридат. Размещение передовых укреплений к северу, северо-западу позволило бы обеспечить надежную защиту крепостных ворот. Крепость не готова была к минной атаке. Эффективная оборона крепости Керчь была возможна только при взаимодействии с сухопутной армией. Крепостные постройки не имели возможности эффективно контролировать Керченский пролив.

После подписания 10 июля 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мирного договора крепость Керчь передавалась Османской империей в «полное, вечное и непрекословное владение Российской империи». В 20-е гг. XIX в., в соответствии с утвержденным планом реконструкции города, фортификационные сооружения крепости Керчь были уничтожены [Михайлов, 1976, с. 52].

ЛИТЕРАТУРА

- Артемченко Е.Д.* Старая крепость Керчь // VII Таврические научные чтения. Сб. научн. ст. Часть 1. Симферополь. 2007.
- Артемченко О.Д.* Італійська колонія Воспоро (XIII – XV ст.) // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини: Зб. наук. пр. з мистецтвознавства, архітектурознавства і культурології К., 2006. Вип. 3. Ч. 1.
- Архитектура гражданских и промышленных зданий. Т. 2. Основы проектирования / Под общ. ред. В. М. Предченского. М., 1976.
- Бочаров С.Г.* Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV-XV веков // 175 лет Керченскому Музею Древностей. Материалы международной конференции (27-29 июля 2001 г.). Керчь, 2001.
- Бочаров С.Г.* Топография города Керчи XVI-XVIII веков // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2005. Вып. 4.
- Быковская Н. В.* Крепость Керчь и Еникале в сфере крымской политики России в конце XVIII в. // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2006. Вып. 1.
- Быковская Н.В.* Формирование греческой общины Керчь-Еникальского градоначальства (конец XVIII – XIX вв.) // Этнография Крыма XIX – XX вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования. Симферополь, 2002.
- Дружешкина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955. Лоция Азовского моря. 1985.
- Михайлова М.Б.* Основные этапы формирования Керчи в XVIII – XIX вв. // АН. 1976. № 25.
- Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971.
- Подгородецкий П.Д.* Крым: Природа. Симферополь, 1988.

- Санин Г. А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987.
Теляковский А. З. Долговременная фортификация. Ч. II. СПб., 1855.
Тимофеевко В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII в. К., 1984.
Томилов. Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской порты во владение Российской империи землями 1774 года. // ЗООИД. 1868. Т. 7.
Челеби Э. Книга путешествий. / Эвлия Челеби. Пер. и ком. Е. В. Бахревского. Симферополь, 1999.
Шуази О. История архитектуры. 1937. Т. 2.
Яковлев В. В. История крепостей. М., 2000.

Ю.Л. Білик

ДЕЯКІ ФОРТИФІКАЦІЙНІ ОСОБЛИВОСТІ ФОРТЕЦІ КЕРЧ У XVII - XVIII СТ.

Резюме

У статті розглядаються деякі особливості фортифікаційних споруд фортеці Керч XVII – XVIII ст., яка була знищена на початку XIX ст. На підставі ряду джерел вперше зроблена спроба дати більш повну характеристику оборонного комплексу фортеці, яка була розташована у центральній частині міста Керчі.

Ю.Л. Белик

НЕКОТОРЫЕ ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРЕПОСТИ КЕРЧЬ В XVII – XVIII ВВ.

Резюме

В статье рассматриваются некоторые особенности фортификационных сооружений крепости Керчь XVII – XVIII вв., уничтоженной в начале XIX в. На основе ряда источников впервые предпринята попытка дать наиболее полную характеристику оборонительного комплекса крепости, располагавшейся в центральной части города Керчи.

Y.L. Belik

SOME FEATURES OF FORTIFICATIONS OF THE FORTRESS KERCH (17th-18th cc.)

Summary

The article discusses some features of fortifications in the fortress of Kerch in the 17th -18th century, destroyed in the early 19th century. For the first time, on the basis of a number of sources, an attempt to give the most complete characterization of the defensive complex of the fortress, situated in the central part of the city of Kerch, has been made.

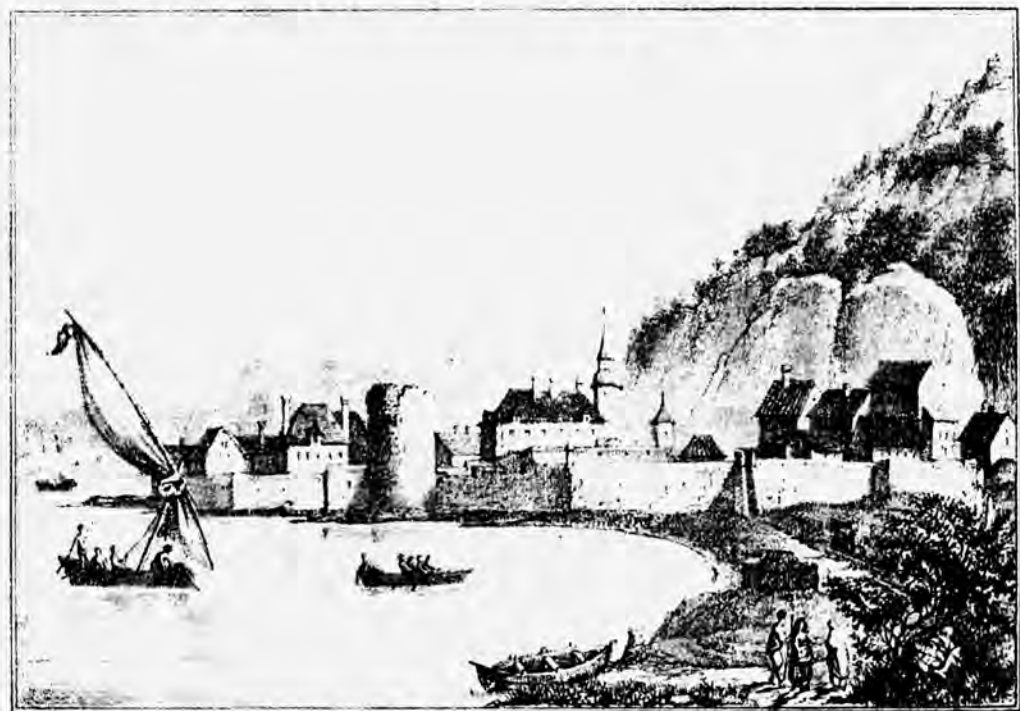

Рис. 2. Крепость Керчь. Видь начала XIX в.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП	– Античные государства Северного Причерноморья
АДСВ	– Античная древность и средние века
АДУ	– Археологічні дослідження в Україні
АМА	– Античный мир и археология. Саратов
АН	– Архитектурное наследство
АО	– Археологические открытия
АП	– Археологічні пам'ятки. Київ
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БИ	– Боспорские исследования
БИАС	– Бахчисарайский историко-археологический сборник
ВА	– Вопросы антропологии. Москва
ВВ	– Византийский временник
ВДИ	– Вестник древней истории
ГИМ	– Государственный исторический музей. Москва
ДБ	– Древности Боспора
ЗООИД	– Записки Одесского Общества истории и древностей
ИА НАНУ	– Институт археологии Национальной Академии Наук Украины. Киев
ИАК	– Известия императорской археологической комиссии, СПб
ИГАИМК	– Известия Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской Академии Наук, Санкт-Петербург
ИООН	– Известия АН СССР. Отделение общественных наук
ИТУАК	– Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАР	– Материалы по археологии России
МАСП	– Материалы по археологии Северного Причерноморья, Одесса
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИА НАНУ	– Научный архив Института археологии НАН Украины
НА ИИМК РАН	– Научный архив Института истории материальной культуры Российской Академии Наук, Санкт-Петербург

- НА НЗХТ – Научный архив национального заповедника «Херсонес Таврический»
- НС – Нумизматика и сфрагистика
- НЭ – Нумизматика и эпиграфика
- ОАК – Отчеты Императорской Археологической Комиссии, СПб.
- ПГКСВП – Проблемы греческой колонизации Северо-Восточного Причерноморья
- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
- РА – Российская археология
- РЖ – Реферативный журнал
- СА – Советская археология
- САИ – Свод археологических источников
- СГМИИ – Сообщения государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
- СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
- СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии. Москва
- Ссб. – Сугдейский сборник
- СХМ – Сообщения Херсонесского музея
- ТГЭ – Труды государственного Эрмитажа, Ленинград
- ТИЭ – Труды Института Этнографии АН СССР. Москва
- УИЖ – Украинський історичний журнал
- УРЕ – Українська радянська енциклопедія
- ХКААМ – Художественная культура и археология античного мира
- Хсб. – Херсонесский сборник
- АА – Archäologischer Anzeiger
- ABoll ... – Analecta Bollandiana
- ACSS – Ancient Civilizations from Scythia to Siberia
- AM – Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
- AnzWien ... – Anzeiger der phil.-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften
- BAR... – British Archaeological Reports
- BCH – Bulletin de Correspondance hellénique
- IOSPE, P – Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropoli, 1916
- ЈбАС ... – Jahrbuch für Antike und Christentum
- ЈDaI – Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts
- MiChA ... – Mitteilungen zur Christlichen Archäologie
- PG – Patrologiae cursus completus. Series graeca, assurent J.-P. Migne Patrologiae graeca
- PO... – Patrologia Orientalis
- RGZM... – Römisch-Germanisches Zentral-Museum/Mainz
- RQS... – Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte
- SIG³ – Sylloge inscriptionum graecarum / Ed. Dittenberger W.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сорочан С.Б.</i> Мой друг Виталий Михайлович Зубарь	3
<i>Залізник Л.Л.</i> Професор Києво-Могилянської Академії Віталій Михайлович Зубарь	33
Список опубликованных работ Виталия Михайловича Зубаря	39

СТАТЬИ

<i>Зубарь В.М.</i> Еще раз о времени основания Херсонеса Таврического	63
<i>Буйских А.В.</i> О раннем аттическом импорте в Ольвии	90
<i>Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е.</i> Скифский курган с ранней уздой из северо-западного Приазовья	104
<i>Кравченко Е.А.</i> До історії вивчення тубільного населення Криму доби раннього заліза	133
<i>Зицько В.Н.</i> Дискуссионные вопросы в изучении хоры городов европейского побережья Боспора Киммерийского IV в. до н.э.	155
<i>Фиалко Е.Е.</i> Погребения амазонок Чертомлыкского курганного поля	166
<i>Русяева А.С.</i> О Присяге граждан Херсонеса Таврического и загадочном слове ΣΑΣΤΗΡ	191
<i>Шевченко Т.М.</i> Домашні святилища у північно-східному районі Херсонеса	214
<i>Вахтина М.Ю.</i> Терракотовые статуэтки из раскопок Порфмия	233
<i>Сапрыкин С.Ю.</i> Гето-дакийские царства эллинистической эпохи	251
<i>Журавлев Д.В., Трейстер М.Ю.</i> Бронзовый кувшин из Шверинского кургана	276
<i>Мордвищева В.И.</i> Прикубанские броши (по материалам Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника)	302

<i>Новиченкова-Лукичева К.В.</i>	
Три стеклянных полихромных ритона эллинистического времени из святилища Южной Таврики	321
<i>Зайцев Ю.П.</i>	
Родосские амфорные клейма из Неаполя скифского	326
<i>Рабинович А., Седикова Л.В.</i>	
Новый саркофаг с изображением подвигов Геракла из Херсонеса	335
<i>Назарова Т.А.</i>	
Палеоантропологическое исследование погребений из склепа № 86 некрополя Херсонеса	363
<i>Ковалевская Л.А., Сарновски Т.</i>	
Сельские усадьбы Херсонеса Таврического в римское время. Итоги исследований украинско-польской экспедиции	379
<i>Былкова В.П.</i>	
К проблеме возникновения позднескифской культуры на нижнем Днепре	411
<i>Зицько Е.А.</i>	
Процесс христианизации Боспорского царства	424
<i>Pillinger Renate.</i>	
Frühes Christentum „An der (Ost)Grenze» Europas	434
<i>Новиченкова Н.Г., Новиченкова М.В.</i>	
Арретинский кубок с изображением сцены жертвоприношения	446
<i>Храпунов И.Н.</i>	
Изделия сплетенные из железных колец	459
<i>Сорочан С.Б.</i>	
Меморий Воскресения и мартирий св. муч. Василея в Византийском Херсоне	463
<i>Майко В.В., Джанов А.В., Фарбей А.М.</i>	
Энколпионы Сугдеи	495
<i>Белик Ю.Л.</i>	
Некоторые фортификационные особенности крепости Керчь в XVII – XVIII вв.	509
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	521

CONTENTS

<i>Sorochan S.B.</i> My Friend Vitaly Michaelovich Zubar	3
<i>Zaliznyak L.L.</i> Professor of the Kyiv Mogilyansk Academy - Vitaly Michaelovich Zubar	33
The List of Published Works of Vitaly Michaelovich Zubar	39

ARTICLES

<i>Zubar V.M.</i> Once More about the Date of Foundation of Tauric Chersonesos	63
<i>Buiskikh A.V.</i> On early Attic Imports in Olbia	90
<i>Boltryk Yu.V., Fialko E.E.</i> Scythian Burial Mound with an early Bridle from North-Western Azov Sea Area	104
<i>Evelina A. Kravchenko</i> As to the History of Studying of Crimean Aborigine Population of Early Iron Age	133
<i>Zinko V.N.</i> Discussion Questions in the Study of Chorae of the Cities of European Coastline Cimmerian Bosphorus of the 4 th c. BC	155
<i>Fialko E.E.</i> Amazons' Tombs from Chertomlyk Barrow Field	166
<i>Rusyaeva A.S.</i> About the Oath of Tauric Chersonesos Citizens and a Mysterious Word ΣΑΣΤΗΡ	191
<i>Shevchenko T.M.</i> Home Sanctuaries in the North-Eastern Part of Chersonesos	214
<i>Vakhtina M.Ju.</i> Terracottae from Porthmion	233
<i>Saprykin S.Y.</i> The Getic-Dacian Kingdoms in Hellenistic Epoch	251
<i>Zhuravlev D.V. and Treister M.Yu.</i> Bronze Jug from the Shverin Barrow	276
<i>Mordvintseva V.</i> Kuban Brooches (based on the analysis of specimens from the Krasnodar Museum of Local Lore)	302

<i>Novichenkova-Lukicheva K.V.</i>	
Three Glass Polychrome Rhytons of Hellenistic time from the Sanctuary of the Southern Taurika	321
<i>Zaytsev Yu.</i>	
Rhodian Amphorae Stamps from Scythian Neapolis	326
<i>Rabinowitz A., Sedikova L.V.</i>	
A New Marble Sarcophagus with the Labors of Heracles from Chersonesos	335
<i>Nazarova T.A.</i>	
Paleoanthropological Research of Burials from the Crypt № 86 Necropolises of Chersonese	363
<i>Kovalevskaya L., Sarnowski T.</i>	
Farmhouses of the Roman Period in Tauric Chersonesos. Results of Latest Ukrainian-Polish Excavations	379
<i>Bylkova V.P.</i>	
Beginnings of Late Scythian Culture in the Lower Dnieper Region	411
<i>Zinko E.A.</i>	
The Process of Christianization of the Bosphorus	424
<i>Renate Pillinger</i>	
Early Christianity «At the (Eastern) Boarder» of Europe	434
<i>Novichenkova N.G., Novichenkova M.V.</i>	
The Arretine Beaker with the Image of the Scene of Sacrifice	446
<i>Khrapunov I.N.</i>	
Products Woven of Iron Rings	459
<i>Sorochan S.B.</i>	
The Memorium of Revive and the Martirium of Sancti Martyr Basyleos in Byzantian Cherson	463
<i>Maiko V.V., Dzhanov A.V., Farbey A.M.</i>	
Reliquary Crosses of Sugdeya	495
<i>Belik Y.L.</i>	
Some Features of Fortifications of the Fortress Kerch (17 th -18 th cc.)	509
ABBREVIATIONS	521

Научное издание

Боспорские исследования

Вып. XXIII

Сборник

Ответственные редакторы:
доктор исторических наук В.Н. Зинько
кандидат исторических наук Н.А. Сон

Техническая редакция и набор *Ю.Л. Белик*
Перевод на английский *Н.М. Красиной*
Перевод на украинский *И.Н. Барановской*
Верстка *Л.К. Мусихиной*
Корректор *А.Г. Прибеженко*

Наукове видання

Боспорські дослідження

Вип. XXIII

Збірник
(російською мовою)

Відповідальні редактори:
доктор історичних наук В.М. Зінько
кандидат історичних наук Н.О. Сон

Здано на виробництво 02.02.2010 р.
Підписано до друку 19.03.2010 р.
Формат 70x100 ¹/₁₆. Умов. друк. арк. 42,9.
Папір офсетний, фотографії – крейдований. Друк офсетний.
Гарнітура Times New Roman.
Тираж 400. Замов. 356.
Ціна договірна.

ТОВ «Керченська міська друкарня»
свідоцтво держ. реєстрації, серія КМ, № 002, 05.05.2000 р.
98300, м. Керч, вул. Кірова, 13